

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

КРЕСТЬЯНСТВО
И
КЛАССОВАЯ
БОРЬБА
В ФЕОДАЛЬНОЙ
РОССИИ

И. Смирнов

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ТРУДЫ, ВЫПУСК 9

КРЕСТЬЯНСТВО и КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ФЕОДАЛЬНОЙ РОССИИ

СБОРНИК СТАТЕЙ
памяти
Ивана Ивановича
СМИРНОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД
1967

Редколлегия:

Н. Е. Носов (отв. редактор), *А. И. Копанев*, *В. В. Маеродин*,
А. Г. Маньков, *Д. Н. Петрикеев*

Организационная работа и техническая подготовка
рукописи к печати выполнена *Л. П. Семеновой*

57269
Центральная научная
библиотека
Академии наук Киргизской ССР

1-6-4

1967 (II пол.)

ОТ РЕДАКЦИИ

Ученики, друзья, товарищи по работе посвящают этот сборник статей памяти выдающегося советского историка Ивана Ивановича Смирнова.

Тема сборника — та основная проблематика отечественной истории, которой многие годы и столь плодотворно занимался И. И. и которой он посвятил свои наиболее крупные монографические исследования.

И. И. принадлежал к той старшей группе советских историков, представители которой вошли в историческую науку еще в 30-х годах — и вошли как неутомимые и страстные борцы за соединение исторической науки с марксизмом, за творческое развитие марксизма. И. И. был участником многих теоретических дискуссий, автором ряда оригинальных статей, посвященных узловым теоретическим вопросам истории феодализма. Много было тогда важных начинаний, но были и неудачи, заблуждения и ошибки. Не минули они и И. И. И все же его участие в теоретических дискуссиях, его выступления с теоретическими статьями по узловым вопросам феодализма — важная веха в его творческой биографии.

Но широкое научное признание как историк И. И. получил своими капитальными исследованиями по истории крестьянства и борьбы классов в России XII—XVII вв., главными из которых являются его три известные монографии — «Восстание Болотникова (1606—1607 гг.)», «Очерки политической истории Русского государства 30—50-х гг. XVI в.» и «Очерки социально-экономических отношений Руси XII—XIII веков». В этих исследованиях, написанных на огромном фактическом материале, во всей своей силе раскрылся талант И. И. как ученого, сочетающего в своих работах

широту теоретических замыслов и обобщений с исключительным мастерством источниковедческого анализа и «техники» научного исследования. Можно с уверенностью сказать, что, развивая научные традиции своего учителя — академика Б. Д. Грекова, И. И. значительно продвинул вперед изучение истории крестьянства и холопства в России, а его исследование по истории Крестьянской войны начала XVII в. является первой марксистской работой по этой теме. Именно на этих трудах И. И., — трудах, прочно вошедших в советскую и зарубежную историографию, — училось и будет учиться не одно поколение советских историков.

Статьи настоящего сборника распадаются как бы на три группы. Первую группу статей составляют исследования, посвященные вопросам социально-экономической истории крестьянства, сельской общины и холопства XIV—XVII вв.; вторую — статьи по истории классовых отношений и классовой борьбы преимущественно XVI в. (периоду особых научных интересов И. И.); третью (основную) — работы, связанные непосредственно с историей крупнейших крестьянских войн в России: восстаний Ивана Болотникова, Степана Разина и Емельяна Пугачева. Этим трем великим классовым битвам русского крестьянства XVII—XVIII вв. посвящен последний труд И. И.: вышедшая под его редакцией и с участием его как одного из авторов коллективная монография «Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв.» — работа, как бы завершившая замечательный, но столь нелегкий путь этого неутомимого труженика, человека, который, несмотря на свой тяжелый недуг, отдавал все свои силы и весь свой талант делу развития советской исторической науки.

Открывается сборник очерком С. Н. Валка, посвященным творческому пути И. И. В конце сборника прилагается список трудов И. И.

Редакция приносит глубокую благодарность всем учреждениям и лицам, оказавшим помощь в подготовке и издании настоящего сборника.

С. Н. ВАЛК

ИВАН ИВАНОВИЧ СМІРНОВ

Иван Иванович Смирнов родился 5 (18) марта 1909 г. в учительской семье. Сохранившаяся школьная характеристика Иваново-Вознесенской школы II ступени (И. И. окончил ее в 1925 г.) весьма выразительна для понимания будущего жизненного пути Ивана Ивановича, несмотря на неизбежную ее краткость. И. И., по словам этой школьной характеристики, «от природы общительный и интересующийся средой, в которой он живет и работает», «с первых же дней сливается с пролетарским составом школы» и «до окончания школы обнаруживает полную солидарность с нами [т. е. с учителями] сначала в вопросах школьного строительства, а затем и в вопросах общественно-политических». Надо вспомнить организацию средней школы начала 20-х годов и нелегкие шаги на новых путях ее советизации, вспомнить и то, какая роль в этом деле — и школьными правилами, и самой жизнью — была отведена юным ученикам. Тогда возможно будет понять, почему подчеркнута в этой характеристике как особо ценная «личная инициатива, активность и организаторская способность», которую И. И. проявлял «повсюду, где бы он ни работал». А работал И. И. и в школьном совете, и в учкомах, и в старостате школы. В своем заключении эта характеристика отмечает, что «в общешкольной работе исключительный интерес Смирнов обнаружил к общественно-политическим и экономическим вопросам далекого прошлого и нашей современности, что вполне соответствует и его стремлениям и его общему настроению». Школьный совет признал И. И. «вполне подготовленным для работы в высших учебных заведениях республики», признал, что И. И. является «лучшим кандидатом» из 12 «намеченных для поступления в вуз» и, согласно желанию И. И., командировал его на сельскохозяйственный факультет Иваново-Вознесенского политехнического института. Пробыв два года на агрономическом отделении Политехнического института, И. И. по болезни, как он сам пишет, переехал в Вятский педагогический институт.

И. И. пробыл в Вятском педагогическом институте, как тогда полагалось, три года. В одной ранней автобиографии своим руководителем он называет С. Н. Быковского, впоследствии ставшего одним из видных деятелей Гос. академии истории материальной культуры. Научная подготовка И. И. в институте пошла по двум руслам. Одним из них была русская история. И. И. читал, по-видимому, в семинарии С. Н. Быковского доклады о вятской деревне XVI в., об исторических взглядах М. Н. Покровского; сохранились также тезисы докладов И. И. о классовой борьбе в Новгороде XII—XV вв. и о причинах падения Новгорода. Помимо этого, И. И. предпринял составление истории Вятской организации РСДРП (в 1905—1908 гг.) и наметил архивные разыскания для нее в местных хранилищах. Но было и другое русло институтских занятий И. И. Сохранился ряд тезисов И. И. для докладов или сообщений — в семинарии ли, или же в институтских студенческих кружках историков, или в группе содействия Обществу воинствующих материалистов (помимо участия в этих кружках, И. И. был руководителем антирелигиозного семинара). Вот темы уцелевших тезисов докладов этого ряда: базис и надстройка; производительные силы; идеалистическое и материалистическое объяснение истории; критика теории Риккертта; попытки объяснения хода исторического процесса до Маркса. Несомненно именно этот второй ряд вопросов — вопросов методологических, в основе решения которых лежало тщательнейшее изучение трудов Маркса, Энгельса и Ленина, — был для И. И. основным предметом его институтских интересов и изучений. Такое направление интересов И. И. несомненно было обусловлено тогдашним историографическим моментом, за развитием которого И. И. следил с напряженным вниманием.

Самый конец 20-х годов, бывший именно годами пребывания И. И. в институте, был ознаменован в советской историографии ожесточенными методологическими спорами. Вслед за дискуссией об азиатском способе производства в 1929 г. вышла в свет книга С. М. Дубровского «К вопросу о сущности азиатского способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала». Она вызвала широкую теоретическую дискуссию, которая охватила едва ли не все научные и учебные центры Москвы, Ленинграда и других городов. Захватила она и Вятку. Здесь доклад о ней сделал был И. И., который ставил своей задачей, по его словам, «наметить пути исследования проблемы раскрепощения и закрепощения в XVI в., исходя из методологических указаний Маркса, Энгельса и Ленина и некоторых итогов дискуссии о книге С. М. Дубровского». Рукопись этого доклада не сохранилась, но сохранилась написанная в июле 1930 г. другая рукопись под заглавием «Общественно-экономическая формация». Вместо с тем И. И. пришлось написать работу, которая послужила бы ему «вступительной» для поступления в аспирантуру, куда его

повела и научная и общественная работа в Вятском институте и даже вне его.

И. И. был не только членом бюро коллектива ВЛКСМ института и административной комиссии, но входил и в состав методологической комиссии Вятского губкома ВЛКСМ. Уже в начале второго года своего пребывания в институте И. И. становится, по тогдашней терминологии, «выдвиженцем по русской истории» с особым индивидуальным планом занятий, в котором значатся произведения Маркса, Энгельса и Ленина, чтение текущих исторических журналов, а также всего четыре автора историка (Ключевский, Дьяконов, Рожков и Покровский). Ячейка ВЛКСМ в своей заключительной характеристике писала, что И. И. «показал себя идеологически выдержанным, ведя борьбу со всеми извращениями», и «вполне подготовленным для поступления в аспирантуру». А Вятский окружной комитет 19 июня 1930 г., в свою очередь, «рекомендовал и командировал» И. И. в аспирантуру.

«Вступительная» работа И. И., представленная им при поступлении в аспирантуру, — итог его институтских занятий — была посвящена не столько истории, сколько методологии, о чем говорит и ее название: «К вопросу о сущности азиатского способа производства, феодализма и крепостничества (по поводу работы Дубровского)». Ко времени написания этой работы в печати появились только сообщенные в «Историке марксизма» данные о дискуссии, которая происходила в обществе историков-марксистов, и только ими мог из обильного материала дискуссии воспользоваться И. И. Вопросы, поставленные книгой С. М. Дубровского, были поняты И. И. весьма широко. По его мнению, дискуссию о книге С. М. Дубровского «можно назвать спором о предмете и методе исторической науки». Поэтому И. И. считал прежде всего «настоятельно необходимым уяснить себе взгляды Маркса — Ленина по тем вопросам, которые встали в центр внимания историков-марксистов по вопросам о сущности категорий способа производства, общественно-экономической формации, производительных сил, производственных отношений». Вслед за обстоятельными разъяснениями этих категорий, обнаруживающими тщательно продуманное знание трудов Маркса и Ленина, И. И. обратился к «методологическим взглядам» С. М. Дубровского. Выводы И. И. в этой главе сводились к тому, что С. М. Дубровский является, как он в то время полагал, «типичным представителем механистов», что методология его находится «в прямом противоречии со взглядами Маркса и Энгельса» и «представляет собою образец эклектизма». Вторая и третья главы работы, по мысли И. И., должны были показать, как «С. М. Дубровский изучает конкретную историческую действительность на основе своей методологии». Вторая глава, подобно первой, содержит прежде всего столь же обстоятельное изложение взглядов Маркса на

вопрос об азиатском способе производства и аналогичные выводы, что и здесь С. М. Дубровский являлся, по тогдашнему мнению И. И., «тем же типичным механистом, каким мы его видели при разборе его методологии». Наиболее интересной, по началу своему, оказалась бы третья глава, которая и подвела бы окончательный итог как критике построений С. М. Дубровского, так и изложению взглядов самого И. И. К сожалению, как это уже было указано, она не сохранилась полностью — и не хватает в ней именно конечной части, которая и содержала бы общие выводы критики всех построений С. М. Дубровского.

В своем отзыве на эту работу И. И. руководивший его занятиями в Вятке С. Н. Быковский отмечал основательное знакомство с марксистской литературой и литературой барьбы с механистами, а также умение установить политическую подоплеку трактуемых вопросов. В то же время С. Н. Быковский отмечал, что, критикуя построения С. М. Дубровского, И. И. ограничился сопоставлением текстов С. М. Дубровского с текстами Маркса, Энгельса и Ленина, не привлекая фактического материала, и объяснял это тем, что автор «еще молод». Но вряд ли это следует объяснять только молодостью И. И. Для конца 20-х—начала 30-х годов, когда еще только вырабатывалась в советской науке марксистская концепция исторического процесса, вообще было характерно — и отнюдь не только для молодых, начинающих историков-марксистов — увлечение методологией и недооценка значения конкретно-исторического изучения общественных явлений, а главное — стремление оценивать взгляды своих оппонентов сугубо с политических позиций, понимаемых зачастую явно упрощенно. Это было типично для того времени, и как раз с этих позиций следует оценивать участие И. И. в дискуссии по поводу книги С. М. Дубровского.

1 октября 1930 г. И. И. стал аспирантом ГАИМК.

К этому времени вышел отчет и о другой дискуссии, вызванной книгой С. М. Дубровского, именно о дискуссии в Институте красной профессуры. В своем вступительном слове к этой дискуссии И. И. Минц отмечал, что «в современный этап оживления классовой борьбы оживление буржуазных и мелкобуржуазных теорий сказало особенно остро в исторической среде: люди не только сохранили свои старые взгляды, но вполне легально и открыто их проповедовали».¹ Подводя итоги своему выступлению с критикой взглядов С. М. Дубровского, И. И. Минц отмечал, что «в области теории мы должны не только ликвидировать буржуазные теории, но и устранить самую возможность буржуазных отрывков», а почвой для них служат «эклектизм, богдановско-рождковская интерпретация Маркса и Ленина, механистический, не

диалектический подход к конкретной действительности».² В приведенных местах речи И. И. Минца, одного из руководящих уже в те годы деятелей советской исторической науки, весьма вычлукло отразились боевые настроения тогдашнего историографического мопемта.

Вообще это был весьма сложный период в развитии советской исторической науки. Именно в эти годы среди работников общественных наук создается атмосфера подозрительности, взаимных политических упреков и необоснованных обвинений.³ Не способствовала успешному развитию исторической науки и искусственно раздуваемая тогда тенденция к противопоставлению старых крупных ученых — ученых не марксистов, но уже стремящихся в своих работах к освоению марксизма, — начинающей научной молодежи, более начитанной в марксистской литературе, но еще не имеющей опыта исследовательской работы. Это было, пожалуй, одной из главных причин того нездорового нигилизма, который господствовал тогда среди значительной части историков-марксистов в отношении изучения достижений буржуазной историографии. Эта историография обычно отрицалась полностью и безоговорочно.

В работе ГАИМК все эти явления нашли своеобразный обостренный отклик.

Именно 1930 г. был временем весьма знаменательным для ГАИМК. По словам переживавшего вместе с И. И. тогдашние ГАИМКовские настроения В. В. Мавродина, ГАИМК представляла собою в начале 30-х годов «бурлящий котел идей и страстей»; «она отдала дань времени, когда основным содержанием деятельности гуманитарных институтов являлись диспуты, дискуссии, обсуждения, в процессе которых политические характеристики и политические обвинения самого серьезного характера предьявлялись друг другу всеми спорящими сторонами; попытки вести диспут даже с позиций, расценивавшихся как правильные, но в пределах научной терминологии, рассматривались как проявления „гнилого либерализма“, „меньшевизма“, „примиренчества“». При таком общем характере ГАИМКовской общественно-политической атмосферы В. В. Мавродин особо отмечает существовавшее для понимания работ еще только делающей свои первые шаги в науке тамашней молодежи поведение руководства ГАИМК и самого ее председателя, Н. Я. Марра. Именно, по словам В. В. Мавродина, эту малоопытную «ГАИМКовскую молодежь, и в первую очередь наиболее талантливую, А. Н. Бернштама, Е. Ю. Кричевского, И. И. Смирнова, руководство Академии ориентировало на необходимость сокрушительного удара по носителям реакционных идей в археологии». Говоря о Н. Я. Марре,

² Там же, стр. 37.

³ Очерки истории исторической науки в СССР, ч. IV. М.—Л., 1966, стр. 162 и сл.

¹ Против механистических тенденций в исторической науке. Дискуссия в Институте красной профессуры. М.—Л., 1930, стр. 7.

В. В. Мавродин пишет, что он «привносил в науку ту политическую остроту, которая побуждала его, разбирая концепцию того или иного автора, интересоваться не тем, что он пишет, а тем, почему он пишет». В отмеченных только что дискуссиях, по словам В. В. Мавродина, И. И. принимал «живейшее участие», и «его непримиримость, прямолинейность, активность сразу же закрепили за ним славу ортодокса и искусного полемиста».

После приведенных замечаний И. И. Минца и В. В. Мавродина, свидетелей тогдашней историографической современности, только и возможно понять весь круг интересов и занятий И. И. в годы его аспирантуры и затем его сотрудничества в ГАИМК.

Уже в Вятке, когда закладывались первые основы его научно-исторического мировоззрения, у И. И. оказался ясно выраженным его преимущественный интерес к методологическим вопросам и его полная осведомленность в текущей историографической полемике; И. И. также оказался в своей вступительной работе под влиянием не только содержания, но и характера этой полемики. Попав теперь в описанную выше ГАИМКовскую обстановку, И. И. с тем большей легкостью сразу же оказался под сильнейшим ее воздействием.

Сразу же после поступления в аспирантуру ГАИМК, уже в начале 1931 г., И. И. обратил на себя внимание своими решительными, оставшимися в памяти у всех присутствовавших выступлениями в обуревавших ГАИМК завязтых методологических спорах. Его первые выступления касались взглядов В. В. Струве и С. И. Ковалева. Во время дискуссии о «Древнем Востоке и азиатском способе производства» И. И. полемизировал с В. В. Струве, отмечая, что В. В. будто бы продемонстрировал «непонимание роли государства в развитии египетского общества». Относительно С. И. Ковалева, найдя сходство точек зрения его и Плеханова, И. И. замечал, что «само имя Плеханова говорит о том, где заключается подоплека» теорий, защищаемых С. И. Ковалевым. Это было, конечно, явно упрощенно прямолинейное понимание И. И. тогдашних точек зрения В. В. Струве и С. И. Ковалева на социально-экономическую природу древних рабовладельческих обществ.

В том же 1931 г. были написаны в таком же духе две (или даже три — третья появилась в печати в самом начале 1932 г.) статьи. Первой из этих статей была критикующая С. И. Ковалева статья «Против попытки ревизии марксистско-ленинского учения о социально-экономических формациях»; второй — написанная совместно с Е. Ю. Кричевским и направленная против В. И. Равдоникаса: «Больше марксистско-ленинской четкости в истории докалассового общества».

Исходя из того, что «общественно-экономическая формация есть центральная категория исторического материализма», И. И. увидел в работе С. И. Ковалева «поход против учения об общест-

венно-экономических формациях». И. И. не ограничился, однако, этой, по его выражению, «логической критикой» ошибок С. И. Ковалева, так как это, говоря его словами, «значило бы подменить марксизм позитивизмом, скатиться на позиции буржуазного объективизма». И потому И. И. делал обязательный по тому времени политический вывод из своих критических замечаний; вывод этот гласил, что «попытка С. И. Ковалева может быть расценена как попытка теоретического разоружения пролетариата в его борьбе за завершение построения фундамента социалистической экономики». Политический вывод был тут, конечно, не к месту. Но нельзя забывать, что эта и подобная манера научной полемики бытовала в то время. Во второй статье, написанной совместно с сотоварищем своим по аспирантуре Е. Ю. Кричевским, И. И. подверг критике взгляды В. И. Равдоникаса по вопросу о «социологической периодизации палеолита» в связи со взглядами Маркса и Энгельса на первобытное общество.

Характерной чертой этих обеих — как и некоторых последующих — статей И. И. является то, что он обнаруживает в них редкостное, особенно для аспиранта первого курса, знание и понимание трудов Маркса, Энгельса и Ленина. Однако в то же время как в выступлениях И. И. на дискуссионных собраниях, так и в упомянутых полемических статьях мы едва ли найдем аргументацию со ссылками на какие-либо собственно исторические документы.

Первый год аспирантуры важен был для И. И. и в другом отношении. Ему предстояло определить свое дальнейшее историческое образование. Руководителем И. И. в аспирантуре явился Б. Д. Греков, возглавивший образованную тогда в составе Института феодального общества ГАИМК группу по изучению сельского хозяйства России. И. И. видел главный интерес своих новых занятий в работе над «проблемой крепостничества, как этапа в развитии феодализма в России». В связи с этим на первом же заседании группы 4 января 1931 г. за И. И. была закреплена тема: «Проблема раскрепощения и закрепощения крестьян в России в XVI в.». И. И. наметил ее в виде разделов: методологические предпосылки; сущность крестьянских отношений в первой половине XVI в.; хозяйственный рост Московского государства в первой половине XVI в.; общее завершение темы намечалось к концу 1931 г.

Уже 23 февраля, так необычайно скоро, И. И. прочел первую часть своей будущей работы, обозначенную им как ее «методологические предпосылки». Несомненно, что это было возможно для И. И. только благодаря его усиленным занятиям в Вятке методологическими вопросами, нашедшими яркое отражение во вступительной его работе о книге Дубровского. Однако намеченная И. И. тема очень скоро подверглась архивному испытанию и испытания этого не выдержала.

Летом 1931 г. И. И. отправился на два месяца в московскую командировку для работы в Дрвлекхранилище (теперешний ЦГАДА). Намеченных для работы писцовых книг в архиве не оказалось. В то же время материалы Иосифо-Волоколамского монастыря, именно его приходо-расходные книги за 1547—1601 гг., а также ряд грамот привели И. И. к мысли о перемене темы. Впрочем, как можно думать из объяснительной записки И. И., эта новая тема была у него уже ранее на примете под влиянием изучения весьма им, как и всеми историками, тогда почитаемого как авторитет М. Н. Покровского. Говоря о барской запашке в середине XVI в., Покровский, по словам И. И., отметил, что «экономический расцвет первой половины XVI в. нашел свое отражение в появлении наемного труда в хозяйстве феодалов». Со своей склонностью к методологизации всех затрагиваемых им вопросов, И. И. нашел подтверждение такой роли вольнонаемного труда при феодализме и у Энгельса в его «Антидюринге». В итоге И. И., обосновывая предлагаемую им новую тему, видел ее значение в том, что «на судьбах наемного труда мы можем как в зеркале проследить всю ширину экономического развития XV в. и нач. XVII в. и, наоборот, изучение эволюции наемного труда дает ряд данных для разрешения общего вопроса о закономерности экономического развития в XVI в.». Подводя в конце года в своем отчете предварительные итоги своей новой работы, И. И. полагал, что для середины XVI в. характерно появление «значительной группы свободных наемных рабочих, получавших заработную плату» и имевших право ухода из монастыря; он видел в этом явлении предпосылку для попыток смены феодального хозяйства хозяйством капиталистическим. Однако в конце XVI в. И. И. отмечал уже процесс закрепощения этих рабочих и превращения их в крестьян.

В протоколе заседания группы работа И. И. за один первый год его аспирантуры удостоилась самой высокой похвалы. Б. Д. Греков отметил, что И. И. в своей работе поставил проблему вольнонаемного труда шире, чем она была намечена, и что в смысле методологическом и в смысле проверки ее на материале она выдерживает всестороннюю критику, а также что И. И. ведет работу «умело, энергично и достаточно всесторонне». Весьма примечательны были и отзывы других присутствовавших. В. В. Мавродин говорил о том, что ни в одном из молодых работников не сочетается так, как у И. И., методологическая «подкованность» с владением фактическим материалом, а М. М. Цвибак, возглавлявший в то время в ГАИМК Институт истории феодального общества, видел в лице И. И. «работника не-аспирантского масштаба».

Как не изменялись в последующие годы характер и направление работы ГАИМК, так, в зависимости от этого, в основном оставалось таким же неизменным и содержание работы И. И. До-

статочно отметить то явление, что из двенадцати работ этого периода восемь были или целиком методологическими, или методологический элемент был в них господствующим.

И в первых работах И. И. и в последующих важнейшим понятием, лежавшим в их основе, было учение об общественно-экономических формациях. В течение первого года своей аспирантуры И. И. работал также в семинарии В. Б. Аптекаря. Здесь им был прочитан обстоятельный доклад именно на эту тему; он был озаглавлен «Общественно-экономическая формация».

В самом начале 1932 г. появилась статья И. И., написанная, по-видимому, еще в конце 1931 г. Само заглавие статьи характеризовало ее сугубую полемичность. Оно гласило: «Возможна ли марксистская история материальной культуры?». Она была направлена против книги В. И. Равдоникаса «За марксистскую историю материальной культуры». И. И. признал, что в критике В. И. Равдоникаса есть «ряд правильных и остроумных мест». Однако, критикуя построения В. И. Равдоникаса, И. И. оставался вне какой-либо собственно археологической аргументации. И. И. прямо заявил, что он останавливается только «на методологической части работы». Критика И. И. здесь исходила прежде всего из отвлеченного толкования учения об общественно-экономических формациях. И. И. доказывал, что в основе попытки В. И. Равдоникаса построить «марксистскую историю материальной культуры» лежало «основное понятие буржуазной науки об обществе, понятие культуры» и что «именно это привело его в неразрешимые конфликты и противоречия с основным понятием марксистской социологии — категорией общественно-экономической формации». Однако в своих суждениях И. И., как это показывает и заглавие его статьи, вышел за пределы одной лишь критики, доказывая путем сопоставления отдельных высказываний Маркса, что «не созданием марксистской истории материальной культуры должны заниматься историки-марксисты, а созданием марксистской истории техники — вот актуальная задача».

Для понимания характера этой статьи И. И. и для понимания атмосферы, царившей в ГАИМК, чрезвычайно характерно примечание, которым редакция сопроводила эту статью. Признавая «правильной по существу» критику И. И., редакция в то же время обнаруживала в его критике «ряд загибов левацкого характера»; по мнению редакции, И. И. в двух случаях «впадает в меньшевистствующий идеализм», делает «грубые ошибки, отрицая пользование сравнительным методом или палеонтологией речи». Конечно, вызвали редакционные возражения и общие суждения И. И. о невозможности истории материальной культуры.

И в последующие годы мы находим среди работ И. И. статьи и выступления, не говоря о рецензиях, имеющие аналогичный главным образом характер. В 1933 г. на пленуме ГАИМК (20—22 июня) темой дискуссии были «основные проблемы генезиса и

развитие феодального общества». И. И. остановился в своем выступлении на одной только «проблеме основного противоречия феодальной формации». В своей сравнительно краткой речи, опять-таки основываясь только на трудах Маркса и Ленина, без привлечения какого-либо фактического материала, И. И. находил это основное противоречие «в том, что продукт индивидуального производства крестьян и ремесленников присваивается феодалами», а политическую форму его разрешения видел в революции крепостных крестьян, «буржуазной революции, уничтожающей власть феодалов и передающей эту власть в руки другого класса — класса буржуазии».

Несколько ранее пленума, 15 марта 1933 г., на заседании сектора феодальной формации И. И. прочел доклад, впоследствии напечатанный, — «О генезисе феодализма». И. И. в том же чисто методологическом разрезе обосновывал теоретический взгляд на генезис феодализма, который, как далее еще увидим, оказался для этого времени основой его суждений и о строе древней Руси. Именно — И. И. теперь полагал, что «правильно понять генезис феодализма можно лишь на основе учения о рабстве, как первой фазе классового общества... без этого нам не понять феодализма».

Обобщающим звеном в этом ряде работ, связанных с теоретическими проблемами истории феодализма, явился очерк «Феодально-крепостническое общество», помещенный в сборнике, предназначенном для «широких кругов советских читателей, интересующихся историей». Здесь в четырех его разделах И. И. поставил свою задачу вскрыть для феодализма как общественно-экономической формации ее «особые законы возникновения, развития и перехода в новую общественно-экономическую формацию».

Важнейшая для исторического изучения Руси проблема самодержавия предстала в начале 1934 г. (27 января) в виде доклада И. И. на пленуме ГАИМК, посвященном памяти В. И. Ленина. Доклад этот, впоследствии появившийся в печати, был озаглавлен «Ленин и проблема самодержавия в России».

Преобладающий в первые годы интерес И. И. главным образом к теоретическим проблемам не мог, конечно, не наложить некоторого отпечатка на собственно исторические его работы. Это, в частности, сказалось на трудностях, которые И. И. испытывал при выборе диссертационной темы. Сперва, как мы видели, такой темой должна была стать навеянная дискуссией вокруг книги С. М. Дубровского проблема крепостничества в России в XVI в. Ее сменила избранная под влиянием труда М. Н. Покровского тема о роли наемного труда в хозяйстве XVI в., которая манила И. И. тем, что, как ему казалось, она может тоже повести к широким историческим построениям. Однако в конце еще того же 1931 г. И. И. был временно отвлечен от своей основной работы другой, хоть и близкой к ней темой.

«Явлением известной общественно-политической важности» назвал рецензент «Историка марксиста» Б. Н. Тихомиров выход в свет издаваемой обновленной Историко-археографической комиссией серии документов «Крепостная мануфактура». Как для истории древнерусской экономики, так и для начальной истории русского рабочего класса это издание было первенцем обильной впоследствии археографической и собственно исторической литературы. Неудивительно, что первый же том этой серии, посвященный столь настоятельным, с точки зрения совершающегося тогда общего поворота историографических интересов, материалам по истории тульских и каширских заводов, привлек тотчас пристальное внимание одушевленных борьбой за новую марксистскую историографию ленинградских молодых историков в лице И. И. и В. В. Мавродина. Уже 22 февраля 1932 г. И. И. читал в виде доклада «историко-экономический очерк» об этих заводах, занявший все заседание. С большим, на два года, запозданием появился в печати изданный ГАИМК томик «Тульские и каширские заводы». В нем итоги изучения изданного сборника документов были представлены двумя статьями И. И.: первая — «Экономика и организация производства и труда», а вторая — «Были ли тульские и каширские заводы мануфактурой?». Для И. И. это была, после двух (или даже трех) чисто методологических статей, первая собственно историческая работа. Очень характерно то, что она вылилась в две статьи, из которых вторая имела, согласно самому ее заголовку, подчеркнuto теоретический уклон.

Первая статья начинается фразой, которая предопределяла ее содержание, — именно, что «правильный анализ экономической природы... заводов может быть дан лишь на основе учения Маркса и Ленина о капиталистической мануфактуре». Однако итоги этого анализа имеются лишь во второй статье, которая начинается словами: «Мы закончили анализ техники и экономики... заводов, необходимо подвести итог». Таким образом, мы имеем по существу одну статью, разделенную на две части с целью придать особое значение именно общим положениям теоретической части этой статьи. Действительно, общие выводы работы И. И. над документами тульских и каширских заводов заняли особое место в тогдашней литературе. Само название серии, как и вступительная статья к тому инициатора этой серии С. Г. Томсинского, характеризовало крепостную мануфактуру, в отличие от капиталистической, тем, что она была основана на крепостном труде и возглавлялась предпринимателями-фабрикантами. Выводы И. И. оказались совершенно иными. И. И. полагал, что это были предприятия капиталистические, так как, доказывая И. И., основные группы рабочих на них оказывались вольнонаемными рабочими, крепостные же были заняты лишь на второстепенных работах; И. И. видел здесь неразвитую форму органической мануфактуры и полагал, что они были «закономерным явлением в ходе экономи-

ческого развития России». Первая статья была вместе с тем первым опытом И. И. в области собственно исторического исследования. Определение состава рабочих было выполнено мастерски, путем старательного изучения данных о каждом отдельном рабочем, со сведением этих данных по нескольким рубрикам, что и послужило И. И. основанием для последующих основных выводов; та же осторожная тщательность характеризовала и другие части исследования. Любопытно, что при обсуждении доклада Н. Б. Бакланов даже упрекал И. И. в излишней осторожности при определении числа вольных рабочих. Наоборот, в оставшихся в рукописи «Нескольких замечаниях по поводу статьи тов. Томского» И. И. еще раз подробнее остановился на том же вопросе вследствие обратного упрека — в преувеличении числа вольнонаемных рабочих. В итоге дополнительных расчетов И. И. получил те же, подтверждающие его выводы, цифры.

После перерыва, вызванного, как мы видели, обстоятельствами времени, И. И. смог вновь вернуться к начатой им плановой аспирантской работе. Все же архивные разыскания 1931 г. не прошли даром, и И. И., по-видимому, постепенно разочаровывался в своих первоначальных надеждах найти в вольнонаемном труде своего рода ключ к решению проблем, которые ставила социально-экономическая история России XVI в. Колебания относительно перехода к другой теме, однако, были вскоре разрешены. 19 марта 1932 г. И. И. прочел доклад на новую тему — «О классовых противоречиях в феодальной деревне в России в конце XVI в.», — который вслед за тем и был напечатан. В этом докладе И. И., по его словам, «в противовес российской буржуазно-помещичьей историографии», утверждавшей, что «смута началась сверху», ставил своей задачей показать, как накалялась атмосфера в феодальной деревне задолго до того, как умер последний «законный царь, слабоумный Федор Иванович». Особое внимание в своем докладе И. И. уделил опричнине, которую в соответствии с общим направлением своего построения он впервые определил как «классовую политику феодалов, направленную против крестьянства». Борьба же между боярством и дворянством определена была теперь И. И. как борьба за то, «кому будет принадлежать первенство в деле эксплуатации крестьянства». И. И. полагал, что классовые противоречия в эпоху опричнины достигли такой остроты, что борьба классов стала принимать форму открытой гражданской войны. Этот доклад примечателен тем, что он явился первым своего рода программным звеном в длительном ряде работ И. И., завершившихся впоследствии двумя большими монографиями.

Обсуждение работы И. И. повело к новой его командировке в Москву для изучения писцовых книг по Тверскому уезду за 1547 и 1582 гг. с целью выяснения роли опричнины, а также хозяйственного кризиса в центре Московского государства. Вместе с тем и тема диссертационной работы приобретала новый вид. Ею те-

перь являлась «Классовая борьба в русской феодальной деревне XVI в.».

Однако и эта работа не была завершена в ее теперь предполагаемом виде. В плане работы на 1934 г. ГАИМК поставил перед собою в числе основных задач подготовку учебника по истории СССР. На долю И. И. при распределении тем пришлось, конечно, разделы по истории XVI в. Как и можно было заранее предположить, работа над учебником не могла не затянуться. Ведь предстояло дать в учебнике совсем новое, марксистское изложение исторического прошлого России. А для этого требовался и другой подбор фактического материала, и новое осмысление уже ранее введенных в научный оборот источников. Неудивительно поэтому, что в отчете о работе за 1934 г. тема, над которой теперь начал работу И. И., — «Очерки по истории классовой борьбы в XVI в.» — значилась и как раздел учебника, и как исследование. Вся работа И. И. должна была состоять из четырех разделов, охватывая время от 30-х годов XVI в. и до начала Крестьянской войны. Ими являлись последовательно: эпоха «боярского правления» (30—40-е годы XVI в.), реформы 50-х годов, опричнина и, как завершение всего, начало Крестьянской войны. Уже в июне обсуждался составленный И. И. проспект раздела о времени Ивана Грозного. В отчете И. И. за 1934 г. отмечалось, что им написаны первая глава и большая часть второй главы. Сохранившаяся рукопись действительно охватывает только эти обозначенные в отчете части работы.

Первая глава была напечатана в следующем году (1935) под заглавием: «Классовая борьба в Московском государстве в первой половине XVI в.».

Помимо отмеченных исследовательских занятий, И. И. в ГАИМК принимал деятельное участие в заседаниях групп, в составе которых он числился, а также в пленумах ГАИМК. Большая часть таких выступлений И. И., к сожалению, сохранилась лишь в кратких, не всегда достаточно вразумительных секретарских записках. И. И. высказывался в своих выступлениях о переломе и подсеке как параллельных системах земледелия в двух разных географических районах (по докладу Б. Д. Грекова); о жатке, полагая, что она не привилась в дореформенные времена в хозяйстве вследствие наличия крепостного труда (по докладу Б. Ф. Зыбковца); о погосте и о деревне (по докладу Н. Н. Воронина); об изорнике, которого, полагал И. И., лучше приравнять к половнику, чем к кабальному человеку, — и спрашивал, не будущий ли это закуп, а также сомневался, не преувеличивал ли Б. Д. Греков княжескую демагогию в вопросе о исконных смердах.

Из таких выступлений наиболее существенно известное теперь по напечатанной стенограмме выступление И. И. с общей характеристикой Киевской Руси по известному докладу Б. Д. Грекова

«Рабство и феодализм в древней Руси» (Л., 1934). И. И. в это время придерживался относительно «проблемы Киевской Руси» взгляда, что Древнейшая Правда (ст. 1—17 Краткой Правды) отразила дофеодальный этап в развитии Киевской Руси и этот дофеодальный этап представлял собою общество рабовладельческое; что в Правде Ярославичей имеются «очень сильные следы» этого предшествующего общественного строя и что только Пространная Правда, особенно «Правда Владимира Мономаха», отражает «типичные феодальные отношения».

1935 и 1936 гг. оказались весьма неблагоприятными для научных занятий И. И. Став секретарем органа ГАИМК «Проблемы истории докапиталистических обществ», И. И. вынужден был в значительной мере отойти от работы в Институте истории феодального общества. В акте обследования работы ИИФО в декабре 1936 г., когда были отмечены отрицательные черты работ Института, было указано и на то, что работа И. И. как секретаря журнала мешает ему «сосредоточиться и работать над своей диссертацией». Все же И. И. эту работу вел; она получила теперь несколько иное название: в отчете за первую половину 1937 г. она значится под позднее хорошо знакомым названием «Очерки политической истории Московского государства XVI в.». Помимо этой монографической темы, И. И. принял участие в большой коллективной работе, посвященной Крестьянской войне в начале XVII в. На долю И. И. в этой работе пришлось «Аграрный кризис второй половины XVI в.», и он в начале 1937 г. сделал сообщение именно по этой теме.

Однако на дальнейшей работе И. И. не могла не сказаться общая судьба ГАИМК. Уже в 1936 г. из состава ГАИМК выбыл ряд руководящих его сотрудников. Состоявшийся в 1937 г., в апреле, длившийся шесть дней пленум актива работников ГАИМК принял резолюцию, последствием которой было составление «сводного плана самокритической работы по ИИФО»; согласно этому плану, на 29 июня было назначено обсуждение статей, напечатанных И. И. в «Проблемах». Рецензентом работ И. И. был намечен Н. Л. Рубинштейн. Однако Н. Л. Рубинштейн поставил существенные условия, прежде чем дать согласие выступить на предполагаемом «самокритическом» заседании. Полагая, что основным докладчиком должен выступить кто-либо из ленинградцев, Н. Л. Рубинштейн далее писал в ГАИМК (2 июня 1937 г.): «Считаю нужным познакомить с моей точкой зрения относительно Смирнова. Я считаю, что им допущены грубейшие ошибки в целом ряде вопросов, но это явилось отражением общих ошибочных установок школы Покровского. Но вместе с тем я считаю, что тов. Смирнов показал несомненную способность к научной исследовательской работе, что он может ошибки выправить и плодотворно вести работу». Н. Л. Рубинштейн просил сообщить ему точку зрения ГАИМК по «обоим» затронутым им вопросам

и соглашался выступить только в том случае, «если наши взгляды совпадают». ГАИМК в лице тогдашнего директора ИИФО требуемое Н. Л. Рубинштейном согласие дала, но «самокритическое» заседание было отложено на осень. Осенью наступили дальнейшие новые события. ГАИМК перестала существовать как самостоятельное учреждение и была включена в состав институтов Академии наук СССР как Институт истории материальной культуры. Реорганизация ГАИМК в академический институт, занимающийся исключительно археологией, повела в первую очередь к ликвидации в составе нового института занятий историей феодального общества. 3 ноября 1937 г. были отчислены из состава бывшей ГАИМК многие сотрудники. Некоторые, в их число И. И., были отчислены с указанием на возможность их использования в Ленинградском отделении Института истории.

И. И. был зачислен в ЛОИИ 21 февраля 1938 г.

Как уже было отмечено выше, 1935—1936 гг. были мало плодотворными для научных занятий И. И. Не мог быть благоприятным и тревожный 1937 г. Переход И. И. в ЛОИИ явился благоприятным толчком к полосе непрерывающейся напряженной научной работы. Ее успеху способствовали прежде всего приняты И. И. к неуклонному руководству состоявшиеся в 1934—1936 гг. постановления партии и правительства относительно исторической науки. Мы не раз встретим у И. И. осуждение указанных этими постановлениями свойственных еще недавно исторической науке «абстрактных определений общественно-экономических формаций», которые, как отмечало постановление, заменяли «связное изложение гражданской истории отвлеченными социологическими схемами». В прошлом эти абстрактные схемы были предметом увлечения также и И. И.; отказ от них теперь должен был коренным образом сказаться на его работах, направляя их от отвлеченных социологических рассуждений к собственно историческим исследованиям. Именно это мы увидим в дальнейших трудах И. И.

Нельзя не отметить и того, что направление и содержание работ ЛОИИ было в значительной степени иным, чем в ГАИМК. Институт феодального общества ГАИМК был создан в ее составе только в 1930 г., и весьма действенной частью здесь была молодежь, только что покинувшая студенческую скамью. ЛОИИ в середине 30-х годов вступило уже во второе столетие своего существования. ГАИМКовская молодежь, как мы видели по разным работам И. И., была увлечена постановкой широких методологических проблем; в то же время в своем учебном вузовском прошлом она не была надлежаще подготовлена к сложной научно-исследовательской работе; она начинала эту подготовку уже только в качестве аспирантов. Почти столетнее прошлое ЛОИИ в качестве Археографической комиссии (1834—1929) протекало исключительно в работе над изданием документов, без каких-либо ис-

следовательских работ. Значительные перемены, происшедшие в 1929 г. в Историко-археографической комиссии (ее новое название), когда ее возглавил номинально М. Н. Покровский, а на деле С. Г. Томский, существенно изменили содержание археографической работы, сообразуя ее с задачами марксистской историографии. Но исследовательская работа и теперь не заняла в Историко-археографическом институте (еще новое его название) должного места; этого не произошло еще и в 1936 г., когда Историко-археографический институт стал Ленинградским отделением Института истории. Таким образом, если в ГАИМК господствовала методология — часто без фактической опоры на документ, — то в Археографической комиссии документ и факт главенствовали перед постановкой каких-либо общих вопросов.

Установление плана работ И. И. в ЛОИИ произошло не без некоторой заминки. В первом же заседании ЛОИИ, когда обсуждались планы работ сотрудников, перешедших из ГАИМК в ЛОИИ (13 марта 1938 г.), одним из сотрудников было отмечено увлечение «социологизацией» в ГАИМК и то, что это «совершенно не отвечает направленности работ Института истории». Действительно, это сказалось при определении планов их работ в ЛОИИ. Б. Д. Греков, с которым И. И. был тесно связан с первых же шагов своего аспирантского обучения, сообщил о своих предварительных переговорах с И. И. относительно будущей темы его работы в ЛОИИ. По словам Б. Д. Грекова, эти разговоры, после нескольких предварительных разысканий в архивохранилищах, привели к выбору темы по истории Белозерского края в XV—XVI вв. Б. Д. Греков отметил, что тема эта привлекательна и тем, что даст возможность поставить ряд важных вопросов по истории разных видов землевладения, его структуры, Юрьова дня и др. Выступивший после Б. Д. Грекова И. И. обратился к присутствующим с просьбой высказать свои мнения о состоянии архивных фондов, намечаемых для его будущей работы, а также о выполнимости подобной работы. Очень характерно для будущего, что все выступавшие (Н. С. Чаев, В. Г. Гейман и Г. Е. Кочин) «единодушно», как отмечено в протоколе, отнеслись одобрительно к теме и к обеспеченности ее архивными материалами. Тема эта была, таким образом, одобрена, и был намечен даже срок ближайшей над нею работы. Предполагалось, что уже 15 декабря этого же года И. И. сможет представить первый раздел своей работы, посвященной истории землевладения в Белозерском крае. Несмотря на все, казалось бы, благоприятные условия для завершения этой темы, работа над ней не была начата. И дело было отнюдь не в разочаровании И. И. в самой теме предполагаемой работы. Лучшим доказательством тому является, что в этом же году И. И. предложил эту же тему для написания диссертации одному из своих университетских учеников — и вышедшая впоследствии в свет диссертация А. И. Копанова «История

землевладения Белозерского края XV—XVI вв.» (М.—Л., 1952) оказалась существенным и ценным явлением в советской исторической литературе.

Эпизод с белозерской темой явился именно той заминкой, которую временно испытал И. И. в планах своих работ, перейдя в несколько отличную от ГАИМКовской, новую обстановку работ ЛОИИ. По-видимому, в этот момент и Б. Д. Греков полагал, что от И. И. потребуются существенный отрыв даже от самой тематики его прежних работ. Однако очень скоро эта заминка была преодолена — и вместе с тем белозерская тема, столь далекая от прежних занятий И. И., как видим, была оставлена. Это произошло тем естественнее, что сложившиеся обстоятельства работ ЛОИИ весьма способствовали такому возврату И. И. к старым темам, но, как увидим далее, отнюдь не к старым взглядам на задачи своих исторических трудов.

Именно в это время в Институте истории впервые возникла мысль о создании многотомных коллективных работ, и в первую очередь, конечно, об издании многотомной истории СССР, которую предполагалось тогда составить в виде пятитомного труда. Мы видим, что уже в отчете за вторую четверть 1938 г. за И. И. значатся темы, предположенные именно для этого коллективного труда, — именно разделы о завоевании Казани и Астрахани, а также о Борисе Годунове; для этого же труда И. И. были написаны также еще и некоторые другие хронологически смежные разделы (кончая восстанием Болотникова). Однако издание этих работ И. И. затянулось, как и вся работа над многотомной историей СССР, и они появились в составе «Очерков по истории СССР, конец XV—начало XVII вв.» только в 1955 г.

В научной биографии эти небольшие сравнительно разделы коллективной истории СССР сыграли существенную роль. Из них вскоре выросла важнейшая работа И. И. «Восстание Болотникова». Однако это случилось несколько позже, а вслед за окончанием только что отмеченных разделов коллективных работ И. И. ждала другая значительная работа общего же характера.

Большая Советская энциклопедия, заканчивая свое первое издание, решила завершить это издание особым томом, посвященным Союзу Советских Социалистических Республик. Открываться добавочный том должен был, конечно, историческим очерком. Древнейшую часть этого очерка было поручено написать И. И. Сохранившаяся рукопись этой работы занимает 262 страницы, т. е. более 10 печатных листов. Начинаясь разделом о первобытнообщинном строе, изложению истории СССР было доведено И. И. до событий начала XVII в. и заканчивалось победой Минина и Пожарского над польскими войсками и занятием Москвы в 1612 г. Несмотря на неизбежную при указанном объеме сжатость изложения и на краткие сроки, предоставленные для выполнения этой задачи, И. И. написал очерк, содержащий ряд

самостоятельных положений, затем получивших свое развитие и обоснование в позднейших работах И. И. К сожалению, очерк этот не попал в соответствующий том БСЭ. Самому И. И. он принес ощутимую пользу, когда двадцать с лишним лет спустя ему пришлось составить аналогичный труд для коллективного «Краткого очерка истории СССР», о чем еще позднее.

Очень характерно, что в течение последующих лет И. И. не написал ни одной методологической статьи, подобной тем, которые пользовались таким его предпочтением в первые годы научных занятий. И не потому, что у него пропал интерес к общим вопросам. Но теперь у И. И. исходными для его изучения и рассуждений являются уже не отвлеченные теоретические построения о том, что должно было быть по теории в прошлом, а почти всегда какой-либо документ, или единичный, или их группа. Однако — и это уже известное нам коренное свойство общего направления научных интересов И. И. — любой документ привлечет к себе его внимание лишь в том случае, если наблюдения над его особенностями повлекут за собой установление какого-либо более общего исторического вывода.

М. Я. Феноменовым — московским историком и краеведом — была представлена в Ленинградский университет докторская диссертация, тема которой была «Феодалы и повинности в новгородской деревне (земледельческий доход в Деревской пятине XV—XVI вв. по писцовым книгам)». Факультет поручил И. И. дать отзыв на эту работу. Отзыв этот вылился в обстоятельную критическую статью, занявшую целых 60 машинописных страниц. И. И. коснулся в своем отзыве только вопроса об использовании писцовых книг как исторического источника и остановил здесь свое внимание на основном для решения поставленных темой вопросов — на вопросе о мерах, упоминаемых в писцовых книгах. Естественно, что главное внимание И. И. привлекла четверть. Исследование И. И. оказалось основанным на тщательнейшем сопоставлении и истолковании всех тех случаев, когда в документах встречается изучаемая им четверть. Однако главной отличительной чертой построения И. И. своего понимания четверти было увенчавшееся полным успехом стремление поставить историю четверти в связь с общими историческими процессами, которые переживало в те времена Московское государство. Именно, по заключению И. И., смена мер в 50-е годы XVI в. явилась результатом «вполне определенной политики московского правительства»; она была «одним из выражений процесса развития и укрепления централизованного государства»; то же И. И. находит относительно той четверти, которая была связана с системой пососного обложения. Эту часть своего отзыва И. И. напечатал под заглавием: «К вопросу о мерах в Московском государстве XVI в.». Она вошла также позднее в состав его «Очерков политической истории Русского государства 30—60-х гг. XVI в.».

Группа трех актов, относящихся к истории патриаршего села Старый двор, привлекла внимание И. И. встречающимися в этих актах терминами и формулами: «новоприходец», «пожил», «две недели с днем»; они оказались в глазах И. И. связанными с вопросами и о «заповедных годах», и о крестьянах «новоприходцах», и, наконец, с тем, как «новоприходец» перестает им быть, будучи записан в «книги» («Из истории крестьян в Московском государстве в конце XVI в.»). Вторая подобная статья отведена И. И. рассмотрению законов Лжедмитрия I о крестьянах и холопах и наблюдениям над десятинами этого же времени («К характеристике внутренней политики Лжедмитрия I»). «Жалованная грамота ки. Владимира Андреевича Старицкого (1542)» — название и предмет статьи, в которой оказались, по мнению И. И., опять-таки «некоторые данные для общей проблемы о характере иммунитета в феодальной Руси».

Все эти частные примеры отразили в своей совокупности новые черты направления научной работы И. И. Неудивительной окажется в связи с этим и новая судьба начатых И. И. в свое время в ГАИМК работ по политической истории Московского государства. Мы видели, что в момент перехода в ЛОИИ И. И. предложил совсем другую, белозерскую тему для основных своих занятий. Теперь, когда после указанных, отвлекших время И. И. работ в 1940 г. вновь встал вопрос о монографической плановой теме, И. И. поставил в план своих работ оставленную было им «Политическую историю Московского государства в первой половине XVI в.». Работа эта предполагалась тогда в размере 12 листов, а окончание ее — уже в 1941 г. Однако очень скоро она была прервана.

22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война. В самом ее начале И. И. был мобилизован Ленинградским горкомом КПСС и направлен на работу в Госполитиздат в качестве редактора. Одним из средств, которым ленинградские историки в те грозные времена стремились помочь в борьбе с врагом, была их литературная работа, преимущественно в виде небольших, доступных для самых широких масс брошюр. В одной из серий таких брошюр («Наши великие предки») находим и написанную тогда брошюру И. И. «Минин и Пожарский». Вскоре, 17 декабря, И. И. был эвакуирован в Ташкент, где уже находился Институт истории и часть сотрудников ЛОИИ.

Годы пребывания в Ташкенте были очень нелегки для жизни. Однако И. И. находил, что в Ташкенте создавалась «очень хорошая обстановка для работы», и писал, что «эвакуация очень положительно отзывалась — парадокс! — на работе, так как ликвидировала бесчисленные совместительства и заставила людей работать». Действительно, за годы эвакуации И. И. сделал немало.

Одной из первых работ И. И. в 1942 г. была статья для юбилейного сборника в связи с двадцатипятилетием Великой Октябрь-

ской социалистической революции. В этом сборнике (Двадцать пять лет исторической науки в СССР. М.—Л., 1942) И. И. поместил историографическую статью «Проблемы крепостничества и феодализма в советской исторической литературе». Статья эта примечательна тем, что она в известной мере автобиографична: на эту тему И. И. натолкнулся еще в своей студенческой критике книги С. М. Дубровского; эта же тема и затем была не только темой первого аспирантского доклада И. И., но и постоянно всплывала среди других работ.

В начале своих историографических характеристик И. И. отмечает, что в 20-х годах «новой марксистской постановки изучаемого им вопроса еще нет» и что только работы Б. Д. Грекова вносят «новые моменты» в изучение проблемы крепостничества и феодализма. Начало же 30-х годов является «новым этапом», который «можно охарактеризовать как переход на новые марксистские рельсы в изучении этой проблемы». Напомним, что именно в эти «переходные» годы появляются первые работы И. И. и что поэтому последующая критическая оценка работ этого времени является вместе с тем своего рода самокритической оценкой со стороны И. И. своих собственных работ того времени и показателем того пути, который И. И. прошел в своем историческом развитии. Именно характеризуя «первые шаги марксистского исследования истории крепостного права» в трудах историков начала 30-х годов, И. И. пишет, что эти шаги «были еще очень робкими, неуверенными и содержали немало ошибок». Последние И. И. видит в «чрезмерном увлечении абстрактно-социологической постановкой вопроса, переходящей нередко в социологизаторство и схоластику», — именно в том, что «вместо конкретно-исторического исследования социально-экономических отношений древней Руси историки упражнялись в длинных и весьма мало продуктивных дискуссиях на тему об общественно-экономических формациях». Мы видели, что эта ступень истории советской исторической науки была пережита и самим И. И. В других местах этой статьи И. И. имел возможность таким же образом самокритически затронуть свои прежние взгляды. Так, И. И. теперь пишет, что «неоднократные дискуссии... показали ошибочность взгляда на Киевскую Русь как на рабовладельческое общество», — взгляда, которого он, как уже было указано, ранее придерживался.

Работа И. И. в Ташкенте прежде всего была связана с вопросами, непосредственно или близко связанными с плановой его темой. Именно в плане работ И. И. значилась тема «Политическая история Московского государства в первой половине XVI в.», над которой И. И. начал, как мы видели, раздумывать и для которой он кое-что написал еще в ГАИМКовские времена. Она, однако, не могла получить в условиях работы в Ташкенте систематического развития. Все же эта тема находилась всегда в поле зрения И. И., и плодом этого был ряд статей, частью вошедших

позднее в «Очерки политической истории Русского государства 30—50-х гг. XVI в.», частью так и оставшихся в виде журнальных статей, а кое-что — и в рукописях. К этому кругу статей мы ранее всего и перейдем.

Изучая внутреннюю историю того времени и борьбу политических группировок в правящей среде, И. И. теснейшим образом улавливал влияние ее колебаний также на ход внешней политики Московского государства. Еще в 1939 г. И. И. напечатал в виде, по-видимому, предварительного сообщения о будущей работе тезисы о «Восточной политике Ивана IV». Весьма скоро после приезда в Ташкент такая статья была закончена (7 июня 1942 г.), но осталась до сих пор непечатанной. Тогда же, по-видимому, была написана хронологически ей предшествующая и непосредственно с ней связанная другая статья: «Восточная политика Василия III» (она напечатана была только в 1948 г.). Обе эти статьи в своей совокупности составляют целостный очерк восточной политики Москвы, начиная с того момента, когда после распада Золотой орды Московскому государству пришлось повести борьбу — как со своим главным противником на Востоке — с Казанским ханством, и завершая покорением Казани и Астрахани, развязавшим руки Ивану IV для поворота его внешней политики на Запад.

Несомненно в связи с занятиями восточной политикой сперва Василия III, затем и Ивана Грозного И. И. занялся и Максимом Греком. Здесь И. И. интересовали не идеологическая сторона взглядов старца, а те элементы его практической деятельности, которые связывались с вопросами восточных внешнеполитических отношений Московского государства.

25 мая 1944 г. И. И. прочитал в ЛОИИ доклад «К вопросу о суде над Максимом Греком». Затем, в конце этого же года, И. И. написал и другой очерк — «Максим Грек и митрополит Макарий» — с подзаголовком «Этюды о Максиме Греке. II» (напечатан только в 1963 г.). В первом из своих трудов И. И. коснулся не раз обсуждавшегося в исторической литературе вопроса о предъявленном Максиму Греку во время суда над ним обвинении в тайных сношениях с турецким султаном. Сохранившиеся лишь в отрывках судебные документы этого дела являлись все же основным источником для решения этого вопроса. И. И. основной частью своего очерка, наряду с характеристикой общего внутри- и внешнеполитического положения дел того времени, сделал тончайший анализ следственных документов дела о Максиме Греке. Здесь каждому суждению по существу документа систематически предшествует критический вопрос о степени достоверности как текста документа, так и его показаний. В этом небольшом этюде впервые, пожалуй, раскрывается с такою ясностью та черта исследовательского дарования И. И., которая в полной мере привлечет к себе внимание в его «Вос-

станции Болотникова», а затем во всех последующих его работах. Однако в итоге И. И. склонился к утверждению — весьма, впрочем, оспариваемому другими учеными — о виновности Максима Грека. Также и второй этюд о Максиме Греке дачируется с текстологического анализа послания Максима Грека митрополиту, который, как и последующая новая датировка этого послания, в совокупности представили в новом свете взаимоотношения этих двух выдающихся современников: согласно выводу И. И., Макарий питал по отношению к Максиму Греку не «величайшее уважение», а «молчаливую враждебность».

В 1942 г. И. И. написал одно из примечательных своих произведений — исследование о Судебнике 1550 г. Это был весьма смелый опыт, потом еще раз повторенный И. И. применительно к Пространной Русской правде: положить в основу изучения один законодательный акт и воссоздать на основе его разбора сложные общественно-политические отношения, обусловившие его возникновение и вместе с тем отразившиеся в нем. Ими оказались для И. И. такие явления, как усиление центральных органов управления в общей системе государственного управления (новая роль приказов и дьяков) и возникновение новых органов местного управления (городовых приказчиков и губных старост), а наряду с этим существеннейшее ограничение власти наместников. В области общественных отношений для И. И. путем чрезвычайно сложного и тонкого сопоставления текстов вырисовывалась отразившаяся в Судебниках основная линия земельной политики правительства — способствование развитию поместного землевладения за счет черных земель и вотчинного землевладения. Судебник знаменовал собою для И. И. «важнейший этап в истории политического возвышения дворянства — помещиков». Наоборот, в истории крепостного права Судебник 1550 г. для И. И. «не создает нового этапа», «легализуя» в то же время кабальное холодство в качестве «новой группы феодально зависимого населения».

Еще один напечатанный И. И. очерк ведет нас к тем же вопросам политической истории времен Ивана Грозного. Он посвящен был «Беседе валаамских чудотворцев», — по словам И. И., «одному из самых известных и вместе с тем наименее ясных» публицистических произведений. «Беседу валаамских чудотворцев» большинство исследователей относят к 50-м годам XVI в. и считает одним из памятников нестяжательной идеологии, связанной с княжеско-боярской средой. Взгляд И. И. на «Беседу валаамских чудотворцев» исходил из сделанных им наблюдений, что, являясь «резким памфлетом против монастырей и монастырского землевладения», «Беседа» в то же время больше всего заинтересована и его интересами. Это наблюдение привело И. И. к выводу, что «Беседа валаамских чудотворцев» — «несомненно

памятник публицистики, вышедший из среды черного волостного населения русского Севера».

В ряду написанных И. И. в Ташкенте специальных очерков, подготовительных к написанию большого исследования о политической истории Московского государства, несколько особняком стоит популярный, предназначенный для широких масс, очерк «Иван Грозный». Побуждением написать его, очевидно, было охватившее тогда многих стремление дать доступную для рядовых читателей литературу, которая имела целью поддержать уверенность в своих силах для преодоления переживаемых тягостных испытаний вражеского нашествия. Ранее И. И. уже была написана, как мы видели, брошюра о Минине и Пожарском. Многолетние занятия временем Ивана Грозного побудили теперь И. И. написать аналогичный очерк об Иване Грозном. Особенностью этого очерка, единственного такого рода во всем научном творчестве И. И., является поставленная здесь задача дать целостный образ Грозного и, не ограничиваясь изложением одних политических событий его царствования, изобразить также обуревавшего царя «страсти и идеи». При всей своей установке на популярность книжка И. И. представляет значительный научный интерес. За какую бы тему ни брался И. И., всегда в его изложении обнаруживалась своя, самостоятельная точка зрения, обусловленная сделанными им новыми наблюдениями над текстом источников. Впрочем, в одном из примечаний в книге И. И. сам помечил, что он «во многом отстает от существующей литературы». Кое-какие из тем «Ивана Грозного» были затронуты в предшествующих статьях И. И., кое-что найдется и в будущих его работах, но о взглядах И. И. на иные вопросы времени Ивана Грозного мы найдем сжатые ответы именно в этой книжке. В этом ее особое значение. К. В. Базилевич писал в рецензии на эту работу И. И., что, «несмотря на популярный характер, она с интересом читается и специалистами, благодаря смелости и оригинальности в постановке ряда вопросов». Конечно, книга И. И. Смирнова не

⁴ В печатном тексте книжки И. И. оказались некоторые изменения по сравнению с первоначальной рукописью. Такова, например, вставка в главу о Ливонской войне: «В этом деле им руководила также политическая цель — возратить русскому народу его „отчину“ и „дядину“ (стр. 74); в главе «Восточная политика» вместо рукописного «Несмотря на то, что включение народов Поволжья в Русское государство не уничтожило, а даже усилило социальный и национальный гнет» появилось: «Несмотря на то, что включение народов Поволжья в состав Русского государства не уничтожило угнетенного положения этих народов» (стр. 72). Относительно абзаца о «массовой народной армии» (в главе «Реформы 50-х гг.», стр. 41) И. И. писал, что «ошибочным являлось, конечно, употребление термина „народная“ в отношении армии XVI в. Но даже в этой редакции она, конечно, не означает, что я трактовал армию XVI в. как надклассовую и всенародную. Ибо классовая природа армии XVI в. совершенно точно была определена мною термином „дворянское войско“ (ср. рецензию К. В. Базилевича)».

директор была известной идеализацией Ивана Грозного как политического деятеля, но в то время влияние культа личности И. В. Сталина сказывалось в большинстве советских исследований, посвященных истории XVI в.

В начале 1943 г., когда в Ташкенте находилась руководящая часть Института истории, возникла мысль о написании однотомной истории русской культуры. Такой труд имел бы важное значение в условиях ведущейся войны, когда существенно было хотя бы в свете ознакомить широкие круги и советского и иностранного читателя с фактами прошлого русской культуры. Первоначальный проект составлен и составителей предполагаемой работы сохранился в рукописи С. В. Бахрушина (с датой: 27 января 1943 г.). Согласно этому проекту, на долю И. В. приходил бы большой раздел, посвященный «образованию национального государства (середина XV—XVII вв.)». Однако московская часть сотрудников скоро предавалась хлопотам о предстоящей ей эвакуации. Уже 20 апреля 1943 г. И. В. составляет «Объяснительную записку и проект истории русской культуры», предназначенную для подписи директора Института В. Д. Грекову, в которой на долю самого И. В. приходились два раздела: «Русская культура эпохи образования русского национального государства» и «Русская культура XVI в.»; автором же для XVII в. был предложен С. В. Бахрушин. Тем же 20 апреля помечена составленная И. В. обстоятельная записка «Основные вопросы истории русской культуры», имеющая преимущественно методологический характер, в большом числе цитат из трудов классиков марксизма-ленинизма. В ней, однако, есть и основанные на этих методологических рассуждениях некоторые общие определения, принадлежащие самому И. В. Так, для И. В. культура народа есть «совокупность всех материальных и духовных ценностей, созданных народом и ходе его истории, в которых нашло свое выражение развитие общественного сознания народа». История же русской культуры должна показать «национальные особенности культуры русского народа и дать им объяснение на особенностях исторического развития России». Обе главы, намеченные для себя И. В., были им написаны в том же 1943 г. (заключена 4 октября). К сожалению, задание это во время войны так и не удалось выполнить в свет.

В мае 1945 г. И. В. вместе со всей группой находившихся в эвакуации сотрудников ИОИИ покинул Ташкент и вернулся к ленинградцам, столь благоприятным для его научной работы условиям. Вместе с тем это возвращение явилось началом нового, яркого и необычайно плодотворного, оборванного лишь неожиданной смертью, периода научной деятельности И. В.

Все ранее написанное, состоявшее в целом ряде уже знакомых нам статей, И. В. впоследствии называл только своими «записками» на работу. Теперь он решил заняться тем, что очн-

тая, говорит его же словами, «если хотите, взаменом, проверкой своих собственных сил». Этим взаменом и должна была явиться «большая книга», «большое настоящее исследование». Естественно было бы ожидать, что такой «большой книгой» явится «Политическая история Московского государства первой половины XVI в.», исследование которой являлось основным предметом занятий И. В. и течение уже десяти лет и для которой так много уже было сделано в виде частных исследований. Однако случилось совсем иначе, «взаменом» и виде большого, настоящего исследования явилось «Восстание Палестинкова», послужившее И. В. также и в качестве докторской диссертации. В своем заключительном слове во время защиты ее И. В. разъяснил его происхождение. По словам И. В., «Восстание Палестинкова» «было задумано как маленькая популярная книга, но выяснилось, что для этого пришлось написать большой кабинетный труд». Привыкнув за новую работу, И. В. чрезвычайно быстро двигался к поставленной им себе цели. Уже в мае и июне 1946 г. им были прочтены в виде докладов в ИОИИ две главы его будущей монографии: «Астрахань и восстание Палестинкова», а затем «Предвестники восстания Палестинкова». В 1947 г. «Восстание Палестинкова» было не только закончено, но в конце года уже и защищено. И. В. стал доктором исторических наук.

Во время защиты книги И. В. была оценена по достоинству оппонентами. С. В. Бахрушин писал в своем обстоятельном отзыве о ней как о «глубоко научной монографии» на «чрезвычайно важную» тему. В своем итоговом выводе С. В. Бахрушин считал, что «как по богатству материалов и по исключительной точности анализа источников, так и по фактической полноте и особенно по глубине, с которой рассматриваются сложнейшие социальные проблемы, диссертация проф. Смирнова несомненно является выдающимся явлением и нашей исторической литературы». В. Д. Греков, председательствовавший в заседании Ученого совета, говорил о прошедшей защите как о «случае правды», о том, что он «просто поражаемся, как из равнообразного случайного материала [И. В.] «создает цельную и убедительную картину... и разрешает ряд спорных и крупных проблем». По сказанным в дальнейшем словам В. Д. Грекова, И. В. показал себя «действительно одним из самых крупных историков СССР в наше время». Привлечение труда И. В. быстро дало свои плоды.

«Восстание Палестинкова» вышло в первом издании в 1949 г. И. В. была присуждена за эту работу государственная премия, а еще два года спустя — факт, редкий для строгого исторического исследования, — она вышла в свет вторым изданием. В 1956 г. «Восстание Палестинкова» было полностью переведено на польский язык и выдано в Варшаве. Помимо полного издания, И. В. пришлось, следуя общему мнению, приготовить сокращенное издание его монографии в доступном для широкого читателя виде.

В 1953 г. вышел в свет «Краткий очерк истории восстания Болотникова», который в следующем году, помимо молдавского перевода, вышедшего в Кишиневе, был издан в переводах также в Бухаресте и в Бухаресте. Самое сжатое изложение книги было дано И. И. еще и в брошюре «Иван Болотников» (1950).

Восстание Болотникова до монографии И. И. считали лишь одним из частных эпизодов бурных событий конца XVI—начала XVII в., ознаменовавшихся гражданской войной и иностранным вмешательством в происходившие в России события этой войны. Монография И. И. не только изменила общий взгляд на значение восстания в событиях так называемого, по старой терминологии, Смутного времени, превратив этот «эпизод» в крупнейшее явление в составе этих событий; она изменила и наши представления об общем ходе развития социально-экономической борьбы в истории России. Традиция непрерывных крестьянских движений теперь начиналась уже не Разинным, а крупнейшим движением Болотникова, которое в понимании И. И., будучи первым, вместе с тем по своему размаху являлось самым крупным движением XVII—XVIII вв.

Во все последующие годы его научной деятельности тема «Болотников» не оставляла спокойным И. И. Это сказало и в источниковедческих размышлениях, и в отдельных дополняющих монографию статьях. В «Восстании Болотникова» И. И. поместил вводный историографический обзор литературы о Болотникове, однако исследованию не был предпослан общий обзор источников, хотя в самом тексте исследования каждое из показаний каждого источника сопровождалось его критической оценкой. Этот пробел И. И. восполнил, предпослав составленному А. И. Коланевым и А. Г. Маньковым сборнику документов обстоятельный «Обзор источников о восстании Болотникова». Как и обычно, у И. И. собственно обзору здесь предшествовали замечания общеметодологического характера о приемах критики достоверности источников. Одному из них, «исключительную ценность» которого И. И. подчеркивал, — «Московской хронике» Конрада Буссова — И. И. посвятил обстоятельное исследование в связи с подготовленным Е. И. Бобровой, А. И. Коланевым и М. В. Кукушкиной его изданием. Особенно много забот доставило И. И. издание Уложения 9 марта 1607 г., которое возбуждало немало толкований и сомнений у всех, им занимавшихся. В издании нового его списка и обстоятельном исследовании его значения И. И. устранял подозрения, которые вызывал ранее его текст. Надо в ряду этих источниковедческих работ вспомнить эту же И. И. об английском допосени, предположительно Джона Мерика.

Монография И. И. вызвала оживленное обсуждение, которое, в свою очередь, заставило И. И. вернуться к более обстоятельному выяснению некоторых вопросов. Это и было сделано И. И. в статьях «К истории восстания под руководством Болотникова»

(1954) и «О некоторых вопросах истории борьбы классов в Русском государстве начала XVII в.» (1958).

Книга о Болотникове сразу же выдвинула И. И. в ряды самых выдающихся историков СССР. Но она оказалась чрезвычайно важной также в истории творческого пути И. И. Теперь, как однажды выразился один из писателей, И. И. стал думать уже книгами, а не статьями, как прежде. После «Восстания Болотникова» следуют уже одна за другой две книги, а работа над четвертой книгой же была оборвана только безвременной смертью И. И. Прежде всего мысль И. И. естественно должна была направиться к завершению, после временных отклонений, «Политической истории Руси в первой половине XVI в.». Многие было для нее сделано еще до увлечения болотниковской темой. Однако работа над Иваном Грозным не двигалась так быстро, как это имело место с Болотниковым. Действовал вначале некоторый психологический момент задержки в работе. В марте 1948 г. И. И. признавался, что «еще не брался» за Ивана Грозного: «Все не могу, — писал он, — перейти с одной темы на другую». Была и еще одна причина, которая задерживала работу И. И. над Грозным, — это ряд работ, которые ложились на него в связи с институтскими поручениями, как-то рецензии и др. Наконец, отрывали и отдельные литературные выступления журнального характера.

И. И. принял участие в двух дискуссиях, которые в начале 50-х годов вызвали большое оживление. Первая из них была вызвана статьей П. П. Смирнова «Образование русского централизованного государства», в которой изобретению русского плуга придавалось столь существенное значение для развития и экономики, а затем социальных и политических отношений. Статья И. И. содержала главным образом внимательнейший критический разбор доказательств П. П. Смирнова — с конечным выводом, что опыт последнего «следует признать неудачным» и что «основы правильного, марксистского понимания процесса образования Русского централизованного государства уже заложены советскими историками и П. П. Смирнову не удалось поколебать их».

Вторую дискуссию, которая в те годы велась на страницах «Вопросов истории», была дискуссия по вопросу о периодизации истории СССР.

Основные статьи в этой дискуссии были написаны К. В. Базилиевичем и Н. М. Дружининым, за которыми последовал ряд откликов. И. И. не согласился с К. В. Базилиевичем, который в основу периодизации истории СССР феодального периода положил «те изменения, которые в рассматриваемое время происходили в состоянии производства, т. е. в состоянии производительных сил и производственных отношений». Не согласился И. И. и с Н. М. Дружининым, полагавшим, что основным критерием при установлении периодизации истории СССР должно быть понятие классовой борьбы. И. И. выдвинул третий критерий

рий периодизации, который, как он сам писал, «может оказаться неожиданным», — именно «политический принцип». И. И. полагал при этом, что «смена одного политического строя другим, одной формы государства другой является выражением и показателем изменений и в материальном производстве, показателем изменений и в экономическом базисе общества». Аналогична и другая формулировка этого вопроса у И. И.: «основу периодизации истории должны составлять исторические события, взятые во всей их конкретности, в историко-хронологической последовательности». Участие И. И. в дискуссии было ценно уже тем, что во многих вопросах он занял позиции, отличные от позиций других ее участников. А в дискуссионных вопросах, по которым редко бывает достигнуто единство мнений, разногласия для будущего развития науки не раз бывают гораздо важнее, чем согласие.

Не останавливаясь подробно на других работах И. И., отметим, что такие обстоятельные рецензии, как рецензия на книгу Б. Д. Грекова «Крестьяне на Руси» или на книгу С. Б. Веселовского «Феодалное землевладение в северо-восточной Руси», представляли собою, особенно последняя, по сути дела небольшие исследования.

В 1950 г. И. И. была написана статья об Иване Грозном для Большой Советской энциклопедии. Небольшие статьи «К вопросу о старожильцах» и связанная с нею «Преобразование бытия в старожильца» ставили вопрос о том, что делало крестьянина старожильцем; И. И. предполагал, что дело было не в количестве прожитых крестьянином в вотчине лет, а в особом характере отношений между крестьянином и монастырем. Статья И. И. об излогах посвящена излогам грамоты кн. Ростислава Мстиславовича смоленской епископии (1150 г.) и подтверждает общий взгляд на них Б. Д. Грекова.

Немало труда потребовала и редакционная работа И. И. Особенно сложной была работа по редактированию академического издания «Судебников XV—XVI вв.». Вначале предполагалось, что И. И. будет редактировать весь том «Судебников XV—XVI вв.», включающий все три Судебника — 1487, 1550 и 1589 гг. Однако вскоре И. И. отказался от редактирования Судебника 1550 г., комментарий к которому был составлен Б. А. Романовым. В основе этого отказа лежали причины, весьма характерные для научно-этических взаимоотношений обоих авторов.

Взгляды И. И. и Бориса Александровича на Судебник в целом, на отразившиеся в нем общественно-политические отношения и, наконец, на ряд частных вопросов весьма существенно разошлись. Обоим авторам не раз случалось рассуждать об этом. И перед тем как писать свою статью о Судебнике 1550 г., Б. А. направил (1 ноября 1948 г.) об этом И. И. письмо; некоторые строки его весьма заслуживают внимания: «Пришли сроки писать или не писать мне о Судебнике в „Исторические записки“...

Что скажете о заглавии: „Судебник Ивана Грозного (по поводу исследования И. И. Смирнова)“... Не опасайтесь, что это будет только „акафист“, как Вы однажды выразились... Логическим подлежащим здесь будут отдельные элементы политической программы правительства Ивана IV, вскрываемые Вами для 47—50 гг. Логическим сказуемым — выверка толкований соответствующих текстов, иногда заострение, иногда осложнение, иногда ограничение этих толкований». Точно так же в своей статье Б. А. Романов прежде всего подчеркнул, что работа И. И. является первым, «и притом с подлинно марксистских позиций», опытом изучения Судебника и что «тщательный текстологический анализ привел автора к широким историческим обобщениям». Значение же своей работы в отношении ее к работе И. И. Б. А. определял тем, что его «критические замечания имеют в виду не умалить, а подчеркнуть значение этого опыта и попутно предложить некоторые уточнения, дополнения и поправки к аналитическим этюдам, из которых складывается построение И. И. Смирнова».

И само письмо, и сам взаимно обусловленный характер и содержание обмена мнениями вокруг спорных общих и частных вопросов — это одна, характеризующая отношение Б. А. к И. И., сторона научного диалога И. И. и Б. А. Другая сторона раскрывается словами И. И., который после неожиданной скоростной смерти Б. А. писал: «Я всегда восхищался талантом Бориса Александровича. И даже самая парадоксальная его книга — вроде „Людей и нравов древней Руси“ полна блестящими мыслями и тонкими наблюдениями. Трудно примириться с тем, что Б. А. уже нет». А когда в позднейшей своей книге (о ней — ниже) И. И. пришлось так же, как теперь Б. А. в отношении Судебника, явиться несогласным с Б. А. и в общих, и во многих частных вопросах понимания Русской Правды, И. И. писал: «Не менее сильное воздействие [чем труды Б. Д. Грекова] оказали на автора исследования о Русской Правде и древней Руси Б. А. Романова». Отметив, что он расходится с Б. А. «коренным образом» в понимании процесса развития древней Руси и что труды Б. А. «представляют новое слово», И. И. заключал, что, «полемизируя с Б. А. Романовым, автор вместе с тем учился у него искусству исторического исследования». Таковы черты ученых взаимоотношений обоих авторов, весьма разно мыслящих, весьма существенно расходящихся в своих мнениях и построениях — и тем не менее с величайшим уважением ценящих труды друг друга и всегда это подчеркивающих.

Совершенно ясно, что И. И. считал для себя возможным и даже, с точки зрения ученой ответственности, обязательным такого же рода спор с учеными мнениями Б. А., какой вел Б. А. с учеными мнениями И. И. Однако совершенно недопустимо было бы ни для Б. А., ни для И. И. одному смотреть на текст

другого как на текст, который можно было бы «редактировать» в каком бы то ни было отношении. Текст Б. А. должен был быть сохранен полностью в таком виде, в каком он был им написан. И. И. впоследствии действительно в своей очередной монографии внес довольно обстоятельный спор с мнениями Б. А. о Судебнике 1550 г., однако как автор с автором, но отнюдь не мог его вести, как ответственный редактор с безответственным автором.

В 1956 г. И. И. закончил свою монографию «Очерки политической истории русского государства 30—50-х гг. XVI в.» (М.—Л., 1958); работа, начатая еще в ГАИМК, длилась, таким образом, в течение почти двадцати лет, — правда, иногда с большими перерывами (вспомним «Восстание Болотникова», Судебники и др.). Приняться вплотную за работу над монографией И. И. смог только в самом конце 1950 г. В итоге этой длительной работы получилось исследование, примечательное во многих отношениях. И. И. был первым из советских историков, принявшихся за изучение этого сложного времени. Как и в «Восстании Болотникова», знаменательной была и здесь источниковедческая основа всей работы. При обсуждении книги на заседании Ученого совета Института (21 мая 1956 г.) отмечалась проделанная И. И. «очень большая творческая работа по изучению источников» и «ряд ценных и свежих выводов и наблюдений большого исторического значения».

Из трех частей (боярское правление 20—40-х годов; правительство 50-х годов и характер его деятельности; реформы 50-х годов), на которые делились «Очерки», первые две части составляли последовательное воссоздание политической борьбы 30—50-х годов XVI в. Третья часть несколько отличалась от первых двух. Сам И. И. отметил в предисловии, что эта часть его книги «далеко не охватывает всех реформ 50-х гг., объясняя этот характер раздела о реформах и тем, что некоторые из них требуют «особого и самостоятельного исследования», и тем, что выбор изученных в книге реформ «отразил в себе направленность занятий автора книги». Особенно сложной показалась И. И. работа над второй частью книги. Тему о правительстве 50-х годов он называл «коварной темой» и писал (еще в 1955 г.), что все еще «сидит в дебрях» вопроса о правительстве 50-х годов.

Выводы и общие и частные — хотя бы в тех же вопросах о боярском ли правлении, об избранной ли раде, о Судебнике ли 1550 г. или о любом, можно сказать, другом затронутом И. И. предмете — отражали итоги нового, собственного и внимательного изучения И. И. памятников и шли весьма часто в разрез с развивавшимися в то время в нашей литературе другими учеными мнениями. В огромной литературе, связанной со временем Ивана IV, наряд ли теперь окажется труд, автор которого не был бы вынужден или соглашаться, или, не соглашаясь, полемизировать с И. И. Несомненно, в этом показательно отражается

огромное историографическое значение труда И. И. и того нового шага, который был им сделан во второй его монографии.

Хотя И. И., окончив свою вторую монографию, естественно, по его выражению, «несколько демобилизовался», однако предстояло теперь же думать о теме третьей монографии.

В 1954 г. И. И. был привлечен к редактированию издаваемого Институтами истории и ЦГАДА сборника документов по истории движения Степана Разина (т. II, ч. 1). В связи с этим несомненно у И. И. появилась, еще до завершения «Политической истории», мысль, говоря его же словами, — «не пуститься ли мне в Разинские походы»; И. И. имел в виду исследование, однако эта мысль получила со стороны дирекции Института одобрение только в виде составления общего очерка о восстании Разина. Она не была осуществлена, так как одновременно с ней появилась и другая тема.

В декабре 1956 г. И. И. представил план монографии, как он писал, «на новую, интересующую меня тему»: «Социально-экономические отношения феодальной Руси XII—XV вв.». В монографии были намечены две части (XII—XIII и XIV—XV вв.), каждая из которых состояла бы из трех глав: 1) формы землевладения (крестьянское и феодальное землевладение), 2) феодальные землевладельцы, 3) крестьянство. Эта тема стала действительно предметом последующих занятий И. И., хотя ее содержание и получилось несколько уже, чем было намечено в этом проекте.

И. И. не сразу смог отойти от «страстей» предшествующей темы и приняться вплотную за новую. Вместе с тем, как и ранее, И. И. оторвали от работы над новой темой разнообразные события и поручения текущей институтской и внеинститутской жизни и работы.

Первым таким внеинститутским событием, обусловленным общеполитическими условиями советской жизни, была развернувшаяся после XX съезда КПСС критика последствий культа личности. Она коснулась, конечно, также и явлений историографического порядка, — в частности, в докладе С. М. Дубровского «Против идеализации деятельности Ивана IV», прочтенном им в Институте истории. Среди критикуемых С. М. Дубровским авторов был и И. И., который подготовил обстоятельный «Ответ С. М. Дубровскому» на 39 машинописных страницах. И. И. коснулся в своем ответе ряда затронутых С. М. Дубровским вопросов, обосновывая свою точку зрения на них. Так, И. И. полагал, что недопустимо перенесение «отдельных положений, норм и оценок марксистской теории, относящихся к эпохе империализма, на эпоху образования Русского централизованного государства»; в частности, это относилось к оценке различной роли абсолютизма в XVI или в XX вв. Именно XVI в. был для И. И. «важнейшим этапом в процессе создания и утверждения Русского цен-

трализованного государства». Касаясь опричнины, И. И. писал, что «кровавые ужасы опричнины не могут заслонить ее объективно прогрессивного значения как формы борьбы за укрепление этого государства». Относительно самой опричнины И. И. отмечал «взаимосвязь и взаимозависимость между той стороной опричнины, которая своим острием обращена против боярства, и той, которая выражала политику по отношению к крестьянству»; она «заключалась в том, что укрепление централизованного государства как диктатуры крепостников-помещиков усиливало классовые позиции феодалов и создало предпосылки для наступления на крестьянство». Характеризуя классовые основы политики Ивана IV, И. И. видел в ней «политику защиты экономических и политических интересов класса феодалов и, в первую очередь, дворян-помещиков». Из дальнейших замечаний И. И. можно бы отметить замечания о расцвете культуры в XVI в., о Грозном в фольклорной традиции, о русском национальном государстве. Конечно, И. И. подверг в своем ответе разбору и те взгляды С. М. Дубровского, которые последний противопоставлял взглядам И. И.

В том же 1956 г. Госполитиздат направил И. И. на рецензию рукопись книги Б. Д. Грекова «Краткий очерк истории русского крестьянства». И. И. ответил, что «считает желательным предпослать книге вводную статью, характеризующую Б. Д. Грекова как историка русского крестьянства». Госполитиздат согласился с этим предложением, и в издании книги Б. Д. Грекова появилась статья И. И. «Б. Д. Греков как историк русского крестьянства». Для И. И. это был не первый опыт характеристики ученой деятельности Б. Д. Грекова. Впервые И. И. пришлось писать весьма сжатую характеристику Б. Д. Грекова в 1934 г. в связи с происходившим тогда присуждением ученых степеней по совокупности трудов. Второй раз И. И. характеризовал подробно деятельность Б. Д. Грекова по случаю присуждения ему государственной премии в 1943 г. Характеристика Б. Д. Грекова в предисловии к теперешней книге была, таким образом, уже третьей, в которую вошли некоторые части из второй, наиболее горячо написанной. В ней И. И. чувствовал себя «современником, товарищем и учеником» Б. Д. Грекова, хотя и стремился взглянуть на деятельность Б. Д. Грекова в качестве «историографа и биографа». Основным во всех трех характеристиках Б. Д. Грекова для И. И. являлось положение, что «талант Б. Д. Грекова как историка расцвел на путях развития марксистской советской науки». Вторая характеристика, не изданная (как, впрочем, конечно, и первая), содержала сравнительно подробную историю творческого пути Б. Д. Грекова, начиная годами занятий у Д. М. Петрушевского и А. С. Лапко-Данилевского; затем И. И. отмечал в качестве «периодов», пройденных Б. Д. Грековым в его научном творчестве, первый, связанный с исследованиями Новго-

родского дома св. Софии, и второй, с 30-х годов, — «время расцвета исследовательского таланта, время формирования нового, марксистского мировоззрения», работ по истории Киевской Руси и истории крепостного права. В качестве особенностей Б. Д. Грекова как исследователя И. И. отмечал «способности строить широкие обобщения и вместе с тем умение исследовать специальные вопросы». В своей третьей характеристике И. И., естественно, ограничен был рамками задачи, поставленной для вводной статьи к книге по истории крестьянства. В 1954 г. в Академии наук возник проект написания книги «Жизнь и труды Б. Д. Грекова». Но далее предположения об этом И. И. дело не пошло.

В эти же годы И. И. не раз возвращается и к старой проблеме восстания Болотникова. Ранее уже упоминалась его статья «О некоторых вопросах истории борьбы классов в Русском государстве начала XVII в.», являющаяся сокращением большей статьи (82 стр.), затрагивавшей в ответ на критику А. А. Зимина вопросы хронологии Крестьянской войны, места холопов в восстании Болотникова, исторического значения восстания Болотникова, а также похода Болотникова на Москву. С целью характеристики крепостнической по отношению к крестьянству политики Лжедмитрия II И. И. была издана с фотомеханическим воспроизведением и подвергнута исследованию жалованная грамота Лжедмитрия Иль-Мурзе Юсупову (1610 г. августа 12). Самой значительной работой в этом ряду явилось отмеченное уже обстоятельное исследование «Московской хроники» Копрада Буссова, в котором содержалось тщательное изучение истории текста наряду с историко-критической оценкой ее значения как исторического источника, в особенности для истории восстания Болотникова. С восстанием Болотникова связаны и две вышедшие посмертно статьи: «Илейка Муромец» и «Поволжские отписки, найденные В. И. Корецким, и правительство Василия Шуйского». Последним в ряду этих работ был написанный в 1964 г. очерк «Крестьянская война 1606—1607 гг.» для коллективного, редактируемого И. И. издания «Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв.» (Л., 1966).

Много труда в начале 60-х годов отняла у И. И. предпринятая Институтом истории «Краткая история СССР» (часть первая), которую он редактировал в качестве ответственного редактора. И. И. принадлежат здесь две главы, охватывавшие время от образования Киевского государства до середины XV в. Приступая к этой работе, И. И. писал, что она его интересует и что ему «хочется написать нечто в роде общего очерка».

При всех его разнообразных и писательских, и редакторских занятиях основной работой И. И. являлись в эти годы «Очерки социально-экономических отношений Руси XII—XIII вв.». XI в. был для И. И. завершающим периодом генезиса феодализма,

XII—XIII вв. — веками развития уже собственно феодального общества. Для этого времени И. И. обладал «совершенно замечательным источником» — Пространной Русской Правдой. И. И. и поставил в своей новой работе основной задачей — «попытаться дать характеристику феодальных отношений эпохи Пространной Правды, именно характеристику отдельных групп зависимого населения, смердов, холопов и закулов». Особенностью этого исследования И. И., по его собственному замечанию, явилась его «двусложность». Сделав основным источником своего исторического построения Русскую Правду, неизбежно было, прежде ее использования, подвергнуть ее «источниковедческо-текстологическому» изучению, — это первый сюжет книги; второй же тогда мог быть уже «собственно историческим», задачи которого были указаны выше.

Из двух намеченных самим И. И. сюжетов его книги первый, «источниковедческо-текстологический», явно занял главенствующее в ней место. И в предшествующих работах, особенно в «Востанин Болотникова», не раз источниковедческие наблюдения И. И. вели к крупным историческим выводам, как это, например, случилось с историей Астрахани. Однако именно в этой работе непрерывный поток новых наблюдений, подчас чрезвычайно сложных и неожиданных, сделал работу И. И. одним из самых замечательных явлений во всей двухсотлетней истории критического изучения Русской Правды. Сам И. И. писал, что в этой работе «все вышло очень сложно, гипотетично и полемично». И в заседании ученого совета ЛОИИ, когда шла дискуссия его книги, И. И. говорил, что в его книге «безусловно много спорного и дискуссионного, но именно таким путем должна развиваться наука историческая». Ведь И. И. пришлось теперь считаться не только со всей громадной дворянско-буржуазной досоветской литературой, заслуги которой И. И. вполне признавал, но и с обильной советской литературой, в которой он с особым уважением отмечал труды Б. Д. Грекова и Б. А. Романова, своих поединопмышленников, то, вместе с тем, менее или более, как Б. А. Романов в особенности, инакомыслящих. В связанном теснейшим образом с толкованием текстов историческом изложении феодальное общество времен Пространной Правды было ярко изображено И. И. в его новом, по сравнению с Краткой Правдой, составе, а отдельные эпизоды, как например восстание 1113 г. или «смердолобие» Владимира Мономаха, оказались изложенными с незабываемой тонкостью.

В связи с работой И. И. над Русской Правдой находится небольшая, но очень интересная его работа «Установление татьбы». Известная по одному лишь упоминанию о ней В. О. Ключевского, эта имеющаяся в Троицком I списке Мерила Праведного статья впервые была подвергнута изучению И. И. Путем ряда наблюдений и сопоставлений И. И. пришел к выводу, что эта

статья является записью русского права, близкого по времени к Русской Правде.

Вслед за окончанием монографии о социально-экономических отношениях XII—XIII вв. должно было последовать продолжение в виде «Крестьян феодальной Руси XIV—XV вв.». Излагая план этой новой монографии, И. И. писал, что основной задачей ее является «исследовать положение различных групп и категорий крестьянства XIV—XV вв.». Важнейшими вопросами новой монографии должны были явиться: черное крестьянство, формы феодальной зависимости крестьянства, феодальная кабала, крестьянские переходы. Как и для предшествующей монографии, И. И. в основу ее хотел положить определенный основной источник — им должны были оказаться столь тщательно и полно указанные И. А. Голубцовым «Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси конца XIV—начала XV в.» (М., 1952—1958).

Эту тему, по выражению И. И. (1962), он «собственно говоря уже выдал своей статьей о книге Л. В. Черепнина». Действительно, обширные «Заметки о феодальной Руси XIV—XV вв.» по поводу книги Л. В. Черепнина затрагивали ряд намеченных выше разделов работы И. И. Особое место заняли в «Заметках» сравнительно обширные «вопросы историографии», в которых дана была особенно обстоятельная общая характеристика трудов и взглядов А. Е. Преснякова.

Работа над крестьянами XIV—XV вв. должна была сложиться несколько по-новому. В записке, поданной руководству ЛОИИ, И. И. писал, что «представляется желательным в качестве предварительной стадии обработки актов составление по определенному принципу систематизированной картотеки актов». А. И. Копанев, близко наблюдавший за этой ступенью работы И. И., так описывает принятую И. И. систему кодирования актов: «Для этого Ив. Ив. был выработан своеобразный предметно-тематический указатель, в котором каждый термин или тема получили свой постоянный номер. Имея этот указатель, И. И. читал акт за актом и на полях книги делал цифровые отметки по коду указателя, которые должны были сделать сразу же очевидным содержание акта, т. е. показывали, по какой теме может быть привлечен данный акт в исследовании. Так как каждый акт мог быть интересен с разных точек зрения, то на полях книги появлялось до десятка цифр. Для того чтобы иметь возможность по своей воле тасовать акты в нужные ему группы, И. И. разрезал три тома актов, изданных И. А. Голубцовым. И. И. говорил, что при такой системе кодировки содержания актов легко выбрать все акты, необходимые для изучения и написания того или иного раздела книги. И. И. несколько раз говорил, что ему бы хотелось написать книгу или статью о его методе изучения источников, в которой он мог бы на примерах из своих источниковедческих

искавший «обратить внимание молодых исследователей на иногда казалось бы мелочи в источнике, позволяющие раскрыть важные вопросы».

В течение ряда лет И. И. являлся руководителем теоретического семинара в ЛОИИ. Несомненно, это руководство было весьма близким сердцу И. И. делом. Собственно исторические занятия И. И. стали теперь скрупулезными историческими исследованиями. Методология, естественно, здесь присутствовала, но в качестве некоей только руководительницы источниковедческого разбора памятников. Теоретический же семинар возвращал И. И. в новом виде к общим теоретическим вопросам, сыгравшим столь существенную роль на ранней ступени развития исторического творчества И. И. В этом семинаре И. И. и сам читал доклады и тщательно готовился к своим выступительным и заключительным словам. Так, сохранился текст доклада, читанного 8 января 1950 г.: «Работа Ленина „Марксизм и ревизионизм“ и задачи борьбы с современным ревизионизмом». Другой доклад И. И. — «Некоторые вопросы методологии исторического исследования в трудах В. И. Ленина» — был впоследствии (1963) им напечатан. Присущее И. И. строгое чувство ответственности за поручаемое ему дело особенно отчетливо сказывалось на его отношении к работе семинара. Лишь перегрузка плановыми обязанностями заставила И. И. после нескольких лет руководства семинаром оставить его.

Университетское преподавание было для И. И. весьма приятным делом. И. И. вел университетские занятия в 1936—1941 гг., а также в 1947—1956 гг. В 1948 г., когда И. И. возобновил свои университетские занятия, он писал: «так как я люблю заниматься со студентами, то доволен, что опять стал „педагогом“». И. И. читал в университете курсы общие и специальные («Восстание Болотникова», «Русское государство XVI в.», «Иван Грозный» и др.) и вел семинарские занятия («Крестьянство в России XV—XVI вв.», «Судебники 1497 г. и 1550 г.», «Вопросы внутренней и внешней политики во II половине XVI в.», «Русское государство в эпоху Ивана Грозного» и др.). Сохранились записки, которые И. И. вел во время хода семинарских занятий. Это краткий протокол всего хода обсуждения прочитанного доклада, в котором отмечено каждое выступление участника семинара, а также в ряде случаев набросок выступления самого руководителя. Из среды лиц, занимавшихся под руководством И. И., вышел ряд ученых-историков, как А. И. Коланов, А. Г. Маньков, И. С. Шенелев, Н. Е. Носов, Д. И. Петрикеев, Г. Н. Образцов, Т. В. Старостина, Ю. Г. Алексеев, Л. С. Прокофьева, Г. А. Победимова и др.

Еще в апреле 1965 г. И. И. писал: «По работе у меня с этим годом связаны большие планы по теме „Крестьяне XIV—XV вв.“. Сейчас занят предварительной обработкой актов».

14 мая, месяц спустя, И. И. не стало, и эта работа осталась незавершенной. Осталась лишь замысел и другая книга — «Борьба классов в Русском государстве конца XVI—нач. XVII вв.», в которую И. И. хотел включить частью изданные, частью издаваемые впервые свои статьи, начиная с 1933 г., и которая могла бы, по мысли И. И., рассматриваться как своего рода дополнение к «Восстанию Болотникова». Надо надеяться, что эта мысль И. И. будет осуществлена.

Нельзя не отметить, что творческая деятельность И. И. могла так блестяще развиваться лишь благодаря необычайной внутренней силе И. И., мужественно преодолевавшего неаллоичную болезнь, рано его поразившую, неустанно прогрессирующую и все более и более отягченную его физическое состояние. Научная деятельность становилась при таких условиях для И. И. все большим и большим подвигом, и тем более примечательен тот выдающийся вклад, который внесен И. И. в советскую историческую науку.

Л. В. ЧЕРЕПНИН

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ О КЛАССОВОЙ БОРЬБЕ В НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛЕ В XIV—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XV в.

Вопрос о роли классовой борьбы в процессе ликвидации политической раздробленности и складывания единого Русского государства принадлежит к числу первостепенных, так как классовая борьба является важнейшим фактором, влияющим на изменение государственных форм. Однако сведений о классовой борьбе на Руси в XIV—первой половине XV в. в известных историкам источниках имеется не так уж много. Поэтому всякое новое известие воспринимается с большим интересом. Запас исторических фактов XIV—XV вв., которым располагают исследователи, в последние годы значительно пополнился благодаря находкам в Новгороде А. В. Арциховским и его сотрудниками берестяных грамот. Наряду с множеством самых разнообразных сведений, они содержат и некоторый материал о классовых противоречиях в новгородской деревне.

Ряд новгородских берестяных грамот, как удалось установить А. В. Арциховскому, представляет собой фрагменты вотчинного архива боярской фамилии Мишиничей-Онцифоровичей, складывавшегося на протяжении ряда поколений.¹ Работу по сведению

¹ Поскольку в дальнейшем мы будем ссылаться в тексте только на номера грамот, укажем их издания: А. В. Арциховский и М. И. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953 (№№ 1—10); А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954 (№№ 11—83); А. В. Арциховский и В. И. Борковский. 1) Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958 (№№ 84—136); 2) Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958 (№№ 137—194); 3) Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963 (№№ 195—318); А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—1961 гг.). М., 1963 (№№ 319—405). — Все комментарии А. В. Арциховского, на которые мы ссылаемся, даны вместе с текстами соответствующих грамот.

воедино остатков этого архива (на основе не только прямых указаний текста, но и палеографических данных, наблюдений за местом залегания грамот в земле, за окружающими их документами и т. д.) продолжил В. Л. Янин.² В настоящее время можно считать установленным, что 45 берестяных грамот связаны с предшественниками последовательных поколений фамилии Мишиничей-Онцифоровичей: Варфоломеем Юрьевичем, его сыном — Лукой Варфоломеевичем, сыном последнего — Онцифором Лукиничем, детьми Онцифора — Юрием, Максимом и Афанасием, сыном Юрия — Михаилом и внуками — Андреяном и Никитой Михайловичами.

Среди названных имен был ряд крупных новгородских политических деятелей. Варфоломей Юрьевич был посадником. В 1323 г. он участвовал в заключении договоров Новгорода с Ливонским орденом и Швецией, в 1326 г. — с Норвегией.³ Под 1331 г. летопись говорит о встрече им архиепископа Василия, приехавшего в Новгород из Москвы. В 1334 г. Варфоломей ездил в качестве новгородского посла к Ивану Калите. В 1342 г. Варфоломей умер.⁴

Лука Варфоломеевич упоминается в летописи под 1333 г. в качестве одного из новгородских послов в Торжок к Ивану Калите, наступавшему на Новгород. В 1342 г. Лука отправился с отрядом «холопов збоев» на Двину, где был убит. Очевидно, он пользовался известной популярностью среди черных людей, так как весть о его гибели вызвала восстание в Новгороде, причем восставшие обвинили в организации убийства Луки посадника Федора Даниловича.⁵

Онцифор Лукинич начал свою политическую деятельность с участия в походе, предпринятом его отцом (он с отдельным отрядом отправился на Волгу). После гибели отца он вернулся в Новгород и подал новгородскому правительству официальную жалобу на посадника Федора Даниловича и одного его сообщника в организации убийства Луки Варфоломеевича, а в то же время сам организовал движение против посадника. Движение было подавлено, и Онцифору пришлось бежать из Новгорода, но затем при посредничестве архиепископа Василия ему удалось примириться со своими противниками. В 1348 г. Онцифор успешно ходил во главе новгородской рати в Ижорскую землю против шведов. В 1351 г. Онцифор стал посадником, причем его избрание сопровождалось движением против его политического противника Федора Данилова и сообщников последнего. В 1354 г. Онцифор

² В. Л. Янин. Я послал тебе бересту..., М., 1965 (см. гл. 6—11).

³ ГВНП, стр. 65—70, №№ 37—39.

⁴ НПЛ, стр. 343—344, 346, 355.

⁵ Там же, стр. 345, 355, 356.

отказался от посадинчества, по словам летописи — «по своей воле».⁶

Из сыновей Онцифора Лукиничя наибольшую известность получил Юрий. В 1376 г. он провожал в Москву к митрополиту архиепископа Алексея, в 1380 г. ездил в составе новгородского посольства к Дмитрию Донскому, в 1381 г. вел переговоры с литовским князем Ягайлом. В 1384 г. Юрий заложил каменный город Ям на Луге. В 1393 г. во время «розмирья» с московским великим князем Василием Дмитриевичем он участвовал в нападениях на княжеские волости, а в 1401 г. побывал в качестве посла в Москве и Твори. С 1409 г. Юрий Онцифорович — посадник. В 1411 г. он участвовал в бою со шведами под Выборгом, в 1414 г. ездил послом в Литву. В 1417 г. Юрий Онцифорович умер.⁷

О братьях Юрия Онцифоровича известно мало. Об Афанасии мы знаем лишь по берестяной грамоте. Максим упомянут под 1376 г. в летописи в качестве одного из новгородских послов к московскому митрополиту.⁸

Сын Юрия Михаил в 1421 г. участвовал в оформлении мирного договора Великого Новгорода с Ливонским орденом.⁹ Политическо-биографии детей Михаила восстановить не удастся.

Таким образом, по крайней мере четыре представителя фамилии Мишиничей-Онцифоровичей были участниками бурных событий новгородской политической жизни и социальной борьбы. Но до сих пор мы не знали их как хозяев-вотчинников. Теперь этот пробел в наших знаниях восполняется.

Из 45 берестяных грамот одна исходит от Варфоломея Юрьевича (391); одна — от Луки Варфоломеевича (389); две — от Онцифора Лукиничя (354, 358). Адресованы или предназначены: Варфоломею — одна грамота (191); Варфоломею или Луке — одна (320); Онцифору Лукиничю — девять (98, 99, 101, 102, 180, 325, 339, 345, 385); Юрию Онцифоровичу — восемь (94, 96, 97, 104, 167, 353, 362, 386); Юрию и Максиму Онцифоровичам — одна (370); Юрию и Афанасию Онцифоровичам — одна (273); Максиму Онцифоровичу — четыре (91, 271, 272, 279); Михаилу Юрьевичу — одиннадцать (157, 161, 162, 279, 299, 300, 301, 306, 308, 311, 313); жене Михаила Юрьевича Настасье с сыновьями Андреем и Никитой Михайловичами — одна (307). Три грамоты написаны от имени Максима Онцифоровича (177, 253, 290),

одна — от имени Андрея Михайловича (303). Документы, касающиеся других новгородских землевладельцев, дополняют материал архива Мишиничей-Онцифоровичей (23, 178, 242, 310, 314, 361 и др.).

По своему характеру документы весьма разнообразны. Это и личные письма землевладельцев, и донесения им их приказчиков и ключников, и крестьянские челобитные, и перечни крестьянских повинностей и долгов. Приказчики просят у господ указаний относительно сельскохозяйственных работ: «а рожь, осподине, велишь мне молотить, как укажешь» (242); «земля готова, надобо семьяна, пришли, осподине, целовек спроста, а мы по смием имать ржи без твоего слова» (17). В одном из донесений говорится о ценах на хлеб: «Господину Юрию челом бео Ортъмка и Денца рожь продають по...» (97). В другом речь идет о разделе урожая между землевладельцем и половниками-надольщиками: «Было есми, осподинь, на Пустоль ржи, рожь есмь роздилидо с Ольскою, с Гафанкомю. Нь много, осподинь, ржи на твою часть, два овина цтьврти» (23). Есть указание о выдаче «найма» хлебом: «а найма дай коробию ржи» (191). Очевидно, имеется в виду хлебная ссуда (отсюда название в Русской Правде закупа «наймитом»). Это не единственный случай. Сохранилось также предписание Максима Онцифоровича: «Дать Мелеяну 8 деже, накладо и веши. А ты, старосто, сбири» (253). Крестьянин получает ссуду хлебом под проценты. Староста должен проследить за ее возвратом.

В личных письмах землевладельцев чувствуется забота о сельском хозяйстве. Онцифор Лукинич дает указания своему человеку: «К житици свой замок приложи. А на гумни стои, коли молотять. А кони корми овсом...» (358). Некий Яков пишет Максиму Онцифоровичу: «Укупи ми, кланяюся, овса у Ондрея, оже прода, возми у него грамоту» (271). Варфоломей Юрьевич приказывает своим людям: «секите суко много (т. е. много, — Л. Ч.), а рожки много...» (391). Может быть, здесь речь идет о вырубке лесов под пашню. Имеются сведения о мельничном деле (167).

Замечательно выражение одной из берестяных грамот, подчеркивающее роль земледельческого хозяйства: «А земля сама ся окупить твоим здоровием» (104).

Наряду с документами, фиксирующими обязательства крестьян по хлебу, — долги по ссуде или оброчные недоимки (161, 162, 299, 320) — встретилась запись, указывающая, что один крестьянин свои недоимки погасил: «Ортимне по недоборно» (325).

В одной берестяной грамоте (98) речь идет о разделе холопов: «... роба и холопо твои, дете мои».

Пожалуй, наибольшую ценность или во всяком случае одну из самых больших ценностей среди берестяных грамот представляют коллективные крестьянские челобитные. Их найдено 11. Обычны для них формулы обращения: «бнют челом» (157), «че-

⁶ Там же, стр. 355, 356, 360, 362, 363. — В. Л. Янин считает, что Онцифор Лукинич был инициатором реформы государственного аппарата, выразившейся во введении коллективного посадинчества (В. Л. Янин. Новгородские посадники, М., 1962, стр. 185 и сл.).

⁷ НИИ, стр. 374, 376, 378, 402, 404, 407; В. Л. Янин. Я послал тебе бо-росту... стр. 82; см. также: ГВНП, стр. 288, № 286.

⁸ НИИ, стр. 373.

⁹ Там же, стр. 413; ГВНП, стр. 99, № 90.

лом быют» (313), «биють целом» (94), «чолом бею» (307), «чело бите» (313), «цолом бею» (307), «цолобитье», «цълобитие» (242, 310), «поклон» (279, 361, 370), «поклоно» (273).

Челобитчики называют себя: «хрестяне», «хрестьяне», «хрестяни», «хрестьяне», «хрестяни» (157, 307, 310, 311, 313), «хрестьяне» (94), «половники» (242), «сироты» (370).

Особенно интересно, что в ряде челобитных коллективно выступают крестьяне определенной сельской местности: «хрестяне Черенщани», «хрестяни Черенщани» (157, 311), «поклон... от всех Пашезерчев» (279), «хрестьяне Избоищане» (307), «хрестяни твои Смердыньскии» (313), «поклон от Шижкии Побратиловиць» (361), «Поклоно... от всех Мравгици» (273).

Восемь челобитных из одиннадцати адресованы боярам вотчинникам — представителям одной фамилии, потомкам посадника Онцифора Лукнича: Юрию Онцифоровичу (94), Юрию и Афанасию Онцифоровичам (273), Юрию и Максиму Онцифоровичам (370), Максиму Онцифоровичу (279), Михаилу Юрьевичу (157, 311, 313), его жене Настасье с сыновьями Андреяном и Никитой Михайловичами (307). Из остальных трех челобитных одна не имеет адресата (242); одна (310) составлена на имя посадника Андрея Ивановича, против которого в Новгороде в 1421 г. вспыхнуло восстание; одна адресована какому-то вотчиннику Якову (361).

Коллективное челобитье — это легальная форма проведения в жизнь крестьянами своих интересов и выражения социального протеста. По этим челобитным можно судить и о положении крестьян, и о тех требованиях, которые они выдвигали перед своими господами.

Первый мотив, который звучит в челобитных, — это жалобы на обеднение части крестьянства, на отсутствие или недостаток у них рабочего скота, семян для посева и т. д.: «у кого коне, а те худе, а у них неть; как, осподине, жалуешь хрестьян» (242); «а пынеца есме, господине, погibli, верешь (хлеб) позябли, сеяти, господине, нечего, а ести такоже печего» (360). В последнем тексте выступает прямая связь между расстройством крестьянского хозяйства и неурожаем, столь частыми в Новгородской земле.

Данные челобитных о тяжелом экономическом положении части сельского населения подтверждаются и берестяными грамотами другого типа. В дефектной грамоте 353, представляющей собой донесение какого-то ключника или приказчика феодалу (как считает В. Л. Янин, — Юрию Онцифоровичу), читаем: «...пыне ту у вдовкиных детей на тых сохах семян нету ни дежо (мера вместимости, — Л. Ч.), ино не дашь кони и семена... буде...».

Второй мотив, который повторяется в челобитных, — это жалобы на притеснения вотчинной администрации: приказчиков, ключников и т. д. Крестьяне бьют челом Юрию Онцифоровичу «о ключнике, задо (по В. Л. Янину — «зане», потому что, —

Л. Ч.), — пишут они, — ...не можем ницим ему удобритися»; ключник «буянить», и они просят убрать его «с села» (94). В другой челобитной на имя того же Юрия и его брата Максима крестьяне («сироты») также жалуются на «ключика» (ключника), который не блюдет их интересов, облагает их штрафами и поборами («за нас не стоть, нас продаеть, и окрадои от него есми»). От указанных действий ключника «сироты» «погibli», они не могут больше терпеть его произвол («аже ему будть сидити, нам силн питу сидити») и просят дать им «смирного человека» (370). По-видимому, о каких-то злоупотреблениях приказчика или ключника говорит и дефектная челобитная 313: «Здесе, господине, у нас Глеб не по...».

Третий вопрос, поднимаемый челобитчиками, касается отказа крестьян от выполнения повинностей, мотивируемого бедностью, отсутствием хлеба и т. д. «Поеди, господине, по свою верешь, дать, господине не, г<осподи>не, е», т. е. «если ты, господин, приедешь за своим хлебом (вероятно, оброчным, — Л. Ч.), дать нам, господине, тебе нечего», — пишут «Шижкии Побратиловици» «господину Якову» (361).

Четвертый вопрос, которого касаются крестьяне, — это перенос, по требованию вотчинника и вотчинной администрации, приказничьего или крестьянских дворов, что затрагивало крестьянские интересы, возможно был связан с изменением величины крестьянского надела. «Хрестяне Черенщани» бьют челом боярину Михаилу Юрьевичу: «Чо еси, господине, велел нам переставливати двор, и ключник нам, господине, велит переставливати...» (157). Грамота дефектна, и ее конец до нас не дошел, но, очевидно, крестьяне заявляют протест по поводу перенесения двора.

Пятая причина недовольства крестьян — передача их вместе с землей землевладельцем другому феодалу. Те же «хрестяни Черенщани» выражают претензию своему господину Михаилу Юрьевичу: «што еси одода деревенуку Климецу Опарину, а мы его не хъtimo» (311).

Шестая тема челобитья — обсчет землевладельцами крестьян при их «отказах» и переходах от одного феодала к другому. Два крестьянина, Захарко и Нестерко, «жили за Алексеем Щукою, а затем перешли в имение новгородского посадника Андрея Ивановича, но первый землевладелец захватил их хлеб («не хоче нам ржки дати»). Крестьяне просят нового господина взять их под защиту и помочь им получить то, что им принадлежит по закону: «како ся, осподине, нами, своими хрестяны, попецалишсе» (310).

Последнее, седьмое, на что жалуются крестьяне, — это судебный произвол и волокита. Их таскают по судам, причем часто по фальшивым «позовницам» (документам о вызове в суд), привлекают к судебной ответственности по фальшивым долговым записям: «и zde являея позовници ложивы, и zde, осподо, являея рупуписание лживыя» (307).

В крестьянских челобитных достаточно четко отражаются классовые противоречия в феодальной деревне и выступает то, что беспокоило и тревожило крестьян. Одной из характерных черт крестьянской психологии является наивная вера, что все их беды происходят главным образом от вотчинной администрации, а сам вотчинник является для них верховным судьей и защитой: он, как господь бог, далек от них, но на него вся надежда. «Надемся, осподине, на бога и на тебя, на своего осподина» (310); «волеи б[ог]ъ де и ты» (311). Однако в просительной и почти-тельный тон челобитных иногда вкраиваются и требовательные нотки: «А мы его (нового господина, которому их передал прежний владелец, — Л. Ч.) не хъtimo» (311).

Подача крестьянами челобитных принимала массовый характер, и это вызывало у представителей господствующего класса беспокойство, так как от легальной формы защиты своих интересов крестьяне могли перейти к активному социальному протесту. «Паробок Кий» сообщил Михаилу Юрьевичу, что половина волости опустела, так как крестьяне оттуда разошлись, а те, кто остался, также хотят идти жаловаться и просить о снижении податей: «Како, осподине, пожалуеши. Волости половина пуста, и которъ остались, ити хотя жалуби. Хотя, осподине, жалоби, цоби, осподине, подати оубавити. А тоби, своему осподиню, цоломи бию» (301). Очевидно, здесь речь идет уже не о подаче челобитных господину, а о жалобе в суд (посадничий или вечевой) на вотчинную администрацию. Очевидно, это уже более сильная форма протеста по сравнению с челобитием феодалу, от которого крестьяне были зависимы.¹⁰

Рассмотрим некоторые берестяные грамоты (помимо челобитных), в которых сохранились сведения о классовых противоречиях в феодальной деревне и различных проявлениях недовольства крестьян.

В берестяной грамоте № 102 говорится: «Поклоно о(т) Ф. еси велиле, велиле верше имати, творяце и виновати. Одину три коробей оув — Ыванка оузлие. Староста Олескаидрова погоста бееть целом, стобы еси, господине, окупиле и [x и с]¹¹лово положили со мною, аже ти... окупити их, тыи отошлии». В. Л. Янин полагает, что грамота была адресована новгородскому посаднику Онцифору Лукиничу.¹² Отправлена она была каким-то боярским приказчиком или ключником.

Смысл текста в значительной степени разъясняется в результате его сопоставления с двумя статьями Псковской судной гра-

¹⁰ Л. В. Черепнин. Новые данные по истории русского крестьянства XIV—XV вв. в новгородских берестяных грамотах. В сб.: Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России, М., 1961, стр. 38.

¹¹ Утраченный текст восстановлен предположительно.

¹² В. Л. Янин. Я посмал тебе бересту..., М., 1965, стр. 115.

моты (ст. 44 и 51). В ст. 44 сказано: «А государю на изорники, или на огородники, или на кочетники волно и взакличь своеси покруты и сочить серебра и всякой верши по имени, или пшеница ярой или озимок, и по отроку государеву или сам отречется». Это значит, что землевладелец имеет право требовать с зависимого от него крестьянина, огородника или рыболова, и без письменного документа, путем устной публичной огласки своей претензии, ссуды — денег и всякого хлеба (указывая, какого именно: пшеницы яровой или озимой), независимо от того, с чьей стороны состоялся отказ — землевладельца или же крестьянина, огородника или рыболова. Ст. 51 рассматривает тот случай, когда крестьянин станет отрицать факт получения ссуды от землевладельца, говоря: «я жил в твоём имени, но ничего тебе не должен» («А коли изорник имет запитреться у государя покруты, а молвит так: у тебе еси на селе живал, а тебе еси не виноват...»)¹³.

Судя по берестяной грамоте 102 от боярина Онцифора Лукиничя (или другого землевладельца), «отошлии» (т. е. «отказались», заявили об уходе) крестьяне. Он объявил их «виноватыми», т. е. должными ему, и распорядился насильно изъять у них «вершь» (хлеб). Ключник выполнил господское распоряжение применительно к одному крестьянину — Иванку, у которого были взяты три коробки зерна. Тогда в дело вмешался староста Александра погоста. Естественно возникает вопрос: причем он здесь? Может быть, ответ на этот вопрос поможет дать сопоставление берестяной грамоты 102 с княжескими грамотами середины XV в. об отказе белозерских серебрянников. У старосты Волочка Словенского была специальная грамота кн. Михаила Андреевича Белозерского, согласно которой он имел право принимать на черные земли из деревень Ферапонтова монастыря «половников в серебре», т. е. крестьян-издолычиков, задолжавших монастырю. Переход крестьян мог совершаться круглый год («межень лета и всегды»), причем переходившему в Волочок Словенский крестьянину давалась на два года рассрочка в уплате монастырского долга. Впоследствии эта грамота была отменена и условия крестьянского перехода стали более трудными.¹⁴

Можно думать, по аналогии, что староста Александра погоста (где были черные, государственные земли) обратился к боярину через его ключника с челобитием установить сумму откупа, который должны внести ушедшие в черный погост крестьяне, и дать им возможность со временем погасить долг. Перед нами картина борьбы между землевладельцем и крестьянами, возникшей на экономической почве. Средством борьбы является крестьянский отход. Староста местного погоста вынужден выступить на защиту крестьянских интересов.

¹³ ПРП, вып. II, стр. 292—293.

¹⁴ АСЭИ, т. III, стр. 307, № 326.

Имеются сведения об активном неповиновении крестьян приказу господина. В дефектной берестяной грамоте 345 сохранились слова: «... а звало есмь васо в городо, и вы моего слова не послушали. А како приедуте по васо дворянь, тако будит». По месту находки и соседству с другими документами В. Л. Янин считает вероятным, что грамота написана посадником Онцифором Лукиничем.¹⁵ Общий смысл текста ясен. Болрин вызвал в Новгород своих крестьян, но они его не послушались, и он грозит отправить за ними специальных лиц из государственного административного аппарата (как посадник, он это может сделать сам). Некоторый свет на берестяную грамоту 345 проливают Новгородская и Псковская судебные грамоты. Новгородская судебная грамота говорит: «А кто кого позовет в селе позовкою или дворянином...». Следовательно, различаются две формы вызова в Новгород сельского населения: добровольно письмом и насильно через специальное лицо, облеченное полномочиями, — дворянина.¹⁶ Первый способ, к которому прибег Онцифор Лукинич (если он подразумевается в берестяном акте 345), не подействовал. Крестьяне упорствовали. Он предупреждает их, что прибегнет ко второму способу. Более детально вопрос об уклонении виновного от явки на вызов по «позовнице» («стулится от позовницы») рассматривает Псковская судебная грамота.¹⁷ Это также иллюстрация к берестяной грамоте 345.

Мы не знаем, в чем заключалась вина крестьян Юрия Онцифоровича (или иного новгородского вотчинника). Но налицо сам факт их неповиновения господской власти и реакции на это боярина в виде угрозы применить насилие.

Неповиновение, вероятно, чаще всего выражалось в отказе от выполнения повинностей. С большими разрывами дошел до нас текст грамоты 352: «... андровичю сыну посадничю. Слуги твои, господине...: мосуку, што еси, господине, хлебо велело и... тошомо, ино тото хлебо, господине, крестьяне перемеро... господине, не слушали, а которые, господине, остат... ыты, господине, молотимо, да сыплемо, господине, в жы... ы хлеба, господине, перемеролотили крестяне».

В грамоте слишком много дефектных мест. Поэтому очень трудно восстановить ее связный текст. А. В. Арциховский относит грамоту к 20-м годам XV в. В 1421 г. умер посадник Александр Фоминич. В грамоте, по-видимому, упомянут его сын. Слуги последнего сообщают своему господину о ходе работ по обмолоту зерна в его вотчинах. К этому делу привлечены крестьяне, причем в грамоте имеется какое-то противоречие. С одной стороны, крестьяне оказывают неповиновение во время работ; с другой стороны, указывается, что они перемеролотили хлеб.

¹⁵ В. Л. Янин. Я послал тебе бересту..., стр. 115.

¹⁶ ПРП, вып. II, стр. 218, ст. 47.

¹⁷ Там же, стр. 289, ст. 25.

Вероятно, противоречие это мнимое, возникающее у читателя лишь в силу того, что он имеет дело с дефектным текстом. Может быть, некоторый свет на содержание берестяной грамоты 352 может пролить уставная грамота митрополита Киприана Царево-Константиновскому монастырю 1392 г. Она появилась в силу того, что монастырские «сироты» пожаловались митрополиту на своего игумена, который произвольно увеличивал барщину и оброк по сравнению с исконным вотчинным обычаем: «паряжат нам, господине, дело не по пошлине, чего, господине, при первых игуменех не бывало; пошлины, господине, у нас емлет, чего иные игумены не имали». Митрополит произвел расследование, «какова пошлина в святом Константине, и как людем монастырским дело делати», и восстановил старые порядки. В числе крестьянских повинностей в грамоте Киприана фигурирует и обязанность «на семя рожь молотити».¹⁸

Может быть, и в берестяной грамоте 352 речь шла не вообще об отказе крестьян от работ, а о их борьбе за фиксированную ренту, т. е. о согласии выполнять повинности лишь в пределах издавна существующих в вотчине норм. Непослушание выразилось в нежелании работать сверх этого, и слуги вынуждены были уступить: крестьяне перемеролотили то, что им полагалось, а обмолот остального слуги организовали уже на началах крестьянской барщины, может быть, руками дворовой челяди.

Активными формами классовой борьбы крестьян были: присвоение собственности феодалов, их убийство, коллективные на них нападения. Представители господствующего класса именовали эти преступления: «татьба», «душегубство», «разбой». Кирилл Белозерский писал князю Андрею Дмитриевичу: «Тако же, господине, и разбой бы и татбы в твоей вотчине не было. И аще не уймутся своего злаго дела, и ты их вели наказывати своим наказанием, чему будут достойни...».¹⁹ О «татьбе» и «душегубстве» имеются сведения и в берестяных грамотах.

Грамота 297 представляет собой челобитье ключника или прикащика Сергия с братиею Михаилу Юрьевичу (сыну посадника Юрия Онцифоровича) с извещением о том, что произошла кража господского зерна: «Стог, господине, твои ржаныи цветретьи тати покрали, овинов пять свезли, в чьи...». Перед нами случай коллективной татьбы, о которой говорила еще Русская Правда: «Аже крадеть гумно или жито в яме, то колико их будеть крало, то всем по 3 гривны и по 30 кун».²⁰ Псковская судебная грамота включает кражу зерна в число преступлений, подсудных княжескому суду: «Со суд княжен, ож клеть покрадут за

¹⁸ АСЭИ, т. III, стр. 16—17, № 5.

¹⁹ Там же, т. II, стр. 274, № 312.

²⁰ М. Н. Тихомиров. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953, стр. 95, ст. 30.

зомком... или в яме (очевидно, хлеб в яме) или скота украдают или сено сверху стога иматъ, то все суд княжон».²¹

О «татбе» говорит и берестяная грамота 256: «...ци ерово крошено и татби во яра. Татбу свою 10 рублово на Григорици и...». Текст настолько отрывочный, что можно лишь сказать, что речь в нем идет о хищении хлеба.

В некоторых берестяных грамотах отражены случаи, когда «татба» сопровождается «душегубством».

В берестяной грамоте 252 читаем: «(снох)у есть у мнь убиле, а живото есть у мнь розграбиле лезни мя в Плищ... и снохоу и своим грабьжм поедьм в город кун...». А. В. Арциховский указывает, что «Плищ» — это, вероятно, название местности, ибо в новгородских писцовых книгах конца XV в. упомянуто несколько деревень по имени «Плищово». Слово «лезни» А. В. Арциховский сопоставляет с встречающимися в старинных белорусских актах термином «лезные люди» — люди праздношатающиеся, не имеющие ни оседлости, ни занятий. Продолжая это сопоставление, мне кажется, можно сделать вывод, что «лезни», «лезные люди» — те же «попрошан», «попрашатаи», о которых говорят грамоты Северо-Восточной Руси, запрещая им ходить по деревням и просить хлеба.²² Появившихся в каком-либо населенном пункте «попрошав» («попрашатаев») предписывалось задерживать и отправлять к князю на суд.²³ «Попрашан», «лезни» — это, очевидно, крестьяне-бедняки, лишившиеся земли и не имевшие средств к существованию. Наличие таких социальных элементов в деревне особенно стало ощущаться землевладельцами и органами власти в XV—XVI вв., когда в процессе образования централизованного государства обострялись классовые противоречия и люди, не имевшие постоянного места жительства и занятий, казались опасными представителям господствующего класса.

По-видимому, в берестяной грамоте 252 речь идет о землевладельце новгородской местности Плищ, у которого «лезни» убили сноху и забрали имущество. Можно думать, что это был акт классовой расправы. Не совсем понятна последняя фраза. Пострадавший собирается ехать в город, очевидно Новгород. Зачем? Может быть, на этот вопрос даст ответ статья Белозерской уставной грамоты 1488 г., говорящая о том, как поступать, если будет совершено убийство, а убийцу не найдут. «...А учинится душегубство в коем стану или в коеи волости, а не доищутся душегубца, и они вины четыре рубли заплатят в стану или в волости, в коеи душегубство учинилося; а доищутся душегубца, и они его дадут наместником или их тнуом, а хрестыаном в том продажи нет».²⁴ Можно полагать, что случай, предусмотренный Бело-

зерской уставной грамотой, как раз и произошел в Новгородской земле и его отразила берестяная грамота 252. Учинившие убийство и «грабеж» «лезни» скрылись, они не найдены. И вот пострадавший землевладелец едет в город, чтобы искать по суду «кун» с тех, кто обязан произвести розыск виновных и представить их в суд, а до этого уплатить «вицу», — т. е. с жителей волости, где совершено преступление. Это предположительное, но, на наш взгляд, весьма правдоподобное объяснение смысла берестяной грамоты 252.

В грамоте 135 сказано: «Целобетье от Иова к Василью Игнатьву. Цо еси посла детину да седла да выжля, потому опознав да отадбели, а цо было живота твоего и моего, то все взяли, а самого смертью казнили. А понеце, осподни, печалесь детьме моими».²⁵

Неясны в данном тексте слова «выжля» и «отадбели». Можно согласиться с А. В. Арциховским, что первое слово означает «охотничья собака». Менее убедительны его соображения по поводу второго термина: он считает, что здесь допущена описка и следует читать не «отадбели», а «отбили». Ближе к истине чтение, предложенное Б. А. Рыбаковым: «о татбе ли». Однако мне представляется, что перед нами не три слова, а одно, причем это глагол «украли». Сходный термин (только в другой глагольной форме) встречаем в Псковской судной грамоте: «...изорничю брату, изорничю племяни государя не татбит ни лукошки, ни кадки...».²⁶

Общий смысл текста, по-видимому, таков. Иев сообщает Василью Игнатьву, что посланный им на оседланном коне с собакой «детина» (какой-то зависимый человек) был по дороге задержан и убит, а находившееся при нем имущество двух лиц, которые ведут переписку, было у него отнято. Слова «смертью казнили» свидетельствуют, что произошло не просто убийство с целью грабежа, а имел место акт возмездия, расправы, наказания за какие-то преступления. В этом смысле выражение «казнити смертью» употребляется в новгородских летописях.²⁷ «Детину», очевидно, специально поджидали и «казнили», лишь «опознав», т. е. убедившись (по коноу, седлу, собаке), что это он. Все изложенное говорит за то, что перед нами один из эпизодов классовой борьбы. Слуга, отправленный с господским поручением и имуществом, стал жертвой недовольства им или его господином со стороны людей, принадлежавших к другому социальному кругу, т. е. к феодально зависимому населению. Говоря языком феодаль-

²¹ ПРП, вып. II, стр. 286, ст. 1.

²² АСЭИ, т. II, стр. 134, № 206, и т. III, стр. 94, № 61.

²³ Там же, т. III, стр. 50, № 27.

²⁴ Там же, стр. 39—40, № 22.

²⁵ А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.), стр. 75, № 135.

²⁶ ПРП, вып. II, стр. 297, ст. 86. См. также Л. П. Жуковская. Новгородские берестяные грамоты. М., 1959, стр. 39.

²⁷ НПЛ, стр. 392.

ного права того времени, произошли одновременно «душегубство» и «татьба».

Последнюю фразу текста А. В. Арциховский переводит: «А теперь, господин, печалься с детьми моими». Б. А. Рыбаков понимает интересующие нас слова иначе, он считает, что в конце грамоты имеется не обращение к адресату — «печалься» вместе с детьми автора письма, — а констатация печального положения его и его детей: «А понеже, господин, печаль с детьми моими». Думаю, что ни тот, ни другой перевод не передают правильно сути дела. В действительности в тексте не моральная сентенция, а просьба о правовой защите. Слова «А понеже осподин, печалесь детьме моими» имеют такой же смысл, что и формула договора в кн. Василия Дмитриевича с в. кн. тверским Михаилом Александровичем около 1396 г.: «А отъимет бог которого от нас, и вам, брате, печаловатися нашими кнегинами и нашими детми по животе по нашем».²⁶ Здесь «печаловатися» означает: взять под свой патронат, оборонять от попыток нарушить интересы подзащитных. нечто подобное имеется в виду и в берестяной грамоте 135. Иев обращается к Василию Игнатьеву, вероятно более мощному феодалу, с просьбой защитить (возможно, возбудив иск в суде) интересы его детей, лишившихся имущества.

* * *

Приведенный материал, несмотря на всю свою отрывочность, значительно восполняет наши сведения о социально-экономической истории XIV—XV вв. Я думаю, не будет преувеличением сказать, что архив Мишиничей-Онцифоровичей XIV—XV вв. — это архив боярина Морозова XVII в. в миниатюре. Главным источником по социально-экономической истории XIV—XV вв. до настоящего времени были акты, относящиеся к землевладению. Теперь мы располагаем документами, рисующими вотчинное хозяйство. Летописи Великого Новгорода сохранили много сведений о городских движениях. Теперь в нашем распоряжении имеются новые данные о классовой борьбе в новгородской деревне.

²⁶ ДДГ, стр. 43, № 15.

А. А. ЗИМИН

ОТПУСК ХОЛОПОВ НА ВОЛЮ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ XIV—XV вв.

Впервые в советской историографии четко сформулировал представление о судьбах холопства в России XIV—XV вв. Б. Д. Греков. Он писал, что «князья или бояре перед смертью массами отпускали своих холопов». В результате этого «в XV в. княжеское и боярское холоповладение вне всяких сомнений сокращается».¹ Этот процесс Б. Д. Греков объяснял постепенным изживанием рабства, начавшимся еще в Киевской Руси.

Итак, в XIV—XV вв., по Б. Д. Грекову, происходит процесс изживания холопства на Руси. Впрочем, бросается в глаза слабость документальной базы, на которую опирается этот вывод.

Наиболее яркое доказательство тезиса Б. Д. Грекова можно было бы найти в свидетельстве С. Герберштейна, дважды в первой четверти XVI в. побывавшего на Руси. Имперский посол писал в своих Записках о России: «Этот народ находит более удовольствия в рабстве, чем в свободе. Ибо перед смертью господина, в огромном большинстве случаев, отпускают известных рабов на волю, но эти последние тотчас за деньги отдают себя в рабство другим господам».² Сведения, надо сказать, темные. Что значит «известных рабов» (*certos servos*)? Возможно, в данном случае речь только о верхушке холопов (слуг). Да и сам Б. Д. Греков пишет о приведенных словах Герберштейна: «Все эти рассуждения — сплошное недоразумение, результат полного и несомненно предвзятого непонимания самой сути общественных отношений

¹ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, кн. II. Изд. 2. М., 1954, стр. 26; о том же см. в кн.: Очерки истории СССР. IX—XV вв., ч. II. М., 1953, стр. 55. — Сходную мысль высказывал и С. В. Бахрушин, считавший, что в XV в. «княжеское рабовладение сильно сократилось» (С. В. Бахрушин, Научные труды, т. II, М., 1954, стр. 39).

² С. Герберштейн. Записки о Московитских делах. СПб., 1908, стр. 74.

не только в России, но и во всякой другой феодальной стране».³ Подметив факт отпуска на свободу холопов после смерти господ, Герберштейн неверно объяснил и его причины и степень его распространения.

Б. Д. Греков приводит еще шесть доказательств своего тезиса. Но три из них взяты из публицистики середины XVI в. (Сильвестр, Башкин, Пересветов) и не имеют убедительной силы для характеристики социальных явлений конца XV в. Наконец, автор упоминает о трех духовных грамотах, содержащих сведения об отпуске всех холопов на свободу. Две из них принадлежали княгине-вдовам, у которых в момент составления завещаний не было детей мужского пола, чем и можно объяснить их распоряжение об отпуске «полных людей» на свободу. Об одном завещании (Василия I) мы еще будем говорить особо.

Итак, Б. Д. Греков не привел сколько-нибудь убедительных доказательств тезиса о «массовом отпуске» холопов на свободу в конце XV в.

Гораздо более реалистичны наблюдения Л. В. Черепнина. Обратившись к духовным грамотам XV в., Л. В. Черепнин пишет, что «духовные грамоты светских феодалов не позволяют сделать вывод о массовом отпуске землевладельцами холопов на волю».⁴ Это глубоко верное наблюдение.⁵

Л. В. Черепнин предлагает своеобразную интерпретацию великокняжеских и удельнокняжеских завещаний XIV—XV вв. Он исходит из того, что в большинстве этих документов содержатся сведения об отпуске всех холопов. Но «совершенно невозможно представить себе дело таким образом, что каждый князь отпускал на волю перед своей смертью всех холопов... а его преемник заново заводил весь административный персонал и всю дворню». Поэтому Л. В. Черепнин считает, что со второй половины XIV в. в княжеских дворцовых землях «вырабатывается общий статус о пожизненности холопства до смерти холоповладельца». Это не означало, что все холопы действительно покидали своих господ. Речь шла о том, что «после смерти того или иного князя, согласно завещанию, совершался пересмотр взаимоотношений между несвободными „людьми“ (юридически получившими волю) и его наследниками».⁶

³ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, кн. II, стр. 30.

⁴ Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, стр. 260.

⁵ В общей форме этот тезис повторил недавно и А. П. Пьянков: «...нет оснований говорить, что в это время холопство отмирает» (А. П. Пьянков. Холопство на Руси до образования централизованного государства. Тезисы докладов и сообщений восьмой (московской) сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (сентябрь 1965 г.), М., 1965, стр. 22).

⁶ Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках, стр. 260.

Обратимся теперь к завещаниям XIV—XV вв. как к важнейшему источнику по истории холопства этого времени, с тем чтобы попытаться решить вопрос об отпуске холопов на свободу, поставленный в историографии. Начнем с завещаний великих и удельных князей.

В самой старой из сохранившихся великокняжеских духовных Иван Калита (около 1327 г.) писал: «А что мои люди купленни в великом свертце, а тыми ся поделять сынове мои». О других категориях холопов Калита как будто молчит. Правда, он упоминает своих «бортников и оброчников купленых, которые в когрой росписи».⁷ В. О. Ключевский считает, что речь идет о «холопах, посаженных на оброк» (одно завещание 1563 г. знает «у людей деловых оброчной животины»)⁸ Однако Б. Д. Греков называет их «людьми, вступившими в частную зависимость к богатому человеку и сидящими на оброке».⁹ Возможно, перед нами категория населения, близкого к делюям. Завещание Калиты ничего не говорит об отпуске «людей» на свободу. Первое сведение об этом явлении содержится в духовной вел. князя Семена Ивановича (1353 г.): «А что моих людей деловых, или кого будо прикупил, или хто ми ся будеть в вине достал, тако же мои тивуни и поселские, и ключники и старосты, или хто ся будеть у тых людей женил, всем тем людем дал есмь волю, куды им любо. А братье моей, ни моей княгине, те люди не надобны».¹⁰

Итак, обе группы холопов — «деловые люди» и «тиуны» — отпускались на свободу. Холопами становились и по суду («в вине»), в частности воры, которые не могли возместить ущерб за украденное (ст. 10 Судебника 1497 г. — «выдать в его гибели головою»; ср. в уставной Двинской грамоте 1397—1398 гг. — «тата впервые продати противу поличного»).

Со времени духовной Ивана Калиты до времени духовной Семена Ивановича прошло примерно четверть века. Если отец князя Семена ничего не писал об отпуске холопов на волю, то после смерти самого Семена все его «люди» получили свободу. Столь большая разница в распоряжении своей челядью объясняется очень просто: у князя Семена не было сыновей, а поэтому, в соответствии с принятым обычаем, он и дал свободу своей челяди. Это дело было богоугодным и соответствовало вкладам на помин души: ведь в монастыри передавалась вся земля только тогда, когда у вкладчика не было наследника мужского пола. Если же у землевладельца были дети, то в монастыри попадала обычно

⁷ ДДГ, № 1, стр. 8, ср. стр. 10.

⁸ В. О. Ключевский, Сочинения, т. VII, М., 1959, стр. 371.

⁹ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, кн. I, М., 1952, стр. 517—518. — Села «с оброчники» упоминаются в ряде духовных (ДДГ, №№ 4, 17). В договорных грамотах есть формула: «ни закладнев ти, ни оброчников не держати» (ДДГ, №№ 5, 13, 27, 45, 56, 58).

¹⁰ ДДГ, № 3, стр. 14.

небольшая часть вотчины. Порядок этот вполне соответствовал отпуску на свободу нескольких холопов (если были наследники мужского пола) или всех (когда наследников не было).

Но вот около 1356 г. завещание составляет брат князя Семена Ивановича, Иван. Своих холопов он отпускает на волю: «А хто будет моих казначеев и тивунов, и посельских или хто будет моих дьяков, что будет от мене ведали прибыток ли который, или хто будет у тех женился, те люди не надобны моим детем, ни моей княгини, дал есмь им волю. Тако же хто будет моих людей полных, купленных, грамотных, дал есмь им свободу, куды им любо. А детем моим не надобны, ни моей княгини».¹¹ В грамоте уже впервые находим четкую формулу состава княжеской администрации, которая пройдет сквозь всю половину XIV и XV в.: перед нами зарождающийся дворцовый аппарат, который находился в руках несвободных слуг. Это казначей и дьяки, ведающие прибытком князя, а также его многочисленные слуги — тивуны и посельские, осуществляющие власть в княжеских селах. О ключниках и старостах князь Иван, в отличие от своего брата, уже молчит. Они, очевидно, покрываются понятием «тивунов» и «посельских». Отныне в духовных грамотах «ключники» и «старосты» исчезают.

Раздел о нижней группе холопов резко выделен и четко сформулирован: все эти «люди» объединяются происхождением (полные, купленные, грамотные), а не каким-либо видом деятельности, как ранее. У князя Ивана, умершего в 1359 г., ко времени составления духовной было два малолетних сына: Дмитрий (родился в 1350 г.) и Иван. Вероятно, в силу того что наследники великого князя были еще малолетними и не обладали собственной администрацией, а правительницей должна была быть их мать, княгиня Марья, у которой был свой штат слуг, Иван Иванович распустил на свободу всех своих «людей».

Иначе поступил его сын Дмитрий Иванович. В первой духовной (около 1373 г.) весь тивунский аппарат передается старшему сыну Василию: «А что моих казначеев или посельских и тивунов и дьяков, хто что от мене ведали, те все сыну моему, князю Василию, ни моей княгини, ни моим детем не надобны». На свободу Дмитрий отпускал только часть своих «людей» — купленных холопов: «А что моих людей купленных, а тем дал есмь свободу, а сын мой, князь Василий, и моя княгини, ни мои дети не приимают их».¹²

Во второй духовной Дмитрия Донского (1389 г.) картина совсем обратная. На свободу отпускается именно верхушка холопов: «А хто будет моих казначеев, или хто будет моих дьяков прибыток мой от мене ведал, или посельских, или тивунов, или хто же-

нились у тех, те все не падобе моей княгине и моим детем».¹³ О «купленных» или «деловых» людях Дмитрий Донской не упоминает вовсе. Формула второй грамоты Дмитрия в дальнейшем перейдет в другие завещания великих князей московских. Ее появление объясняется теми серьезными сдвигами, которые происходили в великокняжеском дворцовом аппарате. Постепенно княжеские слуги приобретали все большее влияние, и отличие их от основной массы «людей» неизмеримо возросло. Отпуск их на свободу был теперь не только актом благодарности или «богоугодным делом» — завещанием, а юридическим оформлением их реального положения. Этого мало. Наряду с ключниками-холопами в княжеских духовных появляются уже ключники «некупленные», т. е. свободные.¹⁴

Сын Дмитрия Донского, Василий I, оставил после себя три завещания. В первом (1406 г.) по интересующему нас вопросу сообщалось: «А хто моих казначеев или тивунов или дьяки прибыток мой ведали, или посельский или ключники или хто холопов моих купленных, или што есм у Федора у Свибла отомал, тех всех пуцаю на слободу и с женами и с детьми, не надобны моему сыну и моей княгине. А княгине моей те люди, што есм ей подавал при своем животе, и грамоты полные тех людей у нее».¹⁵ Первая часть формулы близка ко второму завещанию князя Дмитрия Ивановича.¹⁶ Самое существенное здесь — это оговорка о том, что «полные люди» (с грамотами), которых еще при жизни Дмитрий выделил своей жене, остаются в ее владении. На волю, кроме «тивунов» разного рода, отпускаются только «купленные» люди и отнятые у Федора Свибла. В данном случае не столь важно, покрывало ли понятие «купленных» людей всех холопов великого князя, не переданных при жизни его жене, или имелись в виду купленные в узком смысле этого слова. Существенно то, что свободу по завещанию Василия I должны были получить далеко не все его «люди».

Во втором завещании (1419/20 г.) Василий I писал: «А холопы, которые есм подавал своей княгине при своем животе, те ей и есть. Да даст моя княгини моим дочерем из моих холопов по пяти семей, а опроче того вси холопы мои на слободу и с женами и с детьми».¹⁷ Это распоряжение как бы уточняет первое, вносит в него некоторые коррективы. Холопы, переданные ранее княгине,

¹³ Там же, № 12, стр. 36.

¹⁴ Там же, № 17, стр. 50 (1400—1408 гг.).

¹⁵ Там же, № 20, стр. 57.

¹⁶ Кроме замечания о холопах Федора Свибла, упомянуты дополнительно «ключники», «холопы купленные» и говорится прямо, что они отпускаются «на слободу», зато отсутствует оговорка о женах («хто женился у тех»). Сыну Ивану в это время было примерно десять лет, и он должен был находиться как бы под коллективной опекой кн. Владимира Андреевича и братьев Дмитрия Донского.

¹⁷ ДДГ, № 21, стр. 59.

¹¹ Там же, № 4, стр. 17, 19.

¹² Там же, № 8, стр. 25.

остаются за нею. Но из тех «людей», которые ранее должны были получить свободу, по пяти семей выделялось дочерям князя. Ту же самую формулу содержала и третья духовная Василия I (1423 г.).¹⁸

Завещание Василия II (1461/62 г.) возвращает нас целиком к формулировке, содержащейся во второй духовной Дмитрия Донского: «А хто будет моих казначеев или хто моих дьяков прибыток мой от мене ведали, или поселских или тиунов, или хто женился у тех, ино те все не надобны моей княгине и моим детям». ¹⁹ То же повторено и в духовной Ивана III (1504 г.).²⁰

Близость духовных Дмитрия Донского и Василия Темного обнаруживается не только в приведенной формуле, но и в соседних (о приказе детей княгине, о послушании старшего сына, о службе бояр). Причины этого предстоит еще выяснить особо. Для нас же важно, что свободу по завещаниям Василия Темного и Ивана III получают только высшие слуги, но не рядовые «люди». Впрочем, сама эта формула производит впечатление архаического пережитка. Жизнь ее давно уже обогнала. Казначей и дьяки великих князей давно уже не были холопами. В их числе мы находим видных политических деятелей, купцов и землевладельцев.²¹ Не заметно холопов и среди великокняжеских поселских. Словом, на практике складывалось положение, оформленное ст. 66 Судебника 1497 г.: «по городицкому ключю не холоп». Значение великокняжеских духовных, содержавших распоряжение об отпуске на свободу холопей администрации, и состояло в подготовке этой новой нормы Судебника 1497 г.

В приписной грамоте к духовной Василия II помещен следующий текст: «А которые дети боярские служат моей княгине, и слуги ее, и вси ее люди, холопи ее... и в тех в своих людех во всих волна моя княгине и в тех селех». ²² Из этого текста явствует, что у жены Василия Темного был собственный двор, на который не распространялось решение великого князя отпустить на волю «больших» людей.

Обратимся теперь к удельно-княжеским завещаниям. В завещании серпуховского князя Владимира Андреевича на свободу отпускались некоторые категории «людей» — бортники, садовники

¹⁸ Там же, № 22, стр. 61.

¹⁹ Там же, № 61, стр. 198.

²⁰ «А хто будет моих казначеев или хто будет моих дьяков прибыток мой от мене ведали или тиуни, или поселские или хто женился у тех, те все не надобе сыну моему Василью и моим дотем, Юрюю и братьюю» (там же, № 80, стр. 363).

²¹ Так, в 1450 г. назначаем был сурожанин В. Г. Ховрин (Устюжский летописный свод. М.—Л., 1950, стр. 81), позднее — боярин Ивана III. С 1491 г. назначаем был Д. В. Овца-Ховрин (А. А. Зимин. О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в. Истор. зап., т. 63, 1961, стр. 182).

²² ДДГ, № 61, стр. 199.

и псаря, бобровники, делюн («на которого грамоты полные не будет»). Хотя в духовной князя (как, впрочем, и во втором завещании Дмитрия Ивановича) о судьбе «полных людей» прямо не говорится, но, судя по смыслу оговорки о «полных грамотах», они на волю не выходили, т. е. оставались княжеской челядью. В завещании вдовы князя Владимира, инокини Евпраксии (1433—1437 гг.), в числе ее холопов упоминаются «полные люди», которых ей передал ее супруг: «А что мои люди приданы и полные и что ми господин мой князь дал своих людей полных, и мои казначей, и тиуни, и поселские, и ключники, и хто в селех во всех полных людей, или хто ся у них женил, и яз тех людей всех отпустила на слободу з женами и з детьми. А снохи мои и мой внук тех людей по моем животе в холопи не ищут». ²³ Как мы видим, формулировка близка к старомосковским (князей Семена и Ивана Ивановичей). Отпуск Евпраксией холопов на свободу имеет реальное объяснение: княгиня постриглась в монахини, и ко времени составления завещания у нее не было в живых детей мужского пола. Поэтому она и дала волю своим холопам.

Сходную картину можно наблюдать и в духовной Софьи Витовтовны, вдовы Василия I (1449—1452 гг.): «А что у мене, у великие княгини, колькое людей моих ни есть, и больших и меньших, и яз их всех пожаловала, ослободила емь их всех, по моем животе вси слободни». ²⁴ Передавая свои села своему сыну Василию II и внучатам, Софья оговаривала, что живущие в них страдники также должны получить свободу («описно и страдников, страдники поидут на слободу»). ²⁵ Сын Софьи ко времени составления духовной был великим князем, располагал собственным двором, поэтому княгиня-вдова могла свою челядь распустиить на волю.

Зато сын Дмитрия Донского, Юрий Галицкий (1432—1433 гг.), у которого оставались сыновья Василий, Дмитрий Красный и Дмитрий Шемяка, даже не упомянул об отпуске на свободу хоть одного холопа. ²⁶ Его детям, предстояла упорная борьба за московское княжение, и вооруженная челядь должна была сыграть существенную роль в феодальной войне.

Двое из детей Василия Темного — Юрий Васильевич Дмитровский и Андрей Васильевич Вологодский — отпустили своих людей на свободу. Первый писал в своем завещании (1461 или 1471 г.): «А что мои люди... и те все на слободу, в те люди мои осподарыни, мати, великая княгини, и господин мой, князь велики, не вступаются ничем». ²⁷ Более лаконична формулировка в духовной князя Андрея Вологодского (1479 г.): «А что моих людей полных

²³ Там же, № 28, стр. 72—73.

²⁴ Там же, № 57, стр. 177.

²⁵ Там же, стр. 178.

²⁶ Там же, № 29, стр. 73—75.

²⁷ Там же, № 68, стр. 224.

и кабалных и приказных... то все на слободу».²⁸ Отпуск на свободу «людей» князьями Юрием и Андреем Васильевичами объясняется очень просто: у них не было сыновей, которым бы они могли завещать весь свой двор.

Такую же картину наблюдаем и в завещании бездетного князя Михаила Вереяского (около 1486 г.): «... все мои люди, приказные и страдные, и з животною, на слободу».²⁹ Князь Михаил был настолько «щепетливым», что отпустил на свободу чужих рабов, которых он «в своей вине» (своевольно) забрал у их хозяина: «А что еси у Ивашка у Селиверстова в своей вине взял его робу Федоску с детьми да его холопа Гридка Онаньина з женою и з детьми... отпустил есми их на слободу, и грамоты есми им свои жаловальные отпускные подавал. А после моего живота Ивашку тех людей в холопи и в робы не искати».³⁰

Иная картина, когда после смерти удельного князя остаются еще его сыновья и удел продолжает существовать.

Вот в 1477 г. составляет завещание князь Борис Васильевич Волоцкий. К этому времени у него был только малолетний сын Федор (женится князь Борис в 1471 г.). Отправляясь в поход, князь завещал своей супруге 21 семью холопов («да даю своей княгини своих холопов»), причем «кто будет держал села от моеи княгини на ее имя (возможно, из числа переданных ей холопов, — А. З.), или кто будет понял ее приданую, и те люди ее и есть». Княгиня должна была жить с его сыном «за один». Только остальные «люди» князя получили волю («А кого есмь не написал своих холопов в сю душевную, или кому есмь дал свою грамоту жаловальную на их дочери, и те все на слободу»)³¹.

Холопий двор волоцко-рузских князей был распущен в начале XVI в. В завещаниях вдовы князя Бориса, Юлиании, и ее младшего сына Ивана Борисовича Рузского (1503 г.) нет ни слова об отпуске на свободу «людей».³² Духовная старшего сына Федора, не имевшего сыновей, составлена после смерти Юлиании и Ивана. Здесь уже записано совершенно четко: «А что мои люди полные и кабалные, и те мои люди на слободу».³³ Бездетный брат Василия III, князь Дмитрий, в 1521 г. также пишет: «А што мои люди приказные и полные и кабалные, и князь бы велики пожаловал, те люди отпустил на слободу».³⁴ Дмитрий Иванович, следовательно, уже не сам отпускает своих людей, а просит своего державного брата выполнить его последнюю волю.

Итак, анализ духовных грамот великих и удельных князей не дает основания для вывода об обязательном отпуске на свободу

²⁸ Там же, № 74, стр. 277.

²⁹ Там же, № 80, стр. 305, ср. стр. 307, 310.

³⁰ Там же.

³¹ Там же, № 71, стр. 251.

³² Там же, № 87, стр. 349—350, и № 88, стр. 351—353.

³³ Там же, № 98, стр. 409.

³⁴ Там же, № 99, стр. 414.

холопов по смерти завещателя. Волю получали, как правило, «люди» князей, не имевших прямых наследников мужского пола.³⁵ На свободу выходил также высший слой холопов — княжеская администрация (ключники, посельские, дьяки и др.).

Теперь переходим к разбору завещаний других землевладельцев Северо-Восточной Руси. Всего в нашем распоряжении 26 духовных XIV—XV вв. В пяти из этих грамот о холопах нет ни слова. Две грамоты сохранились в извлечениях.³⁶ Три содержат распоряжения только о землях.³⁷ Патрикей Строев был, очевидно, небогатым вотчинником. Он своим детям даже земли не оставил. Передав свое село в монастырь, Строев «приказал» свою жену и детей брату Константину.³⁸ Не было земель у Панкрата Чинсея³⁹ (он «приказал» жену и детей своему «свату»). Посельский Иван Граня владел небольшой пустошью, которую завещал в Спасо-Ефимов монастырь.⁴⁰ Все эти служилые люди, возможно, вовсе холопов не имели. В пяти духовных грамотах содержится распоряжение об отпуске всех холопов на свободу. Так, старец Давыд Климентьев (около 1424 г.) писал: «... люди есмь попускал на свободу».⁴¹ У него детей не было, и свою небольшую заводь под Мецкерским он передал в монастырь. Старец Симоновского монастыря Андриан Ярлык (1460 г.) распорядился так же: «А што мои люди полные, а те по моем животе поидут на слободу, люди князя великого».⁴² Андрей (Андриан) Ярлык долгие годы был дьяком великого князя, а потом митрополита.⁴³ За это время он стяжал много земель, но перед смертью роздал их по монастырям, ибо завещать их ему было некому (детей у него не было).

Около 1478 г. по распоряжению умерших мужа и детей Мария Копнина решила после смерти освободить своих холопов: «А что мои люди — слуги и страдники, и те мои люди служат мне до моего живота; а после моего живота и они все на слободу».⁴⁴ Свою землицу она решила после смерти передать в Троицкий монастырь. Около 1482 г. на свободу отпустил своих холопов

³⁵ К такому же выводу недавно пришел Ю. Г. Алексеев, изучавший землевладение Переяславского уезда XV в. (Ю. Г. Алексеев. Крестьянин и холоп в феодальной вотчине XV в. Переяславского уезда. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1963 г., Вильнюс, 1965, стр. 150).

³⁶ АСЭИ, т. I, № 488, и т. II, № 357.

³⁷ Там же, т. I, №№ 38, 456, и т. III, № 254.

³⁸ Там же, т. I, № 11 (1392—1427 гг.).

³⁹ Там же, т. III, № 68 (1482 г.).

⁴⁰ Там же, № 494 (до мая 1450 г.).

⁴¹ Там же, № 484, стр. 467.

⁴² Там же, т. II, № 361, стр. 355.

⁴³ Там же, № 93 (около 30—40-х годов XV в. — дьяк великого князя), № 354 (1453—1480 гг. — митрополитский дьяк), т. III, № 100 (март 1459 г. — митрополитский дьяк), № 40 (около 1459 г. он уже симоновский старец). О нем также см.: там же, т. I, № 328 (п комментарий к этой грамоте).

⁴⁴ Там же, т. I, № 457, стр. 344.

И. М. Плещеев,⁴⁵ а около 1483 г. такое же распоряжение составил М. И. Салтык-Травин.⁴⁶ Оба завещателя были крупными землевладельцами, но детей у них не было, и они решили раздать свои вотчины по монастырям, а дворы распустить. Интересна судьба одного из холопов Салтыка — Игнатия Черныша Уварова, упоминаемого в духовной («Черныш»). Когда Иван III «опалился» на Салтыка, то он распустил его двор и дал Чернышу в поместье деревню Голубовичи Водской пятины.⁴⁷

Итак, в нашем распоряжении имеется 16 духовных тех землевладельцев, которые перечисляют в завещаниях своих холопов. Среди завещателей мы найдем представителей всех прослоек светских феодалов — от служилой мелкоты до княжат и бояр.

По завещаниям можно изучить не только вопрос об отпуске на свободу холопов, но и представить себе численность челяди у служилых людей. Правда, при подсчетах перед исследователем встают серьезные трудности. Наряду с поименным перечислением «людей» в грамотах иногда встречаются неопределенные выражения: «а остальные на свободу». Поименно называются главы семей, иногда отдельные лица. Состав семей указывается не всегда точно («с детьми», «с дочерьми» и т. п.). Поэтому мы предпочитаем пользоваться понятием «холопья семья», уже встречающимся в литературе, сознавая всю его условность.⁴⁸

Первая духовная, в которой перечисляются холопы, оставленные наследникам, датируется 1433 г. Принадлежит она Василию Васильевичу Галицкому.⁴⁹ Это был внук князя Дмитрия Ивановича, лишившегося своего удела в 1362 г. У князя Дмитрия детей не было. Из трех братьев двое были боярами галицких князей:

⁴⁵ «А что меня благословил отец мой людьми, и те мои люди с женами и с детьми все на свободу». На свободу отпускался также купленный сокольник (если он возместит стоимость покупки — три рубля), а также выкупленный у другого феодала холоп Максимка. Правда, Максимка должен был выплатить рубль, т. е. половину выкупной цены. Даже беглый холоп Федорек дяк получал свободу при условии уплаты двух рублей (там же, № 499, стр. 378).

⁴⁶ «А што мои слуги, то все и ж женами и с детьми на свободу». Если бы у жены родился сын, то ему переходило бы пять семей холопов (там же, № 501, стр. 380). Завещание было составлено Салтыком в связи с походом «на вогуличи», но, очевидно, в действие не вошло.

⁴⁷ К. В. Базилевич. Новгородские помещики из послужилых в конце XV века. Истор. зап., т. 14, 1945, стр. 69.

⁴⁸ Подсчеты производятся без конкретного учета состава отдельной семьи, т. е. в среднем. Условно мы считаем среднюю семью состоящей из трех человек (такова норма пошлин — с семьи три алтына, с одной «головы» — алтын: ДДГ, № 15, стр. 42 и др.). Этот расчет подтверждается конкретным материалом: у С. Лазарева было 14 холопов, образованных пять семей (АСЭИ, т. III, № 67а). Если часть одной семьи по духовной выходит на волю, а другая остается в холопстве, то при подсчетах они считаются за две семьи. То же самое — в случае, если части одной семьи передаются двум наследникам или если у братьев или сестер есть свои дети.

⁴⁹ АСЭИ, т. I, № 108, стр. 86—87.

Борис — князя Юрия Дмитриевича в 1425 г.,⁵⁰ Федор — наместником Дмитрия Шемяки в Москве в 1447 г.⁵¹ Итак, перед нами один из представителей удельно-княжеской знати. Холопов его собственных и тех, которыми его «благословила мать», у него было всего 18 семей; 12 из них отпускались на свободу;⁵² пять переходило жене и дочери. В одном случае сказано, что Федоска Прибытков с семьею выходил на свободу, но пока «служити ему моею жене, а пойдет моя жена замуж, и Федко не надобен моею жене, ни моим детям». Это распоряжение ниже обобщено: «А пойдет моя жена замуж, а мою дочь бог возмет, и те люди все, что есмь был дал своей жене и своей дочери, на свободу все». Такова была судьба холопией челяди выморочной вотчины феодала.

У Марии Петелиной ко времени составления духовной (40-е годы XV в.) сыновей в живых не осталось.⁵³ Петелина принадлежала к семье переяславских землевладельцев средней руки. В отличие от В. В. Галицкого, она ни одного холопа не отпустила на свободу: все 27 семей перешли к ее внуку Михаилу.

Сходно было положение дмитровских вотчинников Кушелевых. Где-то около 17 августа 1454 г. «снока» Ефросинья Семеновна, урожденная Кушелева, передает восемь семей своих «людей» сыну, а четыре отпускает на свободу (считая за семью и жену дяка Андрея Татьяну, которая также не была передана сыну Ефросиньи).⁵⁴ В их числе волю получила жена одного из холопов, переданных сыну Кушелевой. Феодалы не склонны были считаться с семейными узами своих «людей».

Примерно в то же время (до января 1455 г.) завещание написал муромский вотчинник средней руки Василий Матвеев (Ивантин).⁵⁵ У него было два сына. Старший, Григорий, получал семь семей холопов; младший, Василий, — 18 семей. Кроме того, четыре семьи «людей» Василия по истечении ряда лет службы (трое после пятилетней, а четвертый холоп после восьмилетней) должны были выйти на свободу. «А которые мои люди в сей духовной не писаны, — прибавлял Василий Матвеев, — и те все люди на свободу». Если условно считать, что не упомянутых в завещании холопских семей было до трети всего состава челяди (т. е. до 14 человек), то всего несвободных людей у Матвеева было около 43 семей. Возможно, эта цифра несколько завышена.

Небогатым белозерским вотчинником был Насон Захарьин сын Ильин (третья четверть XV в.). Его приданные земли находились

⁵⁰ ПСРЛ, т. XVIII, стр. 168.

⁵¹ Там же, т. XII, стр. 72.

⁵² Собственно говоря, на свободу отпускались 11 семей. Но в завещании упомянута половина Рязановых детей, переходившая к жене и дочери Галицкого. Очевидно, вторая половина получала свободу, и лишь случайно об этом не было записано в духовной.

⁵³ АСЭИ, т. I, № 228, стр. 162.

⁵⁴ Там же, № 251, стр. 179—180.

⁵⁵ Там же, № 253, стр. 182.

в закладе у князя Давыда Кемского. Заложил он свои владения и неким Вислу, Фоме Бесстужеву, Ивашке Исаишу и зятю Семену. Только половину земли Нуховской, заложенной белоозерскому князю Михаилу Андреевичу за рубль, удалось выкупить самому Насону. Не мог похвастаться Насон Ильин и численностью своей челяди. У него было 15 холопных семей, да и те он получил в наследство от своего отца. 12 семей он завещал двум сыновьям. Три человека находились в бегах, но и «те холопы и роботы мои моему детем, где их ни залезут». Чтобы соблюсти обычай освобождения части людей, Ильин отпустил «на свободу» четырех девушек, оставив в холопстве их родителей, братьев и сестер.⁵⁶

Около 5 марта 1459 г. духовную составил мелкий суздальский землевладелец Есип Дмитриев сын Окифова.⁵⁷ Сыновей после него не осталось — отсюда и характер завещательного распоряжения. Получив по наследству несколько холопных семей, Есип Окифов пять из них отпустил на волю («люди ж божьи да великого князя»). Одна семья завещана была брату Есипа, Тимофею. Впрочем, у Есипа была малолетняя дочь, которая (в случае, если она «будеть... жива») получала три семьи холопов, выделавшихся из состава семей, отпущенных на волю. Одну девушку (из семьи отпущенного на свободу Шпиля) Окифов заложил в рубль (обычная холопья цена) некоему Федьке и теперь отдал распоряжение ее выкупить. Жена завещателя получала всего две семьи. Их составляли жена ее приданого «паробка» с дочерью и приданная женка Бухарица. Впрочем, муж Бухарицы, «паробок» Окифова Гридица, отпущался на свободу. Всего у Окифова было 8—13 семей холопов. Размеры земельных владений феодала в целом соответствовали численности его «людей».

Радонежский волостель Иван Прокофьев писал свою духовную в начале 1470 г., постригшись в монахи.⁵⁸ Несмотря на то что ему подобало бы думать больше о духовных делах, чем о мирских, Прокофьев оказался рачительным хозяином. Землицы и холопов у него было немного, и поэтому он распределил все свое имущество с особенной тщательностью. Сестра Матрена получала трех холопов и «роб». Сын Тимофей получил паробка и женку, Андрей — две семьи, Яков — три семьи, Иван — одну семью, внучка Настасья — девочку Кишкиценцу. Четверо холопов бежали, но продолжали считаться «людьми» наследников Прокофьева. Четыре семьи «полных людей» получали волю. Всего у Ивана (Иова) Прокофьева было 16 небольших по размерам семей.⁵⁹

Богатым феодалом был Александр Белеутов: он владел двумя крупными селами Дмитровского уезда.⁶⁰ В 1472 г. Белеутов завещал своей жене и трем сыновьям 14 семей холопов, пять «полных холопов», четверых «своих людей старших», трех «самои жены люди приданые». Шесть семей были в бегах. На свободу отпускалось по одному или несколько человек из каждого холопья семейства: в двух случаях по одной дочери, в одном — отец и мать с дочерью и сыном (остальные четверо детей оставались холопам), мать с сыном, или просто сын, или муж приданой «девки» (с сыном от первой жены), или одна жена. Два случая представляют особый интерес. На свободу мог выйти Родион с семьею, заплатив 6 рублей жене завещателя. По приписке на грамоте следует, что «Родион дал с себя и с своей жены и с своих детей окупа шесть рублей», т. е. вышел на волю. На свободу вышел и Войдан с женою и дочерью. Он должен был отслужить «свой срок» (10 лет) и выплатить к тому же 1 рубль (десятилетняя работа засчитывалась за другой рубль). Войдан мог и просто выплатить 2 рубля без службы («не отслужат своего урока, ино дадут оба рубля»). Это и было им сделано, как это отмечено в приписке на духовной. Всего освобожденные холопы образовали 11 семей.

В начале 40-х годов XVI в. только один из сыновей Белеутова, Дмитрий, владел уже более чем 30 семьями холопов.⁶¹ Ни о каком уменьшении состава челяди, следовательно, говорить не приходится. Происходил даже заметный рост численности «людей» феодалов.

Степан Лазарев, судя по его завещанию (1473 г.), был небогатым, но предприимчивым землевладельцем Звенигородского уезда.⁶² Когда-то его отец купил деревеньку, сам он прикупил другую и еще кое-какую землю. 12 человек должны были ему по полтине или рублю. Беда его была в том, что у него осталось семь сыновей, которых ему пужно было как-то обеспечить. Всего у Лазарева до составления завещания было пять семей холопов — из 14 человек (одна семья некоего Зиновки — 7 человек). Старший сын Митюка Звониха получил одного «паробка», другой (Михаил Большой) — «дивочку», дочь некоего Зиновки, третий — «жеонку» с сыном и «третью спротину» (т. е. дочь) Зиновия. Жене Лазарев дал «девятиро людей полных» — три семьи (в их числе сам Зиновка с двумя дочерьми и сыном), которыми

⁵⁶ Там же, т. II, № 168, стр. 104.

⁵⁷ Там же, т. III, № 100, стр. 137.

⁵⁸ Там же, т. I, № 394, стр. 286.

⁵⁹ Эти «семьи» образовывали главным образом единичные холопы — в 13 случаях. «Условных» семей (по три человека) было бы у Прокофьева 7—8.

⁶⁰ Составитель АСЭИ (т. III, № 67, заголовок) считает А. Белеутова звенигородским землевладельцем. Это ошибка: села Богородское и Лпчицево находились в Дмитровском уезде. Грамота должна включаться в состав архива Волоколамского монастыря (АФЭХ, ч. II, №№ 66, 119, 141 и др.). Отец завещателя, боярин Федор Александрович Белеутов, в 1452 г. был послом Василия II в Новгород (ПСРЛ, т. XVI, стб. 477; ср.: АФЭХ, ч. I, № 29).

⁶¹ АФЭХ, ч. II, № 172, стр. 164—166.

⁶² АСЭИ, т. III, № 67а, стр. 100—102.

она должна была поделиться с меньшими детьми. Только одна «жонка полная» отпускала на свободу.

Сходно было владельческое положение старца Троице-Сергиева монастыря Вассиана (Василия) Уварова. Его небольшая по размерам «землица Уваровская»⁶³ переходила по завещанию (около 1475 г.) в Троицкий монастырь.⁶⁴ Правда, его сын Юрий мог выкупить ее за 6 рублей, но он этого не сделал. Позднее Игнатий Черныш и Якуш Черный Уваровы вошли в состав холопов-послужильцев Ивана Салтыка Травина.⁶⁵

Своей дочери Вассиан Уваров завещал две семьи холопов, сыну Юрию — четыре семьи (два сына Никифора Монастыря, Павел Демин с семьей, Захарец Алексеев и Ефим Черемисников). Свободу получил Никифор Монастырь с остальными членами семьи, Дема Ларионов с женой и дочерью. За освобождение своего сына Ивана Дема должен заплатить зятю Уварова «откуна» полтора рубля. Наконец, на волю отпущены брат Ефима Черемисникова — Борис, Иван Алексеев с дочерью и Алексей Ларионов с женою и дочерью. Ларионовы должны были отслужить год сыну Уварова.⁶⁶ Итак, у самого Вассиана в свое время было шесть семей «людей» (32 человека). Из них он выделил еще пять, отпустив ряд холопов на свободу.

Или вот, например, небогатый вотчинник Григорий Львов. Около 70-х годов XV в. он владел четырьмя деревнями, починком и пустошью в Бежецком уезде.⁶⁷ Своей жене, шестерым сыновьям и трем дочерям он смог завещать всего трех холопов. Об отпуске кого-либо на свободу не могло быть и речи.

Около 1496 г. составил завещание Василий Остафьев сын Сотницкого.⁶⁸ Это был рядовой служилый человек, владелец села в Суздале, 5 деревень и стольких же пустошей. Своих полных холопов (7 семей) он завещал своей жене. Она же получала право распорядиться ее приданными людьми.⁶⁹ Две «девочки» отпуска-

⁶³ В 70-х годах XVI в. она была пустошиною и насчитывала 69 четвертей поросшей лесом пашни (ПКМГ, ч. I, отд. I, стр. 75).

⁶⁴ АСЭИ, т. I, № 450, стр. 337—338. — Землица эта особенных средств Уварову не давала, но все же он кредитовал восемь семей крестьян и своих родичей 74 четвертями ржи.

⁶⁵ Якова Черныша и Ивана Зубатого Уваровых как холопов упоминает Иван Салтык в духовной (там же, № 501; ср.: РИВ, т. XXII, стр. 29; ППК, т. III, стр. 593).

⁶⁶ «А послужат те люди моему сыну... год, а отслужив год, пойдут прочь свободны».

⁶⁷ АСЭИ, т. I, № 472, стр. 357—358. — Были небольшие владения у него и на Безозере около 1448—1470 гг. — см. там же, т. II, № 104, стр. 64.

⁶⁸ Там же, т. III, № 473, стр. 455—458. — Духовная была подтверждена в сентябре 1510 г. Составлена она в бытность «на службе великого князя в Казани». В 1496 г. отправлено было войско в Казань во главе с С. И. Риполовским (ПСРЛ, т. XXVIII, стр. 328).

⁶⁹ «Што мое люди приданые, волна жона мой в тех».

лись на волю, а одна «жонка» должна была отслужить жене Сотницкого пять лет, прежде чем она могла выйти на свободу.

Мы познакомимся с составом челяди мелких и средних феодалов. Теперь посмотрим, каково было положение верхов служилого класса.

Вот два брата Плещеевы (один из них, Андрей, был окольным еще в 1475 г.).⁷⁰ Но какал разница в их завещательных распоряжениях! Иван (или Иона) Михайлович около 1482 г. отпустил всех своих холопов на свободу, ибо у него не было сыновей и имущество было выморочное.⁷¹ Совершенно иначе распорядился своими людьми Андрей Михайлович Плещеев (около 1491 г.).⁷² Это был богатый землевладелец. После его смерти оставалось пятеро сыновей. Каждый из первых четырех сыновей получал по селу и ряду деревень в Переяславском, Ростовском и Дмитровском уездах. Младшему сыну, Афанасью, его мать должна была дать 30 рублей и деревеньку Московского уезда, которая до его совершеннолетия находилась в ее распоряжении. Многие пустоши, поля и деревеньки были прикуплены самим Плещеевым. О размерах плещеевских владений можно судить уже по тому, что «серебра» (долга) на крестьянах его сел и деревень было около 125 рублей. Плещееву были должны различные лица внушительную сумму — 109 рублей. Всего у Плещеева было 73 семьи холопов. Первые четыре сына завещателя получили по 12 семей, а жена с Афанасьем — 16 человек. На свободу было отпущено девять семей. При этом дети троих освобожденных «людей» (Степана Чиркина, Фильки Мельника и Терехи Кузнеца) оставались в холопстве.

Для сравнения обратимся к завещанию третьего брата Плещеева — Петра (составлено между декабрем 1505 г. и февралем 1510 г.).⁷³ К сожалению, сведения о холопах здесь неполны (не указаны поименно люди, которые «сын мой Иван, живучи, у меня писал на свое имя»). Но известно, что к старшему сыну должны были перейти 10 семей «данных слуг и страдников», к Ивану — более четырех, к Андрею — 18 семей. Об отпуске кого-либо на свободу грамота молчит. Итак, у младшего Плещеева было более 32 холопных семей.

Вот еще один крупный политический деятель времени правления Ивана III, боярин В. Б. Тучко-Морозов. Своё завещание он писал около 1497 г.,⁷⁴ т. е. уже после того, как в 1483 г. попал

⁷⁰ ДРК, стр. 11, 14 (1485 г.).

⁷¹ АСЭИ, т. I, № 499, стр. 378.

⁷² Там же, № 562, стр. 439—442.

⁷³ С. А. Шумаков. Обзор грамот Коллегии экономии, вып. IV. М., 1917, № 944, стр. 309—312. — В грамоте упоминается поход «в Гамскую землю» 1505 г. (ДРК, стр. 22). Подтверждена она в феврале 1510 г.

⁷⁴ АСЭИ, т. I, № 612, стр. 523—525.

в опалу, а его двор был распущен.⁷⁵ (Позднее боярин был пропущен и во всяком случае часть владений получил обратно).

Своему сыну Михаилу он завещал 60 холопских семей (из них 14 «людей страдных»). Трое из них, правда, находились в бегах. Как мы видим, после роспуска своих слуг В. Б. Морозов сумел вскоре снова восстановить свой двор. Сколько боярин холопов отпустил на свободу, остается неясным. В завещании сказано в общей форме: «А что мои холопы и робы в сей духовной пописаны, тех всех людей отпустил семи их на слободу, до тех людей сыну моему Михаилу дела до них нет. А приказники мои тем людям дают свои грамоты отпустные».

Картина холоповладения боярства в уделах в конце XV в. примерно такая же. Если Д. К. Хворостинин, небогатый волоцкой землевладелец, владел 10 холопскими семьями (около 1507—1515 гг.),⁷⁶ то князь Андрей Федорович Голенин имел в своем распоряжении к началу 1482 г.⁷⁷ сотню семей «полных людей», не считая беглых. Голенин — видный боярин волоцкого князя Бориса Васильевича. В 1477 г. он был даже одним из двух душеприказчиков своего патрона.⁷⁸ У князя Андрея было три сына: Иван, Семен и Андрей. Андрей Андреевич сначала служил младшему сыну князя Бориса Волоцкого — Ивану Рузскому, а затем Юрию Ивановичу Дмитровскому и Рузскому.⁷⁹ Своим трем сыновьям — Ивану, Семену и Андрею — он дал соответственно 18, 13 и 12 семей холопов, а жене Марье — 34. На свободу было отпущено 23 семьи. Те, у кого были доспехи, данные им Голениным, должны были вернуть их жене князя («А которых семи людей своих отпустил на слободу, ино у них мои пансыри и шеломы, — и жена моя те пансыри и шеломы поемлет»). Правда, из числа холопов Марьи Голениной Лопата с его взрослым сыном и их жены могли выйти на свободу, заплатив 13 рублей «по кабале». Они этим правом и воспользовались, как можно судить по помете на духовной. Гриша Зубатый с женою, если «возмогут с себя дати семь рублей жене моей по кабале», также могли обрести свободу. Но, очевидно, они так и остались в холопах.

Наиболее крупным из известных нам холоповладельцев был виднейший политический деятель конца XV в. — князь И. Ю. Патрикеев.⁸⁰ Всего у него было 146 холопских семей,⁸¹ не считая части

⁷⁵ В. Б. Морозов был «пойман» осенью 1484 г. (ПСРЛ, т. XXIII, стр. 162).

⁷⁶ АФЭХ, ч. II, № 40, стр. 41.

⁷⁷ Там же, № 15, стр. 18—20.

⁷⁸ ДДГ, № 71, стр. 251.

⁷⁹ ДРК, стр. 19, 31, 33, 37, 41. — Позднее Андрей Андреевич стал монахом Волоколамского монастыря (см.: ГИМ, Синод, № 927, лл. 21 об.—24 об.; АФЭХ, ч. II, №№ 16, 41, 42, 71, 112, 135, 302). Со вдовой А. Ф. Голенина переписывался Носиф Волоцкий (Н. П. Хрущов. Исследование о сочинениях Носифа Саниа. СПб., 1868, стр. 255—260).

⁸⁰ ДДГ, № 86.

⁸¹ По подсчетам В. Д. Грекова, у Патрикеева было 155 холопов с семьями (В. Д. Греков. Крестьяне на Руси, кн. I, стр. 521).

холопов, не упомянутых в грамоте («А которые мои люди не писаны в сей духовной грамоте, и те мои люди все на слободу и с женами и с детьми»). Своему старшему сыну, Василию (будущему видному публицисту Василию Патрикееву), он передает 35 семей; другому сыну, Ивану, — 43 семьи; жене — 45 холопских семей. 29 семей получили свободу. Среди них — шесть ключников и трое холопов-послужильцев («с землею»).

Итак, судя по сохранившимся материалам, у рядового землевладельца в XV в. было около одного-двух десятков холопских семей, а у знатного феодала — от 70 до 100, достигая в исключительных случаях 150 семей.

Факт отпуска холопов по завещаниям на волю в XIV—XV вв. несомненен. Все «люди» отпускаясь на свободу только в случае выморочности владений феодала (таких семь грамот). Крупные феодалы освобождали от $\frac{1}{8}$ до $\frac{1}{5}$ части своих людей (А. М. Плещеев, И. Ю. Патрикеев, А. Ф. Голенин), средние и мелкие — $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{3}$ (И. Прокофьев, Е. Кушелева, В. Сотницкий). Иногда свободу получали отдельные холопы, выделенные из состава тех семей, которые передавались наследникам (В. Уваров, С. Лазарев, А. Белеутов, Н. Ильин). А некоторые мелкие землевладельцы предпочитали вовсе не освобождать своих немногочисленных людей (Г. Львов, М. Петелина). Если говорить об отпуске холопов, то он вряд ли объясняется экономической невыгодностью труда дворовой челяди и изживанием холопства. В его основе еще лежали те же причины, которые заставляли феодалов давать земельные вклады «на помин души». Поэтому С. Б. Веселовский не без основания пишет, что «участию духовенства в составлении и утверждении духовных завещаний следует приписать очень распространенный в XV—XVI вв. обычай отпускать перед смертью рабов на свободу».⁸²

В целом же, на протяжении XIV—XV вв. мы не видим увеличения отпуска холопов на свободу. Возможно даже, что абсолютная численность холопов (в связи с ростом феодального землевладения и народонаселения) к концу XV в. несколько увеличилась. И все же удельный вес несвободной челяди в хозяйстве феодала к концу изучаемого периода, очевидно, уменьшился. Однако это произошло не из-за развития практики отпуска холопов на свободу, а за счет увеличения эксплуатации основной массы крестьянства. Рост денежных и натуральных поборов, постепенное привлечение с конца XV в. крестьян к барщине светскими феодалами уменьшали в общей сумме доходов, полученных ими, часть, шедшую от эксплуатации «полных людей». Удельный вес холопов в экономической жизни страны с конца XV в. начал падать.

⁸² С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I. М.—Л., 1947, стр. 219.

Ю. Г. АЛЕКСЕЕВ

ЧЕРНАЯ ВОЛОСТЬ КОСТРОМСКОГО УЕЗДА XV в.

Монастырские акты XV в., связанные с Костромским уездом,¹ позволяют проследить некоторые черты черной волости этого времени и тем самым уточнить и дополнить наблюдения, сделанные на основе изучения переяславских актов.² Акты XV в. содержат сведения о волостях, граничивших с землями Троицкого Сергиева и Чудова монастырей. Троицкие вотчины были в XV в. расположены в южной части Костромского уезда, в Нерехотском уезде (села Федоровское, Юриинское, Кувакино и Поемечье) и в его северной части — у Соли Галицкой (село Гнездишиково). С этими вотчинами граничили земли Нерехотской волости и волостей Верхний Березовец и Залесье (последние две волости в конце XV в. представляли собой, по-видимому, одно целое). Сельцо Чудова монастыря Клеопинское граничило с землями Плесской волости. Что же говорят об этих волостях акты XV в.?

Как и в Переяславском уезде, основной ячейкой волости является крестьянская деревня — владение волостного человека. «А нынече, господине, на той земле хрестияне великого князя Феодотко, да Михаль Жировкин, да Микитка Феодотов сын поставили три деревни, а в деревне по двору», — жалуется судье на крестьян Нерехотской волости в конце XV в. троицкий старец Ирнарх («Елинарх»), поселский села Федоровского.³ Крестьяне «ставят» однодворные деревни, сын селится отдельно от отца. Перед нами картина, вполне аналогичная той, которую в это же время можно наблюдать и в Переяславском уезде. В представлении волостного человека деревня («земля») — прежде всего именно индивидуальное хозяйство. «...на той земле Буракове

жил Бурак»;⁴ «...в той земле в Маткове жил Федор слободчик...»;⁵ «...земля Мичково Залесская волосная... жил, господине, тут Мичко»;⁶ «...отец мой... Иван жил в той земле в Носкове... в той земле (Носкове, — Ю. А.) жил Федор Носко»;⁷ «земля Шинулино Залесская волосная... жил тут Шинуля»,⁸ — так говорят в конце XV в. о прежних владельцах спорных с Троицким монастырем земель крестьяне волости Верхний Березовец — «люди добрые старожилыцы», «помятые» за 50—60 и больше лет. Хозяин деревни-двора ведет свое хозяйство самостоятельно: «И тот, господине, Нелидко припустил тое земли к себе сего лета... в яровое поле, впустил четверти на три, а в паревину на четверть», — говорит троицкий старец Геронтий о нерехотском крестьянине Нелидко Шубине.⁹ Волостные люди могут вести хозяйство и совместно — вдвоем.

Простейший случай подобного рода — в Плесской волости, где в 1505 г. Ивашко и Федько Петелины дети Солоничина «покошили... пожно... на тридцать конен... да лес посекали и ярью посеяли к своей деревни к Зубцову».¹⁰ Здесь перед нами — совместное хозяйствование двух братьев, видимо не разделившихся после смерти отца. Вдвоем они отваживаются на довольно трудоемкое предприятие — расчистку леса для расширения своей пахоты (видимо, здесь речь идет о подсеке). Совместно вести хозяйство могут и не только братья. В 80-х годах XV в. крестьяне волости Верхний Березовец Лаврок Фалелейков сын и Торопец Степанов сын Понафидина «поорали... да и посеяли пустошь Кашино».¹¹ На одном из судебных процессов 90-х годов в волости Верхний Березовец старожилец-знахорь Есюня Костин «тако рек»: «жил, господине, на Оглоблине отец мой Костя с Павлом (Захарыным сыном)... а тому лет с пятьдесят».¹²

Источник прав волостного человека на землю — его принадлежность к волости. Именно волость (в лице своих представителей) наделяет крестьянина землей. Лаврок Фалелейков и Торопец Понафидин, пооравшие и посеявшие землю Кашино, так объясняют судье свои действия: «Нам, господине, ту пустошь Кашино дал староста залесской Ондрейка со крестьяны...».¹³

По отношению к своему участку-аллоду крестьянин выступает не как временный держатель, а как собственник. Существенным признаком этой собственности является право передачи ее по на-

⁴ Там же, № 583.

⁵ Там же, № 584.

⁶ Там же, № 585.

⁷ Там же, № 586.

⁸ Там же, № 594.

⁹ Там же, № 397.

¹⁰ Там же, т. III, № 48.

¹¹ Там же, т. I, № 523.

¹² Там же, № 587.

¹³ Там же, № 523.

¹ АСЭИ, тт. I и III.

² Ю. Г. Алексеев. Волость Переяславского уезда XV в. В сб.: Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII вв. (Труды ЛОИИ, вып. 2), М.—Л., 1960, стр. 228—256.

³ АСЭИ, т. I, № 540.

следствию, а также отчуждения (продажи). В отличие от материалов Перевельского уезда, костромские акты рисуют эту особенность крестьянского аллода довольно отчетливо.

«Сказывал ми, господине, отец мой, что та пустошь Станилово деда нашего была, а тивул дед наш к Залесью всеми потуги, а из ее косил дватцать лет», — говорит на суде 90-х годов залесский крестьянин Гаврило Ляганин.¹⁴

В 30-х годах уже упомянутый Павел Захарьин, один из двух жителей деревни Оглоблино, продал в Троицкий монастырь «землю Оглоблинскую» за 160 бел.¹⁵ Речь идет, по-видимому, о продаже части деревенского участка — сама деревня Оглоблинская была куплена монастырем в 50-х годах за 3½ рубля у сына Павла Захарьина — Ивана.¹⁶ В 30—40-х годах крестьянин Перехотской волости Протас Мартынов сын Чернобесова продал свою вотчину-пустошь Гилево некоему Ивану Кузьмину.¹⁷ Покупая участки земли, крестьяне могут вступать друг с другом в складнические отношения. В 1496/97 г. Яков Поляна Кузьмин сын Кашиницы и Кузьма Михайлов сын купили у Ивана Рыль Иванова сына полию близ троицкого села Гивадникова, дав «на посылку» 20 алтын.¹⁸ Через 4 года Яков Поляна выкупил «у своего товарища у Кузьмы у Михайлова сына» его долю, дав «на посылку на полунощие полтину денег».¹⁹

Возможность отчуждения земли приводит к сосредоточению нескольких участков в руках одного крестьянина. Таким крестьянином в Перехотской волости был, например, Протас Чернобесов, который распорядился не только «своей вотчиной» — пустошью Гилевской, но еще и Семеновской пустошью, получив за обе пустоши 4 рубля — стоимость двух крестьянских участков.²⁰ Обратная сторона этого процесса — появление крестьян, вынужденных так или иначе участвовать в чужом хозяйстве. Пример такого крестьянина — Ларивон Павлов, косивший пожни на р. Костроме «на помочи» у троицкого крестьянина Микулы Крутикова.²¹ Возможно, что такое кошение сена на чужом участке «на помочи» — первый шаг на пути к зависимому состоянию.²²

Отчуждение земли и угодий приводит к тому, что крестьяне не всегда остаются на отцовских и дедовских участках. «Отец мой,

господине, жил в той земле (Матково, — Ю. А.)... а тому лет пятадцать», — говорит на суде конца 90-х годов крестьянин Федько Давыдов.²³ Сам он, очевидно, уже не жил на этой земле. «Отец мой, господине, Иван жил в той земле в Посково, а тивул потуги с хрестьяны к Залесью», — говорит сын этого Ивана Олуна.²⁴ Сам он, однако, на эту отцовскую землю не претендует и не называет ее «вотчиной» — процесс идет о «шашной волостной тяглой Залесской» земле. По этой же причине и Есюня Костин не претендует на землю Оглоблинскую, где, по его словам, когда-то жил его отец вместе с Павлом Захарьинным.²⁵ Таким образом, как и следовало ожидать, крестьянский аллод неразрывно связан с волостью — именно эта связь является необходимым условием существования аллода.

Волостной человек может уйти со своего участка. «В том, господине, сельце на Посемье жил хрестьянин Якуш Карач, ... а пиночи Карач изиол, а тому... год минул», — говорит слободчик Перехотской волости Оворней Клоков.²⁶ В этом случае, а также в случае бездетной смерти владельца, участок остается пустым. Тогда он и поступает в распоряжение волости как таковой. Именно таким участком — пустошью Кашиным — распорядились староста Андрей «со хрестьяны» Залесской волости; считал эту пустошь волостной землей, они дали ее Лавроку Фалелесу и Торонцу Степанову сыну Понафидину.²⁷

В некоторых случаях, по-видимому, выморочные запустевшие аллоды поступали в распоряжение местной княжеской администрации, дававшей их косить в кортому тем же волостным крестьянам. Так, земля Бураково, на которой, по словам бывшего старосты Остана Панина, жил в 30-х годах Бурак, «а тивул в тигло к Залесью», потом запустела. В 60-х годах волостной крестьянин Гаврило Ляганин уже «ту пустошь нанмогал в кортому косить у тивуцов залесских у Матвоя у Головцына у Григорьева да у Ваворыкина у Степанка».²⁸

Распоряжение волостными землями и угодьями со стороны княжеской администрации наносит интересам волости прямой ущерб: деньги за наем такого участка идут уже не в волостной столец; кроме того, княжеские власти могут давать волостную землю в наем не только представителям волости, но и посторонним людям. Так, становщики Перехотского стана Береза, Ортюк и Сидор Колчигин давали волостные перехотские леса в наем троицким крестьянам.²⁹ Тот же Сидор Колчигин давал в наем

¹⁴ Там же, № 592.

¹⁵ Там же, № 123.

¹⁶ Там же, № 266.

¹⁷ Там же, № 137.

¹⁸ Там же, № 605.

¹⁹ Там же, № 634.

²⁰ Там же, № 137.

²¹ Там же, № 651.

²² Ср. духовную мелкого перевельского вотчинника Патрикол Строеви (начало XV в.). Задолжанные ему крестьяне косят некое на поле с полтин (там же, № 11; ср. также: Н. И. Смирнов, Заметки о феодальной Руси XIV—XV вв. История СССР, 1962, № 3, стр. 157).

²³ АСЭИ, т. 1, № 584.

²⁴ Там же, № 586.

²⁵ Там же, № 587.

²⁶ Там же, № 540.

²⁷ Там же, № 523.

²⁸ Там же, № 583.

²⁹ Там же, № 538.

троицкому крестьянину и пахотную землю Рязанцево.³⁰ Следует, однако, подчеркнуть, что распоряжение запустевшими участками со стороны княжеской администрации носит временный и ограниченный характер. Эти участки не выходят из состава волостной территории. Именно тот факт, что крестьянин Ивашко Федотов, живучи за Троицким монастырем в селе Федоровском, «наймвал» у становщика Сидора Колчигина землю Рязанцево, которую «пахал, орал и сеял», служит аргументом в пользу принадлежности этой земли черной Нерехотской волости.

По-видимому, становщик может давать запустевшую землю внаймы, но не может «назвать» на нее крестьянина. Он мог распоряжаться землей (точнее, получать с нее доходы) только пока она была пустой. Дать эту землю новому жильцу-аллодисту может только сама волость — «староста со крестьяны».

Тянуны тоже, по-видимому, могли давать пустоши только взаем. Во всяком случае, нам неизвестно из костромских актов ни одного случая другого порядка. Тянуны Матвей Головцын и Степанко дают в кортому косить и запустевшую землю Бураково,³¹ и пустошь Парамонцево,³² и пустошь Стременниково,³³ но нет указаний на то, что они сажают туда крестьян или отчуждают кому-нибудь эти пустоши.

Таким образом, право раздачи земель под жилые участки — одна из существенных прерогатив волостной общины. Эта прерогатива совершенно понятна и вытекает из самого существа дела. Владение своей землей — необходимое условие существования волости как территориальной общины. Свою землю волость предоставляет только тому, кто является ее членом, — тому, кто несет свою долю во всех волостных обязанностях. Жить на волостной земле — значит «тянуть» с волостью. Передача участка волостной земли не волостному человеку влечет за собой либо подчинение нового владельца волостным порядкам, т. е. превращение его в волощанина, либо выход земли из компетенции волости — ее обояривание (феодализацию): Тогда владелец участка «тянет» уже не с волостью и не к волости «в столец», а к боярину или монастырю или к их приказчику. В этих условиях волостелин или наместничий тяун, которому захотелось бы заселить какую-нибудь волостную пустошь, должен был или посадить на нее волостного человека, т. е. передать ее в распоряжение того же волостного старосты «со крестьяны», или посадить на нее человека боярского (монастырского), т. е. попросту отнять землю у волости. На это последнее местные княжеские агенты, по-видимому, не решались — это шло бы в прямое противоречие с их основными обязанностями. Таким образом, при системе местного управ-

ления, принятой в XV в., распоряжение волости всеми ее землями было вполне естественным и закономерным явлением, более того — существенной частью самой этой системы.

Перед лицом внешнего мира волость выступает как единое целое, во главе со своими должностными лицами — старостами и сотскими. Акты волости Верхний Березовец рисуют некоторые черты старосты — Осташа Панина. В 90-х годах XV в., к которым относятся эти акты, Осташ Панин — древний старик, помнящий за 70 лет: «Отец мой, господине, старостил в Залесье от сих мест за семьдесят лет, а яз по батьке пять лет старостил, а уж тому шестдесят лет».³⁴ Должность старосты, конечно, отнюдь не была наследственной, но на нее могли последовательно выбираться представители одной и той же, видимо влиятельной семьи. На судебных процессах своей волости против Троицкого Сергиева монастыря Осташ и через 60 лет после окончания своих полномочий старосты — один из главных авторитетов. Бывший староста хорошо помнит земли своей волости и их владельцев. Для него это люди и земли, на которые он в свое время «метал помет»: «Яз, господине, помню за шестьдесят лет; на той земле Буракове жил Бурак, а тянул тягло к Залесью, а яз был староста и помет есмь на него метал»;³⁵ «... помет есми, господине, столца метал на Матково и все потуги»;³⁶ «... жил, господине тут Мпчко, и потуги метали столца»;³⁷ «... яз, господине, на ту землю, на Носково, метал пометы и дань и проторы поводил»;³⁸ «... помет есми метал дани и проторы на Потапово»;³⁹ «... та, господине, земля Стременникова, тянула к Залесью к столцу»;⁴⁰ «... и пометы, господине, метали и-столца крестьяне (т. е., очевидно, тот же староста, — Ю. А.) на Шинулю, а земля... Залеская».⁴¹ Есть также земли, которые из всей волости он помнит один. «И судья спросил Степанка: А иному кому у вас ведомо ли иные волости людем, опричь Осташа Панина?» (речь идет об истории пустоши Подболотной). «И Степанко тако рек: Иному, господине, у нас не ведомо никому, опричь Осташа».⁴²

Возглавляя волостной мир, староста представляет волость на суде. Залесский староста Андрейко ведет в конце 80-х годов процессы о спорных землях с Троицким Сергиевым монастырем. Однако все важнейшие дела староста делает не единолично, а «со крестьяны». С ними, например, он дает землю во владение: «... дал яз со крестьяны (пустошь Кашино) тому Лавроку да

³⁴ Там же, № 590.

³⁵ Там же, № 583.

³⁶ Там же, № 584.

³⁷ Там же, № 585.

³⁸ Там же, № 586.

³⁹ Там же, № 591.

⁴⁰ Там же, № 593.

⁴¹ Там же, № 594.

⁴² Там же, № 589.

³⁰ Там же, № 539.

³¹ Там же, № 583.

³² Там же, № 588.

³³ Там же, № 593.

Торопцу», — говорит о себе тот же Андрейко.⁴³ Судится с монастырем тоже не староста как таковой, а «Андрейко староста залеской и все крестьяне залеские».⁴⁴ И судья в случае неудачного для волости исхода дела обвиняет «старосту Андрейка и всех крестьян залеских» и грамоту правую дает «на них».

Важная черта волостной общины — ее обязанность поддерживать порядок на своей территории. Вот как могла выглядеть эта обязанность на практике, и притом в весьма критических обстоятельствах.

«Жилинец, господине, месовал на тои пустоши, и под векшею:.. того розбили и изрезали, и лежал... под тем овинном на тои пустоши на Кашиине; и приезжал... тиун Федоров Федорова да Иванов Аминева, да имали... тутошнего старосту залеского и березовского собою, Берендея, да крестьян Тараса Рахманова, да Ивашка Чюпрокова и съпрашивали их: Вото оу вас волости розбили человека? И староста и Тарас и Чюпроков тако ркли: То, господине, пустошь монастырская троецкая... а нам до того дела нет». По словам рассказчиков — троицких крестьян Кузьмы Курьянова и Оленки — все это происходило «лет тритцать» тому назад, т. е. в 50-х годах.⁴⁵

Перед нами яркая картинка из жизни Залесской волости. Волость богата лесами (как показывает и само ее название); «лесовать» сюда приезжают и соседи — жители Жилинской волости. Убийство и ограбление «жилинца» на территории Залесской волости создает ситуацию, хорошо известную средневековому законодательству, — «учинилась вира», выражаясь словами Двинской уставной грамоты.⁴⁶ Сразу вмешивается княжеская администрация: приезжает тиун. Тут-то и начинается следствие. За волость отвечают староста и двое «мужей» — очевидно, «лучших» (Тарас Рахманов — владелец участка земли на р. Костроме, сосед Троицкого монастыря).⁴⁷ В сложившейся ситуации перед волостью два выхода: либо «доискаться» душегубца, либо платить виру наместнику. Двинская уставная грамота называет и размер этой виры — 10 рублей.⁴⁸ Это — стоимость по меньшей мере пяти крестьянских деревень. «Доискаться» преступника волостные мужи, очевидно, не могут или по каким-то причинам не хотят. Платить виру для волости тоже чрезвычайно обременительно, не говоря уже о том, что сам факт душегубства и разбоя на волостной земле нанесит ущерб ее репутации и может привести к целому ряду весьма нежелательных для волости осложнений в ее отношениях как с княжеской администрацией, так и с соседней волостью,

к которой принадлежал потерпевший. В этих условиях волостные мужи принимают решение доказать свое алиби ценой отказа от участка, на котором совершено преступление. Нельзя не признать, что решение старосты Берендея и его «мужей» было в какой-то мере оправданным: участок пустой земли, судя по актам того времени, мог стоить всего 160 бел, т. е. волость проигрывала в материальном (а также и в моральном) отношении гораздо меньше, чем при выплате виры. Таким образом, обязанность поддержания порядка могла иногда обходиться для волости весьма дорого.

Кроме старосты, в волости есть сотский. «Есть, господине, у нас на то Семен сотской...», — отвечает староста Андрейко на вопрос судьи о знахорях в одном из судебных дел Залесской волости.⁴⁹ Сотский Нерехотской волости Федко Торопыня — «муж» на суде о землях своей волости.⁵⁰

Как уже отмечалось, важными лицами во всех делах волости являются «мужки». Волостные мужи стоят рядом со старостой перед тиуном, защищая волость от обвинения в «убитой голове». Волостные мужи нередко ведут процесс от лица всей волости — «в старостино и всех крестьян место» — и в защиту ее интересов. Так, крестьянин Нерехотской волости Ивашко Федотов судился от имени Нерехотской волости с властями Троицкого Сергиева монастыря о целом ряде волостных пустошей.⁵¹ Такую же роль в Верхнем Березовце играет Степан Понафидин.⁵² Мужичицы иногда выступают в составе целой коллегии. Так, дело о земле Оглоблиной ведут четыре крестьянина — Куземка Давыдов сын, Олупка Иванов сын, Степанко Понафидин сын, Федко Давыдов сын.⁵³ Эту же коллегию мы видим и на суде о земле Подкосовой,⁵⁴ и на суде о земле Шипулино.⁵⁵

Одна из важнейших проблем истории волости — проблема ее взаимоотношений с соседом-феодалом. Вотчина сталкивается с волостью прежде всего по вопросу о земле.

Одним из путей приобретения феодалом волостной земли является скупка крестьянских участков и угодий. Так, после покупки села Гнездинокова у местных феодалов Гнездиновых⁵⁶ монастырские старцы заключили ряд мелких сделок на земли своих новых соседей. У ближайших соседей, Павла Захарьина и его сына Ивана, монастырь в два приема купил землю Оглоб-

⁴³ Там же, т. I, № 525.

⁴⁴ Там же, № 540.

⁴⁵ Там же, №№ 537—540.

⁴⁶ Там же, №№ 583—586, 588, 589, 591—593.

⁴⁷ Там же, № 587.

⁴⁸ Там же, № 590.

⁴⁹ Там же, № 594.

⁵⁰ Там же, № 119. — Имя Гнездиновых в других актах не встречается.

В пользу феодального характера их владения говорит его высокая цена — 12 рублей (крестьянский участок стоит 2—3 рубля).

⁴³ Там же, № 520.

⁴⁴ Там же, №№ 524, 525.

⁴⁵ Там же, № 523.

⁴⁶ Там же, т. III, № 7, ст. 1, стр. 21.

⁴⁷ Там же, т. I, № 213.

⁴⁸ Там же, т. III, № 7, ст. 1.

лино,⁵⁷ у Ивана Калинина — два наволока на р. Костроме, всего за 120 бел,⁵⁸ у Федора Григорьева — три наволока за 160 бел,⁵⁹ у Фалелея Елагина старец Иов выменял пожню, купленную этим Фалелеем за 20 бел у Ивана Шастунова.⁶⁰ К этим сделкам при- мыкает вклад Родиона Потапова сына на пустошь Потаповскую — по душе родителей и своей.⁶¹

Кто такие эти контрагенты монастыря? Судя по размерам сделок и характеру имев, можно предполагать, что это крестьяне. Во всяком случае, волость Верхний Березовец считала почти все эти земли своими и судилась за них с монастырем. Наволоки Долгий и Верхний, проданные И. Калининым в монастырь, так характеризуются волостными знахорями — старожильцами Спи- ряком Калининым и Бардаком Поповым на судебном процессе 80-х годов: «... те, господине, наволоки тянули к земле Овсян- ковской из старин; лет... помним за пятьдесят, а те... наволоки тянут к земле Овсянниковской».⁶² «К Залесью в столец и во все потуги» тянула и земля Потаповская — по словам волостных старожильцев, помнящих за 60 лет.⁶³ Суд идет и о земле Огло- блине — здесь вместе с Павлом Захарыным жил когда-то Костя, отец крестьянина Есюни,⁶⁴ — и о связанной с этой деревней пу- стоши Тевликовской.⁶⁵

Скупка земель и угодий — не единственный путь феодальной (в частности, монастырской) экспансии на территорию черной волости.

«Став на земле на Волосцове, да на Пупкове, да на пустошах на Слицове, да на Окулове, тако рек Ивашка Федотов (крестья- нин Нерехотской волости, — Ю. А.). — То, господине, земли ве- ликого князя черные, а то... Волосцаво да Пупково были пу- стоши, а нынеча... старци троицкие поставили на тех пустошех деревни».

Ответчик — троицкий старец Даниил — предъявил судье дан- ную грамоту Кучецких на село Юринское, в которой, однако, о спорных землях не говорится ни слова.

Откуда же взялись новые троицкие деревни? «Те, господине, деревни ставили на десе на Юринском, розсекая лес, христиане юринские», — объясняет старец, и его знахори — монастырские крестьяне Захар, Терех и Ермак — подтверждают его показание. Однако истец, Ивашка Федотов, знает другую версию истории

⁵⁷ Там же, №№ 123, 266. — Отвод села Гнездинова был «по Захарыну межю» (там же, № 119).

⁵⁸ Там же, № 122.

⁵⁹ Там же, № 121.

⁶⁰ Там же, №№ 125, 126.

⁶¹ Там же, № 124.

⁶² Там же, № 524.

⁶³ Там же, № 501.

⁶⁴ Там же, № 587.

⁶⁵ Там же, № 525.

спорных земель: «... то земли великого князя черные, а тянули те земли к Нерехте... А что, господине, сказывают Захар, да Ермак, да Терех, что те деревни ставили, разсекая леса, а ныне на тех пустошах на Слицове да на Окулове и-сегодня печища старое, а сами... те печища и пашут».

Решающий аргумент волостной стороны, таким образом, — наличие «печища», остатка старого крестьянского поселения, стоявшего когда-то в спорном лесу. «А на лете, господине, и пе- чища найдем», — говорит Ивашко Федотов. И противная сторона вынуждена по существу капитулировать в этом решающем во- просе: «И Захар, и Ермак, и Терех тако ркли: Есть, господине, на Окулове печища...».⁶⁶

Одним из путей расширения феодальной вотчины является, следовательно, хозяйственное освоение заброшенных волостных участков — фактический захват волостной земли. Таким путем монастырские крестьяне освоили лес, связанный с деревней Ги- леве, бывшим аллодом крестьянина Протаса Чернобесова: «Мы, господине, того не ведаем, чья то земля бывала изста- рины, — откровенно говорят монастырские знахори, — а розсе- кали... тот лес христиане гилевские». Однако они вынуждены признать, что «то... розсечен лес Гилевской, что поставил двор за великого князя Оверкей слободчик, а называют Дубовицами»; это полностью совпадает с показанием истца — того же перехотца Ивашки Федотова: «А на Дубовицах... и нынеча печища старое, а на весне печища и найду».⁶⁷

Подобным действиям монастырских властей способствовало молчаливое попустительство местных низших агентов княжеской администрации, запуганных или подкупленных могущественным феодалом. «А становщик, господине, Панфил те земли все пом- нит, да не говорит, а становое держит лет з дватцать», — харак- теризует одного из таких агентов волостной истец. И действи- тельно, «становщик Панфил тако рек: Яз, господине, не ведаю, чье то земли бывали, не помню». И четыре спорных пустоши, в том числе Рязанцево, которую Ивашко Федотов «пахал, орал и сеял», нанямая у становщика же, были присуждены Троицкому Сергееву монастырю.⁶⁸

Перед нами, по-видимому, не единичные случайные факты, а широко распространенная система: появление монастырской вотчины на границах черной волости — исходный момент для проникновения монастырских владений в глубь волостной терри- тории.

Что же происходит с волостной землей после перехода ее в руки монастыря?

⁶⁶ Там же, № 538.

⁶⁷ Там же, № 537.

⁶⁸ Там же, № 539.

«Яз, господине, помню за сорок лет; в той земле в Маткове жил Федор слободчик, а тянул проторы и потуги к Залесью», — дает свои показания на суде 90-х годов волостной знахорь — крестьянин Максимко. Троицкий знахорь Семен Иванов знает того же Федора, но уже в другом качестве. «Яз, господине, помню за полчетвертатцать лет; на том... Маткове тут жил Федор слободчик, а половничял на монастырь на Троецкой, и жито делил на гумне с ключники с монастырскими». Итак, превращению крестьянского аллода в феодальную собственность соответствует превращение ее прежнего-владельца, волостного человека, в монастырского половника.⁶⁹

«В той, господине, земле в Мичкове отец мой жил, а на старца Ферапонта на троецкого половничял, а после отца своего половничяю яз, а дань... даем с монастырскими хрестьяны х Костроме, а службою... приданы х Костроме», — так рассказывает о себе крестьянин Олексейко — тот самый, на которого волостные люди, претендующие на землю Мичково, ссылаются как на своего («жил... в той земле Олексейко да Гридка, а с нами тянули»). «Та, господине, земля Мичково монастырская троецкая, а половничяю... на монастырь тритцать лет, а дань даем... х Костроме...», — вторит ему его товарищ Гридка.⁷⁰

Волостной истец Степан Понафидин в споре о земле Носкове ссылается, в числе прочих знахорей, на Микифора Гридина сына. А вот что говорит о себе сам Микифор: «...сел есми, господине, на ту землю у закащика, оу старца оу Фарафонтья оу троецкого по Галицком бою на другой год, а делал есмь... на монастырь...».

Итак, Микифор Гридин сын, которого волость продолжает считать своим человеком, на самом деле «сел» на монастырскую землю и превратился в человека монастырского: «...и дань есми давал с монастырскими хрестьяны х Костроме и всеми потуги, а не к Залесью».⁷¹

Такая же метаморфоза произошла с жителями деревни Подкосово, крестьянами Оицыфором и Полуханом. Их имена назвали волостные люди в ответ на вопрос судьи — «хто туто жил, а с вами тянул?»: «Жили, господине, туто Оицыфорик да Полухан, а пынеча живут туто же».⁷² Но сами Оицыфор и Полухан показали, что хотя и живут на Подкосове соответственно 40 и 30 лет, но «пашют» на монастырь, и «дань дают х Костроме, а не к их стольцу», и службу великого князя служат «с костромляны».⁷³

⁶⁹ Там же, № 584.

⁷⁰ Там же, № 585.

⁷¹ Там же, № 586.

⁷² Там же, № 590.

⁷³ Там же, № 594.

О жителя деревни Шипулиной, объекта очередного спора волости с монастырем, истцы-волощане — Куземка Давыдов сын со своими «товарищи» — говорят: «Жил, господине, в той земле Ивашко Михалев, с нами тянул, а пынеча живет туто же». А сам Ивашко Михалев показывает: «Яз, господине, на той земле на монастырской на Шипулине деревню поставил; уж тому шестой год, а тянул... всеми пошлинами с монастырскими хрестьяны». По словам волостных людей, землю Шипулино отнял у них троцкий закащик Афанасий «уже тому семой год». Таким образом, захват земли монастырем и появление на этой земле деревни, поставленной монастырским крестьянином, вчерашним волостным человеком, — это последовательные звенья одной и той же цепи событий. Феодализация волостной земли сопровождается как необходимым следствием феодализацией людей — вовлечением волостных хрестьян в орбиту феодальной вотчины. Прежние административные и фискальные связи этих людей с волостью разрываются, и на смену им приходят новые связи — вотчинные, феодальные.

Насколько прочны эти новые связи? Может ли вчерашний волощанин — сегодняшний монастырский половник — завтра снова вернуться в волость к своим «товарищам», мужам-аллодистам? Это один из коренных вопросов истории русского крестьянства XV в. Как же отвечают на этот вопрос сами хрестьяне — действующие лица наших актов?

«...яз же, господине, живучи за монастырем за Троицким, да те лесы наймовал...»; ⁷⁴ «...яз, господине, живучи за монастырем за Троицким на Федоровском, то Рязанцово пахал...», ⁷⁵ — говорит о своем прошлом крестьянин Ивашко Федотов — тот самый муж Нерехотской волости, который ведет от имени волости процесс с Троицким монастырем за спорные земли. Таким образом, Ивашко сумел не только «отказаться» от монастыря и вернуться в волость, но и стать одним из ответственных и авторитетных представителей последней.

А вот что рассказывает троцкий крестьянин Ивашко Ондронов: «Отец мой, господине, пришел в ту землю Оглоблино, а яз (с) своим отцем, на того Степанкова отца место на Понафиду на половничество, а уж тому полпятдесят лет...».⁷⁶ Степанко Понафидин — крестьянин волости Верхний Борезовец. Он ведет от лица волости ряд судебных процессов против Троицкого монастыря,⁷⁷ сам помнит, по его словам, лет за шестьдесят.⁷⁸ А отцом этого активного представителя волостного мира оказывается монастырский половник.

⁷⁴ Там же, № 538.

⁷⁵ Там же, № 539.

⁷⁶ Там же, № 587.

⁷⁷ Там же, №№ 583—594.

⁷⁸ Там же, № 587.

На основании показаний других старожилов можно наметить примерно следующую хронологическую последовательность событий. В 30-х годах земля Оглоблино принадлежала крестьянину Захарю; его сын Павел владел этой землей вместе с Костой. По словам Есюни, сына этого Кости, это было еще 50 лет назад, т. е. в 40-х годах. Затем Павел продал часть земли в монастырь,⁷⁹ другую часть позднее продал его сын Иван.⁸⁰ Тут-то и пришел на вновь приобретенную монастырем землю половник Понафида. Землю троицкий покупатель старец Ферапонт «купил пусто»,⁸¹ следовательно, половник должен был поставить тут деревню. Понафида, как и другие половники, несомненно и «жито делил на гумне с прикащики», и дань давал «великого князя данщиком х Костроме», и службу служил с «костромляны». Но это не помешало ему уйти обратно в волость. А на его месте в монастырской деревне оказались другие выходцы из той же волости.⁸²

Таким образом, волостной человек может стать монастырским половником, а затем снова вернуться в волость. Материалы Костромского уезда полностью подтверждают гипотезу И. И. Смирнова, высказанную им в связи с одним из переяславских актов: жителей в феодальную деревню поставляет черная волость, в волость же и «отказываются» жители этой деревни.⁸³ Свобода крестьянского перехода — один из важнейших институтов Руси XV в. Этот институт необходимо связан с наличием двух принципиально различных социальных организмов — черной волости и феодальной вотчины, составляющих аграрную структуру раннефеодального государства.

⁷⁹ Там же, № 123.

⁸⁰ Там же, № 266.

⁸¹ Там же, № 123.

⁸² Наши материалы позволяют проследить своеобразную крестьянскую генеалогию. Понафида, живший в первой половине XV в., — волостной человек, затем монастырский половник, затем снова волостной человек. Его сын Степан, родившийся около 1420 г., — один из руководителей волостного мира. Наконец, сын Степана Торонец — в 80-х годах взрослый человек, живущий отдельно от отца, — со своим «товарищем» Лавроком Фалелейковым он получил от старосты Андрея «со хрестинны» пустошь Кашино (там же, № 523).

⁸³ И. И. Смирнов. Заметки о феодальной Руси, стр. 139—140.

И. А. ГОЛУБЦОВ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ВЫРАЖЕНИЯ «АВОСЬ» ПО КРЕСТЬЯНСКИМ ДОКУМЕНТАМ XV—НАЧАЛА XVI в.

В настоящей заметке я хотел бы обратить внимание на некоторые особенности судебного процесса XV—начала XVI в., которые, по моему мнению, объясняют появление выражения «авось».

В результате законченной теперь сплошной публикации древнейших русских актов социально-экономической истории Северо-Восточной Руси до начала XVI в. (три тома «Актов Северо-Восточной Руси» и один том «Актов феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв.») выявилось около 160 судебных списков и «правых грамот», содержащих протокольные записи по разного рода земельным делам.

Эти документы свидетельствуют о борьбе за землю в феодальной Руси и прежде всего о борьбе крестьян за свою землю против наступающего феодала.

За XIV и первую половину XV в. мы почти не имеем протокольных записей земельных судов, и лишь с 70-х годов XV в. устанавливается хорошо выработанный трафарет судебных списков и правых грамот, включающих, кроме протоколов судебного процесса, и решения суда для выдачи на руки выигравшей — «правой» — стороне тяжущихся.

80-е и 90-е годы XV в. и первые годы XVI в. дают наибольшее количество протоколов, притом наиболее подробно записанных. Знакомая с судебной процедурой по земельным делам указанного времени, мне кажется, нельзя не отметить весьма значительного развития самой процедуры суда, свидетельствующей о давней практике дел о правах владения землей, о старине волостной организации и ее прав наблюдения за целостностью волостной территории.

В самом конце XV и даже в начале XVI в. в ходе судебного разбирательства глубокие старики — старожилы — говорят в воспоминаниях за 60, 80, 90 и даже 110 лет еще о временах вели-

кого моря и об Едигеевнице 1408 г., рассказывают целые истории владения или обработки спорных участков. Целыми абзацами течет русская народная речь, исторопливая, сосредоточенно-выразительная, без лишнего слов; она записана и отредактирована, видимо, опытным, привычным к разным делам подьячим или стряпчим, придающим, может быть, записываемым речам грамотную форму.

Дела о нарушении права владения землей проходили в конце XV—начале XVI в. таким образом. По каждой земельной жалобе («жалобнице») тяжба проходила обычно на спорном участке земли или на спорной меже, куда явился судья со своими писцами и помощниками (мужами), в присутствии свидетелей тяжущихся сторон — людей, знающих спорные земли и их межи, — «снахорей», местных старожильцев, осведомленных не только о текущем моменте, но и о прошлой истории владения данным объектом; на суде представляются также письменные документы.

Судные списки по делам о земле начинаются с указания судьи, назначенного обычно великим князем или по его распоряжению; обозначается место, где «стал» судья для рассмотрения дела, приводится содержание жалобы истца или письменная «жалобница», если таковая была им приготовлена; затем начинается опрос ответчика; обе стороны в подтверждение своих слов представляют свидетелей-старожильцев или письменные документы, говоря обычно в своем обращении к судье: «А со (А во со) [т. е. «А это» или «А вот это»], господине, стоят мои старожильцы»; «А со (А во со), господине, мои грамоты, купчая и данная», и т. д.

По проведенному подсчету, среди 160 просмотренных актов с протоколами земельных тяжб «А со» употреблено в 75 актах, «А во со» — в 50 актах; в 38 протоколах составители обошлись без названных указательных слов, прибегнув к одному союзу «а» («а стоят, господине, перед вами»), или к конструкции «во со» (очень редко), или просто к иному построению речи — без указательных частиц. Характерно, что формы «А со», «А во со» встречаются только в протокольных земельных актах — судных списках и правых грамотах; в прочих актах мы этих формул не встречаем.

Преимущество краткости, — а может быть, и народной привычки, — было, видимо, на стороне формулы «А со», что и привело к более частому ее применению; однако формула «А во со», звучащая ближе к книжной, несколько славянизированной речи, видимо, входила в моду и настойчиво употреблялась, может быть, особенно там, где делами о земле приходилось заниматься при участии монастырских старцев — «заквачиков» или «посельских», управлявших местными монастырскими или митрополичьими вотчинами. Особенно последовательно, например, эта формула

применена в вотчине Троице-Сергиева монастыря в Солигаличском уезде: здесь местная крестьянская волость Залесье и Верхний Березовец (залешане и березовчане) в 1495—1498 гг. во главе с крестьянином Степаном Панафидиным (искажено на Панихидина) вместо старосты, возбудила 12 земельных исков против местного троицкого закатчика Афанасия, проявив большую организованность и мобилизовав большое число членов общины для дачи показаний, вынудив судей наводить справки в костромских писцовых книгах 1465 г. Тяжба шла отдельно о каждой деревне и каждой пустоши — всего о шести деревнях и шести пустошах или землях. Все 12 дел судил один судья — Андрей Перелешин, и во всех судебных списках употреблена только формула «А во со».

Вот эта формула и родила наше теперешнее «авось».

В XV и начале XVI в. она служила для ссылки на единственные, казалось бы, основания к утверждению истинности показаний; ею открывалась как бы важнейшая часть судебного решения.

Как же произошло, что «А во со» — ссылка на утверждение и доказательство истинности — превратилось в «авось», в выражение очень неуверенной надежды, очень шаткого предположения, необоснованного ожидания? Графически это стало определяться тем, что с развитием скорописного письма последнюю букву «е» начали опускать,¹ предпоследнее «е» стали приписывать под титулом к слогу «во» — «А во», которое произносилось подряд: «Аво».

Читая судные списки и правые грамоты, мы видим, что приговоры почти всегда выносятся не в пользу представителей крестьян, крестьянской общины, волостного мира, а в пользу стороны, захватившей крестьянскую волостную землю или в состав боярской вотчины, или в состав монастырской земли. Среди полутора сотен дел не найдется и трех, решенных в пользу крестьян. Среди причин отказа им в правах на землю встретим и давность утраты земли: не искали утраченную в великий мор за 60 лет, не искали и за 40 лет, и за 15, и за 7, — не искали, значит не их земля; разноречие в показаниях старожильцев, или отсутствие старожильцев, или показание кого-либо из старожильцев крестьянских за противную сторону, или выставление старожильцем человека не данной местности или недавно пришедшего, иное название объекта спора, отказ от «полия», — все сказанное встречается в мотивировках «обвинения» крестьянской стороны.

Крестьянство, вне всякого сомнения, постепенно поняло недостаточность суда для защиты своих насущных интересов, прежде всего подкупность судебного аппарата. В этих условиях

¹ «а во е(о)» (АСЭИ, т. I, №№ 587, 589, 592).

вполне естественно, что у обращающихся в суд возникало сомнение в реальной полезности самих доказательств, с таким подчеркнутым вниманием рассматриваемых судьями. Напряженные хлопоты сторон по подготовке доказательств — старожильцев и грамот — заканчивались возгласом: «А во се» или «А се». Дальше наступала утомительная полоса равнодушной критики и подбора недостатков в представленных доказательствах и разные новые хлопоты и задержки, в протоколах большей частью не отмечаемые. Судебная действительность складывалась совсем не так, как можно было бы ждать после показаний старожильцев или как вытекало из текстов документов, предъявленных суду; «А во се» стало вызывать насмешливое отношение: решения зависели от влияния сильных мира и церкви и от посулов.

Такие вопросы, как сроки появления или сложения того или иного общественного мнения об элементах государственных или социальных отношений, не всегда могут решаться с желательной точностью во времени; достаточно определить приблизительное время таких перемен. Мы знаем, что в первой половине XVI в. в актах еще употреблялась старая формула «А во се». Чтобы определить дальнейшую историю слова, мы обратились в Институт русского языка АН СССР; здесь нам с большой любезностью заведующая Картотекой древнерусских слов (ДРС) Ольга Игнатьевна Смирнова сообщила следующие сведения, на наш взгляд, хорошо смыкающиеся с описанным выше развитием интересующей нас формулы.

Древнейшие имеющиеся записи в Картотеке ДРС (на конец февраля 1966 г.) относятся к XVII в.

а) 1610 г. — в наказе русскому посольству к королю польскому Сигизмунду по делу о приглашении его сына Владислава на русский престол: «Авосе ми[с]рдый б[о]гъ над нами умилосердится...» (может быть, милосердный бог над нами умилосердится...);²

б) середина XVII в. — также в старой полной форме, но в новом значении: «Авося де будет так и совершитца» (возможно, что будет так и совершится);³

в) 1651 г. — также в значении «может быть», но уже в форме «авось»: «А теперь вы его выслали из своей земли, а просите у государя милости и помочи, авось либо (разрядка наша, — И. Г.) государь к вам будет что писать об нем»;⁴

г) XVII в. — «Авось попадет, что заяц в тетета» (возможно, попадет...);⁵

Приведенные материалы Картотеки ДРС с несомненностью свидетельствуют, что в 1610 г., хотя в формальном международном акте сохранялась еще старая грамотная форма (но уже в однословном написании «авосе»), да и в середине XVII в. тоже (в статейном списке Толочанова — «авосья»), но значение слова там и здесь уже изменено; в это же время и форма «авось» получает употребление; слово уже утратило указательное значение на грамоты и старожильцев,⁶ которых надо было выслушать.

В результате проведенного рассмотрения мы можем с большим основанием признать, что «авось» в теперешнем смысле — не доказанного, неуверенного ожидания — выработалось из судебной формулы обращения к доказательствам письменным и свидетельским (знахарей); эта формула «а во се» употреблялась в земельных делах уже в XV в., главным образом во второй его половине, и в XVI в. Но в этом же веке несомненно должно было сложиться определенное неверие в возможность легальным судом добиться сохранения земель в распоряжении крестьянства, главным образом волостного; показателем этого неверия в языке и явилось, между прочим, ироническое, насмешливое употребление той же формулы; нечего рассчитывать на «а во се», т. е. старожильцев, грамоты, выписи-справки из писцовых книг; все равно откажут, найдут, почему откажут, ведь отказывают почти всем крестьянам, отказывают и без мотивов (таких случаев немало и в XV в.). Такой рост пессимизма, конечно, приводил не только к «авосю»; уже в XV в. нам известен случай суда за сожжение деревни с похолоплением поджигателя и с добегом сообщника.⁷ А в XVI в. побег становится повсеместным явлением. Приходят заповедные годы. Заповедь, запрещение выхода и в Юрьев день осенний приближает крестьянский взрыв. В языке отмечается краткое: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день». Не в эти ли же годы гибели Юрьева дня, тоже не сразу, отлилось и «авось»?

У нас нет оснований датировать слово «авось» временем более ранним, чем конец XVI в. Принадлежит оно исторически, как думается, волостной крестьянской общине, осознавшей бесполезность надежд на лояльное «а во се» и на судебную защиту старинного земельного фонда.

² Старинные сборники русских пословиц и поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий. Собрал и подготовил к печати П. Симонов, вып. I и II (Сб. ОРЯС, т. 66, № 7), СПб., 1899.

³ Считаем, что в судебных списках и правых грамотах старожильцы — только старожилы; никакого иного значения придавать им на основании названных документов историк не может; старожильцы здесь — люди разных сословий, не только крестьяне: все одинаково старожилы.

⁷ АСЭИ, т. II, № 495.

² СГГД, т. II, стр. 422.

³ Посольство стольника Толочанова и дьяка Невлева в Имеретию 1650—1652 гг. В сб.: Международные сношения Грузии с иноземными странами, I, Тифлис, 1926.

⁴ Статейный список Арсения Суханова. Православный палестинский сборник, т. VII, вып. 3, СПб., 1889, стр. 321.

Р. С. Справка в словарях. В. И. Даль связывает «авось» с «а-во-се», со значением — а вот, сейчас, может быть; отдельно дает «во» — вои, вот, тут, близко; скоро; «вовсе» — недавно, наперед, скоро. — И. И. Срезневский в Материалах для словаря древнерусского языка слова «авось» не дает, однако ссылается на тексты двух правых грамот конца XV в., где читаются «а-во-се»; по Срезневскому «а восе»; слово «восе» — вот, латинское esse. — Д. Н. Ушаков в Толковом словаре русского языка дает «авось» и «может быть» — недостаточно обоснованная надежда — как вводное слово.

Г. А. ПОБЕДИМОВА

О НЕКОТОРЫХ ФОРМАХ КРЕДИТОВАНИЯ КРЕСТЬЯН ИОСИФО-ВОЛОКОЛАМСКОГО МОНАСТЫРЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.

Среди источников по истории крестьян XVI в. так называемая Долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря 1532 г. занимает особое место.¹ Оно определяется прежде всего ее содержанием: в книге с необыкновенной полнотой отражена кредитная деятельность монастыря, охватившая около 800 крестьян-должников и их семей, дан последовательный перечень монастырских сел, починков и деревень по всем восьми центральным уездам Московского государства, где находились вотчины Иосифо-Волоколамского монастыря. Кроме того, как отметил издатель книги А. А. Зимин, «Долговая книга является наиболее ранним документом из числа дошедших до нас приходо-расходных книг, долговых и др. не только Волоцкого, но и вообще русских монастырей».²

Вопрос о происхождении Долговой книги спорен. А. А. Зимин, дав ее источниковедческий анализ, высказал предположение, что книга представляет собой список крестьянских долгов монастырю, переписанный «с какого-то аналогичного документа, вероятно сильно попорченного различными поправками» и была «действующим документом около 2-х лет»³ (т. е. 1532—1534 гг.).

Противоположную точку зрения о происхождении Долговой книги высказал Г. В. Абрамович в докладе «О роли феодального кредита в развитии сельского хозяйства».⁴ Он считает, что «Дол-

¹ Книга ключей и долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в. Под ред. М. Н. Тихомирова и А. А. Зимина. М., 1948 (далее: Долг. кн.). — В подлиннике книга не имеет заглавия и первых листов.

² Там же, Введение, стр. 117.

³ Там же, стр. 119.

⁴ Рукопись доклада, прочитанного Г. В. Абрамовичем на заседании группы феодализма ЛОИИ.

	Выдача	Погашение	Остаток
Общее число ссуд	670	166	504
На сумму	266 р. 1 а. 2 д.	71 р. 30 а. 2 д.	196 р. 24 а. 2 д.
В том числе за указанный год	68	5	63
На сумму	24 р. 9 а.	1 р. 27 а. 4 д.	22 р. 14 а. 4 д.

Уже первоначальный общий подсчет количества сделанных записей приводит к выводу, что ссуды, зафиксированные в Долговой книге, никак нельзя назвать краткосрочными. За один год погашена лишь четвертая часть выданных ссуд. Еще показательнее в этом плане сравнение выданных и погашенных сумм только в течение 1532/33 г.: за год было выдано 68 ссуд и погашено из них всего лишь пять.

Таким образом, основная часть записей Долговой книги — это не краткосрочные ссуды, а подможные.¹¹ Именно по этой причине в Долговой книге почти нет сроков возвращения денег (из 670 записей срок возврата указан в шести),¹² так как подможные деньги возвращались, как известно, лишь при уходе крестьянина из вотчины. И наоборот, в случае выдачи не подмоги, а краткосрочной ссуды часто указывался срок возврата, а иногда и ее цель.¹³

По этой же причине монастырские власти стремились охватить в долговой записи как можно больше людей, помимо основного должника, которые с занесением в Долговую книгу втягивались в сферу экономической зависимости от монастыря и одновременно гарантировали возвращение, в случае необходимости, подможных денег. Типичной является следующая запись. «На Дарье на Петрушинской жене, и на ее сыне, на Мите, и на ее снохе, на Василиске, и на ее зяте, на Лукьяне, и на его жене, на Ульяне, и на их детех — полтина».¹⁴

Всего в Долговой книге указано 35 вариантов размера ссуд — от 1½ рублей до 3 алтын (см. табл. 2).

Половина ссуд (327 из 670) выдана в четях (четы — четверть рубля) и 190 ссуд — по полтине, т. е. по 2 чети. Такие ссуды,

¹¹ В докладе Г. В. Абрамовича очень четко определяется различие между ссудой краткосрочной и подмогой, т. е. беспроцентной бессрочной ссудой, которое мы принимаем при классификации записей Долговой книги.

¹² Долг. кн., лл. 4, 21, 41, 51, 51 об. (в четырех случаях указан покров, в одном случае петров день и в одном — соборное воскресенье).

¹³ Там же, лл. 41, 51, 51 об., 64 об., 119 об., 133.

¹⁴ Там же, л. 115.

говая книга 1532—1534 гг. составлялась по мере выдачи долга именно в эти годы, а не была переписана с других, более ранних документов»⁵ и что Долговая книга зафиксировала раздачу монастырским крестьянам в основном краткосрочных бескабальных ссуд.⁶

Для решения вопроса о происхождении Долговой книги необходимо уточнить ее хронологические рамки. Основной текст книги написан одним почерком. Это несомненно свидетельствует о том, что он был написан одновременно, причем не ранее осени 1532 г., так как в с. Ангелове, купленном лишь 10 июня 1532 г., уже записано 10 должников.⁷

Вторая хронологическая грань определяется по записи, относящейся к с. Новое Ступишино. Это село было куплено 8 июля 1533 г.,⁸ а запись, о которой идет речь, имеет вид позднейшей приписки и содержит имя только одного должника, т. е. она сделана не ранее конца лета 1533 г.⁹ Эти данные приводят нас к выводу, что срок действия Долговой книги продолжался, видимо, один год, т. е. 1532/33. Вероятно, книга переписывалась ежегодно при вступлении в должность нового казначея. Тогда становится понятным и отсутствие в книге сел и деревень, приобретенных в 1534 г. и позднее, и причины переписывания данной Долговой книги с «аналогичного документа», на что, как указывалось выше, обратил внимание А. А. Зимин.¹⁰ Предполагаемый годичный срок действия книги не противоречит традиционному «погодному» принципу ведения хозяйственных книг в монастырях.

Всего в Долговой книге перечислено 670 должников-крестьян из 24 сел, 3 селец, 18 починок и 157 деревень. В каждой долговой записи значится не просто отдельный крестьянин-должник, но вся крестьянская семья, состоящая из двух и даже трех поколений, т. е. родители с детьми и внуками.

Записи книги были подсчитаны как по общему количеству, так и по размеру ссуд в денежном выражении.

Долговая книга дает сведения не только о задолженности крестьян к осени 1532 г., но и об изменениях на протяжении года и о положении дел к концу 1533 г., так как на основании анализа почерка можно установить, какие записи появились на протяжении года, и отделить их от первоначального, основного текста.

Итоговые данные по кредитному балансу монастырской казны в 1532/33 г. представлены в табл. 1.

⁵ Там же, стр. 7.

⁶ Там же, стр. 53, 54, 56.

⁷ Долг. кн., л. 61—61 об.

⁸ АФЗХ, ч. II, № 124.

⁹ Долг. кн., лл. 17 об. и 62.

¹⁰ Долг. кн., Введение, стр. 119.

Таблица 2

Ссуды в четьях		Остальные ссуды	
размер	количество	размер	количество
1/2 чети (4 а. 1 д.)	8	10 а.	25
Четь (8 а. 2 д.)	327	20 а.	10
1 1/2 чети (12 а. 3 д.)	7	4 а.	8
2 чети (16 а. 4 д.)	190	1 гр.	6
3 чети (25 а.)	29	5 а.	5
3 1/2 чети (29 а. 1 д.)	1	15 а., 12 а. 2 д., 2 гр.	4
4 чети (1 р.)	17	12 а.	3
4 1/2 чети (1 р. 4 а. 1 д.)	1	30 а., 20 а. 4 д., 4 гр., 13 а., 11 а. 11 1/2 р., 30 а. 2 д., 28 а., 21 а., 16 а., 14 а., 11 а. 1 д., 10 а. 4 д., 9 а., 7 а. 3 д., 6 а., 5 а. 3 д., 3 а.	2
			1

как 4 а. 1 д., 12 а. 3 д., 29 а. 1 д., 25 а. — это не что иное, как соответственно 1/2, 1 1/2, 3 1/2 и 3 чети. Всего на четь и ее доли выдано 580 ссуд из 670. Это легко уловимое даже на первый взгляд единообразие размеров ссуд очень характерно для Долговой книги. По некоторым волостям (например, Бельской, Зубовской, Фаустова Гора)¹⁵ все ссуды без исключения выражены в единицах, кратных чети, и это обстоятельство наводит на мысль, что именно четь была общепринятым, традиционным размером подмоги, соответствовавшим определенному, «стандартному» размеру крестьянского пахотного участка — жеребья.

Предполагаемая связь денежной подмоги-чети с жеребьем подтверждается следующими двумя записями Долговой книги, касающимися крестьянина Клима Фомина: 1) «На Климе на Фомине да на его жене Поладье — четь».¹⁶ Эта запись зачеркнута.

2) «На Федосее на Филиппове сыне, да на его жене Овдотье, и на их сыне на Прохоре — четь, а снял тую четь с Клима с Фомина сына, а Клима спустил ж жеребья».¹⁷ Эта запись является позднейшей припиской к тексту. Она допускает несколько толкований, но несомненной является связь чети с жеребьем: на Федосее Филиппове записана четь в связи с получением участка — жеребья, а на Климе Фомине четь зачеркнута в связи с уходом с жеребья.

Размер подмоги, видимо, был пропорционален размеру крестьянского участка, и этим объясняются несколько необычные ее размеры, например 4 а. 1 д., 12 а. 3 д., 29 а. 1 д. или 1 р. 4 а. 1 д. Если принять подмогу на жеребей в четверть рубля, то такие

¹⁵ Там же, лл. 63—72 об., 100—101, 124—128.

¹⁶ Там же, л. 98.

¹⁷ Там же, л. 99.

суммы будут соответствовать подмоге на полжеребья, на полтора, два с половиной и четыре с половиной жеребья. Остановимся в связи с этим на оформлении погашения долга. В книге много зачеркнутых записей. Но правильно ли считать, что зачеркнутые записи всегда говорят о возвращении ссуды? Из текста книги выясняется, что так было не во всех случаях. Например, при переходе крестьянина из одной деревни в другую старая запись зачеркивалась, что, однако, не означало погашения ссуды, так как должника в этом случае просто переписывали в список по другой деревне.¹⁸

Записи зачеркивались также и при изменении первоначального размера долга, когда он переписывался на новую сумму.¹⁹ Такие записи выявлялись при анализе текста Долговой книги и не учитывались при подсчете действительно погашенных долгов. Для подтверждения правильности принятого метода подсчета мы использовали итоги, выведенные в Долговой книге по двум волостям — Бельской и Мамошино с Скирмановым (вместе).

Таблица 3

Количество ссуд	Размер ссуды						Всех ссуд	На сумму
	1 р. (4 чети)	29 а. 1 д. (3 1/2 чети)	25 а. (3 чети)	16 а. 4 д. (2 чети)	8 а. 2 д. (1 четь)	4 а. 1 д. (1/2 чети)		
Выданных	3	1	1	13	23	1	42	17 р.
Погашенных (в том числе одна частично)	2	1	1	8	12	1	25	10 р. 25 а.
Оставшихся	1	—	—	4	13	—	18	6 р. 8 а. 2 д.

В Бельской волости было записано 42 должника (долговых записей) по с. Бели, 15 деревням и 3 починкам. В табл. 3 отображен кредитный баланс по Бельской волости.

¹⁸ Там же, лл. 22, 35 об., 36 об., 38: крестьянин Останка Леонов переписан из дер. Яругино в дер. Мелешино, трое крестьян из дер. Крюково переписаны в дер. Немдово.

¹⁹ На Ивашке Мануйлове из с. Мамошино первоначально была записана четь. Затем появилась вторая запись — приписка еще на четь. После этого первая запись была зачеркнута, а вторая исправлена на полтину (см. там же, л. 73). То же произошло и с записями на с. Болашково. Первая запись была сделана на восемь человек (л. 119). Затем появилась приписка о выдаче денег дополнительно после пожара, в том числе и этим восьми крестьянам (л. 119 об.). А затем первая запись и имена крестьян из приписки оказались зачеркнуты и переписаны в 3-ю запись, в которой долг каждого из них суммирован из первых двух записей (л. 118 об.).

Здесь полностью погашено 24 долга и частично один — с полтины на четь. Полученный итог совершенно совпадает с монастырским: «В селе на Белях 6 рублей с четью».²⁰

Во втором случае (по Мамошину и Скирманову с деревнями) наш итог расходится с монастырским на 16 а. 4 д., т. е. на полтину, чему не трудно найти объяснение и что несколько не колеблет правильность установленного принципа подсчета. В книге фиксировались не только полное погашение долга, но также случаи частичного уменьшения или увеличения первоначально выданной суммы.

Например, в дер. Офонасково на Игнате Юдине с семьей числится долг в полтину и $7\frac{1}{2}$ а.²¹ Запись была зачеркнута, так как вся семья переписана в дер. Шуино²² с долгом в полтину; $7\frac{1}{2}$ а. мы считаем уплаченными, потому что во второй записи их нет.

В дер. Ядреево «на Гаврильце на Яковле, и на его жене Орише, и на их детях, на Потанце — полтина». И затем вторая запись: «На Гаврильце на Яковле ж и на его жене — пол 6 алтын».²³ Вторая запись зачеркнута. Если исходить из предположения, что полтина означала подможные деньги на 2 жеребья земли, то в этих записях мы видим, кроме выдачи подможных денег (по полтине), еще и краткосрочные ссуды — в $7\frac{1}{2}$ а., и в $5\frac{1}{2}$ а., которые и оказались в течение года погашенными. На это указывает и различие записей Гаврилы Яковлева на полтину (с включением имен жены и сына) и на краткосрочную ссуду (запись краткая и без этих имен).

Различные краткосрочной ссуды и подмоги хорошо прослеживаются в следующих записях в с. Богородицком: «На Климе на Кириллове сыне — полтина, взял мерин, а деньгам срок Покров» (зачеркнута).²⁴ «На Климе на Кириллове сыне и на его жене Овдогье и на их детях — четь».²⁵ Запись не зачеркнута, так как деньги выданы на земельный участок в бессрочный кредит. Интересна запись в дер. Кикино: «На Левоне на Филиппове да на его жене на Домне и на их детях, да на Истомке на Тимофееве Бровистого и на его жене и детях — 4 гривны».²⁶ На две семьи была записана одна сумма в 4 гривны. Эта запись зачеркнута, и далее мы читаем уже отдельные записи на каждую семью. В дер. Кикино же: «На Левоне на Филиппове да на его жене на Домне и на их детях — 5 алтын». В дер. Кульмино: «На Истомке на Тимофееве сыне Бровистого и на его жене и на их детях — четь».²⁷ Хотя записи стали раздельными, первоначальная сумма

²⁰ Там же, л. 72 об.

²¹ Там же, л. 9.

²² Там же, л. 13 об.

²³ Там же, л. 16 об.

²⁴ Там же, л. 51.

²⁵ Там же, л. 51 об.

²⁶ Там же, л. 112 об.

²⁷ Там же, л. 113.

еще не изменилась (5 а. + четь = 4 гривны), но затем Истомка Тимофеев получил дополнительно четь и вторая запись была исправлена на полтину.

Подводя итоги, следует отметить, во-первых, что Долговая книга — это сложный источник, включающий сведения о различных формах кредитования крестьян;²⁸ во-вторых, основное ее содержание составляют записи выдачи подмоги, определяемой величиною крестьянского пахотного участка; в-третьих, из анализа размеров подмоги следует вывод о слабой экономической дифференциации крестьянского населения вотчины, так как подавляющая масса крестьян владела участками в 1 или 2 жеребья (580 из 670), хотя имелись участки и в $4\frac{1}{2}$ жеребья и в $\frac{1}{2}$ жеребья (см. табл. 2). Таким образом, Долговая книга — это не просто перечень крестьянских долгов, а документ, дающий новые сведения о конкретных способах борьбы вотчинника-монастыря за крестьян. На массовом материале подтверждается положение, выдвинутое И. И. Смирновым, о развитии «окупа крестьян на землю» — как способе, «посредством которого феодалы втягивали в сферу феодальной зависимости новые слои крестьянства».²⁹ Установленная И. И. Смирновым однотипность «окупа» с подмогой³⁰ позволяет рассматривать крестьян Долговой книги именно как «окупленных людей».

²⁸ В Долговой книге отражен еще один вид ссуды, кроме указанных двух, а именно — кабальной. Записи по с. Ангелову имеют подзаголовок: «На хрестьянех деньги по кабалам» (л. 61). Всего в с. Ангелове записано 10 человек. Остается неясным, почему именно ангеловским крестьянам давались деньги под кабалу. Объяснение этому, видимо, следует искать в том, что село было приобретено незадолго до появления Долговой книги (см. выше). Может быть, деньги по кабалам оставались на крестьянах от старого владельца (подобно крестьянам Д. Валуева из с. Мишутино, — см.: АФЭХ, ч. II, № 176) и после покупки Ангелова были вписаны в Долговую книгу. Затем трое из этих крестьян получили еще и подмогу и были занесены в книгу вторично (Долг. кн., л. 61 об.).

²⁹ И. И. Смирнов. Заметки о феодальной Руси XIV—XV вв. История СССР, 1962, № 3, стр. 159.

³⁰ Там же, стр. 150.

Л. С. ПРОКОФЬЕВА

«ХЛЕБНЫЙ БЮДЖЕТ» КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА БЕЛОЗЕРСКОГО КРАЯ В СЕРЕДИНЕ XVI в.

Вопрос об экономическом состоянии крестьянского хозяйства и, в частности, о «хлебном бюджете» крестьянского двора в XVI в. является наиболее сложным и мало разработанным в исторической науке. Решение этого вопроса крайне затруднено по причине почти полного отсутствия источников. В связи с этим крайне важно привлечь все то, что в той или иной степени способствует изучению этой проблемы.

Данная статья ставит своей целью дать ответ на вопрос: могли ли крестьяне Белозерского края быть поставщиками хлеба на рынки страны. По своему замыслу она примыкает к статье Н. А. Горской, в которой сделана попытка изучения «хлебного бюджета» монастырского хозяйства. На основании прихода-расходных и ужино-умолотных книг Н. А. Горская сделала вывод, что зерновое хозяйство северных монастырей (таких, как Кирилло-Белозерский) «велося с расчетом на внутреннее потребление и что своим хлебом монастыри, как правило, не торговали.¹ Посмотрим, каковы же были возможности зернового земледелия в крестьянском хозяйстве Белозерского края и степень втянутости крестьянина в товарно-денежные отношения.

Каждый, кто хоть однажды сталкивался с социально-экономической историей Русского государства XVI в., может отчетливо осознать, насколько заманчива и одновременно трудна и сложна поставленная задача. Поэтому следует заранее сделать оговорку о том, что в данной работе речь пойдет лишь об условном воспроизведении модели «хлебного бюджета»

¹ Н. А. Горская. Товарность зернового земледелия в хозяйствах монастырских вотчин центра Русского государства к исходу XVI—началу XVII в. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1962 г., Минск, 1964, стр. 140.

крестьянского хозяйства Белозерского края середины XVI в.

Основным источником для разрешения поставленной задачи послужили вытные книги (по заголовку одного из списков «Книги семенные и оброчные всех сел монастырских и деревень Кириллова монастыря»), которые сохранились в трех списках в составе рукописей библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря и в настоящее время хранятся в Отделе рукописей ГПБ.² Вытные книги содержат в себе перечень всех крестьян вотчины по селам и деревням с указанием вытного тягла, приходящегося на каждый крестьянский двор, количества высеваемого хлеба для большей части вотчины и количества выплачиваемого в монастырь оброка. Принцип составления вытных книг дает нам возможность подразделить их на три группы. Первая группа включает семенные книги — «семенники ржаные и яровые», как называет их источник, со сведениями о количестве высеваемых семян в каждом крестьянском дворе, представляющих собой не что иное, как ссуду, выданную монастырем на посев крестьянам, проживающим в Белозерском и Вологодском уездах, а также в с. Саншиково Романовского уезда, согласно их вытному окладу. Эта категория книг охватывает крестьян 30 ключей всех сел и деревень, находящихся в округе Кирилло-Белозерского монастыря. Каждая вытная книга, следовательно, регистрирует посев и раздачу ссуд в пределах отдельного ключа. Вторая группа включает вытные оброчные книги, так называемые «хлебные оброчники», со сведениями о выплате хлебного оброка крестьянами тех же самых 30 ключей, за исключением крестьян сел Вапкуй и Кивуй, переведенных монастырем на денежный оброк. Третья группа включает «книги вытные оброчных сел и деревень денежные», сюда вошли «денежные оброчники» и «оброчники хлебные и денежные». В отличие от первой категории книг, эта группа книг регистрирует тех крестьян, которые «сют на своих пашнях смяна свои, а не монастырские».³ В основном в них сведены данные о крестьянах наиболее отдаленных от монастыря вотчин, находящихся в Угличском, Дмитриевском, Бежецком и других уездах, а также в северных районах Белозерского уезда. Эта часть книг, как правило, не дает нам сведений о количестве высеваемого в крестьянском хозяйстве хлеба.

Предметом нашего изучения явились вытные семенные и оброчные книги первых двух групп, которые содержат сведения о крестьянских хозяйствах центральной части Кирилловской вотчины, находящейся главным образом в Белозерском уезде.

Первым историком, обратившим внимание на вытные книги, был В. О. Ключевский, который еще в 80-е годы XIX в. в своей

² ГПБ, Кирилловское собр., №№ 69/1038, 91/1329, 92/1330.

³ Там же, № 69/1308, л. 277.

работе «Происхождение крепостного права», рисуя общую картину закрепощения крестьян, в отношении вытных книг сделал беглое замечание: «Серебро имело роковое по своим последствиям значение для крестьянства. Страшное развитие этой формы долгового обязательства открывается из неизданной вотчинной книги Кириллова Белозерского монастыря, составленной во второй половине XVI в. Это перечень монастырских сел и деревень с обозначением вытей обрабатываемой крестьянами земли и оброка, полученного с них монастырем... Одни крестьяне имели свои семена, другие брали их у монастыря: первые пахали 464 выти, вторые — 1075, т. е. 70% снятой у монастыря пашни находилось в пользовании людей, без помощи вотчинника не имевших чем засеять свои участки».⁴ Отказавшись от глубокого изучения вытных книг, В. О. Ключевский, таким образом, использовал их как иллюстрацию для подтверждения своей концепции развития крепостного права на Руси, в основе которой лежит задолженность крестьян, арендаторов земли, феодалу.

Вслед за В. О. Ключевским наиболее глубокому изучению вытные книги подверг Н. К. Никольский. Его заслуга состоит как в уточнении датировки источника (основываясь на хронологии земельных приобретений монастыря, Н. К. Никольский датирует вытные книги 1558—1568 гг.), так и в раскрытии самого существования источника. Излагая историю Кирилло-Белозерского монастыря с момента его основания и до второй четверти XVII в., Н. К. Никольский показал значимость данных вытных книг с точки зрения роли крестьянского дохода в развитии экономического благосостояния монастыря⁵ и попытался определить значение выти в хозяйстве Кириллова монастыря. Сделав в указанном плане целый ряд интересных наблюдений, автор между тем оставил в стороне изучение истории крестьянского хозяйства.

До недавнего времени собственно этими двумя историками и ограничивался круг лиц, обращавшихся к вытным книгам Кириллова монастыря как историческому источнику. Несмотря на значительный интерес, наметившийся в последнее время, к изучению социально-экономической и аграрной истории России XVI в., вытные книги совершенно не привлекали к себе внимания советских исследователей. Несколько лет тому назад этот важнейший источник по истории крестьянского хозяйства середины XVI в. был подготовлен А. Х. Горфункелем к печати и вошел в состав публикации «Вотчинных хозяйственных книг XVI в.», редактируемой А. Г. Маньковым, — к сожалению, до сих пор не

⁴ В. О. Ключевский. Опыты и исследования. Первый сборник статей, Пгр., 1918—1919, стр. 228 (статья «Происхождение крепостного права в России»).

⁵ Н. К. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. (1397—1625), т. I, вып. II, СПб., 1910, стр. 23.

вышедшей в свет. А. Х. Горфункелю — на основании привлечения нового списка вытных книг, неизвестного В. О. Ключевскому и Н. К. Никольскому, и датировки приобретенных монастырем сел и деревень — удалось наиболее точно датировать, в отличие от Никольского, список, положенный в основу публикации: 1559—1560 гг. Наиболее вероятной датой составления вытных книг он считает осень 1559 г. Однако этой датой, как полагает А. Х. Горфункель, определяется лишь время составления сводных книг. Появлению сводных книг должна была предшествовать определенная работа по составлению семенных и оброчных книг на местах, в селах, затянущаяся, вероятно, на значительный период времени.⁶

Изучаемые нами вытные книги зарегистрировали 1823 двора, которые, судя по нашим подсчетам, разместились в 10 селах и сельцах, 669 деревнях (из которых 8 — «новы» и 18 пустых) и 53 починок (из них 13 пустых).⁷ Это дает нам основание полагать, что в результате активной предпринимательской деятельности Кирилло-Белозерский монастырь к 60-м годам превратился в крупную вотчину, которая поглотила многие черные волости, дворцовые и вотчинные земли Белоозера.⁸

В характере ведения крестьянского хозяйства, на основании вытных книг, нельзя не отметить одну специфическую особенность, заключающуюся в том, что все 1823 крестьянских двора — а это составляет около 70% всех крестьян — производят посев монастырскими семенами. Поэтому вытные книги, объединенные под заголовком «вытные книги семенные», в первую очередь представляют собой не что иное, как регистрацию количества семян, выданных крестьянам в качестве подмоги для посева на крестьянской пашне.

Изучение материалов, содержащихся в вытных книгах, позволяет сделать вывод, что они учитывают все количество хлеба, высеваемое тем или иным крестьянином на своем тяглом участке, и что в данном случае крестьяне к взятым в монастыре семенам свои семена не добавляли. Об этом свидетельствует прежде всего содержание самой записи, в которой конкретно указывается, что семена даются крестьянам не на что другое, как на посев. Например, дер. Погорелое — «Дедюха на полвыти сеет

⁶ Рукопись «Вотчинные хозяйственные книги XVI в.» хранится в ЛОИИ. При написании данной статьи автор пользовался текстом рукописи, подготовленной к печати А. Х. Горфункелем, а также составленной им картошкой имен, представлявшей собой первичную обработку данных вытных книг, за что и выражает А. Х. Горфункелю искреннюю благодарность (см. также его статью в Уч. зап. Карело-Финского под. ин-та, т. II, вып. I, 1955).

⁷ Подсчеты как этих, так и последующих итоговых данных сделаны автором.

⁸ А. И. Колпаев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.—Л., 1951, стр. 86.

рики 4 чети, пшееницы полосьминны, овса 8 чети»;⁹ дер. Тихоново — «Почай на поляхти сеет ржи 4 чети, полосьминны пшееницы, овса 10 четий»;¹⁰ и так по всем семенным книгам. Во-вторых, о том же говорит записи, которые даются в итоге вытних семенных книг по каждому ключу, — например: «а соют крестьяне (Кнутовского ключа, — Л. II.) на своих пашнях монастырских семин ржи 299 четий, овса 691 чети, пшееницы 19 чети и пол-2 осмины с черником»,¹¹ — в отличие от записей вытних денежных книг, которые регистрируют выплату оброка крестьянами, соющими на своих пашнях «симины свои, а не монастырские». ¹² Третьим доказательством того, что крестьяне засевали свои поля только монастырскими семенами, является то обстоятельство, что количество озимых и яровых хлебов, получаемых от монастыря, а следовательно и высеваемых в каждом хозяйстве, как правило, находится в соотношении, применяемом в пашенном земледелии с трехпольным севооборотом. Далее, следует также заметить, что всякий случай, когда крестьяне к взятым в монастыре семенам добавляют свои, оговорен особо.¹³ Наконец, сопоставление материалов вытних книг с более поздними материалами (с дозорной книгой 1616 г. и с «росписью вытного тягла и посева села Талицы» 1670 г.), содержащими данные о посевах, подтверждает наш вывод, что крестьяне к взятым в монастыре семенам свои семена не добавляли, ибо среднее количество хлеба, высеваемого на двор в 1559 г., намного превышает количество хлеба, высеваемого в среднем на двор в 1616 и 1670 гг.¹⁴

Раздача хлебных ссуд в качестве подмоги крестьянским хозяйствам не была случайным явлением. Выдача семян крестьянам связана с необходимостью феодала поддерживать крестьянское хозяйство и являлась своеобразной формой помощи крестьянину-земледельцу. Не испытывая больших затруднений ни с хлебом, ни с деньгами благодаря хорошо налаженному хозяйству, связанному с развитием земледелия и солеварения, Кирилло-Белозерский монастырь иногда шел на уступку части хлеба крестьянам, которая, с одной стороны, гарантировала поступление в монастырь оброка, а с другой стороны, была надежным средством удерживать в монастыре крестьянские руки в период, когда между феодалами разгорелась острая борьба за рабочую силу.

На первый взгляд может создаться впечатление, что выдача ссуды крестьянам устанавливала между ними и монастырем

взаимоотношения, весьма характерные для более раннего периода — периода распространения денежных и хлебных ссуд «с ростом» и «с паспом». Именно так интерпретировал данные вытних книг В. О. Ключевский, усмотрев в выдаче ссуд «роковые последствия», сопровождающиеся закрепощением крестьян. Однако, как правильно отметил Н. Никольский, «обычная ссуда „поземных семян“ не вводила крестьян в условия процентных долговых обязательств». ¹⁵ Эту мысль, вопреки мнению Ключевского, несколько позднее развивал и С. Б. Веселовский, отмечая, что на ссуду нельзя смотреть только как на акт закрепощения, она есть также и необходимая мера помощи при восстановлении крестьянского хозяйства. ¹⁶ В выпущенной недавно работе А. Н. Сахаров отмечает, что в факте выдачи ссуды и подмоги крестьянину наблюдается стремление феодала как-то поддержать крестьянское хозяйство, чтобы обеспечить себе все возрастающую долю феодальной земельной ренты. ¹⁷

К моменту составления вытних книг, как мы отметили выше, Кирилло-Белозерский монастырь представлял собой крупную вотчину. Совершенно естественно поэтому, что в условиях роста монастырского землевладения заселение земель крестьянами было первоочередной задачей монастыря. В условиях развития и роста монастырской вотчины ссуда с процентами затрудняла бы не только развитие самого крестьянского хозяйства, но и обеспечение землевладельца феодальной рентой и, естественно, вела бы к отливу населения из монастыря. Беспроцентная же ссуда была надежным средством, обеспечивающим монастырь оброком, рабочими руками и лишаящим крестьян свободы передвижения.

Этот вид ссуды-подмоги не был связан с привлечением новых крестьян на пустоши или неосвоенные участки. С этой точки зрения, на наш взгляд, не прав Н. Никольский, который утверждает, что «семенная ссуда крестьянам в этой книге является в качестве подмоги большей частью новикам Белозерского края (а иногда и старожильцам для обзаведения их посевным инвентарем)». ¹⁸ Ссуда выдавалась всем без исключения крестьянам. Однако, рассматривая ссуду как акт раздачи хлеба в качестве подмоги, закономерно поставить вопрос: в состоянии ли был феодал ежегодно раздавать крестьянам огромное количество хлеба для поддержания крестьянского хозяйства? Очень трудно предположить, чтоб крестьяне ежегодно осуществляли посев монастырскими семенами. По всей вероятности, такая массовая раздача хлеба осуществлялась монастырями в редких случаях — и

⁹ ГИИ, Кириллово собр., № 69/1308, л. 21.

¹⁰ Там же, л. 33.

¹¹ Там же, л. 32 об.

¹² Там же, л. 277.

¹³ Там же, лл. 30—30 об., 76 об., 83, 103 об.

¹⁴ Так, по книгам 1559 г. на один двор высевалось 3,1 четв. ржи, по дозорной книге 1616 г. — 1,3 четв. ржи, а по «росписи» 1670 г. — менее 1 четв. (см.: там же, №№ 69/1308, 86/1326; ЛГИА, ф. 251, оп. 1, № 848).

¹⁵ Н. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь..., стр. 48—49.

¹⁶ С. Б. Веселовский. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. М.—Л., 1936, стр. 146.

¹⁷ А. Н. Сахаров. Эволюция катогорий крестьянства в XVII в. Вопр. истории, 1965, № 9, стр. 64.

¹⁸ Н. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь..., стр. 47.

чаще всего, как правило, в случае неурожайного года. Поэтому вполне реально полагать, что вытные книги Кирилло-Белозерского монастыря 1559 г. регистрируют раздачу хлеба монастырским крестьянам по случаю неурожайного, голодного 1557 г.¹⁹

Следует также отметить, что русское правительство II половины XVI в. покровительствовало монастырям в этом отношении. Эта политика нашла свое отражение в решении Стоглавого собора. В целях предотвращения запустения монастырских вотчин Стоглавый собор 1551 г. постановил: «Всем монастырем денги давати по своим селам, своим христианом без росту и хлеб без наспу того дня, чтобы за ними христиане жили и села бы их были не пусты, да о том себе велят писати в книги сколько на котором хлеба и денег и сколько в котором селе денег и хлеба в займах».²⁰

Возврат семенной ссуды был обязателен для крестьян только при их выходе из-за монастыря и при отсутствии их заместителей. Об этом свидетельствуют следующие записи вытных книг: «...дер. Плоское пуста, жильцов и семян нет»; или: «Поч. Большой Солмас пуст, жильцов и семян нет».²¹ Почти против каждого запустевшего починка в семенных вытных книгах значится: «...пуст, семян нет».

Для получения более или менее конкретных результатов относительно имеющегося в крестьянском хозяйстве хлеба обратимся прежде всего к данным семенных вытных книг. Исходя из того, что выть в Кирилло-Белозерском монастыре не была единицей землепользования и не имела значения постоянной величины, все проводимые нами расчеты ведутся на крестьянский двор, который является основной и наиболее устойчивой ячейкой феодального общества.

Как мы уже указывали выше, вытные семенные книги зарегистрировали 1823 крестьянских двора,²² которые выселили на свои земельные участки 5664 четв. ржи и 12 364 четв. овса; из них 1424 двора (за вычетом из общего количества дворов тех хозяйств, которые не сеют пшеницу и ячмень) выселили 228.75 четв. пшеницы и 1393 двора — 426.75 четв. ячменя. В результате нахождения среднего арифметического получаем сред-

¹⁹ ПСРЛ, т. XIII (1-я половина), стр. 279. Вот что пишет Николовская летопись о голоде 1557 г.: «Того же году 65 бысть глад на земли по всем Московским городом и по всей земли, а болши Заволякие все... и множество народа от глада изомроше по всем городом». См. также: В. Лепков. О народном продовольствии в Древней России. Москвитянин, 1854, т. II, № 5, стр. 39, 49.

²⁰ Царские вопросы и соборные ответы о многообразных церковных чинех. Стоглав, М., 1890, стр. 339.

²¹ ГПБ, Кирилловское собр., № 69/1308, л. 83.

²² Сюда же вошли несколько хозяйств «черных мирских попов», которые не могут поколебать основных расчетов и выводов.

ний посев хлебов на двор: 3.1 четв. ржи, 6.78 четв. овса, 0.15 четв. пшеницы и 0.3 четв. ячменя.

Используя полученные данные и средние данные посева хлебов на двор, полученные по каждому ключу, находим, что среднее количество ржи, высеваемой на двор, колеблется в пределах 1.6—4.6 четв., а по овсу соответственно 2.5—9.4 четв.

Однако сопоставление средних величин, в данном случае связанных с посевами хлебов на двор, не позволяет изучить подлинное состояние имущественного положения крестьян, так как средние цифры затушевывают различие в истинном благосостоянии крестьянских дворов.

Гораздо отчетливее предстает перед нами разница в имущественном положении крестьян при изучении реальной величины посевов на двор в каждом конкретном случае. Изучение количества хлеба, высеваемого на двор в каждом отдельном случае, позволяет нам в какой-то мере, хотя и весьма условно — из-за отсутствия сведений о количестве людей, проживающих в том или ином дворе, — проследить существенные различия в ведении зернового хозяйства крестьян Кирилло-Белозерского монастыря в середине XVI в. Сравнение посевов хлебов показывает, что наряду с крестьянскими дворами, которые высевали небольшое количество ржи (от 0.5 до 1 четв.) встречаются и такие крестьянские хозяйства, которые в сравнении с указанными высевали довольно большое количество хлеба. Так, например, крестьяне Притыка и Худяк из дер. Лобаново Погорельского ключа каждый высевает по 0.75 четв. ржи и 1.5 четв. овса, в то время как крестьяне Андрей и Майко из дер. Шортно этого же ключа высевают по 5 четв. ржи и 10 четв. овса;²³ крестьянин Окат с братом из с. Кивуй высевает 0.5 четв. ржи и 1 четв. овса, а крестьянин Арист из дер. Турово этого же ключа — 3 четв. ржи, 0.5 четв. ячменя и 6 четв. овса,²⁴ и т. д. Вообще самый максимальный посев ржи на двор превосходит в 21 раз самый минимальный, а овса — в 23 раза. Следует заметить, что процент крестьянских дворов, высевующих сравнительно большое количество хлеба, невелик. Так, всего 11 крестьянских дворов высевают 8 и более четвертей ржи и лишь 17 дворов высевают более 17 четвертей овса, что в том и другом случае составляет не более 1% от общего количества дворов. Итак, вытные семенные книги мы рассматриваем в первую очередь как источник, дающий нам материалы о посеве хлебов на крестьянской пашне. Богатство заключенного в них материала дает нам возможность подойти дифференцированно к изучению «хлебного бюджета» крестьянского хозяйства и рассмотреть его состояние в среднем, бедном и зажиточном крестьянском дворе.

²³ ГПБ, Кирилловское собр., № 69/1308, лл. 24, 25.

²⁴ Там же, лл. 84 об., 85.

Отсутствие сведений об урожайности на крестьянской запашке для данного периода хотя и вызывает определенные затруднения при изучении данного вопроса, тем не менее не может служить непреодолимым препятствием в решении поставленной задачи.

Для определения валового урожая возделываемых данными об урожайности на монастырской пашне Кириллова монастыря начала XVII в., которые территориально относятся к району Подмонастырья, где, исходя из нашего источника, проживают крестьяне Погорельского, Кнутовского, Зарецкого и Уломского ключей. Таким образом, территориально районы, по которым имеются сведения об урожайности на монастырской пашне, частично совпадают с изучаемыми. Кроме того, данные об урожайности начала XVII в. могут быть нами использованы еще и потому, что они представляют среднюю урожайность, выведенную в результате суммирования данных об урожайности за 5 лет, 1604—1608 гг. Такие средние цифры, естественно, исключают возможность больших колебаний и делают менее вероятной ошибку.

Средняя урожайность начала XVII в. составляла по ржи — сам 3.9, по овсу — сам 2.6, по пшенице — сам 2.78, по ячменю — 4.22. Несмотря на отсутствие данных об урожайности на крестьянской пашне, как отмечает Н. А. Горская, есть все основания предполагать, что урожайность на ней была не меньше, чем урожайность на монастырской пашне в данном районе.²⁵

Таблица 1

Валовой урожай, полученный в среднем крестьянском хозяйстве

Культуры	Посев (в четв.)	Урожайность (в «самах»)	Валовой урожай (в четв.)	Валовой урожай (в пудах)
Рожь	3.1	3.9	12.09	48.36
Овес	6.78	2.6	17.42	69.68
Пшеница	0.15	2.78	0.42	1.68
Ячмень	0.3	4.22	1.27	5.08
Итого	10.33		31.20	124.80

²⁵ Н. А. Горская. Урожайность зерновых культур в центральной части Русского государства в конце XVI—начале XVII в. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1961 г., Рига, 1963, стр. 150, 155—157. — Сведения о несколько большей средней урожайности в районе Белоозера имеются также в работе Т. И. Осмиинского, Н. В. Озеринина, И. И. Брусенского «Очерки по истории края» (Вологда, 1960, стр. 66), но поскольку из работы не ясно, откуда эти сведения заимствованы, автор отдает предпочтение данным, полученным Н. А. Горской в результате обработки документов хозяйственной отчетности Кирилло-Белозерского монастыря.

Зная средний посев на двор и урожайность, получаем валовой урожай на принятый нами условно средний крестьянский двор: ржи — 12.09 четв., овса — 17.42 четв., пшеницы — 0.42 четв., ячменя — 1.27 четв. Итого — 31.20 четв. или 124.8 пуда²⁶ — 125 пудов (см. табл. 1).

Естественно, что валовой урожай, полученный в крестьянских хозяйствах, был самый различный. Так, крестьянин Иван Малой, высеваящий 7 четв. ржи, 0.5 четв. пшеницы и 14 четв. овса,²⁷ получал 220.4 пуда хлеба, в 1.8 раза больше, чем урожай среднего крестьянского двора, а крестьянин дер. Владычино Михайло, высеваящий 1 четв. 1 третник ржи, 1 третник ячменя и 2 четв. 2 третника овса,²⁸ — всего-навсего лишь 44.8 пуда, в три раза меньше по сравнению с указанным средним уровнем; крестьянин Семен «з братьею» из дер. Угол Ярыгин Кономбольского ключа, сеющий 10 четв. ржи, 1 четв. пшеницы и 20 четв. овса, получает 375.1 пуда хлеба, а крестьянин Фома из дер. Путрино этого же ключа, высеваящий 2 четв. ржи, 0.5 четв. ячменя и 4 четв. овса, — лишь 81.2 пуда; крестьянин Ширяй Филимонов из дер. Вороново Чашниковского ключа, высеваящий 7.5 четв. ржи, 0.5 четв. ячменя и 18 четв. овса, получал 312.64 четв. хлеба, а крестьяне Назар да Костя Дементьевы, проживающие в дер. Белково этого же ключа и высеваящие вместе 2 четв. ржи, 1 черпак ячменя и 3 четв. 2 третника овса, получали лишь 67.4 пуда хлеба.

Таблица 2

Урожай ржи в крестьянских дворах

Посев ржи (в четв.)	Число дворов	В %	Урожай ржи (в четв.)	Урожай ржи (в пудах)	Средний урожай (в пудах)
1—2	586	32.2	3.9—7.8	15.6—31.2	23.4
2.1—6.9	1191	65.3	8.19—26.91	32.76—107.64	70.2
7 и более	46	2.5	28.3—39.0	117.2—156.0	136.6

Наиболее наглядно реальные возможности получения хлеба в крестьянском хозяйстве отражает табл. 2, в основу которой положены данные о количестве высеваемой в крестьянском хозяйстве ржи. Эта таблица наглядно показывает, что крестьянские дворы, высеваящие 1—2 четв. ржи, получают очень небольшой сбор (23.4 пуда), в отличие от более зажиточных крестьянских дворов, получающих урожай, в несколько раз больший (136.6).

²⁶ При переводе четверти в пуд мы исходили из расчета 1 четв. ржи = 4 пудам (см.: Е. И. Каменцева, Н. В. Устюгов. Русская метрология. М., 1963, стр. 113).

²⁷ ГПБ, Кирилловское собр., № 69/1308, л. 56.

²⁸ Там же, л. 135 об.

Для того чтобы узнать, какое количество хлеба реально оставалось в крестьянском хозяйстве, следует определить остаток за вычетом статей расхода. Совершенно очевидно, что первоочередную статью расхода составляли запасы зерна, выделяемые на семена для следующего посева. В расчете на средний двор, как мы указывали выше, семенной фонд составил: 3.1 четв. ржи, 6.78 четв. овса, 0.15 четв. пшеницы, 0.3 четв. ячменя, — т. е. 10.33 четв., или 41.2 пуда, т. е. третью часть урожая.

Самую большую статью расхода составляло, естественно, потребление в собственном крестьянском хозяйстве. Для определения этой статьи расхода исходим из того, что обычная средняя крестьянская семья состоит из 6 душ обою пола.²⁹ Как указывает А. В. Чайнов, потребление 6 душ крестьянской семьи равно потреблению 3.5 взрослых едоков.³⁰ Исходя из годовой нормы 20 пудов хлеба³¹ на едока, находим, что потребление хлеба в крестьянском дворе, состоящем из 6 душ, составляет 70 пудов. Что касается состава потребляемых хлебов, то согласно нормам продовольствия по данным бюджетных исследований для Новгородской губернии, куда входил Белозерский уезд, состав потребляемых хлебов включал 70.8% ржи, 3.1% пшеницы и 26.1% других хлебов.³² Значит, для рассматриваемого нами крестьянского двора состав потребляемых хлебов включает 49.56 пудов ржи, 18.27 пудов овса и ячменя и 2.17 пуда пшеницы.

Следующую статью расхода составляли владельческие повинности, т. е. выплата хлебного оброка монастырю. В определении доли оброка нет затруднений, так как вытные оброчные книги регистрируют выплату хлеба каждым крестьянским двором. Никаких указаний на выполнение этими крестьянами «монастырского надела» для данного периода мы не находим (первое упоминание о нем относится к 70-м годам XVI в.), поэтому совершенно закономерно полагать, что крестьяне, которые сеют монастырскими семенами, несут на монастырь лишь один вид повинностей — хлебный оброк, за исключением крестьян сел

Вашкуй и Кивуй, которые ведут посев монастырскими семенами, а оброк платят денежный.

Общая сумма оброчного хлеба с крестьян, засевающих поля монастырскими семенами, составляла около половины общей ссуды, полученной в качестве подмоги. Крестьянам было выдано 18 683.75 четв. хлеба, а сумма хлебного оброка составила 9919 четв., однако это не значит, что сама по себе ссуда являлась условием для выплаты хлебного оброка. Крестьянское тягло соизмерялось с вытью, которая в свою очередь соотносилась не только с величиной пашенного надела, но и с экономическим уровнем крестьянского хозяйства в целом. Вот почему вытные книги содержат не только подсчеты вытей по деревням, но сообщают количество тягла, наложенного на каждый крестьянский двор, независимо от характера оброка. Тот факт, что каждый крестьянин занесен в вытные оброчные книги, свидетельствует о том, что в отношении обложения крестьян повинностями еще нет должного единообразия и устойчивой нормировки. Так, крестьяне дер. Бренково Кнутовского ключа с $\frac{1}{2}$ выти платят по 1 четв. ржи, 0.25 четв. пшеницы и 2 четв. овса, а крестьяне соседней деревни Кнутово с $\frac{1}{2}$ выти платят по 2.75 четв. ржи, 0.25 четв. пшеницы и 4.5 четв. овса.³³ Крестьяне Ларюк и Истома из с. Великого с $\frac{1}{2}$ выти платят 1.75 четв. ржи, 3.5 четв. овса и 0.25 четв. пшеницы, а крестьяне этого же села Митроша и Шумил, имеющие $\frac{1}{2}$ выти, — 2.25 четв. ржи, 4.25 четв. овса и 0.25 четв. пшеницы.³⁴ Однако несмотря на то что все перечисленные крестьянские дворы имели одно и то же вытное тягло, трудно обнаружить и весьма существенное различие между ними, заключающееся в том, что все перечисленные дворы высевают различное количество семян. Указанные выше крестьяне дер. Бренково сеют по 3 четв. ржи, 6 четв. овса и 0.25 четв. пшеницы, а крестьяне дер. Кнутово сеют по четв. ржи, 10 четв. овса и 0.25 четв. пшеницы. Крестьяне же с. Великого в одном случае сеют по 2.75 четв. ржи, 5.5 четв. овса и 0.25 четв. пшеницы, в другом — 3.5 четв. ржи, 7 четв. овса и 0.2 четв. пшеницы. Большей норме посева, следовательно, соответствует и большая норма оброка. Значит, основу вытного обложения составлял земельный надел с учетом экономического состояния каждого двора.

Исходя из общего количества оброчного хлеба, выплаченного крестьянами в монастырь, зная количество льготных дворов, определяем, что в среднем крестьянский двор выплачивает в монастырь 2.05 четв. ржи, 3.24 четв. овса, 0.17 четв. пшеницы и 0.3 четв. ячменя, — всего, следовательно, 5.74 четв. хлеба или 22.9 пуда, т. е. пятую часть от общего урожая.

Весь же расход, включая запас семян к новому году (41.2 пуда), потребление в крестьянской семье (70 пуд.) и

²⁹ А. А. Кауфман. Новгородские писцовые книги в статистической обработке. Пгр., 1915, стр. 21; А. В. Чайнов. Организация крестьянского хозяйства. 1925, стр. 21, 115. — Это же количество душ в расчете на одно хозяйство по Белозерскому уезду указывается в книге «Бюджеты крестьянских хозяйств Новгородской губернии» (Новгород, 1917, стр. 1). Эти данные, приводимые указанными авторами для XV—XVI и XIX вв., подтверждаются материалами переписи 1646 г. По результатам переписи в монастыре в Белозерском уезде было 2187 дворов, в которых насчитывалось 6793 души мужского пола. (ГПБ, собр. СПб. духовной академии, № А1/16, л. 1110), т. е. 3 человека на двор. Для получения общего количества людей во дворе эту цифру удваиваем.

³⁰ А. В. Чайнов. Организация крестьянского хозяйства, стр. 116.

³¹ Там же.

³² Нормы продовольствия сельского населения России по данным бюджетных исследований. Под ред. А. В. Чайнова. М., 1916, стр. 40.

³³ ГПБ, Кирилловское собр., № 69/1308, л. 152 об.

³⁴ Там же, л. 188 об.

выплату оброка в монастырь (22.9), составил 134 пуда, что на 10 пудов превосходит полученный нами урожай. Таким образом, подсчитав приход и расход хлеба в крестьянском хозяйстве, приходим к выводу, что полученного хлеба не хватало для покрытия статей расхода (см. табл. 3).

Таблица 3

Приход и расход хлеба (в пудах) в среднем крестьянском хозяйстве (не считая государственных повинностей)

	Рожь	Овес	Пшеница	Ячмень
Валовой урожай	48.36	69.68	1.68	5.08
Расход:				
семена	12.40	27.12	0.60	1.20
потребление семьи	49.56	18.27	2.17	—
выплата оброка	8.10	12.96	0.60	1.20
Всего	70.06	58.35	3.37	2.40
Остаток	-21.70	+11.33	-1.69	+2.68

Особенно велик был недостаток ржи (21.7 пуда), меньше — пшеницы (1.69 пуда). Даже если учесть, что недостаток пшеницы и, частично, ржи можно было покрыть отчасти за счет ячменя и овса, то и в этом случае по ржи он составляет около 10 пуд., т. е. 2.5 четв. А между тем мы не учли еще такую статью расходов, как выплата государственных податей. Решение этого вопроса представляет для нас большие трудности из-за отсутствия источников. В нашем распоряжении имеются 2 жалованные грамоты царя Ивана IV от 1577 г., согласно которым крестьяне Кирилловской вотчины освобождаются от выплаты государственных повинностей.³⁵ Однако у нас нет никаких оснований перенести действие этих грамот на более ранний период. Для изучаемого нами периода наибольший интерес представляет жалованная грамота Ивана IV от 1566 г., согласно которой, вместо отозвешных в опричнину пяти деревень, царь жалует в Кириллов монастырь другие деревни, с которых взимаются «ямские и приметные деньги за городовое и засечное дело и за ямчюгу».³⁶ Предположим, что в момент составления вытных книг крестьяне несли те же повинности, которые перечислены в жалованной грамоте 1566 г.

Из вытных книг мы узнаем, что все крестьянские дворы были положены в 18 $\frac{1}{3}$ сох,³⁷ с которых крестьяне должны были выплатить около 293 руб. денег.³⁸ За вычетом льготных дворов (80) на один крестьянский двор в среднем приходится 5 а. 3 д. Если учесть, что цена ржи на Белоозере в 1559 г. была 20 денег за четверть,³⁹ то крестьянский двор платит в государеву казну в среднем 1.5 четв. ржи. Выплата государственных повинностей, следовательно, не покрывается имеющимся в наличии количеством хлеба.

Таким образом, изучив приход и расход хлеба в некоем среднем крестьянском дворе, можно сказать, что при данной, сравнительно низкой урожайности средние крестьяне не только не могли производить хлеб на рынок, но и не имели его в достаточном количестве для собственного потребления. Несомненно, что возможности получения хлеба в крестьянской семье увеличивались при более высокой урожайности и при наличии — что вполне возможно — в некоторых крестьянских хозяйствах дополнительного земельного участка, не положенного в тягло. Однако подтвердить наличие последних имеющимися в нашем распоряжении источниками не представляется возможным. Кроме того, нельзя не учитывать также и то, что Белоозеро принадлежало к числу районов, в которых широкое распространение получили промыслы, — такие, как рыболовство, охота, производство дегтя, деревообделочный промысел, а в некоторых местах производство железа и извести, — поэтому часть крестьянских хозяйств могла получать определенные доходы от занятия ими.

Еще более разительная картина состояния крестьянского хозяйства вырисовывается при изучении «хлебного бюджета» бедного крестьянского хозяйства.

Обратимся к хозяйству упомянутого выше крестьянина Михайла из дер. Владычино Бирюлевского ключа, который высевает, по данным вытных книг, 1 четв. 1 третник ржи, 2 четв. 2 третника овса и 1 третник ячменя (1 третник = 0.16 четв., — Л. II.). При указанном выше урожае доход в хозяйстве Михайлы составил 4.52 четв. ржи, 6.03 четв. овса и 0.67 четв. ячменя, — всего, следовательно, 11.22 четв. или 44.88 пуда. Представим его семью состоящей из двух взрослых человек (в этом случае при своем расчете мы берем минимальный состав семьи). Тогда, согласно среднему душевому потреблению хлеба по Новгородской губернии — 16.1 пуда,⁴⁰ все потребление семьи составит 22.8 пуда ржи,

³⁵ ЛГИА, ф. 251, оп. 1, № 17, л. 81 об.; ГПБ, собр. СПб. духовной академии, № А1/16, л. 47.

³⁶ ГПБ, собр. СПб. духовной академии, № А1/16, л. 303. — Есть также данные о том, что села и деревни монастыря, находящиеся в Романовском уезде, в 1555 г. платят в государеву казну ямские и приметные деньги (ЛГИА, ф. 251, оп. 1, № 17, л. 9).

³⁷ ГПБ, Кирилловское собр., № 69/1308, лл. 323 об., 325.

³⁸ Данные о норме выплаты государственных повинностей с сохи заимствованы нами из работы: Н. Рожков. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1899, стр. 230.

³⁹ А. Г. Маляков. Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М.—Л., 1951, стр. 105.

⁴⁰ Нормы продовольствия сельского населения России..., стр. 36.

8.4 пуда овса и 1 пуд ячменя, выплата оброка — 6.64 пуда ржи, 6.64 пуда овса, 0.64 пуда ячменя. Учитывая расход хлеба, нетрудно обнаружить, что дефицит в хлебе данной семьи, без учета выплаты государственных повинностей, составлял по ржи 16 пудов, по овсу 0.2 пуда (см. табл. 4).

Таблица 4

Приход и расход хлеба (в пудах) в бедном крестьянском хозяйстве

	Рожь	Овес	Ячмень
Приход	18.08	24.12	2.68
Расход:			
посев	4.64	9.28	0.64
выплата оброка	6.64	6.64	0.64
потребление	22.80	8.40	1
Всего	34.08	24.32	2.28
Остаток	-16	-0.20	+0.40

Теперь обратимся к зажиточному хозяйству крестьянина Ширя Филимонова, который высевает хлеба значительно больше, чем крестьянин Михайло, а именно 7.5 четв. ржи, 18 четв. овса и 0.5 четв. ячменя. Валовой урожай Ширя составляет 117 пудов ржи, 187.2 пуда овса и 8.44 пуда ячменя, всего 312.64 пуда (см. табл. 5).

Таблица 5

Приход и расход хлеба (в пудах) в зажиточном крестьянском хозяйстве

	Рожь	Овес	Ячмень
Приход	117	187.20	8.44
Расход:			
семена	30	72	2
потребление семьи	49.56	18.27	2.17
выплата оброка	20	20	4
Всего	99.56	110.27	8.17
Остаток	+17.44	+76.93	+0.27

Если полагать, что семья крестьянина Филимонова состоит из 6 человек, то за вычетом хлеба, идущего на посев, потребление семьи и выплату оброка в монастырь, в крестьянском хозяйстве

остается 17.44 пуда ржи и 76.93 пуда овса (см. табл. 5). Исходя из норм посева (2 четв. ржи и 4 четв. овса на десятину), определяем, что в хозяйстве Филимонова было около 14 десятин земли. Для обработки такого участка требовалась одна пара лошадей,⁴¹ каждой из которых в год шло на корм более 5 четв. овса (5.19),⁴² т. е. 41.52 пуда. В таком случае, за вычетом овса, идущего на корм скоту, в хозяйстве крестьянина Филимонова в излишках могли остаться рожь (17.44 пуда) и овес (35.41 пуда). Таким образом, учитывая все статьи расхода в хозяйстве Филимонова, которое, судя по количеству высеваемых хлебов, можно назвать более или менее зажиточным, рожь и овес могли поступать в продажу. В случае более высокой урожайности соответственно увеличивалось и количество хлеба, поступаемого на рынок.

Вывод: если считать крестьянские хозяйства, высевующие 1—2 четв. ржи, бедными крестьянскими дворами, то при указанной выше урожайности крестьяне получали урожай, не удовлетворяющий их собственные потребности. Такие крестьянские хозяйства составляли 32.2% от общего количества дворов.

Средние крестьянские хозяйства, высевующие 2.1 четв. — 6.9 четв. ржи, с учетом занятия промыслами, могли удовлетворить себя хлебом, но излишков хлеба у таких крестьян не было. Такие хозяйства составляли 65.3% от общего количества крестьянских дворов.

В зажиточных крестьянских хозяйствах, высевующих 7 четв. ржи и более, могли быть излишки хлеба, идущие на продажу. Такие хозяйства составляли 2.5% от общего количества дворов.

Итак, изучив «хлебный бюджет» крестьянских хозяйств, можно сказать, что при данной сравнительно низкой урожайности поставлять хлеб на рынки страны могла лишь очень небольшая часть крестьян.

⁴¹ Настоящая книга для русских сельских хозяйств. Составлена А. П. Людоговским, И. А. Стебутом и др. СПб., 1875, стр. 890.

⁴² Н. А. Горская. Товарность зернового земледелия. . . , стр. 124.

С. О. ШМИДТ

О МОСКОВСКОМ ВОССТАНИИ 1547 г.

События 1547 г. давно уже привлекают историков: с ними связывают изменения в составе и политике московского правительства и перемены в характере Ивана IV. Историки-марксисты, по вполне понятным причинам, основное внимание при изучении этих событий уделили июньскому восстанию в Москве. О «народном бунте 1547 года», объединившем в один огромный взрыв мелкие «сопротивления властям», писал М. Н. Покровский, подчеркивавший политические причины движения и то, что оно «не было местным, московским».¹ В середине 30-х годов И. И. Смирнов изучал Московское восстание 1547 г. в связи с другими восстаниями в годы малолетства Ивана IV и попытался определить этапы классовой борьбы в Российском государстве в первой половине XVI в.² И. И. Смирнов написал и первую специальную работу о Московском восстании 1547 г.³ Сведения об этом восстании прочно вошли в научно-исследовательские и научно-популярные труды и в учебные пособия (С. В. Бахрушина, А. А. Зимина, П. П. Смирнова и других ученых). Московское восстание рассматривается как крупнейшее событие политической истории России XVI столетия, во многом определившее дальнейшее развитие политической жизни в стране. Однако и до сих пор еще история восстания 1547 г. исследована не полностью. Это является следствием прежде всего состояния источниковой базы.

Изучение истории народных движений в России середины XVI в. очень усложнено из-за малого количества источников, в которых встречаются сведения об этих событиях. Документы,

¹ М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен, т. I. Изд. 4. М., 1922, стр. 208 (см. также стр. 224, 234).

² И. И. Смирнов. Классовая борьба в Московском государстве в первой половине XVI века. Пробл. истории докапит. обществ., 1935, № 9—10.

³ И. И. Смирнов. 1) Московское восстание 1547 г. Вopr. истории, 1953, № 12; 2) Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века, ч. I, гл. 8. М.—Л., 1958.

непосредственно отражающие настроения и интересы участников восстания, неизвестны. Не сохранился и материал приказного делопроизводства об этих событиях, и основными источниками являются нарративные, причем такие, которые вышли из-под пера лиц, классово враждебно настроенных по отношению к восставшим. К тому же большинство этих источников — позднейшего происхождения и имеющиеся в них сведения о событиях 1547 г. скупы и разноречивы.

В сохранившихся источниках сведения о восстании помещены вместе со сведениями о других событиях того времени, прежде всего о московских пожарах, особенно о «великом пожаре» 21 июня 1547 г. (при этом пожары обычно описаны подробнее, чем восстание), — и история восстания изображается в теснейшей взаимосвязи с этими событиями.

Обзорные сведения письменных источников о московских событиях июня 1547 г. убеждает в том, что события эти произвели сильное впечатление на современников. Не только в Москве, но и в других районах Российского государства многое знали и о пожаре и о Московском восстании, проверяли и сопоставляли известия об этих событиях (это ясно прослеживается по Четвертой новгородской летописи). Составители официальных московских летописей, понимая, что изложение этих событий не может способствовать возвеличению самодержавия, постарались изобразить их нарочито кратко и нечетко, более кратко и тенденциозно, чем в неофициальных летописях. Именно в неофициальных летописях встречаем указания на созыв по воле народа «веча» и «мира», а в Новгородской летописи (отражавшей интересы и верхов посада) находим наиболее интересные подробности о восстании. Хотя достоверные сведения постепенно смешались с полуполюгендарными, для современников было ясно, что события эти имели большое историческое значение, а потомки писали о них в исторических сочинениях, составлявшихся и много десятилетий спустя.

Так как события 1547 г. воспринимались (согласно исторической традиции) как особенно значительные, описание этих событий и даже упоминание о них тенденциозно использовалось публицистами для обоснования и популяризации тех или иных политических или историко-философских взглядов. Иван Грозный обратился к этим историческим фактам, характеризуя их как пример антицаристских действий боярства, натравившего «чернь» на государя и его семью. Курбский акцентировал внимание на проповеди Сильвестра, стараясь этим описанием подкрепить свою теорию о «мудрых советниках». Церковные писатели настойчиво напоминали о наказании за грехи и о предвидении страшных бедствий Василием Блаженным.

Всем этим публицистам, как и другим выразителям феодальной идеологии, свойственно полное небрежение к мнению самого

народа, который лишен, в их представлении, исторической самостоятельности и способен действовать только по указке вождей или наущению знати либо как слепое орудие божественного промысла. И восстание трактовалось, в соответствии с подобными общенациональными воззрениями, прежде всего как эпизод политической борьбы в среде господствовавшего класса. Свидетельства письменных источников о событиях 1547 г. — интересный пример различного толкования исторических фактов при общности историко-философского мировоззрения авторов.

Дополнения (даже разночтения) в различных летописях и других памятниках публицистики, сообщающих об одном и том же событии, обычно не являются случайными приписками более памятливого или осведомленного автора, а чаще всего отражают определенную тенденцию в описании и истолковании события. Поэтому ко всем таким отличиям в летописных текстах надо относиться сугубо осторожно и стараться понять причины появления дополнений (или подновлений) в одном летописном тексте и невключения таких данных в другой текст, упоминаний о том же событии. Умолчание источников или сознательное искажение в них фактов иногда тоже многое может разъяснить исследователю.

Глубокое ленинское наблюдение — «мы можем иногда по дыму полицейской лжи догадываться об огне народного возмущения»⁴ — помогает историковедцам и при изучении источников, относящихся отнюдь не только к периоду империализма.

Ограниченность источниковой базы побуждает прибегать к историческим аналогиям, к поискам примеров употребления в других исторических источниках таких же или схожих терминов. Особенно много дают в этом плане памятники, а также и исследования по истории так называемого «Смутного времени», и прежде всего монография И. И. Смирнова «Восстание И. И. Болотникова. 1606—1607 гг.».

Исследованиями последних лет выяснены многие обстоятельства Московского восстания июня 1547 г., вспыхнувшего вскоре после «великого пожара» 21 июня; определены важнейшие моменты восстания — созыв вече, а затем и убийство 26 июня в Кремле князя Ю. В. Глинского (дяди царя), и расправа с людьми и слугами Глинских, и поход москвичей 29 июня в подмосковное село Воробьево (где укрылся царь Иван).

Задача настоящего сообщения: уточнить данные об этапах восстания, участниках его и о значении этого события для правительственной деятельности последующих лет.

Волнения в Москве возникли, видимо, вскоре после пожара.⁵ Об этом говорили уже на второй день после пожара на «чрезвычай-

⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 5, стр. 10.

⁵ И. И. Смирнов, Очерки..., стр. 122; А. А. Зямин, Реформы Ивана Грозного, М., 1960, стр. 208.

чайном заседании Боярской думы» в покоях митрополита.⁶ Возбужденно москвичей все усиливалось. Но случайно Иван IV (никогда не отличавшийся храбростью) счел за благо отсиживаться в село Воробьево; там же, по мнению москвичей, скрывались бабка и дядя царя — Анна и Михаил Глинские. В это время москвичи собирались «вечем».⁷ И назначенная на 26 июня торжественная служба в Успенском соборе справедливо рассматривается И. И. Смирновым как «политический шаг, имевший целью не допустить взрыва народного возмущения, — своего рода противовес вечу черных людей».⁸

В кратком летописце, озаглавленном «Летописец, написан из старых летописцев, что учинилось в Московском государстве и во всей Руской земле», читаем, что во время «мятежа великого» «на Москве убили миром боярина Юрия Васильевича Глинского» (здесь и далее разрядка наша, — С. Ш.).⁹

Упомянутые в источниках слова «вече» и «мир», редко употреблявшиеся в памятниках той поры, свидетельствуют о многом. «Вече» — это организованное собрание, созывавшееся колоколом; притом зачастую так назывались собрания, повторившиеся не один раз, — например, во Пскове в 1534 г., во время событий, связанных с раскрытием заговора кн. М. Л. Глинского.¹⁰ В том же Пскове во время восстания летом 1609 г. «черные люди... свирепо распышались, яко лвы собралися среде града и позвоиша

⁶ И. И. Смирнов, Очерки..., стр. 125.

⁷ М. Н. Тихомиров, Источниковедение истории СССР, т. I, М., 1940, стр. 162—163; С. О. Шмидт, Продолжение Хронографа редакции 1512 года, Истор. архив, 1951, № 7, стр. 202, 258.

⁸ И. И. Смирнов, Очерки..., стр. 130.

⁹ Сведения эти, первоначально выделенные по одному списку, были уже введены в научный оборот (см.: С. О. Шмидт, Миниатюры Царственной книги как источник по истории Московского восстания 1547 г. Пробл. источниковедения, вып. V, 1956, стр. 281). В настоящее время известно семь списков этого Краткого летописца — все списки XVII в. Выяснилось, что Краткий летописец, изложение событий в котором доведено до 1660-х годов, примерно тогда же и был окончательно составлен. Составителем его оказался известный церковный писатель, копляр Троице-Сергиева монастыря Симон Азарьин (обнаружены черновики Летописца, много дающие для ознакомления с лабораторией составления подобных сочинений). Краткий летописец состоит из нескольких частей, причем в основу первой части, излагающей события до конца XVI в., был положен какой-то летописец XVI же столетия. Характерно, что в Кратком летописце, очень лаконично сообщающем о важнейших (с точки зрения составителя) исторических событиях, ничего не написано о московских пожарах, а выделен факт массового восстания. Очевидно, что именно это-то событие 1547 г. особенно запечатлелось в памяти русских людей XVI—XVII столетий.

¹⁰ АЗР, т. II, № 179; И. И. Смирнов, Очерки..., стр. 128, примеч. 25. — В Никоновской летописи под 1305 г. отмечается, что в Нижнем Новгороде «избиша черныи люди бояр», а кн. Михаил Алексеевич, приди из Орды, «изби всех во чьлнков, яко избиша бояр» (ПСРЛ, т. X, стр. 176). Следовательно, убийство бояр произошло на вече.

на вещь».¹¹ Любопытно, что в другой псковской повести, описывающей это выступление, читаем: «великое волнение в мире».¹² Значение термина «мир» менее определенное. Так называлась вообще обществу — и в городе и в деревне. Так именовали светских людей («мирян») в отличие от духовенства.¹³ Соответственно «миром» называли и мирской сход, в частности в московских слободах XVII в.¹⁴ Отсюда и выражение «стоять миром». «В миру» читали царские и митрополичьи грамоты и другие документы.¹⁵ «Мир» считался значительной общественной силой, и эти представления отразились и в фольклоре: «Если все миром вздохнут, и до царя слухи дойдут»; «Как мир вздохнет, и временщик издохнет»; «Мир с ума сойдет — на цепь не посадишь»; «Мир зинет — камень треснет»; «Собором и черта поборешь».¹⁶

В XVI и особенно в начале XVII в. мирской сход, именовавшийся «миром», играл большую роль в политической жизни Москвы. Так, в разрядных записях 1605 г. — времени, когда Лжедмитрий I приближался к Москве, — читаем: «И на Лобном месте Богдан Бельский учал говорить в мир: яз за царя Иванову милость ублюю царевича Дмитрия, за то и терпел от царя Бориса. И услыша то, и достала народ возмутился и учали Годуновых дворы грабити; а иные воры с миром пошли в город, и от дворян с ними были, и государевы хоромы и царицны пограбили».¹⁷ Из другой разрядной записи узнаем: «и того же дни в субботу миром, всем народом грабили на Москве

¹¹ ПСРЛ, т. V, стр. 69; М. Н. Тихомиров. Псковские повести о крестьянской войне в России начала XVII в. В сб.: Из истории социально-политических идей. К семидесятилетнему академика В. П. Волгина, М., 1955, стр. 188.

¹² М. Н. Тихомиров. Псковские повести..., стр. 183.

¹³ Так, на похоронах Иоанна Большого Колпака «по государеву приказу много было белых священников, и дьяконов много же было, а миру было несметно» (М. Кузнецов. О блаженном Иоанне Большом Колпаке. ЧОИДР, 1896, кн. 2, Смесь, стр. 6). Здесь «миряне» как бы противопоставляются духовенству.

¹⁴ См.: С. К. Богоявленский. Состав Московского слободского схода. Сб. статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову, Пгр., 1922. — Не раз, например, встречается слово «мир» в сборнике документов «Восстание 1662 г. в Москве» (сост. В. И. Бугаев, М., 1964).

¹⁵ Например, «Повесть о чудесном видении протопопа Терентия читалась по время восстания Болотникова в московском Успенском соборе «вслух на весь народ, а миру собранно было велико» (РИБ, т. XIII, стб. 177; И. И. Смирнов. Восстание Болотникова. 1606—1607. М., 1951, стр. 184). В челобитной 1665 г. написано: «...вели государь, сию мою известную явку принять Тарнацкого городка церковному старосте Дементью Силушу, принять и в миру прочесть, и извет мой записать» (Архив ЛОИИ, Коллекция Зинченко, № 91). Подобных примеров можно подыскать немало.

¹⁶ См.: Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. М., 1957, стр. 404, 405.

¹⁷ С. А. Белокуров. Разрядные записи за Смутное время. М., 1907, стр. 5.

многие дворы боярские, и дворянские, и дьячки, а Сабуровых и Вельяминовых всех грабили».¹⁸ Ту же формулу об убийстве миром находим, как отметил И. И. Смирнов, и в известии хронографа об убийстве Лжедмитрия I во время народного восстания 17 мая 1606 г.: «На Москве Гришку Розстригу убили миром всем».¹⁹ В летописи об этом же событии написано: «возмется мир весь, придоша по дворам приступать».²⁰ Неоднозначный смысл слова «мир» и в то же время особое политическое значение «мира» как схода заметны в описании Пискаревским летописцем царствования Василия IV Шуйского: «А житие его царское было на престоле царском всегда з бедами, и з кручинами, и с волнением мирским, зачастую миром приходяще и глаголаше ему снити с царства, и за посох имаше и позориша его многожды».²¹

Таким образом, в неофициальных летописях написано, вероятнее всего, об организованных собраниях (вечевых собраниях) посажан²² Москвы в июне 1547 г. И такой смысл и следует вкладывать в нарочито неясные и злобно-пренебрежительные слова официальной летописи о «черных людях града Москвы»: «восколебашася яко юродии».²³

Москва, как пишет И. И. Смирнов, «в эти дни, очевидно, фактически находилась во власти черных людей, и правительство было бессильно подавить восставших».²⁴ А. А. Зимин считает возможным говорить даже о «зачатках аппарата, создавшегося в ходе восстания».²⁵ Очень вероятно, что столкновение черных людей и вооруженных людей Глинских (которых «безчисленно побияли») длилось не один день, — и события эти напоминают известные нам сцены многодневных кровавых столкновений в Москве в годы так называемого Смутного времени.

Следующая дата, названная в источниках, — это 29 июня. 29 июня, по словам новгородского летописца, «бысть смятение людем московским: поидоша многие люди черные к Воробьеву и с щиты и с сулицы, яко к боеви обычаи имаху, по кличю палача».²⁶ Вероятнее всего, что черные люди вооружились еще в предыдущие дни, во время столкновений с детьми боярскими. Царственная книга кратко и менее определенно сообщает:

¹⁸ Там же, стр. 201.

¹⁹ И. И. Смирнов. Очерки..., стр. 135, примеч. 45.

²⁰ ПСРЛ, т. XIV, стр. 69.

²¹ Материалы по истории СССР, вып. II, М., 1955, стр. 128.

²² Термин «посажано» обозначал в середине XVI в. жителей посада. Именно в таком смысле он приводится в царской грамоте 1555 г. жителям Тотмы (Амвросий. История российской перерхии, ч. VI, М., 1815, стр. 418) и в других источниках.

²³ ПСРЛ, т. XIII, стр. 154, 457; т. XXIX, стр. 54.

²⁴ И. И. Смирнов. Очерки..., стр. 131.

²⁵ А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного, стр. 307.

²⁶ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 3, стр. 621.

«приходила многие люди чернь скопом ко государю в Воробьево».²⁷ Слово «скоп» означало на языке XVI—XVII вв. «большую силу».²⁸ Об этом походе восставших москвичей подробно и достаточно убедительно написал И. И. Смирнов, который отметил, что в Воробьево двинулась не толпа, а городское ополчение, призванное к оружию по кличу палача, действовавшего от имени и по «велеанию» земских органов Москвы. Как думает И. И. Смирнов, эта воля московского посада, может быть, была вновь сформулирована на вече.²⁹

О цели похода в Воробьево читаем только в Первом послании Ивана Грозного Курбскому 1564 г. и в Царственной книге (составленной, видимо, не ранее конца 1570-х годов).³⁰ Новгородская летопись, более близкая по времени написания к событиям 1547 г. и сохранившая наиболее важные для нас подробности похода в Воробьево, прямо не сообщает цели похода. Согласно версии Ивана Грозного и Царственной книги, единственной причиной похода в Воробьево было желание расправиться с остальными Глинскими (Михаилом и матерью его Анной), которых якобы царь скрывал у себя в загородном дворе. И восставшие были готовы даже «убить царя» за это. (Зачинщиками похода царь, конечно, изобразил «изменников» бояр, которые «напустили народ и нас убить».)³¹

А. А. Зимин полагает, что народ вооружился не только для того, чтобы покончить с Глинскими, но и для того, чтобы выдержать оборону от войск татарского хана, если бы подтвердились слухи о его приближении к Москве.³² Вторжения внешних врагов и раньше способствовали обострению классовой борьбы. Неумение воевод обороняться от врагов, защитить жителей от чужеземцев являлось и прежде поводом для городских восстаний. В 1521 г. во время нашествия крымских и казанских орд «мятеж учинал по всем городам велик и до Галеча».³³ Более подробные известия сохранились о восстании «мужиков гороховцев» зимой 1544/45 г., когда народному ополчению жителей Гороховца удалось отразить натиск большого отряда казанцев и пленить «голову их Аманака князя», а «воеводы великого князя... не успе им (татарам) ничего». Возмущенные бездействием правительственных войск,

²⁷ Там же, т. XIII, стр. 456.

²⁸ «Много злой их проклятой скоп побил», — читаем в грамоте патриарха Гермогена при описании сражения под Тверью между правительственными войсками и войсками Болотникова (ЛАО, т. II, № 58; см.: И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 190).

²⁹ И. И. Смирнов. Очерки..., стр. 132—133.

³⁰ См.: С. О. Шмидт. Когда и почему редактировались лицевые летописи времени Ивана Грозного. Сов. архивы, 1906, №№ 1, 2.

³¹ Послания Ивана Грозного. М.—Л., 1951, стр. 35.

³² А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного, стр. 306.

³³ Г. З. Кунцевич. История о Казанском царстве или Казанский летописец. ЛЗАН, вып. 16, СПб., 1905, стр. 602.

«воеводу Фоку Воронцова с товарищи хотели гороховцы камнем побить за то, что они с казанскими людьми не делали бою, а их упустили».³⁴

То, что произошло затем в Воробьево, описывается и истолковывается в источниках совершенно по-разному. В «Летописце начала царства» и в Царственной книге (где этот текст остался без изменений) сообщается о том, что царь «повеле тех людей имати и казнити. Они же мнози разбегошася по иным градом, видяще свою вину, яко безумцем своим сне сотвориша».³⁵ По Новгородской же летописи Иван IV, «того не ведаю, узрев множество людей, удивися и ужасеся, и обыскав, яко по повелению придоша, и не учини им в том опалы, и положи ту опалу на повелевших кликати».³⁶ И. И. Смирнов показал, что «все преимущества в смысле достоверности находятся на стороне» Новгородской летописи.³⁷

Иван IV, видимо, не ожидал прихода вооруженных москвичей в Воробьево и «узрев множество людей, удивися и ужасеся». Царь и его окружение вынуждены были маневрировать, чтобы не допустить повторения событий, имевших место в московском Кремле. Возможно, что царю даже пришлось вступить в какие-то переговоры с восставшими,³⁸ во время которых выяснилось, что москвичи «по повелению придоша». Думается, что именно так следует понимать смысл выражения «обыскав».³⁹ Во время переговоров с посажанами их, очевидно, убеждали в том, что Глинские не скрываются в Воробьево, а вести о приближении крымских войск оказались неверными. Можно полагать, что посажанам обещали проведение каких-то желанных ими правительственных мероприятий. Обещана была и отставка Михаила Глинского.

Высказывается мнение, будто бы у царского стана восставшие были встречены вооруженными дворянами, обращены в бегство, а некоторые были пойманы и казнены, что в Москве затем начался строгий сыск, причастных к восстанию вылавливали и казнили, а участники восстания, в первую очередь его организаторы, не имея возможности скрыться в Москве — «так силен был террор», — прятались в других городах.⁴⁰ Мнение это представ-

³⁴ С. О. Шмидт. 1) Продолжение Хронографа редакции 1512 года, стр. 290; 2) Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545—1549). Труды МГИИИ, т. 6, М., 1954, стр. 249, 256.

³⁵ ПСРЛ, т. XIII, стр. 154, 457, и т. XXIX, стр. 54.

³⁶ Там же, т. IV, ч. I, вып. 3, стр. 621.

³⁷ И. И. Смирнов. Очерки..., стр. 134.

³⁸ Там же.

³⁹ И. И. Смирнов (Очерки..., стр. 135) толкует выражение «обыскав» Новгородской летописи как обещание произвести «сыск». А. А. Зимин (Реформы Ивана Грозного, стр. 308) пишет в этой связи о «тщательном розыске».

⁴⁰ Д. Н. Альшиц. Источники и характер редакционной работы Ивана Грозного над историей своего царствования. Труды ГИИ, т. I (IV), Л., 1957, стр. 138; А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного, стр. 308 (А. А. Зи-

яется недостаточно основательным. Данные источников говорят об обратном. Царь и правительство не решились казнить участников восстания («не учини им в том оналы»). Видимо, опала «на повелевших кликать» коснулась немногих, а вернее всего и не была особенно жестокой. Ведь даже в «Летописце начала царства» отмечается не только повеление царя схватить и казнить участников восстания, но и то, что многим из них удалось уйти в другие города. Политическая ситуация лета 1547 г. никак не подходила для совершения массовых казней.

Свидетельства источников подтверждают, что правительство Ивана IV и сам царь вынуждены были продолжать политику уступок и поблажек, начатую еще сразу после пожара. Царь уже в день пожара обратился, «прослезився», с речью к москвичам и обещал материальную помощь пострадавшим, а на следующее утро в Успенском соборе «много моления соверши и слезы доволны изли». ⁴¹ Успокоить народ пытались правительственные деятели и утром 26 июня, когда для переговоров с восставшими, подступавшими к Успенскому собору, вышли лица, названные во вставке в Царственную книгу. Переговоры — обычное явление во время волнений «черни». ⁴²

Выбор лиц для переговоров с восставшими 26 июня вряд ли случаен — он должен был продемонстрировать единение правительственных деятелей, общность их усилий по установлению нарушенного общественного порядка. В Царственной книге назван дядя царицы, старейший из Захарьиных, — Г. Ю. Захарьин, брат боярина М. Ю. Захарьина, очень влиятельного в Москве в 30-е годы. Ф. М. Нагой был близок к Старицким. Боярин кн. Ф. И. Скопин-Шуйский принадлежал к группировке Шуйских и так же, как и кн. Ю. И. Темкин-Ростовский, после казни Андр. Шуйского в 1543 г. был отправлен в ссылку. И. П. Федоров, тесно связанный родством с исконным московским боярством и Овчинными-Оболенскими, менее года назад попал в опалу, а пасынка его казнили в январе 1547 г. В 60-е годы о Федорове говорили, что «он один имел обыкновение судить праведно, почему простой люд был к нему расположен». ⁴³ Федор Бармин — духовник царя. Он участвовал в январе 1547 г. в торжественном публичном венчании Ивана IV царским венцом, нес царские

миз, вслед за С. В. Бахрушиным, сводит в одно две версии: Царственной книги и Новгородской летописи).

⁴¹ См.: И. А. Жарков. К истории московских пожаров 1547 г. Истор. архив, 1962, № 3, стр. 225, 226.

⁴² В мае 1584 г., когда «чернь московская» приступила к Фроловским воротам Кремля, правительству пришлось послать «ко всей черни» для уговоров думного дворянина М. А. Безнина и дьяка А. Я. Щелкалова, которые «чернь уговорили и с мосту сослали», чем и подворили спокойствие в столице (см.: И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 83—84).

⁴³ Г. Штаден. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. М., 1925, стр. 79.

регалии и шел впереди государя с крестом и святой водой. В связи с этим имя его, по мнению В. Ф. Миллера, было внесено в легенду и сказку о добывании царских регалий. ⁴⁴ Вероятно, среди бояр, находившихся на площади, был и кн. Ю. В. Глинский, — он, видимо, изображен и на первоначальной миниатюре Царственной книги (л. 268). Присутствие Глинского должно было бы еще в большей мере символизировать единодушие в правительственной среде. Уговоры, однако, не помогли, и пришедшие требовали расправы с теми, кого считали виновниками бедствий. . .

Еще Н. М. Карамзин отметил, что после восстания 1547 г. «государь изъявил полечительность отца о бедных: взяли меры, чтобы никто из них не остался без крова и хлеба». ⁴⁵ Возможно, что имела место и амнистия, наподобие данной Борисом Годуновым в 1598 г. ⁴⁶

Михаил Глинский был отстранен от власти. Упоминание его имени на первом месте в росписи похода Ивана IV июля 1547 г. ⁴⁷ в Коломну вовсе не говорит еще о том, что он «пытался бороться за удержание своих позиций в окружении Ивана IV». ⁴⁸ Поход к Коломне, видимо, не состоялся (в официальной летописи о нем нет упоминаний), и в разрядную книгу была включена роспись воевод лишь предполагавшегося похода. Составлена же эта роспись была, вероятнее всего, в связи со слухами о приближении крымских войск, т. е. еще тогда, когда Глинский был у власти. Да и трудно предположить, чтобы после всего, что произошло, царь демонстративно поставил во главе войска человека, столь ненавистного только что бунтовавшему народу. В дошедшем до нас (в поздней копии) списке думных чинов отмечено под 1547 г.: «Отставлен боярин и колюший князь Михайло Васильевич Глинский». ⁴⁹ (Можно думать, что и отправление М. В. Глинского затем воеводой в далекое Поволжье объяс-

⁴⁴ См.: В. Ф. Миллер. К сказкам об Иване Грозном. Изв. ОРЯС, 1909, т. XIV, кн. 2, СПб., 1909, стр. 102—103. — В. Ф. Миллер сближает Федора Борму или Барму сказки и Федора Бармина.

⁴⁵ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. VIII, СПб., 1819, стр. 101. — Из летописца первой половины XVIII в. (едва ли не тащцеловского?) узнаем о том, что Иван IV «людям же повеле раздавати казну свою по рублю и по два и по пяти, а по церкви каменные положи по 20 рублей» (РО ГБЛ, ф. Рум., № 257, л. 56). Быть может, именно после событий июня 1547 г. Иван IV «велел потъ панхицы и обедню служить митрополиту собором по великих князей и по всех побиенных на боях, по всех, и повеле в полоте кормити митрополита и соборы понов и диаконов и всех пречетников церковных» (РО ГБЛ, Собр. Большакова, № 423, л. 115—115 об. — «Летописец Русский», ркн. XVIII в.).

⁴⁶ См. об этом: В. И. Корюцкий. Из истории закрепощения крестьян в России в конце XVI—начале XVII в. (К проблеме «заповедных лет» и отмены Юрьева дня). История СССР, 1957, № 1, стр. 188.

⁴⁷ ДРК, стр. 123; См. также: Разрядная книга 1475—1598 гг. (Подг. к печати В. И. Буганов.) М., 1966, стр. 110.

⁴⁸ И. И. Смирнов. Очерки..., стр. 135, примеч. 46.

⁴⁹ ДРВ, ч. XX, стр. 34.

нялось не столько изменением к нему отношения царя, сколько опасением, что пребывание Глинского в Москве станет снова поводом народного выступления).

Восстание продолжалось примерно неделю и многим — даже в деталях — напоминало так называемый «Медный бунт» 1662 г. В начале июля общественное возбуждение, по-видимому, уже спало.⁵⁰

Состав участников восстания определить не просто. В официальных летописях и в сочинениях Ивана Грозного употреблены недостаточно определенные термины «черные люди», «чернь». Облегчает положение исследователя новгородский летописец. Привыкший к столкновениям на посаде, он уточняет: в восстании участвовали и «большие люди» и «черные люди».⁵¹

«Большие люди» — это верхушка посада, городской патрициат. Именно «большие люди» занимали обычно и руководящее положение в аппарате городского самоуправления. «Черные люди» новгородского летописца — это, очевидно, остальные посаджане.⁵² К числу черных людей принадлежали свободные ремесленники, дворы которых пострадали во время апрельских и июньского пожаров.

Вероятно, значительную активность в июньских событиях 1547 г. обнаружили деклассированные элементы. Среди них немалую роль могли играть и обедневшие дети боярские — из среды тех, против похолопления которых протестовал Пересветов. Иван IV жаловался через несколько лет Стоглавому собору: «дети боярские и люди боярские проживаютя... а от них всякое зло чинится, крадут и розбивают».⁵³ Особенно общественно опасной казалась челядь опальных бояр.⁵⁴ Таких холопов надлежало отпускать на свободу, и их запрещалось принимать в другие дома.⁵⁵ В Москве после опал виднейших правительственных деятелей в 1546—начале 1547 г., вероятно, было немало подобных голодных и воинственных челядницев.

Среди участников восстания можно с уверенностью назвать холопов. А. А. Зимин полагает, что организованный побег Феодо-

⁵⁰ 7 июля 1547 г. митрополиту Макарию священноинок Иерусалимского Саввы монастыря Софроний уже имел возможность «сказывать о монастыре» (ОР ГИМ, Собр. Уварова, № 138, л. 72; по описанию Леониды — № 1880).

⁵¹ ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 3, стр. 620.

⁵² О населении Москвы XVI в. см.: История Москвы, т. I, М., 1952, гл. IV (автор С. В. Бахрушин); М. Н. Тихомиров. Россия в XVI столетии. М., 1962 (гл. IV).

⁵³ Стоглав. Изд. Кожанчикова. СПб., 1863, стр. 137—138.

⁵⁴ См.: А. Н. Яковлев. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в., т. I. М.—Л., 1943, стр. 26 и след.

⁵⁵ РИБ, т. XIII, стб. 484; Е. Н. Кушева. К истории холопства в конце XVI—начале XVII вв. Истор. зап., т. 15, 1945, стр. 93.

сия Косого и других холопов из числа его сподвижников был связан как раз с Московским восстанием.⁵⁶

Можно подозревать участие в восстании и пемосквичей — прежде всего челобитчиков из других городов. В Москве, при узаконенной системе окончательного решения по многим делам именно в центральных правительственных учреждениях, находилось много челобитчиков. Так, когда в 1544 г. «промеж себя браць была велика во Пскове большим людем с меньшими», обе стороны обращались с жалобами к московским властям, отчего были «езды многие к Москве, и денги многие травили».⁵⁷ Челобитчикам обычно приходилось задерживаться надолго в столице.⁵⁸ Такие челобитчики имели серьезные основания быть недовольными деятельностью правительственных чиновников. Постоянно общаясь друг с другом, они находились в атмосфере оппозиционных настроений и пытались сведениями о злоупотреблениях властей, взяточничестве, неразберихе в управлении в центре и на местах. Они же становились и переносчиками новостей в свои города и села. Вполне возможно, что подобные иногородцы, обнищавшие и обиженные, также примкнули к восставшим. В Москве обычно было и немало иногородцев, пришедших в поисках заработка, — не следует забывать, что XVI в. — это век особого развития бродяжничества. Такого рода иногородцы обычно смешивались с местным люмпенпролетариатом.

Состав активных участников «смятения» был, видимо, неодинаковым в разные моменты восстания. Описывая события 26 июня, новгородский летописец счел необходимым дополнить первоначальный текст указанием на то, что не только «черные люди», но и «большие люди» участвовали в расправе с Юрием Глинским. Об участии же «больших людей» в «смятении людем московским» 29 июня не написано: в Воробьево, согласно летописному тексту, пошли «многие люди черные».⁵⁹ Если это отличие в описании летописцем событий 26 июня и 29 июня не случайно, то у нас имеются основания (подтверждаемые и другими косвенными доказательствами — и прежде всего реформами последующих лет) говорить о двух этапах восстания.

Волнение продолжалось примерно неделю, начавшись сразу же после пожара (об этом говорили уже на второй день после по-

⁵⁶ А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, стр. 183.

⁵⁷ Псковские летописи, т. I, стр. 111; С. В. Бахрушин. Научные труды, т. I, М.—Л., 1952, стр. 209.

⁵⁸ В одном из документов середины XVI в. (относящемся, однако, к 1558 г.) челобитчики, для разбора своего дела приехавшие из Подвинья в Москву, горько жаловались: «...и по ся места на Москве за теми делы жили и продался, и в волоките они одожили и промыслу они отстали» (С. О. Шмидт. Неизвестные документы XVI в. Истор. архив, 1961, № 4, стр. 153).

⁵⁹ ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 3, стр. 261.

жара на совещании у Макария). На первом этапе, кульминационным моментом которого были события в Кремле 26 июня, во главе посажан стояли «большие люди». На втором этапе, кульминационным моментом которого были события 29 июня, «большие люди», возможно, уже старались сдерживать остальных восставших.

Это изменение позиции «больших людей» могло произойти тогда, когда стало ясным, что восстание, начавшееся народным мятежом против придворных фаворитов,⁶⁰ перерастает в выступление вообще против власть имущих и богатых. (Первым актом такого выступления было ограбление имущества многих детей боярских в Москве после убийства Ю. Глибского). «Большие люди», убедившись в том, что события получают развитие, опасное и для городского патрициата, постарались отколоться от остальных участников восстания (в этом же плане могли на них воздействовать и правительственные деятели) и 29 июня, вероятно, уже помогли правительственным деятелям установить более безопасные формы взаимоотношений с восставшими — контакт и союз верхушки московского посада с боярством характерен для политической истории России XVI—XVII вв.⁶¹

Скудость сохранившегося фактического материала является большим препятствием при попытках определить характер восстания. «... Об исторических событиях надо судить по движениям масс и классов в целом, а не по настроениям отдельных лиц и группок»,⁶² — учил В. И. Ленин. Но о «движении» народа в 1547 г., как отмечалось уже, мы знаем лишь из источников, враждебно к нему настроенных; не обнаружено ни одного документа, вышедшего из среды восставших или отражавшего истинные «настроения» восставших.

Ясно только, что восстание было массовым, — в этом плане данные всех источников сходятся. В той или иной степени восстание охватило всех посажан города Москвы. Очевидно и то, что общественное возбуждение в какой-то мере перекинулось и на другие районы страны,⁶³ и события 1547 г. заставляют историка вспомнить о восстаниях 1648 г.

⁶⁰ См. замечания К. Маркса о восстаниях в средневековой Испании: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 10, стр. 425—426 (статья «Революционная Испания»).

⁶¹ См.: Н. И. Смирнов. Классовая борьба в Московском государстве в первой половине XVI в., стр. 100; П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба, т. I. М.—Л., 1947, стр. 107.

⁶² В. И. Ленин, Поли. собр. соч., т. 22, стр. 85.

⁶³ См. об этом: А. А. Зимин. Реформа Ивана Грозного, стр. 308 и сл. — Сформулированная в книге А. А. Зимина мысль о поддержке в июне 1547 г. «выступления московских горожан в какой-то мере и деревней» (стр. 306) очень соблазнительна, и дальнейшие изыскания, можно верить, подтвердят ее правильность. Однако приведенный пример — грамота Ивана IV от 28 июня 1547 г. — не относится к тому. Волнения в Москве начались не ранее 21 июня и достигли своего апогея 26 июня.

Восстание носило стихийный характер. Конечно, правы исследователи, отмечая, что причиной восстания были крепостнический гнет, ухудшение положения посажан и крестьян. Но глубинные причины восстания, понятные историкам-марксистам, вовсе не были ясны самим участникам восстания и современникам этого события. Более или менее ясны были им лишь ближайшие поводы к восстаниям.⁶⁴ В лучшем случае некоторые из них признавали причинную связь усилившегося произвола правителей и народного возмущения. Об этом пишет новгородский летописец: «Наипаче же в царствующем граде Москве умножившиеся неправде и по всей России велможь, насилствующих к всему миру и неправо судящих, но по мзде, и дани тяжкие... понеже в то время царю... уну суцу, князем же и бояром и всем властелем в бестрашии живующим». ⁶⁵ Схожее объяснение находим в сборных речах царя конца 40—начала 50-х годов.

Московское восстание представляло собой, как и другие подобного типа восстания в Средние века, «примитивный бунт». А такие «примитивные бунты» были, по определению В. И. Ленина, «гораздо более проявлением отчаяния и мести, чем борьбой». ⁶⁶

Мысли большинства участников восстания были значительно мельче объективного содержания их борьбы. «Черные люди» боролась не столько «за», сколько «против». ⁶⁷ Смысл их борьбы — уничтожение существующих условий жизни и устранение тех, кто особенно виновен или кажется особенно виновным в тяжком положении «черных людей». Можно полагать, что у «черных

Грамота же датирована 28 июня, и в ней говорится о солах Троице-Сергиева монастыря не только в Московском, но и в Звенигородском уездах. Для того чтобы волна недовольства докатилась до Звенигородского уезда и сведения об этом дошли до монастырских властей (в Москве или в Троице-Сергиеве), требовалось больше времени. Следовательно, упоминаемые в грамоте факты нарушения владельческих прав монастыря не могли быть ответом местного населения на Московское восстание конца июня 1547 г. Думается, что и содержание грамоты (точнее, цитаты из нее) не дает основания рассматривать этот факт как пример волнений именно трудового населения «деревни». Ведь по грамоте «ходят... рощи соць» не только «селчане» монастыря, но и «дети боярские и городские люди». (Об этой грамоте см.: С. М. Каштанов. 1) Феодалный иммунитет в годы боярского правления (1538—1548). Истор. записки, т. 66, стр. 264; 2) Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века. Археологический ежегодник за 1957 год. М., 1958, стр. 371). Возможно, правда, что в списке XVII в. неправильно написан месяц, и надо читать не «июнь», а «июль», так как в напряженной обстановке конца июня 1547 г. правительству было не до выдачи грамот.

⁶⁴ Цейный материал об этом приведен в книге: Н. Е. Погов. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.—Л., 1957, стр. 218 и след.

⁶⁵ ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 3, стр. 620.

⁶⁶ В. И. Ленин, Поли. собр. соч., т. 6, стр. 30.

⁶⁷ См.: Б. Ф. Поршнев. Феодализм и народные массы. М., 1964, стр. 313—314.

людей» не было никакой политической программы. «Безграмотный человек, — писал В. И. Ленин, — стоит вне политики; его сначала надо научить азбуке. Без этого не может быть политики, без этого есть только слухи, сплетни, сказки, предрассудки, но не политика». ⁶⁸ Поэтому «черные люди» легко могли оказаться на поводу у тех, кто сознательно распускал слухи о поджоге Москвы Глинскими и об изменнических переговорах Глинских с крымцами. Поэтому-то и требования «черных людей» сводились прежде всего к требованиям расправы с Глинскими и их советниками (олицетворявшими в их представлении произвол властей) и организации защиты от внешнего врага.

«Большие же люди», вероятнее всего, имели более позитивную программу. Об этом позволяет судить содержание правительственной политики последующих лет, и в первую очередь проекты реформ и реформы конца 40—50-х годов. В результате реформ верхам посада были предоставлены большие права в местном самоуправлении, а также право участия в земских соборах, были сокращены сборы кормленщикам, а потом вовсе уничтожена система кормлений. Судебник 1550 г. четко разделил посадское население в зависимости от состоятельности на три группы (статья 26). Не исключено, что эти поправки верхушке посада были обещаны еще в ходе восстания, что неожиданное для правительства участие всех прослоек посажан в восстании побудило принять особые меры с целью привлечения на свою сторону верхов посада. Следовательно, «политические выгоды» в итоге восстания извлекли не только «политические противники Глинских из враждебной им группировки», ⁶⁹ но и верхи посада.

Восстания низов заставили феодалов на время прекратить взаимную вражду и сплотиться для проведения политики, укрепляющей государственную власть. Маркс и Энгельс не раз отмечали, что вражда внутри господствующего класса «сама собой отпадает при всякой практической коллизии, когда опасность угрожает самому классу», ⁷⁰ что «высшие классы всегда объединялись для подавления рабочего класса». Маркс конкретизирует это положение примером из истории Франции XI столетия: когда крестьяне подняли восстание, враждовавшие доселе французские и нормандские рыцари «немедленно же забыли свои раздоры и объединились, чтобы раздавить крестьянское движение». ⁷¹ Энгельс в этом же плане ищет, характеризуя взаимоотношения сословий в Германии начала XVI столетия: «...Раскол всей нации на два больших лагеря... был при тогдашних условиях просто невозможен; он мог бы лишь приблизительно наметиться только в том случае, если бы восстал низший, эксплуатируемый

⁶⁸ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 44, стр. 174.

⁶⁹ И. И. Смирнов. Очерки..., стр. 136.

⁷⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 46.

⁷¹ Там же, т. 17, стр. 629.

всеми остальными сословиями слоя народа: крестьяне и плебей». ⁷²

Эти замечания многое объясняют и в истории России середины XVI в. В России тогда имели место массовые восстания низшего слоя народа в городе и в деревне: в конце 40-х годов, более того — в том же 1547 г., были волнения не только в Москве, но и в других городах, а осень 1547 г. снова выдалась неурожайной — «хлеб родился скудно». ⁷³ Повсеместно обнаруживалось широкое недовольство политикой правительства, отразившееся и в современной публицистике, где обостряется интерес к вопросу о введении «правды» в Российское государство. Сплоченные и решительные действия диктовались и потребностями обороны, в первую очередь необходимостью незамедлительной борьбы с фюрингом вражеской агрессии — Казанским ханством и стремлением удовлетворить внешнеполитические амбиции господствующего класса. Все это сделало возможным приблизительную временную консолидацию всех прослоек класса феодалов (при поддержке, видимо, правительственных действий и верхами посада).

Конец 40-х годов изумляет обилием служебных назначений, выдвижением в «думцы» новых людей из различных феодальных группировок, сплотившихся «от страху князь Юрьев Глинского убийства». ⁷⁴ Однако новые «думцы» — особенно связанные с родственниками царицы — были скорее не правительственными, а придворными деятелями, и едва ли не случайно, что до нас не дошло актов конструктивной деятельности правительства за вторую половину 1547—1548 г. Первоначально старались принимать временные меры, способствующие ослаблению общественного напряжения и угрозы нового взрыва массового недовольства. Целям классовой борьбы была подчинена выдача иммунитетных грамот второй половины 1547—1548 гг. ⁷⁵ Очень вероятно, что эту же цель преследовали, организуя утомительный поход царского войска под Казань зимой 1547—1548 гг., — на победу в войне при сложившихся обстоятельствах тогда вряд ли рассчитывали, но таким путем можно было увести из Москвы наиболее воинственную группу недовольных (часть войска затем, видимо, оставили годовать в Поволжье). В то же время торжественное празднование свадьбы брата царя (3 ноября) и то обстоятельство, что сам царь направился во главе войска в Казань («и восхоте ити царская его держава сам»), ⁷⁶ как бы

⁷² Там же, т. 7, стр. 358.

⁷³ С. О. Шмидт. Продолжение Хронографа редакции 1512 года, стр. 294.

⁷⁴ ПСРЛ, т. XIII, стр. 457.

⁷⁵ С. М. Капштанов. Феодальный иммунитет в годы боярского правления, стр. 264 и сл.

⁷⁶ ПСРЛ, т. XIII, стр. 158, 460.

всенародно демонстрировали единодушные в правительственной среде.

К началу 1549 г. постепенно образуется «Избранная рада», являвшаяся фактическим правительством и осуществившая важнейшие государственные преобразования и внешнеполитические начинания конца 40-х—50-х годов. Постепенно формулируется и публично декларируется демагогический идеал деятельности «правого царя», призванного заботиться обо всех подданных: представление это отражено в речах Ивана IV на соборах, в «Летописце начала царства», в Приговоре об отмене кормлений. Одновременно принимаются все меры к пресечению возможностей «возмущения» народа публичными рассуждениями на опасные темы⁷⁷ (особенно жестоко преследуются «еретики»). Характерные формы правительственной деятельности тех лет — деятельность Челобитного (или Челобитенного) приказа и первых земских соборов, противостоявших вечевым традициям 1547 г.⁷⁸

Реформы конца 40-х—1550-х годов были прежде всего обусловлены размахом классовой борьбы. Наиболее значительный момент классовой борьбы середины XVI в. — «стихийный взрыв народного гнева»,⁷⁹ Московское восстание июня 1547 г.

⁷⁷ Именно публичность выступления дьяка И. М. Висковатого об иконах в 1553 г. особенно возмутила Макария. «И ты о том всем мнил и говорил не гораздо посреде народа многим людям православным христианом на съблаци, — поучал митрополит дьяка. — И тебе было о тех святых и честных иконах и о прочих церковных вещах приговор приняти к святей соборной церкви и правителем церковным извещенно положить о своем мнении, а народа православных христиан не возмущати» (ЧОИДР, 1848, кн. 2, стр. 20).

⁷⁸ См.: С. О. Шмидт. Соборы середины XVI века. История СССР, 1960, № 4, стр. 89—90; Л. В. Черепнин. Земские соборы и утверждение абсолютизма в России. Сб. Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.). М., 1964, стр. 95—97; S. O. Schmidt. Les premiers Zemskie sobory de l'Etat russe a la lumiere des recherches Soviétiques les plus recéentes. Cahiers du Monde russe et soviétique. 1965, vol. VI, pp. 501, 502.

⁷⁹ И. И. Смирнов. Очерки..., стр. 135.

И. Е. НОСОВ

ЗЕМСКАЯ РЕФОРМА НА РУССКОМ СЕВЕРЕ XVI в. (ОБ ОТМЕНЕ КОРМЛЕНИЙ И ВВЕДЕНИИ ЗЕМСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ)

Ни одна реформа Ивана Грозного не имела столь больших и далеко идущих последствий для русского черносошного крестьянства, как земская реформа. Именно она, передав бразды местного управления в руки самих крестьянских миров (а реально — сельских богатеев и иных «лучших людей») и освободив их от опеки феодалов-кормленщиков, во многом способствовала созданию здесь условий для значительно более интенсивного, чем в центральных районах страны, развития социальной дифференциации среди крестьянства, освобождению его (хотя бы частично) от пут феодализма и зарождению в этих, столь богатых промыслами землях, новых социальных отношений — отношений в известной мере уже предбуржуазных.

Мы много знаем о земском самоуправлении на Севере в XVII в., значительно меньше — о его развитии в конце XVI в., а вот о периоде становления здесь земских учреждений наши сведения вовсе ограничены.¹ Дело в том, что в сохранившемся актовом материале XVI в. первые годы существования земских учре-

¹ См.: М. М. Богословский. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в., тт. I—II. М., 1909 (далее: Богословский). — Это капитальное исследование, основанное на огромном архивном материале московских приказов и местных земских явб XVII в., полностью сохраняющее свое научное значение и в настоящее время. Из работ же, изданных в последние годы, следует особо выделить монографию П. А. Садикова «Очерки по истории опричнины» (М.—Л., 1950), в которой автором собран и обобщен большой материал по вопросам взаимоотношений между Четвертными приказами и земскими властями северных областей во второй половине XVI в., а также небольшую, но крайне любопытную статью А. И. Копанева «Куростровская волость во второй половине XVI в.» (в кн.: Академик Б. Д. Грекову... М., 1952, стр. 146—156), где исследуется внутренняя организация управления в северной волости.

идений отразились очень слабо. Основной источник — дошедшие до нас земские уставные грамоты 50-х годов XVI в., но их единицы, а главное — они охватывают сравнительно ограниченную территорию, преимущественно Подвине: Малую Пенежку, Вагу, Устьянские волости и Нижнюю половину Двинской земли.² Что же касается Юдской Пермцы Соль-Вычегодского уезда, то выданная ей около 1556 г. земская уставная грамота дошла до нас лишь в пересказе грамоты 1615 г.³

Небогаты и дошедшие до нас записки местных летописцев (мы имеем в виду Вычегодско-Вымскую, Великоустоужскую и Двинскую летописи) о проведении земской реформы на Севере, но о них мы скажем ниже. Если же к этому добавить, что в Никоновской летописи «царский приговор» о кормлениях и о службе датируется 7064 г. (т. е. временем от 1 сентября 1555 г. по август 1556 г.),⁴ а на самом деле известны земские уставные грамоты, его излагающие, еще от весны (мая) и лета 1555 г.,⁵ то естественно, что выяснение вопроса о датировке проведения земской реформы — как по всей стране, так и в отдельных ее районах (в данном случае на Севере) — приобретает особое значение.⁶

² Мы имеем в виду земские уставные грамоты двинским волостям Малой Пенежки, Ваги и Суры Поганой от 25 февраля 1552 г.; Вязскому уезду от 21 марта 1552 г.; Устьянским волостям от 23 мая и 15 октября 1555 г. и Нижней половине Двинской земли от сентября 1556 г. (А. И. Копылов, Уставная земская грамота трех волостей Двинского уезда 25 февраля 1552 г. Истор. архив, 1953, № 8, стр. 11—20; Богословский, т. I, стр. 287—289; ААЭ, т. I, №№ 234, 243, 250).

³ ЧОИДР, 1907, кн. 1, отд. IV, смесь (публикация С. Б. Веселовского), стр. 40—47.

⁴ ИСРЛ, т. XIII (первая половина), стр. 267—269.

⁵ См. хотя бы грамоты от 23 мая 1555 г. Устьянским волостям и от 11 и 15 августа 1555 г. перонославским посадским людям и рыболовам (две последние изданы: С. А. Шумаков, Губные и земские грамоты Московского государства. М., 1895, стр. 110—113; ААЭ, т. I, № 242).

⁶ Не случайно до сего времени царский «приговор» о кормлениях и службе датируется исследователями по-разному. В. И. Татищев, помещая «приговор» среди дополнительных статей к Судебнику 1550 г., помещает его «20 сентября 7064 г., т. е. 1555 г. (Судебник царя и великого князя Ивана Васильевича... Изд. 2. М., 1783, стр. 131). Именно эта дата была принята позднее, как бы сказать, на веру большинством исследователей. См. хотя бы: В. О. Ключевский, Опыт и исследования. Первый сборник статей, Изд. 1918—1919, стр. 451—452 (статья «Состав представительства на земских соборах древней Руси»). Правда, уже с конца XIX в., после обнаружения М. А. Дьяконовым и С. А. Шумаковым новых земских грамот, датировка В. И. Татищева стала вызывать большие сомнения. Так, М. А. Дьяконов, ссылаясь на перонославские грамоты от 11 и 15 августа 1555 г., предполагает, что он был выдан до 1 сентября 1555 г. (М. А. Дьяконов, Дополнительные сведения о московских реформах половины XVI в., ИЖМН, 1802, № 4, стр. 193). С. А. Шумаков датирует «приговор» сентябрем 1556 г. — временем окончания выдачи земских уставных грамот (С. А. Шумаков, Губные и земские грамоты Московского государства, стр. 30). П. А. Садинов, основываясь на майской Устьянской грамоте (опубликованной М. М. Богословским в 1909 г.), относит его к периоду до 23 мая 1555 г. (П. А. Садинов, Очерки по

Без этого нельзя проводить изучение самой реформы по существу.

Естественно поэтому, что всякие дополнительные данные, характеризующие время введения земского самоуправления на Севере, весьма важны. К числу их следует, в первую очередь, отнести сведения об отмене кормлений на Севере (а следовательно, и о введении здесь земских учреждений), которые можно извлечь из Боярской книги 1556 г. — единственного из дошедших до нас официальных источников, составленного непосредственно во исполнение «царского приговора» о кормлениях и службе 1555/56 г. и содержащего массовые данные о передаче тех или иных кормлений на откуп, взятые ее составителями из специальных «списков на кормленные верстанья», которые велись в московских приказах.⁷

Сведения Боярской книги 1556 г. о кормлениях кануна земской реформы (1550—1555 гг.) охватывают более 30 уездов страны и в том числе двух наиболее населенных северных районов — Двинского края и Оболенской пятины (от последней не дошло, кстати, ни одной земской уставной грамоты). Каждый из этих районов имел свою специфику. Нашла она свое отражение и в Боярской книге, несмотря на всю лаконичность и предельную краткость ее данных.

* * *

Заонежские погосты, составляющие северную часть Оболенской пятины, в середине XVI в. резко выделялись из основной массы новгородских земель. В последних, кроме северной части Вотской пятины, уже господствовало поместное землевладение, в то время как Заонежье на протяжении всего XVI и XVII вв. оставалось черносошным краем. Лишь монастыри обладали здесь довольно значительными владениями, но и то в значительно меньших размерах, чем в соседних (с востока) каргопольских и северобелозерских землях. Вообще же это был типично северный

истории опричнины, стр. 251). И, наконец, А. А. Зимин, который считает, что «ликвидация системы кормлений в Русском государстве не была единовременным актом, а происходила на протяжении ряда лет», вообще утверждает, что «приговор» Никоновской летописи «является не законом об отмене кормлений, а публицистическим обобщением многочисленных мероприятий в этой области» (А. А. Зимин, Реформы Ивана Грозного. М., 1960, стр. 435—436).

⁷ Боярская книга 1556 г. (сообщена кн. М. А. Оболенским). Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачевым, кн. III. СПб.—М., 1861, отд. II (далее: Боярская книга). — Общая характеристика Боярской книги и ее особенностью как источника по истории земской реформы 1555—1556 гг. дается в нашей специальной статье: Боярская книга 1556 г. (к вопросу о происхождении четвертичной). В сб.: Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII веков (Труды ЛОИИ, вып. 2), М.—Л., 1960, стр. 191—227.

новгородский край, в гораздо меньшей степени, чем захваченный московскими служилыми людьми новгородский юг, испытавший на себе приказной «московский порядок». Именно поэтому отмена кормлений и введение земского самоуправления встретили здесь особенно благоприятную почву.

По данным XVII в., все Заонежье (около двадцати погостов, или волостей) группировалось в четыре больших стана — или, точнее, крупные объединенные волости (волости-округа) — с центрами в Олонецком, Оштинском, Водлоозерском и Выгозерском погостах, из которых Оштинский погост играл роль главного центра, где происходили всеуездные собрания и где находилась съезжая изба и резиденция воеводы; подведомственны же были все эти станы Новгородской четверти.⁸ Вряд ли можно сомневаться, что эта система была унаследована еще от XVI в., когда по указанным станам-волостям сидели кормленщики.⁹

В Боярской книге упоминаются три таких стана-волости: Оштинский, Водлоозерский и Выгозерский.

Ошту «держал год» Никифор Федоров сын Вышеславцев и «съехал» с нее 24 июня 1554 г. — «на Рождество Ивана Предтечи».¹⁰ Водлоозеро «держал год» Василий Меньшой Андреев сын Вельяминов-Сабуров и «съехал» с нее 1 октября 1552 г. —

⁸ Богословский, т. I, стр. 31, 39, 40.

⁹ Вообще вопрос о соотношении между волостями и станами относится, как известно, к числу наиболее неясных в истории местного управления XVI—XVII вв. Применительно к Заонежью, как и к своему бывшему новгородскому Северу, представляется наиболее вероятным, что погостами назывались здесь небольшие волости, занимающие определенную территорию и образующие единые тяглые округа, — они еще искони имели свои мирские власти (волостных старост) и даже в XVI—XVII вв. носили на себе сильный отпечаток бывших сельских общин, в которых они в далеком прошлом образовались и устои которых постепенно приспособили к современным нуждам. Эти погосты-волости в судебно-административном отношении обычно списывались уже в станы-волости как административные округа (волости, так сказать, второго порядка), причем центром такой волости являлся как раз тот погост-волость, где находился судебный стан и где проходили общеволостные (а вернее, межволостные-межпогостские) собрания по тяглым и иным земским делам. По имени такого погоста-волости (со станом) называется и все объединение волостей — округ. Именно здесь сидели кормленщики-волостели и именно этими волостями-округами они управляли. Не случайно поэтому, что такие волости-округа в источниках XVI—XVII вв., особенно приказного происхождения, носят обычно два названия — и волостей и станов, причем второе название было, так сказать, вторичным и уже к XVII в. все более и более вытесняет первое. По всем этим причинам и представляется, как мы увидим ниже, довольно трудным выяснение подлинных размеров волости-округа (равно стана) XVI в. как кормления. И особенно ненадежны в этом отношении ретроспективные наблюдения, а к ним неизбежно приходится прибегать, поскольку это почти единственный путь (из-за отсутствия современных земской реформе источников) к хотя бы общему решению этих вопросов.

¹⁰ Боярская книга, л. 94.

«на Покров Богородицы»,¹¹ но когда через три года подошла очередь волостельствовать на Водлоозере Ивану Молчанову сыну Голохвастову, который должен был «наехать» на кормление с 1 октября 1555 г. (т. е. на тот же покров), то оно уже было «в откупу».¹² Видимо, по этой же причине не смог «наехати» на наш третий стан — Выгозеро — с 22 февраля 1556 г. (на Сборное воскресенье) и Григорий Семенов сын Цыплятев.¹³

Таким образом, можно предполагать, что не только Водлоозеро, но и Выгозеро были переведены на откуп до 1 октября 1555 г. Менее вероятно, что они переведены на откуп в разные сроки — Водлоозеро до 1 октября 1555 г., а Выгозеро позже, по до 22 февраля 1556 г.

Обе волости были черные и представляли, как мы уже указывали, центры крупных заонежских волостельств.

Водлоозерская волость была расположена по берегам Водлоозера и тянулась на восток от Онежского озера в направлении к Каргополю.¹⁴ В 1568—1569 гг. восточная часть волости была «отмежована» по распоряжению Ивана IV к Каргополю, «в опричнину», причем показательно, что в «сотной» грамоте каргопольской половины волости 1570 г., которая и явилась результатом этого отмежевания, в число податей, которые платила волость, входили и деньги «за наместничь доход и присуд».¹⁵ Разделенная на две половины (части) — заонежскую, тянувшую к Новгороду, и каргопольскую — волость существовала и в XVII в. К середине XVII в. в обеих частях волости, т. е. на той ее территории, которую она, видимо, охватывала в середине XVI в. в составе новгородских земель (куда мы относим не только сам погост-волость Рождественский Водлоозерский, где находился волостелин стан, но и соседние ему тоже водлоозерские погосты, по крайней мере два — Никольско-Пудожский, расположенный по правому берегу р. Водлы, и Спасский на р. Шале, расположенный при ее впадении в Водлу), было 173 черные деревни (577 дворов) и 56 деревень (281 двор), принадлежавших в основном Юрьеву, а также Палеостровскому и Муромскому монастырям.¹⁶ Ясно, что во время земской реформы монастырских земель здесь было значительно меньше.

¹¹ Там же, л. 51.

¹² Там же, л. 155.

¹³ Там же, л. 85.

¹⁴ К. А. Неволлин. О пятинах и погостах новгородских. Записки имп. Русского геогр. общества, кн. VIII, СПб., 1853, стр. 172.

¹⁵ «Сотная» грамота была подписана четвертными дьяками Курганом Ланиным и Иваном Савиным (ЦГАДА, Городовые книги по Каргополю, № 1, лл. 292—297. — О Кургане Ланине и Иване Савине как четвертных дьяках см.: А. Дмитриев. Пермская старина, вып. 6, Пермь, 1895, Материалы..., № 2, стр. 130—131; П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины, стр. 244, 150, 174, 318, 327, 328, 329, 332, 334, 335, 454).

¹⁶ Богословский, т. I, Приложение, стр. 5, 13.

Большой (территориально) была в Выгозерская волость, расположенная по берегам Выгозера, а также по рр. Выгу, Суме, Нюхче и по Сум-озеру.¹⁷ Судя по грамоте Ивана IV 1543 г., адресованной выгозерскому волостелю Ф. Т. Зазевитову, все эти земли составляли не только единое волостельство, но и единую губу.¹⁸ Но какие именно погосты тянули в XVI в. к Выгозерскому волостельству, сказать трудно. Известно лишь, что по писцовой книге 1582/83 г. черные деревни находились здесь в основном в верховьях р. Выг, на Маткоозере, на р. Вожме, на Корась-озере, на Сум-озере, на реках Нюхче и на Унежме. Земли же в низовьях рр. Выга, Сумы, Вирмы и Колежмы принадлежали Соловецкому монастырю. Здесь находились его селения — Сороцкая, Выгостров, Сухонаволоцкая, Вирма, Сумский острог и Колежка. Очень возможно, что все эти земли и составляли в середине XVI в. территорию выгозерского волостельства — территорию огромную, но мало населенную. Достаточно сказать, что в самом Выгозерском погосте в середине XVII в. было всего 18 черных деревень с 37 дворами.¹⁹

Сложнее обстоит дело с выяснением времени передачи на откуп волости, вернее волостельства Ошты, раскинувшегося в округе р. Ошты, впадающей в Онежское озеро с юга, и включающего в себя почти все южное Заонежье — самую заселенную и богатую его часть.²⁰

Всего вероятнее, что оштинское волостельство было передано на откуп примерно в те же сроки (если не одновременно) с Водлоозером, т. е. до 1 октября 1555 г. Но этому противоречит тот факт, что до нас дошла платежно-приходная книга (платежница) оштинского волостельства 1556 г., из которого видно, что население Ошты в это время еще платило наместничий корм и иные пошлины.²¹ Казалось бы, вопрос о возможности отмены кормлений в Оште до 1556 г. решается, таким образом, отрицательно?

Но в действительности это как раз наоборот.

Во-первых, соображения хронологические. Дело в том, что интересующая нас оштинская платежница дошла в составе особого новгородского сборника, составленного, видимо, в новгородской дьячей канцелярии середины XVI в. и включающего комплекс документов по ладожскому наместничеству, в состав которого

¹⁷ К. А. Неволли. О пятинах и погостах новгородских, стр. 170.

¹⁸ Акты Юшкова, № 142.

¹⁹ Богословский, т. I, Приложение, стр. 4; К. А. Неволли. О пятинах и погостах новгородских, стр. 117—169.

²⁰ Богословский, т. I, Приложение, стр. 6.

²¹ ЦГАДА, ф. 1144, Новгородская приказная изба, сборник 227/991, лл. 1—35 (ладожского наместничества), лл. 35—47 (оштинского волостельства). — Указанные книги обнаружены и в выдержках опубликованы: Д. Я. Самоквасов. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского государства XV—XVII столетий, [т. I], отд. I. М., 1905, стр. 188—192 (мы пользуемся рукописью).

в общеадминистративном и военном отношении как раз и входила Ошта. Документы эти следующие: доходный список ладожского кормления, а также платежные книги наместничьих доходов ладожского наместничества и отдельно — оштинского волостельства. Платежные книги составлены и скреплены сборщиком этих наместничьих доходов — сыном боярским Лобаном Кобылиным, который с перечисляемых в них погостов и владений «корм писал» и «корм имал». Обе платежницы не датированы, но совершенно ясно, что они составлены Л. Кобылиным одновременно, при объезде им обоих кормлений. Что касается доходного списка ладожского кормления, то в нем самом даты его выдачи нет (в доходных списках, выдаваемых на руки кормлещикам, в начале их обычно обязательно обозначалось, что такого-то числа такого-то года царь и великий князь пожаловал то или иное лицо (имя рек) в кормление тем или иным городом, волостью и т. д.), а лишь указывается, что «лета 7064-го августа списано в доходного списка ладожского кормления, который список за Елизаровою рукою, а тот список, что за Елизаровою рукою, у Вотские пятны». Следовательно, нам известна лишь дата (август 1556 г.) снятия копии (а не выдачи) доходного списка, сделанной для Л. Кобылина, когда он был послан, видимо, новгородскими дьяками собирать вместо ладожского наместника и оштинского волостеля (которых ни в Ладоге, ни в Оште уже не было) с посадских людей и крестьян кормленные сборы — посошный корм и деньги за наместничий и волостелин присуд со всех земель и владений, которые тянули к этим кормлениям «судом и кормом» или лишь были «приданы пятном и душегубством».

Иначе говоря, августом 1556 г. можно датировать только время составления самих платежниц, а отнюдь не время передачи и Ладоги, и тем более Ошты, на откуп. Наоборот, сам факт, что Л. Кобылин собирал кормы и присуд за год (например, берет, «что (корму, — Н. П.) сходило ладожскому наместнику в год на три праздника», или «за пятно и за душегубство и за татьбу с полчичным, что сходило ладожскому наместнику», и т. д.), ясно указывает на то, что сам съезд кормленщиков с Ладоги и Ошты состоялся уже год назад, осенью 1555 г. — и, что особенно показательно, именно до 1 октября 1555 г., как это имело место в Водлоозере. И даже более: поскольку Л. Кобылин собирал годовой посошный корм в августе или вернее в сентябре 1556 г. (ведь копия с доходного списка должна была быть снята для него до поездки на Ладогу), то очень возможно, что съезд самих кормленщиков состоялся здесь как раз с нового прошлого года, т. е. 1 сентября 1555 г. Во всяком случае, нельзя забывать, что с этого срока была передана на откуп не только вся Псковская земля,²²

²² Боярская книга, лл. 11, 20, 32, 53, 88, 93, 106, 138, 162.

по и близлежащие к Заонежью белозерские земли²³ (к сожалению, точная дата или даты передачи на откуп самих новгородских земель нам пока неизвестны):

Но если считать, что волостели в Оште были упразднены еще осенью 1555 г., то почему в општинской платежной книге 1556 г. (как, кстати, и в ладожской) речь идет не о сборе окупа за пососный корм, а самого этого корма, а также полагающегося волостелю присуда и пятна, хотя и собираемого уже не им самим (и не для себя), а специальным сборщиком и в казну? Думается, что объяснение этого надо искать в следующем: во-первых, не был ли 1556 г., как бы сказать, переходным годом в реализации земской реформы; во-вторых, не был ли такой порядок вообще специфичной новгородских земель, где, как известно по актовым материалам 60—70-х годов, сбор пососного корма в последующий период обычно производился в пятнах специальными денежными сборщиками, выбираемыми из числа местных детей боярских, а не земскими властями; и, наконец, в-третьих (и это, может быть, для данного случая главное), нельзя забывать, что в општинской платежной книге 1556 г. перечисляются лишь земли иммунитетов — монастырские, владычные и помещичьи, а также земли своеземцев, черные же земли в ней вообще не значатся, хотя именно с них получали кормленщики свой основной доход. Допустить же, что черных земель в 1556 г. в општинском волостельстве не было, невозможно уже в силу одного того, что даже в середине XVII в. основные земли, тянувшие к општинскому волостельству, были черными. Так, согласно писцовой книге 1646/47 г., только в называемых в платежной книге восьми општинских погостах²⁴ более 2/3 населения составляли именно черные крестьяне. Например, в погосте Никольском на Оште из 113 деревень (433 двора) было 78 черных деревень (357 дворов), в погосте Рождественском на Мегре все 164 деревни (326 дворов) были черные и т. д.²⁵ А отсюда вполне естественно заключение, что черные земли Општинского волостельства к моменту составления платежной книги уже находились на откупе и поэтому-то и не вошли в нее (в Ладоге же, где черных оброчных земель было вообще мало, этого не произошло, и поэтому черные земли фигурируют в ладожской платежной книге 1556 г.). Правда, тот факт, что општинская платежная книга 1556 г., в отличие от ладожской, не включает сведений о сборе

²³ Там же, лл. 57, 117.

²⁴ Мы подчеркиваем, что речь идет только о называемых в платежной книге погостах, так как погосты полностью черные (в которых не было земель иммунитетов и своеземцев) в силу самого ее характера могли в нее не попасть. Вообще же в платежной книге општинского волостельства 1556 г. называются следующие погосты: Никольский на Оште, Покровский на Вытегре, Рождественский Мегрежский, Рождественский в Остречинах, Ильинский в Воицах на Ояте, Воскресенский в Важанах, Пиркиничский на Свири и Дмитриевский в Сотцких.

²⁵ Богословский, т. I, Приложение, стр. 6—7.

самого пососного корма («корм с них не писан»), оговаривая, что с перечисляемых в ней општинских погостов корм уже собран («иман») по особой грамоте («по указу», как именует ее платежница), а содержит лишь данные о причитавшихся кормленщикам деньгах — «что сходило општинскому волостелю» за татьбу с поличным, душегубство и пятно, — ясно показывает, что даже на иммунитетных землях сбор пососного корма производился в Оште не так, как в Ладоге, а главное — раньше, чем там. Ситуация крайне симптоматичная при переходе от кормлений к откупной системе управления, в которую в первую очередь включаются правительством крупные чернососные волостельства. Очень возможно поэтому, что упоминаемый в општинской платежной книге 1556 г. предшествующий ей царский «указ» о сборе корма с иммунитетных владений и был тем правительственным распоряжением, на основе которого практически вводится в Оште новая система сбора в казну бывших кормленых доходов.

Таковы данные Боярской книги по Заонежью. Они, как мы видим, невелики, но при сопоставлении с другими источниками они все же дают основание полагать, что реформа была проведена в Заонежье, всего вероятнее, еще осенью 1555 г. (до 1 октября), хотя сам характер реформы на черных и оброчных землях, с одной стороны, и землях иммунитетов, с другой, существенно различался. Но этот вопрос требует уже специального рассмотрения.

* * *

Двинский край, куда мы относим как собственно само Подвинье, т. е. земли по самой Северной Двине, так и Устюжскую и Вычегодскую земли, т. е. земли, расположенные по ее притокам Сухоне, Югу и Вычегде, представлен в Боярской книге значительно лучше.

Но сперва несколько слов о самом этом крае. Как и Заонежье, это был в XVI в. район почти сплошного чернососного крестьянского землевладения. Даже монастырские владения были здесь весьма невелики. Этот огромный край был немногочислен, но очень богат своими промыслами, особенно рыбой, мехами и солью. Сельское хозяйство было развито здесь сравнительно слабо, а торгово-промысловый характер деятельности крестьянского населения сближал сельскую округу с посадами. И хотя северное Подвинье в прошлом входило в состав новгородских владений, московские мирские традиции, идущие из таких центров старомосковской колонизации, как Великий Устюг и Соль-Вычегодск, имели здесь, особенно в его южной части, весьма сильное влияние.

Наиболее крупным торговым центром южной части края был Великий Устюг, но власть его наместников отнюдь не рас-

пространялась на все окрестные земли, которые имели своих волостелей (а Тотьма и Соль-Вычегодск — своих наместников и приказчиков), как правило, независимых от устюжской администрации; двинские же наместники были вообще совершенно автономны, поскольку Двинская земля (Подвинье) всегда представляла особый административный округ с центром в Холмогорах.

Из собственно двинских кормлений в Боярской книге упоминается лишь Пенежка, но зато упоминается четыре раза, и уже в силу одного этого приводимые данные о ней особенно интересны и важны для понимания общего хода проведения земской реформы. Сам же характер этих сведений следующий.

Данило Степанов сын Отяева «имал с Пенежки с Малые по 20 рублей на год»;²⁶ Андрей Борисов сын Ступишина, «имал с Пенежки по 10 рублей на год»;²⁷ Михалец Иванов сын Яропкина «имал с Малыя Пенежки по 10 рублей на год»;²⁸ и, наконец, Иван Никитин сын Дубенского Большой «съехал с Пенежки с Малые на Ильин день 63, держал 2 года»,²⁹ т. е. был на пенежском волостельстве с лета (июля?) 1553 г. по 20 июля 1555 г.

Но самое интересное заключается в том, что недавно, как мы уже отмечали, А. И. Копаневым была найдена земская уставная грамота двинских волостей Малой Пенежки, Выйской и Суры от 25 февраля 1552 г., по которой в этих волостях волостель и его тиун были «отставлены», а кормы и иные доходные статьи, идущие в их пользу, заменены «оброком». Этот новый «оброк» указанные три волости обязаны были один раз в год (на масленицу) платить в казну (дьяку Истому Новгородову), а у себя «учинити» (выбрать) «излюбленных голов и лутчих людей, сотских и пятидесятских», которые, как указывает грамота, и были обязаны теперь у них «управу чинити во всяких земских делах по нашему (царскому, — *И. И.*) Судебнику».³⁰ И хотя это было осуществлено, как видно из грамоты, пока еще не в обязательном порядке и тем более не повсеместно (как это имело место во время земской реформы 1555—1556 гг.), а по просьбе самих пенежан, причем имена челобитчиков прямо называются в грамоте жаловавшихся царю на чинимые им разоренье и обиды

²⁶ Боярская книга, л. 18 об.

²⁷ Там же, л. 28.

²⁸ Там же, л. 60.

²⁹ Там же, лл. 149 об. — 150.

³⁰ А. И. Копанев. Уставная земская грамота трех волостей Двинского уезда 25 февраля 1552 г., стр. 287—289. — Волости Малая Пенежка, Выйская (Вья) и Сура Поганая были расположены в верхних р. Пинеги и по ее притокам Вые и Суре. По письму 1623 г., в них было 749 дворов, соответственно 174, 201, 174 (Богословский, т. I, Приложение, стр. 26). В XVI в. указанные волости хотя и входили в состав Двинского уезда, но обычно выделялись в особое кормление и имели своих волостелей. Район был исключительно черносошный, с очень сильно развитым промысловым хозяйством (пушным промыслом и рыболовством).

от пенежских волостелей и их людей, но вряд ли можно сомневаться, что новое «земское устройство» уже тогда было связано с более широкими замыслами правительства. На это указывает хотя бы выдача 21 марта 1552 г. подобной же земской уставной грамоты Важской земле.³¹

Согласно этой грамоте, — выданной, кстати, тем же дьяком Истомой Ноугородовым, — в Важской земле,³² так же как и в пенежских волостях, упраздняются наместники, также учреждаются излюбленные головы, также, наконец, годовой «оброк» за наместничьи доходы вносится в казну на масленицу (дьяку Истому Ноугородову), причем Важская грамота (в отличие от Пенежской) указывает даже сами нормы расчета этого «наместничья откупа» с важан: «с посадских дворов с двора по осмнадцати алтын, а со хрестьян, которые живут в станах и в волостях, с обжи по осмнадцати алтын, да сверх того с посадских дворов и с станов и с волостей со всех обож двадцать алтын и три алтыны, а двор посадской противу обжи, а обжа противу посадского

³¹ ААЭ, т. I, № 234. — Правда, из этих грамот отнюдь не вытекает вывод, что наместники и волостели были в это время упразднены (или временно сведены) в массовом порядке. Этому прямо противоречат хотя бы указания обеих двинских грамот 1552 г. (Пенежской и Важской), что если «излюбленные головы (цитируем Пенежскую грамоту, — *И. И.*)... а с ними земские люди, с теми денгами, с нашим оброком» («с нашей казною, за наместничь откуп», по выражению Важской грамоты) «поедут к Москве, то «по городам наши наместничьи и по волостем волостели и их пошляинники, и наши приказчики городовые, и по мытом мытчики, и по рекам перевозчиком и все пошляинники с тех излюбленных голов из земских людей мыта, и явки, и перевозчики перевозу, и иных некоторых пошлин на них не емлют, пропускают их везде без зацепки, не задержав» (курсив наш, — *И. И.*).

³² Важская земская уставная грамота от 21 марта 1552 г. была выдана посадским людям и крестьянам всего Важского уезда, составившего до этого особое наместничество (наместник сидел в Шенкурском посаде, а его тиун на посаде в Вельске). Теперь, согласно земской грамоте, уезд должен был разделиться как бы на два судебно-административных округа. Первый из них — Шенкурский стан, с центром в Шенкурском посаде, с «приписанными» к нему «судом» Лидицким, Ровдинским и Подвинским станами и входящими в них несколькими десятками больших и малых волостей (в своей совокупности это была очень большая территория, охватывающая земли как по нижнему течению Ваги и ее притокам Деде, Сюме, Пуе, Шоренге, так и по самой Двине ниже устья Ваги). Второй — Вельский стан, с центром в Вельском посаде, с также «приписанными» к нему «судом» Слободским и Коншенским станами и соседними волостями (территория тоже весьма значительная, охватывающая земли в верхних Ваги и по ее притокам Пожме, Веге, Устье и Коншенге). С юга Вельский стан непосредственно граничил с Устьянскими волостями (см.: Переписные книги 1692 г. часовень в Важском уезде и в Устьянских сохах. РИБ, т. XXV). Каждая из этих частей — Шенкурский и Вельский станы — избирала по десять «излюбленных голов», которые и осуществляли суд и управу над посадскими людьми и крестьянами своего стана, но ехали в Москву и вносили «оброк» все вместе.

двора, розметом в наместничь оброк равна». Общая же сумма «оброка» со всего Важского уезда — полторы тысячи рублей на год.

Но вернемся к сведениям Боярской книги о Малой Пенежке. Похоже, что сопоставление ее данных с Пенежской земской грамотой 1552 г. дает возможность сделать довольно любопытные наблюдения. Так, из земской грамоты видно, что до февраля 1552 г. волости Малая Пенежка, Выя и Сура составляли единое кормление и подчинялись «пенежскому волостелю» и его тиуну (видимо, поэтому Боярская книга, точно фиксируя положение дел, и именует кормление просто как Пенежка Малая). С 25 февраля 1552 г. (т. е. сразу же после масленицы, которая в этот год была с 18 по 25 февраля) пенежское кормление было передано на откуп, причем первый взнос должен был быть сдан в Москву «на масленое заговейно» 1553 г., т. е. к 5 февраля. Из этого взноса, который был установлен по земской грамоте в размере 100 рублей (суммарно с трех волостей), и «имали» с Малой Пенежки деньги Д. С. Отяев (20 рублей), А. Б. Ступишин и М. И. Яропкии (по 10 рублей каждый). Но получить эти деньги они могли лишь из первого годового окупа, за период с 25 февраля 1552 г. до 12 февраля 1553 г., или в крайнем случае полугодового, так как с лета (видимо, июля) 1553 г., по данным самой же Боярской книги, Малая Пенежка снова была отдана в кормление и волостелем в ней был И. Н. Дубенский, который держал ее два года, съехав с нее лишь 20 июля 1555 г.

Следовательно, правительство сперва, в феврале 1552 г., передало Малую Пенежку, Выю и Суру на откуп, а потом, летом 1553 г., снова восстановило здесь кормленщиков. Случай примечательный, — и не потому, что он ясно указывает на практику передачи отдельных кормлений на оброк с уплатой кормленщикам, которые стояли в очереди на это кормление, их доли из привезенного в Москву откупа еще до земской реформы 1555—1556 гг. (на это указывает и Важская уставная земская грамота от 21 марта 1552 г.), а потому, что дата восстановления старой кормленной практики в Малой Пенежке (а может быть, и не только в ней) падает как раз на лето 1553 г. Не связано ли это с какими-то серьезными колебаниями в отношении кормлений, которые могли произойти в правительственной среде в связи с мартовским боярским мятежом 1553 г.? Хронологическое совпадение тут явно настораживает.

Судя по актовому материалу 50-х годов XVI в., очень похоже, что подобное же явление имело место и в самом Двинском уезде (на его Нижней и Верхней половинах), где в 1551—1552 гг. были отменены наместники и введен институт «излюбленных голов» и «двинских выборных судей», а потом в конце 1554 г. снова восстановлены наместники, которые, как свидетельствует дошедшая

до нас земская грамота Нижней половины Двинской земли, окончательно были упразднены на Двине в сентябре 1556 г.³³

В связи с этим возникает общий вопрос, насколько правомерно называть Пенежскую и Важскую грамоты 1552 г. (а может быть и другие подобные им) — по образцу земских грамот 1555 г., выданных во исполнение царского «уложения» об отмене кормлений, — «уставными» (в смысле изложения ими какого-то общего царского уложения о земском самоуправлении): этот термин в них отсутствует, и в тексте указывается лишь, что «излюбленные старосты» должны «во всяких земских делах управу чинить по Судебнику», но ведь и сами грамоты 1555 г. так себя не называют, а лишь предписывают земским властям «ведать всеми царскими и земскими делами» по нашему (царскому) уложению, по Судебнику и по уставной грамоте», имея в виду под этой «уставной грамотой» отнюдь не самих себя, а какой-то третий общезаконодательный памятник (типа уложения или судебника), которым, всего вероятнее, и была та знаменитая «уставная грамота, которой в казне быти», что была «подписана» под Судебник 1550 г. и утверждена Стоглавом. Но именно Мало-Пенежская и Важская земские грамоты 1552 г. и представляют собой наиболее полное ее воспроизведение, хотя и облеченное в форму своеобразной «жалованной оброчной грамоты», как поименована Важская земская грамота 1552 г. при ее подтверждении в 1556 г. Другое дело, что как сам факт необходимости этого подтверждения, да еще во время повсеместного введения земских учреждений, так и восстановление в 1553 г. волостей на Малой Пенежке ясно говорят о том, что московское правительство рассматривало

³³ ААЭ, т. I, № 250. — К сожалению, в настоящем небольшом очерке — в силу сложности и запутанности вопроса о проведении земской реформы в самом Двинском уезде (включая Большую Пенежку) — пока мы вынуждены ограничиться указанными общими замечаниями; отослав читателя к специальной нашей статье на эту тему, которая в ближайшее время должна также появиться в печати. Отметим лишь, что в таком выводу мы пришли на основании сличения сообщений о земской реформе Двинского летописца со сведениями о сборе наместничьих кормов и деятельности земских волостей, которые можно извлечь из двинских актов 50-х годов XVI в. Что же касается того, что в дошедшей до нас части Боярской книги 1556 г. данные о двинских кормлениях (как, кстати, и о важских) вообще отсутствуют, то это происходит или от того, что в ней нет первых десяти статей (с окладами от 60 до 100 рублей), — а именно среди них должны были числиться лица, пользовавшиеся такими богатыми кормлениями, — или они были записаны в другой Боярской книге, составленной по иным «спискам на кормное порстание»: ведь данная книга вряд ли, даже в полном виде, включала всех кормленщиков. Косвенным указанием на последнее может служить сохранившаяся в нашей книге рабочая помета, что вычеркнутый из нее И. Д. Кикин числится «у Путиля», т. е. у дьяка Путиля Нечаева, который в 1556 г. как раз и осуществлял проведение земской реформы на двинских и важских землях, — его подпись стоит, например, и на двинской земской грамоте 1556 г. (Н. Е. Носов. Боярская книга 1556 г. ..., стр. 224—225).

их выдачу пока еще как временную («срочную») меру, а не как постоянную реформу.

Но продолжим наш обзор.

Весьма важные сведения о земской реформе сообщает Боярская книга и для Устьянских волостей, непосредственно граничащих с юга с Важским уездом.

Григорий Левонтьев сын Онисимов «съехал с Устьи реки на вербное воскресенье 62, держал год»,³⁴ т. е. был устьянским волостелем с марта 1553 г. по 18 марта 1554 г.

Семен Васильев сын Неплюев «поехал был на Устьи реку на вербное воскресенье 63, и Устьи река с Покрова отдана в откуп»,³⁵ т. е. был устьянским волостелем с 7 апреля по 1 октября 1555 г., когда Устьи-река отдана в откуп.

Князь Федор Михайлов сын Борятинский «съехал с Усьи и с Заечьи реки на Веден... лета 7064 держал через год... ва до Веденьева дни. А дано бы... на 2 году и дано в откуп».³⁶ Текст из-за дефектности не вполне понятен, ясно лишь одно, что Ф. М. Борятинский съехал с устьянского волостельства 21 ноября 1555 г. досрочно, в связи с передачей кормления на откуп.

Как известно, по верхнему течению р. Ваги и по ее притокам — слева Воли и Пежме, справа Устьи (Усье) с Кокшенгой, Чадромой, Соденгой, Волюей и Мехренгой — находился особый округ, носивший в XVI в. название Устьянская земля. Западная его часть, состоявшая из ряда волостей, расположенных в низовьях рр. Устьи (ниже Соденги) и Кокшенги (на запад от ее правого притока — Заячьей реки), составляла два волостельства, списываемых в середине XVI в. в одно кормление (после земской реформы 1555—1556 гг. это списание стало уже постоянным); восточная же часть Устьянской земли (в верховьях Устьи и Заячьей реки), также состоявшая из ряда волостей, образовала Введенский стан, тянувшийся сперва к Великому Устюгу, а с начала XVI в. имевший или своих волостелей, или списываемый в одно кормление с другими устьянскими волостями. Эти устьянские кормления и упоминаются в Боярской книге под именем кормлений на р. Устьи и на Устьи и Заячьей реке.

Чтобы составить себе более ясное впечатление об этих кормлениях, укажем, что первое из них, которое, пожалуй, можно обозначить как собственно устьянское волостельство, состояло из пяти черных волостей и в свою очередь как бы делилось на две половины — северную и южную. Первая половина состояла из двух волостей: Устьи, или Усецкой волости, видимо находившейся в низовьях р. Устьи (говорим видимо, так как установить ее точное местонахождение по источникам и XVI и XVII вв. нам

³⁴ Боярская книга, л. 161.

³⁵ Там же, л. 123 об.

³⁶ Там же, л. 1.

не удалось); Чадромы, или Чедермской волости, расположенной по р. Устьи от устья Соденги, по устью Кокшенги, по р. Чадроме — левому притоку Устьи, и по р. Кокшенге. Вторая половина состояла из трех волостей: Чушевицкой волости, расположенной в верхнем течении Ваги и по ее правому притоку — Ковде; Пежемской волости, расположенной по рр. Пежме и Вели, левым притокам Ваги, и притокам Вели — Подюге, Шеноше, Елюге; и, наконец, Ростовской или Заячерецкой волости, расположенной по р. Заячьей — правому притоку Кокшенги.³⁷ В начале XVII в. в указанных пяти волостях было около 800 дворов. Центром объединенного волостельства была, видимо, Чадромская волость, где, по письму 1635 г., показан «двор волостелин» «пуст».³⁸ Введенский стан (название — от Введенского прихода, расположенного при впадении р. Верюги в Устьи) был меньше, хотя тоже состоял (во всяком случае уже к началу XVII в.) из четырех или пяти волостей: Шенгалы, по р. Устьи между устьями ее притоков, левого — Соденги и правого — Волюги; Волюской, по р. Волюге — правому притоку р. Устьи; Введенской, расположенной по р. Устьи выше Волюской волости и давшей название всему стану; Дмитровской, находящейся выше Введенской волости по р. Мехренге — левому притоку Устьи; возможно, сюда тянула также и волость Соденга (в XVII в., правда, перешедшая в состав устьянских волостей), расположенная по р. Соденге, т. е. на рубеже между западными Устьянскими волостями и Введенским станом. Общее число дворов в указанных четырех волостях было в начале XVII в. около 500 (а включая Соденгу, около 700).³⁹ Центром Введенского стана была волость Шенгала, где находился волостелин стан.⁴⁰

³⁷ ААЭ, т. I, № 243; Богословский, т. I, стр. 287—289, Приложение, стр. 58—59. — М. М. Богословский отмечает, что в XVII в. к числу этих волостей относится и волость Соденга, расположенная по левому притоку Устьи — р. Соденге. Но в XVI в. она, видимо, тянула к Введенскому стану. Вообще наглядное представление об устьянских волостях дает составленная М. М. Богословским карта Поморского края XVII в., помещенная им в качестве приложения к своему исследованию. Это почти единственная историческая карта русского Севера, по которой можно установить месторасположение станов и волостей XVI—XVII вв.

³⁸ Богословский, т. I, стр. 59.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Так, в одной из мировых записей устьянских крестьян 1537 г. указывается, что им был суд и они «доложа меж собою волостеля Федора Федоровича на стану в Шангале меж собою помирились в земельном деле». Что это был постоянный административный центр именованного Введенского стана, ясно видно из актового материала начала XVII в. Так, одна из дошедших до нас обычных грамот 1631 г. прямо указывает, что «лета 7142 декабря в 31 день Устьянские волости Введенского стану земские судейки Павлик Исаев да Пятунка Иванов с товарищи приехали в Шангалу на стан и присроча (т. е. созвав к назначенному сроку, — М. Б.) крестьян в трапезу и государеву грамоту обыскную во весь мир вывести велели и спрошали крестьян». Встречаем и такие указания, как например от 1636 г. — «а мировым писал записи в Шангале на стану Введенского

В 1539 г. по челобитью «засечерчан, немич и чушевицъ» (старост и крестьян «тех волостей»), им была выдана Иваном IV «царская устная грамота от волостей», из которой мы узнаем, что они имели ранее такую же грамоту Василия III, по совместную — выданную указанным трем волостям «вместе с Устьинским Введенского стану да с Чадермицы и Устьин», по «той грамоте царская была с них (у них, — Н. П.) волостель наш Фандрин Воронов, да той деи у них грамоту истерил». Настоящая же грамота касалась только Засечерской, Пензенской и Чушевицкой волостей, выделенных теперь в особые кормления. А отсюда следует, что списанные с ними ранее в одно кормление Введенский стан и Чадеромская (Чадромская) волость тоже получали теперь отдельные уставные грамоты от волостей и стали самостоятельными кормлениями округами; в Чадроме еще в XVII в. упоминается пустой волостелин двор.⁴¹

Согласно грамоте, в Засечерской, Пензенской и Чушевицкой волостях на 1539 г. было 119 деревень с 221 двором (по письму 30-х годов XVII в. — 118 деревень с 350 дворами).⁴² В волостях было три стана (по одному на каждую волость), в которых соответственно «сидели» волостель, тиун и доводчик. Кормы собирались три раза в году (на рождество, пасху и петров день) и составляли в целом «1485 бел, а денгами 15 рублей без пяти алтын и без денга». Собирали же кормы «тех волостей старосты и крестьяне сами променя себя» да отдавали волостелю и его людям «ни стану».

Весьма показательны и подтверждения на грамоте. Первое — от 5 марта 1553 г. царя Ивана IV со специальным указанием, что «о суде у них наш волостель ходит по нашему по приговору и по новому судобинну», и специальным комментарием в свете этих постановлений ведения волостелями «судных дел» и участия в них старост и ценовалышников, а второе — от 22 февраля 1596 г. царя Федора без всяких попенений. Еще одно свидетельство того, что и после Земской реформы 1555—1556 гг. прежние уставные

стану судебной замены дьяком Довятно Демонтьеву; показательно, например, что в 1665 г. именно стан и Шангало был избран местом съезда представителей всех Устьинских волостей для строительства яма и сбора дачных людей (там же, стр. 29, 203, 238, 239).

⁴¹ ЦОИДР, 1907, т. I, отд. IV, Смесь, стр. 47—51 (публикации М. М. Богословского).

⁴² Следовательно, население указанных Устьинских волостей за 100 лет, с 30-х годов XVI в. до 30-х годов XVII в., выросло всего на 25—30%, причем не за счет новых поселений (деревень стало дано на одну семью), а в результате укрупнения селений (что обычно выливается главным образом естественным приростом населения, а не освоенном земельными поросельниками из других земель). А это говорит о стабильности населения при. Думается поэтому, что примерно такой же коэффициент роста населения надо применять и при использовании данных писцовых книг середины XVII в. для характеристики других, соседних с Устьинской землей волостей применительно к периоду земской реформы.

грамоты не утратили полностью своего значения, как акты, определяющие не только размер доходов кормленщиков, замененных теперь откупами (больше были доходы — больше откуп), но и те правовые нормы, которыми руководствовались земские власти, творившие теперь суд вместо кормленщиков. Иначе говоря, земская реформа сменила не столько сами судебно-административные порядки на местах, сколько должностных лиц, их осуществлявших. В этом главное. И как раз на это указывают сами земские грамоты.

От 1555 г. сохранились две земские грамоты Ивана IV, выданные пяти западным Устьинским волостям (Усецкой, Чадермской, Чушевицкой, Пензенской и Ростовской): первая — от 23 мая — об отмене кормлений и выборе земских старост к 1 октября (на покров) 1555 г., а вторая — от 15 октября — утверждающая результаты произведенных выборов и содержащая устав деятельности новых земских властей.

Эти грамоты имеют первостепенное значение уже по одному тому, что грамота от 23 мая — наиболее ранняя из всех пока известных нам земских уставных грамот, рассылаемых на места во исполнение царского «уложения» об отмене кормлений и констатирующая факт его повсеместного проведения. «Что наше жалованье города и волости в кормленьях за наместники и за волостели, — сообщает в грамоте устьинским крестьянам, — и нам о всем челобитья и доука беспрестанная, что наши наместники и волостели и их пошляные люди сверх нашего жалованья указу (sic) чинят вам продажи и убытки великие; а наместники и волостели нам бьют челом, что им многие люди под суд и на поруки не даются, и кормов им не платит, и в том меж вами поклены и тяжбы живут великие. И мы вас жалуючи для тех ваших продаж и убытков, все кормленья города и волости за наместники и за волостелины доходы, и за их пошляных людей поборы велели все пооброчить деньгами. А наместником и волостелем вперед у вас не быти, чтоб вам от наших наместников и от волостей и от их пошляных людей продаж и убытков не было. А нам бы в том от вас на наместников и от наместников на вас челобитья и доуки не было. И велели есмь во всех городех и в волостех учинити старост изблюбленных, кому меж вами управа чинится и волостелины доходы собирать, и к нам на срок возити, которых вы старосты и сотские, и богоули, и десятские, и все крестьяне изблюбите и выберете всюю землею, от которых бы вам продажи и убытков не было».⁴³ Во исполнение этого общего царского «уложе-

⁴³ Богословский, т. I, стр. 288 (курсив наш, — Н. П.). — Такое объяснение причин земской реформы почти дословно повторяется и всеми другими дошедшими до нас земскими уставными грамотами 1555 г. Это уже само по себе не оставляет сомнений в том, что оно взято из какого-то единого документа, каким, видимо, и было «царское уложение о кормленьях», полное название которого сохранила нам летопись, поместив его 7004 годом.

ния» о кормлениях грамота и предписывала устьянским крестьянам произвести выборы «излюбленных старост» и 1 октября (на покров) 1555 г. (7064 г.) прислать их вместе с «излюбленным списком» в Москву к дьяку Угриму Львову. В Москве они, как представители волостей, должны были быть «за волостелины доходы и за присуд» «пооброчены деньгами», приведены к крестному целованию, и лишь тогда, как указывает грамота, им будут даны официальные документы, определяющие их права и обязанности, — «наказы тому, как им меж вами (волостными крестьянами, — *Н. Н.*) управа чинити» и «установная и оброчная грамота». Но тут же была сделана оговорка: «доколе тех старост выберете и к нам их пришлете и доколе мы их с наказами и с грамотою установною и оброчною с Москвы отпустим, и вы б до тех мест нашим волостелем и их тиуном на поруки и под суд давались и доходы их платили им без ослушанья по указу».⁴⁴ Именно поэтому, в точном соответствии с данным предписанием, С. В. Неплюев, как мы видели по сведениям Боярской книги, в сидел в Устьянских волостях до 1 октября 1555 г., да и сама волость считалась отданной «в откуп» только с этого срока (кстати, это еще одно свидетельство исключительной точности данных Боярской книги о кормлениях). Во всяком случае, все это полностью подтверждает вторая Устьянская грамота от 15 октября 1555 г., представляющая собой как раз ту «установную и оброчную грамоту», которая была выдана устьянским новым «излюбленным старостам» после их прибытия к 1 октября в Москву и приведения к крестному целованию. Грамота прямо указывает, «что мы (т. е. Иван IV, — *Н. Н.*) тех их излюбленных судей (грамота индифферентно пользуется терминами «излюбленные старосты» — «излюбленные судьи», — *Н. Н.*) велели и к целованию привести, что им Усьи и Заечьи реки волостных людей судити и управы чинити по Судебнику и по установной грамоте, как есмь уложили о суде во всей земле». Далее в грамоте и дается изложение этой уже земской, а не наместничьей «установной грамоты», составленной на основе, видимо, единого для всех земель образца. Что касается «оброка» («за волостелины доходы и за присуд и за всех волостелиных пошлинных людей пошлины, опричь мыта сухого», т. е. дорожных, но не речных пошлин), то он со всех волостных людей, «которые судом и кормом даны были Усьи и Заечьи реки волостелем», был «положен на год» в размере 318 рублей и четыре алтына с деньгой. Вноситься же оброк должен был излюб-

⁴⁴ Кончается грамота (как отмечается в дошедшей до нас ее копии) пометой, что она «писана» в Москве лета 7064 [1556 г.] мая в 23 д., «а назади у государевы грамоты припись дьяка Угрима Львова». Но это, как отмечал еще М. Богословский, явная опешка — следует читать «лета 7063», так как сама же грамота предписывает произвести выборы к 1 октября 1555 г., что и подтверждено второй устьянской грамотой от 15 октября 1555 г.

ленными старостами на Москве (у дьяка Угрима Львова) один раз в год — на сретенье. В текущем же 1555/56 г. он должен был быть внесен на сретенье в половинном размере (159 рублей и два алтына с деньгой), «потому что на них тот оброк положен с покрова святой богородицы лета 7064 (1 октября 1555 г.)».⁴⁵

Таким образом, приведенные данные Боярской книги об устьянских кормлениях не только полностью подтверждаются земскими уставными грамотами, но и наглядно раскрывают перед нами начало проведения земского «уложения» 1555 г. в Двинском крае. Неясно лишь одно: почему, по Боярской книге, князь Ф. М. Боротинский съехал «с Устьи и с Заечьей реки» не 1 октября (на покров), когда, согласно названным земским грамотам и данным самой же Боярской книги о кормлениях просто «с Устьи реки», устьянские волости были переданы на откуп, а 21 ноября (на введенье день) 1555 г.? Объяснить это можно лишь одним: под кормлением «с Устьи реки», на котором «сидели» Г. Л. Опикеев (с марта 1553 г. до 18 марта 1554 г.) и С. В. Неплюев (с 7 апреля до передачи на откуп 1 октября 1555 г.), имелись в виду фигурирующие в земских грамотах западные устьянские волости — Усецкая, Чадрома, Чушевицкая, Пежемская и Ростовская, а под кормлением «с Устьи и с Заечьи реки», на котором до 21 ноября 1555 г. «сидел» князь Ф. М. Боротинский, — Введенский стан,⁴⁶ который, как и устюжская Утмановская волость, был передан на откуп не с покрова, а с введеньева дня 1555 г.

О последнем в Боярской книге прямо указывается, что Семен Григорьев сын Шепенков «наехал был на Утманово на никольин день вешней 63, держал до веденьева дни 64, а с того сроку Утманово дано в откуп»,⁴⁷ т. е. был волостелем в Утмановской волости Устюжского уезда с 9 мая до 21 ноября 1555 г. (всего шесть с половиной месяцев).

Утмановская волость была расположена на юго-восток от Великого Устюга по р. Югу и его правому притоку Шелге и р. Ентали. В XVII в. волость распалась на две части (или, как тогда говорили, на два конца); северная ее часть, по рр. Югу и Шелге, отошла к Сольвычегодскому уезду, а ее южная, большая часть, по рр. Югу и Ентали, осталась в Устюжском уезде (вообще надо отметить, что граница между этими двумя уездами не только в XVI, но и в XVII в. была очень неустойчива и часто передвигалась то в одну, то в другую сторону). По данным начала

⁴⁵ ААЭ, т. I, № 243.

⁴⁶ Обозначение, казалось бы, неточное, поскольку, как видно по земским грамотам, Ростовская (Залчерецкая) волость не входила в Введенский стан, по географически допустимое, так как именно Залчья река как бы делила Устьянский край на две части и поэтому ее название применено для наименования каждой из этих частей и даже всего края в целом.

⁴⁷ Боярская книга, л. 43.

XVII в., в обеих частях Устмановской волости было 64 деревни со 167 дворами. Волость была черная.⁴⁸

Важные данные, дающие возможность и уточнить, и расширить наши представления о проведении земской реформы на Севере, сохранила Боярская книга и по другим станам и волостям Устюжского уезда — Пушно и Осиновцу, Лузе и даже по вычегодско-вымским волостям (станам) Ухты и Карач-Шолги. Данные эти следующие: Богдан Дмитриев сын Карташов «съехал с Пушны и с Осиновца на оспожцын день 64, держал год»,⁴⁹ т. е. был на кормлении в Пушно и Осиновце, якобы, с августа 1555 г. по 15 августа 1556 г. Но это явная ошибка в дате и следует читать не «64», а, по-видимому, «63», почему и датировать время пребывания Б. Д. Карташева на кормлении с августа 1554 г. по 15 августа 1555 г. Полагаем так потому, что вслед за приведенным текстом в самой же Боярской книге указывается: «а 64 дано ему (Карташеву, — Н. Н.) на подмогу для Казанские службы 10 рублей»; и далее — «в Серпухове смотр ему не был, годует в Казани, а лета 7064 в Новгороде в Нижнем Богдан поместья сказал на 250 четьи» и т. д. Серпуховский же смотр был в июне 1556 г., и поскольку он на нем не был из-за «годованья» в Казани (почему он и был на Нижегородском смотре этого же лета), то, следовательно, не мог он быть в это же время и на кормлении в Пушно и Осиновце.

Что же касается самого этого устюжского кормления, то волости Пушна и Осиновец были расположены по р. Югу и ее притоку Пушно и непосредственно соприкасались с указанной выше Утмановской волостью, а также волостью Шолга. К XVII в. эти черные волости распались, видимо, на ряд более мелких, среди них волости Верхошумская и Подосиновская (расположенные по рр. Югу и Пушно с притоками).⁵⁰ Возможно, что сюда следует причислять и волость Яхренгу (расположенную на р. Юге выше устья Пушны). Размер волостей Пушна и Осиновец в XVI в. неясен, но похоже, что они занимали довольно значительную территорию.

Пушна и Осиновец списывались в одно кормление и раньше. Например, до нас дошла жалованная грамота Ивана III, выданная Ивану Андрееву сыну Племянникову, о пожаловании его воло-

⁴⁸ Богословский, т. I, стр. 22, 43, 106, 219, 277, 279, Приложение, стр. 46, 53. — Любопытно, что, как отмечает М. Богословский, дальнейшее дробление Утмановской волости на концах продолжалось и в XVII в. Такие же явления, как известно, имели место и в отношении других северных волостей (там же, стр. 42—45). Это был, видимо, общий процесс для XVI—XVII вв., характерный не только для северных районов страны.

⁴⁹ Боярская книга, л. 70.

⁵⁰ Богословский, т. I, стр. 298, Приложение, стр. 52, 53; АСЭИ, т. III, стр. 503—504.

стью в устюжских волостях Пушно и Осиновце «с правдой и с пятном».⁵¹

Василий Александров сын Белого «съехал с Лузы... лета 7000... держал...».⁵² Текст дефектен. Ясно лишь, что В. А. Белого держал в кормлении Лузские волости (видимо, в конце 40-х — начале 50-х годов).

На Лузе, правом притоке р. Юга, был расположен целый ряд крупных черных волостей и станов, охватывающих почти всю юго-восточную часть Устюжской земли, позднее, по данным XVII в., тянувших к Сольвычегодскому уезду (правда, надо иметь в виду, что даже в XVII в. в районе слияния рр. Сухоны, Юга и особенно Лузы между территориями, входившими в состав этих обоих смежных уездов в прошлом единой Устюжской земли, сохранялась явная чересполосица). В состав Лузских волостей, как можно судить по переписным книгам XVII в., входили: волость или стан Ратмеровский, по р. Лузе и ее притокам — Чигре и Пырзе; волость Антропьева слобода, по р. Лузе и ее правому притоку — р. Лале; волость Лальская, по р. Лале; волость Учецкая, по р. Учко — левому притоку Лузы; волость или стан Андреевский, по р. Лузе; и, наконец, волость Лузская Пермца в верховьях р. Лузы.⁵³

Эти земли в XVI в. и составляли, видимо, единую большую Лузскую волость (по данным начала XVII в., в них было около 670 деревень с 1780 дворами),⁵⁴ иначе говоря — Лузское кормление, на котором и сидел в качестве волостеля В. А. Белого. Кормление в XVI в. было, видимо, очень крупное, так как В. А. Белого значится в Боярской книге в 11-й статье с окладом в 50 рублей.

Кормление было и весьма старое, так как еще от 1425 г. сохранилась грамота Василия III о пожаловании Ивана Григорьевича Расла (прозвище Ивати) Протасьева и его сына Колона «волостью Лузой за их к нам (великому князю, — Н. Н.) выезд в кормление» (за выезд обычно жаловались лишь наиболее доходные и выгодные кормления).⁵⁵ Видимо, Луза и в дальнейшем была как бы закреплена за потомками И. Г. Расла Протасьева (во всяком случае они могли претендовать на получение в кормление именно ее), так как и 16 мая 1555 г. ею был пожалован «в кормление» Петр Протасьевич Протасьев «со всем том, как было за отцом его» — Протасьем Акинфоновичем Протасьевым, управлявшим волостью Лузой до этого.⁵⁶

⁵¹ АСЭИ, т. III, № 287.

⁵² Боярская книга, л. 125.

⁵³ Богословский, т. I, Приложение, стр. 45—47.

⁵⁴ Там же, стр. 46—47.

⁵⁵ Акты Юшкова, № 5.

⁵⁶ Там же, № 177.

Последний факт показывает, что Луза была передана на откуп далеко не сразу после 16 мая 1555 г.; всего вероятнее, что это произошло примерно в те же сроки, когда и передача на откуп других устюжских и вычегодских волостей, а именно осенью 1555 г., может быть даже в начале 1556 г.⁵⁷ Во всяком случае, мы не можем допустить, что, выдавая грамоту П. П. Протасьеву, правительство одновременно направило в Лузу грамоту об отмене там кормлений в ближайшие полгода, — скажем, с 1 октября, как это имело место с Устьянскими волостями. Допущение же, что «уложение» с кормления могло быть принято между 15 и 25 мая 1555 г., исключается уже по одному тому, что по той же Боярской книге известно о факте передачи на откуп костромских волостей Куси и Немды еще с благовещенья (25 марта) 1555 г. (следовательно, «уложение» было раньше).⁵⁸ Остается одно — предполагать, что передавая Лузу П. П. Протасьеву, правительство исходило из мысли, что передача тех или иных двинских и устюжских кормлений на откуп — процесс длительный и может затянуться по крайней мере на год.

Соседним с Лузой было кормление на Виледи. В Боярской книге читаем: Андрей Елманов сын Огарев «съехал с Виляди на происхождение честного креста 63, держал 2 году»,⁵⁹ т. е. находился на волостельстве в Виледи с осени (августа) 1553 г. по 1 августа 1555 г. И далее: Тулун Левонтьев сын Лаптев — «дана была ему Вилядь ждати, и он не наезживал, а Вилядь в откупу; 64 год дано ему на подмогу для Казанской службы 10 рублей». ⁶⁰ Виледь была передана на откуп примерно в то же время, как и другие устюжские и вычегодские волости, — осенью 1555 г., так как уже за «64 год» Г. Л. Лаптев вместо кормления получил денежную подмогу для казанской службы.

Вилегодская волость была расположена по реке Виледи — левому притоку Вычегды. В начале XVII в. Вилегодская волость распадалась на шесть приходов: Покровский, Никольский, Пречистенский, Ильинский, Снаский и Селянский (Вилегодская

⁵⁷ О самом факте, что в Лузе кормления были Иваном IV все же отменены, свидетельствуют данные о существовании земской уставной грамоты, выданной царем отписной сошкой Луцкой Пермца, изложение которой (но без упоминания даты) мы находим в ее земской уставной грамоте от 3 октября 1615 г. (ЧОИДР, 1907, кн. 1, отд. IV, Смесь, стр. 40—47). Правда, судя по этой грамоте, Лузская Пермца во время проведения земской реформы не подчинялась лузским волостелям, а непосредственно тянула (была приписана судом и управой) к устюжским наместникам и сольвычегодским приказным людям. Возможно, что наместник Великого Устюга посылал в нее своего особого тиуна, так как волость была довольно большой и богатой (по данным начала XVII в., приводимым М. М. Богословским, в ней было 164 деревни и около 450 дворов).

⁵⁸ Боярская книга, лл. 17, 62.

⁵⁹ Там же, л. 90.

⁶⁰ Там же, л. 115.

Пермца). Центром волости был Никольский приход, где находился стан волостеля.⁶¹ В начале XVII в. Вилегодская волость насчитывала более 490 дворов.

Князь Иван Иванович сын Володимиров Засекин «съехал с Ухты и с Карач-Шолги на покров святой богородицы 62, держал 2 году»,⁶² т. е. был волостелем на Ухте и Карач-Шолге с осени (октября) 1551 г. по 1 октября 1553 г.

Иван Андреев сын Кикина «съехал с Ухты и с Карач-Шолги на николлин день осенней 64, держал от вербного воскресенья 63, дана в откуп»,⁶³ т. е. был волостелем на Ухте и Карач-Шолге с 7 апреля 1555 г. по 6 декабря 1555 г.

Где точно расположено указанное кормление — сказать трудно. Ухта — приток р. Ижмы, находилась в среднем течении Вычегды, по ней проходил водный путь из Ижмы на Вымь, видимо, и расположенные на ней волости или волостки носили одно и то же название. Но где была Карач-Шолга — неясно, а отождествление названия Шолги с окрестностями р. Шолги, притока Юга, — волостью Шолга (просто Шолга!)⁶⁴ — невозможно, поскольку последняя находилась южнее Великого Устюга и была отдалена от Ухты не на одну сотню километров. Видимо, Карач-Шолгой именовалась какая-то иная местность или волость в районе р. Ижмы и верховий р. Выми (поэтому она, в отличие от устюжской Шолги, и значилась в «списках на кормленое верстанье» как Карач-Шолга). Очень поздние, по сравнению с другими устюжскими землями, сроки передачи Ухты и Карач-Шолги на откуп (только в декабре 1555 г.) также свидетельствуют о ее нахождения в ином, более отдаленном районе.

Что касается самого Великого Устюга (главного административного и экономического центра южного Подвинья), то в Боярской книге есть лишь запись, что Андрей Третьяков сын Тишкова «съехал с устюжского тиунства на середохрестье 63, держал 2 году»,⁶⁵ т. е. был великокняжеским тиуном в Великом Устюге с весны (марта) 1553 г. по 27 марта 1555 г. (следовательно, в марте город еще не был в откупу).

Более интересные данные сообщает Боярская книга о втором по значению центре этого огромного края — городе Тотьме, уезд

⁶¹ В актовом материале начала XVII в. прямо отмечается, что «на Виляди на стану у Никола» происходил, в частности, земский суд (Богословский, т. I, стр. 268).

⁶² Боярская книга, л. 39.

⁶³ Там же, л. 156.

⁶⁴ Устюжская волость Шолга была расположена по р. Шолге в устье Лузы и Юга. При Иване III волость Шолга и соседняя с ней волость Орлова выделялись в отдельное кормление (и называлось оно именно этим двойным названием). До нас дошла даже грамота Ивана III, выданная Ивану Андрееву сыну Племинникову на волостельство (с судом и пятном) в этих двух устюжских волостях (АСЭИ, т. III, № 286).

⁶⁵ Боярская книга, л. 36.

которого находился на западном стыке Устюжской, Важской и Устьянской земель (через Тотму проходил и основной торговый путь из Замосковского края в Подвижье). Мы узнаем, что Яков Губин сын Моклокова «наехал был на Тотму на рождество Ивана Предтечи 63, держал до Покрова 64 и с того срока Тотма отдана в откуп»,⁶⁶ т. е. был наместником в Тотме с 24 июня 1555 г. по 1 октября 1555 г. (всего три месяца), и именно с этого срока Тотма передавалась на откуп. Это известие очень важно, так как до сих пор точная дата проведения земской реформы в Тотме была неизвестна.

Хуже обстоит дело с тотемскими волостями, поскольку в Боярской книге есть лишь запись о том, что Меньшик Григорьев сын Пеленелицын «съехал с Толшмы и Стрелицы на среденьев день 59, держал 2 году»,⁶⁷ т. е. был волостелем в этих волостях с весны 1549 г. по 2 февраля 1551 г.

Обе эти тотемские волости были расположены по р. Сухоне: первая по ее правому притоку — р. Толшме, а вторая по левым — рр. Стрелице и Родче. Это были большие черные волости. По письму начала XVII в. в Толшме насчитывалось 339 дворов, а в Стрелице — 176.⁶⁸

Так как Боярская книга не сообщает, когда эти волости были переданы на откуп, то можно лишь предполагать, что это произошло одновременно с передачей на откуп самой Тотмы, т. е. с октября 1555 г.

Какие же общие выводы можно сделать из рассмотренных нами материалов о проведении земской реформы на Севере?

Во-первых (и это главное), земская реформа в 1555—1556 гг. была реализована в основных районах русского Севера, начиная от Заонежья, Тотемской, Устюжской, Соль-Вычегодской и Вымской земель и кончая всем Подвишьем, включая Устьянские волости, Вагу, Пенегу и Двинский уезд. Иначе говоря, наш материал полностью подтверждает данные местных летописцев: Вычегодско-Вымской летописи под 7063 г. об издании как раз в этом году царского приговора об отмене кормлений (что засвидетельствовано Устьянской грамотой от 25 мая 1555 г.), а именно, что Иван IV повелел «на Перми Вычегодские волостелем не быти, а волостелиным доходы пооброчить деньгами. А в волостех учините судеек, целовальников, сотеников, пятидесятих и десятских по излюбгу и им управа чинити и волостные доходы взимати. Волостелины тиуном и доводчиком и приставом не быти ж, потому их судят свои судейки излюбленные по уставной грамоте по царевой»;⁶⁹ Великоустюжской летописи о его реализации —

⁶⁶ Там же, л. 37.

⁶⁷ Там же, л. 114.

⁶⁸ Богословский, т. I, стр. 25, 30, 42, Приложение, стр. 56—57.

⁶⁹ Историко-филологический сборник Коми филиала Академии наук СССР, вып. IV, Сыктывкар, 1958, стр. 265—268. (курсив наш, — Н. Н.).

«с покрова учали судити по городом и по станом земские судьи»;⁷⁰ и, наконец, Двинской летописи о деятельности на Двине, после съезда с нее в 7065 г. (с сентября 1556 г.) наместника кн. С. И. Миккулинского, «холмогорских выборных голов» и «двинских выборных судей», которые «судили на Холмогорах в Верхней и Нижней половине до воеводского приезде» (до 7092 г.).⁷¹

Во-вторых, сама отмена кормлений и введение земских учреждений на Севере, как и в центре, были осуществлены в два этапа. Сперва, с 1551 г. (а возможно, и с 1550 г.),⁷² правительство вводит практику передачи отдельных наиболее доходных кормлений, — по, как бы сказать, персональным ходатайствам их жителей, — на откуп. Судя по малопежемским волостям, эта практика носила еще «срочный» (временный) характер и, возможно, весной 1553 г. была даже частично приостановлена. Это был опыт, видимо, удачный, но имеющий далеко идущие последствия и поэтому вызывавший острую политическую борьбу. Но уже весной 1555 г. (до 25 марта)⁷³ был принят новый царский «приговор» или «уложение» (как его называют земские грамоты) об отмене кормлений по всей земле (и А. А. Зимин ошибается, отрицая его существование), во исполнение которого и начинается

⁷⁰ Устюжский летописный свод. М.—Л., 1950, стр. 109. Правда, этот текст записан под 7065 г., но, видимо, ошибочно — следует читать: в лето 7064 «с покрова» (ср. у нас, стр. 147—149).

⁷¹ РО БАН, 1.4.12, лл. 7; д. 572, л. 4; 45.13.17, л. 11 об.; ДРВ, изд. 2, ч. XVIII, стр. 14; ср. стр. 11. — Датировать съезд с двинского наместничества кн. С. И. Миккулинского нужно именно так (в последнем из указанных списков Двинской летописи его «съезд» к Москве ошибочно датируется 7062 г.), поскольку 18 августа 1556 г. он был еще на Двине (Сб. ГИЭ, т. I, Пгр., 1922, № 150), а в сентябре Нижняя половина Двинской земли, согласно полученной ею земской грамоты, была уже окончательно переведена на откуп (ААЭ, т. I, № 250).

⁷² Не связано ли это было с какими-то общими постановлениями (или рекомендациями) о кормлениях, принятыми правительством во время составления Судебника 1550 г. и заседаний Стоглавого собора в январе—феврале 1551 г.? Ведь не случайно царь упоминает в своей речи на Соборе — и именно в непосредственной связи с вопросом о кормлениях и «прежних винах» бояр — о каких-то уставных грамотах, касающихся устройства «по всей земле» старост, целовальников, сотских и пятидесятих, а также говорит о каких-то «уставных грамотах» «у детей боярских», которые он под новый Судебник подписал и которые, после их утверждения Собором, следует хранить в казне (Стоглав. Изд. Д. Е. Кожанчикова. СПб., 1863, стр. 38—39). И трудно не связать с этим то, что как раз 28 февраля 1551 г. датирована оброчная грамота Плесской волости Владимирского уезда, сообщающая о первом пока известном нам случае передачи волости на оброк «за наместничю и тиуновы кормы... и за присуд», а также разрешающая ее крестьянам выбрать себе старост и целовальников, которые «меж собл... им управу чинят» (С. А. Шумарков. Губные и земские грамоты Московского государства, стр. 108—110).

⁷³ 25 марта (благочестие) 1555 г. — время передачи на откуп костромских волостей Куся и Немды. Это самое раннее известие о передаче на откуп, содержащееся в Боярской книге 1556 г. (Боярская книга, лл. 62, 17).

массовая рассылка по северным городам и волостям специальных грамот о производстве выборов новых земских властей, фиксирующих «вперед» конкретные сроки передачи этих кормлений на откуп (образцом таких грамот и является Устьянская грамота от 25 мая 1555 г.). Сама же передача северных кормлений на откуп происходит, согласно этим срокам, как правило, осенью 1555 г.: в Заонежье, видимо, с 1 сентября, в Тотьме и Устьянских волостях с 15 октября, в Утманове и Введенском стане с 21 ноября, на Ухте и Карач-Шолге с 6 декабря. Окончательная же передача на откуп самого Двинского уезда завершилась позднее — лишь в сентябре 1556 г. Эти сроки являются для нас как бы вехами, которые дают, в соотношении с другими источниками, достаточно ясное представление о ходе и темпах реализации здесь земской реформы. И как бы ни были полны наши сведения, ясно одно — указанные сроки были общими для определенных групп северных кормлений и устанавливались они правительством главным образом по территориальному признаку. А это еще одно существенное доказательство в пользу того, что земская реформа 1555—1556 гг. проводилась сугубо в централизованном порядке и представляла собой не серию отдельных разрозненных правительством мероприятий по отмене кормлений в различных городах и волостях, а единый законодательный акт, принятый в начале 1555 г. и реализованный на Севере по заранее установленному плану и применительно к столь отдаленным от Москвы районам в сравнительно сжатые сроки (ведь за какие-нибудь пять-шесть месяцев население должно было выбрать «излюбленных старост» послать их в Москву на утверждение и только после этого установить у себя новые земские порядки, а на поездку из тех же устьянских волостей в Москву и назад нужно было не менее двух-трех месяцев).

Таковы некоторые общие выводы, которые позволяет сделать Боярская книга 1556 г. о ходе проведения земской реформы 1555—1556 гг. на русском Севере; что же касается ее существа, то это уже предмет специального исследования, требующий много материала для его изучения.

Р. Г. СКРЫННИКОВ

ОПРИЧНЫЙ РАЗГРОМ НОВГОРОДА

Разгром Новгорода явился одним из самых трагических эпизодов в истории опричнины. По мнению известного исследователя опричнины А. А. Зимина, «ликвидация обособленности и экономического могущества Новгорода являлась необходимым условием завершения борьбы с политической раздробленностью страны», разгром Новгорода подвел финальную черту под длительной борьбой за объединение русских земель под властью московского правительства.¹ Подобное истолкование значения опричного разгрома Новгорода едва ли справедливо. В период ликвидации Новгородской республики в конце XV в. московское правительство экспроприировало всех местных феодалов — бояр, купцов и житейх людей, — а на их землях водворило московских дворян-помещиков. Ни в одной другой земле мероприятия, призванные гарантировать объединение, не проводились с такой последовательностью, как в Новгороде. Ко времени опричнины в Новгороде прочно утвердились московские порядки. Москва постоянно назначала и сменяла всю приказную и церковную администрацию Новгорода, распоряжалась всем фондом новгородских поместных земель и т. д. Влияние главы новгородской церкви и приказных людей на местное управление заметно усилилось после упразднения новгородского наместничества в начале 60-х годов. Местный приказной аппарат, целиком зависевший от центральной власти, был самой верной опорой монархии. То же самое можно сказать и относительно новгородской церкви. В годы опричнины новгородский архиепископ Пимен оказал много важных услуг царю и его приспешникам. За полтора года до разгрома он помог опричному правительству справиться с митрополитом Филиппом. Однако несмотря на безусловную

¹ А. А. Зимин. О политических предпосылках возникновения русского абсолютизма. В сб.: Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.), М., 1964, стр. 41, 45, 48.

лояльность новгородской администрации по отношению к опричнине, царь Иван и его сподвижники не очень доверяли новгородцам и недолюбливали Новгород, что объяснялось различными причинами.

По мере того как углублялся раскол между опричниной и земщиной, опричная дума с растущим беспокойством следила за настроениями новгородского дворянства. Земская «новгородская рать», насчитывавшая до 3 тысяч детей боярских, по численности в несколько раз превосходила дворянство любого другого уезда, включая Московский.² Политическое влияние новгородского дворянства было весьма значительным, ввиду чего при любом кризисе борющиеся за власть группировки пытались заручиться поддержкой новгородских помещиков. Удельный князь А. И. Старицкий пытался опереться на Новгород во время мятежа в 1537 г.³ Бояре Шуйские захватили власть в январе 1542 г., когда их поддерживали новгородцы «все городом».⁴ При Избранной раде в армии произошли серьезные беспорядки, вызванные отказом новгородских помещиков идти на Казань в 1552 г.⁵ Выступления фрондирующих дворян в Новгороде имели причиной отнюдь не пресловутый новгородский сепаратизм, а скорее высокую концентрацию местных интересов, усиление политического веса новгородских дворян и, с другой стороны, начавшееся дворянское оскудение. Введение опричных порядков в стране и насилия над земщиной усилили влияние дворянской фронды в Новгороде. На Земском соборе 1566 г. немало новгородцев поддерживали требование об отмене опричнины. Опричное правительство, проводя крайне непопулярный политический курс, пристально следило за настроениями новгородского ополчения, которое по численности вдвое превосходило силы опричного корпуса.

Одной из причин антиновгородских мероприятий опричнины было давнее торговое и культурное соперничество между Москвой и Новгородом. Но несравненно более важное значение имело обострение социальных противоречий в Новгородской земле, свя-

² Разрядная книга Полоцкого похода царя Иоанна Васильевича 1563 г. Витебская старина, т. IV, Витебск, 1885, стр. 33—38. — В списке «тысячи лучших слуг» 1550 г. попал 201 дворянин из Новгорода и только 43 дворянина из Москвы. На Земском соборе 1566 г. Новгород представлял 21 дворянина, а Москву — 16 дворян. (См.: И. И. Смирнов, Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века, М.—Л., 1958, стр. 418; А. А. Зимин, Опричнина Ивана Грозного, М., 1964, стр. 175).

³ ПСРЛ, т. XIII, стр. 97.

⁴ Там же, стр. 141, примеч. 2.

⁵ В лагере на Оке новгородцы подали челобитие, «нужи свои и недостатки сказав государю... многу же посягласию бывшу в людех». Царь долго увещивал новгородских помещиков и таким путем, замечает летописец, «по лицу чести своему величеству прикрацает многонародных глагов моляву» (ПСРЛ, т. XIII, стр. 101).

занное с экономическим упадком конца 60-х годов. В жизни некогда независимых феодальных республик Новгорода и Пскова социальные контрасты проявлялись в особенно резкой форме. Массовые выселения конца XV в. вовсе не затронули основной толщи местного посадского населения, «меньших людей», оставшихся живыми носителями демократических традиций новгородской старины. В этой среде сохранился изрядный запас антимосковских настроений, питаемых и поддерживаемых злоупотреблениями московской администрации. Неповиновение буйных «меньших людей» и бессилие московской администрации было источником постоянной тревоги для власти имущих. Выражением подобной тревоги служат следующие строки из «Сказания о граде», сохранившегося в составе новгородского владычного летописца 50—60-х годов XVI в.⁶ «А бояре в нем (Новгороде, — Р. С.) меньшими людьми наряджати не могут, а меньшие их не слушают. А люди сквернословы, плохы, а нют много и лихо, толко их бог блюдет за их глупость».⁷

Эпидемия чумы и голод, поразивший Новгород во второй половине 60-х годов, усилили элементы недовольства в народе. Что же касается пресловутого новгородского сепаратизма, то он был всего лишь побочным продуктом глубокого социального брожения в низах.

* * *

Предвестником новгородского «изменного» дела были опричные репрессии против псковских дворян и приказных, сдавших литовцам псковский пригород Изборск в январе 1569 г.⁸ После освобождения города опричники казнили двух изборских подьячих и двух жителей Пскова, а в марте царь издал распоряжение о выселении из Пскова и Новгорода всех неблагонадежных лиц: 500 семей было выселено из Пскова и 150 из Новгорода.⁹ Основную массу переселенцев составляли «меньшие люди». Изборская «измена» внушила правительству мысль о ненадежности населения и приказной администрации Новгородско-Псковской земли и их потенциальной измене в пользу Литвы.

Спустя несколько месяцев опричники объявили о раскрытии в земщине заговора в пользу двоюродного брата царя — кн. В. А. Старицкого. В октябре 1569 г. царь вызвал Старицкого

⁶ А. И. Насонов, Летописные памятники хранилищ Москвы (попытки материалы). Проблемы источниковедения, 1955, т. IV, стр. 254—255.

⁷ Там же.

⁸ Литовцы завладели Изборском с помощью русских изменников Тимохи Тетерина и братьев Сарыхозинных. Подробнее см.: Р. Г. Смирников, Синдик опальных царя Ивана Грозного. В сб.: Вопросы истории СССР в XVI—XVIII вв. (Уч. зап. ИГПИ им. А. И. Герцена), Л., 1965, т. 278, стр. 42.

⁹ Новгородские летописи. СПб., 1879, стр. 120.

в Слободу и приказал ему принять яд.¹⁰ Правительство искало сообщников удельного князя среди старомосковских бояр, высших приказных чинов, а также среди новгородцев и псковичей. Возглавлявшие земщину старомосковские бояре и приказные люди оказались под подозрением после суда над руководителем Конюшениного приказа боярином И. П. Федоровым и митрополитом Филиппом Кольчевым в 1568 г. Подозрения против новгородцев объяснялись тем, что Старицкие, чьи владения находились близ новгородских рубежей, издавна поддерживали дружбу с Новгородом и имели вассалов среди новгородских помещиков. В глазах правительства новгородцы и псковичи в достаточной мере скомпрометировали себя изборской «изменой». Согласно подлинному судному делу, участники новгородского заговора будто бы хотели «Новгород и Псков отдать литовскому королю, а царя... хотели злым умыслом извести, а на государство посадити князя Володимера Одревича».¹¹ Из династических соображений власти предали широкой огласке лишь первое из этих обвинений — об измене заговорщиков в пользу Литвы.

Источники, относящиеся к истории новгородского «изменного дела», скудны и тенденциозны. Исключением является синодик опальных, в основе которого лежат подлинные дела опричного архива. Синодик позволил обнаружить тот факт, что главной фигурой новгородского дела был виднейший земский боярин В. Д. Данилов, сподвижник казенного ранее конюшего И. П. Федорова.¹² Самый осведомленный из авторов того периода — А. Шлихтинг — сообщает, что Данилова оклеветали служившие у него пленные литовские пушкарки. Пойманные при попытке бежать в Литву, они показали, будто посланы были к польскому королю своим господином. Под пыткой боярин признался в измене.¹³ Рассказ Шлихтинга подтверждается источниками документального происхождения, описью царского архива и синодиком опальных. В царском архиве хранилась «отписка ко государю в Васильеве деле Дмитреева (Данилова, — Р. С.) о пушкарях о беглых о Мишках».¹⁴ По синодику, во время новгородского разгрома опричники казнили одного за другим Данилова, главного новгородского дьяка А. Безсонова и литвина Максима, слу-

жившего у Данилова.¹⁵ Беглый пушкарь литвин Максим (в русской транскрипции Мишка) был главным доносителем в деле боярина Данилова.

Отметим, что земскому боярину Данилову было предъявлено то же самое обвинение, что и новгородцам, — намерение «предаться» польскому королю. Венецианский дипломат Джерио, прибывший в Москву в дни новгородского разгрома, собрал важные сведения об обстоятельствах новгородского дела. Царь, писал он, разорил Новгород вследствие поимки гонца с изменническим письмом¹⁶ (перевод наш, — Р. С.). Упомянутая выше опись царского архива 70-х годов позволяет детально расшифровать сообщение Джерио. Подле «дела» Данилова в архиве хранилась «отписка из Новгорода от дьяков Ондreja Безсонова да от Кузьмы Румянцова о польской памяти».¹⁷ По-видимому, в Новгороде был пойман лазутчик с тайной грамотой и главные новгородские дьяки поспешили отписать о нем в Москву. Напомним, что двумя годами ранее литовцы обратились с тайными грамотами к конюшему Федорову и другим руководителям земщины. В новгородском деле литовская интрига получила свое продолжение.¹⁸ «Польская память», найденная у лазутчика в Новгороде, стала в глазах опричников главной уликой против новгородских властей.¹⁹

Главными инцидаторами новгородского дела были опричные думные дворяне Малюта Скуратов и Василий Грязной. Именно они возглавили судилище над кн. В. А. Старицким, а затем руководили погромом Новгорода.²⁰ Малюта стремился всячески раздуть дело из корыстных, карьеристских соображений. Раскрытие новгородской «измены» позволило ему устранить старое опричное руководство и захватить власть в опричной думе.

Новгородское дело вызвало глубокую тревогу у тех опричных деятелей, которые не утратили способности сообразовывать свои

¹⁰ Р. Г. Скрынников. Синодик опальных..., стр. 73.

¹¹ Донесение аббата Джерио дожу Венеции. *Historia Russiae Monumenta*, t. I, СПб., 1841; стр. 214.

¹² Опись царского архива..., стр. 44.

¹³ Официальным ответом на литовскую интригу в Новгороде явилось следующее заявление русских послов в Литве. На вопрос о массовых казнях в Новгороде они отвечали: «о котором есте лихом деле з государскими изменники лазучеством ссылались и бог тою измену государю нашему объявил, и потому над теми изменники так и сталося» (см.: Сб. РИО, т. 71, стр. 777). Официальное заявление послов показывает всю степень ослепления царя Ивана и опричных руководителей, мистифицированных литовской секретной службой.

¹⁴ Поздние новгородские предания, старавшиеся отвести от Новгорода всякое подозрение в измене, отрицали наличие «польской памяти» и утверждали, будто изменную грамоту составил некий бродяга, вольнец Петр, желавший отомстить Новгороду (см.: Новгородские летописи, стр. 468).

¹⁵ Послание Таубе и Крузе. *Русский истор. журнал*, кн. 8, Пгр., 1922, стр. 46; см. также ниже, стр. 169.

¹⁰ Подробнее см.: Р. Г. Скрынников. Синодик опальных..., стр. 45—46.

¹¹ ДДГ, стр. 480.

¹² Подробнее см.: Р. Г. Скрынников. Синодик опальных..., стр. 51—52. — Вскоре после введения опричнины Данилов стал помощником И. П. Федорова в составе земской боярской комиссии, «ведавшей Москву» в отсутствие царя (см.: Разрядная книга 1375—1605 гг. ГРБ, собр. Эрмитажное, д. 390 (далее: Разряды), л. 331 об.).

¹³ А. Шлихтинг. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Л., 1934, стр. 35—36.

¹⁴ Опись царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960, стр. 44.

действия, помимо соображений карьеры, также и со здравым смыслом. Они видели бессмысленность обвинений против архиепископа Пимена и опасались, что расправа с ним усилит непопулярность опричнины.

Кн. А. Вяземский, один из самых влиятельных членов опричной думы, тайно предупредил Пимена о грозившей ему опасности и готовившемся походе опричников на Новгород.²¹ За это он подвергся царской опале вскоре после окончания новгородского похода. Что касается главного инициатора опричнины, руководителя опричной думы — боярина А. Д. Басманова, то он вынужден был выйти в отставку как раз в дни суда над Старицким и новгородцами. После похода Басманов был объявлен сообщником Пимена и предан казни.²²

* * *

По первому зимнему пути опричная армия двинулась через Клин, Тверь, Торжок и Бежецкую пятину на Новгород.²³ Участники похода Таубе и Крузе утверждают, будто опричники истребили все население Клина и опустошили местность от Клина до Черной (Цорна) и от Черной до Новгорода.²⁴ По Штадену, опричники стали избивать население лишь после того, как прибыли на Черный ям, что вполне согласуется с данными синодика опальных.²⁵ Документальные записи синодика показывают, что опричные репрессии приобрели широкий размах лишь после вступления опричных в Тверскую землю: «на заказе от Москвы 6 человек. В Клино Иона каменщик. Пскович з женами и з детьми на Медне 190 человек. В Торжку... пскович з женами и з детьми 30 человек. Бежецкия пятины: Игнатья Неклюдов Юрепов» и др.²⁶ Жертвами резни, учиненной в Тверской земле, были в первую очередь опальные псковичи, выселенные из Пскова весной в связи с изборской «изменой». Переселение затянулось, в декабре многие опальные псковичи находились в селе Медне под Тверью и в Торжке.²⁷ Опричники подвергли их поголовному истреблению.

В Твери царь Иван и его свита остановились в Отроче монастыре, где более года томился в заточении Филипп Колычев.

²¹ А. Шлихтинг. Новое известие..., стр. 32. — Новгородцы готовились к встрече царя. В новгородский владычный летописец за 1569 г. была включена подробнейшая роспись «корму царю», «коли с Москвы поедот в Великий Новгород» (см.: Новгородские летописи, стр. 99—100).

²² См.: Р. Г. Скрынников. Синодик опальных..., стр. 57—58, 84.

²³ См.: Послание Таубе и Крузе, стр. 48; Г. Штаден. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. М., 1925 (далее: Штаден), стр. 89.

²⁴ Послание Таубе и Крузе, стр. 48.

²⁵ Штаден, стр. 89.

²⁶ См.: Р. Г. Скрынников. Синодик опальных..., стр. 75.

²⁷ G. Hoff. Erschreckliche, greuliche und unerhörte Tyranney Iwan Wasiljewic. 1582, тл. 16 об.—17 (ср.: Послание Таубе и Крузе, стр. 48).

Через Малюту Скуратова царь просил у Филиппа благословения на расправу с новгородским архиепископом.²⁸ В свое время Пимен помог опричникам изложить Колычева, теперь царь надеялся подкрепить санкции против новгородской церкви авторитетом бывшего митрополита. Но свидание в митрополичьей келье имело трагический финал. Когда Филипп отказался благословить царя и стал в сердцах обличать неистовство «суеумных», Малюта зажал ему рот подушкой и задушил его. Произошло это 23 декабря 1569 г.²⁹ После расправы с бывшим митрополитом царь велел ограбить тверские монастыри и церкви.³⁰

Тщательный анализ источников позволяет раскрыть важную особенность опричных репрессий, до сих пор ускользавшую от внимания исследователей. Таубе и Крузе сообщают, что в первые дни пребывания в Твери опричники разграбили монастыри, затем насилие прекратилось и в течение двух дней тверичи были вполне уверены в том, что грабежи не распространятся дальше, но на третий день царь велел погромить тверской посад. По свидетельству тех же авторов, опричники пробыли в Твери пять дней. Следовательно, разгром посада был произведен в самый последний день и носил характер кратковременной акции.³¹ Репрессии против посада преследовали две цели. Власти стремились пополнили за счет купечества опричную казну. Главным же целью состояла в том, чтобы терроризировать низы посадского населения Твери.

2 января 1570 г. передовые отряды опричной армии оцепили Новгород «крепкими заставами» и заняли главнейшие монастыри в окрестностях города. Опричники опечатали монастырскую казну и взяли под стражу многих монахов и попов.³² Через несколько дней в Новгород прибыл Грозный, остановившийся лагерем на Городище в нескольких верстах от города. В воскресенье 8 января царь отправился к обедне в Софийский собор. Архиепископ торжественно встретил его с крестами и иконами на Волховском мосту, но Иван отказался принять от Пимена благословение и перед всем народом громко обвинил его и всех

²⁸ Житие Филиппа митрополита, ГИБ, Соловецков собр., д. 1073/963, л. 89; А. Курбский. История о великом князе Московском. РИБ, т. XXXI, СПб., 1914, стр. 316; Псковские летописи, т. I. М.—Л., 1941, стр. 125. — По «Житию», Филипп стал читать отходную после первых же вопросов опричника.

²⁹ Житие Филиппа митрополита, л. 90; РИБ, т. XXXI, стр. 316.

³⁰ См.: Штаден, стр. 90; Послание Таубе и Крузе, стр. 48.

³¹ Опричники стали грабить духовенство после убийства Филиппа 23 декабря 1569 г. Но позднее 26—27 декабря они покинули Тверь и 2—8 января 1570 г. были уже в Новгороде. По зимнему пути от Торжка до Новгорода считалось 295 верст, 10 ямских станций, т. е. не менее 10 суток пути. (См.: И. А. Голубцов. Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого в XVI—XVII вв. и отражение их на русской карте середины XVII в. Вопр. географии, сб. 20, М., 1950, стр. 204).

³² Новгородские летописи, стр. 395.

горожан в измене.³³ После обедни опричники перепили в архиепископские палаты «хлеба ясти», но едва начался невеселый пир, как царь, возопив «гласом великим с яростию», велел страже схватить Пимена и его бояр. Опричники ограбили сокровищницу новгородского Софийского дома и архиепископский двор, забрали из Софии драгоценную утварь и иконы, выломали из алтаря древние Корсуиские ворота.³⁴

На другой день начался суд в царском лагере на Городище. Согласно местной летописи, Иван велел привести на суд «владычных бояр и иных многих служивых людей и детей боярских и гостей и всяких градских и приказных людей...».³⁵ Допрашивание велось с применением самых жестоких пыток. Опальных жгли на огне «некою составною мукою огненною». Осужденных привязывали к саням длинной веревкой, волокли две версты до Новгорода и сбрасывали с Волховского моста в реку. С помощью пыток опричниками палачи добивались от своих жертв любых нужных им показаний.³⁶ Таким путем после длительных допросов были изобличены в «измене» сообщники боярина Данилова в Новгороде: архиепископ и его люди, главные новгородские дьяки, многие из местных дворян и т. д. Новгородские записи синодика содержат подробные списки лиц, осужденных по новгородскому делу. Согласно этим спискам, во время суда в Новгороде было казнено более 200 дворян и подьячих.³⁷ Примерно 100—200 дворян было увезено под стражей в Александровскую слободу. Среди казненных самыми знатными были боярин В. Д. Данилов, В. А. Бутурлин, Г. И. Вороной-Волынский, кн. А. М. Бычков-Ростовский.³⁸ За единственным исключением, все они принадлежали к верхам нетитулованного старомосковского боярства. С этим слоем правящего боярства была тесно связана высшая приказная администрация, вследствие чего репрессии глубоко затронули также приказной аппарат. Вместе с Даниловым казни подвергся виднейший московский дьяк

³³ Там же, стр. 340.

³⁴ Там же, стр. 341; Псковские летописи, т. I, стр. 115; Штаден, стр. 90—91.

³⁵ Новгородские летописи, стр. 400.

³⁶ «и в том деле с пыток многие про ту измену на новгородского архиепископа... и на себя говорили» (ДДГ, стр. 480).

³⁷ Подробнее см.: Р. Г. Скрынников, Синодик опальных..., стр. 47—53, 56.

³⁸ Все названные лица записаны в краткий перечень опальных, представляющий собой список казненных членов Боярской думы и их близких родственников (см. там же, стр. 66). — Г. Волынского, именованного в синодике, можно отождествить с Г. И. Волынским, двоюродным племянником одного из главных бояр земщины М. И. Вороного-Волынского (см.: Родословная книга российских князей и дворян, ч. II, М., 1787, стр. 98). По-видимому, Г. Вороной владел большим отцовским поместьем в Новгороде (см.: ИЖ, т. IV, стр. 252, 254, 256). В. А. Бутурлин был видным земским воеводой и в период опричнины служил «в околичного места» (см.: Разряды, лл. 327, 329 об., 333, 334; Сб. РИО, т. 71, стр. 348—417).

И. Юрьев, главный псковский дьяк Ю. Сидоров, главный новгородский дьяк А. Безсонов и более 40 новгородских подьячих.³⁹ Во время суда на Городище погиб глава богатейшей купеческой фамилии Новгорода — Федор Сырков, в прошлом главный дьяк Новгорода.⁴⁰ Его участь, разделили «староста большой» Новгорода Алексей Сырков, богатые купцы Андрей Тараканов и Дмитрий Ямской. Имена всех этих лиц записаны в новгородские списки синодика. Среди новгородских дворян более всего пострадали помещики Бежецкой пятины,⁴¹ а также многочисленные вассалы архиепископа Пимена.⁴² Но самые видные архиепископские бояре и слуги были увезены для суда в Москву.⁴³

В начале новгородского похода царь просил митрополита, «чтоб он бояр и всяких людей о службе безо всякие хитрости утверждал по-прежнему». Кирилл отвечал, что исполнил его просьбу.⁴⁴ По-видимому, после суда на Городище царь известил митрополита об «измене» Пимена. В угоду царю Кирилл поспешил собрать священный собор и приговорил Пимена «за его безчинье священная не действовать». Но митрополит явно переусердствовал, и в новом письме царь просил собор сохранить за Пименом сан до окончания следствия: «архиепископу Пимени служити не велено, а сану б с нево до подлинного сыску и до соборного уложения не снимать».⁴⁵ Очевидно, царь желал придать расправе с Пименом видимость законности.

В Новгороде опричные суды приговорили к смерти и казнили 211 дворян и приказных, 137 членов их семей, 30 холопов, монахов и других лиц.⁴⁶ К дознанию было привлечено много сотен людей. Чтобы допросить их, провести очные ставки, «испытать» огнем, записать показания и, наконец, казнить такое множество людей, понадобилось никак не менее месяца. Суд на Городище, начавшийся 9—10 января, продолжался по крайней мере до конца января.

После изобличения и казни главных «заговорщиков» опричники взяли за монастыри. Местный летописец, рассказав о рас-

³⁹ См.: Р. Г. Скрынников, Синодик опальных..., стр. 73, 76—78.

⁴⁰ См.: А. Шлихтин, Новое известие..., стр. 30—31; ДАН, т. I, стр. 65, 79, 146; Д. Я. Самокрасов, Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского государства XV—XVII столетий, [т. I], отд. I, М., 1905, стр. 110.

⁴¹ В синодике записаны бежецкие помещики Чертолевские, Кандоуровы, Аниковы, Оплочовы, Паюсовы, Юренев, Васалов, Шеняковы и т. д.

⁴² Коношин И. Милославский, Т. Пошков и др.

⁴³ Архиепископские бояре кн. А. Тулунов и кн. В. Шаховской, псковский наместник архиепископа П. Цыпантов и др. По синодику они были казнены в Москве.

⁴⁴ Кирилл не знал тогда, где находился царь с опричниной, и поэтому его отписка не имела точного адреса: «писана в 78-м году, а куда к царю Ивану та отписка писана, того не объявлено». — См.: ДДГ, стр. 483.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ См.: Р. Г. Скрынников, Синодик опальных..., стр. 73—74, 75—79.

праве на Городище, замечает: «...и по скончании того государь с своими воинскими людьми начат ездити около Великого Новгорода по монастырям».⁴⁷ По Штадену, царь Иван самолично руководил изъятием сокровищ у монастырей. «Каждый день он поднимался и переезжал в другой монастырь, где давал простор своему озорству».⁴⁸ Опричники грабили монастырскую казну и кельи, снимали колокола, громили монастырское хозяйство.⁴⁹ Помимо всего прочего, царь наложил на монастыри громадную контрибуцию. Деньги вымскивали с 27 монастырей.⁵⁰ Грозный лично побывал в главнейших из них и в каждом останавливался на сутки. Обезд монастырей занял несколько дней, может быть неделю. Участник похода опричник Штаден весьма определенно утверждает, что только по возвращении из монастырского объезда царь велел громить посад. Описав поездку царя по монастырям, он замечает: «...потом начали грабить город».⁵¹ Это свидетельство подтверждается данными местной летописи. Ее автор рассказывает, что государь ездил «по монастырям», «потом прииде во град» и велел грабить посадских.⁵² В течение всего суда на Городище и монастырского объезда новгородский посад жил своей обычной жизнью. В то время, пишет Штаден, «купцам он (царь, — Р. С.) приказал торговать и от его людей опричников брать лишь по доброй уплате».⁵³

В дни погрома все торговые склады и лавки Новгорода были разграблены: ценные товары забирались в казну, прочие товары сжигались.⁵⁴ Опричные ломали ворота, выставляли двери и окна и грабили дома посадских людей. «Были снесены все высокие постройки, было иссечено все красивое: ворота, лестницы, окна».⁵⁵ Всех, кто противился насилию, убивали на месте. Мелкие опричные отряды учинили грабеж по всем пятинам Новгорода, разгромили Ладогу, Орешек и Карелу. Особой свирепостью отличались меры опричнины против новгородской бедноты. Зимой 1570 г. новгородские города и деревни были поражены страшным голодом. Множество отчаявшихся голодных людей искали спасения в Новгороде. Царь решил вывести бродяжничество в Новгороде и приказал выгнать за ворота города всех нищих. Большая часть

⁴⁷ Новгородские летописи, стр. 343.

⁴⁸ Штаден, стр. 90.

⁴⁹ Новгородские летописи, стр. 343, 346; Послание Таубе и Крузе, стр. 50. — В Вишерском монастыре опричники в поисках сокровищ разломали раку местного святого Саввы.

⁵⁰ См.: А. Шлихтинг. Новое известие..., стр. 30; Новгородские летописи, стр. 396.

⁵¹ Штаден, стр. 90.

⁵² Новгородские летописи, стр. 343.

⁵³ Штаден, стр. 90.

⁵⁴ Таким путем были уничтожены крупные партии льна, воска и сала, предназначенные для торговли с Европой (см.: А. Шлихтинг. Новое известие..., стр. 31).

⁵⁵ Штаден, стр. 91.

из них погибла от сильного мороза и голода. Несколько позже царь велел топить в реке тех немущих и бродяг, которые изобличены были или подозревались в людоедстве.⁵⁶ Голод, более всего поразивший социальные низы, усилил элементы недовольства среди новгородского населения. Опричные власти боялись народного возмущения и старались ослабить опасность путем кровавого погрома.

Вопреки общепринятому взгляду, опричные санкции против новгородского посада носили характер кратковременной акции. Опричники пробыли в Новгороде шесть недель — со 2 января до 13 февраля 1570 г. Первые три-четыре недели шел суд на Городище, еще неделю царь ездил по монастырям, и наконец в самые последние дни разгрому подвергся посад. 13 февраля царь объявил «амнистию» посадским людям, которая, однако, не распространялась на новгородское духовенство.⁵⁷

Покинув Новгород, опричная армия двинулась на Псков. Жители Пскова, желая смягчить гнев царя, встретили его с хлебом и солью. Псков не избежал репрессий, но здесь они носили куда более умеренный характер, нежели в Новгороде. По синодику, опричники казнили в Пскове до 30—40 детей боярских, двух родовых приказчиков и одного подьячего.⁵⁸ По словам Шлихтинга, царь пощадил население Пскова, всю же ярость и жестокость обратил против монахов.⁵⁹ Действительно, с церковниками Пскова опричники расправились еще более жестоким образом, нежели с церковниками Новгорода. Они казнили игумена Печорского монастыря Корнилия и старца Васьяна, бывших друзей и единомышленников беглого боярина Курбского, до пинки ограбили исковские монастыри и соборы, сняли колокола и т. д.⁶⁰

Царь пробыл в Пскове очень недолго. Опричники, начавшие было грабить город, не успели довершить свое дело. Во времена Грозного ходило немало легенд относительно внезапного прекращения псковского погрома. Современники приписывали это чудо псковскому юродивому Николе, который посоветовал царю немедленно покинуть город.⁶¹ Но в действительности вмешательство юродивого несколько не повлияло на действия опричнины в Пскове. Царь покинул Псков не раньше, чем его люди рекви-

⁵⁶ См.: А. Шлихтинг. Новое известие..., стр. 31—32.

⁵⁷ После отъезда Грозного репрессиями против новгородских монастырей стал руководить опричник К. Д. Поливалов. Его подручные запылали 27 крупнейших монастырей. К октябрю 1570 г. опричники вымскивали с монастырей 13 тысяч рублей. (См.: Новгородские летописи, стр. 101).

⁵⁸ См.: Р. Г. Скрынников. Синодик опальных..., стр. 79—80.

⁵⁹ А. Шлихтинг. Новое известие..., стр. 32.

⁶⁰ См.: Р. Г. Скрынников. Синодик опальных..., стр. 53, 79.

⁶¹ Штаден, стр. 91; Послание Таубе и Крузе, стр. 50; Псковские летописи, т. I, стр. 116. — Псковская летопись расцвечивает легенду о юродивом вымышленными подробностями. Пророчества Николы будто бы начали сбываться. Едва опричники сняли колокола с Троицкого собора, как пал лучший царский конь. Царь в ужасе бежал из города.

зривали монастырское и церковное добро и сняли с церкви колокола. Антицерковная направленность опричной политики проявилась в Пскове с особой рельефностью. Более важное влияние на судьбу Пскова оказало то обстоятельство, что незадолго до погрома власти выселили из города всех неблагонадежных лиц. По дороге к Пскову опричники устроили кровавую баню в Медно и Торжке, перебив там 220 опальных псковичей с семьями. Царя удовлетворила эта резня, и только поэтому опричнина остальных жителей Пскова.

В истории кровавых подвигов опричнины новгородский погром был самым отвратительным эпизодом. Бессмысленные и жестокие избиения ни в чем не повинного новгородского населения навсегда сделали само понятие опричнины синонимом произвола и беззакония.

В новейшей литературе новгородский поход получил двойственную оценку. А. А. Зимин подчеркивает варварский, разбойный характер опричных санкций, «бессмысленность тех форм, в которые вылилась завершающая страница борьбы Москвы с Новгородом», но он усматривает в новгородском погроме некоторую объективную закономерность, связывая этот эпизод в истории опричнины с преодолением последних остатков политической раздробленности страны.⁶² Согласиться с подобной оценкой никак нельзя. Подлинными «героями» новгородского изменного дела были выходцы из старомосковской знати (Данилов, Волынский, Вутурлин), связанные с ними приказные люди и рядовые помещики, наконец новгородское духовенство. Удар пал на те социальные группы, которые служили наиболее надежной опорой феодальной монархии. Новгородский погром явился симптомом того, что правильное соотношение между монархией и ее политической базой нарушилось. Глубокий раздор между царем и боярской думой сузил политическую базу правительства, которое пыталось упрочить свое положение посредством кровавого террора. Ограбление новгородской церкви и купечества должно было помочь монархии преодолеть финансовые затруднения. Власть не решилась отобрать у духовенства его главное богатство — землю, но зато они реквизировали денежные сокровища церкви. Санкции против новгородского духовенства носили длительный характер. Опричники грабили новгородские монастыри до января 1571 г.

Террор против посадского населения имел вполне определенный социальный смысл. В глазах властей Новгород был центром опасного социального брожения. Московская администрация не пользовалась даже тонью авторитета среди непокорной новгородской черни. Репрессии против низов были для феодальной монархии мерой «социальной защиты». Однако и отличие от анти-

церковных мер санкции опричнины против посада носили кратковременный, скоротечный характер. Их целью было скорее устрашение, нежели истребление населения.

Количество жертв новгородского погрома не поддается точному исчислению. А. А. Зимин с некоторыми оговорками принимает вывод А. Г. Ильинского о гибели 40 тысяч жителей в одном только Новгороде и его окрестностях.⁶³ Но расчеты А. Г. Ильинского не выдерживают критики.⁶⁴ Литературные свидетельства современников не отличаются большой достоверностью.⁶⁵ Более надежным основанием для суждения о числе жертв опричного террора является синодик опальных, в основе которого лежат доношения и отчеты опричников. Главным инициатором погрома был Малюта Скуратов, руководивший репрессиями на протяжении всего новгородского похода. В Твери он собственноручно удушил Филиппа, в Торжке избил пленных татар и т. д. После окончания похода Малюта составил специальный отчет — «сказку» о произведенных им казнях, на основании которой была составлена следующая запись синодика: «По Малютине сказке в новгородской посылке Малюта отдала 1490 человек, не нищали отдалено 15 человек».⁶⁶ Цифра, приведенная в доносении Скуратова, дает, пожалуй, наиболее точное представление о масштабах репрессий во время новгородского похода. Как главный руководитель погрома Малюта располагал наиболее точными сведениями насчет жертв террора, вместе с тем он не имел причин про уменьшать свои «подвиги». В среде опричников жестокость служила лучшим доказательством преданности царю, а милосердие к «изменникам» наказывалось как предательство.

⁶² А. Г. Ильинский В. Городецкое население Новгородской области в XVI в. Историческое обозрение, т. IX, СПб., 1897, стр. 37; А. А. Зимин. Опричнина Ивана Грозного, стр. 302.

⁶³ А. Г. Ильинский принимает на веру малодостоверное сообщение безлестрической «Повести о приходе царя Ивана в Новгород», будто во время погрома, длившегося пять недель, опричники топили в Волхове ежедневно до 500—1500 человек (см.: Новгородские летописи, стр. 342—343). Помножив эти цифры на 35 (пять недель погрома), А. Г. Ильинский искусственно получает цифру в 40 тысяч.

⁶⁴ Новгородский погром привлек на современников ошеломляющее впечатление. Передавали, будто в Новгороде погибло от 18 до 60 и даже 700 тысяч человек (см.: Доношение аббата Диегоно дону Вененци, стр. 214; G. Hoff, Erschreckliche, gruelliche und unerhörte Tyranney Iwan Wasiljow, т. 47 об.; РИБ, т. XXXI, стр. 319; Псковские летописи, т. I, стр. 115; Д. Горьков. Записки о Московии XVI века. М., 1909, стр. 25).

⁶⁵ Один из самых осведомленных авторов — Шлихтинг — сообщает, что опричнина казнила 2770 новгородцев. По его словам, новгородские казни завершили судебный процесс конюшего Федорова. (См.: А. Шлихтинг. Новое известие..., стр. 29, 62). Согласно свидетельству синодика опальных, во время суда по делу о заговоре Старицких в момент ареста Федорова и до новгородского разгрома было казнено около 2700—2800 лиц. Таким образом, известие Шлихтинга и данные синодика примерно совпадают.

⁶⁶ А. А. Зимин. Опричнина Ивана Грозного, стр. 304—305.

Среди жертв Малюты было немало пленников. В Твери и Торжке опричники истребили до 500 пленных полочан, в Торжке избили 19 татар и т. д.⁶⁷ По-видимому, пленные составляли не менее трети лиц, указанных в «сказке» Малюты. Прочие побитые (более тысячи человек) были жителями Твери, Новгорода, а также Пскова.⁶⁸ Все эти лица, показанные в синодике безмянно, в массе своей принадлежали к социальным низам.⁶⁹

Опричники громили Новгород в то время, когда Новгородская земля испытывала значительные экономические трудности. Вследствие неурожая вся Северо-Западная Русь была поражена сильным голодом. В Твери число жертв голода превысило втрое количество жертв опричнины.⁷⁰ В Новгороде зимой 1570 г. известны были случаи людоедства. С наступлением лета в Новгородской земле началась эпидемия чумы. В одном только Новгороде к концу сентября было подобрано и погребено около 10 тысяч трупов.⁷¹ В мае 1571 г. новгородцы вновь хоронили в братских могилах умерших от чумы и голода.⁷² Писцовые книги Новгорода 80-х годов сообщают следующие данные о разорении новгородского посада в 60—70-х годах.⁷³

Софийская сторона

	1566 г.	1567 г.	1568 г.	1569 г.	1570 г.	1571 г.
Число дворов, бывших из тягла	62	161	25	66	190	240
В том числе дворы, владельцы которых умерли . . .	62	159	22	61	141	222

⁶⁷ См.: А. Шлихтинг. Новое известие..., стр. 33—34; Послание Таубе и Крузе, стр. 49.

⁶⁸ Казненные псковичи (220 семей) записаны в синодике отдельным списком.

⁶⁹ Впервые это предположение высказано С. Б. Веселовским (см.: С. Б. Веселовский. Исследования по истории опричнины. М., 1963, стр. 348).

⁷⁰ Послание Таубе и Крузе, стр. 49.

⁷¹ Новгородские летописи, стр. 101.

⁷² Там же, стр. 106.

⁷³ См.: О. Ф. Терешкевич. Экономическое положение Великого Новгорода во второй половине XVI в. Юбилейный сборник историко-этнографического кружка при Университете св. Владимира, Киев, 1914, стр. 181, 205. — Данные писцовых книг позволили О. Ф. Терешкевич, А. М. Гневушеву и Н. А. Яницкому сделать вывод, что опричный погром сам по себе не мог оказать решающего влияния на разорение Новгорода (см.: там же, стр. 224—225; Н. А. Яницкий. Экономический кризис в Новгородской области XVI в. Киев, 1915, стр. 130; А. М. Гневушев. Экономическое положение Великого Новгорода во второй половине XVI в. Сб. Новгородского общества любителей древности, 1912, вып. VI, стр. 17—20). А. А. Зимин подверг сомнению данные писцовых книг Новгорода 80-х годов, указав на то, что после погрома власти распорядились заселить пустые дворы в Новгороде (см.: А. А. Зимин. Опричнина Ивана Грозного, стр. 302). Но его доводы нельзя признать убедительными. В 70-х годах

Наибольшие опустошения в эти годы наделала чума. От нее умерли 89 тяглецов в 1566—1567 гг. и 117 — в 1571 г. (писцы записывали сведения только о владельцах тяглых дворов, не касаясь членов их семей). В 1570 г., а точнее с сентября 1569 г. до сентября 1570 г., многие дворовладельцы умерли, по-видимому, голодной смертью.

В Ладоге в год разгрома ее опричником кн. П. И. Борятинским 7 дворовладельцев умерли или погибли и 23 разбежались с посада. С сентября 1570 г. по сентябрь 1571 г. 15 тяглецов умерло от голода и чумы, 2 были забиты царскими праветчиками и 30 разбежались и «пошли в нищих».⁷⁴

Как в Новгороде, так и в Ладоге главной причиной разорения были голод и чума, опричный разгром лишь усугубил бедствие.

Сельское население пострадало от опричных репрессий значительно меньше, нежели посадское. В марте 1571 г. дозорщики произвели обыск о причинах разорения крупнейшего черносотного Кирьяжского погоста под Корелой. Собранные ими сведения весьма показательны. Громадный погост обезлюдел в течение каких-нибудь четырех-пяти лет (1566—1571 гг.). Многие крестьяне умерли от голода и чумы, другие сбежали от непосильных податей. В результате из 1046 тяглых крестьянских участков (луков) остались «живущими» несколько более 50. В течение одного лишь 1570 г. в погосте заустело 363 лука, из которых 31 лук заустошили опричники. Они убили 18 крестьян, ограбили многие крестьянские дворы, посекали скотину.⁷⁵ В общей массе разоренных крестьян число пострадавших от опричнины было сравнительно невелико: опричный разгром не затронул и не мог затронуть всей толщ полуторамиллионного сельского населения Новгородско-Псковской земли.⁷⁶

Террор против посадских низов и крестьян Новгорода объясняется не столько пресловутым местным сепаратизмом, сколько наличием глубоких социальных противоречий, крайне обострившихся в годы «великого разорения» в конце 60-х и начале 70-х годов. С помощью репрессий монархия стремилась подавить любые проявления недовольства в народе и таким путем предотвратить антифеодальные выступления масс.

разорение новгородского посада нарастало из года в год. При таких условиях попытки властей заселить пустующие дворы не могли дать сколько-нибудь эффективных результатов.

⁷⁴ См.: Д. Я. Самоковасов. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства, т. II, ч. 2. М., 1909, стр. 303—306.

⁷⁵ Там же, стр. 59—121.

⁷⁶ О численности новгородского населения см.: А. И. Копанев. Население Русского государства в XVI в. Истор. зап., т. 64, 1959, стр. 244.

В. М. ПАНЕЯХ

О СОЦИАЛЬНОМ СОСТАВЕ КАБАЛЬНЫХ ХОЛОПОВ В КОНЦЕ XVI в.

И. И. Смирнов в своей широко известной книге «Восстание Болотникова», исследуя предпосылки и предвестники восстания и изучая в этой связи новгородские кабальные книги за 1603 г., подверг всестороннему анализу процесс закабаления крестьянства в голодные годы начала XVII в.¹ Вместе с тем, основываясь главным образом на расчетах А. И. Яковлева,² И. И. Смирнов предпринял попытку проследить за изменениями в социальном составе кабальных холопов по сравнению с «нормальными» годами до голода».³

Однако характер подсчетов А. И. Яковлева для 90-х годов XVI в. не позволил И. И. Смирнову выявить динамику закабалений крестьян и бобылей, хотя в его книге приведена чрезвычайно ценная таблица закабалений крестьян и бобылей в 1603 г., составленная И. И. Смирновым в результате анализа кабальных книг.⁴ Кроме того, подсчеты А. И. Яковлева не во всех случаях могут быть признаны точными,⁵ на что указывал, в частности, и сам И. И. Смирнов.⁶

Поэтому представляется целесообразным заново проанализировать сохранившиеся кабальные книги 90-х годов для

¹ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова. 1606—1607. М., 1951, стр. 67—71.

² А. И. Яковлев. Холодство и холопы в Московском государстве XVII в., т. I. М.—Л., 1943, стр. 60—71.

³ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 70—71.

⁴ Там же, стр. 68.

⁵ См. об этом: В. М. Панях. Опыт цифровой обработки материалов записных книг старых крепостей XVI века. В сб.: Вопросы историографии и источниковедения истории СССР (Труды ЛОИИ, вып. 5), М.—Л., 1963, стр. 542—550.

⁶ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 71.

выяснения социального состава кабальных холопов в конце XVI в. Тем самым будет продолжена работа, начатая И. И. Смирновым, по выяснению состава лиц, идущих в кабальные холопы.

В кабальных книгах 1591—1596 гг. имеются довольно подробные данные о деятельности кабальных холопов до их поступления в кабалу. Эти сведения о кабальных людях, давших на себя кабалу до февральского уложения 1597 г., посвященного холодству, включены нами в таблицы, причем в них в основном отражена деятельность и род занятий людей непосредственно накануне их похолопления.

Оперируя приведенными в табл. 1 цифрами, следует учитывать, что кабальные книги 1591—1596 гг. содержат биографические сведения о поступивших в кабальные холопы лицах лишь в 189 служивых кабаках. Однако и такое, сравнительно незначительное количество данных позволяет сделать ряд интересных наблюдений. Прежде всего, 22,6% кабальных холопов (из числа тех, о ком имеются сведения) определенно называют себя свободными до похолопления людьми (так как они «не служивали»).

К числу свободных до закабаления лиц может быть отнесено еще 58,2% кабальных холопов. И действительно, хотя эти последние и не говорят о себе как о неслуживших, но все же они были либо на добровольной службе, либо «ходили по найму», либо были «в казаках», либо «промышляли мастерством» — без оформления их неволи какой бы то ни было разновидностью феодальной зависимости. Таким образом, 80,8% приходится на свободных до закабаления лиц.

Процент поступающих в кабалу крестьян, бобылей, крестьянских или бобыльских детей сравнительно невелик — 9,1%. Еще меньше процент кабальных людей, бывших до закабаления холопами разных категорий (в том числе и кабальными), — 6,2%.

Зато сравнительно много (15,85%) кабальных холопов, которые так или иначе были связаны с тем кабаловладельцем (а часто прямо зависели от него), к которому они сейчас шли в кабалу, — были ли они его крестьянами или бобылями, находились ли у него на добровольной службе или служили «в найме», являлись ли, наконец, его старинными людьми или родились у него на дворе. Об этом свидетельствуют данные табл. 2.

Если теперь сопоставить полученную нами цифру, характеризующую удельный вес крестьян, бобылей, крестьянских и бобыльских детей в составе закабаленных в 1591—1596 гг. (9,1%), с аналогичной цифрой, выведенной И. И. Смирновым для 1603 г. (16,7%),⁷ то получит подтверждение мнение И. И. Смирнова: «... голодные 1601—1603 годы привели к тому, что «увеличи-

⁷ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 68.

Таблица 1
Деятельность каменных холопов до похолопления
или их происхождения⁸

Деятельность каменных людей до похолопления или их происхождения	Количе- ство ка- менных людей	%, и количеству каменных людей, сведений о дей- тельности кото- рых до похолоп- ления имеются
«На служивали»	43	22,6
Добровольная служба	75	39,6
«Ходили по найму»	27	14,4
«В каменях»	5	2,6
«Промышляли мастеровством»	3	1,6
Крестьяне	3	1,6
Дети крестьян	6	3,3
Вобыли	7	3,6
Сын вобыли	1	0,6
«Жил на посаде»	1	0,6
Монастырский дружинник	1	0,6
«Премь сего служивали»	1	0,6
Холопы	4	2,05
Каменные люди	8	4,2
Родились во дворе каменоловца, к кото- рому поступают в кабалу	4	2,05
Итого	180	
Сведения отсутствуют	190	

Таблица 2

Зависимость каменных людей от каменоловцев до похолопления

Деятельность каменных людей до похолопления или их происхождения	Количе- ство ка- менных людей	%, и количеству каменных людей (180), сведений о деятельности ко- торых до похоло- пления имеются
Добровольная служба у каменоловца, к которому поступают в кабалу	20	10,6
Служба «в найме» у каменоловца, к ко- торому поступает в кабалу	1	0,6
Крестьянин каменоловца, к которому по- ступает в кабалу	1	0,6
Вобыли каменоловца, к которому посту- пают в кабалу	2	1
Старинные люди каменоловца, к которо- му поступают в кабалу	2	1
Родились во дворе каменоловца, к кото- рому поступают в кабалу	4	2,05
Итого	30	15,85

лось в составе каменных холопов число бывших крестьян и бо-
былей, которых голод заставил дать на себя кабалу.⁹

Но абсолютнатурой приведенные цифровые показатели, можно
все же считать, что они в целом правильно отражают тенденцию
развития каменного холопства в конце XVI в., количественный
рост которого происходил главным образом, как видим, за счет
свободных элементов.

⁸ Таблицы 1 и 2 составлены по материалам издания: Новгородские
написные каменные книги 100--104 и 111 годов. Под ред. проф. А. П. Нико-
лова. М.—Л., 1938 (ч. 1).

⁹ И. П. Смирнов, Восстание Волотникова, стр. 71.

А. И. КОПАНЕВ

НЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ ВОЛОСТЬ В XVI—XVII вв.

При изучении северной поморской крестьянской волости XVI—XVII вв. исследователь всегда сталкивается с фактом значительного развития промыслов: морского промысла, рыболовства, солеварения и охоты. Промыслы, а не земледелие, являлись здесь зачастую главным источником материального обеспечения крестьянина. Промыслы определяли и весь внутренний строй волостной крестьянской жизни. Организация промысла — главная забота крестьянского мира. Рост неравенства в доле промысла между отдельными крестьянскими семьями — основа социальной дифференциации в волости. Борьба за сохранение промысловых волостных угодий от проникновения феодала — главный стержень классового конфликта.

В плане изучения значения промыслов для волостной организации особый интерес представляют те волости, в которых полностью отсутствует земледелие. Такой волостью, наиболее крупной и хорошо обеспеченной источниками,¹ в XVI—XVII вв. была волость Варзуга Двинского уезда.

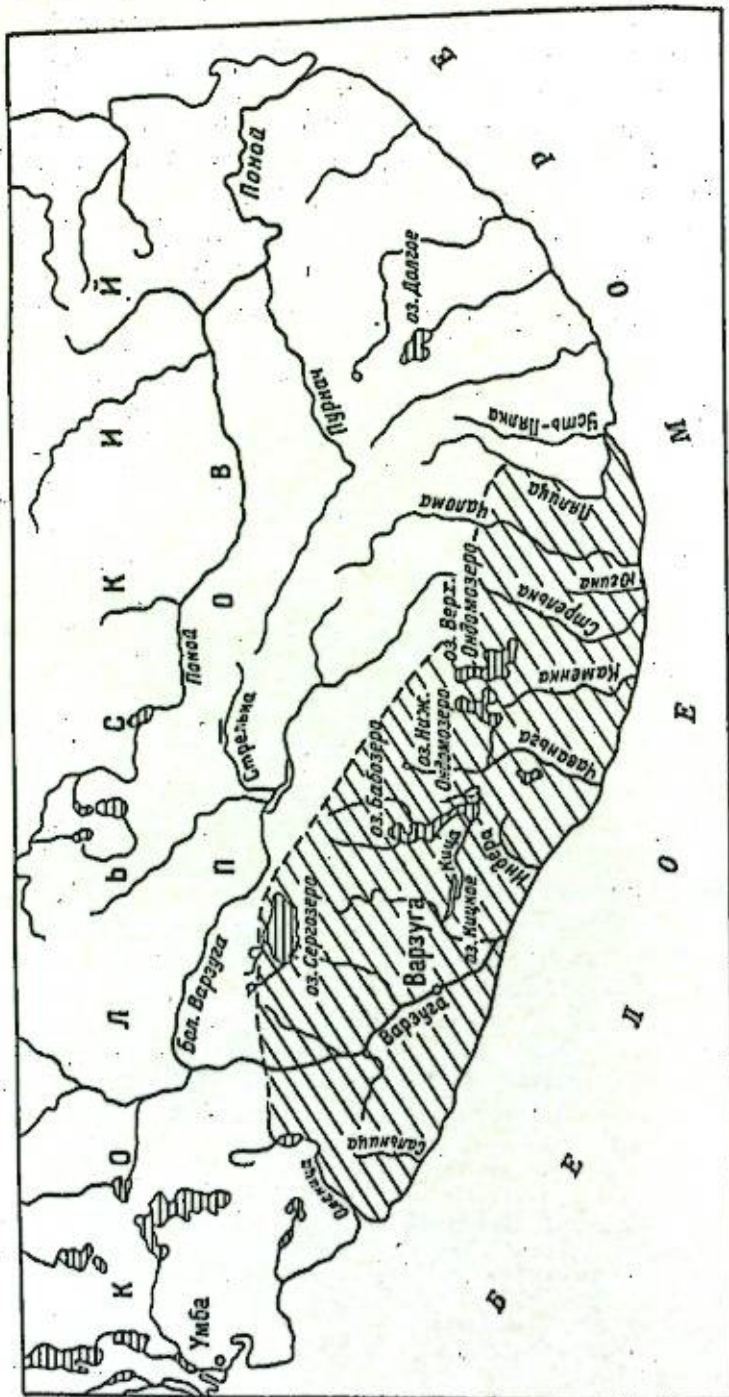
¹ Сохранились описания Варзужской волости: 1) сотная «с книг описи» двинца Якимя Романова и Никиты Путятина 1563 г. (Сб. ГКЭ, т. I, Пгр., 1922, № 165); 2) сотная из писцовых книг Василия Агалина и подьячего Степана Федорова 1575 г. (Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI—XVII вв., Л., 1930, № 6); 3) перепись Варзужской волости Постника Балакинина и подьячего Прокофия Яковлева 1586 г. (итоговые данные приведены в книге: А. А. Савич. Соловецкая вотчина XV—XVII в. Пермь, 1927, стр. 201); 4) отводные книги Степана Мотафтина на владения Новоспасского монастыря в Варзужской волости 1614 г., — помимо отводимых монастырю крестьянских дворов, в книге перечислены и дворы оставшихся «государовых крестьян» (Сб. ГКЭ, т. I, № 444); 5) выписи из писцовых книг Мирона Вельяминова и подьячих Баженна Степанова да Антона Подольского 1622—1623 гг. на владения патриарха в Варзужской волости (Сб. ГКЭ, т. II, Л., 1929, № 105). Кроме того, имеется значительное число Варзужских актов и других материалов, опубликованных в сборнике ГКЭ.

Сохранившиеся описания позволяют довольно точно определить территорию волости: по южному берегу Кольского полуострова она шла на 225 км от р. Оленицы на западе до р. Пялицы на востоке и охватывала, судя по расположению принадлежащих волости озер — Аренгозера, Сергоозера, Бабозера, Ондомозера, Кицозера, — пространство в глубь материка на 50—60 км. Кроме крупной реки Варзуги с притоком Кицей, по территории волости протекали небольшие реки, впадавшие в море: Оленица (в совместном владении с крестьянами соседней Умбской волости), Сальница, Индера, Чаваньга, Каменка, Стрельна, Югина, Чанома и Пялица (в совместном владении «с терскими лопарями»). Море и реки в нижнем их течении были богаты рыбой, особую ценность в промысловом отношении представляла семга, устремлявшаяся несколько раз в год в р. Варзугу и в другие, более мелкие реки.² В отличие от других поморских волостей в Варзуге не было соляных источников, а следовательно, и солеварного промысла. Для земледелия климат был слишком суровым, лишь около домов были небольшие огороды и, видимо, незначительные сенокосные угодья по берегам рек и на островах. Писцы Василий Агалин и Степан Федоров в 1575 г. дали такую характеристику Варзуги: «А та у них Варзуга... от Двинские земли за морем за окянном, за большею лучиною, по смете тысяча верст и больше; а земли у них нет, хлеба они не папшт и соли не варят, потому что к ним ценных угодий не прилегло нигде; а та у них река и промысл, ловят в них красную рыбу семгу».³

В XVI—XVII вв. волость Варзуга, несмотря на ее огромную территорию, была волостью с одним-единственным населенным пунктом того же наименования. Селение Варзуга, отстоявшее от моря на 25 километров, располагалось по обоим берегам многоводной р. Варзуги и на острове, образованном здесь речными протоками. В середине XVI в. Варзуга была крупнейшим селением русского Поморья, насчитывающем более полутора ста дворов. В 1564 г. писец Яким Романов переписал здесь 124 двора жилых, 5 пустых дворов и 24 пустых мест дворовых. Наличие «пустоты», хотя и незначительной, свидетельствует о некоторых кризисных явлениях в экономической жизни волости. В 1568 г. Варзуга

² По данным середины XIX в., семга подымается по беломорским рекам Кольского полуострова в три различные срока: 1) в конце мая и начале июня, 2) в конце июня и в июле, 3) с первых чисел августа до появления первых признаков замерзания рек (Отчет высочайше утвержденной экспедиции для исследования рыбных и звериных промыслов на Белом и Ледовитом морях за 1859 год, составлен начальником экспедиции Н. Данилевским. СПб., 1860 (в дальнейшем: Н. Данилевский. Отчет), стр. 57).

³ Сборник материалов..., стр. 33.

Волость Варзуга в XVI в.

была совершенно разорена опричниками.⁴ Отряд под начальством Басарги Федоровича, посланный для наказания варзужан за отказ платить сбор за рыбную ловлю, произвел полный разгром волости: население бежало или было перебито, осталось лишь несколько жилых дворов.

Эвакуация Басарги, по мнению П. А. Садикова, была вызвана происками двинян, которые, используя опричное положение (Двина была взята в опричнину), стремились закрепить свое господство над «земской» Варзугой.⁵ И им это в какой-то мере удалось. В 1573—1574 гг., т. е. через 5—6 лет после погрома, писцы (Василий Агалин с товарищами) обнаружили, что прежними варзужскими угодьями в Варзуге реке и по морскому берегу рыбными тонями и санными покосами «от речки Оленницы... до речки Пялицы» владеют именно двиняне и что они построили новый забор в Варзуге, недалеко от устья реки.⁶ Следовательно, после погрома двиняне смогли захватить рыбные промыслы в Варзуге в свои руки — и, видимо, не без помощи опричных властей. На вопрос писцов, когда двиняне завладели этими угодьями, монахи Ильи (Сийского монастыря) и Герман (Никола-Корельского монастыря), жившие долго в Варзуге по промысловым делам своих монастырей, отвечали: «после, господине, межевания и отводу князя Григория Вяземского да Басонка Федурина». Этот отвод, произведенный сразу же после «Басаргина праведжа», означал присоединение Варзуги к опричнине и открывал, следовательно, заустошенную волость для двинских промышленников.⁷ Однако двиняне отнеслись к делу хищнически: они разбирали пустые крестьянские дворы, свозили их, построили новый забор в реке Варзуге ниже по течению, чем прежде, что препятствовало подъему рыбы в реку, забросили жемчужный промысел и т. д. От экономического захудания волости страдала и государственная казна, с Варзуги не стали поступать платежи: «Государева таможенная пошлина и жемчужная десятина залегла», как отмечали писцы.⁸

Описание Василия Агалина, производившееся вскоре после отмены опричнины, имело задачей нормализовать жизнь волости. Важнейшей мерой в этом плане была раздача им в Варзуге на оброк 79 пустых дворов и 33 мест дворовых пустых новым жильцам и возвратившимся прежним жителям. Последних, вероятно, было не так уже мало. Среди получивших дворы на оброк

⁴ Литературный вестник, т. I, кн. 3, СПб., 1901, стр. 304; П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины. М.—Л., 1950, стр. 190.

⁵ Там же, стр. 191—211.

⁶ Сведения о плачевном состоянии Варзужской волости после Басаргина погрома содержатся в «Опросных речах» старцев Ильи и Германа перед писцом Василием Агалиным и подьячим Степаном Федоровым, опубликованных П. А. Садиковым: там же, стр. 461—463.

⁷ Там же, стр. 203.

⁸ Там же, стр. 462.

в 25 случаях указаны родственники прежних владельцев: сыновья, дочери, жены, братья и племянники. Как они пережили опричное лихолетье — можно только гадать. Раздача пустоты, фиксация государством за возрождавшейся волостью ее угодий,⁹ а за каждым двором — определенной доли их, установление размера государственных податей — все это способствовало в какой-то мере восстановлению внутренней жизни волости. Правда, экономически Варзуга не достигла уже прежнего уровня (уровня середины XVI в.). Многие крестьяне, получившие в 1575 г. дворы, не смогли, видимо, обзавестись прочным хозяйством и утратили вскоре свои угодья. В 80-х годах в Варзуге снова значительная пустота. По писцовой книге 1586 г. Постника Балакшипа в волости оказывается 92 двора жилых и 42 пустых. В дальнейшем число дворов в Варзуге осталось примерно то же. Так, в 1614 г. при отводе в Варзуге 25 дворов Новоспасскому монастырю в отводной книге перечислено 55 дворов «государевых крестьян». Эти дворы в 1619 г. были переданы патриарху. Если учесть, что за Соловецким монастырем еще в 80-х годах было в Варзуге около 20 дворов и мест дворовых, то можно полагать, что общее количество дворов здесь в начале XVII в. достигало примерно сотни. Число жителей Варзуги, если исходить из расчета по 5 человек на двор, составит в середине XVI в. примерно 800 человек, а в начале XVII в. около 500 человек.

Такова внешняя история волости в изучаемый период.

Переходя к рассмотрению внутренней жизни волости, следует прежде всего выяснить, каким образом столь многолюдная и столь обширная по территории волость организовывала свое главное производство — рыбный промысел — и как происходило распределение получаемого при этом продукта.

Судя по документам XVI—XVII вв., рыбный промысел в Варзуге производился в море с берега и в реках; основной ячейкой промысла была тоня. Именно тони, т. е. удобные для лова места береговой полосы, установившиеся благодаря трудовому опыту поколений поморов, и перечисляют прежде всего писцы при описании волости. При переписи 1563 г. названо 83 тони действующих и 11 тонь пустых, при переписи 1575 г. число эксплуатируемых варзужанами тонь увеличилось до 113, так как между 1563 и 1575 г. к Варзужской волости была присоединена прибрежная территория от р. Каменки до р. Пялицы, ранее принадлежавшая двинянам. Примерно $\frac{2}{3}$ тонь находились на морском побережье (в 1563 г. — 54, а в 1575 г. — 82), остальные были устроены в реках, и более всего в Варзуге. Кроме

⁹ При этом в территорию Варзужской волости включен участок побережья между реками Каменкой и Пялицей, ранее находившийся во владении двинян.

тонь в реках, писцы перечисляют заборы — искусственные преграды, воздвигаемые поперек рек, с помощью которых рыба направляется в расставленные ей ловушки. Таких заборов в волости Варзуге было восемь, причем два забора на пограничных реках Оленице и Пялице находились в совместном владении с жителями соседних волостей.

Описания не оставляют сомнений в том, что все рыбные угодья — тони и заборы — являются общинной собственностью волости. «А те у них-угодья не делены...» — обычная заключительная формула писцов к перечню тонь и заборов, встречающаяся во всех описаниях.¹⁰ Неделимость волостных рыбных угодий — реальный факт. Варзужские тони никогда не были во владении отдельных членов общины. Об этом свидетельствуют даже сами названия тонь, происходящие от физико-географических особенностей местности. Лишь две тони названы производными от имен людей: Давыдкова тоня и Некрасовская тоня. Даже феодалы-монастыри, проникшие в волость в XVI в., не получили в свои руки определенные тони, а лишь имели право на долю угодий наряду с крестьянами.

Неделимостью волостных угодий обуславливается общинный характер их использования. Писцы подчеркивают это следующей формулой: «А ловят на тех тонях варзужские волости жильцы и Соловецкого монастыря старцы красную рыбу семгу всею Варзужскою волостью неводы и хаврами», «в речках и в реке Варзуге в заборех ловят красную рыбу семгу Варзужские волости жильцы всею волостью»,¹¹ — итак, совместный промысел; «всею волостью» — естественное явление не только для крестьян, но и для монастыря, выступавшего здесь, как видим, вместе с волостью. Общинный характер промысла, конечно, предполагает, что волость является и организатором промысла. Она устраивает и содержит тони — строит на тонях избы и другое оборудование, чистит берег и дно и т. д. Волостью возводились и преграды на реках — заборы. Это трудоемкое дело волость предпринимала ежегодно сразу же после вскрытия рек, так как по осеням, перед ледоставом, заборы разбирались. Какая-то часть орудий лова на тони и заборы изготовлялась или приобреталась, видимо, также волостью. Ряд описаний позволяет предполагать это. Так, писцы 1563 г. при описании тонь в р. Варзуге указывают и орудия лова, применявшиеся на тонях при промысле. Оказалось, что на четырех тонях это были неводы — всего 24 невода. На 18 тонях лов вели с карбасов, так называемыми поездами, — 78 поездов. При этом писцы указали, что поезд (род сети)

¹⁰ Сб. ГРЭ, т. I, № 165, стр. 165; Сборник материалов..., стр. 34; Сб. ГРЭ, т. I, № 444, стр. 490.

¹¹ Сб. ГРЭ, т. I, № 165, стр. 165; Сборник материалов..., стр. 34.

обслуживался двумя карбасами, по два человека на карбасе.¹² Приведение точных данных об орудиях лова на волостных неразделенных тонях свидетельствует, что писцы воспринимали их, эти орудия, также в качестве неразделенной волостной собственности. Наряду с волостными орудиями лова на промысле, конечно, употреблялись и крестьянские, так как они имелись почти в каждом хозяйстве. Поводы, гавры, сети, карбасы, лодки и т. д. довольно часто встречаются среди вкладов варзужских крестьян в Соловецкий монастырь.¹³ Крестьянин выходил со своими орудиями лова в соответствии с той долей, которая определялась количеством луков, находившихся в его владении.

Итак, неделимые рыбные угодья, общинная собственность на какую-то часть орудий лова, общий труд — вот что определяло жизнь волости. О степени участия волостных жителей в общинном промысле можно судить по описанию 1563 г. До опричного погрома волость выставляла лишь для карбасного лова, производившегося в 18 речных тонях, 312 рабочих. Обслуживание остальных 65 тонь требовало также около 400 ловцов, так как для обеспечения нормальной работы, по позднейшим данным, на тоне должно находиться в течение всего промыслового периода 5—6 человек. Исходя из вышеназванных расчетов о количестве жителей в Варзуге, можно заключить, что около 70—75% их участвовало в коллективном труде на промысле.

Встает вопрос: каким образом обеспечивался труд волостного крестьянина, т. е. как распределялся продукт промысла — рыба? И первое, что здесь может быть сказано: распределение шло не по труду, а в зависимости от величины той доли в волостных угодьях, которой владела крестьянская семья. Эта доля для каждой семьи определялась количеством луков или долей луков, которыми она владела. Описания волости, проводившиеся государством и фиксировавшие распределение луков между волостянами, и определяли эту долю, ибо как раз «по тем лукам, — как заявляют писцы, — ведают они сами меж себя тони рыбные ловли по морскому берегу и в реке в Варзуге неводные и гаровные и поездные и в речных заборах». Фактическое владение луками — при постоянном, как увидим, перераспределении луков между крестьянами — тщательно учитывалось волостью. «Луки ведают промеж себя сами по своим крепостям», — констатировали писцы. Да это и понятно, лук являлся определенной единицей, по которой волость могла установить размер участия каждого хозяина в промысле (как в трудовом отношении, так

и в отношении доли продукта), в податях, мирских сборах и повинностях.

Что же представлял собой лук в Варзужской волости? Лук как единица измерения владений крестьянского хозяйства встречается в довольно широком районе нашего Севера и зависит в своем содержании от экономических условий.

В Вотской пятине луками измерялась пашни. Так, в обыске 1571 г. о запустевших деревнях Кирьяжского погоста участок каждого крестьянина обозначался в луках. Например: «В деревни в Кюлакши лук пуст Игнатка Лутьянова..., в той же деревни лук пуст Мехика Пянтелнева..., в той же деревни лук куст Мелентейка Игнатова». Все хозяйства разорены опричниками («опричники живот пограбили, скотину засекали»), и крестьяне «запустили» землю, положенную в луки.¹⁴ Лук более северной Сумской волости, по описи 1611 г. заключал около трех гектаров пашни и сенокосные угодья на 53—86 возов сона.¹⁵ Крестьяне Кемской волости в 30-х годах XVII в. понимали под луком определенное количество пашни, сенокоса и промысловые угодья.¹⁶ Лук в волости Керети по описанию 1574—1575 гг. включал промысловые угодья и сенокосы,¹⁷ причем писцы описывают сенокосы луковые (за каждым крестьянином отдельно пожни), а затем поречисляют сенокосные угодья нелуковые, всевозможные рощицы, полянки, которые крестьяне «держали» на оброке. Очень важно для характеристики керетского лука указание писцов на то, что волость расчистила «ново» два лука «по реке по Керети от забора до Колупаева порога».¹⁸ Итак, лук в Керетской волости, как и в других волостях, включал определенную земельную площадь, пусть и сенокосную. Луки, следовательно, могли запустеть. Так, от «Басаргина правожу и от мору» в конце 60-х годов запустело 15 луков, которые к 1574—1575 гг. порожли «из пуста в живущее»,¹⁹ т. е. землю, приходящуюся на лук, стали обрабатывать. По-другому рисуются в источниках лук Варзужской волости — это доля в промысловых угодьях. Пашни здесь, по приведенным выше свидетельствам писцов, вообще не было, сенокосы как определенная площадь земли, видимо, не включались в луки. Так, те же писцы, которые описывали Ко-

¹⁴ Д. Я. Самоквасов. Архивный материал. Новоткрытые документы помещико-вотчинных учреждений Московского царства, т. II, ч. 2. М., 1900, стр. 94.

¹⁵ А. И. Копанев. Материалы по истории крестьянства конца XVI и первой половины XVII в. В сб.: Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей и редкой книги ВАН СССР, М.—Л., 1960, стр. 150.

¹⁶ А. И. Копанев. Оценная книга Кемской волости с волостками как источник экономической истории поморской деревни XVII в. Исследования по отечественному источниковедению. Сб. статей, посвященный 75-летию профессора С. И. Валина, М.—Л., 1964, стр. 344—354.

¹⁷ Сб. ГИО, т. II, № 138, стр. 451—462.

¹⁸ Там же, стр. 455.

¹⁹ Там же, стр. 457—458.

¹² Сб. ГИО, т. I, № 105, стр. 164—165. — По описаниям XIX в., поезда — это орудия, употребляемые при сумужьем лове, представляющие собой мешки из сетей, которые за оба конца тнут в воду, гребя на лодках (Н. Даниловский. Отчет, стр. 65). Лов с карбасов солиди в Сорочском заливе описан Н. Даниловским (там же, стр. 40).

¹³ Архив ЛОИИ, Коллекция актовых книг, № 152, лл. 850—864.

ротскую волость, при описании Варзужской волости не указывают луковых сенокосных угодий, хотя сенокосы в волости несомненно были, так как крестьяне держали скот (при описании дворов упоминаются хлевы и сеники).²⁰ Сенокосные угодья фигурируют, впрочем, всегда в общей форме, в юридических актах, оформлявших различные сделки на луки.²¹ Видимо, лук давал право варзужскому крестьянину лишь на долю в сенокосных угодьях, так же как в промыслах. Итак, лук в Варзужской волости представлял собой некую идеальную долю ее общих владений. Количество луков того или иного хозяина обозначалась его собственностью в общинном угодьи, которой он мог распорядиться совершенно свободно: продать, променять, завещать в монастырь, разделить между детьми, дать в приданое и т. д. Все эти сделки совершались на луки, но они никак не выделялись от остальных луков. Например, в 1581 г. Емельян Артемьев с сыном дали в Троице-Сергиев монастырь 6 луков «своего угодья», обозначив местонахождение этого угодья общей формулой «в Варзуге реке и во всех ловищах... и в поморском берегу от рубежа от реки от Оленицы да до реки Пялице», т. е. указали границы всей волости.²² В других актах указывалось, что лук (или луки) находится «промеж волощаны варзужаны».²³ Эти формулы актов подтверждают заявления писцов о неделимости волостных угодий в Варзуге. Долевое значение лука очевидно из того, что количество луков в волости почти не изменяется. Более столетия описания дают почти одну и ту же цифру луков, зафиксированную впервые писцами 1563 г., — 866 $\frac{1}{3}$ лука. Пустели двory, пустели топи или устраивались новые, а идеальное деление на луки оставалось неизменным.²⁴

Как установилось такое число луков? Видимо, это было делом волостного мира. В одной закладной 1547 г. есть указание на то, что лук прежнего времени («по старой описи») превратился в два лука («по нынешней описи»)²⁵ Можно полагать, что в 40-х годах было проведено удвоение числа луков. Вообще следует отметить, что лук в Варзуге выражал более мелкую долю, чем, скажем, лук в Керетской волости. По сообщениям писцов, лук в последней стоил 12 рублей, в первой — 2 рубля (в действительности он продавался еще дешевле — по 1 $\frac{1}{2}$ рубля).²⁶ Следовательно, единообразия луков даже в сходных промысловых волостях не было.

²⁰ Там же, т. I, № 270.

²¹ Там же, №№ 247, 251, 253.

²² Там же, № 247.

²³ Там же, №№ 253, 260, 264.

²⁴ Различия в цифрах итогов в табл. 1 за разные периоды очень значительны и объясняются, вероятно, недостаточностью источников.

²⁵ Сборник материалов..., стр. 28.

²⁶ Сб. ГРЭ, т. I, № 165, стр. 170, и т. II, № 138, стр. 457.

Как было сказано выше, лук — собственность крестьянина, которой он распоряжался по своей воле. Усиленная мобилизация луков, обусловленная экономическими причинами, имела следствием, с одной стороны, установление значительного неравенства в луковом владении внутри волости и облегчила проникновение в волость феодалов-монастырей, с другой.

Приобретая разными путями луки у крестьян, в Варзуге сначала укрепляются местные монастыри — Соловецкий, Сийский и Николо-Карельский, а затем и московские — Троице-Сергиевский, Новоспасский. Возрастают и владения патриарха. Данные о проникновении феодалов в волость сведены в табл. 1.²⁷

Таблица дает яркое представление о гибели крестьянской волости перед наступающим феодалом. Если в 1563 г. лишь 5%

Таблица 1

Рост феодальных владений в Варзуге

Принадленность луков	1563 г.	1575 г.	1586 г.	1614 г.	1622 г.	Вторая половина XVII в.
Крестьянские	830 $\frac{1}{3}$	726 $\frac{1}{3}$	429	266 $\frac{1}{2}$	—	—
Волостных церквей	—	12	—	—	—	—
Соловецкого монастыря	19 $\frac{1}{2}$	105	224	224	224	243
Троице-Сергиева монастыря	—	—	115 $\frac{1}{2}$	115 $\frac{1}{2}$	115 $\frac{1}{2}$	129
Николо-Карельского монастыря	10	16 $\frac{1}{2}$	30 $\frac{1}{2}$	30 $\frac{1}{2}$	30 $\frac{1}{2}$	43
Сийского монастыря	6 $\frac{1}{2}$	6 $\frac{1}{2}$	45	45	45	44
Новоспасского монастыря	—	—	—	134	134	134
Патриаршие	—	—	—	—	266 $\frac{1}{2}$	267
Кобелева	—	—	21 $\frac{1}{2}$	21 $\frac{1}{2}$	21 $\frac{1}{2}$	—
Всего	866 $\frac{1}{3}$	866 $\frac{1}{3}$	865 $\frac{1}{2}$	837	837	860

луков принадлежало феодалам, то к концу века уже 50%, а в начале 20-х годов XVII в. вся волость перешла в их владение. Тяжелое экономическое положение Варзужской волости во второй половине XVI в. (после опричного погрома и в годы хозяйственного кризиса) явилось благоприятным условием для приобретательской деятельности монастырей. Именно в 70-х и в начале 80-х годов более чем в 10 раз возросло число луков, принадлежавших Соловецкому монастырю, и создались владения Троице-Сергиева монастыря.

²⁷ Таблица составлена по описаниям, указанным выше (см. стр. 176); данные за 1586 г. и за вторую половину XVII в. взяты из работы А. А. Савича (Соловецкая вотчина XV—XVII вв., стр. 201—202). Данные о владениях Ивана Кобелева в 1614 г. см.: Сб. ГРЭ, т. I, № 444, стр. 486.

Впервые Соловецкий монастырь приобрел «участки в Варзуге в XV в.²⁸ Вероятно, это были три тони около Кашкаранцев, которые находились в XVI в. во владении монастыря и не входили в состав тонь Варзужской волости.²⁹ Волостные луки монастырь приобретал в XVI в. путем купли, заклада,³⁰ а еще чаще — через вклады по душе. Во вкладной книге Соловецкого монастыря XVII в. записано более 30 вкладов варзужских крестьян XVI в., которые пожертвовали в монастырь 111³/₄ лука. Если учесть, что вклады относятся главным образом к периоду экономического упадка и политического разгрома волости, то можно понять и причину этого явления; уступая свои луки монастырю, крестьяне, видимо, рассчитывали на его защиту.³¹ Несомненно Соловецкий монастырь и покупал луковые угодья, так как, помимо вкладных луков, за ним в 1586 г. числилось еще 112¹/₂ луков. Старцы Троице-Сергиева монастыря начали приобретать луковые угодья в Варзуге с 1580 г. и в короткий срок — к 1586 г. — завладели 115¹/₂ луками.³² В данном случае главный источник — покупка. Так же, вероятно, образовались и более мелкие монастырские владения в Варзуге — Сийского и Николо-Карельского монастырей. Иван Кобелев, московский гость и промышленник, купил в Варзуге более 20 луков уже в начале 80-х годов. Как относилась волость к факту выхода луковых угодий из крестьянских рук, сказать трудно. Но одно очевидно. Волость не допускала, чтобы феодал осваивал ту или иную часть территории волости для своего промысла. Феодал должен оставаться дольщиком, как другие волощане, и в соответствии с числом луков пользоваться угодьями.

Характерный в этом отношении случай произошел в 1582 г. Троице-Сергиеву монастырю в 1581 г. удалось получить на оброк 29 тонь, расположенных по берегу моря между рр. Камонкой и Пялицей. Волость запротестовала и отняла указанные угодья у монастыря.³³ Несмотря на повторную царскую грамоту, троицким старцам не удалось закрепить за монастырем эту территорию. Волость владела ею до конца своего существования.³⁴ Полностью волость перешла в руки феодалов уже при первом Романове. В 1615 г. царь пожаловал Новоспасскому московскому монастырю (где погребались представители рода Романовых) 25 дворов (а людей в них 35) и 134 лука в Варзуге.³⁵ В 1619 г. остальная часть волости была передана царем патриарху. В жа-

²⁸ ГВНИ, стр. 242—246.

²⁹ Сборник материалов..., стр. 38.

³⁰ Там же, стр. 28—29.

³¹ Архив ЛОИИ, Коллекция актовых книг, № 152, лл. 859—863.

³² Сб. ГКЭ, т. I, №№ 235, 247, 250, 251, 264, 265.

³³ Там же, № 255.

³⁴ Там же, № 444, стр. 490.

³⁵ АИ, т. I, № 60; Сб. ГКЭ, т. I, № 444, стр. 487.

лованной грамоте от 20 ноября 1619 г. говорится, что патриаршему дому передается 61 двор, а людей в них 72 человека, а угодья 267 луков.³⁶ И это владение не выделено, сказано лишь, что оно «по Варзуге и по морскому берегу от р. Оленницы до Пялицы».³⁷ «А те у них угодья не делены, а владеют ими меж себя, считаясь по лукам».³⁸ Итак, традиционная система «владения по лукам» осталась нетронутой и тогда, когда волость попала полностью в руки феодалов.

Наступление феодалов на волость облегчилось тем обстоятельством, что внутри ее происходила значительная дифференциация. Это прежде всего выражалось в неравномерности распределения луковых угодий между крестьянскими семьями. Данные о распределении луков по всем доступным нам описаниям сведены в табл. 2.

Хотя общее число крестьян-владельцев в каждом описании уменьшается (210, 130, 104 и 68), однако картина неравенства между крестьянами вырисовывается с полной очевидностью. Если сопоставить процентное отношение количества владельцев в каждой группе с процентным отношением числа луков, принадлежавших этой группе, ко всему числу луков в волости, то мы увидим разительные расхождения в полярно противоположных группах. Так, по описанию 1563 г. первая группа, составляющая 21.9% всех волощан, владела лишь 4.4% всех луков; вторая группа, составляющая 18.1%, владела 8% луков; в то же время группа последняя, составляющая лишь 6.1% всех владельцев, имела в своем распоряжении 21.9% волостных луков. Иначе говоря, 40% малосостоятельных волостных крестьян владели едва половиной того, что принадлежало 13 богатым владельцам. Следя за группами по всей таблице, мы замечаем, что процентное отношение, выведенное для 1563 г., примерно совпадает с процентным отношением для 1614 и 1622 гг. Здесь та же дифференциация владений. Некоторым диссонансом выглядят данные за 1575 г. — неравенство, хотя оно и имеется, не столь разительно. Преобладающее место занимают средние владения. И это объяснимо. Описание волости происходило после ее опустошения. Писец, конечно не без участия волощан, раздавал пустующие дворы новым жильцам, тогда же распределялись заново и выморочные луки. Устанавливалось относительное уравнение. Однако оно удерживается очень недолго. Уже через 20—30 лет мы видим то же неравенство во владении луковыми

³⁶ Сб. ГКЭ, т. I, № 496, стр. 551.

³⁷ Там же, № 496, стр. 552.

³⁸ Очень наглядно совместное владение угодьями в волости Умбе двух монастырей (Кирилло-Белозерского и Соловецкого), в соответствии с принадлежавшими им луками, дает выпис из отводных книг 1584—1585 гг. Монастыри совместно «по лукам» делали заборы в реку, обеспечивали некоторые тони орудиями лова, делили улов, косили покосы, пользовались мельницами и т. д. (Сб. ГКЭ, т. I, № 285, стр. 271—276).

Таблица распределения луков

Количество луков	1563 г.				1575 г.				1614 г.				1622 г.			
	количество владельцев в группе	%	количество луков в группе	%	количество владельцев в группе	%	количество луков в группе	%	количество владельцев в группе	%	количество владельцев в группе	%	количество владельцев в группе	%	количество луков в группе	%
До 1	46	21.9	37	4.4	6	4.6	4 1/2	0.5	32	30.0	29 1/2	7.2	14	20.6	12	4.5
До 2	38	18.1	67	8	5	3.8	9	1.1	11	10.0	22 1/2	5.5	4	6	8	3
До 3	31	14.7	86 1/3	10.3	18	13.8	53 1/2	7.4	16	15.3	37 1/2	9.2	14	20.6	37	14
До 4	25	11.9	93 1/4	11.2	27	20.7	107	13.6	16	15.3	62 1/2	15.5	11	16.2	42	16
До 5	11	5.2	52 3/4	6.2	19	14.6	95	13.4	9	8.6	56 1/2	13.9	9	13.2	45	17
До 6	19	9	108 3/4	13	22	16.9	131	18.2	5	4.8	31 1/2	7.7	5	7.4	28	10.2
До 7	12	5.7	81	9.8	7	5.3	49	6.9	3	2.7	22 1/2	5.5	3	4.4	21	8
До 8	10	4.7	78 1/4	9.4	11	8.4	86	12	4	3.9	33 1/2	8.2	1	1.5	8	3
До 9	4	1.8	35	4.2	3	2.3	25	3.5	1	0.9	8 1/2	2	2	2.9	17 1/2	7.4
До 10	1	0.5	9	1	4	3	40	5.6	1	0.9	9 1/2	2.2	—	—	—	—
Свыше 10	13	6.1	182	21.9	8	6.1	118 3/4	16.4	6	5.7	87	21.7	4	6	48	18
Всего	210		830 1/3		130		718 3/4		104		401		68		266 1/2	

угодьями, которое как итог длительного развития зафиксировано было описанием 1563 г. Отсутствие стабильности в распределении луков подчеркнуто в своеобразной форме писцами Постником Балакишиным и Прокофием Яковлевым. Раздав в 1586 г. выморочные и пустые луки варзужанам, за которыми луков было мало или совсем не было, и опасаясь, что эти луки перейдут в руки «старцев», писцы взяли с крестьян «поруки» в том, чтобы они никак не отчуждали своих владений в монастыри.³⁹ «Поруки» эти, видимо, имели реальное значение, так как после 1586 г. и до раздачи правительства Михаила Романова монастырские владения в Варзуге (см. таблицу № 1) не увеличились. Но процесс перераспределения луков между крестьянами происходил весьма активно, о чем свидетельствует углубление неравенства в волости к началу XVII в. (см. табл. 2). Видимо, экономическое состояние определенной группы крестьян было таково, что опасность утраты луков для них была всегда вполне реальна. Такие крестьяне экономически деградировали: «вoločились меж двор», как это отмечено писцовой книгой 1586 г.,⁴⁰ покидали волость, превращались в бобылей. По писцовой книге Вельяминова Зернова 1622 г. в Варзуге числилось 10.1% бобыльских дворов,⁴¹ т. е. таких дворов, которые не имели луков.⁴²

Собственность крестьянина на лук как идеальную долю угодья и связанная с этим полная свобода распоряжения им обусловили большую динамичность в распределении реальных угодий, находившихся в нераздельном владении общины. Но лук определял не только долю в угодьях. Если принять во внимание, что промысел производился «всею волостью», то станет ясно, что лук определял также и долю труда, которую обязан был нести в общем промысле каждый владелец лука, будь то крестьянин или втесавшийся в волость монастырь. Волость, конечно, знала, сколько требуется средств для организации промысла и сколько рабочих для его ведения. То и другое рассчитывалось по лукам. У нас нет таких документов, которые бы позволили уяснить самую систему расчета, но что она существовала — несомненно.

В этом плане целесообразно сослаться на практику более позднего времени. В XIX в. в Варзуге и в соседней с ней волости Умбе при общинном владении неразделенными угодьями раскладка доходов от промыслов (они сдавались волостью на откуп) производилась по душам. На души раскладывались и трудовые затраты: например, в Умбе для постройки забора в реке назна-

³⁹ А. А. Савич. Соловецкая вотчина XV—XVII вв., стр. 201.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Сб. ГКЭ, т. II, № 105, стр. 312—313.

⁴² В Кемской волости в 30-х годах XVII в. бобылями считались те, кто не имел луковых угодий.

чался один рабочий с 5 душ.⁴³ Следовательно, «душа» символизировала некую долю в неразделенных угодьях.⁴⁴ В XVI—XVII вв. такой твердой единицей раскладки мог быть только лук. И таких луков в волости Варзуге было 866.

В результате строгого проведения — а это несомненно, так как за этим следила вся волость, — принципа расчета по лукам обязанности участия в труде для каждого владельца была очень различна: для одних мала, для других велика. Пропорционально своим владениям большую долю труда должны были нести монастыри. Но эта идеальная справедливость сводилась на нет экономическими условиями внутри волости. Как состоятельные крестьяне, имевшие большое число луков, так и феодалы владельцы луков находили рабочую силу в той же волости, среди имению тех групп крестьян, которые обладали ничтожным количеством луков. Для них труд на общем промысле был экономической необходимостью. Работа по найму за деньги («покрута») или из доли промысла (например, от 5-й рыбы) была источником существования для значительного числа воложан. Итак, социальный результат дифференциации, о которой мы говорили выше, — это углубление процесса господства и подчинения внутри волости, углубление эксплуатации мало обеспеченных луковыми владениями крестьян со стороны богатых воложан и феодалов.

Как же был организован промысел в волости? Конечно, заявления писцов о промысле «всей волостью» совсем не означало, что в ней отсутствовала внутренняя организация промысла. Наоборот, некоторые документы позволяют нащупать эту организацию. Так, закладная 1547 г. говорит, кажется, о делении волости на четверти.⁴⁵ Из отводной книги 1614 г. узнаем о разделении волости на пятинны, — причем, судя по описаниям 10 крестьянских пятин, определяющим для пятинны было не число крестьянских хозяйств, отнесенных к ней, а число луков — 43 лука. В пятиннах было 14, 13, 12, 11, 8 и даже 6 хозяйств, но число луков было равным. В нескольких случаях в состав крестьянской пятинны были включены луки феодалов: 6½ луков Соловецкого монастыря,

⁴³ Н. Данилевский. Отчет, стр. 74—75. — В 1858 г. на душу пришлось 17 руб., в 1859 г. — от 37 до 40 руб.

⁴⁴ В самой организации продажи на откуп рыбных угодий в Варзуге в XIX в. налицо пережитки прошлого. Все 987 душ разделены на 5 участков, называемых ярлыками. Каждый ярлык имеет свою долю в каждом из рыболовных угодий. Но участки эти разделены не в действительности, а идеально. Каждый ярлык продавал откупщику лишь свою долю (например, 1/5 долю забора в Варзуге), а полученные деньги, после вычета суммы на уплату подушной подати, делил по душам. Так как ярлыки продавали свои участки порознь (в отдельных избах), то и цена за доли в одном и том же участке была разная, а значит и доход на душу. Откупщик мог купить все 5 частей того или иного участка, — тогда он пользовался им один; или купить одну, две части, — тогда пользовался долей участка (Н. Данилевский. Отчет, стр. 72—74).

⁴⁵ Сборник материалов..., стр. 28.

21½ луков купца Ивана Кобелева, 5 луков московского Новоспасского монастыря.⁴⁶ По позднейшим данным, 430 луков, захваченных монастырями, были тоже распределены на 10 пятин по 43 лука, т. е. все 860 луков Варзужской волости составили 20 пятин.⁴⁷ Таким образом, пятинна была 1/20 долей всей волости и являлась удобной формой как для распределения угодий волости и продуктов промысла, так и для распределения трудовых обязанностей воложан. Пятинна могла явиться и работоспособной трудовой артелью. Вероятно, труд таких пятин и предполагают заключительные слова отводной книги 1614 г.: «... на всех рыбных ловищах по реке по Варзуге и по морскому берегу по рекам и по толям и по лесным озерам ловят варзужаня и монастырские ловцы ежегод переходя, а те у них угодья не делены».⁴⁸ Переход артелей из года в год на разные участки рыбных угодий уравнивал в какой-то мере шансы рыбаков на улов. Итак, сама организация промысла была основана на неделимости волостных угодий. Это условие соблюдается и тогда, когда половина волости — 430 луков — находилась в руках феодалов.

Попытаемся хотя бы приблизительно определить экономическое состояние крестьянского хозяйства XVI в.

Начнем с главного: что давал крестьянам основной промысел — рыбный? В источниках, конечно, нет указаний на общую сумму дохода волости от этого промысла, но приблизительно ее можно установить из суммы платежа «за десятую рыбу». По описаниям 1563 и 1575 гг., платеж за десятую рыбу исчислялся в размере 140 р.⁴⁹ Так как по другим источникам очевидно, что «десятая рыба» действительно составляла десятую часть всего улова,⁵⁰ то, выходит, при оценке «десятой рыбы» в 140 р. весь улов (т. е. весь доход Варзуги) может быть оценен в 1400 р. Вычтем из суммы налога, уплачиваемые волостью в размере 308 р. (12 р. 13 а. 2 д. — оброк по гривне со двора, 51 р. 32 а. 3 д. — дань с лука по 2 а., 140 р. — за десятую рыбу, 105 р. — тамга),⁵¹ и мы получим

⁴⁶ Сб. ГКЭ, т. I, № 444.

⁴⁷ А. А. Савиц. Соловецкая вотчина в XV—XVII вв., стр. 202.

⁴⁸ Сб. ГКЭ, т. I, № 444, стр. 490.

⁴⁹ Там же, № 165, стр. 170.

⁵⁰ А. И. Андреевым приведен разительный пример соответствия «десятой рыбы» с уловом по Понойскому промыслу (см.: Сборник материалов..., стр. 17—18). Размер платежа за «десятую рыбу» оставался неизменным, видимо, долгое время. В 1581 г. казна сдала на откуп сбор «десятой рыбы» в Варзуге двум крестьянам, обязавшимся «наддать» 5 р. к прежней сумме и платить 145 р. (Сб. ГКЭ, т. II, № 236а, стр. 830).

⁵¹ Все налоги указаны в описании 1563 г., за исключением тамги, — видимо, случайно пропущенной. В описании 1575 г. тамга уже указана (Сб. ГКЭ, т. I, № 165, стр. 163, 170; Сборник материалов..., стр. 37). Точность указанной нами цифры платежей подтверждается распиской дьяков Андрей Арцыбашева и Семена Собаки Васильева о приеме в казну в Четвертной приказе в Варзуге «со всех угодий оброку и пошлин» на 1578 г. 333 р. 16 а. 3 д. В расписке оговаривается, что с 14 луков Сийского монастыря платежи (5 р. 21 а. 3 д.) не взяты «по государева жалованной гра-

1092 р. чистого дохода. Если разделить этот доход на число луков (866), то выйдет, что на каждый лук приходилось по 1 р. 4 а. 4 д. Исходя из вышеприведенной таблицы распределения луков между волощанами, мы можем сделать вывод о большом неравенстве в распределении доходов от промыслов. Более 20% крестьян имели доходы по рублю и ниже рубля, 18% — от 1 до 2 р., 15% — от 2 до 3 р. Были и такие крестьяне, которые получали свыше 10 р., до 20 и 30 р. Чтобы дать представление о реальном значении этого дохода, сравним доход на лук с ценами того времени на хлеб. А. Г. Маньков отметил цены ржи в Поморье (Двина, Холмогоры, Ненокса, Николо-Карельский монастырь) для периода с 1550 по 1565 г. 16 раз, что позволяет вывести среднюю цену на эту культуру в 78 денег московских за четверть.⁵²

Исходя из этой цены, на доход, полученный с одного лука, можно было купить 3 четверти ржи (около 20 пудов). Такого реального значения доходов одного лука. Из этого расчета совершенно очевидно бедственное положение крестьянина, владевшего частью лука, одним луком или двумя-тремя луками, и большие возможности для скопления значительных богатств в руках крупных луковладельцев. Вот пример: Денис Захарьев, владелец 7½ луков (по описаниям 1563 и 1575 гг.), дал вкладом в Соловецкий монастырь «за себя и за сына» 10 луков, двор, хоромину, кабалы — всего на 84 р.⁵³ Как видим, этот разбогатевший крестьянин был еще и ростовщиком. Многие другие вкладчики Соловецкого монастыря делали ценные вклады как натурой (скот, постройки, рыболовные снасти, суда) так и крупными денежными суммами. Конечно, эти экономически сильные крестьяне могли с помощью денег приобрести новые луки, принудить работать на себя обедневших волощан и т. д. Внешним выражением несостоятельности крестьянина является отсутствие у него двора. В отказной книге 1614 г. таких крестьян-луковладельцев насчитывалось 15,4%.⁵⁴

Хотя рыбный промысел и был основным источником существования крестьян, но, конечно, не единственным. Если взглянуть на описание двора в Варзуге (например, двор Козьмы Юкшеева,

моте». В сумму, доставленную в Четвертной приказ зимой 1578 г., входили еще 25 р. оброка, наложенного в 1575 г. на Варзугу и монастыри за пользование угодьями между реками Каменкой и Пялицей — 29 тонн и 4 забора (Сборник материалов... стр. 37; ГКЗ, т. II, № 236а, стр. 830). Деньги, согласно расписке, в Москве платили крестьяне Варзужской волости Иванец Марфин (владелец 15 луков по описанию 1575 г.) и слуга Соловецкого монастыря Семейка Иванов. Участие соловецкого слуги в доставке денег в Москву показывает, что этот монастырь, — а следовательно, и другие монастыри (за исключением Сийского), — платил в этом году все налоги вместе с волостью (Архив ЛОИИ, Двинские акты, № 28).

⁵² А. Г. Маньков. Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М.—Л., 1951, стр. 104—105.

⁵³ Архив ЛОИИ, Коллекция актовых книг, № 152, л. 80б.

⁵⁴ Сб. ГКЗ, т. I, № 444.

теру своей деятельности мало чем отличался от банд лисовчиков. Заруцкий — агент польских интервентов, он порывал с ними только тогда, когда панская оценка его заслуг не удовлетворяла его необузданного честолюбия.¹⁰

Не менее резкая характеристика движения Заруцкого дана в «Очерках по истории СССР». Об уходе Заруцкого из-под Москвы в 1612 г. там сказано: «С Заруцким и вслед за ним ушли лишь те отряды, которые состояли из пришельцев-авантюристов или из людей, потерявших связь с родной страной и мечтавших только о добыче...». «На юге (России, — И. Ш.) орудовали разбойничьи шайки авантюристов И. Заруцкого и М. Мишкеш». ¹¹

Некоторые данные о движении Заруцкого имеются в монографии И. И. Смирнова «Восстание Болотникова» и в предисловии, написанном им к изданию «Хроники» Конрада Буссова. В монографии И. И. Смирнов указывает на то, что «с восстанием Болотникова связал свои первые политические шаги Заруцкий». ¹² В предисловии к «Хронике» Буссова он обстоятельно рассматривает события, связанные с убийством Лжедмитрия II в декабре 1611 г. в Калуге, и дает оценку поведению Заруцкого. ¹³

Опираясь на «Хронику» Буссова и «Новый летописец», Смирнов склонен думать, что после рождения сына у Марины Заруцкой связал с ней свою судьбу, а казачество присягнуло верно служить «царевичу Ивану Дмитриевичу».

Иной точки зрения на Заруцкого, на мой взгляд правильной, придерживается Н. П. Долинин. Отправным моментом в оценке движения Заруцкого для Долинина является анализ состава подмосковного ополчения и политика, проводимая Трубецким и Заруцким. Долинин указывает, что «характерной особенностью полков, стоявших под Москвой, являлось численное преобладание в них казачества над дворянами и детьми боярскими». ¹⁴ В другом месте той же книги он пишет: «В подмосковном ополчении 1611—1612 гг. главную массу составляли казаки, значительная часть которых являлась выходцами из беглых крестьян и холопов». ¹⁵ Автор справедливо подчеркивает, что нельзя смешивать в одну кучу «Заруцкого, использовавшего события в своих авантюрных целях... с социальными силами, которые его поддерживали, но не имели ничего общего с его замыслами». ¹⁶ Следует признать

¹⁰ В. Н. Бернадский. Конец Заруцкого, стр. 93.

¹¹ Очерки истории СССР. Конец XV—начало XVII в. М., 1955, стр. 586, 599.

¹² И. И. Смирнов. Восстание Болотникова. 1606—1607. М., 1951, стр. 508.

¹³ Конрад Буссов. Московская хроника. М.—Л., 1964, стр. 28—30.

¹⁴ Н. П. Долинин. Подмосковные полки (казацкие таборы) в национально-освободительном движении 1611—1612 гг. Харьков, 1958, стр. 72.

¹⁵ Там же, стр. 119.

¹⁶ Там же, стр. 47.

правильным замечание Долинкина и о том, что Заруцкий ушел из-под Москвы к Коломне в июле 1612 г., «чтобы снова связать свою судьбу с Мариной Мнишек и ее сыном „воренком“». ¹⁷ Однако надо заметить, что Заруцкий со времени убийства Лжедмитрия II в Калуге никогда не порывал связей с Мариной, поэтому «снова» ему связывать свою судьбу с ней не было надобности.

Суммируя высказывания дореволюционных и советских историков о движении Заруцкого, следует отметить, что многое остается неясным. Мне представляется, что и характеристика самого Заруцкого и тем более социальных сил, на которые он опирался, нуждается в дополнительном уточнении и оценке. Эту задачу и ставит перед собой автор.

Начало участия Заруцкого в общественно-политических событиях России источники относят к 1604—1605 гг. и связывают его с появлением Лжедмитрия I. Так, в Статейном списке посольства Ивана Брехова в Персию от 1614—1615 гг. сказано, что Заруцкий «с первым воров з Гришкою Отрепьевым, и з другим, которой в того вора места живым назывался, был вместе и всякое зло Московскому государству чинил...». ¹⁸

На связь Заруцкого с Лжедмитрием I указывает и Буссов. Рассказывая о пребывании Заруцкого летом 1607 г. в Стародубе и о встрече его с новым самозванцем — Лжедмитрием II, Буссов пишет: «Он (Заруцкий, — II. Ш.) очень обрадовался приезде Дмитрия, поспешил к нему, чтобы передать... письма (от Болотникова, — II. Ш.), но с первого взгляда понял, что это не прежний Дмитрий, однако на людях виду не показал и, невзирая на это, воздал ему царские почести». ¹⁹

В каком году Заруцкий оказался в составе рати Лжедмитрия I, из приведенных источников заключить нельзя; но в том, что он участвовал в событиях, связанных с именем первого самозванца, не возникает сомнения. Из источников, которые деятельность Заруцкого связывают с движением донского казачества, можно заключить, что Заруцкий оказался у самозванца осенью 1604 г. По всей вероятности, он был в той группе казачества, которая вошла в состав войска Лжедмитрия еще в Польше. ²⁰

Такое предположение основано на том, что источники считают Заруцкого не русским по происхождению. Автор «Иного сказания» называет его «паном», ²¹ Авраамий Палицын и Бус-

¹⁷ Там же, стр. 113.

¹⁸ С. Б. Веселовский. Памятники дипломатических и торговых отношений Московской Руси с Персией, т. II. СПб., 1892, стр. 318.

¹⁹ Конрад Буссов. Московская хроника, стр. 144—145.

²⁰ Новый летописец кн. Оболенского. М., 1855, стр. 61; Конрад Буссов. Московская хроника, стр. 100; Исаак Масса. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937, стр. 78; Сказание Авраамия Палицына. Под ред. Л. В. Черепнина. М.—Л., 1955 (далее: Палицын), стр. 78.

²¹ РИБ, т. XIII, стб. 126.

сов — «поляком», ²² Мархоцкий и Жолкевский — уроженцем «па Торнопоя», ²³ Маскович — «волынцем», ²⁴ Петрей — «белоруссом», ²⁵ в царских грамотах Заруцкий именуется «черкашенином», т. е. украинским казаком. ²⁶

Думаю, что, говоря о происхождении Заруцкого, следует доверять показаниям Мархоцкого и Масковича, так как они непосредственно сталкивались с Заруцким по службе. О социальном положении Заруцкого говорит лишь Пискаревский летописец, сообщая, что он родом «от простых людей». ²⁷ Этим, видимо, и объясняется близость Заруцкого к казакам и выдвигание его казачьим атаманом. Знание Заруцким русского и в какой-то мере польского языков позволяло ему руководить донскими казаками и черкасами и общаться с польскими панями, а впоследствии войти в контакт с Мариной Мнишек. Из этих же источников видно, что Заруцкий обладал качествами, достойными атамана. Автор «Иного сказания» писал: «И сей бысть не нехрабр и сердцем лют, но нравом лукав». ²⁸

Катырев-Ростовский называет Заруцкого «мужем не без великой храбрости». ²⁹ По свидетельству гетмана Жолкевского, Заруцкий — «неугомонная голова, ему доставало сердца и смысла на все, особенно ежели предстояло сделать что-либо злое». ³⁰

Итак, Заруцкий с самого начала появления Лжедмитрия I в России включился в движение вместе с социальными низами. Сам он, вероятно, был казаком. После вступления Лжедмитрия на русский престол Заруцкий, как и все казаки, вернулся на Дон или в Северскую Украину. С обострением классовых противоречий в 1606 г. и началом восстания И. Болотникова Заруцкий вместе с казачеством стал его участником. Будила называет Заруцкого вторым вождем крестьянской войны. Он пишет, что после поражения рати Болотникова под Москвой Заруцкий ушел в Тулу, где «немало перебил людей у Шуйского, когда тот несколько раз покушался взять ее». ³¹ Надо предполагать, что Заруцкий получил задание от Болотникова идти к Туле для связи с воеводами Григорием Шаховским и кн. Телятевским, которые готовили дополнительные силы. О близости Заруцкого с Болотниковым говорит посылка его

²² Палицын, стр. 211; Конрад Буссов. Московская хроника, стр. 144.

²³ Записки гетмана Жолкевского о московской войне. Изд. П. А. Мухомовым, СПб., 1871, стр. 83.

²⁴ Н. Устрялов. Сказания современников о Дмитрии Самозванце, ч. II. СПб., 1859, стр. 31.

²⁵ Петр Петрей де Ерлезунда. История о Великом княжестве Московском. М., 1867, стр. 27.

²⁶ ААЭ, т. XI, СПб., 1836, № 18.

²⁷ Материалы по истории СССР, вып. II, М., 1955, стр. 144—145.

²⁸ РИБ, т. XIII, стб. 126, 1136.

²⁹ Там же.

³⁰ Записки гетмана Жолкевского о московской войне, стр. 116.

³¹ РИБ, т. I, стр. 121.

из Тулы с письмами в Польшу к «царю Димитрию» — второму самозванцу. Цель отправления Заруцкого Болотниковым хорошо раскрывается Буссовым. Он пишет: «Болотников послал из осажденного города одного поляка, Ивана Мартыновича Заруцкого, который должен был разузнать, что с государем, которому Болотников присягал в Польше. Собирается ли он приехать сюда и как вообще обстоит дело с ним».³²

Сказанному Буссовым можно вполне верить, так как рать Болотникова в июне 1607 г. находилась в затруднительном положении. Тула была со всех сторон окружена войсками Шуйского. Болотников нуждался в помощи войнами и провиантом. К тому же вера в спасшегося царя Димитрия без появления его в России теряла свое значение.

Заруцкий добрался до Стародуба Северского и, встретившись там с Лжедмитрием II, остался у него на службе. Вероятно, он не вернулся в Тулу, во-первых, потому, что в июне 1607 г. под Тулой стояла стотысячная царская армия и при таком положении легко было оказаться в плену и тем самым раскрыть замысел Болотникова; во-вторых, потому, что перед ним стояла задача прийти в Тулу с войсками самозванца, а в июне 1607 г. у Лжедмитрия II их почти не было. Заруцкий своим присутствием в лагере Лжедмитрия должен был ускорить мобилизацию и поход ратных сил в Тулу. Военные силы самозванца уже в сентябре 1607 г. оставили Стародуб и пошли к Брянску. В октябре они были под Белевом. В походе участвовала, кроме поляков, значительная часть крестьян и мелких служилых людей Северной Украины. Но при всем этом соединение сил Лжедмитрия II и Болотникова не состоялось. 10 октября Тула капитулировала. Вест о поражении Болотникова внесла панику в войско самозванца, и оно в расстроенном порядке вернулось в Северскую Украину. Начался новый этап подготовки похода на Москву. Центром сосредоточения сил Лжедмитрия II на этот раз был город Стародуб. В течение октября—ноября 1607 г. сюда пришло значительное количество поляков, увеличилось число и русских ратников. В мобилизации ратных сил немалую роль играл Заруцкий. По утверждению Мархоцкого, он зимой 1608 г. привел с собою в Орел три тысячи запорожских и пять тысяч донских казаков.³³ С этого времени Заруцкому было поручено предводительствовать донскими казаками и примыкавшими к ним крестьянами. Мархоцкий пишет, что казаки, стрельцы и воины из крестьян входили в состав двух групп: одной командовал Лисовский, другой — атаман Заруцкий.³⁴ Значительная часть каза-

ков и крестьян, влившихся в войско Лжедмитрия II, состояла из участников восстания Болотникова.

Заруцкий участвовал во всех крупных сражениях: под Болховом, Москвой и другими городами. В битве на Ходынке 24 июня 1608 г. он руководил правым крылом рати самозванца. Ему было поручено нанести удар татарам.³⁵ В августе 1609 г. Заруцкий в составе войска Санеги ходил с казаками под Колязны против Скопина-Шуйского.³⁶

Казаки в Тушине занимали видное место и играли в борьбе с войсками Шуйского не последнюю роль. Без них не обходилось ни одно сражение. Они являлись самостоятельной боевой единицей с атаманами и сотниками и непосредственно подчинялись Заруцкому. В 1608—1609 гг. Заруцкий был в большом фаворе у Лжедмитрия и гетмана Рожинского. Он числился не только главным атаманом донских казаков, но и боярином, ведавшим одним из приказов.³⁷

Но теперь, убедившись в ничтожестве Лжедмитрия и стремясь сохранить свое положение на уровне боярина, Заруцкий противопоставил себя рядовой массе казачества, которая верна была самозванцу. Подобная позиция Заруцкого и назревание кризиса в Тушинском лагере раскололи казаков на две группы. Казацкая верхушка и так называемые «старые» казаки, ранее находившиеся на царской службе, остались с Заруцким, рядовые казаки ушли следом за Лжедмитрием в Калугу.³⁸ Заруцкий, потеряв веру в Лжедмитрия, склонился на сторону поляков. В феврале 1610 г. он с патриархом Филаретом и боярином Салтыковым участвовал в переговорах с представителями короля Сигизмунда III по поводу принятия на русский престол Владислава.³⁹ После заключения договора и разгрома интервентов под Дмитровом русскими войсками Заруцкий вместе с тушинцами-поляками отправился к Смоленску.

Лжедмитрий II, пытаясь вернуть Заруцкого с казаками в Калугу, послал в Тушину Ивана Плещеева, но эта попытка не увенчалась успехом. Правда, и Заруцкому не удалось увести с собой всех казаков. Как явствует из «Хроники» Буссова, «многие казаки, которым до смерти надоела эта диковинная война, ушли снова в Дикое поле».⁴⁰

Тхоржевский и Бернадский объясняют переход Заруцкого на сторону польских интервентов тем, что он тайно или явно тяготел к ним.⁴¹ Мне представляется такой вывод неубедительным.

³⁵ РИБ, т. I, стб. 135—136.

³⁶ Палицын, стр. 187.

³⁷ Сборник князя Хилкова, СПб., 1879, стр. 76—77.

³⁸ РИБ, т. I, стб. 543.

³⁹ Там же, стб. 524.

⁴⁰ Конрад Буссов. Московская хроника, стр. 163.

⁴¹ С. И. Тхоржевский. Народные волнения..., стр. 1.

³² Конрад Буссов. Московская хроника, стр. 144.

³³ Mikolaj Marchocki. Historia Wojni moskiewskiej. Poznan, 1841, стр. 19.

³⁴ Там же.

Если Заруцкий временами и примыкал к некоторым из польских панов, то только потому, что искал для себя более выгодного положения. В составе же королевской армии он служил лишь до сентября 1610 г. В конце этого месяца, когда интервенты во главе с Жолкевским заняли Москву, Заруцкий с несколькими сотнями донских казаков бежал через Серпухов в Калугу.⁴² Источники не объясняют причину разрыва Заруцкого с поляками. С занятием поляками Москвы его престиж стал падать, и он, очевидно, видел единственный выход из этого положения в уходе в Калугу к самозванцу. В Калуге Заруцкий снова стал предводителем над всем казачеством и пользовался правами наравне с князьями Д. Т. Трубецким и Г. Шаховским. Казаков в Калуге было гораздо больше, чем дворян и детей боярских. По свидетельству Будилы, еще 6 сентября 1610 г., когда надежды самозванца на занятие Москвы были потеряны, «более знатные», находившиеся при нем, «присоединились к москвичам, а казачество и меньшие бояре пошли за царем в Калугу».⁴³ К концу сентября калужский лагерь по своему национальному составу стал преимущественно русским, так как польская рать с Салогой ушла в Северскую Украину.

Вся калужская рать делилась на три группы: казаков во главе с Заруцким, дворян и детей боярских с князьями Д. Т. Трубецким и Г. Шаховским и татар под предводительством Петра Урусова. Наиболее устойчивой и преданной Лжедмитрию группой были казаки. Что касается дворян и детей боярских, то они не прочь были примкнуть к московским служилым людям, ждавшим на русский престол королевича Владислава. Татары, возглавляемые Урусовым, проявили такое же непостоянство, как и в 1607 г., после поражения Болотникова. Калужский лагерь их скрывал и тяготил. Среди татар, по всей вероятности, были агенты короля Сигизмунда, которые не без его влияния расправились с самозванцем.

11 декабря 1610 г. Петр Урусов с группой татар убил Лжедмитрия II, после чего большинство татар покинуло Калугу. По свидетельству летописца, смерть Лжедмитрия вызвала мятеж со стороны горожан и донских казаков. Они «взволновашася градом всем и татар побилша всех, кои в Калуге были», а труп самозванца похоронили «честно в соборной церкви у Троицы».⁴⁴

Из расспросных речей двух романовских татар известно, что казаки решительно расправились с татарской знатью, убив «лучших музз Адея Муззу Шейдякова да Стралея Муззу, да Кара Богатыря и иных... а дворы их разграбили». Убийство самозванца сильно сказалось на настроении Заруцкого. Он пытался

бежать из Калуги, но его «изымали миром... из острогу не отпустили».⁴⁵

В дневнике указывается, что мятеж народных масс был усмирен князем Шаховским.⁴⁶

Совокупность приведенных данных о событиях в Калуге позволяет заключить, что смерть самозванца вызвала негодование против убийц лишь у рядовых горожан и донских казаков во главе с Заруцким, что прямыми убийцами были представители татарской знати и что служилые люди — дворяне и дети боярские во главе с князем Шаховским и Трубецким — не только не выступили против татар, но постарались потушить гнев народа.

Определенную роль сыграло и рождение Мариной сына, которому калужские люди все «обрадовались и назваху его царевичем и крестиша его честно»,⁴⁷ — иначе говоря, признали его законным наследником «царя Димитрия». Донские казаки объявили себя сторонниками Марины. Калужский лагерь в связи с этим распался. Марина с Заруцким и казаками, которых насчитывалось в это время до 1500 человек, переехали в Тулу, а Шаховской и Трубецкой с дворянами и детьми боярскими остались в Калуге.

Заруцкий, таким образом, связал свою судьбу с Мариной Мишкек и поставил целью посадить Марину с сыном на царский престол. Эта идея активно поддерживалась в 1611 г. не только казаками и примыкавшими к ним холопами и крестьянами, но и мелкими служилыми людьми: детьми боярскими и стрельцами. Социальные силы, на которые опирался Заруцкий, значительно пополнились в процессе организации первого Земского ополчения. В связи с этим положение Заруцкого оказалось более прочным.

Развернувшееся национально-освободительное движение в январе—марте 1611 г. всколыхнуло широкие слои народных масс, охватив огромную территорию Русского государства. На призывы Прокопия Ляпунова, патриарха Гермогена, жителей отдельных городов откликнулись и бывшие тушинцы. К Рязанскому и Замосковным уездов ополчению из Калуги пришли ратники во главе с князем Д. Т. Трубецким, из Тулы — Заруцкий, а с ним «дворяне и дети боярские многих городов и многие атаманы и казаки и севрюки и всякие служилые люди».⁴⁸

Кобержицкий указывает, что в первом ополчении «донские казаки составляли значительную часть... их привел гетман Заруцкий, всею душою преданный вдове самозванца. Ляпунов обманывал гетмана надеждою, что по изгнанию поляков сын Марины будет возведен на престол».⁴⁹ Особенно пополнилось ополчение со-

⁴⁵ АИ, т. II, № 307.

⁴⁶ РИБ, т. I, стб. 712.

⁴⁷ ПСРЛ, т. XIV, ч. 1, стр. 105.

⁴⁸ А. Палицын, стр. 215.

⁴⁹ С. Кобержицкий. История Владислава. Сын отечества, кн. III, 1842, стр. 7.

⁴² Записки гетмана Жолкевского о московской войне, стр. 83.

⁴³ РИБ, т. I, стб. 210.

⁴⁴ ПСРЛ, т. XIV, ч. 1, стр. 105.

цпальными низами после опубликования воеводами грамоты на имя казанского митрополита. В ней они писали: «А которые казаки с Волги и из иных мест придут к нам к Москве в помощь и им будет всем жалованье и порох и свинец; а которые боярские люди крепостные и стариные и те б шли безо всякого сумнения и боязни, всем им воля и жалованье будет, как и иным казакам, и грамоты им от бояр и воевод и ото всей земли приговору своего дадут».⁵⁰ Эти обещания воевод вполне устраивали угнетенных людей, и они приходили массами в ополчение. Холопы и крестьяне, прибывшие в ополчение, причисляли себя к казакам. Участник второго ополчения, новгородец Баим Болгин, заметил, что в «казаках были холопы боярские, и всякие воры ярыжные и зершники».⁵¹ Немало в ополчение пришло и московских посадских и всяких людей в результате разгрома поляками народного восстания в Москве 19—21 марта 1611 г. О службе холопов, крестьян и посадских людей в ополчении и о причислении ими себя к казакам убедительно говорит указ царя Михаила Федоровича от 1620 г.⁵²

Таким образом, ополчение оказалось в социальном отношении весьма пестрым и делилось оно на дворян и детей боярских, прибывших из замосковских уездов и Рязанского края под предводительством П. Ляпунова, дворян и детей боярских, ранее служивших в Тушине во главе с князем Д. Т. Трубецким, и казаков, холопов, крестьян и стрельцов, возглавляемых Заруцким. Первые две группы ратников были лучше вооружены, одеты и обуты и имели больший достаток. Третья группа крайне нуждалась в провианте и оружии. Она нередко оставалась без питания, что вынуждало многих покидать ополчение и самостоятельно добывать продукты.

Опираясь на эти силы, Заруцкий занимал важное место в избранном правительстве и играл не последнюю роль в руководстве ополчением. Он, как боярин, стоял на втором месте после князя Трубецкого, Ляпунов — на третьем. Однако между Заруцким и Ляпуновым, так же как и между лагерем Ляпунова и лагерем Заруцкого, не было единства. И чем больше становилось сил у Заруцкого, тем резче обострялись их взаимоотношения. Если общая задача в какой-то мере была единой — борьба за освобождение Москвы, — то конечные цели были различными. Ляпунов, как и все дворяне, думал восстановить в результате разгрома интервентов прежний дворянско-крепостнический порядок во главе с русским царем. Заруцкий и казачество мыслили использовать

силы ополчения для возведения на престол Марины с ее сыном. Это, конечно, не значило, что Заруцкий желал видеть казацкое правительство, но казаки и все подвластные Заруцкому социальные силы верили в то, что приход Марины к власти принесет им гораздо больше прав. Подтверждением таких выводов могут быть результаты решения Совета всей земли от 22 июня 1611 г. Дело в том, что в июне обстановка резко ухудшилась. Город Смоленск был накануне падения в результате осады его интервентами. На северо-западе России активизировали свои действия шведы, заняв ряд городов и угрожая Великому Новгороду. Под Москвой открыто стал помогать осажденным полякам гетман Сапега, а в ополчении все больше обострялись классовые противоречия. Прокопий Ляпунов и дворянство ради предотвращения опасности со стороны шведов, приостановки их интервенции, выразили свое согласие после изгнания польских интервентов вернуться к обсуждению кандидатуры шведского принца на русский престол. Казаки и остальные тушинцы выступили против. Они по-прежнему стояли за возведение на царство Марины с сыном. Совет всей земли от 22 июня стал прелюдией к созыву Совета от 30 июня 1611 г. На этом Совете было избрано правительство, определены права и обязанности воевод ополчения и утвержден приговор, который явился и конституцией и программой действий ополчения. В приговоре было предусмотрено ограничение прав воевод, особенно это касалось Заруцкого, который нередко допускал произвол как в интересах казачества, так и в своих собственных. Во владении Заруцкого к этому времени оказались «важская земля на Севере, сельцо Рамеье, сельцо Шубино с деревнями в Зубцовском уезде».⁵³ Заруцкий и Трубецкой без ведома Ляпунова посылали сборщиков в уезды за провиантом и приказывали сдавать его не в общее пользование ополчения, а для своих людей — тушинцев. Заруцкий потакал казакам, самочинно ходившим за продуктами. Ляпунов пытался пресечь произвол в ополчении.

Приговор от 30 июня в правовом и политическом отношении резко ограничил казаков и крестьян. Он был шагом назад по сравнению с апрельской грамотой воевод на имя казанского митрополита. В приговоре предусматривались и отставались политические права лишь для дворянства. Дворяне могли занимать государственные служебные посты; быть воеводами в городах, жаловались землями и деньгами. Рядовым казакам обещалось только денежное жалованье. Крестьяне, боярские холопы должны были оставаться за своими прежними господами. Не получила желаемых прав и казацкая старшина. Атаманы, сотники при-

⁵⁰ СГГД, т. II, № 251, стр. 537.

⁵¹ Памятники Нижегородского движения в эпоху смуты. Действия Нижегородской губернской архивной комиссии, сб. XI, Нижний Новгород, 1912, стр. 415.

⁵² ААЭ, т. III, № 92.

⁵³ С. Ф. Платонов. Очерки по истории смуты... стр. 14; С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. II, т. VIII, стр. 963.

равнивались к детям боярским лишь по земельным дачам. Они вместо жалования могли получить земельные участки.⁵⁴

Приговор 30 июня, таким образом, не улучшил положения в ополчении; напротив, он обострил классовые противоречия между дворянами и детьми боярскими, с одной стороны, казаками и крестьянами — с другой. Вместе с тем увеличивался накал отношений между Заруцким и Ляпуновым. Трубецкой же, по выражению С. М. Соловьева, был в тени.

Заруцкий ловко использовал вражду социальных низов по отношению к Ляпунову. 22 июля 1611 г. казаки убили Ляпунова.⁵⁵

Смерть Ляпунова отрицательно сказалась на составе и численности ополчения. Вскоре из него ушли дворяне и дети боярские Рязанского края и замосковских уездов. А. Палицын говорит: «...под Москвою остались боярин и воевода князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой да Иван Заруцкий да Ондрей Просовецкой с казаками своими».⁵⁶

Уход из ополчения сторонников Ляпунова вполне устраивал тушинских бояр и особенно Заруцкого. Заруцкий становился главным предводителем подмосковного лагеря. Теперь подавляющая часть лагеря боролась за освобождение Москвы от интервентов и возведение на престол Марины Мишик с сыном. Эта идея поддерживалась социальными низами не только южных, но и других уездов. До организации второго Земского ополчения значительная часть уездов Русского государства оказывала посильную помощь подмосковному лагерю и смотрела на Заруцкого и Трубецкого как на руководителей освободительной борьбы. О положительном отношении социальных низов к Заруцкому и его единомышленникам убедительно говорит отписка лучших людей города Ярославля. Они писали, что «лавецкие слободы» отложились от них, «не хотят с ними (лучшими людьми, — И. Ш.) всяких потугов тянуть и служб служить, чтоб им жить в избытке, ехав в полки под Москву и заложились за нашего изменника за Ивашка Заруцкого».⁵⁷

Оставаясь под Москвой после смерти Ляпунова главным предводителем лагеря, Заруцкий (и силы, на которые он опирался) неоднократно вступал в борьбу с интервентами. Вот как харак-

⁵⁴ И. С. Шепелев. Вопросы государственного устройства и классовые противоречия в первом Земском ополчении. Сб. научных трудов Пятигорского пединститута, вып. 2, 1948, стр. 126—129.

⁵⁵ И. П. Долинин, ссылаясь на «Новый летописец» и «Хронограф Столяра», пишет, что в стихийном движении рядового казачества против Ляпунова Заруцкий не участвовал. Подтверждением тому является грамота нижегородцев в Вологду в сентябре 1612 г. В ней говорится, что Ляпунова убили по наущению Ивана Шереметева, кн. Гр. Шаховского и Ивана Плещеева (см.: И. П. Долинин. Подмосковные полки..., стр. 48).

⁵⁶ Палицын, стр. 217.

⁵⁷ Цитирую по работе Долинина: Подмосковные полки..., стр. 69.

теризует Будила поведение Заруцкого после убийства Ляпунова: «Заруцкий, желая показать русским свою верность, задумал добывать Девичий монастырь, в котором утвердились наши, чтобы оберегать дорогу в Можайск и в Польшу. Он послал войска на приступ и добывал его день и ночь и когда не мог его взять, то оставив лишь часть войска для охранения стен Белого города, остальное силой выбил из Тавора и с этою большою силою стал брать его (монастырь, — И. Ш.) приступом. Наши долго отбивались, но когда у них не стало пороху, должны были сдаться. Заруцкий жестоко расправился с сидевшими в монастыре».⁵⁸ Как видим, Заруцкий для сохранения своего престижа решительно дрался с поляками. Но когда нужно было ему, он в этих же целях готов был и привлекать их на свою сторону. Так, он в письме к гетману Сапеге обращался с просьбой прислать своих людей для переговоров, предлагал ему отложиться от короля и перейти на сторону подмосковного лагеря.⁵⁹

К началу 1612 г. в подмосковном лагере насчитывалось до 5 тысяч ратников. Этими силами Заруцкий и Трубецкой не только держали в осаде польско-литовских интервентов, но и наносили ощутимые удары приходящим ратникам от Сигизмунда. Так, в сентябре 1611 г. под Москвой потерпел поражение гетман Ходкевич.⁶⁰ Численность подмосковного лагеря заметно увеличивалась зимой и весной 1612 г. в связи с организацией и началом действий ополчения Пожарского. Как известно, в своих грамотах предводители этого ополчения, призывая население к национальному единству и решительной борьбе с иноземными захватчиками, убеждали не признавать Марины и ее сына претендентами на царский престол, уличали Заруцкого и казаков в «воровстве», в том, что «Иван Заруцкий многие грады и дворцовые села и черные волости и монастырские волости себе поимал и советникам своим дворянам и детям боярским и атаманам и казакам роздал».⁶¹ Конечно, в этом сообщении есть немалая доля правды. Заруцкий и Трубецкой, пользуясь правом воевод подмосковного ополчения, несомненно жаловали и дворян и отдельных казаков земельными дачами, а также подтверждали право служилых людей на поместья и крестьян. Об этом свидетельствует их грамота Темниковскому посадскому целовальнику и площадному подъячему об отмежевании старой вотчины Пурдышского монастыря игумену Арсению с братьею, захваченной крестьянами села Девичья Рукава. Трубецкой и Заруцкий указали крестьянам вернуть эти земли монастырю.⁶² Однако в грамоте Мишина и Пожарского утверждение относительно раздачи

⁵⁸ РИБ, т. I, стб. 251, 252.

⁵⁹ Сборник князя Хилкова, стр. 77—78.

⁶⁰ С. Коборжский. История Владислава, стр. 12—13.

⁶¹ ААЭ, т. 2, № 203.

⁶² См.: И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 497.

Заруцким и Трубецким черных волостей явно преувеличено. У нас нет данных о массовом расхищении ими не только черных, но и помещичьих земель. Напротив, нам известно об испомещении Заруцким смоленских дворян и детей боярских на землях изменника боярина Мстиславского в Арзамасском уезде.⁶³

Воеводам второго ополчения своими призывами удалось привлечь к себе значительную часть бояр, дворян, детей боярских, посадских верхов Севера и Замосковского края. С организацией и походом второго ополчения к Москве произошло дальнейшее размежевание социальных сил. Например, с прибытием передового отряда ополчения в Суздаль оттуда ушли под Москву все казаки.⁶⁴ Размежевание сил в подмосковном лагере мы наблюдаем и в связи с появлением в Пскове нового самозванца. Признание его в подмосковном лагере значительно подорвало доверие народных масс и к лагерю и к его предводителям.⁶⁵

С приходом ополчения в Ярославль и активизацией борьбы его против казаков, находившихся в замосковских уездах и городах, отношения между подмосковным лагерем и вторым ополчением резко ухудшились. Силы, на которые опирался Заруцкий, смотрели на второе ополчение и на его руководителей как на своих противников. С победой второго ополчения над интервентами идея о возведении Марины с сыном на русский престол теряла свое значение. Вот почему Заруцкий предпринял попытку организовать покушение на князя Пожарского.

Сначала Заруцкий отправил войско с целью захвата Ярославля. Город был занят, но Пожарский ответил на это посылкой ратников во главе с князем Д. П. Лопатой-Пожарским, который «придоша в Ярославль и казаков переимаху и в тюрьму пересажаху».⁶⁶

Попытка убить князя Пожарского оказалась тщетной. Убийцы были схвачены. Раскрытие замысла Заруцкого создало для него нетерпимую обстановку под Москвой, а воеводам второго ополчения оно дало повод для усиления борьбы против казаков и ускорения похода к Москве.

В связи с покушением на Пожарского в подмосковном лагере назрело окончательное разложение его сил. Дворяне, дети боярские, стрельцы и ранее служившие казаки сплотились вокруг князя Д. Т. Трубецкого. Казацкая голытьба и вся собравшаяся вольница из холопов и крестьян держалась Заруцкого. Активные действия второго ополчения в Ярославле и Замосковном крае резко меняли обстановку в стране не в пользу Заруцкого. Силы и авторитет второго ополчения росли и крепли, силы подмосков-

ного лагеря разлагались и слабели. Второе ополчение обрастало служилыми людьми, городскими и сельскими массами северных и замосковских уездов. Лагерь Заруцкого держался преимущественно на так называемых вольных казаках.

Крестьянство, особенно южных и юго-западных уездов, было крайне разорено. Его хозяйство подвергалось грабежу войсками Бориса Годунова, Василия Шуйского, польскими интервентами, а в 1611 г. здесь кормился и грабил Ян Петр Сапега. Не раз вторгались в южные уезды пагайские и крымские татары. Крестьянам доставалось и от казаков, служивших под Москвой, а затем и от приказных людей второго ополчения и царского правительства. Это в свое время справедливо отметил С. М. Соловьев, сославшись на грамоту рязанского архиепископа и служилых людей этого уезда.⁶⁷ Однако многие источники все беды жителей относили на счет Заруцкого и казаков. А Палицын писал: «А Иван Заруцкий, стоя под Москвой с казаками своими метяше всем воинством и всеми православными христианами, грабяще и насилююще...».⁶⁸

Кризисное положение Заруцкого и казаков под Москвой и грабительское их поведение, которое нельзя отрицать, несомненно отталкивали от них крестьян и посадских людей, не говоря уже о служилых людях. Но это не значило, что социальные низы выступали вместе с дворянством против Заруцкого. Я считаю правильными замечания Долинникова о том, что «Арзамас, Курмыш... города Понизовья и в особенности Северские и южные украинные города еще в 1612 г. были за кандидатуру... „воренка“ с Мариной Мишиек. Эта кандидатура на царский престол устраивала не только казаков и боярских холопов... но и в какой-то мере украинное южно-провинциальное дворянство...».⁶⁹

Вместе с тем надо прямо сказать, что Заруцкий, несмотря на свой авантюризм и колебания на отдельных этапах своей деятельности, казался гораздо ближе к угнетенным массам, чем любой дворянин или князь. Заруцкий в своем движении руководствовался одной политической идеей — борьбой за «царя Дмитрия», а когда его не стало — за его сына, за Марину, которую он считал царицей, с которой он навсегда связал свою судьбу. Заруцкий, по-видимому, верил в осуществление своих замыслов и тогда, когда действовало ополчение во главе с Мишиным и Пожарским. Если бы этой веры у него не было, он мог бы пойти на компромисс с воеводами второго ополчения, не устраивать козни и остаться под Москвой вместе с князем Трубецким. Ни по социальным, ни по политическим мотивам Заруцкий и

⁶³ А. Н. Попов. Изборник славянских и русских сочинений. М., 1869, стр. 353.

⁶⁴ ПСРЛ, т. XIV, ч. 1, стр. 119.

⁶⁵ РИБ, т. I, стб. 237.

⁶⁶ ПСРЛ, т. XIV, ч. 1, стр. 118.

⁶⁷ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. 2, т. VIII, стр. 1052—1053.

⁶⁸ Палицын, стр. 221.

⁶⁹ Н. П. Долинник. Подмосковные полки... стр. 108.

особенно силы, которые он использовал, не могли идти одним путем с князьями. Заруцкий был казацкий атаман с присущей ему казацкой психологией и казацким авантюризмом. Ему мерещилась сытая, вольная независимость при дворе Марины. Его цель, как и всей казацкой старшины, — любыми средствами поставить себя в ряды дворянства. В силу этого, связав свою судьбу с Мариной Мнишек, считавшей себя законной претенденткой на царскую власть, Заруцкий превратился в политического авантюриста.

Что касается сил, на которые он опирался, то они по-прежнему мечтали о «хорошем» царе, который обеспечил бы им казацкую вольность, свободу от господ-дворян. Их участие в событиях начала XVII в. нельзя не рассматривать как одну из форм классовой освободительной борьбы. Вот почему эти силы вместе с атаманом, Мариной и ее сыном решили уйти из-под Москвы, надеясь еще вернуться с победой. Интересы основных сил Заруцкого не совпадали с авантюриными замыслами их атамана. Казаки и не казаки, действовавшие под руководством Заруцкого и независимо от него, боролись не за укрепление власти боярско-крепостнического правительства, а за ослабление и крушение ее. Движение социальных сил, на которые опирался Заруцкий, — это не бандитизм, а сугубо социальное явление, вызванное сложным комплексом общественных событий и прежде всего обостренным классовых противоречий.

Д. И. ПЕТРИКЕЕВ

БАРЩИНА НА ПОТАШНЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ БОЯРИНА Б. И. МОРОЗОВА

Положение крестьянства России во второй половине XVII в. характеризуется прежде всего значительным усилением крепостнической эксплуатации. Интенсивный рост частного феодального землевладения, изменения в хозяйственной жизни вотчин и помещений под влиянием серьезных экономических сдвигов, происшедших в стране в период формирования единого всероссийского рынка, укрепление политических позиций господствующего класса, нашедшее наиболее яркое выражение в Соборном уложении 1649 г., — эти явления, естественно, сказывались на судьбах всех слоев общества и в первую очередь на судьбах класса крепостных крестьян, труд которых составлял основу всей жизни страны.

Развитие экономики неизбежно вызывало расширение сферы феодальной эксплуатации. Рост товарно-денежных отношений приводил к повышению денежной ренты, но рента продуктами и особенно барщина отнюдь не сокращались. С расширением земельных владений феодалов усиливалась барщина в земледелии, с возникновением промышленных предприятий в крепостном хозяйстве на плечи крестьянина дополнительным бременем ложилась барщина в промышленности, где труд в те времена, в условиях примитивной организации производства, был особенно изнурительным.

Все это можно ясно видеть на примере вотчинного хозяйства боярина Б. И. Морозова, в котором наиболее полно проявлялись характерные черты эпохи. Формы и методы эксплуатации крестьянства были здесь типичными для второй половины XVII в. В обширных морозовских владениях существовали одновременно все три формы феодальной ренты — барщина, оброк натуральный и оброк денежный. Принудительный барщинный труд был основной повинностью крестьян.

В настоящей статье рассматривается вопрос о барщинных работах морозовских крестьян на поташном производстве, — вопрос, представляющий большой интерес в связи с тем, что этот вид барщины отражает новые условия экономического развития страны и их влияние на положение крестьянства, на рост классовых противоречий.

О труде крестьян по обслуживанию поташных предприятий Морозова говорят некоторые документы его вотчинной переписки, опубликованной в двух известных изданиях.¹ Но особенно ценными в этом отношении являются неопубликованные материалы, содержащие записанные в 1655 г. представителем боярина Алексеем Дементьевым жалобы крестьян о невыносимых условиях работы на поташных предприятиях и о злоупотреблениях вотчинной администрации.² Они раскрывают мрачную картину крепостнического гнета.

Один из старейших химических промыслов — поташное производство, возникшее в России примерно в XV в., — к середине XVII в. занял важное место в экономике страны.³ Владельцами поташных предприятий были главным образом крупные вотчинники, которым принадлежали большие лесные массивы и которые располагали неограниченными возможностями для привлечения к различным работам по изготовлению поташа (в первую очередь к заготовке золы) крепостных крестьян.⁴

Боярин Б. И. Морозов в 50-х годах XVII в. был самым крупным владельцем поташных предприятий. Принадлежавшие ему майданы или будные станы были расположены в приволжских уездах (Нижегородский, Арамакский), где всеильный боярин захватил леса, которыми ранее владело местное население, главным образом мордовское. В начале 60-х годов Морозов имел не менее 29 майданов.⁵ В хозяйственной деятельности Морозова поташное

¹ Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в. (Труды Историко-археологического института АН СССР, т. VII), ч. I, Л., 1933; ч. II, М.—Л., 1936 (далее: Хозяйство крупного феодала); Акты хозяйства боярина В. И. Морозова. Под общей редакцией А. И. Яковлева. Ч. I, II, М.—Л., 1940, 1945 (далее: Акты).

² ЦГАДА, ф. Московской Оружейной палаты, столбец 42615, лл. 1—117 (далее: Столбец 42615).

³ П. М. Лукьянов. История химических промыслов и химической промышленности России до конца XIX века, т. II, М., 1949, стр. 7—12, 14, 18.

⁴ Там же, стр. 7, 14; Очерки истории СССР. XVII в. М., 1955, стр. 112.

⁵ В вотчинной переписке упоминается 23 майдана, названия большинства из них повторяются в записях крестьянских жалоб 1655 г. (Столбец 42615), но здесь имеется 8 названий, не встречающихся в документах вотчинной переписки. Таким образом, источники говорят о наличии у Морозова 29 майданов. Возможно, что фактически их было несколько больше, но в то же время некоторые майданы, как видно из переписки, были иногда на простое, следовательно, нельзя считать, что все 29 майданов были действующими в начале 60-х годов. Определить точно размеры поташного производства Морозова невозможно, но представление об этом

производство стояло едва ли не на первом плане. Он настойчиво требовал от приказчиков бесперебойной и эффективной работы майданов. Особое внимание обращалось на заготовку золы и дров, от которой во многом зависела вся организация производства. Весьма строго относился боярин к тем или другим упущениям со стороны приказчиков. Они получают грамоты с предупреждениями — если «мойданному делу какая поруха учинится, и тебе от меня быть в кручине и в жестоком наказанье». Гневно обрушивался вотчинник на виновных в нерадивом отношении к поташному промыслу. Очень выразительна его грамота приказчику сел Кузьмин Усад и Замитинна К. Суровцову от 28 сентября 1659 г. Получив сообщение, что на майдано, находившемся в ведении Суровцова, работы начались с большим запозданием, боярин разразился безудержной руганью: «И ты дурак... ни та ни ся, пьяница, ненадобной бражник, все ходишь за брагою, а не за моим делом, и мне не радешь и прибыли не ищешь, своим ты пьянством и нерадешем мноую у меня ты казну пропил. Во всех моих вотчинах на мойданах огни запалили в опреде месяце, а у тебя в июне. Для чего так у тебя поздно с половины лета стали огни палить?... Никто так ни в которой моей вотчине такой порухи казне моей не учинил, как ты дурак, пьяница, здуровал, и довелся ты за то жестокова наказанья и правожу больнова». Далее следует категорическое требование: «...зола и дрова велеть готовить, чтоб мойданное дело бес простою шло, и к новому году золы и дров запаста гораздо с лишком». Требование, чтобы заранее создавались запасы золы и дров «гораздо с лишком», т. е. в количествах, гарантирующих бесперебойную работу майданов в течение всего сезона, встречается почти во всех морозовских грамотах, касающихся организации поташного производства. Боярин то и дело напоминал приказчикам о заготовке золы для майданов, чтобы они в сезон не оказались на простое.⁶ А сезон был довольно длительным — работы на майданах начинались обычно в апреле и продолжались до наступления морозов (примерно до ноября).⁷ Заготовка и доставка золы оказывались не только наиболее трудоемкими, но и фактически решающими фазами производственного процесса с точки зрения его организации — будный стан может нормально работать только при хорошем обеспечении

можно создать по свидетельству о поставке поташа в казну вдовой В. И. Морозова вскоре после его смерти. Из принятых казной в 1662—1663 гг. от различных владельцев поташных предприятий 213 077 пудов поташа А. И. Морозова поставила 94 939 пудов (Хозяйство крупного феодала, ч. I, стр. 294—295, табл. 9). Поставки других лиц были несомненно меньшими — от 20 740 пудов (боярин И. Д. Милославский) до 151 пуда (торговый человек Бахлаион).

⁶ Хозяйство крупного феодала, ч. I, стр. 41; Акты, ч. II, стр. 126.

⁷ Хозяйство крупного феодала, ч. I, стр. 32.

⁸ Там же, стр. 32, 36; ч. II, стр. 193, 220 и др.

⁹ Там же, ч. I, стр. 32, 47; ч. II, стр. 102.

золой. Поэтому приказчику, согласно строжайшим предписаниям боярина, об этом надлежит заботиться в первую очередь. Не меньше внимания уделялось организации работ на самих будных станах. К осуществлению контроля за ходом поташного производства Морозов привлекал весь местный административный аппарат. Приказчики должны были неустанно следить за работой поливочей, будников, корытников, чтобы «было мойданное дело стройно и справливо» и чтобы «воровства на мойданах ни в чем ни от ково не было». ¹⁰ В помощь приказчику на каждый майдан назначался пристав, обязанность которого заключалась в том, чтобы он «смотрел нат поливочем и нат корытники накрепко и мойданным бы делом радел неоплошно, и во всем прибыли искал». ¹¹

Масштабы поташного производства Морозова требовали огромного количества рабочей силы. Непосредственно процесс изготовления поташа на одном майдане могли обеспечить несколько десятков человек. Однако для заготовки и доставки на производство золы и дров требовались тысячи рабочих рук. П. Ф. Баканов, рассматривая вопрос об организации поташного производства в вотчине Морозова, утверждает, что в течение 50-х годов вотчинник искал различные пути обеспечения поташных предприятий рабочей силой и нашел радикальное решение в 1660 г., направив из своих галицких владений на майданы в Нижегородский уезд 346 наемных и вытнх «деловых» людей. ¹² Фактически вопрос о рабочей силе решался всегда в первую очередь за счет крепостных крестьян, которые привлекались к обслуживанию майданов в порядке барщинной повинности. Источники показывают, что силами крестьян Морозов «держал майданы» не только до 1660 г., как утверждает П. Ф. Баканов, но и в дальнейшем. Прибывшие из Галицкого уезда 346 человек не могли стать решающей силой в производстве поташа. Они были лишь подкреплением к тем многим тысячам местных жителей, которые продолжали выполнять различные работы, связанные с изготовлением поташа. Следует обратить внимание на то, что галичане были поставлены на обслуживание только восьми майданов (четырех сергачских, яблонского и трех рождественских). При этом в отношении работы «деловых» на рождественских майданах, куда было послано 126 человек, Морозов писал приказчику: «... те мойданы и без деловых людей шли бы», — и дал распоряжение оставить на этих майданах 60 человек «для помочи крестьяном», а 66 направить на заготовку золы к будущему году. ¹³

Крестьяне привлекались к обслуживанию поташного производства с самого начала его организации. Первоначально были попытки возложить эту обязанность на бедных крестьян, которые оказывались не в состоянии платить оброк. В 1651 г. Морозов, требуя полного сбора недоимки по оброку с крестьян с. Мурашкина, писал приказчику этого села П. Внукову: «А будет которые бедны и взять на них нечева, и им велеть у буднова моего дела работать вместо тех, которые работают наймующись у будного дела охочие люди, и им зачитать в оброк мой по тому ж. Или тем бедным людям за оброк велеть зола жечь в моих лесах и угодьях и привозить к будному делу, а за четверть зачитать им по алтыну или по 2 гроша, а то уж большая цена, что зачитать за четверть по 10-ти денег». ¹⁴ Подобные распоряжения имели место и раньше. В сентябре 1650 г. П. Внуков докладывал боярину, что бедные крестьяне «села Мурашкина и приселков и деревень к будному делу золы жечь не пошли и принесли скаски за поповыми руками, а сказали, что оне готовы оброк платить». ¹⁵ Следовательно, работа на майданах была настолько тяжелой, что крестьяне готовы были тянуться из последних сил, чтобы выплатить непосильный для них оброк и избавиться от этого каторжного труда.

Однако с развитием поташного дела боярин в принудительном порядке превращает обслуживание этого производства в общую барщинную повинность крестьян и бобылей окружающих майданы селений. Упомянутые выше записи крестьянских жалоб, относящиеся к 1655 г., и отдельные документы вотчинной переписки свидетельствуют о том, что уже с 1652 г. по ряду морозовских сел и деревень устанавливается повытный оклад поставки золы и дров на майданы, а к середине 50-х годов к этим работам были привлечены все крестьяне и бобыли нижегородских и арзамасских владений Морозова. ¹⁶ В конце 50-х и в начале 60-х годов этот вид барщинных работ полностью сохраняется, с каждой выти крестьяне ставили определенное количество золы и дров, а во многих случаях должны были, кроме того, поставлять тростник и лубье, долать тачки, стоять на корытах, набивать поташ в бочки, перевозить поташ на своих подводах в Вологду и другие города. ¹⁷

Многие источники показывают, что Морозов практиковал прикрепление своих сел и деревень к определенным майданам, учитывая их территориальное расположение. Из записей крестьянских «сказок» 1655 г. видно, что виргизаевский, кобыльский, яблонский, два кеншевских и уваровский майданы обслуживаются крестьянами близлежащих сел Богородского и Покровского,

¹⁴ Там же, ч. II, стр. 159.

¹⁵ Там же, стр. 132.

¹⁶ Столбец 42615, лл. 60, 75, 96, 97, 105, 108, 110, 111; Хозяйство крупного феодала, ч. I, стр. 120.

¹⁷ Хозяйство крупного феодала, ч. I, стр. 124; Столбец 42615, лл. 16, 18, 20, 21, 61, 97, 111, 114, 115, 117.

¹⁰ Там же, ч. II, стр. 220, 224.

¹¹ Там же, ч. I, стр. 127.

¹² П. Ф. Баканов. Товарное производство в феодальной вотчине XVII века. Вопр. истории, 1953, № 5, стр. 97.

¹³ Хозяйство крупного феодала, ч. I, стр. 131; ч. II, стр. 226.

а также всех прилегающих к ним деревень и починок.¹⁸ Крестьяне и бобыли Лыскова с приселками и деревнями обеспечивают работы на лесочном, мечасовском и угесовском майданах.¹⁹ В вотчинной переписке имеются прямые боярские указания о закреплении сел за майданами. Сергачские майданы, кроме крестьян самого с. Сергача, должны были обслуживать крестьяне и бобыли сел Уварова, Перегалей и др. Об этом сказано в грамотах Морозова приказчикам сел Уварова и Знаменского, относящихся к весне 1660 г.²⁰ В июне того же года приказчику с. Знаменского было направлено предписание: «Можно знаменской мойдан держать селом Знаменским и селом Троецким з деревнями, да к тем же селам в помощь даны деревни Княж Павлова и Ченбасова да деревня Кеслав... А деревни Кемар Больших и Малых крестьяном указал я быть на яблонском мойдане в помощь села Старова Покровского крестьяном для дальняго пути, что они ездят 30 верст». В этой грамоте содержится исключительно важное указание на то, что прикрепление сел и деревень к майданах проводилось по определенным расчетам, устанавливался оклад по числу вытей. Боярин упрекает приказчика: «А что ты пишешь, что де у тебя работают на мойдане всего 16 вытей, и ты то пишешь не справишь, работают у тебя на мойдане по Ондрееву окладу Фролова и Ондreja Кучетцкого 21 выть, а не 16 вытей, и теми вытьми однолично можно мойдан держать».²¹ По-видимому, подобные оклады были проведены по всем майданах, так как приведенная выдержка из боярской грамоты ясно говорит о том, что количество вытей, закрепленных за майданом, является критерием его производственных возможностей, — 21 выть обеспечивает нормальную работу майдана. В приволжских владениях Морозова насчитывалось свыше 450 вытей²² — количество, вполне достаточное, чтобы одновременно обслуживать более 20 майданов. Морозову принадлежало в этом районе около 6100 крестьянских и бобыльских дворов. Из этого видно, какая огромная масса крепостного населения была привлечена к работам на его поташных промыслах. Если условно считать, что от каждого тяглого двора в этих работах участвовал лишь один человек, то общее число составит более 6 тысяч. Это и была главная сила морозовского поташного производства, основанного почти целиком на крепостном труде. Силами крестьян выполнялись наиболее трудоемкие работы: заготовка и доставка на майданы золы и дров, а также перевоз поташа в очень отдаленные пункты сбыта. Но, кроме того,

¹⁸ Столбец 42615, лл. 1—55.

¹⁹ Там же, лл. 96—117.

²⁰ Хозяйство крупного феодала, ч. I, стр. 41, 46—47; Акты, ч. II, стр. 126.

²¹ Хозяйство крупного феодала, ч. I, стр. 47.

²² Там же, стр. 280, 282, табл. 4; ч. II, стр. 89, 125 (итоги описания Мурашинской и Лысковской волостей).

крестьяне, как отмечено выше, работали и на самом производстве.

Лишь небольшое число специалистов поташного дела Морозов нанимал со стороны. В начальный период организации поташного производства в Нижегородский уезд были присланы наемные поливочники и будничники. Количество их было совсем незначительным: поливочей 5 человек, будничков 14.²³ Данных о том, где их нанимали, нет. Из описных книг 1667 г. известно, что на сергачских майданах работали «польские работные люди». Всего здесь числилось 5 поливочей, 71 будничник, 4 бочкаря, 1 кузнец, 1 колесник, 2 воштары.²⁴ Село Сергач было главным центром поташного производства Морозова. Расположенным здесь майданах боярин уделял особое внимание. Их безусловно в первую очередь должны были обеспечивать рабочей силой, в том числе и специалистами поташного дела. И если на каждом из сергачских майданов работали 1—2 поливоча и 15—20 будничков, то и на других майданах количество таких специалистов не могло быть значительным. Этим ограничивалась сфера применения наемного труда в морозовском поташном производстве. Больше того: поливочники, будничники, а тем более бочкари, кузнецы, колесники и воштары не обязательно были наемными рабочими. Для выполнения их функций привлекались и крепостные крестьяне. Об этом свидетельствует факт принудительного обучения «поливочному и поташному делу» группы крестьян с. Старого Покровского в 1651 г.²⁵ Кроме того, в крестьянских «сказках» 1655 г. встречаются указания на то, что крестьян в порядке отбывания феодальной повинности заставляют «стоять на парах» (или на корытах).²⁶ Таким образом, наемный труд в поташном производстве Морозова не имел широкого применения. Тяжелым бременем была для крестьян барщина на поташном производстве Морозова. С самого начала его организации наблюдаются факты, свидетельствующие о том, что с введением этой повинности жизнь крестьянина становится невыносимой. В 1652 г. крестьяне с. Троицкого жаловались, что им майданные дела «стало делать не в силу», и угрожали приказчику побегам.²⁷

К середине 50-х годов недовольство крестьян принимает, очевидно, массовый характер. Боярин вынужден был направить в Нижегородский и Арзамасский уезды летом 1655 г. своего представителя Алексея Дементьева для проведения опроса крестьян, обслуживающих поташное производство. В многочисленных показаниях («сказках») крестьян, записанных во время этого опроса, приведены сотни фактов, говорящих о непосильном труде по об-

²³ Там же, ч. II, стр. 161.

²⁴ Там же, ч. I, стр. 192—193.

²⁵ Там же, ч. II, стр. 132, 140.

²⁶ Столбец 42615, лл. 16, 18, 20, 61.

²⁷ Хозяйство крупного феодала, ч. I, стр. 120.

служиванию майданов, губительно отражающемся на состоянии крестьянского хозяйства и часто вызывающем побег крестьян, о злоупотреблениях представителей вотчинной администрации, еще более отягощавших положение крестьянства.

Заготовка золы и дров и работы на самих майданах в летнее время приводили к невосполнимым потерям в собственном крестьянском хозяйстве. Крестьяне с. Кошкарова во время опроса рисуют такую картину: «Платили мы в прошлом в 160-м году на сергацком на среднем майдане 450 чети золы. . . , а той золы выжили нас жечь в яровые житва, у иных крестьян был яровой пожат, а в гумна не свезен, а у иных и не жат, и тот яровой хлеб животина съела, и весь хлеб пропал в поле, и о том мы Корнилу Шанскому (приказчику, — Д. П.) били челом, и он нас стал бранить: мне же зола лучше вашава хлеба, у меня же есть боярский указ, хотя же вы и все разбожались, и я же стану юрты ваши жечь, а майданикова дела не поставлю. И от той золы разошлось крестьян десет семей, и ныне те двory пусты». ²⁸

Подобные факты приводятся в жалобах крестьян деревень Березники и Вергизай. Неделями они работают на майданах — стоят на корытах, набивают поташ в бочки, делают тачки, возят тростник и лубье. Им не дают возможности работать на своем поле: «И как мы поедем пахать и косить и жать, и выборные у нас сошники отымают и мешки с телег валяют и со всякие работы нас неволею посылают золы жечь и дров рубить, и с тою мы неволи. . . оскудели, а иные разбрелися». Из дер. Березники сбежали 7 крестьянских семей, из дер. Вергизай — 14. ²⁹

В «сказке» крестьян починка Яблонки говорится о том, что они «стояли на корытах по неделе и по две и по три, а наемных корытников Сава Лызов (поливоч, — Д. П.) заставлял на свое место поливать, а сам в те поры гуляет и пьет и нам сиротам изгоня великая, работа беспрестанная, в кою, государь, пору люди хлеб нашут, а мы сироты на твоей боярской работе на майдане и дрова в гарть складываем». ³⁰

Подобные же заявления были сделаны крестьянами с. Нового Покровского и прилежащих к нему деревень. Приказчик заставлял их «стоять на корытах» ежемесячно, выплачивал им по 20 алтын, «а мы своих прибавляли на тот же месяц корытникам по 20 алтын з гривною». ³¹ Плата, которую получали крестьяне за поставляемую золу, являлась лишь средством некоторого смягчения тяжести этой повинности, но отнюдь не покрывала стоимости золы. Крестьянам должны были платить за четверть 10 денег (фактически платили меньше, как видно из крестьянских «сказок»), а обходилась им зола значительно дороже. Так, например,

²⁸ Столбец 42615, лл. 51—52.

²⁹ Там же, лл. 18, 21.

³⁰ Там же, л. 16.

³¹ Там же, л. 61.

мурашкинские крестьяне, по свидетельству переписной книги 1665 г., «плачивали с выти по 96 чети, а денег им боярских за тою золою давано за четверть по 10 денег, а они крестьяне покупали, прибавляя к тем боярским деньгам своих денег за четь по 10 алтын». ³²

Особенно красноречивы рассказы крестьян о злоупотреблениях приказчиков (в первую очередь Корнила Шанского), поливочей, целовальников и выборных. Выясняется картина массовых обманов и вымогательства со стороны представителей морозовской администрации на майданах. Приведем некоторые примеры. Крестьянин с. Богородского Михаил Иванов заявляет, что доставил в 1654 г. на виргизаевский майдан 15 четвертей золы, но когда приказчик платил деньги крестьянам, ему за ту золу не заплатили, так как казенный «жоребей» оказался утерянным. ³³ «Да и ж привез на тот же майдан золы две телеги, а по смете было золы на двух телегах 4 чети и у меня тою золы поливщик Иван Яковлев в то число не принял, а велел вывалить за скрью, и я вывалил, а после того пришел ее посмотреть, и тою моею золы на том месте нет, и то знатно, что та моя зола заведена в колоды». ³⁴ В «сказке» крестьянина Ивана Осипова говорится о том, что он доставил на кеншевский майдан 10 четвертей золы по 10 денег за четверть, но Корнил Шанский заплатил ему по алтыну, так как поливоч Никита Зуенок «поворотил ту золу в худую». ³⁵ Крестьянин с. Покровского Семен Григорьев рассказывает, что взял он у К. Шанского 20 алтын, за которые он должен был вывезти 15 четвертей золы. «А как стал возить, и поливщик Сава всякую золу у меня стал недоброю золою называть, и вывез я за те за 20 алтын золы 40 четвертей, да сверх того ему ж Сава дал посулу. . .». ³⁶ Подобные факты приводятся в рассказах крестьян многих других сел и деревень.

Измскивались различные пути повышения прибыльности поташного производства за счет эксплуатации крепостных. Крестьяне починка Яблонки заявили, что в первые годы существования яблонского майдана «мера была золяная мала — в казенную хлебную меру», тогда везли золу «сторонния многие люди». Но затем была введена большая мера (примерно в 1½ раза больше

³² А. Н. Волконский. Село Большое Мурашкино. Русский архив, 1875, № 1, стр. 118. (Вероятно, «10 алтын» записано ошибочно вместо «10 денег».)

³³ При приеме золы крестьянам выдавался «жоребой» (или «бирка»), который представлял собой нечто вроде квитанции. Копия «жоребей» оставалась у поливоча или целовальника и затем передавалась приказчику, который выплачивал по ней деньги. В «сказках» крестьян приводится ряд случаев, когда крестьянам — несмотря на то что они предъявляют свой «жоребой» — денег за золу не выплачивают только потому, что казенный «жоребой» утерян. См.: Столбец 42615, лл. 6, 9, 48 и др.

³⁴ Там же, л. 6.

³⁵ Там же, л. 10.

³⁶ Там же, л. 30.

прежней), а плата осталась старая, доставка золы со стороны прекратилась, и вся тяжесть ее легла на местных крестьян.³⁷ О том же рассказывают крестьяне деревень Березники, Кешиевой, с. Нового Покровского и др.³⁸

Расследование, проведенное Алексеем Дементьевым, не принесло никаких благоприятных для крестьян результатов. Имеются свидетельства о том, что к концу 50-х годов повинность по обслуживанию майданов стала еще более тяжелой. В 1659 г. крестьяне с. Сергача в своей челобитной Морозову писали: «По твоюму государеву указу положено на нас сирот твоих твой, государь, ключевой меньшей майдан. А нас сирот твоих только в селе Сергаче и в деревнях полсемьи выти, и мы сироты твои золу жжем, и дрова рубим и возим, и зол, государь, нажигаем на осьмуху впамет по 80 четвертей, а на выть, государь, по 600 по 40-ку четвертей. Да мы же сироты жжем за оброшные деньги золою с выти по 100-у четвертей. А дров, государь, ставим на осьмуху по 5-ти саж. дубовых, а на выть, государь, по 40-ку. И которые, государь, крестьяня одипокне и безконные, и они, государь, не поспевают дров рубить и возить и золы жечь, и они, государь, покупают сажень дров по рублю и по 40-ку алтын, а золу, государь, покупают по 2 алтына и по 7-ми коп. А как, государь, ту золу привезут на майдан, и нам сиротам дают за золу по 4 деньги и по 2 деньги и от тово мы сироты твои оскудели».³⁹ Далее в челобитной перечисляются другие виды работ, выполняемые крестьянами на майданах: перевоз поташа, ежедневный подвоз дров в гарты, заготовка сена для лошадей, обслуживающих майданы, и т. д. В ответ на эту челобитную Морозов предложил своим приказчикам несколько смягчить подводную повинность для сергачских крестьян, но строго потребовал: «А зола и дрова им сергачским крестьяном велеть ставить по указу, потому что у них лес блиско... а за золу им... за четверть давать по указанной цене, по 10 денег. А которой золу худу привезет, таких бить батоги и ту худую золу велеть высыпать у них на земь...».⁴⁰ Таким образом, жалоба крестьян по существу осталась без последствий. А последнее указание открывало широкий простор для тех злоупотреблений администрации, о которых говорилось в только что рассмотренных крестьянских «сказках».

Использование дарового крестьянского труда в массовом масштабе обеспечивало Морозову очень высокие прибыли от производства поташа. В. Г. Гейман определяет чистую прибыль для 1651 г. в 25 коп. с пуда.⁴¹ Есть основание полагать, что в на-

³⁷ Там же, л. 12.

³⁸ Там же, лл. 17, 22, 60.

³⁹ Хозяйство крупного феодала, ч. I, стр. 123.

⁴⁰ Там же, стр. 124.

⁴¹ В. Г. Гейман и др. О хозяйстве боярина В. И. Морозова, В кн.: Хозяйство крупного феодала, ч. I, стр. LXXVII.

чале 50-х гг. прибыль составляла около 50% валового дохода. В дальнейшем, когда была установлена общая повинность крестьян и бобылей по обслуживанию поташного производства, прибыльность его должна была еще более возрасти. В денежном выражении прибыль, получаемая на всех поташных предприятиях Морозова, составляла несомненно очень большие суммы. Показателем может служить сумма, полученная его вдовой от продажи поташа в казну в 1662—1663, гг. За 94 940 пудов поташа ей выплатили 359 037 руб. (медными деньгами).⁴² Чистой прибылью в этом случае было получено не менее 180 000 руб.

Таким образом, подневольный труд крестьян в поташном производстве, которое можно рассматривать как первоначальный вид крепостной мануфактуры, приносил феодалу огромные доходы. Возникновение и развитие промышленного производства в вотчинном хозяйстве приводило к дальнейшему усилению феодальной эксплуатации.

⁴² Хозяйство крупного феодала, ч. I, стр. 294—295, табл. 9.

А. П. ПРОИШТЕИН

К ИСТОРИИ ПОХОДА ОТРЯДА ВАСИЛИЯ УСА К МОСКВЕ В 1666 г.

Поход отряда Василия Уса к Москве долгое время не привлекал к себе внимания советских историков. Лишь в последние годы он был специально изучен Е. В. Чистяковой,¹ а вслед затем нашел свое место в общих трудах по истории Крестьянской войны под предводительством С. Т. Разина.² В работах Е. В. Чистяковой и других авторов показано, что возникновение похода было одним из ярких свидетельств и выражений напряженной обстановки, сложившейся на Дону и в центре России накануне Крестьянской войны 1670—1671 гг.; детально прослежен путь продвижения отряда с верховьев Дона до Тулы и обратно; показано на большом материале влияние похода на классовую борьбу крестьян и холопов центральных районов страны, обострившуюся в 50-х—первой половине 60-х годов XVII в.; наконец, оценено значение похода как предвестника Крестьянской войны под предводительством С. Т. Разина.

Если в общей оценке похода отряда В. Уса и явлений, с ним связанных, советские историки держатся единого мнения, то в характеристике отдельных сторон этого события они зачастую расходятся во взглядах. Помимо того, в некоторых работах допускаются и фактические неточности. Но неверная или неточная трактовка отдельных событий препятствует и общей оценке значе-

¹ Е. В. Чистякова. 1) Крестьянское движение в Подмоскowie и поход Василия Уса (1666 г.). *Вопр. истории*, 1953, № 8; 2) Василий Ус — сподвижник Степана Разина. М., 1963.

² Очерки истории СССР. XVII в. М., 1955, стр. 281—282; В. И. Лебедев. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М., 1955; И. В. Степанов. Социально-политическая обстановка на Дону накануне Крестьянской войны под предводительством С. Т. Разина. *Уч. зап. ЛГУ*, № 270, серия истор. наук, вып. 32, 1959, стр. 55—56 и др.

ния похода. Это дает нам основание в настоящей статье обратить внимание на некоторые стороны похода В. Уса.

Прежде всего следует остановиться на причинах похода, составе его участников и целях.

Е. В. Чистякова верно отметила, что основной причиной похода отряда В. Уса был голод, вызванный скоплением беглых на Дону.³ К этому, однако, следует добавить, что скопление беглых вызвало необходимость в организации похода казаков к Москве и потому, что Дон именно в это время переживал своеобразный хозяйственный кризис, который выразился в истощении старых источников обеспечения жизни у его поселенцев. О том, что они собой представляли, можно судить по характеристике их самими казаками в поэтической «Повести об Азовском сидении». Повторяя известные слова Нового завета, казаки заявляли: «кормит нас, молодец, небесный царь в степи своею милостью, зверем диким да морскою рыбою. Питаемся словно птицы небесные: не сеем, не пашем, не собираем в житницы. Так питаемся подле моря Синего. А серебро и золото за морем у вас (турок, — А. П.) находим. А жем себе красных, любых выбираючи, от вас уводим».⁴ Таким образом, до середины XVII в. казаки обеспечивали свое существование рыбной ловлей, охотой, походами за «зипунами» и «ясырем» и царским жалованьем.

Царское жалованье действительно имело существенное значение в обеспечении казаков хлебом, оружием, боеприпасами и одеждой.⁵ Однако во второй половине XVII в. жалованье стало выдаваться только «добрым и старым казакам, которые в городах живут и служат давно»; вновь прибывшие ничего не получали, а из верховых давалось только тем, кто являлся на службу в Главное Войско.⁶

При крайне низком уровне развития производительных сил морские и отчасти сухопутные набеги на соседние племена и государства играли роль своеобразного промысла, приносившего казакам «ясырь» и «зипуны».⁷ Непрерывно нападали казаки и на татарские и турецкие отряды, проходившие по Дикому полю, «отграмливая» у них русских пленников и захваченное добро, а заодно уводя в плен участников таких походов.⁸

³ Е. В. Чистякова. Крестьянское движение в Подмоскowie... стр. 129.

⁴ Русская повесть XVII века. [Б. м.], 1954, стр. 223.

⁵ В. П. Загорюцкий. Долское казачество и размеры донских отпущков в XVII в. В сб.: Из истории Воронежского края, Воронеж, 1961, стр. 136—148.

⁶ ЦГАДА, ф. 111, оп. 1, ДД, 1674, № 7, л. 3, и ДК, № 21, лл. 3—19; ДАН, т. 17, стр. 291.

⁷ Донские дела, кн. I. РИБ, т. 18, стр. 780, 814, 830—831 и др.; кн. II, РИБ, т. 19, стр. 49, 55; Историческое описание земли Войска Донского. Изд. 2. Новочеркасск, 1903, стр. 113, 125, 193—195, 245—248 и др.

⁸ В. Д. Сухоруков. Общежитие донских казаков в XVII—XVIII вв. Новочеркасск, 1892, стр. 7—13.

Первое время походы сильно обогащали всех участников. Но с середины XVII в. каждому из рядовых казаков стало доставаться все меньше военной добычи. Большая часть ее попадала в руки атаманов и старшин, которые сами не ходили в походы, а ссужали рядовых казаков конями, оружием и боеприпасами, получая за это одну треть или даже половину привезенной добычи. К этому следует добавить, что после оставления казаками Азова в 1642 г. турки, заняв город, разместили в нем большое войско и флот, а в 1660 г. поставили в дельте Дона каменные башни, между которыми протянули цепи. Теперь, чтобы попасть в море, казакам нужно было преодолеть этот кордон. Сделать это удавалось лишь небольшому числу казачьих отрядов, но и в таких случаях они несли очень большие потери. Так или иначе, но казаки вынуждены были признать, что они теперь сидят «взаперти» и «зипуну» им взять негде.⁹

С тех пор, как турки закрыли донским казакам выходы в Азовское и Черное моря, часть из них в поисках «зипунов» устремилась на Волгу и в Каспийское море. Казаки нападали на торговые корабли, персидские селения и города.¹⁰ Источники сообщают, что в 50-х—начале 60-х годов с большим отрядом «воровал» в Каспийском море «на Кизыль-башской земле» атаман Иван Кондырев, громил и опустошал торговые караваны московских гостей и персидские города и поселки «воровские» отряды во главе с Парфеном Ивановым, Тимофеем Родионовым и другими атаманами. Действовавшие на Волге и в Каспийском море казаки выстроили даже на Дону (ниже Иловли) особый городок — Рыгу — и оттуда начали было совершать регулярные походы. Но экспедиции «воровских» отрядов на Волге и Каспийском море, препятствовавшие регулярной торговле со странами востока и сохранению с ними мирных отношений, уже в начале 60-х годов встретили решительное сопротивление со стороны правительства и зажиточной части Войска Донского. При поддержке московского правительства атаманы и старшины Войска организовали поход на «воровской Рыгин городок», взяли и сожгли его, а главарей повесили. По указанию же правительства в Царицыне был усилен гарнизон, который не пропускал отряды донских казаков на Волгу, а с теми, кому все же удавалось туда прорваться, царские войска вели решительную борьбу.¹¹

⁹ С. И. Тхоржевский. Народные волнения при первых Романовых. Пгр., 1924, стр. 164—165; Очерки истории СССР. XVII в., стр. 268—281; В. П. Загорский. Вопрос о русском морском флоте на Дону до Петра I. В сб.: Из истории Воронежского края, Воронеж, 1961, стр. 161—163.

¹⁰ Донские дела, кн. III. РИБ, т. 26, стр. 424; кн. V. РИБ, т. 34, стр. 481—482, 531, 557.

¹¹ И. В. Степанов. Социально-политическая обстановка на Дону... стр. 49; В. И. Лебедев. Крестьянская война..., стр. 45, и др.

Важную роль в жизни казаков в XVI—XVII вв. играли рыболовство и охота. Рыба и дичь являлись в то время очень важными продуктами питания, а для казаков Нижнего Дона они были и предметом торговли. Изобилие рыбы в реках донского бассейна объяснялось главным образом ежегодным приходом ее из Азовского моря на Дон для метания икры. После нереста часть старой рыбы и молоди оседала в гирлах Дона, и здесь был особенно большой лов. Но с тех пор, как турки вновь укрепились в Азове в 1642 г., условия ловли рыбы для казаков резко ухудшились. Турки не только препятствовали казакам в ловле рыбы на Азовском побережье и в низовьях Дона, но часто перегораживали реку рыболовными снастями и этим препятствовали проходу рыбы вверх по Дону. В таких случаях казаки лишались, по существу, главного источника существования, вследствие чего, как неоднократно свидетельствуют документы, у них наступал голод.¹²

Таким образом, масса казачьего населения, обитавшая на Дону в середине XVII в., оказалась в тяжелом положении. Из царского жалованья ей почти ничего не доставалось. Совершать походы в Азовское, Черное и Каспийское моря стало почти невозможно. Рыболовный промысел резко сократился и теперь плохо кормил казаков, а охота никогда не была надежным средством обеспечения жизни.

Своеобразный хозяйственный кризис, наступавший с середины XVII в., мог быть менее ощутим, если бы на Дону стало распространяться земледелие и животноводство. Природные условия для этого были очень благоприятны. Но в силу окраинного положения Донской край постоянно испытывал угрозу набегов турецко-татарских отрядов, которые почти до самого конца XVII в. в любое время могли пройти по Донской земле, вытоптать и сжечь урожай, увести скот и захватить в плен людей. Это заставляло казаков селиться в укрепленных городках и не обращаться к указанному выше «мирным» промыслам.¹³ Следовательно, и таким путем выйти из хозяйственных затруднений казаки не могли.

Трудности обеспечения существования жителей Донского края особенно возросли во второй половине XVII в., в связи с резким увеличением численности населения на Дону, заметным уже с 50-х годов. Это обстоятельство до предела накалило обстановку, и одной из попыток найти выход из создавшегося положения явилась организация похода отряда Василия Уса.

При таком понимании причин похода отряда В. Уса становится более ясным состав его участников. Некоторые исследователи считают, что «мысль идти в Москву, обратиться к царю»

¹² Донские дела, кн. II, стб. 64, 126; кн. III, стб. 820; кн. IV, стб. 883 и др.

¹³ А. П. Пронштейн. Характер и особенности заселения Донского края в XVIII веке. Научные докл. Высшей школы, Истор. науки, 1960, № 1, стр. 89—93.

с просьбой принять их на службу, зачислить в казаки и дать жалованье» возникла среди «новоприбылых» беглых крестьян и холопов.¹⁴ Но для того чтобы «стать казаком», в XVII в. не надо было обращаться к царю. С момента возникновения казачества и до середины XVII в. каждый, оказавшийся на Дону, становился казаком, «потому что Доном, — как писал Г. Котошихин, — от всяких бед освобождаютца».¹⁵ Постепенно прием в ряды казачества стали ограничивать. Теперь казаком становился только тот, кого зачисляли в это звание на войсковом кругу. Но и в этом случае для того, чтобы стать казаком, никакого утверждения со стороны правительственной власти не требовалось.¹⁶ Если бы у беглых возникла мысль идти к царю и просить о зачислении их в казаки, они бы немедленно были схвачены, подвергнуты жестокому наказанию и возвращены владельцам на основе тех общих законов о беглых, которые действовали в крепостнической России во второй половине XVII в.¹⁷ Правительство считало своим правом возвращать владельцам даже зачисленных в казаки беглецов, если они, находясь на Дону менее шести лет, осмеливались появляться в центральных районах страны. Правда, казаки не признавали этого, и правительство шло на уступки. В «Наказной памяти» из Разрядного приказа от 14 июля 1666 г. полковому воеводе Ю. Бярятинскому, например, указывалось, что если казаки беглых, попавших в их ряды, «за столько лет отдавать не учнут, и них бы отдали за 5 лет или за 4 или за 3, а по самой последней мере за 2 года».¹⁸ Но уже двухлетний срок выдачи беглых, ставших казаками, «за тою виною, что они, беглецы, з Дону пошли самовольством»,¹⁹ не оспаривался и Войском Донским.

С другой стороны, от голода страдало не только вновь прибывшее на Дон население. Вследствие истощения старых источников существования, как было показано выше, в крайне тяжелом положении оказалась и казачья голытьба. Приток нового населения способствовал дальнейшему ухудшению ее положения, выходом из которого, как могло казаться, было назначение на службу и получение жалованья. Все сказанное выше находит свое под-

¹⁴ Е. В. Чистякова. Крестьянское движение в Подмоскowie... стр. 129.

¹⁵ Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 4. СПб., 1906, стр. 135.

¹⁶ ЦГАДА, ф. 111, оп. 1, ДД, 1686, л. 9; ДАН, т. XII, № 17, стр. 163; А. Леонов. Как поступали в казаки в старое время. Донские обл. ведом., 1862, №№ 39, 46.

¹⁷ А. Г. Маньков. Усиление крепостного права в России во второй половине XVII века. М., 1962, стр. 120—127; Т. И. Смирнова. Побег крестьян накануне выступления С. Разина. Вопр. истории, 1956, № 6, стр. 129—130 и др.

¹⁸ Кр. война, т. I, № 14, стр. 41—42.

¹⁹ Там же.

тверждение при более внимательном анализе целей похода отряда В. Уса, к рассмотрению которых мы обратимся.

У исследователей нет единого мнения по этому вопросу. Е. В. Чистякова и И. В. Степанов считают, что казаки решили идти к Москве, чтобы просить царя определить их на службу в русскую армию, действующую против Польши, и назначить им жалованье.²⁰ В. И. Лебедев и авторы соответствующего раздела в «Очерках истории СССР» не согласны с этим и утверждают, что желание поступить на «государеву службу» для казаков было лишь предлогом.²¹ Авторы «Очерков» не стараются определить истинные цели похода. Не говорит прямо об этом и В. И. Лебедев. Но, характеризуя положение казаков на речке Уперте, В. И. Лебедев пишет, что они убедились в невозможности «пока» организовать восстание в этом районе,²² из чего можно заключить, что именно восстание было главной целью похода.

К сожалению, Е. В. Чистякова и И. В. Степанов не приводят аргументов в защиту своей точки зрения, но нам она представляется более правильной, и вот почему.

Источники свидетельствуют о том, что атаманам и старшинам Войска Донского было известно о формировании в верховьях Дона крупного отряда для похода к Москве и что, несмотря на это, они не предприняли никаких мер для предотвращения этого похода. Такой факт исследователи объясняют тем, что старшины были заинтересованы в уходе части казаков с Дона, ибо надеялись тем самым разрядить обстановку, оказавшуюся очень сложной.

С этим, разумеется, можно согласиться. Но если бы старшины были убеждены, что казаки готовятся «идти на Москву» для организации или участия в восстании крестьян в центральной России против помещиков и феодального государства, они или бы приняли меры к предотвращению похода, или, во всяком случае, сообщили бы о том, что им известно, правительству. Но они этого не сделали — и, конечно, не случайно, ибо были убеждены в том, что казаки действительно идут к царю с просьбой принять их на службу и выдать жалованье.

Действия казаков такого рода в тот период никого не могли удивить. Донские казаки не раз обращались к царю с подобными просьбами и в период войны за воссоединение Украины с Россией 1648—1654 гг., и во время русско-шведской войны 1656—1658 гг., и наконец во время русско-польской войны 1654—1667 гг. Так же было и тогда. Когда В. Ус со своими ка-

²⁰ Е. В. Чистякова. Крестьянское движение в Подмоскowie... стр. 129; И. В. Степанов. Социально-политическая обстановка на Дону... стр. 55.

²¹ В. И. Лебедев. Крестьянская война... стр. 41; Очерки истории СССР, XVII в., стр. 282.

²² В. И. Лебедев. Крестьянская война... стр. 42.

заками шел к Москве, два отряда донских казаков во главе с И. Аверкиевым и А. Наумовым «самовольно» отправились на Украину и предложили гетману И. Брюховецкому свои услуги.²³ В глазах казачества, не знавшего о мирных переговорах, которые уже вели между собой представители России и Польши, правительство могло нуждаться в их помощи. В тот момент многим казалось, что война с Польшей была в самом разгаре. Еще совсем недавно, в 1663 г., польские войска перешли на левый берег Днепра и достигли некоторых успехов в борьбе с русской армией. Правда, вслед затем они потерпели поражение под Глуховым и Новгород-Северским. Но когда русские, закрепляя успех, заняли Шклов и Копысь, а вслед затем, летом 1666 г., осадили Могилев, то они, в свою очередь, были отбиты.²⁴ Казаки, следовательно, имели все основания полагать, что правительство нуждается в вооруженной силе, а так как на Дону их положение в тот момент стало очень затруднительным, а практика принятия казаков на государеву службу была обычной, то они решили, собравшись, идти к Москве и просить царя об этом. «Вышли мы, холопий твоих, на твою великого государя службу в Дону, слышачи твой великого государя подвиг, — писал В. Ус в челобитной, поданной царю 9 июля 1666 г., — милосердый государь... пожалуй нас, холопей твоих, вели, государь, нам служить свою государеву службу, где ты, великий государь, укажешь».²⁵ Подобным же образом заявляли казаки о целях своего похода и в других случаях.

Разумеется, можно ставить под сомнение искренность заявления В. Уса. Видимо, такие сомнения были и у воронежского воеводы Василия Уварова, когда отряд казаков оказался у стен Воронежской крепости. Поэтому он вызвал к себе в съезжую избу главаря отряда В. Уса и есаула Ив. Хорошева. Здесь они были допрошены о целях похода. Рассказав о них, казаки попросили воеводу, чтобы он «велел ис тех донских казаков шти человек с Воронежа отпустить к... великому государю, к Москве, бити челом тебе, великому государю, где ты, великий государь, укажешь быти им на своей великого государя службе».²⁶ Видимо, убедившись в том, что казаки ни к чему иному не стремятся, воронежский воевода разрешил им послать своих представителей к царю с просьбой о службе, что они и сделали, отправив станицу во главе

²³ ЦГАДА, Разрядный приказ, Белгородский стол, стб. 579, лл. 88—97. — Любопытно, что судьба этих отрядов, продолжавших настаивать на принятии их на службу и в конце концов разоруженных правительственными войсками, в какой-то мере сходна с судьбой отряда В. Уса (см. там же).

²⁴ Очерки истории СССР. XVII в., стр. 546—547; С. М. Соловьев, История России с древнейших времен, кн. III, т. XI, гл. III. СПб., 1900, стр. 141—190 и др.

²⁵ Кр. война, т. I, № 11, стр. 37.

²⁶ Там же, № 8, стр. 35.

с Евдокимом Якимовым.²⁷ Можно было бы думать, что воронежский воевода Уваров поступил так потому, что боялся пятисот вооруженных казаков, пришедших с В. Усом. Но для этого нет оснований, так как для воронежской крепости это была небольшая сила. Основанная в 1586 г. как опорный пункт в борьбе с турецко-татарскими набегами и как оплот самодержавной власти на юге России, крепость Воронеж в середине XVII в. была одной из самых крупных на юге. Она стояла на холме, окруженная мощной стеной длиною свыше 800 сажен и имела 44 орудия. В ее погребах хранилось свыше 100 пудов пушечного и ружейного пороха, около 50 пудов свинца, более 2000 ядер разных калибров, мушкеты, карабины и другое вооружение.²⁸ Гарнизон крепости уже в 1646 г. насчитывал 1200 человек.²⁹ Можно считать, что к 1666 г. этот гарнизон был еще большим, так как правительство включило город в состав Белгородской черты и принимало меры к его дальнейшему укреплению. Во всяком случае, по смотру 1661 г. в Воронеже насчитывалось 1475 служилых людей.³⁰ Естественно, что, обладая такой силой, воронежский воевода Уваров при желании мог бы остановить отряд В. Уса или хотя бы сделать такую попытку.

Как и воронежский воевода, правительство не поставило под сомнение желание казаков вступить в службу и принять участие в войне с Польшей. Правда, в связи с близким окончанием войны, в условиях нарастающего в 60-х годах XVII в. антифеодального движения и значительного увеличения побегов крестьян и холопов от своих владельцев правительство не было заинтересовано в пребывании на территории центральных районов страны казачьего отряда, который возбуждал народные массы. Поэтому оно приказало казакам возвратиться на Дон.³¹ Но станице Е. Якимова этот приход в Москву был зачтен за службу и даже было приказано выдать жалованье — «по рублю человеку».³² Жалованье, выданное казакам, было не столь уж большим. Казаки, приходившие в составе зимовых и легких станиц Войска Донского, получали значительно больше. Прибывшему во главе зимовой станицы в 1656 г. атаману Павлу Федорову «за его службу» было выдано «камка куфтерь добрая 10 аршин, сукно лундыш добрый, денег 20 рублей», есаулу той же станицы «сукно лундыш, денег десять рублей» и каждому казаку «по сукну по английскому, по доброму» и «денег по девяти рублей человеку».³³

²⁷ Там же.

²⁸ Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Под ред. Л. В. Вейсберга. Вып. VII. Воронеж, 1887, стр. 345.

²⁹ Е. В. Чистякова, Воронеж в середине XVII века и восстание 1648 года. Воронеж, 1953, стр. 22.

³⁰ Там же.

³¹ Кр. война, т. I, № 8, стр. 35.

³² Там же.

³³ Донские дела, кн. I, стб. 63—64.

В других случаях атаманам выдавали по 9—10 рублей, есаулам по 7—8 рублей, а рядовым казакам по 6—7 рублей.³⁴

Но выдача жалованья, хотя и меньшего по размерам, чем давалось казакам зимовых и легких станиц, свидетельствует о том, что в приходе станицы в Москву с подобной просьбой правительство не увидело нарушения существовавших обычаев. Об этом же говорит тот факт, что одновременно было приказано и казакам — участникам похода — для возвращения на Дон выдать «государева жалованья в дорогу на корм денег по полтине человеку, да на Воронеже суды, в чем вам ехать на Дон, да хлебных запасов, муки ржаные и сухарей по полу осьмине человеку».³⁵

Еще более сложным является вопрос о характере и значении похода. Все советские историки называют поход и связанные с ним события открытым антифеодальным выступлением казачества, и в этом нет никакого сомнения. Состоявший из хорошо вооруженных людей, еще недавно бывших в крепостной зависимости, а теперь свободных, как только могут быть свободны люди феодального общества, не принадлежащие к господствующему сословию, отряд В. Уса стал сразу же центром притяжения всех беглых и всех недовольных крепостническим режимом в стране. Но при этом исследователи, подходя без должной критики к источникам, на которые они опираются, в отдельных случаях приписывают отряду Василия Уса и те действия, которых он и не совершал.

Е. В. Чистякова пишет, что казаки во главе с В. Усом ожидали в Воронеже царский ответ. А когда «Уваров получил приказ немедленно вернуть отряды В. Уса на Дон... донцы „учинились непослушны“ воронежскому воеводе, и 26 июня весь лагерь исчез из-под Воронежа».³⁶

На самом деле было иначе. Отряд В. Уса, по его собственным словам, пошел к Москве «неделю спустя» после ухода Якимова к царю. Но за неделю покрыть расстояние от Воронежа до Москвы и обратно — общим протяжением свыше 1100 верст — казачья станица Якимова, конечно, не могла. Посланная самым срочным образом отника Скопинского воеводы в приказ Тайных дел о присоединении группы крестьян с Хворонцева и дер. Горловой к отряду В. Уса была отправлена из Скопина 4 июля, а получена в Москве 10 июля, т. е. была доставлена за 5—6 дней.³⁷ Станица В. Уса вышла из Тулы 9 июля, а явилась в Польский приказ 14 июля, следовательно, находилась в пути по

менее 4 дней.³⁸ А между тем расстояние от Скопина или от Тулы до Москвы в два с лишним раза короче, чем от Воронежа. К тому же станица Якимова не проявила стремления как можно скорее вернуться к отряду В. Уса. Хотя правительство послало ее со своим ответом «на ямских подводах наспех», Е. Якимов и его товарищи, как говорится в наказной памяти из Разрядного приказа князю Ю. Барятинскому, «своровали, с его государевой грамотой на Воронеж скоро не поспешили» и «не дождався его государева указа с Воронежа пошли и пошли в Тульский уезд без указа, самовольством».³⁹

Как видно из «Наказной памяти», посланной Ю. Барятинскому из Разрядного приказа, царская грамота о возвращении казаков на Дон была послана в Воронеж только 26 июня.⁴⁰ Поэтому получить ее в Воронеже могли не ранее 29—30 июня, а в это время отряд В. Уса находился уже далеко от Воронежа. Е. В. Чистякова права, когда указывает в другом месте, что станица Якимова привезла царскую грамоту В. Усу тогда, когда он со своим отрядом стоял на р. Упе, т. е. после 8 июля.⁴¹

Таким образом, нельзя говорить, что под Воронежем казаки «учинились непослушны» царскому распоряжению. Они действительно проявили «самовольство», но лишь в том смысле, что не стали ожидать царский ответ, а прямо двинулись из Воронежа в центр страны.

Появление в центральных районах страны отряда В. Уса всполошило русских помещиков. Уже на следующий день после остановки отряда под Тулой, 9 июля, московские, тульские, дедиловские и соловские дворяне в страхе писали царю, что казаки, иди с Дона, «прибрали на дороге к себе воров, людей наших и крестьян, которых, государь от нас, холопей твоих збежали... И те, государь, вору приезжают в деревнишка наши и разоряют всяким разарением, животину отымают и насилования чинят. И докостольния, государь, наши людишка и крестьянишка от нас, холопей твоих, бегут, видев их воровское самовольство... И впрядь, государь, похваляютца те вору на нас, холопей твоих, всяким дурным и на дамиска нашим разарением». Перелугавные дворяне просили «милостивой указ учинить, чтоб нам, холопом твоим, от тово их разоренья в конец разоренным не быть».⁴²

В. И. Лебедев полностью принимает показания этих дворян и пишет о разорениях, грабежах и насильствах крестьян.⁴³ Иначе относится к ним Е. А. Швецова, которая в комментариях к первому тому сборника документов «Крестьянская война под пред-

³⁴ Там же, № XXVII, 4 и др.

³⁵ Кр. война, т. I, № 14, стр. 41.

³⁶ Е. В. Чистякова. Крестьянское движение в Подмоскowie... стр. 120.

³⁷ Кр. война, т. I, № 9, стр. 36.

³⁸ Там же, № 14, стр. 39.

³⁹ Там же, стр. 41.

⁴⁰ Там же, стр. 39.

⁴¹ Е. В. Чистякова. Крестьянское движение в Подмоскowie... стр. 130.

⁴² Кр. война, т. I, № 10, стр. 36; см. также: № 14, стр. 39.

⁴³ В. И. Лебедев. Крестьянская война... стр. 41.

водительством Степана Разиша» отмечает, что «документ искажает действительное положение вещей, так как факты враждебных действий по отношению к угнетателям авторы челобитной (т. е. помещики и вотчинники) представляют как „разорение“ и „насилование“ всех дюдей. Такое искажение является типичным для всех документов, исходивших из лагеря врагов движения, и его следует везде принимать во внимание».⁴⁴

Полагаю, что права в этом вопросе Е. А. Швецова. Дело в том, что помещики центральных районов России были до предела напуганы тем возбуждением, которое вызвало среди крестьянства появление отряда В. Уса, и стремились убедить правительство как можно скорее заставить отряд В. Уса уйти с той территории, где они жили, а заодно принять меры к «усмирению» их собственных крестьян. Поэтому они не жалели красок для изображения «бесчинств» и «разорений», чинимых казаками.

Однако мы имеем и другие свидетельства источников о поведении отряда В. Уса. Ряд представителей господствующего класса, не зараженных страхом местных тульских, дедиловских и соловских дворян, совсем иначе характеризовали поведение отряда. Так, 3 июля 1666 г. отряд В. Уса прошел мимо дворцовых владений с. Хворощева и дер. Горловой Скопинского уезда. Староста П. Синицын в тот же день сообщил об этом скопинскому воеводе А. Мерчукову, а тот сразу же донес в приказ Тайных дел. В донесении говорилось о том, что казаки «подговорили» к уходу с ними нескольких крестьян, но не было сообщений о «бесчинствах» и «разорениях», чинимых казаками.⁴⁵

Тульский воевода И. И. Ивашкин в отписке, посланной в Разрядный приказ между 9 и 13 июля, сообщал, что «дворянские жены и дети на Тулу в город прибежали, а сказывают, что от их казацкого страху и разорения»,⁴⁶ но никаких фактов в подтверждение этого не привел, так же как не высказал своего мнения по поводу этого сообщения тульских дворян.

20 июля 1666 г. в Белгородской приказной избе был допрошен ротмистр К. Корсак, хорошо осведомленный о всех событиях, связанных с походом В. Уса. Он сообщил, что во время продвижения казаков от Воронежа до Тулы «дворяне де и дети боярские тулея и иных городов, которые к Туле блиски, едут на Тулу з женами и з детьми, опасаячесь от казаков всякого дурна и грабежу». Но, как сообщил К. Корсак, «убойства и грабежу от доиских казаков он, ротмистр, никакова не слыхал», «казаки, идучи дорогою з Дону к Туле, съезное ямали, а грабежем ничего иново не брали и убойства не чинили», «а теперь де убойства и грабежу от доиских казаков Константин Корсак не слыхал».⁴⁷

Подобным же образом характеризовал поведение своего отряда в Посольском приказе 14 июля 1666 г. и Василий Ус, который заявил, что «дорогою де они шли смирно, нигде никакова воровства от них не было».⁴⁸ В достоверности показания В. Уса убеждает и то обстоятельство, что он докладывал в Посольском приказе 14 июля, а поход его отряда от Воронежа до Тулы проходил с 26 июня по 9 июля. Следовательно, правительство уже имело сведения о походе из других источников. И если, несмотря на это, Ус смело пошел в Приказ, а там его не схватили как «разбойника», нужно полагать, что его отряд, с точки зрения правительства, не совершал никаких незаконных действий.

Из сказанного выше вовсе не следует, что поход отряда В. Уса не сыграл своей роли в возбуждении «мятежного духа» среди крестьян центральных районов России. Как убедительно и на большом материале показано Е. В. Чистяковой, В. И. Лебедевым и другими советскими историками, крестьянское движение, нараставшее в середине XVII в. в центральных районах России из года в год, с появлением отряда В. Уса быстро разрасталось, захватывая новые районы и вовлекая все большее число людей. Советские исследователи показали также, что казаки отряда В. Уса не оставались в роли сторонних наблюдателей во всех этих событиях. Они охотно принимали в свои ряды беглых крестьян и даже «подговаривали» многих помещичьих крестьян к уходу от своих владельцев. Некоторые из казаков приняли участие в расправах крестьян со своими владельцами, а иногда даже возглавляли походы небольших отрядов беглых крестьян и казаков против помещиков центральных районов страны.⁴⁹

Но не это составляло первоначальную цель похода отряда В. Уса. Измученные и голодные, потерявшие всякую надежду на обеспечение своего существования на «вольном» Дону, казаки шли к царю в надежде, что он пойдет им навстречу и обеспечит их службой и жалованьем. Только этим, как нам кажется, можно объяснить тот строгий порядок и дисциплину, которые поддерживались в отряде В. Уса.

Однако царь не пошел навстречу казакам. Он не только потребовал, чтобы казаки вернулись обратно на Дон, но и повелел изъять беглых служилых людей, холопов и крестьян, примкнувших к отряду В. Уса во время перехода от Воронежа к Туле, а заодно и тех участников похода, которые бежали от своих владельцев после 1661 г.⁵⁰

Для осуществления этого правительство была разработана целая система мероприятий. Если казаки выдадут беглых и двинутся к Дону, правительство предписывало воеводе Ю. Барятин-

⁴⁴ Кр. война, т. I, стр. 263 (комментарии к № 10).

⁴⁵ Там же, № 9, стр. 36.

⁴⁶ Там же, № 12, стр. 37.

⁴⁷ Там же, № 21, стр. 49.

⁴⁸ Там же, № 13, стр. 38.

⁴⁹ Подробно об этом см. в статье Е. В. Чистяковой: Крестьянское движение в Подмоскowie... стр. 130—133.

⁵⁰ Кр. война, т. I, № 14, стр. 41.

скому «послати с ними провожатых из начальных людей из салдат, скольких человек пригож», и зорко следить, «чтобы какова дурна не учинилось». ⁵¹ В том же случае, если донские казаки не будут выполнять требования правительства, «к воеводе на Тулу по поедут, или с того места к Воронежу вскоре не пойдут и беглецов, служилых людей и боярских холопей и крестьян за 6 лет или меньше... не отдадут», то боярин и воевода Ю. Барятинский должен был вызвать к Туле из Каширы, Крапивны, Дедилова и других ближних городов дворян с их людьми, «сказать им про непослушание и упорство донских казаков» и призвать этих дворян над казаками «промысл чинить боем». ⁵²

В день отправки В. Уса и сопровождавших его казаков из Москвы, 14 июля, городским воеводам из Разрядного приказа также была послана грамота, в которой им предписывалось «для всякого бережения» «за теми казаками от Тулы до Воронежа послать служилых людей, кого пригож, чтоб от тех донских казаков в дороге нигде никому никакова дурна и грабежу не было, и чтобы казаки ис полков служилых людей беглецов и боярских холопей и крестьян к себе не принимали. А буде те донские казаки, дорогою идучи, учнут то делать, и тех казаков тем служилым людям, которые за ними для бережения посланы будут, велено имать и отдавать в городех воеводам и приказным людям и сажать их в тюрьму до нашего государева указа». ⁵³

Правительство и дворяне не пожалели сил и средств для осуществления этой программы. Все выполнялось быстро и оперативно, и отряд казаков, значительно возросший за счет примкнувших к нему беглых крестьян, был вынужден возвратиться на Дон, преследуемый дворянским ополчением и солдатами царской армии, принеся с собой на Дон чувство огорчения в связи с несбывшимися надеждами. Так разрушалась в казачестве вера в царя и накалялась обстановка пока молчаливого, но упорного протеста, которая привела в самом скором времени к восстанию казаков и крестьян во главе со Степаном Разиным.

Подведем итоги. В работах Е. В. Чистяковой, В. И. Лебедева и других советских историков всесторонне исследована история похода отряда В. Уса к Москве в 1666 г., однако отдельные моменты ее требуют уточнения. Причиной похода явилось значительное увеличение притока населения на Дон в тот момент, когда край переживал своеобразный хозяйственный кризис, выразившийся в резком сокращении старых источников существования. Это вынудило казачью голытьбу и часть новоприсланных создать отряд и двинуться к царю с просьбой определить их на службу и выдать «государево жалованье». Появление отряда

В. Уса в центральных районах страны способствовало росту крестьянского движения, нарастающего там с середины XVII в. Казаки не остались в стороне от этого общего движения. Но, сохраняя веру в «доброе» царя, измученные и голодные, они поддерживали порядок в своих рядах в надежде, что царь пойдет им навстречу и обеспечит их службой и жалованием. Однако правительство отказало в этом казакам и заставило их вернуться на Дон, преследуя отрядами царских войск во главе с воеводой Ю. Барятинским. Это сыграло немалую роль в усилении «мятежного духа» среди голутвенного казачества и новоприсланных людей на Дону как раз накануне Крестьянской войны в России под предводительством С. Т. Разина.

⁵¹ Там же, стр. 42.

⁵² Там же, стр. 43.

⁵³ Там же, № 15, стр. 44—45.

А. Г. МАНЬКОВ

КРУГИ В РАЗИНСКОМ ВОЙСКЕ И ВОПРОС О ПУТЯХ И ЦЕЛИ ЕГО ДВИЖЕНИЯ¹

Одной из отличительных особенностей того этапа Крестьянской войны под предводительством С. Разина, который продолжался с конца 1669 г. до августа 1670 г., были периодически собираемые круги повстанческого войска. Важнейшими вопросами, поставленными на них, были определение задач восстания и выбор пути движения повстанцев. Таких кругов по источникам насчитывается более семи.²

Само по себе это несомненно свидетельствует об определенном уровне сознательности повстанцев и стремлении руководства и наиболее организованных участников восстания определить его цели.

В литературе о Крестьянской войне 1667—1671 гг., в большинстве научно-популярной, те или иные круги, главным образом в Панинском городке и Царицыне, упоминаются по ходу изложения событий. Хуже положение с первым кругом в Черкасске;³ из двух царицынских кругов — в мае и начале июня 1670 г. — в литературе упоминается только первый; и вовсе не известным до последнего времени оставался круг в Черном Яре.

¹ В научно-популярном очерке о восстании С. Разина (см.: И. П. Смирнов, А. Г. Маньков, Е. П. Подъяпольская, В. В. Мавроди и др. Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. М.—Л., 1966) автор этой статьи высказал суждения о позиции С. Разина в вопросе выбора пути движения повстанческого войска и его целей. И. П. Смирнов, будучи ответственным редактором книги, посоветовал написать на эту тему статью. К сожалению, автору представилась возможность выполнить совет дорогого учителя лишь в сборнике, посвященном его памяти.

² Установление точной цифры невозможно (см. стр. 274).

³ В. И. Лебедев соединяет черкасский круг с панинским в один круг и относит его к Панинцу; см.: В. И. Лебедев. Крестьянская война под руководством Степана Разина. М., 1964, стр. 46—47.

В связи с этим допускалась, на наш взгляд, неточная интерпретация мотивов похода Разина из Царицына к Астрахани в июне 1670 г.⁴

Но главное состоит в том, что до сих пор не предпринята попытка общего анализа совокупности вопросов, стоявших на всех кругах повстанцев, как единого процесса определения целей восстания и путей движения повстанческого войска.

А между тем такой анализ позволит уточнить позиции как руководства восстанием, прежде всего самого Разина, так и подавляющей массы его участников в решении кардинальных вопросов движения.

Из похода на Волгу и в Персию Разин вернулся на Дон в начале ноября 1669 г. с отрядом в полторы тысячи человек и расположил его на зимовку на острове Прорва в районе Кагальницкого городка. В итоге волжско-каспийского похода были созданы необходимые предпосылки для второй, более высокой ступени Крестьянской войны. Были накоплены запасы имущества, вооружения и боеприпасов. А главное — было создано боевое ядро повстанческого войска. В течение зимы 1669/70 г. разинское войско значительно умножило свою материальную и боевую мощь.

Торговые люди, приходившие на Дон с товарами из украинских городов, вели в Кагальницком городке энергичную торговлю, скупая привезенные казаками заморские товары и снабжая их вооружением, боеприпасами и продовольствием. Непрерывно росла и численность войска. Многие источники отмечают, что «сверху до Доном безпрестанно к нему (Разину, — А. М.) идут козаки и иные беглые люди».⁵

В таких условиях Кагальницкий городок становится политическим и хозяйственным центром Дона, затмевая собою Черкасск — цитадель домовитого казачества. Влияние последнего и власть атамана Войска Донского К. Яковлева были парализованы. Подтверждением этого служат два крупных события; происшедшие как раз в Черкасске, — казачий круг, на котором впервые был поставлен вопрос о направлении и цели выступления разинского войска, и убийство царского посланца Г. Евдокимова, присланного на Дон для разведывания намерений Разина.

На казачьем круге в апреле 1670 г. Разин разоблачил в лице Евдокимова лазутчика: «Учал ево, Герасима, бранить и бить, и бив до полусмерти, посадил в воду, в Дон реку».

В ответ на попытку войскового атамана Яковлева осудить убийство Евдокимова Разин «учал ему, Корнилу, грозить

⁴ Там же, стр. 48—49.

⁵ Кр. война, т. I, стр. 162 и др.

таким же смертным убийством и говорил ему: „ты де владеи своим войском, а я де владею своим войском“». ⁶

Первый круг подвластного Разину войска (а в него входила несомненно подавляющая часть низового казачества, в том числе и черкасского, не исключая и какой-то части домовитых казаков) собрался еще до событий, связанных с Евдокимовым.

Проживший зиму 1669/70 г. в Черкасске хоперский казак Костыка Косой рассказывал подьячему Д. Михайлову, что при нем в Черкасске у Разина был круг, на котором есаулы спрашивали собравшихся, «под Озов ли иттить, и козаки де в кругу про то все умолчали. А в другой де докладывали — на Русь ли им на бояр иттить и они де „любо“ молвили небольшие люди. А в третьей де докладывали, что иттить на Волгу, и они де про Волгу завошили». ⁷ Что участники круга ответили молчанием на вопрос о походе под Азов, т. е. к берегам Азовского и Черного морей, — понятно, так как к этому времени Азов был превращен турками в сильную крепость, а на подступах к нему в низовьях Дона стояли турецкие укрепления, преграждавшие путь казакам. Постановка второго вопроса — «На Русь ли им на бояр иттить» — показывает, что Разин и его ближайшее окружение ставили своей целью воплощение идеи антифеодальной борьбы, возникшей еще в походе 1667—1669 гг. Однако этот лозунг не получил поддержки большинства участников круга, чем и объясняется, что «любо» молвили «небольшие люди», т. е. меньшинство. И лишь предложение идти на Волгу вызвало бурную реакцию подавляющего большинства. Состав вопросов и характер их постановки на круге в Черкасске показывают, что этот круг был организован с целью разведки настроений казачества. Разведка выявила стихийное стремление значительной части казацко-крестьянской массы Дона повторить поход 1667—1669 гг.

Покинув Черкасск в конце апреля 1670 г., Разин переводит свое войско из Кагальницкого городка в Паншин городок. Сюда из нижних городков с отрядом донских и запорожских казаков прибыл опытный и закаленный в боях атаман Василий Ус, ставший правой рукой Разина в новом походе. Перед походом в Паншинском городке был собран новый круг. На нем, по словам очевидца — курского попа Н. Иванова, Разин «сказал всем вслух — любо ль де им всем итти з Дону на Волгу, а с Волги итти в Русь против государевых неприятелей и изменников, чтоб им из Московского государства вывести изменников бояр и думных людей и в городех воевод и приказных людей?». В доказательство измены бояр Разин сослался на последовавшие недавно одна за другой смерти царицы Марии Ильиничны и царевичей Алексея

и Сомена. Свою речь Разин завершил призывом к участникам круга: «И им бы де всем постоять и изменников из Московского государства вывести и чорным людем дать свободу». ⁸ Итак, призыв к походу на Русь против бояр и вопрос о походе на Волгу, поставленные на черкасском круге самостоятельно и альтернативно, на круге в Паншинском городке были слиты воедино.

Такой шаг Разина обеспечил ему полную поддержку со стороны подавляющей массы участников восстания. Об этом мы узнаем из недавно опубликованных расспросных речей участника круга в Паншинском городке казака Н. Самбуленко. По его словам, Разин первоначально поставил перед кругом вопрос в более широком плане — бороться или уйти из под власти русского царя, чтобы избежать угнетения: «Атамапы де молотцы, — спрашивал Разин, — куда мы пойдем отсюды, на море ли по Волге или к иному царю служить?». Такая постановка вопроса была рассчитана на определенную патриотическую настроенность масс. И когда первоначально последовал ответ старшин, что «они иному царю служить не хотят, а пойдем де мы все на Волгу на бояр и воевод», то и Разин, «взяв саблю на голо, говорил им всем, что он на великого государя итти и руки поднять не хочет, лутче де ево тою саблею голову отсеците или в воду посадите». ⁹

Лозунг защиты царя от изменников-бояр и призыв идти на Волгу, а с Волги на Русь против тех же изменников-бояр предельно ясно вскрывают социальную направленность восстания, которой соответствует путь движения войска, отвечавший интересам подавляющей массы участников похода. И на этот раз ответ всего круга был такой, на который собственно и рассчитывал Разин: «Мы де готовы за дом пресвятыя богородицы и за великого государя умереть и головы свои положить и служить и что де бояря не велят нам ходить на море и на Волгу, и от этого мы стали наги и голодни. И ныне де пойдем на бояр и воевод на Волгу за то, что де бояря и воеводы нас голодом морят». Это место показаний Самбуленко прекрасно вскрывает, что угнетенный народ внутренне был подготовлен к принятию решения о борьбе против феодалов, ибо он вынес определенный опыт из предшествующих походов на Волгу и Каспийское море: «А как на море и на Волге наперед сего были и они де, бояре и воеводы, нас имали и вешали и головы нам секли и в воду сажали». ¹⁰

⁶ Там же, стр. 235.

⁸ Показания Самбуленко хорошо отражают царистскую настроенность народных масс и самого Разина. Но и эта настроенность не осталась неизменной. В ходе восстания, события которого помогли многое понять прежде всего самому Разину, повстанцы стали противопоставлять царю Алексею Михайловичу, который дал себя обмануть боярам, его сына царевича Алексея — якобы невинную жертву боярского произвола.

¹⁰ Кр. война, т. I, стр. 253.

⁶ Там же, стр. 165.

⁷ Там же, стр. 162.

Недоставало лозунга, призыва. И Разин сумел после разведки настроения казацко-крестьянской массы в Черкасско дать такой лозунг, который объединял давнее, привычное стремление донцов к походам на Волгу, обычно служившим наиболее эффективным выходом из тяжелого материального положения, с задачами классовой борьбы за освобождение от феодального гнета.

В этом шаге бесспорно сказались мудрость Разина как вождя угнетенных масс, как стратега Крестьянской войны и ее предводителя.

Но отвечало ли в полной мере такое решение вопроса стремлениям самого Разина и, быть может, его ближайшего окружения? На поставленный нами вопрос попытаемся ответить в ходе дальнейшего изложения событий.

В отписке в Разрядный приказ от 19 мая 1670 г. тамбовский воевода Я. Хитрово сообщал, что им послана из Тамбова на Дон станица для разведывания возможного пути движения разинского войска — «на Волгу ли он пойдет или на калмык или вверх Доном в Русь...».¹¹ Едва ли воеводы ближайших к Дону городов допускали возможность похода Разина в центр страны по Дону и далее только теоретически, не располагая относительно такой возможности определенными сведениями.

В декабре 1669 г. из допроса в Посольском приказе кречетника Д. Григорова стало известно о слухе, ходившем на Дону, что Разин «хочет атаманов и казаков лутчих людей побить, а сам, собрався итти в Запороги рекою Донцом...».¹² Эти сведения подтвердились в январе 1670 г. в результате посылки на Дон астраханским воеводой И. Прозоровским лазутчика — татарина Юманки Келимбетова. Последний донес, что Разин может податься в Запорожье для соединения с запорожскими казаками.¹³

Большое значение для понимания позиции Разина в затронутом вопросе приобретают его связи с гетманом правобережной Украины П. Дорошенко, кошевым атаманом Запорожского войска И. Серко и запорожским гетманом М. Ханенко. Этой теме посвящены отдельные работы советских историков,¹⁴ но едва ли можно считать ее изученной в той мере, в какой она этого заслуживает. Для наших целей, однако, достаточно и того, что известно из литературы и опубликованных материалов.

С. Разин, готовя поход на Русь против бояр и дворян, упорно и настойчиво искал союзников и помощников. И не удивительно, что его внимание привлекла Украина. После раздела в результате русско-польской войны 1654—1667 г. как правобережная, так и

левобережная части Украины переживали период резкого обострения классовых и национальных противоречий. Правобережный гетман П. Дорошенко стремился стать гетманом обеих частей Украины и с этой целью, готовя поход против русского царя, искал союзников, с одной стороны, в лице крымских татар и турок, с другой — в лице днепровских и донских казаков.¹⁵ Выступление Разина устраивало его наибольшим образом, так как отвлекало внимание и силы царского правительства на подавление внутренней крамолы и в то же время давало возможность использовать силы повстанцев для достижения своих целей. Еще в конце 1667 г., будучи в Яике, Разин прислал в Чигирин к Дорошенко «станицу в 10 человек о дву конь. А пишет де он, Стенька, к нему, Петрушке, чтоб он шел наскоро Муравским шляхом на твои великого государя украинные города войскою». Полтавский воевода Петр Сафонов дополнил эти сведения сообщением о том, что, получив письмо Разина, «Дорошенко де послал в Крым для татар Жуленка тому 3 недели».¹⁶ Таким образом, прибытие станицы Разина в Чигирин надо отнести ко второй половине ноября 1667 г.¹⁷

Дальность расстояния между Яиком и Запорожьем, перемена обстановки на Украине (измена царю левобережного гетмана И. Брюховецкого) и выжидательная позиция, занятая Дорошенко, препятствовали укреплению связей между ним и Разиным. Но одно несомненно, как справедливо подметила Е. А. Швецова, — что уже при первом походе Разина искал союзников в борьбе с царизмом.¹⁸

Связи между Разиным и Дорошенко возобновились с того момента, как повстанческое войско вернулось в конце 1669 г. на Дон, в Кагальницкий городок. В это же время возникают сношения Разина с кошевым атаманом запорожского войска И. Серко и запорожским гетманом М. Ханенко.¹⁹ Все трое, выражая интересы старшины и зажиточных кругов казачества, в классовом отношении и по своей политической ориентации были враждебны восставшей казацко-крестьянской массе и ее предводителю Разину, но стремились, однако, использовать его мощь и авторитет для достижения своих целей. С другой стороны, контакт между Разиным и представителями Запорожья складывался и на той основе, что сношения донских казаков с запорожскими были постоянными. Сложная игра Дорошенко между Турцией, Польшей и Россией затянула время, но когда он сблизился с Серко, то выслал на Дон станицу к Разину: «...пишет де Дорошенко и

¹¹ Там же, стр. 162.

¹² Там же, стр. 132.

¹³ Там же, стр. 155.

¹⁴ Д. Е. Кравцов. Отголоски разинщины на Украине. Труды Инст. славяноведения АН СССР, т. II, Л., 1934, стр. 77—99; К. Стоцюк. Влияние повстанца Степана Разина на Украину. Київ, 1947, стр. 72—92.

¹⁵ К. Стоцюк. Влияние повстанца..., стр. 72—73.

¹⁶ Кр. война, т. I, стр. 100.

¹⁷ Д. Е. Кравцов. Отголоски разинщины на Украине, стр. 83.

¹⁸ Кр. война, т. I, стр. 267.

¹⁹ К. Стоцюк. Влияние повстанца..., стр. 88—89; Кр. война, т. I, стр. 268, 275.

Серик к Стеньки — где б де им с Стенькою Разиним на срок в котором урочище сойтитца вместе». Это уже было конкретное предложение, но оно не застало Разина на Дону. Вслед за ним к Царицыну с письмом Дорошенко и Серко был послан донской казак Фрол Минаев, «а велено де ему, Фралу, гнать до нево, чтоб он, Стенька, поворотился назад...».²⁰ Вернуть свое войско с Волги Разину не удалось, но, как увидим ниже, он неоднократно ставил перед кругом вопрос о походе на Русь с Дона. Более года послания от Разина к Дорошенко и обратно передавал кременчугский сотник М. Карачевский, пока не был задержан на днепровском перевозе осенью 1670 г. и замучен до смерти пыткой.²¹

Есть сведения о другом тайном агенте, передававшем письма Разина и Дорошенко, — Д. Перехресте. Следствие о переписке вел левобережный гетман Д. Многогрешный, которому не удалось обнаружить сами «листы», но смысл их был установлен — Дорошенко звал Разина идти с ним весною в поход «под Заднеприем» (левобережная Украина) и обещал не скушиться на хлеб и соль.²² В какой мере эти сношения с Дорошенко накладывали отпечаток на действия Разина?

Перейдя с Дона на Волгу в мае 1670 г., разинцы заняли Царицын. Укрепив город, Разин собрал войсковой круг, на котором вновь поставил вопрос о направлении и целях движения повстанческого войска. Участник этих событий, курский поп Н. Иванов, показал на допросе в Белгородской приказной избе, что «был у него, Стеньки, под Царицыным круг, а в кругу говорил всем своим казаком, чтоб им идти вверх по Волге под государевы города и воевод из городов выводить или б де идти к Москве против бояр».²³ Такая постановка вопроса, предложенная в Царицыне, есть не что иное, как своеобразный синтез черкасского и паншинского вариантов выступлений Разина перед кругом. И если цель движения понималась Разиним как единая для всего восстания, а состояла она в нанесении удара «государевым изменникам» — воеводам и боярам (независимо от того, где они находились: в городах по Волге или в самой столице — Москве), то вопрос о наиболее рациональном и эффективном пути достижения этой цели не был еще разрешен. Как видим, и на майском круге в Царицыне Разин не удержался от формулировки двух возможных направлений движения повстанческого войска.

²⁰ Кр. война, т. I, стр. 164.

²¹ Д. Е. Кравцов. Отголоски разинщины на Украине, стр. 87—88; К. Стоцюк. Влияв повстання..., стр. 87; Кр. война, т. II, ч. 2, стр. 138, 143.

²² К. Стоцюк. Влияв повстання..., стр. 87—88; Кр. война, т. II, ч. 2, стр. 133, 134.

²³ Кр. война, т. I, стр. 188.

Прямой и кратчайший путь на Москву продолжал занимать его самым решительным образом. Москва была местом пребывания наиболее видных бояр, управлявших страной, в том числе и тех, которые «недобры к казакам» и которых Разин и участники круга еще в Паншинском городке называли по именам — Ю. А. Долгорукий, Н. И. Одоевский, А. С. Матвеев, думный дьяк Д. Башмаков. «И про иных многих бояр и думных людей говорили», — сообщил на допросе, на этот раз в Разрядном приказе, тот же курский поп Н. Иванов.²⁴

Эту позицию Разина нельзя не ставить в связь с тем фактом, что и будучи в Царицыне он продолжал иметь сношения с Дорошенко и И. Серко. Один из наиболее сведущих очевидцев царицынских событий, поп Н. Иванов, выполнивший в разинском войске по приказу Разина и В. Уса различные требы, в том числе отпевание «побитых» повстанцев, сообщил на допросе, что «Стенька же де Разин под Царицыным готовил суды и ждал к себе ис черкасских городов на помощь многих черкас с полковником с Серком».²⁵ И хотя прибытия Серко с войском под Царицын так и не состоялось, возможность такого события была, очевидно, настолько реальной, что в отписках некоторых городовых воевод Поволжья о соединении Разина с Серком сообщалось как о совершившемся факте: «Стенька Разин со многими людьми соединились с изменники запорожскими черкасы, с полковником [с] Сериком».²⁶ Трудно сказать, какой оборот приняли бы события под Царицыном в случае прибытия войска Серко (гипотетически мы не исключаем, что Разин мог пойти на Москву через слободскую Украину), но одно очевидно: на царицынском круге в мае 1670 г. было принято решение о походе вверх по Волге. Конечной целью этого похода, в случае его успеха, несомненно была бы Москва.²⁷ Однако приходящие обстоятельства, связанные с наступлением правительственных войск, резко изменили направление похода и его ближайшие цели. Одним из мероприятий правительства была отправка по Волге для обороны Царицына тысячного отряда стрельцов под командованием головы И. Лопатина.²⁸ Лопатин, отправленный из Москвы 20 марта 1670 г., не получил в пути сведений о взятии Царицына Разиним, а Разин, перехватив царских посланцев — «сконохов» — с грамотами по городам, узнал о походе Лопатина. Одновременно Разин получил сведения о выходе из Астрахани против него

²⁴ Там же, стр. 235.

²⁵ Там же, стр. 237.

²⁶ Там же, стр. 191.

²⁷ Стрельцы Г. Свешников «с товарищи» показали в Разрядном приказе: слышали де они на Царицыне от воронских казаков, что было... Стенько Разину с воронскими казаки, не ходя в Астрахань, идти вверх рекою Волгою к Москве» (там же, т. II, ч. 1, стр. 51).

²⁸ Там же, т. I, стр. 182.

войска под командованием князя С. И. Львова.²⁹ Участник похода Львова, голландец Л. Фабрициус, наемный офицер царского войска, сообщал в своих записках, что отправка отряда Лопатина из Москвы и войска Львова из Астрахани была согласованным мероприятием, имевшим целью зажать Разина в клещи.³⁰

Разин первоначально выступил навстречу Лопатину, использовав прием внезапного нападения. Стрельцы, не привыкшие к действиям на воде, понесли большие потери. Отряд был разгромлен, до 300 стрельцов перешло на сторону повстанцев.³¹ Вслед за этим Разин принимает решение идти против большого войска Львова, которое (по данным разведки — численностью до 3000 человек) уже находилось в Черном Яре.³² Новое решение, однако, круто меняло направление и цели похода, намеченные ранее, и потому требовало санкции войскового круга. В начале июня, перед выступлением, в Царицыне был собран новый круг. На нем Разин предложил «итить в Астрахань всем грабить купчин и торговых людей: не дороги де им бояря, дороги де им купчин и торговых людей животы».³³

При таком неожиданном повороте дела можно было бы усомниться в правоте показаний источника. Но дело в том, что сведения о кругах в Пашине и Царицыне исходят от одного и того же лица — курского попа Н. Иванова, очевидца событий.³⁴ Да и в самих словах Разина заметно нарочитое противопоставление новых целей похода тем, о которых шла речь на круге недели две назад («не дороги де бояря, а дороги...» и т. д.). В таком случае очевидно, что в новых, неожиданно сложившихся условиях Разин прибегнул к определенному тактическому маневру. Комментируя новое выступление Разина, Е. А. Швецова справедливо отметила, что «С. Разин действовал на определенную часть своего войска, выставляя наиболее доходчивый для нее аргумент. Действительной причиной похода С. Разина под Астрахань была необходимость принять бой с высланным против него из Астрахани войском».³⁵ Справедливо и то, что, соблазняя войско перспективой легкой добычи, Разин не менял основных задач движения. Свой призыв идти под Астрахань он завершил

²⁹ Там же, стр. 188.

³⁰ S. Kononov, Ludvig Fabritius's account of the Razin Rebellion, Oxford Slavonic Papers, vol. VI, 1950, p. 80.

³¹ Кр. война, т. I, стр. 188.

³² Там же, стр. 188, 237.

³³ Там же, стр. 237.

³⁴ В показаниях стрельцов Г. Свешникова «с товарищи» прямо указывалось, что Разин из Царицына «в Астрахань итить не хотел. А пошел де он, вор, к Астрахани по вестям, как уведал про посылку на Черный Яр князя Семена Львова» (там же, т. II, ч. 1, стр. 51).

³⁵ Там же, т. I, стр. 280.

такими словами: «Быв де под Астраханью, итить им вверх по Волге под Казань и под иные государевы города».³⁶

5 июня войско Разина выступило из Царицына, а 11 июня достигло Черного Яра. При первом же соприкосновении с разинцами враждебно настроенные к своим офицерам и начальникам стрельцы и солдаты войска Львова немедленно перешли на сторону повстанцев. Подробные сведения о событиях под Черным Яром дают записки Л. Фабрициуса. Иностранные офицеры и «начальные» люди войска С. Львова, захваченные повстанцами, были казнены по решению круга участниками самого круга.³⁷ Сохранение жизни С. Львову по просьбе С. Разина было осуществлено тоже с санкции круга: «... князь Семена де Львова казаки ево Стенькины хотели посадить в воду и он де, Стенька, в кругу казак об нем, князь Семене, бил челом, чтоб ево в воду не сажать, и козаки де ево в воду не посадили».³⁸

В этом поступке Разина нельзя не видеть шага определенной политической направленности: «переход» на сторону повстанцев князя и видного военачальника имел большое агитационное значение. Разин тотчас сообщил в Царицын, что «идет под Астрахань вскоре со князем Семеном Львовым».³⁹

В результате же, надо полагать, приговора круга была решена еще в Царицыне участь стрелецкого головы И. Лопатина и других начальных людей его войска, за исключением полуголовы Ф. Яшкина. Во всяком случае из слов источника, что стрельцов Лопатина, перешедших на сторону повстанцев, допрашивали «Стенька Разин и ясаулы», «каковы к ним голова и полуголова и сотники»,⁴⁰ можно заключить, что такой круг имел место. Оба эти круга, как в Царицыне, так и в особенности в Черном Яре, были первыми кругами, на которых получила воплощение важнейшая часть программы повстанцев — уничтожение бояр, воевод и начальных людей, ненавистных народу. Забегая вперед, следует сказать, что по приговору кругов в Астрахани были казнены многие приказные и начальные люди, в том числе первый воевода И. Прозоровский, а позднее (в мае 1671 г.) митрополит Иосиф и воевода С. Львов.⁴¹

Другой функцией повстанческих кругов был дележ (дуваны) имущества воевод, дворян, купцов и военачальников. В итоге таких дуванов в руки народа переходили материальные блага, накопленные в результате его многовековой эксплуатации.

³⁶ Там же, стр. 237, 280.

³⁷ S. Kononov, Ludvig Fabritius's..., pp. 81—82; А. Г. Маньков, Людвиг Фабрициус о крестьянской войне под предводительством С. Разина. Вопросы истории, 1966, № 5, с. 204. — В живых были оставлены только С. Львов и Л. Фабрициус (см.: Кр. война, т. I, стр. 220).

³⁸ Кр. война, т. I, стр. 220.

³⁹ Там же, стр. 210.

⁴⁰ Там же, стр. 236.

⁴¹ Там же, т. III, стр. 217.

Из записок Л. Фабрициуса и ряда русских источников известны дележки имущества в Царицыне, Черном Яре и Астрахани.⁴² Разумеется, подобного рода действия были существенной составной частью реализации целей и задач восстания, а потому носили не разбойный, а социальный характер. Однако, как ни важны круги такого рода, в данной статье речь идет не о них, а о тех кругах, с которыми связано определение путей движения разинского войска.

Вслед за царицынскими кругами такой круг состоялся в Черном Яре. На нем, сообщает Л. Фабрициус, повстанцы обсуждали вопрос, «двинутся ли дальше вверх по реке, или вначале захватить Астрахань. Они обеспечат себе тыл и таким образом смогут беспрепятственно подниматься вверх по Волге до Казани».⁴³ Итак, впервые с чисто стратегической точки зрения, с целью укрепить тыл для похода вверх по Волге, решение о взятии Астрахани было принято на круге в Черном Яре. Намерение же С. Разина и его войска идти в глубь страны, как видим, осталось неизменным.

В Астрахани Разин задержался не более трех недель. Оставив в городе небольшой отряд и атаманов В. Уса и Ф. Шелудяка, С. Разин с войском, превышающим (по сообщениям ряда источников) 10 тысяч человек, выступил вверх по Волге, достигнув Царицына в конце июля 1670 г.⁴⁴ И в данном случае пребывание в Царицыне явилось крупной вехой в определении пути движения разинского войска. Находившийся в эти дни среди повстанцев стрелец ранее разбитого отряда головы Лопатина Григорий Свешников показал на допросе в Тамбовской приказной избе, что «у него де, Стеньки, на Царицыне были круги многие».⁴⁵ На повторном допросе в Разрядном приказе Г. Свешников подтвердил эти сведения: «А как де пришел он, Стенька, с воровскими казаками из Астрахани на Царицын, и у них де была меж себе дума и круги не по одно время о проходе их вверх Волгою».⁴⁶

Как очевидно из тех же показаний Свешникова, инициатором постановки вопросов о путях дальнейшего следования войска был не кто иной, как сам Разин: «А в кругу де он, Стенька, воровским казаком говорил — куда де им в Русь идти лучше Волгою или рекою Доном? И ему де, Стеньке, воровские казаки в кругу говорили — идти де им рекою Доном на Русь и на украинные города не мочно, потому что де Дон река коренная и как де запустошить украинные города, которые к Дону близко, и у них де на Дону запасов не будет. Да и для де того на те города рекою

Доном и Хопрот идти им не мочно, что де Тамбов, и Козлов города многолюдные и там де дворян и всяких людей много, и они де в тех городах их воровских казаков побьют. А степью де им в Русь идти тож не мочно, потому что им, степью идучи есть чечева и запасов вест им не на чем».⁴⁷

Как видим, Разин вновь, — но в гораздо более решительной форме, чем это было в Черкасске и на майском круге в Царицыне, — ставит вопрос перед кругом о выборе пути движения на Русь между Волгой и Доном. Само по себе это обстоятельство показывает, что Разин продолжал склоняться в сторону похода на Русь, точнее в Москву, через верховья Дона и Слободскую Украину. Он и теперь не терял надежды на единение с силами гетмана Дорошенко и запорожских атаманов и на поддержку восстания со стороны украинских крестьян и запорожского казачества. Даже потерпев поражение под Симбирском в начале октября 1670 г. и потеряв свое главное войско, Разин писал Дорошенко о помощи. Однако гетман, по словам очевидца грека Мануйлы, то письмо на раде в Корсуни «прочетчи, изодрал».⁴⁸ Есть сведения о том, что после поражения под Симбирском Разин якобы имел намерение податься к Острогояску.⁴⁹ Наконец, позднее, в конце 1670 г., Разин стремился «послать прельщать» «в Запороги», «чтобы потому ж шли на государевы города, а писал к ним о том, что будто ево, Стеньку с товарищи, и их, запорожских казаков, хотят бояря сводить з Дону и из Запорог».⁵⁰ И хотя эти сведения содержатся в расспросных речах враждебного Разину донского станичного атамана Р. Калуженна, они вполне согласуются со многими другими данными источников о связях Разина с Запорожьем. Связь была не только с гетманом, атаманами, но и — через их головы — непосредственно с казачеством обоих берегов Днепра. Приток днепровских казаков, черкас, в войско Разина был непрерывным. Обеспокоенное этим русское правительство еще в июле 1670 г. через посланного на Украину подъячего С. Щеголева требовало от гетмана Д. Многогрешного «смотреть того накрепко и начальным людям приказать, чтоб казаки к вору к Стеньке Разину не ходили».⁵¹ Однако месяц спустя казаки писали «к Стеньке Разину, что будто он, гетман, у великого государя не в подданстве, чтоб де Стенька шол великого государя на низовые города безопасно, а от него бы, гетмана, не опасался, что он великого государя с ратными людьми над ним, Стенькой, промысл чинить не будет». Речь идет здесь как раз о гетмане Д. Многогрешном.

⁴² S. Kononov, Ludvig Fabritius's..., pp. 79, 87.

⁴³ Там же, р. 82.

⁴⁴ Кр. война, т. II, ч. 1, стр. 30.

⁴⁵ Там же, стр. 31.

⁴⁶ Там же, стр. 51.

⁴⁷ Там же, стр. 31.

⁴⁸ Там же, т. III, № 29.

⁴⁹ Там же, т. II, ч. 1, стр. 394.

⁵⁰ Там же, ч. 2, стр. 101.

⁵¹ Там же, стр. 108.

В свете всех этих данных становится понятной новая настойчивая попытка Разина поставить в августе 1670 г. на круге в Царицыне, — в пункте, наиболее близком к Дону, — вопрос о возможном походе на Русь через Дон и Слободскую Украину. В данном случае Разин, видимо, мог опереться на поддержку значительно большей части войска, чем это было на всех предыдущих кругах. Именно этим следует объяснить, что в августе в Царицыне «были круги многие», что у повстанцев «была меж себе дума и круги не по одно время о проходе их вверх Волгою». Все это говорит об определенном расхождении мнений и обострении противоречий в рядах разинского войска. Большинство, однако, и в данном случае высказалось за поход по Волге. Основным мотивом отказа идти через Дон и города Белгородской черты было, как мы видели, опасение за судьбу родного Дона, что говорит о силе сепаратистских, локальных тенденций в движении. Эти тенденции, присущие подавляющей массе повстанцев, мешали ей подняться до глубокого понимания целей борьбы и наиболее эффективных средств ее осуществления.

В ответе на вопрос Разина участники круга выдвинули и тот мотив, что в городах Белгородской черты (Тамбов, Козлов и др.) имелась большие гарнизоны служилых людей, столкновение с которыми могло быть не в пользу повстанцев. Несомненно, что оборонительная черта, обращенная к Дону и Крыму, была сильнее, чем крепости юго-восточной черты. Однако, как показали дальнейшие события, отряд атамана М. Харитопова, направленный Разиным из-под Симбирска на запад по городам укрепленной черты, встретил активную поддержку не только со стороны местного крестьянства, но и гарнизонов ряда городов (Пензы, Саранска, Темникова и др.), в составе которых находились приборные люди и дети боярские. Крупнейшим событием этих мест было восстание казаков и солдат тамбовского полка под предводительством атамана Т. Мещерякова. Сам Тамбов был осажден повстанцами с начала ноября по начало декабря 1670 г.⁵²

Что касается Слободской Украины, то вслед за Средним Поволжьем она стала вторым очагом Крестьянской войны.⁵³ Действовавшие здесь отряды разинских атаманов — Ф. Колчева, Ф. Разина, Л. Черкашенина и др. — получили поддержку крестьян, днепровских казаков, низов посадского населения и рабочих людей Торских соляных промыслов. Идеи же гетмана Дорошенко, с которым Разин вел переговоры о совместном выступлении против Москвы, встретили сочувствие среди старшин. Именно этим следует объяснить переход на сторону разинцев острогужского полковника И. Дзюньковского, сотников Я. Чекмеза и В. Григорьева и полкового подъячего М. Жуковцова.⁵⁴

Разумеется, трудно сказать, какой оборот приняли бы события в случае похода основных сил С. Разина в центр России через Слободскую Украину. Можно лишь утверждать, что острота классовых противоречий и антиправительственных настроений создала к тому времени на Слободской Украине благоприятную почву для восстания и возникновения единого фронта различных социальных сил. Поход Василия Уса прекрасно показал, какие возможности для антифеодальной борьбы таит в себе эти места, а также прилегающие к ним уезды вплоть до Тулы.

Однако Разин и на этот раз уступил стремлению большинства идти в Русь по Волге. Уступил, правда, не вполне и даже не сразу, не без некоторых колебаний и борьбы. Его стремление осуществить поход на Русь с Дона сказалось прежде всего в отправке из Царицына на Дон в начале августа 1670 г. двухтысячного отряда повстанцев с десятью пушками и денежной казной в 40 000 рублей. Любопытно, что, по словам участников этого похода, стрельцов И. Исаева и Т. Аникиева «Стенька Разин провожал их от Царицына в степь 6 верст. И был де у них в степи круг, и выбрали де они нового отомана, Якушку Гаврилова и, выбрав, отпустил его, Якушку, с воровскими казаками на Дан в Паниши городок».⁵⁵ Позднее, из-под Саратова, Разин отправил на Дон отряд во главе со своим братом Фролом «и велел де ему идти вверх по Дону под Коротояк».⁵⁶ На Украине же действовали в дальнейшем отряды Леско Черкашенина. Итак, Разин вышел из Царицына на Дон с некоторой частью своих сил, но затем вернулся в Царицын и с подавляющей частью своего войска, насчитывавшей, по некоторым данным, 8000 человек,⁵⁷ отправился вверх по Волге. Но и в этом случае не исключалась возможность похода повстанческих сил в центр страны через города Симбирско-Корсунской укрепленной черты. Во всяком случае правительство, располагая, очевидно, какой-то информацией, направило против Разина отряд князя Ю. Барятинского сухим путем до Саранска именно с целью преградить путь повстанцам в случае их движения городами по черте.⁵⁸ Основная же часть правительственного войска во главе с воеводами П. Урусовым и Д. Барятинским шла водным путем до низовых городов.

Из всего сказанного следует, что С. Разин, готовя поход для нанесения решительного удара господствующему феодальному режиму, в значительной мере склонялся к кратчайшему пути от Дона на Москву — через Белгородскую черту и Слободскую Украину. С этим были связаны его длительные переговоры с воз-

⁵² Там же, ч. 1, стр. 56.

⁵³ Там же, стр. 165.

⁵⁴ Там же, стр. 56.

⁵⁵ Ю. Барятинский объяснил свой приход под Симбирск стремлением «Симбирска не потерять, а в черту б вора не пропустить» (там же, стр. 47).

⁵² Там же, ч. 1, стр. 196—200, 210—211.

⁵³ Там же, ч. 2, стр. 7—107.

⁵⁴ Там же, стр. 14—17, 21—22.

возможными союзниками — Дорошенко и Серко — и его виды на поддержку восстания со стороны украинского крестьянства и запорожского казачества. Линия восстания в данном случае пролегла бы через районы, в значительной мере подверженные антикрепостническому движению и вкусившие уже от запретного плода борьбы за свободу в походах Василия Уса.

Мысль о стремлении Разина вести войско через Слободскую Украину не является новой. Если не ошибаемся, она впервые высказана в 1934 г. в упомянутой выше статье Д. Е. Кравцова, основанной, однако, на довольно случайном материале.⁵⁹

В итоге изучения значительно большего архивного материала автор специального исследования о влиянии восстания Разина на Украину Е. Стецюк, проследив многие коллизии взаимоотношений Разина с Дорошенко и Серко, приходит к обоснованному выводу о том, что постановка на царицынских кругах вопроса о выборе пути повстанцев до центра России есть результат переговоров Разина и Дорошенко и их планов совместного похода на Слободскую Украину.⁶⁰

Работы Д. Кравцова и Е. Стецюк стоят несколько особняком. Во всяком случае их выводы не получили отражения в широко распространенных изданиях о восстании Разина. Более того, в двух книгах В. И. Лебедева,⁶¹ несмотря на то что приводится материал о связях Разина с Дорошенко и Серко, утверждается, что перед выходом из Паишина городка на Волгу весной 1670 г. «казачи и беглые крестьяне отлично сознавали, что идти сразу к Москве было бы преждевременно; поход же на Волгу способствовал бы росту их сил. Кроме того, движение к Москве водным путем имело целый ряд преимуществ. Этот вариант отстаивал Степан Разин в речи, произнесенной им на кругу». И в дальнейшем В. И. Лебедев отождествляет позицию большинства, стоявшего за путь по Волге, с позицией самого Разина.⁶² Между тем, как мы видели выше, основным мотивом отказа большинства повстанцев идти по пути, предложенному Разиным, было опасение за судьбу родного Дона, вытекавшее из локальных тенденций, свойственных движению. Что касается преимуществ Волги как водного пути, то они сказались лишь до Симбирска. В дальнейшем, в разгар Крестьянской войны в Среднем Поволжье, с сентября 1670 г., основные сражения между повстанцами и правительственными войсками происходили на суше — в междуречье Волги—Оки. Нет сомнения, что Слободская Украина и уезды

⁵⁹ Д. Е. Кравцов. Отголоски разинщины на Украине, стр. 88—89.

⁶⁰ Е. Стецюк. Влияние повстанца..., стр. 89.

⁶¹ В. И. Лебедев. 1) Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М., 1955; 2) Крестьянская война под руководством Степана Разина. М., 1964.

⁶² В. И. Лебедев. Крестьянская война под руководством Степана Разина, стр. 47, 60.

вплоть до Москвы обладали не меньшими, чем в Поволжье, людскими резервами из числа крепостных крестьян и казачества, готовыми к антифеодальной войне. Поход В. Уса и события Крестьянской войны на Слободской Украине показали это с достаточной убедительностью.

Подводя итог сказанному, отметим, что новая обширная публикация материалов о Крестьянской войне под предводительством С. Разина⁶³ дает вполне достаточные основания вновь поставить вопрос о стремлении Разина вести свое войско на Москву через Слободскую Украину, а главное — проследить все нюансы позиции Разина в решении этого вопроса, начиная от круга в Черкасске зимой 1669/70 г. и кончая кругами в Царицыне в августе 1670 г., чего не было сделано до сих пор.

⁶³ Кр. война, тт. I—III.

А. А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

УРАЛ И ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ В ГОДЫ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ С. Т. РАЗИНА

Советская историография всегда живо интересовалась крестьянскими войнами в России, которые были наиболее острыми проявлениями классовой борьбы народных масс позднефеодальной эпохи. Блестящие исследования И. И. Смирнова во многом прояснили события Крестьянской войны начала XVII столетия и воссоздали обобщающую картину этого мощного народного движения. Они оказали плодотворное воздействие и на историографию Второй крестьянской войны, во главе которой стоял С. Т. Разин.

Среди проблем истории Крестьянской войны под предводительством С. Т. Разина остается весьма слабо изученной проблема взаимоотношения основных очагов восстания с «повстанческой периферией» как на всех его этапах, так и вскоре после его подавления царскими карателями. В этом смысле к «периферии» придется отнести не только окраинные местности, в том числе Урал и Сибирь, но и удаленные от Средней и Нижней Волги центральные уезды.

Для понимания истинной роли Крестьянской войны 1670—1671 гг. в жизни современного ей общества чрезвычайно важно учесть состояние классовой борьбы в тех районах, которые не были ареной военных действий повстанцев. Поэтому автор избрал темой данной статьи Урал и Западную Сибирь в годы Второй крестьянской войны, принимая во внимание, что специально эта тема не исследовалась. Имеющиеся в литературе экскурсы носят попутный и фрагментарный характер, нуждаясь в обобщении с привлечением новых источников. Постановка такого вопроса интересна и в том плане, что на Урале и в Западной Сибири подавляющее большинство населения составляли те категории крестьян, которые не были крепостными. За исключением Стро-

гановых и духовных феодалов, там не было представителей крепостнического землевладения.

Чтобы полнее раскрыть тему, автор счел целесообразным не всегда строго придерживаться хронологии Крестьянской войны, затрагивая события и более ранних, и более поздних годов.

Народное восстание 1670—1671 гг. основательно напугало не только центральное правительство, но едва ли не в большей мере местных воевод и прочих царских администраторов далеко за пределами ареала активных военных действий.

Чтобы ограничить распространение крамолы, правительство предпринимает своего рода карантинные меры, стремясь отгородить очаги «бунта» от внешнего мира. В этих целях рассылаются воеводам строгие указы усилить караулы на дорогах, ведущих из европейской части страны в Сибирь, учредить, где необходимо, новые заставы и тщательно контролировать едущих и идущих в Сибирь. Вряд ли приходится сомневаться в том, что далеко не только цель пресечения массового бегства тяглых людей на зауральские земли заставила власти взять такой курс. Кстати, важно заметить, что в годы Крестьянской войны особенно возрос поток «сходцев» в Сибирь из Европейской России, в частности из Поморья. По свидетельству верхотурского воеводы Ф. Г. Хрущова, в 1669/70 г. «проехало мимо Верхотурья из русских городов... поголовно всех, з женами и з детьми и с маленькими ребята 1533 человека, а на Тюмень... 518 человек».¹

Надо полагать, население поморских уездов воспользовалось некоторым замешательством властей в связи с восстанием С. Т. Разина — и переселение в Сибирь, зачастую не дозволенное администрацией, приобрело весьма широкий размах именно в это время.

Однако правительство поспешило предупредить это массовое движение в Сибирь, тем более что после поражения под Симбирском рассеявшиеся отряды восставших могли уйти на Урал и далее, что и само по себе было опасным. Неудивительно, что за пропуск беглых в Сибирь Москва грозила местным блюстителям порядка жестоким наказанием, вплоть до смертной казни.²

«Опасные» (т. е. предупредительные) грамоты были отправлены осенью 1670 г. в Чerdынь и Соли Камскую. В них правительство предупреждало воевод и подьячих, «чтоб они ни на какие воровские промыслы вора Стоянки Разина с товарищи не прельщались, и против стоять и биться мужественно, и городов не здавать, и всяким ратным и жилецким людем говорить, чтоб они воевод и всяких приказных людем не выдавали».³ На-

¹ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 878, лл. 11—12.

² ЦГАДА, Городовые книги по Новгороду Великому, № 82, лл. 167—168, 173—174 об.

³ Н. В. Устюгов. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке. М., 1957, стр. 266.

сколько встревожены были в Москве, свидетельствует и то, что аналогичные грамоты были посланы «за государевою вислою красною печатью» в низшие звенья управленческого аппарата — в земские избы, чтобы те довели их содержание до сведения «жилицких людей» и «уездных».⁴

И эта предосторожность была отнюдь не напрасной. Из отписок вятского воеводы В. Змеева соликамский воевода И. Монастырев узнал о победе царских войск над Ветлужско-Унжонским отрядом повстанцев во главе с Ильей Ивановым (Пономаревым).⁵ Однако, по сведениям Змеева, «вор Илейка с товарищи не со многими людьми побежали через Кологрив и через Вятку к Соли Камской». Вятский воевода уверял своего соликамского коллегу, что И. Иванов «взял... с собою жонку с двумя ребятами и, нарядя в доброе платье, приехав к городу, хочет назватца воеводою или прикащиком».⁶ Разумеется, эта весть не внушила бодрого настроения И. Монастыреву, тем более что Змеев прислал в Соли Камскую плененного сподвижника И. Иванова — Михаила Михайлова — специально «для сыску и озныванья того вора Илейки с товарищи».⁷ Монастырев с пристрастием допросил Михайлова, который сказал, что И. Иванов с Андреем Дураком «4 человека, на лошадях побежали к Соли Камской».⁸

Относительно намерений И. Иванова и его сподвижников Михайлов поведал еще более напугавшие воеводу сведения. По словам отписки Монастырева, атаман И. Иванов хотел в Соли Камской «жить до весны, а иных воров, товарищей своих, для всякой воровской прелести хотел оставить на Вятке», чтобы там и в Соли Камской исподволь готовить восстание («меж христианы хотели воровские всякие прелести чинить»). Оставшиеся в живых повстанцы из отряда И. Иванова должны были к весне 1671 г. собраться в Вятку и Соли Камскую и присоединиться к восстанию. Замысел заключался также в том, чтобы, «прибрав людей», в ходе выступления расправиться с местными воеводами, подьячими, приказными и «случными» посадскими людьми, разграбить их «животы» и двинуться «к Стеньке Разину на низ Камою рекою».⁹

Как видно, планы продолжения борьбы, на сей раз с опорой на крупнейшие поморские посады, были достаточно смелыми и широкими. В том, что такие планы действительно существо-

⁴ Там же.

⁵ Подробнее о действиях этого отряда см.: Ю. А. Тихонов. Крестьянская война 1670—1671 гг. в лесном Заволжье. Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сборник статей к 70-летию академика М. Н. Тихомирова, М., 1963, стр. 270—282.

⁶ Кр. война, т. II, ч. 1, № 370, стр. 468—469.

⁷ Там же, стр. 469.

⁸ Там же.

⁹ Там же, стр. 470; И. В. Степанов. Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина (1670—1671 гг.). М., 1957, стр. 69.

вали, убеждает другое документальное свидетельство — допросы пойманных в Вятском уезде остальных участников похода И. Иванова. Весной 1671 г. Новгородский приказ в грамоте, адресованной вятскому воеводе В. Змееву, упоминает, что последний учинил допрос и пытку взятым в плен повстанцам (в количестве 61 человека). Расспрос показал, что все они шли к Соли Камской с целью город «разорить, людей побить и животы пограбить; а воровав у Соли, итти было на Каму, и на Волгу для такова же воровства».¹⁰ Даже за претенциозным изложением приказного документа явно заметно общность намерений участников движения, вполне согласующаяся с показаниями М. Михайлова.

Наличие в Соли Камской и ее уезде большого числа пришлого люда, ищущего заработка, а также местной бедноты создавало дополнительную угрозу для властей и «лучших» людей и затрудняло поимку разинцев. По распоряжению соликамского воеводы к заключенному в тюрьме Михайлову стали приводить на очные ставки «гулящих прохожих и варничных рабочих и тутошних иногородных многих людей для сыску тех воров и озныванья». О возможности появления разинцев в уральских и сибирских уездах И. Монастырев предупредил соответствующих воевод и приказных людей, ставя целью «Илейку с товарищи и иных таких же воронков в Сибирь не пропустить для такова же возмущения и прелести».¹¹

Жалуясь на недостаточность местного гарнизона и плохое состояние городских укреплений, соликамский воевода сообщал в Новгородский приказ: «И без служивых, государь, людей нам... у Соли Камской в такое нынешнее шаткое время от таких пришедших ярыжных голых людей жить конечно опасно и страшно, потому что у Соли ярыжных набродных людей безмерно много».¹² С воеводой нельзя не согласиться. Н. В. Устюгов путем анализа движения населения Соликамского посада и уезда показал возросший с середины XVII в. приток пришедших рабочих людей на промыслы. С неудовольствием и тревогой Монастырев писал о составе Соликамского посада, что там две трети жителей состоят из «иногородних приезжих и прихожих всяких чинов незнающих рабочих людей, которые... работают, переходя, у Соли Камской и... Зырянских угольях и в Строгановых слободах», причем у них нет проездных документов от местных воевод.¹³ Как царские власти, так и богатые солевары опасались «дурна» от скопившейся здесь голытьбы, а именно голытьба составляла наиболее решительный элемент в восстании С. Т. Разина. Именно го-

¹⁰ Кр. война, т. III, № 64, стр. 69; ср.: Н. В. Устюгов. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке, стр. 266.

¹¹ Кр. война, т. II, ч. 1, № 370, стр. 469.

¹² Там же, стр. 470.

¹³ Там же, стр. 469.

лытьба вызывала к себе наибольшую ненависть социальных верхов, внушая им звериный страх.

В этой связи становится достаточно понятными навязчиво повторяемые после подавления основных очагов Крестьянской войны в царских грамотах сентенции, предостерегающие всех, обладающих имуществом или хотя бы собственным домом, от гонимости и ее «злых» намерений.

Такие грамоты были получены в уральских и сибирских городах. Они являлись как бы ответом на «прелестные» письма разинцев, давая свою трактовку событиям и взывая к собственническим инстинктам не только привилегированных слоев, но и более широких кругов населения. На это совершенно отчетливо указывает явварская грамота 1671 г. из Приказа Казанского дворца тобольскому воеводе И. Б. Репнину. Здесь С. Т. Разин обвиняется, кроме всего прочего, в том, что он «обольстил» «низовых городов жителей бездомных людей». Рассылку «прелестных» писем Разина из-под Симбирска грамота характеризует как «соблазн незнающим и бездомным людям», причем отмечается, что «по тем прелестным воровским письмам незнающие и бездомные люди в розных местех пошатались, к (ним) воров, к Стеньке Разину с товарищи, пристали».¹⁴ В тех же выражениях составлена другая грамота И. Б. Репнину от марта 1671 г.¹⁵ и тобольская память тюменскому воеводе (апрель того же года).¹⁶

Но вернемся к Соли Камской в те тревожные дни. В конечном итоге И. Иванову и людям из его отряда не удалось добраться до этого уральского города. По дороге они были схвачены близ Тотьмы. В декабре 1670 г. И. Иванова повесили на берегу р. Сухоны, его сподвижника Мирона Мумарина, предводителя марийских отрядов, задержали в Устьюге Великом.¹⁷

Открытое выступление в Соли Камской, таким образом, не состоялось. Те, кто предполагал сюда пройти, оказались в вятской тюрьме и в Соли Камскую были доставлены скованные и под сильным конвоем — по дороге в сибирскую ссылку. Предварительно их жестоко били кнутом, а до того многократно пытали. Трех «пущих завожников» по указу из Москвы казнили в Вятке. Из 58 человек ссыльных разинцев до Верхотурья дошло только 46. Остальные или умерли в дороге, или не смогли дальше двигаться из-за тяжелого недуга и остались отлеживаться (а скорее всего умирать) в населенных пунктах по сибирской дороге.

¹⁴ Там же, № 410, стр. 531.

¹⁵ Там же, т. III, № 33, стр. 40.

¹⁶ Там же, № 43, стр. 50—51. — Встречаются подобные грамоты и в допроизводстве местных воеводских канцелярий (Архив ЛОИИ, Верхотурская воеводская изба, картон 17, № 21, лл. 1—5, и картон 18, № 23, лл. 1 и сл.).

¹⁷ С. И. Порфирьев, Разинщина в Казанском крае. Казань, 1916, стр. 66; Кр. война, т. II, ч. 1, № 402, стр. 522—523.

В июле 1671 г. верхотурский воевода Ф. Г. Хрущов произвел ссыльных разинцам допрос и составил подробную роспись, которая представляет значительный интерес. Вследствие скудности введенных в научный оборот данных о составе и происхождении повстанцев, заключенные в росписи сведения приобретают особую ценность.¹⁸

Знакомство с этим источником показывает, что из 46 человек «государевыми» крестьянами назвались 26, бобылями — 14, частновладельческими крестьянами — 3, холодами — 2; один оказался беломестным казаком. Обращает на себя внимание очень небольшая доля крепостных (с учетом двух бобылей Соловецкого монастыря и холопов — всего 7 человек, т. е. менее 15%). Подавляющее большинство повстанцев этой группы — крестьяне и бобыли русского Севера, т. е. поморской черносолонной деревни. «География» ссыльных такова: Важский уезд — 15 человек, Устюжский — 13; по двое из Соликамского и Сольвычегодского уездов. Трое крестьян были крепостными вологодских помещиков, один — из владений пошехонского помещика, двое бобылей объявили себя жителями Сумского острога Соловецкого монастыря. По два человека было из Олонецкого и Холмогорского уездов, а также из Устьянских волостей. Один повстанец оказался вятчанином и один — беломестным казаком Невьянской слободы Верхотурского уезда.

Итак, при довольно разнообразной административно-территориальной принадлежности самую значительную часть отряда составляли черносолонные крестьяне и бобыли, что позволяет несколько иначе оценить участие населения северных районов в общей антикрепостнической борьбе времен Крестьянской войны 1670—1671 гг. Разумеется, для более широких выводов этот материал недостаточен, однако и он красноречиво указывает на возможность относительно единого фронта борьбы против угнетателей. И одновременно приходится отмечать, что частновладельческие крестьяне редко покидали пределы «своих» мест во время восстания, а это создавало известный внутрисловный барьер, мешавший сплочению сил и приводивший к локализации очагов движения.

Нам не известна дальнейшая судьба данной группы разинцев в Сибири. Из Верхотурья их отправили в Тобольск. Вероятно, этих ссыльных намеревались поселить в Восточной Сибири.

Рассылая на Урал и в Сибирь мажорного тона грамоты о поражении С. Т. Разина, правительство предупреждало насчет необходимости ловить повстанцев при попытках укрыться за «Кам-

¹⁸ ЦГАДА, Верхотурская приказная изба, оп. 1, Столбец 152, лл. 163—176; ср.: Кр. война, т. III, № 15, стр. 171—172 (здесь опубликована роспись 9 человек из этой партии, имевших семьи в «русских городах и волостях»).

пом». Некоторые заставы в этом деле преуспели. В грамоте Сибирского приказа тобольскому воеводе И. Б. Репину указывалось, что после сражения под Симбирском есть основания полагать, что из рассеявшихся разинцев «иные побегут в низовые и в сибирские города». ¹⁹ Сыщик И. Талызин, действовавший в Приуралье, не без торжества доносил, что летом 1671 г. «на уфинской дороге (на) Верх-Иренской заставе пойман воровских казаков от Стеньки Разина вор Стенька Иванов. А шел тот вор, обходя заставы, в Сибирь». ²⁰ В том же году на Утке изловили и препроводили в Соль Камскую «воровского человека» Кондрата Данилова. ²¹ Служилые люди г. Березова в 1679 г., обращаясь к царю с челобитной о жалованье, вспоминали, что «по 182-м году мы... на Собской заставе измали богдых воров станицы Стеньки Разина астраханца Бориса Голышеникова да Мишку Черновского с товарищи 10 человек». Печальная участь ожидала задержанных. Б. Голышеников и М. Черновский «на Березово везены, а Макушка с товарищи 8 человек везли до Сургута». ²² Разумеется, дальнейшая судьба этих людей не интересовала царских слуг. За участие в разинском движении поплатился ссылкой в Сибирь астраханский толмач Иван Романов. ²³

Судя по нескольким более поздним документам, царские власти опасались даже пойманных и отправленных в сибирскую ссылку повстанцев. При транспортировке их «за Камень» рекомендовалось избегать больших партий и предписывалось соблюдать почтительные дистанции между группами этих особо опасных ссыльных во время движения по сибирской дороге (чтобы они «в близких верстах» друг от друга не находились). ²⁴

Вполне вероятно, что полоса восстаний в сибирских городах и слободах конца XVII в. имела некоторую связь с тем, что традиции разинского движения, сохранные ссыльными и удачно скрывшимися в Сибири участниками этого восстания, дали о себе знать. Во всяком случае во время Красноярского восстания 1695—1698 гг. воевода Мирон Башковский в ответ на свои увещевания получил от служилого человека Игнатия Ендаурова предметный урок. Ендауров заявил Башковскому, что «Степан де Тимофеевич Разин пришел на князей и на бояр, и на таких же воров, как будто каков и он Мирон», «и о казни того вора Стеньки Разина он, вор Игнатка, непристойно говорил же». ²⁵ Один из

предводителей крестьянского движения близ Иркутска в 1691—1692 гг. принял имя Стеньки Разина. ²⁶

Ссылные участники Крестьянской войны под предводительством С. Т. Разина продолжали прибывать в Сибирь и значительно позже подавления движения. Карательный аппарат царизма не мог сразу пропустить через свои застенки такое множество «бунтовщиков»; следствия иногда тянулись годами. В августе 1675 г. в «розные сибирские низовые города в пашню» была сослана еще одна группа участников восстания. Среди них мы видим четырех крестьян казанского митрополита и двух посадских людей «тетюшен». Мотив ссылки изложен совершенно ясно: «за многое воровство и за низовой бунт, что они в бунт... Стеньки Разина воровали, письмами к нему, Стенько, поресылались и с воровскими людьми знались». ²⁷

До сих пор мы говорили о передвижениях (вольных и невольных) разинцев в восточном направлении. Но были передвижения и восточного порядка. Вести о народном восстании в Поволжье привлекали туда некоторую часть сибирских жителей, по-видимому желавших участвовать в борьбе против ненавистных воевод и дворян. Показателем следующего факта. В июне 1671 г. через Краснополюскую слободу, как сообщал местный приказчик Иван Романов, прошло «человек со сто с ружьем и сказывались, что Тобольского уезду слобод без подорожных». Попытка Романова их вернуть всеюся не удалась. Они «отбились и говорили, что их высылают тобольские дети боярские на Верхотурье». Если даже предположить, что тут речь идет о богдых поморских жителей, которых, согласно сыску 1671 г., надлежало позвратить на старые места обитания, и то придется отметить по меньшей мере странное поведение этих людей. Во-первых, они следовали без провожатых, во-вторых, у них было оружие, что исключает факт подневольной высылки. И, наконец, по словам того же приказчика, «на Верхотурье они не пошли, а пошли прямою дорогою на Чусовую». ²⁸

Еще в 1668—1669 гг. в Тобольске «объявились» беглые красноярские служилые люди, которые сообщили властям, что «хотят с Красноярского острогу многие служилые люди, заворвав, разбежатца врознь». Направление возможного пробега определяется весьма точно — на Запад. Верхотурские власти приняли меры для поимки красноярских беглецов, о чем была дана память в Тагильскую слободу. ²⁹

¹⁹ Кр. война, т. II, ч. 1, № 33, стр. 40, и № 410, стр. 531.

²⁰ А. А. Преображенский. Очерки колонизации Западного Урала в XVII—начало XVIII в. М., 1956, стр. 251.

²¹ Архив ЛОИИ, Верхотурская воеводская изба, картон 18, № 4, лл. 1—31.

²² Кр. война, т. III, № 206, стр. 374.

²³ Там же, № 208, стр. 375—376.

²⁴ ЦГАДА, Верхотурская приказная изба, оп. 1, Столбец 41, л. 49 и сл.

²⁵ С. В. Бахрушин, Научные труды, т. IV, М., 1950, стр. 178.

²⁶ В. А. Александров. Народные восстания в Восточной Сибири во второй половине XVII в. Истор. зап., т. 59, 1957, стр. 281.

²⁷ Архив ЛОИИ, Верхотурская воеводская изба, картон 22, № 22, лл. 1—2.

²⁸ ЦГАДА, Верхотурская приказная изба, оп. 1, Столбец 152, л. 120.

²⁹ Там же, Столбец 166, ч. 1, лл. 219—220.

В апреле 1673 г. из Тобольска бежали ночью порой слышные: донской казак Осташка Тройтской и четверо воронежцев. Тобольские власти не без оснований полагали, что беглецы устремились «на Русь», в связи с чем были даны строгие указания по слободам и заставам, подведомственным верхотурскому воеводе.³⁰ Повеление гласило, чтобы беглецов изловить «без всякого забвения и оплошки». Кроме того, наказывалось в категорическом тоне, чтобы тамошние жители не смели «танть и укрывать» не только этих беглецов, но и вообще «прихожих всяких чинов людей». Все это сопровождалось угрозами жестокого наказания, вплоть до смертной казни, в случае неисполнения распоряжения.³¹ Дабы воспрепятствовать неуклюжим передвижениям по дорогам на перевалах в Сибирь, власти адресовались также к местному ясачному населению, хорошо знакомому с заповедными тропами, которыми могли воспользоваться беглецы.³²

Таким образом, разными путями и в различной степени горячее дыхание Крестьянской войны 1670—1671 гг. достигало далеких восточных окраин страны, вызывая леденящий ужас у царских властей. «Понизовые вести» ожидалось в приказных избах с великой тревогой и наспех передавались далее.

В оживленной переписке между воеводами уральских и сибирских городов неизменно звучит эта нота. Спешивые царские наместники наперебой уговаривают друг друга «писать почаству» и немедленно о событиях в Поволжье. Даже постоянные распри между воеводами Тобольска и Верхотурья, затрагивавшие и служилых людей этих городов, на время как будто бы отошли на задний план. Недаром верхотурский воевода Ф. Г. Хруцов в августе 1671 г. наказывал своим подчиненным, чтобы они на заставах, где были и тобольские служилые люди, «розни и несовету» с теми не допускали.³³

Мы не можем утверждать с достаточной уверенностью, что восстание С. Т. Разина оказало непосредственное воздействие на обострение классовой борьбы в уральско-западносибирском районе тех лет. Но не подлежит сомнению, что как раз начало 70-х годов XVII столетия ознаменовалось небывалым до того подъемом крестьянского движения в этом крае. Данное совпадение не так легко признать простой случайностью. Факты свидетельствуют, что в ряде местностей наблюдались достаточно острые и открытые проявления социального протеста, подчас выливавшиеся в вооруженные столкновения с представителями администрации и служилыми людьми.

Так, летом 1671 г. в Кунгурском уезде имели место крупные волнения крестьян, вызванные слухом о том, что есть «государев указ», чтобы «побивать» служилых и начальных людей расквартированного здесь солдатского полка. Вооружившись чем попало, крестьяне стали нападать на дворы, в которых на постое находились служилые люди, а также на заставы, где те несли караульные обязанности. Многие служилые, нагуганные этими событиями, укрылись в Кунгуре, Торговинском острожке и в других укрепленных пунктах. Несколько дней толпы жителей уезда стояли под стенами Кунгура и Воздвиженской пустыни. В их стане раздавались призывы взять город силой. Однако полковой воевода М. Бараков опомнился и принял контрмеры. По его приказу несколько человек арестовали и бросили в тюрьму.

Участники выступления не продолжили своих активных действий в значительной степени потому, что понадеялись на специально отряженного из Москвы сыщика Ивана Поливкина, который должен был по жалобе местного населения произвести расследование о злоупотреблениях М. Баракова и его подчиненных. И. Поливкин тогда находился в Кунгурском уезде, и поднявшиеся крестьяне наивно ожидали от него помощи, так как рассматривали царского сыщика в качестве «охранителя» населения. Конечно, Поливкин и не думал поддерживать крестьянское «бунтовство». Он и так нажил себе служебные неприятности. Сообщая в Казань о «бунте» жителей Кунгурского уезда, М. Бараков главную вину взвалил на Поливкина, объявив его подстрекателем. Ловко дав подножку посланцу правительства, полковой воевода стремился заодно представить в выгодном свете свою деятельность и дезавуировать жалобы населения.³⁴

Одновременно с событиями в Кунгурском уезде тем же летом 1671 г. за Уралом, на территории Верхотурского уезда, производился сыск беглых поморских крестьян с целью их возвращения на прежние места обитания. Однако власти столкнулись с такой стеной явного и скрытого противодействия крестьян, что по сути дела вынуждены были отступить. Сыск, можно сказать, провалился. Лишь единицы из числа выявленных «сходцев» были высланы в европейскую часть страны. Подавляющее большинство их так и осталось на месте. Тобольский сын боярский Степан Астраханцев, выполнявший задание по сыску, жаловался, что «прихожие люди... от переписки укрываютца и бегают... и к переписке не приходят. А у кого они... на подворьях жили, и те домовые люди про тех беглых людей и где они укрываютца не сказывают».³⁵

³⁰ Архив ЛОИИ, Верхотурская воеводская изба, картон 20, № 13, л. 1.

³¹ Там же, картон 21, № 3, лл. 5—6.

³² Там же, № 12, лл. 1—3.

³³ ЦГАДА, Верхотурская приказная изба, оп. 1, Столбец 152, лл. 117 об.—119.

³⁴ См.: ЦГАДА, Приказные дела новой разборки, 1671 г., д. 2077, лл. 21—28, 153; А. А. Преображенский. Очерки колонизации Западного Урала в XVII—начале XVIII в., стр. 250—251.

³⁵ ЦГАДА, Верхотурская приказная изба, оп. 1, стб. 152, л. 115; см. подробнее: А. А. Преображенский. Сыск беглых на Урале в 1671 г. В сб.: Из истории Урала, Свердловск, 1960, стр. 89—100.

Но далее как в мае 1672 г. серьезную озабоченность верхотурского начальства вызвали события в Краснополюской слободе и на заводе братьев Тумашевых, расположенном неподалеку от нее. Слободской приказчик Иван Кунциев донес воеводе, что группа краснополюских крестьян и рабочих людей завода учинила «бунт». Петр Рублев, Матвей Драгунов, братья Сажинны и их товарищи пришли в судную избу «с бунтовством и приказчику с отказом от всяких дел». Вооруженные кто чем понало, крестьяне и рабочие избили приказчика, а вместе с ним и земского старосту Луку Мензеля. Того и другого они «из избы по выгнали». Досталось также приближенным к старосте (его «ушникам»). Участники выступления, как потом жаловался пострадавший И. Мензель «с товарищи», «нас... к себе в бунт звали». Должно быть, за отказ совместно действовать их и поколотили. В чем состояли дальнейшие намерения возмущившихся против властей крестьян и рабочих, остается неизвестным. Относительно поименованных в отписке приказчика и челобитной земского старосты инициаторов «бунта» — П. Рублева и др. — доносители многозначительно добавляли, что те не впервые выступают против местной администрации, причем «на тех бунтовщиков прежние приказчики на Верхотурье в бунтовстве писывали многожды в обидах и изгонях».

Воевода приказал произвести расследование этого дела, осложненного взаимными обвинениями И. Кунциева и братьев Тумашевых. Как показало следствие, не было сколько-нибудь веских оснований считать Тумашевых причастными к «бунту». Из мирской челобитной краснополюских крестьян явствует, что они выражали резкое недовольство управлением со стороны как приказчика, так и земского старосты. Кроме Кунциева, об участии Тумашевых «в бунте» никто из допрошенных в ходе следствия даже не упоминает.³⁶ В это время у самих Тумашевых на заводе не все было спокойно. Некоторые из крестьян, работавших на заводе, вышли из повиновения. Петр Тумашев в те июльские дни жаловался на крестьянина Матвея Драгунова, который «сильно» взял коня с завода.³⁷ Годом ранее (в апреле 1671 г.) заводчики перепугались, когда «неведомо какие воровские люди» ночью подошли к заводу, стреляли по сторожевым собакам из луков, но «шпуска» не последовало и все для Тумашевых обошлось благополучно, хотя они на будущее сочли за благо предупредить власти о возможном нападении на завод.³⁸

Глухие известия сохранились от того же лета 1672 г. о каком-то заметном волнении крестьян Белослудской слободы, направленном против приказчика. Потребовалось вмешательство

³⁶ Архив ЛОНИ, Верхотурская воеводская изба, картон 19, № 7, лл. 35—80.

³⁷ Там же, № 21, л. 1.

³⁸ ЦГАДА, Верхотурская приказная изба, оп. 1, Столбец 285, л. 21.

властей, результатом которого было публичное наказание зачищников выступления батогами.³⁹

С пространной жалобой на своих крестьян, уличая их в «надругательстве», обратилась в верхотурскую канцелярию братия Невьянского Богоявленского монастыря.⁴⁰

Следующий, 1673 г. доставил также немало хлопот царской администрации. На первый взгляд по пустяковому поводу вспыхнуло возмущение крестьян ряда деревень того же Верхотурского уезда. Служилые люди покупали у крестьян хлеб. Все шло «без шуму», пока в одной из деревень не возникла ссора при взвешивании покупного хлеба. Как можно догадываться, служилые люди хотели воспользоваться ранее изданными распоряжениями об указанных льготных для них ценах на хлеб. Конфликт привел к столкновению между служилыми и крестьянами. Служилых людей избили при весьма одобрительных криках многих сбежавшихся к месту происшествия крестьян. С позором выставленные из деревень служилые люди потребовали у властей наказания виновных.⁴¹ Резкая и решительная реакция крестьян может быть поставлена в связь с их давними протестами против принудительных цен, которые им пытались навязать власти, когда дело касалось продажи хлеба служилым людям.⁴²

В самый разгар срочных работ по изготовлению судов для тобольского «хлебного отпуска», осуществлявшегося ежегодно с открытием навигации, произошли осложнения на плотбище близ Невьянской слободы в апреле 1673 г. Чтобы побудить плотников и местных крестьян к скорейшему завершению поделки дощаников, верхотурский воевода строго предупредил слободских приказчиков об их личной ответственности за выполнение казенного заказа. Следуя инструкции о самоличном досмотре положения на плотбищах, невянский приказчик сын боярский Прокопий Буженинов в сопровождении беломестных казаков, прихватив с собой и местного попа для внушения богобоязненного отношения к делу со стороны строивших дощаники, тронулся к плотбищу. Там, где строился дощаник плотника Алексея Лаптева, самого плотника на месте не оказалось. Он уехал в Верхотурье за материалами. Постройку судна без него продолжали его племянники Федор и Иван Лаптевы «с товарищи» (число которых, как часто бывает, не указывалось).

³⁹ В. И. Шунков. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII—начале XVIII вв. М.—Л., 1946, стр. 221.

⁴⁰ Архив ЛОНИ, Верхотурская воеводская изба, картон 18, № 4, лл. 132 и сл.

⁴¹ Там же, картон 21, № 1, лл. 1—6.

⁴² См.: А. А. Преображенский. Борьба верхотурских крестьян против казенных закупок хлеба в середине XVII в. Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. Сборник статей к 70-летию А. А. Новосельского, М., 1961, стр. 61—66.

Буженинов, познакомившись с состоянием строящегося дощаника, нашел, что работа здесь идет «тихо», и заметил другие изъяны, о чем тут же в повелительно-угрожающем тоне заявил строителям. Приказчик для острастки пригрозил наказанием Лаптевым и их подручным. Тут и произошло непредвиденное: те пришли в ярость и стали в свою очередь грозить Буженинову, называя его вором, и к тому же «кнули сулили». С топорами и «ослопами» они кинулись на приказчика, крича при этом: «Хотя де мы тебя на плодбище и убьем досмерти, то де недорогое дело, за то де нам повешенья не будет, и много де, что нас за то кнутом просекут». За того заступились беломестные казаки, бывшие, разумеется, при оружьи. Им удалось отбиться от работников. Буженинов со слутниками поспешил удалиться. Приказчик не замедлил отписать в Верхотурье, откуда был наряжен сыск по этому делу. К сожалению, большая часть следственных документов не сохранилась. Привлечь к дознанию Лаптевых не удалось, так как они, по-видимому, скрылись. В ходе разбирательства дела выяснилось, что крестьяне Невьянской слободы выразили претензии Буженинову, потребовав, чтобы он не пользовался крестьянскими лошадьми для своих служебных разъездов. Воевода это требование счел возможным удовлетворить, но по отношению к участникам «булта» на плодбище занял жесткую позицию. Его помета на деле гласила: «... велеть тем мужикам учинить наказание — вместо кнута бить батоги нещадно при многих людех, чтоб, на то смотря, иным было неповадно прикащиков бранить и невежничать, чтоб были прикащикам страшны».⁴³

В этом столкновении важно выделить то «легкое» отношение к возможности убийства приказчика, которое сквозило у строителем дощаника. Действительно, незадолго перед этим летели с плеч куда более чиновные головы, когда польхала Крестьянская война и восставшие во многих местах круто расправлялись со своими угнетателями. Об этом не могли не знать жители уральских и сибирских уездов, — что, впрочем, не скрывало правительство в своих грамотах, адресованных для широкого оглашения.

Значительное восстание произошло в 1673 г. в Кайгородке. Восставшие посадские и крестьяне сместили воеводу Г. Х. Волкова, прогнали приставов, целовальников и старост, фактически взяв на несколько месяцев власть в свои руки. Прямым поводом для выступления послужили дополнительные денежные поборы с населения на строительство каменных зданий в Архангельске. Только с помощью стрелецких войск, присланных по указу из Москвы, удалось подавить это восстание, что повлекло за собой казни, многочисленные аресты.⁴⁴

⁴³ ЦГАДА, Верхотурская приказная изба, оп. 1, Столбец 33, ч. 3, лл. 525—536.

⁴⁴ См. А. В. Эммаусский. Исторический очерк Вятского края XVII—XVIII веков. Кировское книжное издательство, 1956, стр. 97—98.

Таковы некоторые материалы, характеризующие поставленную в статье тему. Они, при всей их отрывочности и неполноте, все же дают право утверждать, что в изучении проблем Второй крестьянской войны важно учитывать ее влияние на восточные окраины. Урал и Сибирь играли известную роль в продолжении борьбы на нисходящем этапе войны, когда повстанцы стали терпеть поражение. Среди остатков разинских отрядов, действовавших на северном фланге, возникла не лишенная реальности идея превращения некоторых поморских центров, в том числе Соли Камской, в повстанческие оплоты. Ставка делалась на вовлечение в восстание рабочего люда уральских соляных промыслов. Участие крестьян поморских уездов в восстании С. Т. Разина можно считать более активным, чем это принято в литературе.

Накопец, выявляется определенный подъем классовой борьбы на Урале и в Западной Сибири начала 70-х годов XVII столетия, совпадающий по времени с тем моментом, когда главные районы Крестьянской войны постепенно выходили из активной борьбы под напором царских карателей. Запоздалый всплеск локальных выступлений на восточных окраинах можно признать своего рода характерным явлением позднего феодализма, отражающим общие закономерности классовой борьбы крестьянства в периоды ее высшего подъема.

Н. А. КАЗАКОВА

НЕИЗДАННЫЕ ГРАМОТЫ О ВОССТАНИИ СТЕПАНА РАЗИНА

В составе Музейного собрания ГБЛ имеется сборник под номером 2425, содержащий наряду с летописными произведениями и материалы актовые, в том числе список с царской грамоты о С. Разине.¹ Сборник писан одним почерком — полууставом XVIII в.; по водяным знакам — «pro patria» — датируется началом XVIII в.²

Текст грамоты о С. Разине,³ имеющий заголовок «Список з грамоты государевы о изменнике и воре Стеньке Разине», делится на три части. В первой указывается происхождение грамоты — «От царя и великаго князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца — и ее адресат: «в Переяславль Рязанской Лаврентью Артемьевичю Денисьеву» (Л. А. Денисьев был в Переяславле воеводой в 1671—1672 гг.⁴); во второй сообщается о сдаче восставшими Астрахани; в третьей даются распоряжения переяславльскому воеводе о том, как ему надлежит поступать с грамотой.

Во второй части грамоты известно о сдаче Астрахани предшествует обзор основных событий восстания С. Разина в 1670—1671 гг. Кратко сообщается о появлении Разина на Волге, зайятии восставшими Царицына, Астрахани и других поволжских городов, поражении Разина под Симбирском, пребывании его на Дону в Кагальнике, обращении к царю Корнилы Яковлева и других

¹ На наличие в сборнике грамоты о С. Разине указал А. Н. Насонов (А. Н. Насонов. Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы). Проблемы источниковедения, 1955, т. IV, стр. 285).

² С. А. Клоников. Филигрань и литемполи на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX века. М., 1959, стр. 25, рис. 28, а.

³ РО ГБЛ, Музейное собр., № 2425, лл. 33 об.—44 об.

⁴ А. П. Барсуков. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902, стр. 175.

донских атаманов с просьбой о прощении, пленении ими С. Разина. Более подробно повествуется о последующих событиях в Астрахани и Поволжье: о походе Ф. Шелудяка вверх по Волге, убийстве восставшими астраханского митрополита Иосафа и воеводы князя С. Львова, поражении Шелудяка, посылке под Астрахань царских войск во главе с И. Б. Милославским, решении восставших сдать Астрахань. Затем следует рассказ о вступлении И. Б. Милославского в Астрахань и сообщении о торжественном молебне по этому случаю в Москве 15 января 1672 г., происходившем с участием царя в Успенском соборе.

В заключительной части грамоты воеводе Переяславля Рязанского делаются следующие распоряжения:

«И как к тебе ся наша, великого государя, грамота придет, и ты в Переяславле Рязанском на посаде и в слободах велел сказывать и бирничем кликать, а в Переяславльские уезды и во все станы и в волости, в ближние и в дальние места, послал пушкарей и розсыльщиков многих людей и велел стольником и стряпчим, и дворяном московским, и жильцам, и розных городов дворяном и детем боярским, и всяких чинов ратным людям, рязанским помещиком и вотчинником и посацким и жилецким и всяких чинов людям, и боярских и окольных и думных и ближних и всяких чинов ратных людей в поместьях и в вотчинах прикащиком, и старостам, и целовальником, и выборным лутчим крестьяном сказывать, чтобы они ехали в Переяславль Рязанской. А как вышеописанные ратные и жилецкие всяких чинов люди⁵ и прикащики, и старосты, и лутчие крестьяне съедутся, и ты бы, избрав день, в какой пристойно, велел в монастыри и по приходским церквам поповскому старосте и дяконом послать, чтобы из монастырей архимандриты и игумены, и священники и дяконы, тако же бы и от приходских церквей священники и дяконы, пришли в соборную церковь. А как духовнаго чину люди соидутся, и ты сию нашу, великаго государя, грамоту о даровании божии и о победе на врагов и отступников церкви божии и клятвопреступников, изменников, воровских казаков Стеньки Разина и единомысленников, велел вычесть вслух, чтобы сия преславная победа на тех врагов и отступников церкви божии и очищении наше государские отчины богоспасаемаго великаго града Астрахани и иных понизовских городов всяких чинов людям было всем ведомо. А прочет сию нашу государеву грамоту, велел в соборной церкви архимандритом и игуменом и священником и дяконом всем молебствовать соборне з звоном и молить всеильнаго бога о нашем государевом и наших государевы царицы и наших государевых благородных царевичев и благородных царевен многолетнем здравии и чтобы все православныя христиане обще и кушно воздали хвалу богу и пресвятей богородице, възбранной воеводе и заступ-

⁵ Слово «люди» в рукописи отсутствует.

нице рода христианского, и всем святым, яко толкико неначаемое дело совершилось по воли ево святой. А учиня по сему нашему, великаго государя, указу, писал о том к нам, великому государю. А отписку велел подать в розряде дьяком нашим, думному Семену Титову, да Василию Семенову, да Петру Ковелину. Писана на Москве лета 7180 году генваря в 28 день».⁶

Итак, переяславльскому воеводе предписывалось оповестить жителей Переяславля о получении царской грамоты, созвать из Переяславльскаго уезда «всяких чинов ратных людей», представителей вотчинной администрации, выборных «лучших» крестьян, а также духовных лиц из монастырей и церквей — и, когда все они съедутся в Переяславль, зачитать царскую грамоту. Таким образом, содержание грамоты надлежало довести до сведения всего населения Переяславля и Переяславльскаго уезда. Об исполнении распоряжения воевода должен был сообщить в Разрядный приказ.

В делах Разрядного приказа сохранился в современной копии (писана скорописью того времени) текст аналогичной грамоты во Владимир воеводе Н. Оболенскому от 16 января 1672 г.⁷ Владимирский воевода, так же как и переяславльский, должен был довести до сведения населения подвластного ему города и уезда о поражении восставших и сдаче ими Астрахани.

Понять значение царских грамот во Владимир и Переяславль Рязанский как исторических источников и их роль в ожесточенной классовой и идеологической борьбе в период восстания Разина помогает сопоставление грамот с некоторыми другими документами, связанными со сдачей Астрахани восставшими.

Переход Астрахани — крупнейшего экономического и военно-административного центра нижнего Поволжья — в руки правительственных войск означал важный успех правительства, и оно отметило это событие целым рядом мероприятий.

15 января в Москве, в Успенском соборе, состоялся, как уже отмечено, торжественный молебен с участием царя. В тот же день у Посольскаго приказа была зачитана публично «Сказка» «о сдаче Астраханской, как дабили челом великому государю в винах своих».⁸ Вступительная часть «Сказки» содержит перечень разрядов населения Москвы, к которым была обращена «Сказка».

⁶ РО ГБЛ, Музейное собр., № 2425, лл. 42 об.—44 об.

⁷ ЦГАДА, Разрядный приказ, Белгородский стол, Столбец 724, лл. 773—805. — Грамота во Владимир упоминается в примечаниях к сборнику: Кр. война, т. III, стр. 408. — Сличение грамот во Владимир и в Переяславль Рязанский показывает общность их формуляра. Имеющиеся незначительные отличия — пропуски отдельных слов и частей фраз, замена иногда одних слов другими и т. д. — возникли в процессе переписки грамот. (Приношу благодарность Ю. Г. Алексееву, произведшему сличение текста грамот).

⁸ Кр. война, т. III, стр. 181—185.

Этот перечень включает все слои столичного населения: служилые чины, начиная от стольников и стряпчих и кончая рядовыми московскими стрельцами, гостей, иноземцев, жильцких людей дворцовых слобод и черных сотен и, наконец, просто «всяких чинов людей». Следующая за вступлением основная часть текста «Сказки» совпадает (за исключением мелких разночтений) с соответствующими частями грамот во Владимир и в Переяславль Рязанский: в ней дается тот же обзор событий восстания С. Разина, завершающийся сообщением о сдаче восставшими Астрахани.⁹ Закачивается «Сказка» призывом ко всем православным христианам воздать хвалу богу и богородице за совершившееся дело.

Вслед за зачитанием «Сказки», оповещавшей население столицы о «сдаче Астраханской», правительство рассылает по стране целый ряд грамот светским и духовным властям. Грамоты эти различны по своему назначению: одни грамоты просто извещали местные власти о падении Астрахани, другие — духовным лицам — предписывали совершать по этому случаю молебны,¹⁰ третьи предназначались для публичного зачитания.

О многочисленности последней группы грамот свидетельствует запись, читающаяся в делах Разрядного приказа вслед за списком анализируемой нами грамоты во Владимир. Эта запись гласит: «Таковы ж (т. е. такие же грамоты, как и во Владимир, — Н. К.) писать», — и далее следует список городов, в которые надлежало писать грамоты. Список этот, включающий города замосковные, укралнские, рязанские (в том числе Переяславль Рязанский), заокские, севского полка и белгородского полка, насчитывает 86 городов.¹¹ Таким образом, грамоты для публичного зачитания «всех чинов людям» посылались во все города, крупные и мелкие, находившиеся в ведении Разрядного приказа. Вряд ли мы ошибемся, если предположим, что аналогичные грамоты посылались и в города, подчиненные другим приказам. Деятельность правительства по оповещению населения всего Русского государства о падении Астрахани имела поистине огромный размах.

Эта деятельность ставила своей целью не только информацию населения о важном для правительства событии. Проводя ее, правительство преследовало и более широкие задачи, судить о которых позволяет идейная направленность сохранившихся грамот

⁹ См. выше, стр. 294—295. — Поскольку «Сказка» датируется 15 января, а грамоты во Владимир и в Переяславль Рязанский — 16 и 28 января, постольку очевидно, что при составлении формуляра грамот был использован текст «Сказки». Отличный от него текст вступительной и заключительной частей грамот приведен нами выше (см. стр. 295—296) по списку грамот в Переяславль.

¹⁰ См., например, «Грамоту из Новгородскаго приказа архиепископу Вологодскому и Белозерскому Симону»: Кр. война, т. III, № 170, стр. 188—190; см.: там же, Примечания, стр. 408.

¹¹ Там же, стр. 408—409.

во Владимир и Переяславль Рязанский и «Сказки», обращенной к населению Москвы.

Все изложение событий восстания С. Разина в «Сказке» и в грамотах дается в определенном идеологическом аспекте. Первоначальные успехи восставших объясняются помощью дьявола. Разин характеризуется как «вор», отступник «от бога и от святых его церкви» и изменник царю и всему Московскому государству; ему приписывается невероятная жестокость (он «православных христиан в печи жег вместо дров»). Подчеркивается и жестокость восставших астраханцев, замучивших представителей духовенства и местной администрации. Восставшим противопоставляется царь и его окружение. На стороне их бог и богородица и все святые; царь проявляет долготерпение и великую милость: прощает раскаявшимся участникам движения их вину, соглашается на предание Разина анафеме только после того, как убедился, что тот «презрел долготерпение божие и нашу государскую премногую милость».¹² Победа над восставшими изображается как результат, с одной стороны, милости божьей, проявленной «молитв ради» патриарха и всего освященного собора, а с другой — как результат объединения вокруг царя всех слоев населения: «единодушного совокупления и твердого совета» бояр, окольных и думных людей, «службы и ратения и промысла» всех чинов ратных людей, «воспоможения в денежных податях тем... ратным людям на жалованье» со стороны гостей, гостиной и суконой сотен, жильских людей дворцовых и черных слобод и «всех православных христиан».¹³

Агитационно-пропагандистский характер «Сказки» и грамот несомненен: в них последовательно проводились, с одной стороны, религиозно-идеологическая дискредитация восстания, а с другой — возвеличивание правительственного лагеря. Предназначенные для публичного чтения, они должны были внушать идею неправоты и обреченности восстания и неизбежности победы правительства.

Идеологическая борьба с восстанием С. Разина не была новостью: она велась правительством и церковью с самого начала восстания.¹⁴ Новым является, пожалуй, ее масштаб и планомерность: идеологическое наступление после падения Астрахани проводилось правительством по единому плану и, очевидно, в масштабах всей страны. В этом отношении оно может сравниться лишь с преданием С. Разина анафеме в марте 1671 г.

¹² РО ГБЛ, Музейное собр., № 2425, лл. 33 об.—37. — Ввиду идентичности используемых мест грамот и «Сказки» (единственное отличие: в грамотах царь говорит о себе в первом лице, в «Сказке» он упоминается в третьем лице) делаем ссылку здесь и в следующей сноске только на текст грамоты в Переяславль Рязанский.

¹³ Там же, лл. 41 об.—42 об.

¹⁴ А. М. Борисов. Церковь и восстание под руководством С. Разина. Вопр. истории, 1965, № 8, стр. 74—83.

Масштабы идеологической кампании начала 1672 г. были обусловлены в известной мере тем обстоятельством, что сдача Астрахани действительно означала ликвидацию последнего крупного очага восстания. И правительству удобно было использовать это обстоятельство для широкой дискредитации восстания, для распространения идей о закономерности его поражения.

Но вместе с тем масштабы идеологического наступления правительства определялись, как нам кажется, и другим — отношением к восстанию С. Разина со стороны широких слоев населения Русского государства. Крестьянство и трудовая часть посадских людей Поволжья заявили о своем отношении к восстанию решительным переходом на его сторону. О сочувствии определенной части населения Москвы к Разину сообщает Я. Рейтенфельс, наблюдавший, как его, пленного, ввозили в столицу: «...улицы все были заполнены невероятным количеством зрителей, — пишет Я. Рейтенфельс, — которых отовсюду привлекло из домов, одних — необыкновенное зрелище или негодование, а других даже и сожаление».¹⁵ Несомненно, что антифеодалная программа Разина вызвала симпатии у трудящихся масс населения и других районов, не затронутых восстанием.

Покончить с сочувствием к восстанию, привлечь симпатии на сторону правительства и должны были зачитывавшиеся, как можно думать, во всех городах страны царские грамоты о сдаче Астрахани, в которых изменнику и богоотступнику Разину противопоставлялся царь, находившийся под защитой всевышнего, проникнутый неизмеримым милосердием.¹⁶

Сохранившиеся и до сих пор не изданные грамоты во Владимир и Переяславль Рязанский — не только памятники идеологической борьбы правительства с восстанием С. Разина, но и свидетельства того глубокого отклика, который оно имело среди населения Русского государства.

¹⁵ Я. Рейтенфельс. Сказание светлейшему герцогу тосканскому Козьме Третьему о Московии. М., 1965, стр. 119.

¹⁶ Не случайно, думается, в грамотах ни слова не говорится о мучительной казни С. Разина.

А. Л. ШАПИРО

ВОЛНЕНИЯ СТАРОРУССКИХ КРЕСТЬЯН В 1671 г.

I

Сведения о восстании Степана Разина быстро распространились по всему лицу русской земли. Более того, есть известия, что Разин заслал «прелестные письма» за фальшивой подписью бывшего патриарха Никона даже в карельские и ижорские деревни, находившиеся тогда за шведским рубежом.¹ Трудно сказать, попали ли подобные письма в расположенный недалеко от шведского рубежа Старорусский уезд. Но нам хорошо известно, что крестьяне этого уезда были в 1671 г. сильно возбуждены, а их борьба с феодалами приобрела более острый, чем в обычное время, характер.

Одиннадцать старорусских погостов были в середине 50-х годов переданы из государева владения во владение основанного Никоном и принадлежавшего ему как патриарху Иверского монастыря. Монастырские власти получали со старорусских крестьян пятинный хлеб, оброк и годовых работников, а кроме того требовали подвод и рабочую силу для строительства новых монастырских зданий и для других нужд монастыря, приказывали доставлять к своим соляным варницам в Старой Руссе бревна и взимали «мелкий доход»: масло и мясо, грибы и ягоды, лен и шерсть, «пшти швальные» и «пшти неводные», лапти, лыко, вожжи и веревки.

В 1657 г. крестьяне били челом о замене всех монастырских доходов и годовых работников денежным оброком. Монастырь со-

¹ Об этом в 1670 г. шведские генералы Врангель и Тотто сообщили в Риге полковнику русской службы Стадену. См.: С. М. Соловьев. Русская история с древнейших времен, кн. VI. М., 1961, стр. 525. — Правда, на запрос царского правительства шведская сторона ответила, что «воровского листа» Степана Разина «в тех Корельской и Ижорской землях и в иных королевского величества городех отнюдь нет и не бывало» (Кр. война, т. III, стр. 286).

гласился на эту замену и установил платеж с вотчины в размере 3000 руб. в год. К денежному оброку был добавлен хлебный в размере 500 четвертей (300 четв. ржи, 150 — овса и 50 — жита).²

Однако тотчас же после установления этого «договорного оброка» к крестьянам стали предъявлять и другие требования: доставлять в Старую Руссу «к варничному строению» 1500 бревен, ставить подвод под соль, капусту и известь; присылать в Валдай работников к монастырскому строению, приносить «к празднику христово воскресенья» яйца, собирать ягоды, «делать пастилы» и варить морс, выделять рыбных ловцов, ловить живых журавлей и отбывать другие повинности.³

Крестьяне жаловались на беззастенчивое нарушение монастырем договора и сообщали о побегах от несправедливых и обременительных податей. Уже в 1659 г. представители монастырской администрации сами должны были признать, что «крестьяне гораздо оскудели». Старост тогда были на правее «дни с три», сбили их с ног, а они все твердили: «Хотя де нас убейте до смерти, и нам дать стало нечего, потому что во крестьянх стала скудость большая».⁴

В 1661 г., когда наводнение и недород особенно подорвали платежные силы старорусских крестьян, они обратились с коллективной челобитной к самому Никону, чтобы он пожаловал «своих бедных людишек потоплых и нужных» и велел им «в оброке и в податех ослабление даровать».⁵ После тщательного расследования Никон распорядился сократить в 1661 г. денежный оброк с 3000 до 2000 руб.⁶

Можно было бы добавить многие другие факты, свидетельствующие об обидах и притеснениях, чинимых Иверским монастырем, о недовольстве старорусских крестьян и об их челобитных.

Отметим только, что до 1671 г. эти челобитные не содержали просьбу об отнятии старорусских погостов у монастыря (хотя крестьяне несомненно хотели избавиться от нового владельца и отдавали предпочтение старым формам зависимости непосредственно от государя). А подача челобитных не сопровождалась в 50—60-е годы отказом старорусских крестьян повиноваться монастырским властям и их изгнанием из вотчины. Иначе развернулись события в «бунташном» 1671 г.

² Архив ЛОНИ, ф. 181, кор. 3, № 107.

³ Там же, кор. 6, № 38, сст. 2, 7, 12, 13, 22.

⁴ Там же, № 52, сст. 2, № 52а, сст. 1.

⁵ Там же, кор. 8а, № 59.

⁶ Н. Ф. Каптерев. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович, т. 2. 1912, стр. 175.

Наряду с владельческими повинностями старорусские крестьяне отбывали, конечно, и государственные. В 1670 г. в их числе был сбор по полтине с переписного двора «вместо даточных». Кроме того, вероятно в связи со значительными расходами на подавление народного восстания, правительство назначило чрезвычайный сбор «ратным людям на жалованье на 179 год» по 2 гривны с крестьянского и бобыльского двора. К новому, 180-му году, т. е. к 1 сентября 1671 г., полтинные и двугривенные деньги далеко еще не везде были собраны. В одиннадцати погостах Старорусского уезда, принадлежавших Иверскому монастырю, «недобрано было» тех «государевых денег» по 40½ коп. с двора.⁷

Для сбора недоимки монастырские власти послали своих слуг и рассыльчиков. По свидетельству крестьян, они требовали уже не по 40½, а по 44 коп. с двора, да сверх этих денег собирали с двора еще по 3¼ коп. Когда крестьянин дер. Острова Славитинского погоста Семен Шуровской заявил, что нельзя брать оброки и налоги сверх того, что установлено монастырскими властями и государем, слуги и рассыльчики стали угрожать ему «и хотели его бить без властелинского ведома».

Уйдя от расправы, Семен Шуровской направился в Старую Руссу. Он говорил, что сделал это, чтобы подать челобитную приказному старцу Иоилу, ведавшему тамошними иверскими вотчинами. Но, не застав Иоила, он подал челобитную старорусскому воеводе Ивану Павловичу Боборыкину.⁸

Иверский монастырь был не в ладах со старорусским воеводой. И. П. Боборыкин доносил в 1671 г. в Москву, что монастырские власти и монастырские крестьяне «вино курят и пиво варят безпрестанно и не явят». И многие крестьяне «заповедное вино и табак держат». Кроме того, иверские власти завладели «неведомо по какому указу» государственной деревней Дераково, а монастырские крестьяне отхватили у крестьян соседнего с ними государственного Лоского погоста разные земли и пустоши.⁹

В свою очередь монастырские власти жаловались на Боборыкина, который «отказал из за монастыря» и приписал к Лоскому погосту целый ряд деревень и пустошей. Монахи жаловались и на то, что Боборыкин приписал лежащие возле Старой Руссы

⁷ Архив ЛОИИ, ф. 181, кор. 30, № 92, сст. 1 (челобитная архимандрита Иверского монастыря с братьей царю; 2 октября 1671 г.). — Так как фонд № 181 в настоящее время описывается и при этом меняются шифры многих дел, для облегчения их разыскания в будущем указывается по возможности точная датировка документов.

⁸ Архив ЛОИИ, ф. 181, кор. 30, № 68 (список с допроса Семена Шуровского в Новгородской приказной избе; не ранее декабря 1671 г.).

⁹ Там же, кор. 33, № 78, сст. 1—3 (список с отписки И. П. Боборыкина царю; не ранее 1 сентября 1671 г.).

иверские деревни к городу, и на то, что в конфликтах монастыря с городом он всегда поддерживает посадских людей.¹⁰

Иверский монастырь добился, чтобы его старорусские вотчины были исключены из ведения старорусского воеводы. Крестьян этих вотчин велено было «судом и управою ведать в Великом Новгороде». Это было ударом не только по престижу, но и по карману старорусского воеводы.

И. П. Боборыкин был внуком околийного Никиты Михайловича Боборыкина, у которого в 1661 г. возник конфликт с Воскресенским монастырем, подобно Иверскому монастырю основанным патриархом Никоном и принадлежавшим ему. С разрешения пия даже вследствие подстрекательства патриарха крестьяне Воскресенского монастыря убрали и захватили большое количество хлеба на боборыкинских землях. Но то, что сошло бы благополучно в период могущества Никона, сейчас обернулось против него. И. М. Боборыкин был поддержан царем, и монастырь и Никон признаны были повинными в незаконных действиях.¹¹

Боборыкины помнили, что в конце 1666 г., когда Никон был лишен за свои вины патриаршего сана и превращен в простого монаха, велено было Иверскому и другим монастырям «не быти», а грамоты на владение вотчинами были у них отняты. Правда, уже в 1668 г. царь восстановил эти монастыри и вернул им большую часть их владений.¹² Но в 1670 г. Никон был заподозрен в новых тяжких преступлениях. Его обвиняли в том, что он не задержал прибывших к нему в Ферапонтов монастырь посланцев Степана Разина и не сообщил никому об их прибытии. Царь Алексей Михайлович подозревал Никона даже в отправке к Степану Разину своего посланца — старца Сергея. В письме к боярам от июня 1671 г. о допросе Разина царь требовал выяснения, приезжал ли «по зиме нынешней» старец Сергей в лагерь восставших.¹³

В связи с тем что бывший патриарх подозревался в сношениях с Разиным, Никита Матвеевич Боборыкин надеялся (а может быть, и слышал от других), что бывшие никоновские монастыри вновь окажутся опальными. Что-то на этот счет он написал и своему внуку в Старую Руссу. Во всяком случае, в одной из челобитных Семена Шуровского и других старорусских крестьян говорится, что воевода Иван Боборыкин ссылался в разговоре с ними на письмо своего деда, согласно которому все жалованные

¹⁰ Об этих конфликтах в конце XVII в. см.: А. Г. Маньков. Борьба посада с феодалами во второй половине XVII в. Истор. зап., т. 64, 1959, стр. 217—232.

¹¹ С. М. Соловьев. Русская история..., кн. VI, стр. 224, 231.

¹² Акты Иверского святоозерского монастыря. РИБ, т. 5, стб. 1048—1049.

¹³ С. М. Соловьев. Русская история..., кн. VI, стр. 278; Кр. война, т. III, стр. 81.

грамоты Иверскому монастырю и все его крепости на вотчины взяты к «великому государю в верх».¹⁴

Когда 1 октября 1671 г. Семен Шуровской пришел к воеводе И. П. Боборыкину, тот сказал ему, что всем старорусским крестьянам следует подписать челобитную на имя государя и просить, чтобы их отняли у Иверского монастыря и разрешили жить «по-прежнему за великим государем». При этом Боборыкин якобы сказал, что без жалованных грамот и крепостей «стоять им (монастырским властям, — А. Ш.) об вас не по чем».

Шуровской немедленно сообщил о своем разговоре с воеводой крестьянским старостам старорусских погостов — Федору Федорову сыну Смыслу и Артемию Никифорову сыну Кенотолицкому. Старосты вместе с Шуровским и еще тремя крестьянами отправились к воеводе и услышали от него подтверждение ранее сказанного. Воевода обнадежил крестьян и заверил их в том, что «как де у них будет заручное челобитье, и их де великий государь пожалует тотчас, велит быть по-прежнему в тягле за собою великим государем».¹⁵

Воевода пообещал крестьянам, что сам он и его влиятельные родственники в Москве ходатайствуют за них. В свою очередь, старосты посулили воеводе «ото всех крестьян» 1000 руб. Таким образом, И. П. Боборыкин рассчитывал использовать невыгодную, по его мнению, для Иверского монастыря политическую конъюнктуру не только для возвращения старорусских вотчин в разряд находившихся под его непосредственным управлением государевых владений, но и для того, чтобы содрать с крестьян весьма солидную по тем временам взятку.

К этому времени в Старую Руссу на Покровскую ярмарку (праздник покрова богородицы — 1 октября) съехалось много крестьян из всех 11 погостов, и старосты сообщили мирским людям содержание воеводских речей.

Что воевода Боборыкин имел отношение к подготовке крестьянской челобитной на царское имя, подтверждается не только множеством показаний крестьян, но и тем обстоятельством, что составлялась челобитная в Земской избе. Правда, впоследствии И. П. Боборыкин писал царю: монастырские власти «крестьян своих бьют и мучат и велят им говорить на меня холопа твоего, будто я их научил бить челом тебе великому государю». Но это писалось уже тогда, когда старорусский воевода узнал, что Иверский монастырь пользуется полной поддержкой в Москве, а его, воеводы, действия вызвали там недовольство.

Есть свидетельства крестьян о позиции И. П. Боборыкина, которые трудно заподозрить в том, что они были вынуждены мо-

¹⁴ Архив ЛОИИ, ф. 181, кор. 30, № 30, сст. 1а—2а (челобитная Семена Шуровского с товарищами царю; не позднее 14 декабря 1671 г.).

¹⁵ Там же, № 68 (список с допроса Семена Шуровского в Новгородской приказной избе; не ранее декабря 1671 г.).

настырскими властями или давались, чтобы снять с себя вину. Так, 3 октября 1671 г. на вкладном дворе Иверского монастыря в Старой Руссе староста минувшего 179-го года (1670—1671 гг.) Томила Антипов заявил, что воевода прислал к нему пушкаря Ивана Тарасовича Воротникова «и тот де Ивашка мне Томили приказывал, а сказал, что де воевода Иван Павлович тебе старосте на крестьянх Иверского монастыря монастырских оброков и мирских разубов имать и править не велел».¹⁶

Думаю, что это заявление Томила Антипова не было инспирировано монастырскими властями, — во-первых, потому, что сказка адресовалась в монастырь, а не из монастыря, и, во-вторых, потому, что в документах, исходящих от монастыря, всегда доказывалось, что Боборыкин уговаривает крестьян не платить монастырские и государственные повинности (это должно было выглядеть особенно одиозно в глазах правительства). Антипов же говорит только о монастырских повинностях и мирских разубах. Следует также учитывать, что Антипов не был под следствием и ни в чем не обвинялся. Таким образом, у него не было причин прикрываться именем Боборыкина.¹⁷ Вряд ли можно сомневаться в том, что старорусский воевода И. П. Боборыкин обнадежил крестьян и укреплял их веру в переход в разряд государственных.

Шуровской говорил, что в составлении челобитной участвовали его товарищи и многие мирские люди, имен которых он не помнит. Челобитную писали «не по один день», а когда написали, «в суйме всем мирским людям прочитали и мирские люди к той челобитной руки прикладывали».

Мы не располагаем ни подлинником, ни копией этой челобитной, по основное ее содержание знаем. Крестьяне сами позже писали Новгородскому митрополиту Питириму, что в своей заручной мирской челобитной великому государю они жаловались на архимандрита Иверского монастыря Феодосия с братьями и на приказных старцев, которые «весь околорусской уезд 11 погостов великими оброки и податями и великими насилствами и большими налогами разогнали в рознь и розорили без остатку». Главная же просьба крестьян заключалась в изъятии их из-под власти монастыря и возвращении в разряд государевых.¹⁸

¹⁶ Там же, № 39, сст. 1—2 (челобитная Ивана Боборыкина царю; не ранее октября 1671 г.), № 78, сст. 4—5 (список со сказки бывшего старосты Томила Антипова; 3 октября 1671 г.).

¹⁷ Когда в середине октября новгородский воевода послал в Старую Руссу стрелецкого сотника, чтобы арестовать и привести в Новгород Ивана Воротникова для следствия, И. П. Боборыкин не выдал его, сказав, что посылает с отписками в Москву. Очевидно, воевода опасался, что его стрелец подтвердит показания старосты Томила Антипова. См.: там же, № 115, сст. 16 (донесение сотника Л. Аристова новгородскому воеводе И. П. Пронскому; 20 октября 1671 г.).

¹⁸ Челобитная новгородскому митрополиту Питириму бедных и до конца разоренных сирот государевых околорусского уезду 11-ти погостов старост Мокейки Афонасьева и Ларьки Панфилова и всех крестьяншек

Когда подписывалась челобитная царю, часть жалобщиков начала колебаться. Старосты Артемий Конотопицкий и Федор Федоров, которые должны были выступать от имени всех крестьян (руки к челобитной «вместо себя и всех крестьян прикладывать»), просто сбежали. Впоследствии они уверяли, что вообще «к тому ложному челобитию не приставали», что во всем виноваты Семен Шуровской, Федул Губанов, Никита Котов и Иван Семенов с товарищами, которые «учинили гиль», «завели челобитие на властей своих воровским составным умыслом, без нашего старостинского ведома»; брали у крестьян подписи «поволею» и, придя на подворье, где они, старосты, остановились, велели им подписывать челобитие.¹⁹

Но с тех пор как старосты Артемий Конотопицкий и Федор Федоров скрылись, чтобы не подписывать челобитную, до момента, когда они сообщили о происходящем монастырским властям, прошло больше недели. Боясь возглавить движение за отделение от Иверского монастыря, старосты все же не сразу решились переметнуться на сторону монастыря. Во всяком случае их явно ложный донос на Шуровского и мирских людей датирован 17 октября, тогда как скрылись они ранее 9 октября.

Когда в Старой Руссе начались аресты челобитчиков, в монастырь стали поступать доносы на Шуровского и от некоторых других крестьян. Они утверждали, что Шуровской с товарищами якобы угрожали заключением в тюрьму и побоями со стороны воеводы Боборыкина тем, кто не подпишет челобитную.²⁰

Сам Шуровской и его товарищи категорически заявляли, что «по неволе де к той челобитной никто рук прикладывать не заставлял». Когда же старосты из Старой Руссы «выехали неведомо куды», оставшиеся там мирские люди избрали новых старост — Лариона Панфилова и Мокея Афонасьева, которые подписали челобитную. Затем ее «заручили» в земской избе попы и площадные подъячие. Бывшие старосты назвали по именам четырех попов, приложивших руку к челобитной.

9 октября челобитная была изготовлена, и ее надлежало отправить сейчас в Москву. Новые старосты и мирские люди вы-

и бобышки Иверского монастыря на прикащика старца Иоиля с товарищи. Там же, № 41. — Челобитная Питириму была составлена не ранее ноября 1671 г., т. е. тогда, когда крестьяне узнали, что их челобитие царю об изъятии вотчины из ведения Иверского монастыря отвергнуто и рассматривается в Москве как бунтовническое. Поэтому они писали сейчас, что «не прочли» великому государю околорусских погостов, а только жаловались на поборы Иверского монастыря. Однако все показания арестованных, челобитная монастыря царю и отписки из Москвы к представителям местной администрации говорят о противоположном.

¹⁹ Там же, № 115, сст. 2^a (челобитная старост Артемия Конотопицкого и Федора Федорова царю; 17 октября 1671 г.).

²⁰ Там же, сст. 1^a—2 и 2^b (сказки крестьян дер. Козоны Панкрата Федорова и Исаи Фадеева соборным старцам Евстратию и Маркелу; 19 октября 1671 г.).

брали для этого Семена Шуровского, Никиту Котова, Ивана Семенова, Трифона Иванова и Федота Кошпина. Старосты заняли у посадского человека Никифора Житкова 100 руб., из которых 30 дали на дорогу Семену с товарищами.

Кроме того, новые старосты наняли с ведома воеводы Боборыкина стрельца, который должен был провожать челобитчиков, «для того что они до Москвы дойдут ли и на дороги их где не понимают ли, чтоб им старостам о том назад ведомость учинить».²¹

Видимо, достать деньги и нанять стрельца удалось не сразу. Во всяком случае, челобитная была готова 9 октября, а к 15 октября мирские ходатаи еще не ушли из Старой Руссы.

III

Между тем монастырские власти не дремали и приняли контрмеры. Старорусские монастырские приказные старцы сообщили о происходящем архимандриту Феодосию, а этот последний написал новгородскому воеводе, князю И. П. Пронскому, что Семен Шуровской, Федул Губанов, Никита Котов и Иван Семенов с товарищами «учинили во крестьянх смуту большую и бунт», и просил арестовать их и доставить в Новгород «для подлинного розыскания и очных ставок».²² А 14 октября новгородский воевода отправил в Старую Руссу стрелецкого сотника Леонтия Аристова со стрельцами, отписав Боборыкину, чтобы он содействовал Аристову в выполнении его задачи.²³ Но Аристов донес из Старой Руссы, что Шуровского с товарищами он не нашел, что воевода Боборыкин не помог их отыскать и у себя их «не сказал».²⁴ Между тем сам Шуровской уверял, что, завидя новгородского стольника и стрельцов, делегация «ухоронилась к воеводе на двор и была у него на дворе трои суток, доколе их перенесли новгородские стрельцы в Руссе».

Впоследствии Боборыкин отрицал, что у него укрывались челобитчики. Но как бы то ни было, Аристову не удалось их сыскать — и, уклонившись от новгородской и монастырской администрации, они сумели добраться до Москвы.

Не разыскав Шуровского и других инициаторов и вдохновителей челобитья, стольник Аристов начал арестовывать по деревням их родственников. При этом стрельцы и монастырские рассыльщики избивали и грабили крестьян. После октябрьского наезда Аристова крестьяне всех 11 погостов писали новгородскому митрополиту Питириму: рассыльщики и стрельцы «кресты с во-

²¹ Список допросных речей Семена Шуровского (см. выше).

²² Архив ЛОИИ, ф. 181, кор. 30, № 92, сст. 1 (архимандрит Феодосий — И. П. Пронскому; 12 октября 1671 г.).

²³ Там же, кор. 33, № 11 (список с наказной памяти стрелецкому стольнику Леонтию Аристову; 14 октября 1671 г.).

²⁴ Там же, № 1 (доношение Л. Аристова И. П. Пронскому; 20 октября и между 20 и 30 октября 1671 г.).

рота снимают и у женишек и у дочеришек наших серги из ушей вырывают, и домишка наши разоряют, и нас сирот твоих бьют и мучат до умертвия, бердыши и топорки секут; и многих битых и сочехных вкровоу, привезав к лошадем на веревках будто полоняников, возят в Старую Русу на монастырской двор и сковав отсылают в Великой Новгород неведомо для чего».²⁵

Так был схвачен и уведен брат Федула Губанова, Григорий; при его аресте стрельцы и монастырские слуги «у женок взяли две чепочки и коробью разломали». Был схвачен и уведен и сын Никиты Котова, Иван.

Весть об этих арестах и грабежах быстро распространилась по деревням, причем старорусские стрельцы вместе с самими крестьянами выступают в роли информаторов. А один из старорусских стрельцов, Антон Пискулин, говорил встречным крестьянам, что они должны «прихорониться», а «будет учнут имать и вы де не давантес и их (новгородских стрельцов, — А. Ш.) бейте».²⁶

Наряду с родственниками главных организаторов челобитной аресту были подвергнуты и некоторые другие крестьяне, на которых указывала монастырская администрация. Арест одного из них — жителя деревни Вороново Чертицкого погоста Ивана Захарьева — привел к настоящему побою.

Иван Захарьев был предупрежден об арестах, но «прихорониться» не успел. Когда стрельцы схватили его, сбежались соседи. По уверению Аристов и монастырских слуг, крестьяне вышли не только с дубьем и топорами, но и с пицалями и бердышами. Они гнали стрельцов и монастырских слуг от деревни через поле до леса, избивая их и угрожая перестрелять. У стрельцов и рассыльчиков были засвидетельствованы «битые места», ссадины и кровоподтеки.

Иван Захарьев отрицал, что у крестьян были пицали, но признал, что они стрельцам и монастырским рассыльщикам «имать не дались и с ними дрались».²⁷ Отбить Ивана Захарьева так и не удалось, но после инцидента в деревне Вороново Аристов не решился вновь посылать в вотчину Иверского монастыря стрельцов, так как крестьяне «во всем чинятся сильны».

Ожидая результатов своей челобитной, крестьяне не подчинялись и монастырским властям. Наместник Иверского монастыря жаловался царю на то, что старорусские погосты «отложились» от своего владельца и к себе «никого не пускают».²⁸

²⁵ Челобитная митрополиту Питириму (см. выше).

²⁶ Архив ЛОИИ, ф. 181, кор. 30, № 111, сст. 1 (список с допросных речей Кондратия Федорова; не ранее октября 1671 г.).

²⁷ Там же, кор. 33, № 115 (доношение Л. Аристова И. П. Пронскому; 20—30 октября 1671 г.); кор. 30, № 111, сст. 1 (список с допросных речей Ивана Захарьева).

²⁸ Об этом монастырь писал в челобитной царю. См.: там же, кор. 33, № 30 (копия указа Алексея Михайловича новгородскому воеводе И. П. Пронскому и дьяку Е. Воробьеву; 11 ноября 1671 г.).

Между тем Семен Шуровской с товарищами добрались до Москвы и подали «заручную челобитную» в Посольский приказ думному дворянину Артамену Сергеевичу Матвееву. Матвеев арестовал челобитчиков, прочитал им государев указ, чтобы они «жили по-прежнему за Иверским монастырем во крестьянстве», а затем приказал их «бить батоги» и выдать монастырскому стряпчему московского Иверского подворья.

Монастырские власти вынудили Семена Шуровского с товарищами подать «повинную», к которой за них приложил руку поп Зимнегорского яму Фомище Иванов. В этом документе говорится, что старорусские крестьяне писали челобитную о возвращении во владение царя «по повелению и научению» Ивана Боборыкина, что они били челом «Иверского монастыря на властей неправедно» и что они просят царя «спрот своих в том простить».²⁹

Крестьяне, подписавшие повинную, в действительности не считали себя в чем-либо виновными. Когда Шуровской вышел из-под ареста, он вновь организовывал челобитную об отписке старорусских погостов у Иверского монастыря. А посадские люди старорушане писали царю, что монастырские приказные старцы насильно заставили крестьян «принести повинную челобитную».³⁰

IV

Стараясь обелить крестьян от обвинений монастыря, посадские люди явно хитрили через край. Они уверяли, что у старорусских монастырских крестьян «смуты и бунту никакова меж собою не бывало», тогда как через полтора месяца после составления челобитной об отписке старорусских погостов у Иверского монастыря неповиновение крестьян привело к еще более серьезным, чем в октябре, столкновениям.

Главным очагом недовольства в ноябре 1671 г. оставался Чертицкий погост, в котором сейчас выдвинулись новые вожаки. 30 ноября монастырские власти писали новгородскому воеводе, что крестьяне Чертицкого погоста Кари Мартемьянов и Ларион Панфилов с товарищами «чинят в иных во всех погостех во крестьянех смуту большую и заказывают платить» государевы подати и монастырские оброки. Монастырские власти добивались повторной посылки в Старорусский уезд стрельцов и новых арестов.³¹

²⁹ Там же, кор. 30, № 30, сст. 1а—2а («повинная»; не позднее 14 декабря 1671 г.).

³⁰ Там же, № 90, сст. 3—4 (грамота царя боярину И. П. Пронскому и дьяку Е. Воробьеву; 27 января 1672 г.).

³¹ Там же, № 65, сст. 8 (монастырские власти — И. П. Пронскому; 30 ноября 1671 г.).

Немедленно из Новгорода были отправлены пристав Иван Савельев и около 40 стрельцов и казаков. Захватив с собою монастырских слуг и понятых, Савельев прибыл в деревню Малое Учно. Так как Карпа Мартемьянова дома не оказалось, были арестованы его жена и сын Терентий. При этом их избili «и животы все ограбили без остатку».

Затем Савельев отправился в Большое Учно. Здесь его уже встречали на улице крестьяне с дубьем, рогатинами и пищалями.³² Пристав «сказал им государев указ» и велел монастырскому рассыльщику указывать, кого надлежит арестовать. Рассыльщик указал на Владимира Воробьева и его сына. Но когда их схватили и связали, «мужики их отбили». Началось побоище, во время которого Савельеву расшибли дубиной голову. Попало и стрельцам. Среди крестьян тоже были раненые: у Владимира Воробьева оказалась проколота рогатиной рука и обнаружены следы ударов обушками. Были ранены и другие крестьяне. Владимира Воробьева стрельцам так и не удалось арестовать, но они захватили его сына Тимофея и крестьянина Федора Кирилова.³³

Попавшие «за караул» в Новгородскую приказную избу крестьяне испытывали тяжелые лишения и подвергались истязаниям и пыткам. Арестованные еще в октябре сотником Аристовым шестеро крестьян писали в конце ноября, что, сидя «под приказной» шестую неделю, они «помирают голодом».

Государевы крестьяне рядка Ужин, расположенного возле старорусской иверской вотчины, а также старосты и крестьяне Коростенского и других погостов, новгородские конные казаки и стрельцы Новгородского и Московского приказов взяли арестантов на поруки и дали ручательство в том, что они не уйдут никуда из Новгорода и предстанут перед воеводой и дьяком по первому требованию.³⁴

Вместо выпущенных арестантов «под приказную избу» были посажены крестьяне, схваченные в Чертицком погосте во время ноябрьских событий. Как мы знаем, это были не активные участники волнений, а их родственники. Но и они держались стойко, не давали пужных монастырю показаний и никого не выдавали.

Тогда по ходатайству преподобных старцев новгородский воевода подверг арестованных пытке. Их жгли клещами, избивали

³² Одна отнятая у крестьян пищаль была предъявлена Савельевым в качестве вещественного доказательства. Таким образом, не приходится сомневаться в том, что у отдельных старорусских крестьян было огнестрельное оружие. Но во время столкновения оно не было пущено в ход.

³³ Архив ЛОИИ, ф. 181, кор. 30, № 65, сст. 15—16, 21—23, 25—28, 30 (доезжая память пристава И. Савельева воеводе И. П. Пронскому и дьяку Е. Воробьеву, 3 декабря 1671 г.; допросные речи пристава И. Савельева и стрельцов; отписка И. П. Боборыкина И. П. Пронскому, 2 декабря 1671 г.; допросные речи арестованных крестьян, 4 декабря 1671 г.).

³⁴ Там же, кор. 33, № 34 (челобитная арестованных об отдаче их на поруки; поручные записи 23—28 ноября 1671 г.).

вали и лили им на голову воду. Но и наказания, полученные с пытки, не удовлетворили воеводу и монастырские власти, и 7 декабря велено было доставить в Новгород «для подлинного сыску» старых и новых старост 11 старорусских погостов и ряд других крестьян.

В декабре в Новгород были также доставлены Семен Шуровской и его товарищи. Монастырские власти не были удовлетворены тем, что в Москве их били батогами. По настоянию монахов в Новгороде Шуровского и других крестьян, отвезивших в Польшский приказ челобитную, подвергли истязанию кнутом.³⁵

Но и после столь жестокой расправы с зачинщиками старорусские крестьяне не прекратили сопротивления. 27 января 1672 г., т. е. через четыре месяца после начала волнений, в адресованной новгородскому воеводе государевой грамоте было сказано, что старорусские крестьяне «мятутся и бунтуют» и «наших государевых и их монастырских никаких податей не платят, чинятся непослушны и в вотчины никого не пускают». Новгородскому воеводе вновь было приказано привести крестьян в покорность монастырю.³⁶

V

Старорусские крестьяне, посадские люди, монастырская администрация и воеводы Старой Руссы и Новгорода единодушно считали инициатором волнений Семена Шуровского. Монастырские старцы говорили, что «Сенька Шуровской и все крестьяне učinились непослушны», что Сенька Шуровской с товарищами «взбунтовали крестьян». А сами крестьяне, отвергая обвинения в бунте, признавали, что Шуровской с товарищами «заводили» челобитную царю.

Семен Степанович Шуровской выделяется своими бунтарскими настроениями, энергией и силой воли. Он особенно нетерпим к феодальному гнету и умеет увлекать за собою других. Арест, батоги и кнут не заставили его смириться, и через два года после подавления волнений он затевает новое выступление против Иверского монастыря и готовит челобитную царю о конфискации у монастыря старорусских вотчин (на сей раз речь шла о двух погостах: Славитинском и Должинском).

И на этот раз Шуровской выступает как человек, которого ценят и за которого готовы постоять крестьяне. И когда в январе 1674 г. дворянин Иверского монастыря арестовывает его, крестьяне отбивают Шуровского и помогают ему уйти от репрессий. Интересно, что дворянину помешали схватить Шуровского

³⁵ Там же, кор. 38, № 33 (челобитная крестьян Иверского монастыря царю; 15 июля 1673 г.). — Монастырь добился также патриаршего приказа о «смирении» священников, которые «заручили» за крестьян челобитную.

³⁶ Там же, кор. 30, № 90, сст. 3—4 (грамота царя новгородскому воеводе И. П. Пронскому и дьяку Е. Воробьеву; 27 января 1672 г.).

крестьяне, принадлежавшие не Иверскому монастырю, а другим владельцам.

И слова «прежний вор и бунтовщик» Шуровской возбуждает острое беспокойство монастыря. Из Старой Руссы идут срочные донесения в Валдай, а из Валдая — приказания на московское подворье, чтобы «ево Сеньку на Москве, буде объявитца поимать, а поймав прислать в монастырь сковав».³⁷

Главными зачинщиками «смуты», наряду с Семеном Шуровским, власти считали Федула Губанова, Никиту Котова, Ивана Семенова, а активными ее участниками — Ивана Захарьева, Карпа Мартемьянова и Лариона Панфилова. О месте жительства и об имущественном положении некоторых из этих вожakov мы располагаем сведениями благодаря тому, что до нас дошла вотчинная переписная книга 11 старорусских погостов Иверского монастыря, составленная в 1669 г., т. е. за два года до волнений. Книга дает нам возможность судить о размерах тягла, выраженных в долях выти. В ней определено также, относится ли двор к категории «прожиточных», «прожитком нарочитых», «средних», «скудных», «гораздо скудных», бобылей или захребетников.

Размерами тягла определялась доля надельной земли, которую получал двор, и доля всех падавших на погосты владельческих и государственных повинностей, которые двор должен был отбывать. При этом среднее дворовое тягло было в старорусских погостах ниже осминки выти (точнее, оно равнялось 0.109 выти).

Размеры тягла устанавливались в соответствии с «семьянностью и прожиточностью» хозяйства. Но полного соответствия между тяглом и категорией по прожиточности не было. Некоторые «прожиточные» были обложены меньшим тяглом, чем «средние», а некоторые «средние» — меньшим тяглом, чем «скудные». Такое несоответствие говорит о хозяйственной неустойчивости крестьянских дворов.³⁸

Мы, к сожалению, не можем сейчас сказать, какое количество надельной земли полагалось на осминку тягла. Но мы знаем, что в разных погостах это количество было различным. Если бы вся числившаяся по писцовым книгам пахотная земля была поделена по тяглу, в Петровском погосте на осминку пришлось бы по 21, а в Славитинском погосте по 21³/₄ десятины в трех полях. Хотя после составления писцовых книг земли, очевидно, расчищались от леса, фактические наделы не достигали 20 десятин на осминку, так как часть пахотной земли лежала «в пусте», а часть сдавалась в аренду (на оброк).

³⁷ Там же, кор. 40, № 1, сст. 27 (донесение старца Иоилы казначею Афанасию; 28 января 1674 г.).

³⁸ А. Л. Шапиро. Об опасности модернизации экономической истории русского крестьянства XVII—первой половины XVIII в. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1959 года, М., 1961, стр. 56.

В Чертицком погосте пригодной для пашни земли было гораздо меньше, чем в Петровском или Славитинском. Если бы вся учтенная писцовыми книгами пахотная земля была распределена по вытям, на осминку пришлось бы там только 8¹/₄ десятины. Фактически же наделы, вероятно, были здесь меньшими. Как видим, одни и те же повинности, падавшие на осминку тягла, приходилось в Чертицком погосте «оттягивать» со значительно меньшего надела, чем в Петровском. Этим отчасти объясняется то, что самые острые столкновения в 1671 г. происходили именно в Чертицком погосте. Впрочем, следует учесть, что расположенный на берегах Ильмень-озера Чертицкий погост имел сравнительно большие доходы от рыболовства. Были здесь также хорошие заливные луга.

Некоторые крестьяне, положенные в осминку вытного тягла, имели по три лошади и по две коровы. Но так было далеко не всегда. Известны случаи, когда дворы, тянувшие с осминки, имели меньше или больше скота.

После этих общих замечаний отметим, к каким группам крестьян принадлежали вожаки волнений и каково было их имущественное положение.

Семен Шуровской был крестьянином дер. Остров Славитинского погоста. Судя по переписной книге 1669 г., он жил вместе со своим отцом и имел двух сыновей (восьми и пяти лет). Двор числился прожиточным и положен был в тягло, несколько превышающее среднее дворовое тягло по вотчине (одна осминка). Остров, где жил Шуровской, — это трехдворная, лежащая на маленькой речушке Шапта деревенька, удаленная от Старой Руссы и захолустная.³⁹

Федул Елизарьевич Губанов был крестьянином дер. Звоз Петровского погоста. Он жил с братом и в 1669 г. не имел сыновей. Двор братьев числился «прожитком нарочитым» и был положен в две осминки тягла. Деревня Звоз насчитывала 9 дворов, лежала поблизости от Старой Руссы и была связана с городом рекой Полисть.⁴⁰

Иван Семенов был из дер. Глушица, расположенной возле Старой Руссы. В 60-е годы он пришел из Коростынского погоста. По книге 1669 г., в семье Ивана Семенова был один взрослый и один малолетний сын. Двор был положен в сравнительно большое тягло (1¹/₂ осминки), хотя числился «средним».⁴¹ Когда в начале 70-х годов Боборыкин «отказал» Глушицу от монастыря, Иван Семенов записался в Старорусский посад, а это удавалось сделать только зажиточным крестьянам.⁴²

³⁹ Архив ЛОИИ, ф. 181, кн. 52, л. 124.

⁴⁰ Там же, лл. 12 об.—13.

⁴¹ Там же, л. 15 об.

⁴² Там же, кор. 38, № 33 (челобитная старорусских крестьян на царское имя; позднее 15 июля 1673 г.).

Наиболее полные сведения мы имеем о хозяйстве крестьянина Чертицкого погоста Карпа Мартемьянова. В 1669 г. с Карпом проживали его семейный сын и зять. Кроме трех взрослых мужчин, в хозяйстве было два мальчика (15 и 12 лет). Таким образом, вместе с женщинами во дворе было около 10 человек. Двор числился прожиточным, хотя «тянул» с одной осмишки. Как мы знаем, этому тяглу в Чертицком погосте вряд ли соответствовало более $8\frac{1}{4}$ десятины в трех полях. В хозяйстве, следовательно, было не больше 1.65 десятины пахотной земли на душу мужского пола. Наделенность же скотом была очень высокой. В хозяйстве было четыре лошади, 10 голов крупного рогатого скота, шесть овец и восемь свиней.⁴³

Другие активные участники волнений, о которых удалось найти сведения, относились к разряду «прожиточных» и «прожитком нарочитых» и «тянули» с 1—3 осмишек с двора.⁴⁴ Ни одного «скудного» крестьянина, ни одного бобыля или захребетника среди вожаков волнений в Старорусском уезде мы в 1671 г. не встретили.

В 1671 г. с осмишки сходило «денежного платежа на год в оброки и во всякия мирския подати по 8 руб. 50 коп.», по $8\frac{1}{2}$ четвериков ржи и по $8\frac{1}{2}$ четвериков овса.⁴⁵ Таковы были размеры платежей двора Шуровских. В то же время с двора Губановых сходило 17 руб. и по 17 четвериков ржи и овса, а с участников восстания, «тянувших с 3 осмаков», — даже по $25\frac{1}{2}$ руб. и по $25\frac{1}{2}$ четвериков ржи и овса. Во всех случаях, когда мы можем подсчитать размеры повинностей, падавших на дворы наиболее активных участников волнений, они оказываются выше среднего размера повинностей, падавших в 1671 г. на все крестьянские дворы 11 старорусских погостов. (В среднем приходилось по 7 руб. 41 коп. и по 7.4 четвериков ржи и овса на двор).

Среди активных участников волнений были жители близких к городу или связанных с городом удобными путями поселений, были и жители захолустных деревень; были жители мелких и более крупных деревень.

Когда движение приобрело более острые формы и переросло в прямые схватки со стрельцами и монастырской администрацией, размеры поселений стали оказывать существенное влияние на характер борьбы. Наиболее активные схватки происходили в Чертицком погосте, для которого характерны многодворные деревни. Так, в дер. Вороново, где крестьяне в октябре вступили в бой со стрельцами, было 15 дворов, а в дер. Большое Учно, где происходило побоище со стрельцами и казаками в ноябре.

было 19 дворов. Крестьянин Иван Захарьев показал на допросе, что встретивший его во время октябрьских волнений крестьянин из дер. Заднее Учно Кондратий Федоров, рассказав об арестах и грабежах повгородского сотника и стрельцов, добавил при этом, что крестьяне больших деревень не даются.⁴⁶

Волнения старорусских крестьян 1671 г. еще раз подтверждают, что сельская община, уже превращенная к XVII в. в фискально-полицейский крепостнический орган, использовалась в то же время крестьянами для организации борьбы против угнетателей.⁴⁷ Мирские сходы, выбор новых старост, отправка мигром челобитчиков в Москву — все это были привычные формы стародавней общинной организации крестьян, использованные сейчас для борьбы с Иверским монастырем.

VI

Волнения старорусских крестьян 1671 г. нельзя отнести к разряду крупных выступлений феодального крестьянства. Это урядные волнения, каких было тогда — и особенно во время Крестьянской войны — много. Волнения старорусских крестьян интересны именно своей заурядностью. А сравнительно хорошая сохранность источников позволяет вскрыть некоторые типические черты, присущие и многим другим крестьянским волнениям XVII—XVIII вв.

Основной причиной волнений старорусских крестьян являлось увеличение размеров повинностей. Было бы неверно автоматически выводить степень народного возмущения из размеров феодальных повинностей. Часто бывало так, что подвергавшиеся особенно жестокой эксплуатации крестьяне оставались не втянутыми в движение, а их менее эксплуатируемые собратья вели активную борьбу. Но новое увеличение размеров повинностей, и особенно их увеличение сверх установленной по взаимному соглашению нормы, часто способствовало возбуждению недовольства феодальных крестьян.

Для психологии старорусских (и не только старорусских) крестьян характерна особенно болезненная реакция на «незаконные» поборы, даже если они невелики. Что значили $3\frac{1}{4}$ коп., которые незаконно взимались сверх установленного сбора на жалованье ратным людям, по сравнению с 8 руб. 50 коп., которые приходилось в 1671 г. платить с осмишки тягла? Но именно эти $3\frac{1}{4}$ коп. послужили поводом для первой жалобы Шуровского, отражавшей возмущение всех крестьян и приведшей затем к столь серьезным событиям.

⁴³ Там же, кор. 24, № 21 (1669 г., май—июль).

⁴⁴ Там же, кн. 52, лл. 212, 213, 215—217, 220—221 об.

⁴⁵ Там же, кор. 30, № 154 (дело по челобитью погорельца Кирила Петрова из дер. Сельда Должинского погоста; 8 апреля 1671 г.).

⁴⁶ Там же, кор. 33, № 1, сст. 8 (допрос 18 октября 1671 г.).
⁴⁷ А. Л. Шапиро. Крестьянская община в крупных вотчинах первой половины XVIII в. Уч. зап. Саратов. гос. ун-в., т. 1 (XIV), 1939, стр. 71—74.

Широкому вовлечению крестьян в борьбу способствовало то, что в их представлении движение протекало в легальных формах. Челобитная составлялась с благословения воеводы, отказ от выполнения повинностей оправдывался распоряжением того же воеводы, переданным через стрельца. Даже противодействие аресту зачинщиков движения крестьяне объясняли тем, что какой-то старорусский стрелец «им даватца не велел и велел отбиватца».⁴⁸

Конечно, далеко не всегда крестьяне XVII—XVIII вв. удерживались в рамках легальности. Но ясного представления о том, что закон направлен против них, у них не было. Надежда на законные средства коренного улучшения своего положения была присуща самым широким народным массам.

Для идеологии крестьян XVII в. было характерно возникшее гораздо раньше стремление найти себе сильного защитника и покровителя. Эта сложившаяся еще в период феодальной раздробленности и феодальных войн черта сохраняется и в феодальном централизованном государстве. Старорусские крестьяне искали защиты от насилий своего владельца у патриарха Никона, у новгородского митрополита, у старорусского воеводы и, конечно, у Алексея Михайловича.

В нашей литературе много и справедливо говорилось о наивном монархизме крестьян. Нужно говорить о наивной вере и в других представителей светской и церковной власти. На тех представителей власти, от которых они особенно страдали, крестьяне искали управу у людей починивнее, повлиятельнее и по сильнее. Такого защитника они прежде всего видели в лице царя. Но им мог быть и патриарх. Хорошо известно, что Степан Разин использовал эту потребность крестьян в сильном покровителе, когда выступал не только от имени царевича Алексея Алексеевича (умершего до восстания), но и от имени Никона.

Переход движения от челобитной и отказа выполнять повинности к насильственным действиям против стрельцов и казаков произошел после попыток арестовать зачинщиков движения. Когда власти стали хватать, вязать и уводить людей, которые думали и действовали так же, как другие крестьяне, эти последние взялись за дубье и топоры. И тут уже не помогало то, что аресты производились от царского имени и по царскому указу. Резкое возбуждение масс в результате попыток арестовать «зачинщиков» не являлось особенностью волнений старорусских крестьян. Оно было типично и для других крестьянских волнений феодально-крепостной эпохи.

Особо следует остановиться на расстановке классовых сил в волнениях старорусских крестьян. На первый взгляд она пред-

ставляется ясной и простой: на одной стороне эксплуатируемые крестьяне, на другой — их эксплуататоры: Иверский монастырь и аппарат феодального государства. Но за этой ясностью и простотой нетрудно разглядеть осложняющие обстоятельства и специфические особенности времени. Сравнительно меньше они отражаются на позициях крестьян. Внутриклассовые противоречия еще никак не проявляются в событиях 1671 г. в Старорусском уезде. А расхождения между сторонниками и противниками продолжения борьбы, которые возникают уже в первые дни составления челобитной на царское имя, никак невозможно объяснить имущественным положением участников волнений. Мы видели, что во главе движения не было скудных и бобылей, а прожиточные проявляли такую же стойкость, как «средние». Я не хочу сказать, что так было всегда в XVII в. Но во многих волнениях было так же, как в Старой Руссе.

Крестьяне были стойки в своей борьбе и солидарны друг с другом. Но ясности в понимании того, кто является их подлинным врагом и кто другом, у них не было. Надежды на власть имущих были, как мы видели, еще очень сильны.

Посадские люди Старой Руссы сочувствовали движению крестьян за возвращение 11 соседних погостов в непосредственное владение государю. Для этого у посадских людей были веские основания. Иверский монастырь был самым сильным и самым опасным феодальным противником старорусского посада. Он не только отнимал у города принадлежавшие ему угодья, но и завладел рядом соляных варниц, конкурировал с посадскими солепромышленниками, не разделяя с ними все бремя государственного тягла, не позволял своим крестьянам записываться в посад и причинял городу множество других бед.

В то же время посадские конфликтовали с крестьянами, добивались монополии на городскую торговлю и промыслы, стремились сковать крестьян ростовщической кабалой и кабальными подрядами. Бывали случаи, когда крестьяне искали защиты у монастыря, ведя борьбу с посадскими людьми. Но в 1671 г. было иначе. Надеясь избавиться от неприятного соседства Иверского монастыря, посадские люди субсидировали подачу крестьянской челобитной, обеляли крестьян в глазах царя, опровергали жалобы монастыря на крестьянскую смуту и поддерживали в крестьянах веру в победу.

Представители господствующего класса энергично действовали, стремясь парализовать сопротивление крестьян. Но если новгородский воевода подвергал челобитчиков наказанию кнутом, то старорусский воевода сам подговаривал подать челобитную. И. П. Боборыкин готов был использовать крестьян, враждуя с Иверским монастырем. Да и Никон промолчал и ничего не сообщил правительству, когда к нему прибыли посланцы от Степана Разина.

⁴⁸ Архив ЛОИИ, ф. 181, кор. 30, № 111, сст. 1 (список с распросных речей крестьянина Кондратия Федорова; 18 октября 1671 г.).

Процесс классового размежевания продвинулся от начала XVII в. к 70-м годам. Но не все представители господствующего класса готовы были забыть свои внутриклассовые противоречия, чтобы совместно действовать против мятежного крестьянства.

Следует также учитывать специфические интересы феодального государства, которые не всегда и не во всем совпадали с частными интересами самих феодалов. Когда И. П. Боборыкин защищал посадских людей и государственных крестьян от настигших Иверского монастыря, он несомненно исходил из интересов государственной казны и даже поддержку челобиття об отнятии старорусских вотчин у монастыря оправдывал интересами фиска. Это нужно учитывать, чтобы понять, почему центральное правительство, полностью поддержав Иверский монастырь в борьбе с крестьянами, долго не отстраняло Боборыкина с поста воеводы. Несмотря на все обвинения, которые ему предъявляли монастырские власти, И. П. Боборыкин еще оставался на своем посту в 1672 г. Не сразу Иверский монастырь добился и возвращения отписанных у него Боборыкиным деревень и пустошей.

В 1674 г. сменивший Боборыкина Михаил Травин переслал новгородскому воеводе П. В. Шереметеву челобитную старорушан — посадских людей, которые доказывали, что осуществившееся в тот момент отнятие у города и возврат монастырю деревень и пустошей противоречит Соборному уложению и строгим книгам. Но боярин Шереметев не захотел ссориться с иверскими властями из-за каких-то посадских людей. Отругав площадной бранью челобитчиков, он заявил, что мужики Ивана Боборыкина «с ума збили и душу его в грех ввели и погубили». Шереметев заявил, что мужикам не удастся проделать с ним то, что сделали с Боборыкиным.⁴⁹

Полная победа монастырских интересов не означала, что конфликт между феодалами и конфликты отдельных феодалов с аппаратом феодального государства не будут отражаться на последующих крестьянских волнениях. Но чем дальше, тем более спаянным и настроенным будет господствующий класс в борьбе с угнетенным крестьянством.

К. П. СЕРБИНА

БОРЬБА КРЕСТЬЯН С ЗАВОДОВЛАДЕЛЬЦАМИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

В работах, посвященных антифеодальным выступлениям крестьян в XVII в., недостаточно внимания уделяется борьбе крестьян с владельцами возникавших в это время заводов. То же немногочисленные авторы, которые касаются борьбы крестьян с заводчиками, видят в этой борьбе только такие черты, которые роднит ее с многочисленными волнениями приписных крестьян XVIII в.¹ Однако появление заводов не могло не приводить к нарушению экономической жизни тех районов, где эти заводы возникли; не оказывать своего влияния на развитие здесь крестьянской промышленности и, в частности, крестьянской железодобывающей промышленности.

Во второй половине XVII в. в России начали возникать казенные и частные железодобывающие заводы. Возникали они в старинных центрах крестьянской железодобывающей и железообрабатывающей промышленности: сначала в центре России — в Тульско-Каширском районе, а позднее на северо-западе ее — в Заонежье.

Строительство заводов в Тульско-Каширском районе началось с 1632 г., и к концу XVII в. здесь было уже 8 заводов, принадлежавших сначала Виниусу, затем Акоме и Марселиусу и, наконец, с 1690 г. — Нарышкину. Поиски же медной и железной руды в Заонежье начались правительством в 1666 г., к 80-м годам XVII в. здесь, в Кижском погосте, было уже 5 заводов, принадлежавших Бутенанту и Марселиусу.

Основной отраслью крестьянской промышленности Карелии в XVII в. была железодобывающая промышленность, связанная

¹ В. В. Кафенгауз. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв., ч. I. М., 1949, стр. 30; А. П. Гуданская. Волнения приписных крестьян Вышнегородской волости во второй половине XVII в. Истор. архив, 1960, № 2, стр. 145—158.

⁴⁹ Там же, кор. 40, № 5, лл. 92—97.

с наличием здесь больших залежей болотных и озерных руд. К моменту возникновения здесь заводов крестьянская железоделательная промышленность достигла не только повсеместного² распространения, но и значительного развития — со специализацией отдельных районов по выделке определенных изделий, имевших большим и разнообразным ассортиментом изделий, имевших большой и устойчивый рынок сбыта от Поморья и Архангельска на севере до Макарьевской ярмарки на юге и от Новгорода Великого на западе до Соли Камской на востоке. Вывозились эти изделия и за «рубеж», в «Свейскую землю». Сохранившийся архивный материал позволяет говорить о том, что занятие железоделательным промыслом играло большую роль в хозяйстве крестьян Карелии. Так, крестьяне Кижского погоста в 1680 г. писали о том, что «им без промысла (железного, — К. С.) будет запустеть и разоритца» и «деревенские свои участки запустошить и тягла им будет платить не с чего».³ О том же писали и крестьяне Шунгского погоста, жалуясь на то, что им «сиротам без торгов и промыслов на малых своих деревенских жеребьях питатца нечим и твоих, великого государя, денежных и хлебных податей, да и монастырских оброков платить нечим».⁴ Об этом же писал и крестьянин Обжанской волости Олонецкого погоста, сидящий в 1683 г. в Олонецкой приказной избе «за мирской долг», — его хозяйство приходит в запустение потому, что «на деревенском участке хлеб и село остались не обряжено, и угольные заводы незжены, и железная руда не копана, потому что в нашей волости тем промышленяют, всякие денежные доходы тем оплачивают, а я, сирота, один до конца вечно разорился и ото всего отбыл».⁵ Приведенные данные убедительно свидетельствуют о повсеместном распространении крестьянской железоделательной промышленности в Карелии, о ее большом удельном

² В 1685 г. соловецкий архимандрит писал о том, что в Лопских погостах «промышленяют: уклад и железо всякое и полицы делают» (Карельская деревня в XVII веке, Сборник документов под ред. А. И. Андреева, Петрозаводск, 1941, № 178). Об этом же говорил в 1694 г. и «мирской посылщик» олончанин Григорий Гуттоев: «... в лопских погостах промысли и торги многие... делают сталь и железо и цренные доски... и продают в своих погостах приезжим людям безошлинно и отвозят к Архангельскому городу, и к Макарьевской ярмарке, и в Великий Новгород и в Старую Русу» (там же, № 212). Из царской грамоты 1680 г. узнаем, что крестьяне Кижского погоста «руду выкипывают мукою из болот на железо, и на уклад, и на сукладь; и на уклад и на полицы... то железо сами бьют... и то железо и уклад немногие люди везут к городу Архангельскому, а иные недостаточные маломощные люди посылают с теми людьми не по большому числу, складчиси вместе, хто кому верит» (Архив ЛОИИ, ф. 132, столбец 1680 г., май 4). Кузнечным же промыслом занимались и крестьяне Шунгского погоста (там же, столбец 1700 г., февраля 28—июля 25, и 1701 г., май 9).

³ Архив ЛОИИ, ф. 132, столбец 1680 г., май 4.

⁴ Там же, столбец 1700 г., февраля 28—июля 25, и 1701 г., май 10.

⁵ Там же, ф. 98, картон 12, № 26.

весе в крестьянском хозяйстве и о том, что этот промысел давал крестьянам деньги и позволял уплачивать денежные повинности государственные и владельческие. Возникновение же здесь железоделательных заводов сопровождалось 1) получением заводчиками привилегий на исключительную разработку залежей железной руды, 2) запрещением крестьянам добывать и плавить «на себя» руду, 3) припиской к заводам не только рудоносных земель, но и целых погостов и волостей для обеспечения заводов рабочей силой.

Введение ограничительных мероприятий в отношении мелкой крестьянской железоделательной промышленности вызвало самый решительный отпор со стороны местных мелких товаропроизводителей — крестьян, а также и скупщиков — крестьян тех же погостов.

На захват рудоносных земель иностранными заводчиками и внедрение «заводов» реагировали прежде всего крестьяне прилегающих к «заводам» погостов — Кижского, Шунгского, Толвуйского, «изстари» занимавшихся железодобывающим и железоделательным промыслом. С возникающими заводами крестьяне боролись несколькими путями. Во-первых, они оказывали пассивное, но упорное сопротивление путем невыполнения своих обязательств по поставке на «заводы» руды, угля, дров, а также и путем прямого отказа от работы, — «а из найму на работу и руды, и угля возить и дров сечь никто не идет». Во-вторых, выступали против заводчиков и активно, уничтожая заготовленные для заводов дрова и уголь, прогоняя с работы рабочих, избивая их и представителей заводской администрации. Так, крестьяне Шунгского погоста деревень Уской и Опежской «умысли воровали», на западной стороне Космоозера «спустили огонь по бором на сеченье для заводов дрова»; крестьяне того же погоста также «спустили огонь» за Типишцами на Мяляковой сельге и сожгли заготовленные для заводов дрова и уголь,⁶ причем власти Тихвинского монастыря «укрыли» тех крестьян, которые «над заводскими припасы ругались», и заводчики грозили обращением к царю с просьбой о присылке для расследования этого дела специального «сыщика».⁷ Еще более активно выступили крестьяне Кижского погоста: так, в феврале 1684 г. староста Кижского погоста Константин Попов «приезжал... воровским вымыслом на наши Олонецкие заводшники, — жаловались владельцы их, — на Усть реку многолюдством с пиццалими, и з бердыши, и с рогатицами и с кистицами, нас, иноземцев, бранили и бесчестили всякою неподобною бранью и прикащика нашего иноземца же А. Костропа рогатинами покололи, за мастеровыми работными людьми з бердыши и с копыями гонялися, и похваляютца смерт-

⁶ Там же, ф. 132, столбец 1618 г., апреля 4.

⁷ Там же, столбец 1698 г., октября 9.

ним убийством... да он же, Константин, многолюдством наемных наших павощиков, которые возят железную руду и уголь... по дорогам бьет и грабит и руду из возов мечет в воду и похвалетца смертным убийством».⁸

В 1687 г. крестьяне Верхнеозерской волости от Римбозерского «самородного болота», содержащего руду, «работников... которые были посланы... с иноземских медных и железных заводов... от того болота отбили».⁹ В том же 1687 г. крестьяне Фоймогубской волости «многолюдством пустошь Шилотую к тем заводам владеть не дают и učinили меж себя совет за договором таким: будо кто из них прикащиков на то поворосчищеную пустошь Шилоту поедет и тех побить до смерти».¹⁰ В борьбе с заводчиками принимало участие все крестьянское население, нередко возглавляемое старостами, выбравшимися всегда из среды зажиточных крестьян, которые являлись скупщиками железа у местных мелких товаропроизводителей.

Борьба крестьян с заводчиками была длительной и упорной, в нее безрезультатно вмешивались представители власти, и даже высылались воинские команды. Она явилась одной из причин передачи иностранными заводчиками в начале XVIII в. (1703 г.) своих заводов в казну.

Постройка заводов не могла не сказаться самым отрицательным образом на развитии местной крестьянской железоделательной промышленности, лишая крестьян их рудоносных земель, отрывая их от работы на себя в результате приписки к заводам всего населения погостов.¹¹ Наконец, существовало прямое запрещение крестьянского железоделательного промысла.¹²

Отмеченные обстоятельства лишали крестьянскую железоделательную промышленность Карелии возможности дальнейшего развития, в частности поростаания ее в крупную мануфактуру.

И действительно, при составлении в 1725 г. ведомости о количестве железных и медных заводов в России зарегистрирована в Карелии только одна вододействующая молотовая на р. Тавдии, принадлежавшая крестьянам Кижского погоста Ивану Антонову и Феофилу Терентьеву, которые построили ее еще в 1696 г. Единственной оставалась она до середины 30-х годов XVIII в.,

⁸ Крепостная мануфактура в России, т. II, Л., 1931, стр. 153—155.

⁹ Там же, стр. 168.

¹⁰ Там же, стр. 170.

¹¹ В 1695 г. к заводам Бутенанта и Марселюса был приписан Кижский погост с его 1197 крестьянскими и бобыльскими дворами, а позднее, в первые десятилетия XVIII в., к казенным заводам были приписаны крестьяне всех погостов Карелии в количестве 48 818 душ мужского пола.

¹² В документе, приведенном О. И. Васильевской, говорится о том, что молотовая на р. Тавдии должна прекратить свое действие, равно как и другим таковым же промышленникам запрещено для того, чтобы железные руды в Олонечком уезде, кроме казенных заводов, нигде б в роеходе не были: О. И. Васильевская. Частная металлургия Карелии в середине XVIII в. Петрозаводск, 1954, стр. 26—28.

когда стали возникать здесь заводы, но не крестьянские, а купеческие.

Изучавшая металлургическую промышленность Карелии О. И. Васильевская констатирует в XVIII в. заметное сокращение крестьянской железоделательной промышленности в районах развития заводов и рост ее в Лопских погостах, где отсутствовали заводы.¹³

Тульские и Каширские заводы возникли в районе, богатом «глибовой рудой», разработка которой началась в глубокой древности, на что указывает наличие здесь уже в XIV в. волости Рудь и Железковской слободки.¹⁴ О разработке в этом районе рудоносных земель говорят и иностранцы — путешественники XVI в. Горберштейн¹⁵ и Барберини, — а крестьяне XVII в., давая показания о дедиловских рудоносных землях в 1662 г., говорили о том, что «в том месте зачали тою руду копать тому многие годы и помятухов нет».¹⁶ О том же в 1667 г. писал в своей челобитной и Голицын: «... в прошлых де годах вотчины его, Дедиловского уезда с. Панина с селы, крестьяне его держали доменные места для железного промысла и с тех доменных мест... платили оброку на год по полуштинне с места».¹⁷ О распространности здесь плавки руды крестьянами свидетельствует и то обстоятельство, что казенные кузницы Тульской оружейной слободы в XVII в. работали на покунном у крестьян железе. Ведомость 1724 г. о количестве железных и медных заводов в России также отмечает наличие крестьянских домен и кузниц у крестьян отдельных помещиков Тульского уезда.¹⁸

С 1632 г. наиболее богатые рудой Дедиловские рудоносные земли стали основной базой для созданных Акемой железоделательных заводов.¹⁹ Указ 1653 г. не только безобразно закрепил за заводами Дедиловские рудные месторождения, но и запретил «сторонним людям» — посадским и крестьянам — копать здесь руду. Таким образом, местные ремесленники — крестьяне и посадские люди — лишились своей сырьевой базы. Неудивительно поэтому, что Голицын в 1677 г. писал о том, что оброк в казну берут с домиц его крестьян зря: их домичные места, так же как и домицы дедиловских посадских людей, запустели не менее 15 лет тому назад, потому что «в прошлых годах в тех доменных

¹³ Там же, стр. 31—33, и карты на стр. 32.

¹⁴ СГГД, т. I, № 54.

¹⁵ С. Горберштейн. Записки о московских делах. СПб., 1908, стр. 108. — См. также записки Барберини: Сми отечества, 1842, № 9, стр. 13, и № 7, стр. 36.

¹⁶ Крепостная мануфактура в России, т. I, Л., 1930, стр. 29.

¹⁷ ДАН, т. VII, № 43; Архив ЛОИИ, Акты Тульского губернского правления, № 597.

¹⁸ В. И. Каширин. Тульская оружейная слобода в XVII в. Пробл. истории докапит. общества, 1935, №№ 1—2, стр. 140.

¹⁹ Крепостная мануфактура в России, т. I, № 9.

местах железная руда вышла вся и лес всякой высечен весь и распахан и промышлять стало нечим, а которые были рвы (Де-диловские, — К. С.) и те отданы иноземцу Петру Марселису.²⁰

Для работ к Тульским и Каширским заводам была приписана в 1637—1638 гг. дворцовая Соломенская волость в Каширском уезде, включавшая по отказным книгам 1690 г. 5 сел и 34 деревни с 734 дворами и 2466 крестьянами мужского пола, а к Пороотовскому и Угодскому заводам в 1663 г. была приписана дворцовая же Вышегородская волость в Верейском уезде, в ней был 171 двор с населением в 646 человек м. п.

Следствием отобрания рудоносных земель и приписки к заводам крестьян Тульско-Каширского района было, с одной стороны, сокращение крестьянского железоделательного промысла,²¹ а с другой — борьба крестьян с заводчиками, которая выражалась в бегстве с заводов,²² в отказе возить на заводы дрова, уголь, руду, выполнять отдельные работы по ремонту заводов,²³ а также в угрозах сжечь заводы и двор заводладельца и «пепел развезть».²⁴

Начала борьбы как крестьян Вышегородской, так и Соломенской волости с заводладельцами установить нельзя, но обострение ее относится к 70-м годам XVII в. и несомненно стоит в связи с Крестьянской войной под предводительством С. Разина.²⁵

Сохранившиеся документы свидетельствуют не об отдельных случаях неповиновения крестьян заводладельцам и заводской

²⁰ Там же, № 45.

²¹ Например, отмеченное выше сокращение производства крестьянами с. Панино с деревнями.

²² Один из крестьян Соломенской волости ушел в Серпуховский посад (где, кстати, процветал «кузнечный промысел»), а другие — в Москву. Однако и там они не переставали бороться с заводладельцами, помогая своим землякам в борьбе с Марселисом; так, один из «старых бунтовщиков» Мокей Осипов, живя в Москве, в 7181 (1673) г. являлся «их крестьянскому плутовскому затейному челобитью составщиком», и он же, по словам Марселиса, «инаучает и смущает крестьян» (Крепостная мануфактура в России, т. I, № 74). Крестьяне Вышегородской волости также разбегались из волости; за 10 лет, в течение которых она была за заводами, «сошло» население 58 дворов. Большинство «сошлых» крестьян жило в Верее, Боровске, Борисове, Ярославце, а также в других городах и уездах (А. П. Гудзинская. Волнения приписных крестьян..., стр. 145—158; ДАН, № 2).

²³ В 1670 г. крестьяне Вышегородской волости отказались чинить плотину на Пороотовском и Угодском заводах и ее прорвало водой, а в 1672 г. крестьяне Соломенской волости отказались от ремонта плотины на Ведмином заводе.

²⁴ Крепостная мануфактура в России, т. I, № 58.

²⁵ Еще в 60-х годах XVII в. в Тульском уезде действовал отряд восставших под командой Василия Уса. См.: Кр. война, т. I (в нем опубликован ряд документов о действиях восставших в Тульском и Дедиловском уездах, в Соломенской волости, о разгроме в Дедиловском уезде потчики И. Голицина и, наконец, об уходе крестьян Дедиловского уезда (сел. Панина, Долгова и др.) в отряды восставших).

администрации, а позволяют говорить о серьезной, организованной, длительной и упорной борьбе крестьян обеих волостей.²⁶

Сохранившиеся документы по Вышегородской волости говорят о том, что крестьяне здесь начали борьбу с заводладельцем вскоре же после приписки волости к заводам: так, они «бунтовали и подавали многие ложные челобитные и росписи» уже в 1667—1668 гг. Наибольшей же активности и размаха борьба крестьян с Акемой достигла в годы Крестьянской войны под предводительством С. Разина — в 1670 г., когда вышегородские крестьяне с начала марта по конец июля отказывались от работы на заводах Акемы и прекратили подвоз сюда железной руды, угля, дров, в результате чего остановилось производство и Акема понес убытки в размере 754 р. 50 к. Восставшие крестьяне действовали все «сообща» и даже «учинили меж себя уговор» в том, что «буде кто из них приедет из леса в волость собою или кто станет землю под рожь пахать и тех крестьян прибить камнем». В течение 4 месяцев и 12 дней крестьяне жили в лесу, вооружившись «бердыши, рогатины и дубьем».²⁷ Кроме того, они еще в марте выбрали и послали в Москву в Приказ Большого дворца ходоков Владимира и Марка Ивановых «с товарищи» с челобитьем и сказкой, в которых писали о том, что в течение 7 лет многие крестьяне разбежались и оставшимся работать на заводах «не в силу» и остается только «брести врознь», и просили заменить их в работе на заводах крестьянами других дворцовых волостей. Приказ Большого дворца распорядился выслать в волость специальных сыщиков и стрельцов для расследования дела об «ослушниках» и наказания «пущих заводчиков», двое из них были биты кнутом и 10 человек — батогами. Остальные крестьяне были предупреждены о том, что в случае неповиновения «все будут в жестоком наказании».

Через два года, в 1672 г., крестьяне Вышегородской волости снова начали «бунтовать» и подали в Приказ Большого дворца челобитную об освобождении их от «тяжелой работы у железного дела». Новая вспышка борьбы длилась около 5 месяцев — с середины июля по конец ноября.

Теперь крестьяне действовали менее активно, чем в 1670 г. Они ограничились отправкой в Приказ Большого дворца двух челобитных от имени Ивана Степанова «с товарищи и всех крестьян» Вышегородской волости с просьбой освободить их от работы на заводах, заменив крестьянами соседних дворцовых волостей. Требование крестьян Акема, назвав «ложным» и написанным от «немногих крестьян», опротестовал. В ответ на эти

²⁶ Документы о волнениях крестьян обеих волостей опубликованы: по Вышегородской волости — А. П. Гудзинской в «Волнениях приписных крестьян...» (стр. 147—158); по Соломенской волости — в «Крепостной мануфактуре в России» (т. I).

²⁷ А. П. Гудзинская. Волнения приписных крестьян..., док. 2 и 9.

челобитные 26 ноября 1672 г. из Приказа Большого двора была послана грамота малоярославскому воеводе с указанием собрать крестьян всех деревень Вышегородской волости и сказать им, чтобы они беспрекословно работали на заводах Акемы и чтобы в Москве ложно челом не били. В случае нового неповиновения им придется уплатить 754 р. 16 алт. 4 д. Акеме за прежнее такое же «ложное челобитие и непослушание» и, кроме того, быть им всем «в жестоком наказании без пощады». На этом прекращаются сведения о борьбе крестьян Вышегородской волости с Акемой.

Для борьбы крестьян Вышегородской волости, длившейся многие годы, характерно обострение ее в годы Крестьянской войны 1670—1671 гг. Борьба выразилась как в посылке ходоков в Москву и подаче там челобитных, так и в отказе от всех работ на заводах и уходе в лес. Борьба охватила все слои крестьянского населения. Цель ее — освобождение от работы на заводах. Борьба крестьян не была успешной.

Одновременно с крестьянами Вышегородской волости «бунтовали» и крестьяне Соломенской волости. Обострение борьбы крестьян Соломенской волости с заводовладельцами относится к 1672—1673 гг., однако организаторы и руководители этой борьбы, «лучшие заводчики», — крестьяне Василий Титов Кобель из дер. Богатковой, Ларион Осипов с братом Моисеем из дер. Алексеевской и др. — называются в документах этих лет «старыми бунтовщиками». Они «бунтовали прежде сего (т. е. до 181 г., — К. С.) и били великому государю челом ложно на П. Марселлуса и Ф. Акему и за то были биты 30 человек кнутом и трое сосланы в Болхолец на вечное житье». ²⁸ Таким образом, «возмущение» крестьян имело место не только в «нынешнем 181 г.», но и ранее, еще при прежних владельцах заводов — при отце П. Марселлуса, Марселлусе Петре старшем, и его компаньоне Ф. Акеме, — вероятно, в 60-х годах, за что «ослушники» подверглись жестокому наказанию, которое, однако, не сломило их упорства.

Они снова начали борьбу в 181 г., начав с выделения ходоков и подачи ими в Москве в Посольском приказе челобитной, «бунто», — как писал в своей челобитной П. Марселлус, — от всех крестьян, за что челобитчики были биты батогами в Посольском приказе, но не унялись, и борьба с заводчиками разгорелась в 1672—1673 гг. с новой силой.

Сохранившиеся документы позволяют установить, что в числе «бунтовщиков» не было «добрых людей», т. е. зажиточных кре-

²⁸ Выступление крестьян одновременно и против П. Марселлуса старшего и Ф. Акемы могло иметь место только до 1662 г., когда заводы находились во владении их обоих; после 1662 г. часть, принадлежавшая П. Марселлусу (Тульские и Каширские заводы и Соломенская волость), была у него взята в казну и возвращена ему только в 1667 г., а часть Ф. Акемы (Поротовские и Угодские заводы и приписанная к ним Вышегородская волость) оставалась за ним до самой его смерти в 1676 г. и затем перешла к его наследникам.

стьян Соломенской волости и квалифицированных рабочих-мастеров кузнечного, молотового и угольного дела Тульских и Каширских заводов. Об этом красноречиво свидетельствует перечень дававших показания по делу о движении крестьян Соломенской волости: это окрестные дворяне, старосты погостов и станов, т. е. «добрые люди», мастера Каширского завода, как иностранцы, так и русские, крестьяне помещиков Битяговских, один из которых — капитан Дмитрий Битяговский — вел следствие по этому делу.

Неучастие зажиточной крестьянской верхушки Соломенской волости в борьбе с заводовладельцами объясняется, вероятно, тем, что они сами кузнечным промыслом не занимались, а неучастие квалифицированных рабочих — тем, что одна часть их была иноземцами, а другая хотя и русскими, но не местными жителями: они были присланы для работы на заводах из разных городов — Устюжны Железопольской, Углича, Костромы, Ростова, Твери, Галича и др. ²⁹ — и, таким образом, не были связаны с крестьянами Соломенской волости. «Бунтовщики» — это средние и бедные слои крестьян Соломенской волости, выполнявшие на заводах вспомогательные работы, не требующие квалификации.

Борьба соломенинских крестьян с заводчиками, длившаяся полгода (с начала сентября 1672 г. по конец февраля 1673 г.), была подавлена с помощью воинской команды капитана Д. Битяговского.

Итак, борьба крестьян обеих волостей, направленная на освобождение от заводских работ, была длительной и упорной, носила массовый характер; обострение ее совпадает с Крестьянской войной под предводительством С. Разина; формы ее были как легальные — подача челобитных в центральные учреждения, так и нелегальные — бегство с заводов, отказ от заводских работ, неповиновение заводской администрации, угроза сжечь заводы; успеха она не имела. Появление же заводов в Тульском крае, сопровождавшееся запрещением крестьянам пользоваться рудными землями и припиской целых волостей к заводам, оказало отрицательное действие на развитие крестьянской железоделательной промышленности. Поэтому не случайно богатые крестьяне с. Дедилова, Тарас и Иван Миляковы, основали в 20-х годах XVIII в. два «вододействующих завода» не в своем Дедиловском уезде, где было достаточно руды и где «рудное дело было за обычай», а в Краснослободском уезде (Пензенский край), арендуя для своих заводов церковную землю. ³⁰

Приведенный материал о борьбе крестьян Тульско-Каширского района и Заонежья позволяет сделать некоторые выводы. При-

²⁹ А. П. Гудзипская. Волнения приписных крестьян..., док. 58.

³⁰ И. Кириллов. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1831, стр. 182.

чины, формы и цель борьбы крестьян обоих районов и ее результаты были одинаковы, однако борьба крестьян в центре государства и на северо-западной окраине его носила различный характер: так, в Заонежье она не ограничилась выступлением крестьян одной только волости, а охватила население всех тех погостов и волостей, в которых находились заводы, — причем борьба охватывала все слои карельской деревни, — и, наконец, носила более активный характер и была более длительной, продолжавшейся по сути дела всю вторую половину XVII в.

Указанные особенности борьбы в центре и в Заонежье, вероятно, следует связывать с различными условиями развития крестьянства в центре и на северо-западной окраине, а также с тем местом (удельным весом), которое занимал крестьянский железодельный промысел в хозяйстве крестьян Заонежья и центра.

В конечном же итоге борьба крестьян как первого, так и второго района была неудачна, а постройка здесь заводов затормозила развитие крестьянской железодельной промышленности, исключив переход ее на более высокую ступень развития — превращение в мануфактуру.

Борьба крестьян не являлась особенностью только изученных районов. Ее можно наблюдать и в других старинных центрах крестьянской железодельной промышленности — Устюжножелезопольском и Вельегонском уездах.³¹

³¹ Так, В. Лутовников, посланный в 1702 г. в Устюжножелезопольский и Вельегонский уезды для учета домниц, кузниц и для составления описания и чертежа имеющихся в этих уездах рудоносных земель, жаловался царю Петру на то, что посадские люди и крестьяне «учинились твоему, великого государя, указу ослушны» и не дали ему сказок о количестве домниц и кузниц на посаде и в уездах, а также не сказали о том, где они покупают железо и добывают руду (ЦГАДА, ф. 396, №№ 35766, 36112).

В. И. БУГАНОВ

НОВЫЙ ИСТОЧНИК О ВОЛНЕНИЯХ КРЕСТЬЯН РОСТОВСКОГО УЕЗДА В 1682 г.

Московское восстание 1682 г., нередко квалифицируемое в исторической литературе последних десятилетий как реакционный «стрелецкий бунт», направленный против преобразований Петра I, имело по стране ряд откликов.

Известия о том, что в Москве «побивают» бояр и дворян, быстро распространились по городам и селам, вызывая во многих случаях аналогичные выступления против феодально-крепостнического гнета со стороны служилых людей по прибору из провинциальных гарнизонов, а также крестьян. Выступления крестьян являлись прямыми откликами на восстание в Москве. Так, во владениях митрополита белгородского и обоянского Мисаила — селе Зайцеве с деревнями — сигналом к выступлению явились известия о «московском поведении», привезенные сыном боярским Ф. Озеровым. По словам последнего, «на Москве учинили бунт московская надворная пехота», восставшие «побили бояр». Крестьяне поднялись после этого против вотчинной администрации, вступили в «бой» с посланными для ареста «бунтовщиков» стрельцами.¹

События Московского восстания послужили толчком для выступлений крестьян против режима феодальной эксплуатации в вотчинах Симонова, Саввино-Старожевского монастырей и т. д.²

¹ См.: Л. В. Черепнин. Классовая борьба 1682 г. на юге Московского государства. Истор. зап., т. 4, 1938, стр. 53—61.

² Н. В. Устюгов. Волнения крестьян Симонова монастыря в селе Ильинском Черемонской волости Ярославского уезда в 1682—1683 гг. В сб.: Русское государство в XVII в. Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни, М., 1961, стр. 284—294; Очерки истории СССР. XVII в. М., 1955, стр. 334—335.

Московское восстание нашло отклик и в одном из владений Боголюбовского монастыря под Владимиром.³ Здесь вернувшийся из Москвы крестьянский ходатай по земельным делам И. Вусыга «с товарищи» призывает своих однопосельчан перейти к более решительным действиям против монастырских властей. Он рассказывал крестьянам о восстании в Москве, надеясь, что это явится сигналом для подобного же выступления его собратьев по классу. Однако надежды И. Вусыги не оправдались.

В такой же прямой связи с Московским восстанием 1682 г. находится, можно думать, и выступление крестьян деревни Губачево и села Михалово Ростовского уезда, о котором идет речь в публикуемом ниже документе. Это грамота, присланная ростовскому воеводе стольнику Г. Ф. Давыдову из Разрядного приказа, находившегося вместе с царями Иваном и Петром Алексеевичами, царским семейством и двором в Троице-Сергиевом монастыре осенью и в начале зимы 1682 г. Крестьяне, принадлежавшие стольнику И. И. Грекову, «во 191-м году», т. е. не ранее сентября 1682 г., «приходили к нему, собравши бунтом», и хотели его убить «до смерти». Но поскольку помещик вместе с некоторыми слугами уехал в Троице-Сергиев монастырь, где собиралось дворническое войско для борьбы с восставшими в Москве, крестьяне «рвогнали» детей И. И. Грекова и разгромили помещичий дом «без остатку». Кроме того, по словам того же И. И. Грекова, крестьяне полностью выжили у него из повиновения — «ни в чем оно не слушают».

В документе не говорится ни о причинах, ни о непосредственных поводах, побудивших крестьян к столь решительным действиям против своего владельца. Можно, пожалуй, не сомневаться в том, что их выступление было связано с событиями восстания в Москве и с отъездом помещика в Троице-Сергиев монастырь. И. И. Греков в челобитной, которая, к сожалению, не сохранилась, жаловался на действия своих крестьян и просил вмешательства властей. Разрядный приказ, как говорится в публикуемой грамоте, полностью удовлетворил просьбу феодала: в вой Ростовскому воеводе Г. Ф. Давыдову предписывается послать во владения И. И. Грекова «многих служилых людей», с тем чтобы арестовать, привести в Ростов и допросить предводителей этого выступления — С. Андреева, А. Викулина, И. Яковлева с «товарищи». Наказание им должны были назначить в соответствии с нормами Соборного уложения 1649 г., беспощадно каравшего народное выступление против властей, дворян. Можно не сомневаться, что местные власти в Ростове полностью выполнили указания представителей центрального управления.

³ См.: В. И. Вуганов, Источниковедческий анализ документов о Московском восстании 1682 г. Изв. архивоведения, 1995, № 1.

Таким образом, публикуемый источник, рассказывающий — что особенно важно отметить — о выступлении крестьян против феодала в непосредственной близости от Троице-Сергиева монастыря, где в это время была сконцентрирована дворническая армия для борьбы с восстанием, вносит новые моменты в изучение событий 1682 г.: он расширяет наши сведения о местностях, которые откликнулись на восстание в столице, лишний раз свидетельствует об антифеодалном в целом характере комплекса событий классовой борьбы этого беспокойного и бурного времени.

Грамота публикуется в соответствии с общепринятыми правилами издания исторических документов XVI—XVII вв.; ее особенностью является правка приказного редактора, сделанная иным почерком по сравнению с почерком основного текста; правка эта учтена в примечаниях. Копия грамоты не сохранилась; она датируется сентябрем—октябрем 1682 г., поскольку в ней упоминается 7191 г., начинающийся 1 сентября, и говорится о пребывании И. И. Грекова в Троице-Сергиевом монастыре. Кроме того, грамота составляет часть делопроизводства, связанного с осенними событиями восстания 1682 г.

1682 г. сентябрь — октябрь — Грамота из Разрядного приказа ростовскому воеводе стольнику Г. Ф. Давыдову с указанием о емеке и наказании восставших крестьян в Ростовском уезде

От царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержавцев в Ростов стольнику нашему и воеводе Гаврилу Фирсовичю Давыдову. Бил челом нам, великим государем, стритчей Илья Игнатьев сын Греков: в январем до во 191-м году приходили к нему, собравши бунтом, крестьяни ово деревни Губачева да села Михалова Сошка Андреев, Алешка Викулин,¹ Иостерко Яковлев с товарищи и хотели до ово убить до смерти, а² детей его рвогнали и дом ово разорили без остатку и ни в чем ово не слушают. И, будучи до он, Гаврило, и³ нашим⁴ великих государей троичком⁵ походе в Троицком⁶ с людьми своими,⁷ помирует⁸ голодную смертью. И нам, ве-

¹ Слово ни переделан или ни.
строкой вместо зачеркнутого а
место зачеркнутого а гекере и.
² Далее зачеркнуто без нашоу.

³ Переделано на и.
⁴ Переделано над строкой
место зачеркнутого а гекере у нас.
⁵ Далее зачеркнуто Сергиево монастыре.
⁶ Переделано¹ на помирают.

ликим государем, пожаловать⁸ ево, велеть тех⁹ ево⁹ вышеописанных¹⁰ крестьян взять в Ростов и распросить, а по¹¹ роспросу¹¹ наш великих государей указ учинить по¹² Уложению.¹² И как к тебе ся наша великих государей грамота придет, и ты бы проти(в)¹³ челобитья Ильи¹⁴ Грекова¹⁴ послал¹⁵ в Ростовской уезд в те ево Ильины¹⁶ вышеописанные деревни кого пригоже, а с ним служилых многих людей и велел тех ого крестьян Сеику Андреева с товарищи взять в Ростов и роспросить, а по (рос)просу за¹⁷ их воровство¹⁷ наш великих государей указ учинить по нашему великих государей указу и по соборному Уложению.¹⁸ А что учинено будет, о том к нам, великим государем, писал,¹⁹ а отписку и²⁰ всякие иные дела²⁰ велел подать в Розряде думным нашим дьяком Василью Григорьевичю Семенову да Федору Леонтьевичю Шабло(витому).²¹

ЦГАДА, ф. 210 (Разрядный приказ), столбцы Московского стола, д. 639, лл. 332—333. Черновой подлинник.

⁸ Переделано из пожаловати; далее зачеркнуто бы (выносное б).
⁹⁻⁹ Вставлено над строкой. ¹⁰ Далее зачеркнуто ево. ¹¹⁻¹¹ Вставлено над строкой вместо зачеркнутого в тексте и. ¹²⁻¹² Вставлено над строкой. ¹³ Край столбца оборван; далее в тексте зачеркнуто вышеописанного. ¹⁴⁻¹⁴ Ошибочно Гаврила Давыдова. ¹⁵ Написано на л. 333 об. со знаком вставки. ¹⁶ Ошибочно Гаврилови. ¹⁷⁻¹⁷ Вставлено над строкой. ¹⁸ Далее на л. 333 об. зачеркнуто А что о том. В тексте на л. 333 далее зачеркнуто крестьян ево Сеику Андреева с товарищи велел из вышеописанных деревень взять в Ростов и послал по ним кого пригоже, и в Ростове в съезжей избе велел роспросить накрепко, и розыскал, а по розыску наш великих государей указ учинил по нашему великих государей указу и по Уложению безволочитно. ¹⁹ Далее зачеркнуто в Троицкой Сергиев монастырь. ²⁰⁻²⁰ Вставлено над строкой. ²¹ Конец грамоты отбывает.

Г. И. ОБРАЗЦОВ

ИЗ ИСТОРИИ ЗАКРЕПОЩЕНИЯ КРЕСТЬЯН НА СЕВЕРЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ АНТОННЕВО-СИЙСКОГО МОНАСТЫРЯ)

История закрепощения крестьян в Русском государстве принадлежит к числу проблем, которые всегда привлекали пристальное внимание исследователей. Дореволюционная историография по этому вопросу, накопив огромный фактический материал, не могла дать сколько-нибудь удовлетворительного решения проблемы закрепощения крестьянства; теории указного и безуказного происхождения крепостного права оказались несостоятельными. Советская историческая наука, вооруженная марксистско-ленинской методологией, раскрыла закономерности и создала ясную картину развития феодальных отношений и их важнейшего атрибута — крепостного права. В трудах Б. Д. Грекова, И. И. Смирнова, Л. В. Черепинна, А. А. Новосельского, А. Г. Манькова и многих других исследователей дан глубокий анализ проблем истории крестьянства России в эпоху феодализма. Интересные наблюдения по вопросам формирования крепостного права в XVI—XVII вв. проведены А. Н. Сахаровым, В. И. Корецким.

Не претендуя на широкие обобщения, настоящая статья рассматривает процесс закрепощения крестьян в конце XVI—первой половине XVII в. на примере вотчины Антониево-Сийского монастыря.

История возникновения и развития вотчины Антониево-Сийского монастыря не представляет какого-либо исключения по сравнению с другими русскими монастырями.¹

¹ Типичную картину основания монастырей и быстрого распространения их влияния на окружающее крестьянское мирры рисуют в своих исследованиях А. А. Новосельский (Феодальное землевладение. Болгарство, дворянство и церковь. В кн.: Очерки истории СССР. XVII в. М., 1955), И. У. Будовиц (Из истории монастырского землевладения в XIV—

Основанная в 1520 г. монахом Антоном на р. Сии, в глухих лесах Двинского края, скромная обитель через несколько десятков лет превращается в крупный и влиятельный монастырь, владения которого простираются почти по всему нижнему течению Северной Двины, охватывают побережье Белого моря по обе стороны от Архангельска, перебрасываются на Кольский полуостров. У монастыря появляются специальные дворы «на приезд старцев» для всевозможных торговых и деловых операций в Холмогорах, Архангельске, Вологде и даже в Москве.

Сила и влияние монастыря были направлены на то, чтобы расширить земельные богатства и втянуть в свои сети новые и новые массы крестьянского населения. Молитвы и проповеди, подкупы и подлоги, нужда и прямое насилие — все было использовано для этой цели. Далеко не последнюю роль играло и то обстоятельство, что государственная власть шла навстречу захватническим устремлениям монастыря, помогала удержать отнятые у крестьян земли. В результате уже к середине XVI в. Антониново-Сийский монастырь имел весьма обширное хозяйство, обслуживаемое десятками зависимых от него людей.

В этот период основная масса рабочей силы, занятой непосредственно в монастырском хозяйстве, состояла из наемных казаков (так обычно на Двине назывались сезонные наемные работники из крестьян или посадских людей). Казаки занимались для рубки леса и возки дров. Они возили монастырскую соль в дощаниках по Двине. Они же перевозили монастырские запасы из отдельных сел и деревень к монастырю. Казаки часто были заняты и на уборке урожая. Приходо-расходные книги Сийского монастыря содержат большое количество записей об использовании казаков на различных хозяйственных работах в монастырской вотчине, в том числе и связанных с монастырской пашней. Среди лиц, занятых на монастырских работах в эти годы, упоминаются монастырские детеныши и монастырские слуги. И казаки, и детеныши, и слуги монастырские — все эти люди, находившиеся в зависимости от монастыря, эксплуатируемые им, происходили из различных слоев населения. Все они — безусловно люди так или иначе обедневшие, не имеющие своего хозяйства, не связанные с землей. Но как бы широко ни использовался их труд в монастырском хозяйстве, особенно в первые десятилетия его существования, они не могли удовлетворить растущих запросов феодального хозяйства. Крестьяне, обладавшие не очень большим участком земли, имевшие свой хозяйственный инвентарь и рабочий скот, — вот кто мог вполне обеспечить запросы монастыря. И вот эти-то крестьяне, вместе с землями, на которых они сидели

XVI веках. Ежегодник по аграрной истории восточной Европы, 1960 г. Киев, 1962), М. Н. Тихомиров (Россия в XVI столетии. М., 1962).

и которые они обрабатывали, больше всего и интересовали монастырских старцев.

Единственным источником, дающим представление о количестве монастырских крестьян и бобылей, является Сотная грамота 1593 г.² Содержание Сотной грамоты дает возможность проследить примерную картину постепенного роста монастырской вотчины и количества людей, живущих в монастырских деревнях. Сотная грамота 1593 г. интересна тем, что она включает все предшествующие описания земельных владений Антониново-Сийского монастыря: описание, сделанное Иваном Петровичем Заболоцким в 50-е годы XVI в., описание Андреем Толстым в 1578 г. пожалованных монастырю 22 деревень Емецкого стана и описание 1587—1589 гг., проведенное Василием Звенигородским.

Сотная грамота начинает описание вотчины Антониново-Сийского монастыря с перечисления сел, деревень, починок и пожен, которые были ранее включены в книги Ивана Заболоцкого. В монастыре тогда находилось 1 село, 1 слободка, 10 починок, 11 деревень и 5 пустошей. Названия этих населенных мест и угодий встречаются в купчих, данных и других документах на земли, приобретаемые монастырем в первой половине и в середине XVI в.

По Сотной грамоте 1593 г. здесь насчитывалось 35 дворов крестьянских с населением 41 человек (мужского пола) и 35 дворов бобыльских с населением 35 человек. Нельзя, конечно, утверждать, что столько же людей было в этих деревнях и 30 лет назад, но трудно предположить также и то, что все они появились здесь за последующие годы — после переписи Ивана Заболоцкого. Более точные данные, но тоже не абсолютные, могут быть приведены для конца 70-х годов XVI в. В 1578—1579 гг. Сийский монастырь получил по пожалованной государевой грамоте 22 деревни. Деревни эти были описаны Сийскому монастырю переписчиком Андреем Толстым. Все они, со ссылкой на переписчиком Андреем Толстым, внесены в Сотную грамоту. В деревнях этих к концу 70-х годов числилось 55 дворов крестьянских с населением 60 человек. Кроме того, было указано шесть дворов бобыльских с шестью бобылями. Ясно, что за эти десять лет не могло произойти сколько-нибудь существенных изменений в населении этих деревень.

Во всяком случае к 70-м годам XVI в. во владении монастырской вотчины было уже не менее сотни монастырских крестьян и до 40 бобыльских дворов. К началу 90-х годов XVI в. в монастыре насчитывалось 116 дворов крестьянских с населением 140 человек и 63 двора бобыльских, в которых жили 63 бобыля. Таким образом, с середины XVI в. количество зависимых людей в монастырской вотчине увеличилось более чем втрое. Что при-

² Архив ЛОИИ, ф. 5, Акты Антониново-Сийского монастыря, № 633.

водило всех этих людей в монастырь и какова степень зависимости от монастыря крестьян тех деревень, которые попали в ведение монастырских властей? Безусловно, что здесь, так же как и в других феодальных хозяйствах, имели место и экономические и внеэкономические пути закабаления крестьян. Это подтверждается анализом некоторых документов, сохранившихся в монастырском архиве. Правда, документы эти очень немногочисленны и не всегда имеют прямое отношение к вопросу о путях закрепощения крестьян и формах их эксплуатации. Таковы, например, жалованные тарханские грамоты Антониево-Сийскому монастырю, предоставлявшие ему большие финансовые и судебные льготы. Эти грамоты дают известное представление о правовом положении крестьян, проживавших в монастырских деревнях.

Первую тарханскую грамоту Антониево-Сийский монастырь получил в 1545 г. В грамоте прямо указывалось, что монастырские слуги и крестьяне, «которые у них учнут жити в монастыре и монастырских слободах и в деревнях и в пожниках и во дворах на Колмогорах и в Уне и в Неноксе», освобождаются от суда местных двинских властей и подлежат исключительно суду монастырскому. Двинские власти «не судят их ни в чем: ни в душегубстве, ни разбое, ни в татьбе с поличным». Монастырские крестьяне, в соответствии с тарханной грамотой, должны были целиком подлежать суду монастырских властей: «А ведает и судит своих монастырских слуг и крестьян игумен Антоний сам во всем или кому прикажет». Местные двинские власти, вплоть до наместника, не только не могли подвергнуть монастырских крестьян наказанию, но они не могли даже определить их виновность или правоту при их причастности к тому или иному делу, подлежащему рассмотрению в суде: «А прав ли будет или виноват монастырский крестьянин и он в правде и в вине игумену Антонию з братею и его приказчику, а двинские наместники и их тиуны не вступаются ни в правого, ни в виноватого».³

Вместе с этим монастырь получал и финансовые привилегии, так как все поборы с крестьян, в том числе и в пользу государства, изымались у местных властей и передавались монастырю.

Судебные и финансовые права монастыря по отношению к монастырским крестьянам подтверждались и в более поздней тарханной грамоте от 8 декабря 1578 г. В новой тарханной грамоте говорилось: «...кто у них в монастырской вотчине на их земле учнут жити и новоприходчиков крестьян Сийского монастыря наши двинские и вологодские и всех городов наместники и дьяки и наместничьи тиуны и всякие их пошляные люди и земские судьи не судят ни в чем, ни в душегубстве, ни в татьбе, ни в разбое и приставов своих к ним не высылают и кормов и пошлин своих на них не емлют никаких».⁴

Финансовые и судебные льготы, предоставляемые тарханскими грамотами, ставили Антониево-Сийский монастырь в независимое положение по отношению к местным двинским властям и выборным земским органам. Положение это распространялось и на население монастырской вотчины, на тех слуг и крестьян, которые жили в монастырских селах, деревнях и починок. «Мировая запись» от 11 февраля 1577 г. между двинскими данными старостами, представлявшими волостных крестьян, и старцем Антониево-Сийского монастыря Филофеем явно отличает положение монастырских крестьян от крестьян черных деревень. Из «Мировой записи» видно, что мирские крестьяне жаловались в Москву на крестьян монастырских, которые отказывались выполнять всякие волостные повинности. Дело решено в пользу монастырских крестьян. Они, оказывается, и не должны нести никаких волостных повинностей. «Мировая запись» указывает, что «все государевы подати, дани и оброки за наместный доход и в ратные казаки» вносит за них «игумен с братею».⁵

Наличие у монастыря финансовых и судебных привилегий порождало у некоторых чернососных крестьян иллюзии в отношении условий жизни крестьян монастырских.

Попавшие в силу тех или иных причин в затруднительное материальное положение, не справлявшиеся с обременительными мирскими повинностями крестьяне нередко сами обращались в монастырь в поисках защиты и покровительства. Однако избавление от мирских повинностей и обязанностей вовсе не освобождало их от повинностей в пользу монастыря. Позднее, почувствовав на себе всю тяжесть эксплуатации монастыря, они уже не могли избавиться от его власти. Здесь крепостническое государство, которое обеспечивало возможность внеэкономического закабаления крестьян, шло навстречу монастырю.

Возможность внеэкономического принуждения крестьян феодальными собственниками обеспечивалась прежде всего специальными государственными актами и распоряжениями, совокупность которых и дала то, что получило определение крепостного права. Подробное и аргументированное освещение вопроса о формировании крепостного права в Русском государстве в конце XVI—начале XVII в. мы находим в исследованиях В. И. Корецкого.⁶

Но не только акты общегосударственного значения приводили к внеэкономическому принуждению крестьян. Сюда следует отнести и акты местного значения, всевозможные жалованные грамоты на земли. Имелись такие и в Антониево-Сийском монастыре. Так, в 1578 г. волостные крестьяне 22 деревень, расположенных в пределах Емецкого стана, земли которого вилотную

³ Там же, № 448.

⁴ В. И. Корецкий. 1) Из истории закрепощения крестьян в России в конце XVI—начале XVII в. История СССР, 1957, № 1; 2) К истории формирования крепостного права в России. Вопр. истории, 1964, № 6.

³ Сб. ГКЭ, т. I, № 109.

⁴ Архив ЛОИИ, ф. 5, Акты Антониево-Сийского монастыря, № 864.

примыкали к монастырской вотчине, оказались монастырскими. Это произошло потому, что специальной жалованной грамотой царя Ивана IV от 8 декабря 1578 г. указанные 22 деревни вместе со всеми землями и крестьянами, сидевшими на этих землях, были переданы Антониево-Сийскому монастырю в обмен на удаленные от монастыря участки. В грамоте говорилось: «И яз царь и великий князь Иван Васильевич пожаловал есмь игумена Питирима з братиею, дал есмь к монастырю лесов и озерок и всяких угодий на две стороны к Сии да к Хоробрице в длину на шесть верст на сторону, а на третью сторону к Емце на пятнадцать верст, а на четвертую сторону к Каргополю на 50 верст».⁷

Отвод пожалованных монастырю земель и был произведен переписчиком Андреем Толстым 18 сентября 1579 г.⁸

Отводя все эти земли в Сийский монастырь, никто, разумеется, не спрашивал мнения непосредственных владельцев — крестьян. Последним же было далеко не безразлично, быть ли просто волостными крестьянами или превратиться в крепостных монастыря. И именно поэтому мы можем наблюдать очень длительную и упорную борьбу крестьян с монастырем за землю и за свою свободу. Борьба эта продолжалась вплоть до Уложения 1649 г., когда всякая надежда на возвращение земель и на освобождение самих крестьян от власти монастыря была окончательно утеряна.⁹

Совершенно независимо от того, как попадали крестьяне в зависимость от монастыря — экономическим ли закабалением или путем внеэкономического принуждения, — они становились объектом монастырской эксплуатации. Монастырь пользовался результатами труда крестьян в виде феодальной ренты — денежной, натуральной или отработочной. В разные периоды преобладала та или иная форма ренты, и изменение их происходило «под влиянием общего экономического развития страны — под действием складывания всероссийского рынка».¹⁰ Но в отдельных хозяйствах чаще можно было встретить сочетание всех форм феодальной ренты.

В вотчине Антониево-Сийского монастыря преобладала рента денежная, хотя наряду с ней крестьяне привлекались к выполнению тех или иных монастырских повинностей, вносили определенное количество хлебных продуктов натурой.

Размер земельного участка отдельного крестьянского хозяйства в конце XVI в. редко превышал $\frac{1}{2}$ обжи, или 5 четвертей.

⁷ Архив ЛОИИ, ф. 5, Акты Антониево-Сийского монастыря, № 466.

⁸ Там же, № 189.

⁹ Содержание этой борьбы освещено в работе Н. С. Чаева и в опубликованных им документах (Н. Чаев. Из истории крестьянской борьбы за землю в вотчинах Антониево-Сийского монастыря в XVII в. Истор. архив, 1936, № 1, стр. 25—65).

¹⁰ А. А. Новосельский. Феодальное землевладение, стр. 181.

Во всяком случае в Сотной грамоте 1593 г. нет указаний на то, что у крестьян были участки выше указанного размера. Но многие крестьяне вынуждены были довольствоваться гораздо меньшим земельным участком — размером в $\frac{1}{3}$ обжи, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{6}$ и даже $\frac{1}{8}$ обжи. Все монастырские крестьяне должны были выплачивать в монастырскую казну определенное количество оброка, взимавшегося преимущественно деньгами. Величина оброка определялась размером земельного участка, находившегося у крестьянина.

Приходо-расходные книги Сийского монастыря не всегда регулярно, но с большой скрупулезностью фиксировали поступление оброчных денег в монастырскую казну. Ввиду того что монастырь, как феодальный собственник, сам вносил в государственную казну деньги за крестьян, живших в пределах монастырской вотчины, он сам определял и величину оброка с отдельных крестьянских хозяйств. С некоторых он брал меньше приходившегося на их долю взноса, с других больше. Так или иначе общую сумму взносов за своих крестьян в государеву казну монастырь вносил полностью, но, надо полагать, и сам не оставался в убытке.

Монастырь с лихвой возмещал на одних крестьянах то, что может быть, вынужден был потерять на других. Так, известно, что крестьяне Емецкого стага должны были вносить в государеву казну по 2 р. 26 а. 4 д. с малой сошки, т. е. с 3 обжей.¹¹ Крестьянину, имевшему в своем распоряжении участок в $\frac{1}{2}$ обжи, необходимо было внести не менее 15 алтын, исходя из этого расчета. Однако некоторые крестьяне платили меньше этой суммы. Например, Павлов из дер. Пермиллово на р. Ваймуге, у которого было пашни $\frac{1}{2}$ обжи худой земли, вносил в монастырскую казну по 4 гривны в течение ряда лет. То же можно сказать и о некоторых других крестьянах, имевших тяглые участки в 1 обжу: «взято оброку с Волковской деревни за 90-й год у Лазаря 8 гривен»,¹² «взял у Пукшенского крестьянина 8 гривен оброчных денег за 91-й год».¹³ Но, с другой стороны, крестьянин дер. Конытовской Ракульской волости Григорий Афанасьев, живущий на участке в $\frac{1}{4}$ обжи, вместо падающей на него доли примерно в 47 денег выплачивал ежегодно по рублю. Крестьяне дер. Дементьевской Койдокурской волости Кондратий Сысоев и Степан Хромцов вносили в монастырь с участка пахотной земли размером в 1 обжу 3 р. 6 а., что также превышало сумму дажных и оброчных денег, взимавшихся с них в государеву казну. Если в 70-е и 80-е годы XVI в. такое положение не было еще распространенным явлением в монастырской вотчине, то с середины 90-х годов оно становится правилом. При этом характерно, что денеж-

¹¹ Истор. архив, 1936, № 1, стр. 40.

¹² Архив ЛОИИ, ф. 5, Приходо-расходная книга Антониево-Сийского монастыря, № 1, л. 126.

¹³ Там же, л. 133.

ные сборы с монастырских крестьян раньше не отличались от суммы сборов с черносошных крестьян. Сами же крестьяне сообщают, что на первых порах после того, как в 1578 г. они были записаны за Спийским монастырем, они платили даней и оброков по 2 р. 26 а. 4 д. с малой сошки, т. е. столько же, сколько они платили до этого в государственную казну.

К концу 90-х годов XVI в. положение резко меняется. Надо полагать, что монастырские власти максимально использовали те реальные выгоды, которые им давала правительственная политика по крестьянскому вопросу в конце XVI в. И установление «заповедных лет», и общая перепись 80—90-х годов, имевшая целью «запись крестьян в писцовые книги по тем землям, где их застали „заповедные годы“»,¹⁴ и указ 1597 г. об установлении урочных лет для сыска беглых крестьян — все это давало феодальным собственникам возможность для нового нажима на крестьянские массы, для усиления их эксплуатации.

Изменение в своем положении почувствовали и сами крестьяне. Об этом говорят их челобитные царю с жалобами на монастырские власти, прежде всего на игумена Иону, с именем которого крестьяне и связывали ухудшение своего положения. Игумен Иона, вступивший в управление монастырем в 1597 г., сразу же дал понять крестьянам, что они не вольны распоряжаться ни своей собственной судьбой, ни своими земельными участками. По распоряжению игумена Ионы крестьяне лишлись права самовольно продавать или закладывать свои земли, которыми они свободно пользовались в прошлые годы.¹⁵ Одновременно он усиливает и эксплуатацию крестьян. Оброки с крестьян повышаются «вдвое и втрое». Если раньше с малой сошки крестьяне выплачивали 2 р. 26 а. 4 д., то теперь с них стали брать по 6 р. 26 а. 4 д. и по 7 р. Весь излишек, получавшийся в результате двойного и даже тройного увеличения поборов по произволу игумена Ионы, шел в монастырскую казну. Но и в этом не ограничился Иона. Увеличившаяся собственная монастырская пашня уже не могла быть обработана только монастырскими детенышами и наемной рабочей силой. К ее обработке начинают привлекаться монастырские крестьяне. Работа на пашне и покосах превращается в постоянную повинность монастырских крестьян, в барщину. «Сверх денег и оброку на монастырские труды имали на всякое лето с сошки по 3 человека», — сообщают крестьяне.¹⁶ Помимо этих трех человек с сошки, выделенных из среды крестьян для работы в монастырском хозяйстве в течение всего лета,

все крестьяне привлекались для выполнения монастырского «зделяя»: землю пахать и сено косить.

Интересно отметить, что появление в монастырском хозяйстве отработочной ренты, барщины, относится именно к концу XVI в. и служит свидетельством усиления закрепощения крестьян. Это обстоятельство уже неоднократно подчеркивалось в исторической литературе.¹⁷

Одновременно с барщиной крестьяне несли еще и натуральные повинности. Они должны были отдавать монастырю одну треть собранного на своих участках хлеба.

Об одновременном существовании в Антониево-Спийском монастыре всех трех форм феодальной ренты свидетельствует игумен Иона. В 1607 г. он обращается к царю Василию Шуйскому с жалобой на крестьян, отказавшихся подчиниться монастырским властям. Он пишет, что монастырские крестьяне «дани и оброку и третьего хлеба им в монастырь не платят... монастырского зделяя не делают и ни в чем его игумена з братаю не слушают (разрядка моя, — Г. О.)».¹⁸

Правительство не замедлило откликнуться на жалобы монастырских властей. Оно не только общей направленностью своей политики по отношению к крестьянству шло по линии его закрепощения, но и в каждом конкретном случае помогало феодалам укрепить свою власть над крестьянами. Ответная грамота из Москвы, пришедшая в монастырь в декабре 1607 г., предписывала крестьянам «жить на старых своих участках», «деревни не пустошить и государевы оброки и всякие подати в монастырь давати, и монастырское зделяе делать, как было при прежних игуменах».¹⁹

Крестьяне предпринимали и позднее неоднократные попытки освободиться от монастыря, писали в Москву челобитные на «насилства» монастырских старцев, отказывались выполнять всевозможные монастырские повинности, вступали в открытые столкновения с монахами.²⁰

Классовая борьба в вотчине Антониево-Спийского монастыря достигла наибольшей остроты в 1611 г. Волнения крестьян продолжались вплоть до 1613 г. Дело дошло до того, что крестьяне «двух старцев убили до смерти и служек побивали и монастырскую казну грабили и с пашен монастырский хлеб и сено свозили сильно».²¹ Выступление монастырских крестьян было подавлено вооруженной силой. По просьбе монастырских властей сюда прибыли 100 стрельцов из Архангельска, которые многих

¹⁷ См.: А. Н. Сахаров. Антикрепостнические тенденции в русской деревне XVII в. *Вопр. истории*, 1964, № 3, стр. 70.

¹⁸ Архив ЛОИИ, ф. 5, Акты Антониево-Спийского монастыря, картон 7, № 8.

¹⁹ Там же.

²⁰ Более подробно этот вопрос рассматривается в упомянувшейся работе Н. С. Чаева.

²¹ *Истор. архив*, 1936, № 1, стр. 60.

¹⁴ А. Г. Майков. Усиление феодальной эксплуатации в конце XVI в. В кн.: *Очерки истории СССР. Конец XV в.—начало XVII в.* М., 1955, стр. 466.

¹⁵ *Истор. архив*, 1936, № 1, стр. 45.

¹⁶ Там же, стр. 41.

крестьян «перенмав сковали в железа, свезли к Архангельскому городу и переметали в тюрьму».²²

Таким образом, монастырским властям при прямой помощи государства удалось расправиться с восставшими крестьянами и еще больше усилить их эксплуатацию. Размер взимаемого с крестьян денежного оброка увеличивается до 7 р. с малой сошки. Более строго регламентируется работа крестьян на монастырской пашне. Крестьяне должны были выполнять все распоряжения приказчиков. Приказчики, управлявшие монастырским хозяйством, нередко злоупотребляли своей властью и еще больше увеличивали поборы с крестьян.

На подобные действия одного из приказчиков жалуются игумену монастыря Никитка Григорьев, Вахрушко Петров и другие крестьяне Кривецкой волости: «... возили, государь, мы крестьяне с Кривого ваш монастырский хлеб к вам в Сийский монастырь. А ваших монастырских ходили 2 подводы. А ныне пошли 3 подводы. А приказчик Феодосей на нас на крестьянах хочет допривити за те подводы по гривне. А у нас, государь, оприч тех хлебных подвод ваших же монастырских людей возили в оба конца [в] Колмогоры и в монастырь и тех подвод накопилось с тридцать». Справедливость жалобы крестьян была настолько очевидной, что вскоре последовало и удовлетворение их просьбы. На обороне челобитной читаем: «лета 125 генваря 15, коларю Феодосию за подводы за монастырские на крестьянах денег не имати».²³

Помета на обороте крестьянской челобитной освобождает их от дополнительных расходов по оплате монастырских подвод, возникших с Кривого в Сийский монастырь хлеб. Но содержание самой челобитной говорит о том, что барщинные повинности крестьян включали еще и дополнительную обязанность — возить на крестьянских же лошадях монастырский хлеб и другие запасы, перевозить монастырских слуг и т. д.

Многочисленные повинности крестьян в пользу монастыря, а также государственные налоги, лежавшие на них, доводили крестьян до разорения. Положение крестьян в монастырской вотчине в первые годы царствования Михаила Федоровича было таково, что многие из них «пометав дворы свои безвестно разбрелись».²⁴

Однако в целом количество зависимого от монастыря крестьянского населения в XVII в. продолжало возрастать. Сравнение сотных грамот 1593²⁵ и 1627 гг.²⁶ дает возможность установить насколько выросло население монастырской вотчины за эти годы.

²² Архив ЛОИИ, ф. 5, Акты Антониново-Сийского монастыря, картон 10, № 125.

²³ Там же, картон 9, № 114.

²⁴ Там же, картон 7, № 29.

²⁵ Там же, № 633 (Сотная грамота 1593 г., октября 30).

²⁶ Сб. ГКО, т. I, № 533 (Сотная грамота 1627 г., февраля 28).

По Сотной грамоте 1593 г. в Сийском монастыре было 116 крестьянских и 63 бобыльских двора. За этими дворами было записано 140 крестьян и 63 бобыля. К 20-м годам XVII в. (по Сотной грамоте 1627 г.) количество крестьянских дворов выросло до 160, а бобыльских — до 84. Соответствующим образом увеличилось и количество людей в этих дворах. Сотная грамота 1627 г. насчитывает 227 крестьян и 85 бобылей. Таким образом, за истекшие между двумя переписями 30—35 лет произошло увеличение крепостного населения в монастыре более чем на 100 человек.²⁷

Увеличение количества зависимого от монастыря населения в XVII в., так же как и во второй половине XVI в., шло по двум направлениям. Основным источником было внешнеэкономическое принуждение: интенсифицированная захватническая политика Антониново-Сийского монастыря в Поморских уездах и помощь государственной власти. Наряду с этим немало крестьян оказывалось в пределах монастырской вотчины и теряло свою независимость в силу нужды и разорения.

Путем внешнеэкономического принуждения попали в Сийский монастырь в первой четверти XVII в. крестьяне, проживавшие на землях Покровского и Кривецкого монастырей. Монастыри эти в 1616—1618 гг. были присоединены к Антониново-Сийскому монастырю, к нему же в управление перешли и находившиеся здесь деревни с проживающими в них крестьянами. Население монастырской вотчины сразу же увеличилось на 62 человека.²⁸

В 1623 г. грамотой царя Михаила Федоровича к Сийскому монастырю было отведено несколько деревень Погосской волости Емецкого стана взамен такого же количества земельных участков в отдельных местах Двинского уезда. В отведенных деревнях находилось 8 крестьянских дворов.²⁹ Крестьяне этих деревень становятся крепостными Антониново-Сийского монастыря.

Многие крестьяне становились крепостными Антониново-Сийского монастыря в силу прямого захвата их земельных участков

²⁷ Разумеется, данные сотных грамот — как в отношении земельных владений, так и в отношении населения монастырской вотчины — не могут быть абсолютно точными. Оговорки в отношении точности данных, приводимых в писцовых и переписных книгах, в сотных грамотах, указаны в литературе по этому вопросу: С. Веселовский. Сошное письмо, т. I, М., 1915; А. Ланцо-Даниловский. Организация прямого обложения. СПб., 1890; Ю. Готье. Замосковский край в XVII в., М., 1937.

²⁸ Сб. ГКО, т. I, № 533.

²⁹ История приобретения этих деревень с угодьями рисуется следующими документами: «Доклад государю из Новогородской чети по челобитью крестьян Варужской волости о дозоре и властью Сийского монастыря о том, чтобы писцы написали их сошным письмом особо от черных людей и отвели им вотчины в одном месте вблизи монастыря, взамен прикупных в разных волостях» (Акты писцового дела, т. I, изд. С. Веселовского; Выписка из писцовых книг М. Вельяминова на обеленные монастырские деревни по государственной грамоте 1623 г., — см.: Архив ЛОИИ, ф. 5, Акты Антониново-Сийского монастыря, картон 11, № 17).

монастырем. Из «Росписи», представленной сотским Погосской сотни М. Зиновьевым и земским судьей Р. Мольковым от 26 декабря 1647 г., видно, что игумен Иона захватил различными путями около 30 деревень в Емецком стане и значительное число луговых пожен.³⁰ Вместе с деревнями попадали в монастырь и жившие там крестьяне. Так, например, указывается, что игумен Иона «сильно» завладел участком села Большого у крестьян Ивана и Кузьмы Павловых. После смерти обоих крестьян их сыновья живут за Сийским монастырем. Другинка Кузьмин и Федька Иванов Павловы записаны в писцовых книгах М. Вельяминова в 1622 г. как крепостные Сийского монастыря. Точно так же завладел игумен дер. Селивановской у крестьянина Онкудишка Степанова Лазарева, после чего и деревня эта, и сам Онкудишка Степанов становятся монастырскими. Еще один участок села Большого был захвачен у крестьянина Гаврилы Панкратова. В «Росписи» сказано, что «тот Гаврилко измер, а сын его Мишка живет за Сийским монастырем».

Бывали и такие случаи, когда волостной крестьянин, продавший свой земельный участок в монастырь, оставался жить на этом участке, но уже в качестве монастырского крепостного. В Сотной грамоте 1627 г. в дер. Микулинской записан крестьянин Савка Ширков. По сообщениям волостных крестьян, земельный участок Савки Ширкова перешел в Сийский монастырь по купчей его отца. В отдельных случаях в состав монастырских крепостных могли попадать и порядчики, поряжавшиеся на тот или иной участок монастырской земли на определенное количество лет с условием полной его обработки за эти годы. Так, например, в 1617 г. Клементий Иванов Корелянин пишет порядную запись игумену Сийского монастыря Ионе в том, что он берет «в вотчине монастырской на Исакове Горе пустошь на Кулябке на распаш (на льготу) на пять лет»³¹ и обязуется за эти пять лет не только распахать пустошь, но и застроить ее. Когда, казалось бы, срок порядка уже истек, Клишко Иванов Корелянин заносится в писцовые книги на том же самом участке дер. Исаковы Горы, где он порядился пять лет тому назад.

Привлекая все новые массы крестьян, монастырские власти стремились крепче связать их с монастырем, предотвратить возможные случаи ухода крестьян из пределов монастырской вотчины, заставить их беспрекословно выполнять все монастырские повинности. Об этом говорит применявшаяся властями Антониево-Сийского монастыря практика взимания с некоторых крестьян поручных записей, своеобразных крепостных документов. Впервые такие записи-поручительства появляются в Антониево-Сийском монастыре в 1613 г. Они были взяты у крестьян Емец-

кого стана, которые пытались освободиться от власти Сийского монастыря. (Крестьяне сообщают, что монастырские старцы «вымучили» у них «кабалы»). От 1613 г. сохранилось 33 документа. В них подробно перечисляются все обязательства крестьян по отношению к монастырю. В случае невыполнения указанных обязательств и любых других распоряжений монастырских властей к ответственности привлекаются не только сами нарушители, но и те, кто поставил свои подписи под этими документами-обязательствами в качестве поручителей. К подобного рода обязательствам было привлечено 60 крестьян Емецкого стана.³²

Поручные записи как средство удержания за монастырем крестьян встречаются и позднее. Так, в 1629 г. путем поручных записей за монастырем закрепляется 10 бобылей.³³ В 1630 г. с помощью поручной записи за Сийским монастырем закрепляется крестьянин дер. Кащеева Гора Осип Семенов: «Жити ему Осипу за нашу порукою в монастырской же вотчине бобылем, где игумен з братею прикажут... и в монастырскую казну оброчек платити и всякое монастырское зделье делати по игуменову приказу и вон из монастырской вотчины не убегаи и игумена Иону з братею ни в чем не ослушаться и монастырских приказчиков».³⁴

Закрепощение крестьянских масс и усиление их эксплуатации сопровождалось резким ухудшением материального положения крестьянства во второй четверти XVII в. Нагляднее всего об этом говорит факт роста задолженности крестьян монастырю. В 30—40-х годах XVII в. Антониево-Сийский монастырь был своеобразным кредитным учреждением районов Поморья. Крестьяне черных деревень, монастырские крестьяне, посадские люди северных городов постоянно обращались в монастырь за деньгами или за хлебом. Монастырь не препятствовал таким обращениям. Деньги давались в рост или под условия работы, а задолженность населения использовалась как один из поводов для закабаления крестьян или средство усиления их зависимости от монастыря. За первую половину XVII в., с 1600 по 1650 г., в монастырской казне было зафиксировано 426 заемных кабал. Наибольшее число их падает на 30—40-е годы XVII в. Если за период с 1600 по 1630 г. имеется 74 заемные кабалы, то с 1630 по 1650 г. их уже 350. Среди многочисленных должников Сийского монастыря не менее половины было монастырскими крестьянами. Большинство этих крестьян жило в более или менее удаленных от монастыря районах Уемской волости, в Сюзьме, в Неноксе, в Койдокурье и других местах. Денежные суммы займа не превышали 3—4 рублей, но обычно колебались

³² Там же, картон 44.

³³ Там же, картон 12, № 98.

³⁴ Там же, картон 14, № 9.

³⁰ Там же, картон 44.

³¹ Там же, картон 9, № 120.

в пределах 1—2 рублей. Часто повторяющиеся суммы займа в 1 р. 16 а. 4 д., в 26 а. 4 д., в 2 р. 16 а. 4 д. и совпадение сроков займа указанных сумм у различных крестьян дают возможность предполагать, что это были обычные оброчные деньги в монастырскую казну, но не выплаченные к нужному сроку. Засменная кабала служила своего рода гарантией, что данный крестьянин выплатит эту сумму в более поздний срок. Нередки были и такие случаи, когда крестьянин брал в монастыре для своих нужд лошадь, обязываясь выплатить деньги за ее использование позднее, почему и писал на себя заемную кабалу. Так, крестьянин с уемской мельницы Василий Филиппов занимает у монастыря 13 апреля 1643 г. 2 р. 15 а. 4 д. до сентября 1643 г. «А за те деньги, — говорилось в заемной кабале, — взял он, Василий, кабалу в Сийской деревне». Крестьяне Кой-докурской волости Иван Пацфилов и Яков Павлов также берут в монастыре лошадей — с обязательством уплатить деньги в монастырскую казну осенью.³⁵

В 30—40-е годы XVII в., наряду с общим увеличением количества заемных кабал в монастыре, увеличивается количество хлебных займов. Хлебные займы в монастыре делаются преимущественно в апреле—мае. Крестьяне чаще всего занимают в монастыре семенную рожь или пшеницу, чтобы засеять свои участки. Взятое зерно отдается с новым урожаем. Иногда крестьяне расплачиваются и деньгами по рыночной цене хлеба за меру, что предварительно также оговаривалось в заемной кабале. Хлебные займы еще теснее связывали крестьян с монастырем, давали монастырю новые возможности для усиления их эксплуатации. В 40-е годы XVII в. монастырь начинает практиковать отдачу зерна в долг при условии выплаты половинной доли всего урожая, полученного с этого зерна. Так, например, крестьяне с уемской мельницы Парфен Федоров и Омелян Севастьянов, взявшие 15 мая 1644 г. по 4 меры семенного жита, обязались вернуть монастырю половину будущего урожая.³⁶

И Парфен Федоров и Семен Омелянов, вынужденные брать жито на таких кабальных условиях, — не случайные должники Сийского монастыря. Оба они уже давно опутаны монастырскими долгами. И тот и другой начинают занимать в Сийском монастыре деньги еще с 1634 г. Оба они до 1644 г. успели обратиться в монастырскую казну за ссудой 8—9 раз. Омелян Севастьянов в 1636 г. пользовался еще и монастырской лошастью. Ясно, что после всего этого монастырю ничего не стоило предложить данным крестьянам семенное жито на условиях выплаты в монастырь половинной доли урожая. В таком же положении находятся и многие другие крестьяне Антониево-Сийского мона-

стыря. Тяжелая пужда и разорение приводили массы крестьян к монастырским приказчикам за деньгами и за хлебом. Долговая кабала усиливала их зависимость по отношению к монастырю и служила существенным подспорьем к внеэкономическим формам принуждения.

Рост задолженности крестьян монастырю в 40-е годы XVII в. стоит в прямой связи с усилением феодальной эксплуатации, с ростом денежных и натуральных повинностей крестьян в пользу монастыря. Крестьяне Сийского монастыря в своей челобитной царю Алексею Михайловичу писали, что «со 155 году игумен з братею учели с них имати насильством с сошки по 17 рублей, да сверх того монастырского паделья, бревна и тес и монастырские товары ставить безденежно».³⁷

Таким образом, используя различные средства, Антониево-Сийский монастырь в течение нескольких десятилетий становится крупным феодальным собственником, на землях которого трудятся сотни зависимых от него людей.

Положение Сийского монастыря, как и всех других феодальных землевладельцев в середине XVII в., становится еще более прочным и влиятельным в связи с тем, что в 1649 г. было принято Соборное уложение, явившееся крупнейшим законодательным актом, направленным на окончательное закрепощение крестьян.³⁸

³⁵ Истор. архив, 1936, № 1, стр. 52.

³⁸ Вопросы о влиянии Уложения 1649 г. на положение крестьян в монастырской вотчине посвящена статья: Г. Н. Образцов. Уложения 1649 г. и крестьяне вотчины Антониево-Сийского монастыря. Истор. зап., т. 63, 1958, стр. 269—282.

³⁵ Там же, картон 17, №№ 151, 152, 155.

³⁶ Там же, картон 17, № 216.

Е. Н. КУШЕВА

ЭПИЗОД КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ СОЛДАТ, КРЕСТЬЯН И ХОЛОПОВ НА РУБЕЖЕ XVII—XVIII вв.

Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. привлекают особое внимание советских историков, им посвящаются многочисленные труды и публикации. Но и отдельные выписки, и та повседневная борьба, которая велась в различных формах в промежутки между открытыми выступлениями народных масс, являются темой исследований и справедливо рассматриваются как необходимое звено в углубленном изучении ряда вопросов классовой борьбы на Руси в период феодализма.¹ Настоящая заметка имеет целью привлечь внимание исследователей к материалам, которые до сих пор не использовались для освещения названной темы, — к архивному фонду так называемого Генерального двора, учреждения конца XVII—первых десятилетий XVIII в., делопроизводство которого сохранилось в ЦГАДА в Москве в составе обширного фонда Поместного приказа.²

Начиная с последних лет XVII в. правительство Петра I проводит ряд мероприятий по реорганизации армии и по подготовке ее к войне с Швецией. В 1699 г. на Генеральном дворе в с. Преображенском под Москвою была создана комиссия боярина Ф. А. Головина для набора в полки даточных из вла-

¹ А. А. Зимин, А. А. Преображенский. Изучению в советской исторической науке классовой борьбы периода феодализма в России (до начала XIX в.). *Вопр. истории*, 1957, № 12; И. И. Смирнов, А. Г. Маньков, Е. П. Подъяпольская, В. В. Мавродин. *Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв.* М.—Л., 1966.

² А. А. Востоков. О делах Генерального двора. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции, кн. 5, М., 1888; Центральный государственный архив древних актов. Путеводитель, т. II, М., 1947, стр. 14; Е. Н. Кушева. Скаски Генерального двора как источник по истории городов Поволжья на рубеже XVII—XVIII вв. В сб.: *Города феодальной России*, М., 1966, стр. 417 и сл.

дельческих крестьян, а также для вербовки солдат из вольницы.³ Результаты деятельности комиссии вполне оправдали расчет на набор в полки «вольных людей»: из 22 500 человек, записанных комиссией Головина в солдаты в 1700—1702 гг., более половины составляла вольница.⁴ Однако набор «вольных людей» вызвал и ряд осложнений, которых правительство не предусмотрело и которые были следствием общих социальных условий — оформления крепостного права и усиления крепостного гнета.

Основная часть записавшихся в солдаты из вольницы — более 10 000 — была завербована в «низовых городах» (к югу, юго-востоку и юго-западу от Нижнего Новгорода), куда в ноябре 1699 г. был послан подполковник Преображенского полка кн. Н. И. Репнин с 10 стольниками. Данные Репнину наказ и статьи предписывали «с панин тяглых крестьян отнюдь не имать», но не запрещали записки в солдаты дворовых, которые ушли от помещиков «не бегом и ничего не покравши».⁵ Точное выполнение этих предписаний в районе вербовки оказалось для Репнина невозможным: именно в «низовые» места и особенно на Волгу шел все усиливавшийся в течение второй половины XVII в. поток беглых крестьян и холопов, который не могли приостановить суровые запретительные меры. Возможность записаться в солдаты, получить жалованье, легализовать положение «вольного человека», обеспечить свободу семьям (жены и несовершеннолетние дети записавшихся в солдаты становились свободными) привлекала беглых крестьян, которые при вербовке называли себя дворовыми или нетяглыми крестьянскими сыновьями. Уже в первые месяцы набора к Репнину и к посланным с ним стольникам стали поступать десятки челобитий помещиков о возвращении записавшихся в солдаты беглых крестьян; просили и о возвращении холопов, ссылаясь на учиненные ими покражи, — в ответ нередко давались разъяснения, опровергавшие кражу. С другой стороны, солдаты подавали челобитные на помещиков, не отпускавших на свободу их жен.⁶ Прямолнейное решение вопроса осложнилось для правительства в тех случаях, когда солдаты, указанные помещиками как беглые, уже получали солдатское жалованье и прошли известный срок обучения. Строгие предписания отдавать беглых крестьян, после наказания кнутом, их помещикам повторялись: однако «статьи» Н. И. Репнину, посланные с Генерального двора 5 июля 1700 г.,

³ ПСЗ, т. IV, № 1820.

⁴ *Очерки истории СССР. Россия в первой четверти XVIII в.* М., 1954, стр. 347.

⁵ А. А. Востоков. О делах Генерального двора, стр. 11, 13, 27—41; ЦГАДА, ф. 1200 (Поместного приказа), столбцы Вotchинной записки, № 18070, ч. 1, л. 108.

⁶ ЦГАДА, ф. 1200, столбцы Вotchинной записки (особенно много челобитных в столбцах 18661, 18667).

шли на компромисс, запрещая выдачу «на старые жеребьи» крестьян подмосковных и монастырских вотчин.⁷

Положение в районах массовой вербовки вольницы становилось напряженным и вызывало конфликты. Один из них возник в середине 1700 г. в г. Курмыше.

В числе посланных с Репниным стольников был Кирилл Папкратьев сын Пуцци, которому был поручен набор солдат в Курмыше и в Ядрине.⁸ К июлю 1700 г. набранные им солдаты — около 400 человек — были сосредоточены в Курмыше, размещены там по «постоялым дворам», т. е. по дворам жителей, получили оружие — фузеи — и проходили учение солдатскому строю под начальством сержанта Ивана Захарова; часть из них получила и жалованье.

Однако солдаты, среди которых были беглые, не могли быть спокойны за свое будущее: челобитные от помещиков поступали к Пуццину, и он удовлетворял их. 8 июля еще двое солдат были взяты Пуцциным для выдачи помещикам. Это и послужило толчком к «возмущению» солдат. Пуцци, видимо, растерялся. 15 июля он послал два частных письма — одно Ф. А. Головину, другое кн. Н. И. Репнину. Называя себя «неотступным рабом до умертвия живота» и «вскормленщиком» адресатов, Пуцци писал о «возмущении в Курмыше новоприборных солдат» и в униженной форме умолял оборонить его «от тех воров и возмутителей», чтобы ему «от них убиту не быть». 26 июля на Генеральный двор были поданы отписка Пуццина и две отписки курмышского воеводы Мишки Коровина с изложением событий и приложением ряда документов. 31 июля Пуцци сам подал в Москве еще одну отписку, дополняя прежние сообщения. 2 августа на Генеральном дворе состоялся именной указ — Кириле Пуццину с солдатами быть к Москве «без мотчанья», вести солдат «с великим

⁷ Там же, столбец 18670, ч. 1, л. 108.

⁸ К. П. Пуцци, из тульских дворян, начал службу еще в середине XVII в. — первое известие о нем относится к 1655 г. При царе Алексее Михайловиче он выполнял ряд военных и дипломатических поручений, в 1678 г. был пожалован в стольники, в 70—80-е годы занимал ответственные посты воеводой в Царицыне и в Самаре и товарища воеводой в Астрахани, бывал и при дворе. Следовательно, к концу XVII в. К. П. Пуцци был уже пожилым человеком. Документы вотчинного архива Пуцциных отражают его постоянные заботы о приумножении земельных владений и числа крепостных, о сыске беглых. Брат К. П. Пуццина, Василий, участвовал в подавлении движения в Поволжье в годы Крестьянской войны под предводительством Степана Разина; сын, Кирилл Кириллович, известный Петру I, в 1703 г. находился в плену в Швеции. — См.: Русский биографический словарь, т. Пятнадцатый—Рейс. СПб., 1910; Е. Щолкина. Тульский уезд в XVII в. М., 1892 (по указателю); В. Д. Корсакова. Опись документов, относящихся до рода Пуцциных. Опись дел Рязанского исторического архива, вып. II, Рязань, 1889; ЦГАДА, ф. 1209, № 18671, лл. 23, 139; В. В. Руммель и В. В. Голубцов. Родословный сборник, т. II. СПб., 1886, стр. 316—317; Кр. война, т. II, ч. 1 и 2 (по указателю).

опасением», а «заводчиков» — «за крепким караулом». В сентябре начался на Генеральном дворе розыск по этому делу. К нему были привлечены 23 солдата, десять из них пытаны, все признаны виновными. Допросы, очные ставки, розыск под пыткой были проведены в течение сентября, приговор вынесен 26 сентября.

О том, насколько серьезно были приняты на Генеральном дворе уже первые сообщения о событиях на Курмыше, свидетельствует указ от 2 августа, предписывавший «в низовые города к стольникам, которые посланы для прибору солдат, послать его великого государя грамоты, с сего числа в солдаты прибирать и записывать не велеть, опричь того, которых довелось принять на убылые места, и к генералу ко князю Никите Ивановичу Репнину послать память».

Сохранившиеся материалы дела позволяют восстановить ход событий с достаточной полнотой.⁹

Собранные в Курмыше новоприборные солдаты волновались еще до открытого выступления. По «рописи», писанной позже в застенке солдатом Федькой Самыгиным, до 8 июля Пуцци rozdal помещикам 21 человека из солдат «жалованных и нежалованных» (т. е. среди них были и получившие солдатское жалованье).¹⁰ Шли толки о том, что Пуцци берет «посулы». 7 июля дворяне цивилинии Анофрей Филиппов сын Василисов и атамарец Федор Остафьев сын Аникиев подали Пуццину на съездем дворе челобитную о двух беглых крестьянах, положив на них крепости. На другой день, когда солдаты учились на городской площади «солдатскому строю», Пуцци подошел к ним и велел караульным солдатам взять и отвести на съезжий двор двух указанных помещиками солдат, назвавшихся у записки дворовыми. Кончив учение, солдаты строем подошли к съезжему двору, откуда их обычно распускали по дворам. Здесь строй смешался, поднялся шум и крики, что Пуцци «их братью из солдат отдаст помещикам». Показание одного из солдат выделяет в этой сцене роль солдата Максимки Панова, который говорил: «станем де, братцы, заодно, для того, что де он, Кирила, и всех нас отдаст, а мы де все люди боярские». Между тем Алешка Никитин, ста-

⁹ Основные документы розыскного дела сосредоточены в ЦГАДА в столбце 18666/1348 указанного фонда; столбец дефектен, листы (разметка их временная) сильно перебиты; в дальнейшем ссылки на листы дела не приводятся. Отдельные документы, относящиеся к тому же розыску, находятся в столбцах 18670/1353, ч. 1, лл. 313—316, и 18671/1355, лл. 241, 243—246. На эти три столбца, как содержащие сведения о бунте новоприборных солдат в г. Курмыше, сослался А. А. Востоков (О делах Генерального двора, стр. 29).

¹⁰ В «рописи» названы по именам и фамилиям 10 помещиков, в некоторых случаях по именам же и отчествам названы и выданные им солдаты. Одному из помещиков — Василию Михайлову сыну Мисоодову — было выдано, по данным «рописи», 10 человек (столбец 18666/1348, л. 34).

роста с Егорьевского нижегородской вотчины стольника Василия Никифорова сына Толстова в поданной около 15 июля челобитной назвал Панова крестьянином этого села.

Солдаты «приступали» с криком к съезжему двору, пытались войти, но сержанту Захару Иванову удалось запереть ворота.

В тот же день Пущин послал караульного солдата к дворянину Аникьеву, приглашая его на съезжий двор. На улице Аникьева обступили солдаты, человек с 50, взяли его «в круг», угрожали («разорвем мы де тебя») и упрекали в том, что он у Пущина солдат выкунает (т. е. намекали на взятку). С помощью караульного солдата Аникьеву удалось уйти на съезжий двор. Там он тотчас подал челобитную, выделяя как защитников солдат Ивана Мануйлова и Михаила Усачева, бывших послужильцев, т. е. холопов, дворян Змеева и Жмакина.

Пущин вышел за ворота, бранил солдат, пытался отнять у Панова фузю и бить его, велел взять на съезжий двор Панова, Мануйлова и Усачева, но солдаты не дались и разбежались по дворам.

На другой день, 9 июля, солдаты послали в Москву «с общего совета» четырех челобитчиков — Ивашку Мануйлова, Мишку Усачева, Степку Иванова и Тишку Сергеева — бить челом великому государю на Кирилла Пущина и сержанта Ивана Захарова. О письменной челобитной речи не было. Судя по показаниям, данным при допросах, челобитчики должны были жаловаться на то, что «он, Кирилла, их братью из солдат отдаст без указа великого государя прежним помещикам, и сержант де с людьми его Кириловыми без них солдат, как они бывают в ученье, жен их берут на съезжий двор и держат за караулом неведомо за что». Пущин послал в погоню солдата Степку Гурова, на которого, видимо, надеялся и который и позже выступил предателем общего дела. Гуров настиг бежавших в селе Троицком Нижегородского уезда, трое были пойманы, четвертый явился сам. Около 14 июля все четверо были посажены «за караул» курмышским воеводой Коровиным.

Между тем волнение среди солдат усиливалось: они не слушались сержанта во время учения, и тот писал в челобитной, что учить их «не смеет». Панов с товарищами ночью ездили в деревню Грязновку и в село Егорьевское, откуда он был родом, ограбили старосту Алешку Никитина и еще четырех крестьян, взяли лошадей, принасы и вещи. Староста подал об этом Пущину челобитную.

Особенно бурные события разыгрались 15 июля.

Солдаты собрались на торговой площади. Один из них, Сенька Дементьев («бывал он прежде сего на Курмыше в съезжей избе в подъячих, посадского человека сын»), встал «на полок», махал шапкой и обратился к солдатам и к бывшим на площади «миреким людям» (день был торговый). Он говорил о том, что

Пущин «отдаст их братью жалованных солдат прежним помещикам напрасно», «без государева указа», и спрашивал, «любю ли им, солдатам, «итти к Москве бить челом на Кирилла Пущина великому государю». Все показания говорят о единодушном решении: «итти готовы и бить челом рады». По показаниям самого Сеньки (он дал его под пыткой) и еще нескольких солдат, все солдаты кричали «любю». Этот возглас, обычный для казачьего круга и отраженный в документах времени Разина,¹¹ привлек на допросах особое внимание и расценивался как тяжкое преступление.

По-видимому, тогда же на площади солдаты «с общего совета» приняли решение послать 10 челобитчиков в Москву и выбрали этих 10 человек. Сенька Дементьев, конечно, был в их числе.

В тот же день учение солдат проходило «в поле», за городом. Пущин приехал к ним, говорил, «для чего бунтуют и на него хотят бить челом», и требовал выдать для отвода на съезжий двор Панова, Дементьева и еще двух солдат. Товарищи их не дали: Пущин схватил было Дементьева за ворот, но Федька Донец его отбил; вырвался из рук Пущина и солдат Васька Чеботарев. Пущин решил прибегнуть к демагогическому приему. Выстроив солдат, он сказал им: «кто хочет великому государю служить верно, те б шли направо, а кто не хочет, и те б шли налево».

Показания о том, что происходило в эти драматические минуты, расходятся. Солдаты понимали серьезность случившегося и старались уклониться от прямых ответов. Наиболее вероятной представляется следующая картина.

Почти все солдаты остались стоять строем на месте. Немногие отошли направо — по одним показаниям, человек 10, по другим — 20 или больше; среди четырех названных Пущиным по имени был и Степан Гуров. Из строя отошедшим закричали, чтобы они повернулись назад, и называли их «переметчиками». Все вышедшие вернулись в строй.

Именно в этот день Пущин и написал свои торопливые жалобные письма Головину и Решнину, не раскрывая, однако, подробностей солдатского «возмущения». Степан Гуров и Мирошка Кузьмин поспешили подать воеводе челобитную о том, что они «к бунтовщикам не пристають и к их челобитью рук не дають».¹²

¹¹ Кр. война, т. I, стр. 162; Б. В. Лукин. Степан Разин. Ростов, 1960, стр. 29; Крестьянские войны России в XVII—XVIII вв., стр. 121.

¹² Правда, 17 июля Гуров подал вторую челобитную, где отказывался от первой, как писанной пошеволе. Он сообщал, что Пущин напоил его пьяным и сулил ему и другим 16 солдатам 15 руб., чтобы они «к солдатской челобитной рук не дали и бунтовщиками б их назвали». При допросах в Москве Гуров сослался на то, что вторую челобитную его заставили написать солдаты — заводчики возмущения. Оговоренные им лица не под-

В ближайшие за 15 июля дни обе стороны готовились к дальнейшим действиям. 10 выбранных солдатами челобитчиков побежали к Москве 18 июля, отбив лошадей из курмышского конского табуна (другие кони, видимо, были добыты еще почтой экспедицией Панова в Егорьевское). Остается неясным, повезли ли они с собой письменную челобитную за руками, о которой упоминали Гуров и Кузьмин. Среди документов дела обнаружить текст челобитной не удалось; нет и известия о том, что она была в Москве подана. При допросах лишь один из привлеченных к розыску солдат, Тимошка Ерыполов, сказал, что челобитная была написана «с общего совета». На это показание не обратили внимания, и оно не дало повода к дальнейшим распросам.

18 числа послали наконец на Генеральный двор свои отписки Пуцци и курмышский воевода Коровин, приложив к ним сказки и челобитные. Получение отписок в Москве 26 июля и приезд самого Пуцци в Москву 31 июля и вызвали указ от 2 августа с распоряжением Пуцци привести солдат к Москве. Точная дата их прихода или приезда (на подводах) неизвестна, как и дата появления в Москве челобитчиков. Очевидно, они были тотчас посажены за караул, и выполнить поручение товарищей им не удалось.

К розыску, производившемуся на Генеральном дворе, были привлечены в качестве обвиняемых четыре челобитника, перехваченные по дороге к Москве, посланные 18 июля десять челобитчиков, а также еще девять солдат, указанные Пуцциным, — всего 23 человека.

Как в разгар волнений в Курмыше, так и при первых допросах в Москве солдаты держались твердо. Видимо, они понимали, какие их действия могут быть расценены как особо преступные; солдаты-челобитчики несомненно заранее договорились о показаниях по ряду вопросов. Так, они единодушно отрицали попытку войти 8 июля на съезжий двор; отрицали угрозы расправой Аникьеру, непослушание сержанту на учениях, отрицали и возглас «любо»; утверждали, что 15 числа все пошло направо и выразили желание верно служить великому государю; подчеркивали, что умысла к бунту у них не было, но не отказывались от решения бить челом на Пуцци великому государю. Очные ставки, показания Гурова и Кузьмина, самого Пуцци и сержанта Захарова, а затем и пытки, которым подвергли 10 человек, повели к признаниям, а в некоторых случаях и к оговору товарищей как заводчиков.

Решением от 26 сентября 1700 г. четверо солдат были приговорены к смертной казни через повешение. Эти четверо были

твердили этого даже под пыткой. Нет сомнения в том, что подача Гуровым второй челобитной была вызвана страхом расправы за предательство.

Максимка Панов, Сенька Дементьев, Федька Донец и Васька Калмык — все, выбранные солдатами в челобитчики. Они были признаны главными зачинщиками; трое из них признались, что кричали «любо»; отягчающим вину действием было признано прямое сопротивление Пуцци — Панов не дался ему 8 июля, Федька Донец отбил у него Дементьева 15 июля. Васька Калмык под пыткой показал, что, уходя в Москву, приказывал солдатам ни в чем не слушать Пуццина, — вероятно, оговорил себя ложно.

Четверо же — Ивашко Мануйлов, Петрушка Тарбов, Васька Чеботарев и Федька Самыгин — были приговорены к нещадному наказанию кнутом на козле и к ссылке в Азов «на каторги» с запятым щек; 15 человек — также к нещадному наказанию кнутом с последующей отсылкой в полк; Степан Гуров и Мирошка Кузьмин подлежали возвращению в полк, конечно, не без наказания. Уже в конце сентября четыре колодника были отправлены на подводах под караулом в Азов.

Ряд показаний солдат о действиях Пуццина мог повести к неприятностям для него и для его служебной карьеры, однако столбец розыскного дела не дает на это указаний. В 1703 г. К. П. Пуцци числился в отставке.

Выступление новоприборных солдат в Курмыше в 1700 г. представляет большой интерес. Оно поражает смелостью, единодушием, с каким отстаивали интересы своих товарищей — беглых крестьян — несколько сот солдат, прибранных из холопов, крестьян и, надо думать, из мелких посадских людей (о последнем говорит пример Сеньки Дементьева). Лишь двое из них поступили предательски. Привлекают внимание те формы казачьего круга, в которые стихийно вылились волнения солдат. Надо вспомнить, что прошло всего 30 лет с той поры, как Курмыш и Курмышский уезд были полностью охвачены движением в годы Крестьянской войны под предводительством Степана Разина.

Л. Н. СЕМЕНОВА

БОРЬБА СТАРОРУССКИХ КРЕСТЬЯН ЗА ИЗМЕНЕНИЕ ФОРМ ФЕОДАЛЬНОЙ РЕНТЫ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII в.

В настоящей работе мы попытались на материалах одной вотчины проследить, как борьба крестьян влияла на изменение форм ренты. Источниками послужили документы архивов Александро-Невского и Иверского монастырей. Рассматриваемая Старорусская вотчина находилась в Петербургской губернии.¹ 11 старорусских погостов были пожалованы Иверскому монастырю из Дворцового ведомства в январе 1655 г.² В 1712 г. Иверский монастырь со всеми вотчинами был приписан к вновь основанному Александро-Невскому монастырю,³ и Старорусская вотчина перешла к новому владельцу. По отказной книге 1655 г. в вотчине было 1010 дворов, в которых проживало 4169 крестьян мужского пола; по переписной книге 1678 г. значилось 1663 двора с населением в 6385 человек м. п.;⁴ к 1723 г. крестьянское население вотчины составляло 7404 человека м. п.⁵ Таким образом, Старорусскую вотчину следует считать крупной монастырской вотчиной. Ее экономическое положение определялось прежде всего отсутствием плодородных земель (земли только «средние и худые») ⁶ и частыми неурожаями, происходившими

¹ По административному делению 1708 г. Старорусский уезд относился к Петербургской губернии.

² Жалованные грамоты царя Алексея Михайловича от 8, 26 и 30 января 1655 г.: РИБ, т. V, стб. 127—135.

³ Описание архива Александро-Невской лавры (далее ОААНЛ), т. I, СПб., 1903, стб. 87.

⁴ ЦГИА, ф. Александро-Невской лавры (далее ф. 815), оп. 4, 1739 г., д. 139, лл. 169—170.

⁵ Данные переписи и «пополнительных» сказок: там же, 1723 г., д. 141, л. 3.

⁶ ЦГИА, ф. 815, 1739 г., д. 132, л. 170.

обычно «от водяного потопления».⁷ В период Северной войны и в ближайшие после нее годы крестьянское хозяйство страдало от передвижения полков и должностных лиц,⁸ чрезмерных государственных и монастырских податей и повинностей. Несмотря на смену вотчинных управителей и их безжалостный нрав, монастырь не мог получить от крестьян недоимки, ибо крестьяне были «весьма скудны и бедны».⁹ Характерно, что в 1718 г. монастырские власти признали невозможность для крестьян ведения хозяйства и уплаты податей без дополнительных денежных средств, полученных либо от работы в Петербурге, либо от сплавленного, рыбного, пушного промыслов, либо от продажи выращенных крестьянами технических культур.¹⁰ Положение крестьян Старорусской вотчины в основных чертах сходно с положением крестьян других близлежащих монастырских вотчин (Валдайских, Михайловских, Толвуйских, Боровичских и др.), что позволяет рассматривать ее как типичную вотчину данного района.

Старорусские крестьяне выполняли государственные, монастырские и мирские повинности. В данной статье мы остановимся лишь на монастырских повинностях. Рассмотрим изменение крестьянских повинностей в пользу монастыря с 50-х годов XVII до конца 20-х годов XVIII в.

Накануне 1657 г. крестьянские платежи были в основном натуральными и отличались большой пестротой; они состояли из «всяких монастырских доходов, и годовых работников, и подвод, и рыбных ловцов и плотников, и пятиннова хлеба, и варничных дров и на варничной промысел бревен, и... масла коровья, и рыжиков, и груздей и грибов сухих, и ягод малины, и поярковой шерсти, и свинова мяса, и нитак неводных, и нитак швальных, и лну, и лантей, и веревок, и возжей, и лык, и всякова мелкова доходу».¹¹ После 1 января 1728 г. крестьяне платили в монастырь твердо установленный денежно-хлебный оброк (7200 рублей, 400 четвертей хлеба, поставляли 22 работника и 2—3 целовальников).¹² Мы еще вернемся к этим цифрам, сейчас важно лишь подчеркнуть, что за 70 лет рента претерпела суще-

⁷ ОААНЛ, т. I, стб. 1119; т. II, СПб., 1911, стб. 288, 313, 466, 673, 1089, 1237 и др.

⁸ «... вотчины Иверского монастыря на большой дороге, и от прохожих полков и от знатных лиц в проездах, в подводах и в станциях случается быть крестьянам нашим по малой изволаги и турбация», — писал наместник Иверского монастыря Филарет в ноябре 1720 г. См.: ОААНЛ, т. III, СПб., 1916, стб. 566.

⁹ Отписка старорусского вотчинного комиссара Баженова от 1719 г.: ОААНЛ, т. II, стб. 878.

¹⁰ Указ Невской канцелярии от 10 марта 1719 г.: ОААНЛ, т. II, стб. 629—632.

¹¹ Архив ЛОИИ, ф. 181, оп. 2, картон 3, д. 39 (челобитная крестьян).

¹² ЦГИА, ф. 815, 1728 г., д. 108, и 1729 г., д. 15.

рейшем строительстве монастыря, показывает, что резкое увеличение эксплуатации крестьян было недопустимо, требовалась осторожность, гибкость, постепенность. Власти Иверского монастыря, с одной стороны, стремились увеличить повинности крестьян, а с другой стороны, боялись делать это; превысив размер повинностей, установленный по договору, и встретив протест крестьян в форме челобитной, они шли на уступки, признавали себя виновными и занскивающим тоном просили крестьян потрудиться: «мелкие работы по нашему прошению поработать, потому что монастырь ставится на нове, ничем не позавелися, а как мало поустроимся и позаведемся, и мы ваших трудов в забвенье не положим, а ныне, как вас бог наставит, потружайтесь дому пречистые богородицы, а потом вам будет от Христа мир и благословенне».²⁷ Вероятно, и перевод крестьян на оброк в 1657 г. объясняется этой уступчивой на первых порах политикой монастыря.²⁸ Недаром в конце 60-х годов, когда монастырь «поустроился», оброчная запись перестала исполняться. Однако и тогда, когда Иверский монастырь укрепился в Старорусской вотчине, власти действовали весьма осторожно. Именно этим объясняется то, что рано или поздно они удовлетворяли прошения крестьян. Обычно не удается узнать, уступали ли монастырские власти челобитным крестьян или «желательные требования» подкреплялись какими-либо крестьянскими действиями. Лишь в отдельных случаях видно, что прошение не было только листом бумаги, который приносили челобитчики. В с. Извоз местные монастырские власти попытались в 1714 г. заставить крестьян обрабатывать монастырскую запашку, которую до этого обрабатывали наемными работниками. Крестьяне в течение нескольких лет просили архимандрита Феодосия не обременять их этой повинностью и одновременно на монастырскую запашку сеять не шли.²⁹ Прощения крестьян, как видим, подкреплялись отказом от работы.

кона в Иверский монастырь от 26 мая 1661 г.: АИ, т. IV, стр. 303); «Да я жь слышал, что де скорбят крестьяни и плотники, могорца мало даешь: и тебе бы отнюдь не оскорблять наймом никаких наймитов и даром бы не много пудить» (грамота Никона в Иверский монастырь от марта 1654 г.: там же, стр. 191).

²⁷ Память архимандрита Филофея во все Старорусские погосты в ответ на крестьянскую челобитную от 19 декабря 1659 г.: Архив ЛОИИ, картон 4, д. 109.

²⁸ Для крестьян рассматриваемого района уплата оброка, значительную часть которого составляли денежные платежи, была традиционной: во Дворец они платили «денежные и всякие доходы» (РИБ, т. V, стб. 131).

Показания крестьян-старожилов и челобитные крестьян подтверждают приведенные слова жалованной грамоты. См.: Архив ЛОИИ, ф. 181, оп. 2, картон 8, д. 25; картон 1а, д. 90.

²⁹ ЦГИА, ф. 815, 1725 г., оп. 4, д. 78; ОААНЛ, т. I, стб. 620, 641—642, 751.

Самым ярким примером того, что челобитные крестьян подкреплялись их действиями и именно эти действия заставили монастырь изменить формы ренты, явились события 1725 г. в Старорусской вотчине. Мы останавливаемся на них подробнее еще и потому, что это один из интереснейших откликов крестьян на реформы петровского правительства.

Старорусские крестьяне, добывавшиеся в первой трети XVIII в. замены основной своей повинности в пользу монастыря, повинности натуральной — отдачи пятого снопа, — денежным оброком, использовали для своей борьбы указ о подушной подати.³⁰

В январе 1725 г. в Старой Руссе на вечные квартиры расположен Ярославский драгунский полк. По указу 26 июня 1724 г. подушная подать должна была в 1725 г. собираться самими военными чинами. И в первых числах января 1725 г. в вотчины для сбора «подушных денег и провианта и фуража и для объявления крестьяном о неплатеже сверх подушного збору других податей» поехали драгуны и офицеры названного полка.³¹ Когда небольшое число драгун оказалось среди крестьян, то им пришлось не только объявить указ, но и пуститься вместе с крестьянами в его толкование. Согласно крестьянско-драгунскому толкованию указа о введении подушной подати, повинности крестьян в пользу монастыря должны были равняться 40 копейкам с души мужского пола: «вместо монастырского пятниного хлеба и денежных зборов збирать с нас по подушной переписи по сороку копеек с души, а пятниного монастырского хлеба и денежных зборов с нас не збирать»;³² «кроме подушного збору никаких денежных и хлебных доходов, и подвод, и работников спрашивать не велено, причисля к тому, якобы и о монастырских доходах о том замышляется, а вместо помещичья доходу взять с них будто надлежит по 4 гривны в души».³³ Это толкование крестьяне обосновывали тем, что по указу с государственных крестьян сверх 74-копеечного

³⁰ Введение подушной подати рассматривается в ряде работ (см.: М. М. Богословский. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719—27 гг. М., 1902; В. О. Ключевский. Подушная подать и отмена холопства в России. В сб.: Опыт и исследования, М., 1912; П. Н. Миллюков. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905; Б. Б. Кафенгауз. Финансовая реформа и государственный бюджет. В кн.: Очерки истории СССР. Первая четверть XVIII в.; и т. д.). Однако исследователи ограничивались использованием правительственных указов и их проектов, документов о проведении подушной переписи населения, материалов финансовой отчетности и не привлекали источники, которые показали бы реакцию крестьянских масс на введение этой реформы.

³¹ Донесение Литвинова: ЦГИА, ф. 815, оп. 4, 1725 г., д. 195, л. 14; справка Александров-Невской канцелярии: там же, л. 24.

³² Приговор крестьян Воскресенского погоста: там же, л. 16.

³³ Допросные речи слугителя Невского монастыря Коверева: там же, л. 11.

сбора «вместо тех доходов, что платят Дворцовые во Дворец, Синодского ведения в Синод, помещиковы помещикам» полагалось собирать по 40 копеек с души.³⁴ Таким образом, считали крестьяне, владельческие повинности устанавливаются по указу равными именно этой сумме.

Истолковав указ таким образом, крестьяне перестали платить монастырские сборы, считая их противозаконными; «подучили» драгун побить монастырских служителей, собирающих с них подати, а одновременно и сами били их, вместе с драгунами отобрали у этих служителей собранные ими деньги и возвратили их крестьянам. Несмотря на желание монастырских управителей возложить вину за все происшедшее в вотчине на драгун, они все же вынуждены отмечать, что драгуны действовали «по научению крестьянскому», что «пущие» смутители, «которые в том бою и во взыскании денег явились по розыску виновны»,³⁵ были крестьянами.³⁶

Местные власти učinили над крестьянами «надлежащую справу с наказанием», однако крестьяне не отказались от своего толкования указа. Почти сразу же после наказания крестьянское движение усилилось снова. Толчком к этому послужили слухи («промчесь в мир слово такое») об отписании монастырских вотчин на ее величество, вызванные случайным приездом унтер-офицера Тарбеева для описи монастырского хлеба. У крестьян «учинились споры», «стало быть немалое сумнение» по поводу платежа монастырских доходов и выдела пятинного хлеба. В «спорах» победила та часть крестьян, которая считала необходимым отказываться от платежа монастырских податей. Получив однажды поддержку драгун, крестьяне опять обратились к ним за помощью, прося полковую канцелярию не допускать к ним «монастырских посланных пятинщиков и протчих сборщиков». Не дождавшись отсюда ответа, они направили челобитчиков в новгородскую переписного дела канцелярию. Напуганный вотчинный комиссар Литвинов срочно выехал туда же, к генерал-майору Волкову, ведавшему проведением переписи и расположенном полков во всех околотовгородских уездах,³⁷ прося управы на крестьян, но последний проявил полную нейтральность, ответив: «Мне де до монастырских сборов дела нет». Не получив помощи у военных властей, Литвинов попытался сам привести крестьян к послушанию. Выборные и «лучшие мирские люди» были вызваны им в Руссу, где он толковал им указы «по самой силе». Старания монастырского управителя ни к чему не привели. Крестьяне его

³⁴ Крестьянские челобитные: ЦГИА, ф. 815, оп. 4, 1725 г., д. 195; указ 26 июня 1724 г.: ПСЗ, т. VII, стр. 318.

³⁵ ЦГИА, ф. 815, оп. 4, 1725 г., д. 195, лл. 14, 24 об.

³⁶ Как видим, крестьяне в первой трети XVIII в. не всегда во время полнейшей «учиняли бой» с драгунами, но иногда выступали и совместно.

³⁷ ПСЗ, т. VI, стр. 372, 405, 460; т. VII, стр. 444.

«разглагольствие поставили за неверное». В погостах продолжали оставаться «многие ослушники», крестьяне отказывались платить донмочные и настоящие сборы. Среди крестьян продолжалось обсуждение указа о подушной подати.

Размах движения вынул руководителей «мира», бурмистров, стать во главе его. Это, в свою очередь, придало движению характерную для крестьянской общинной организации стройность и действенность. Бурмистры Петровского, Ефремовского и Воскресенского погостов собрались для обсуждения указа в доме служителя Невского монастыря Коверева. Коверев толковал указ так же, как крестьяне: «... велено по тому указу за всякие помещицкие доходы крестьяном платить по 40 копеек с души, каковому збору и в здешней Старорусской Невской вотчине, вместо збиравшихся с нее всяких монастырских зборов и пятинного хлеба быть надлежит».³⁸ Убежденность крестьян в том, что их толкование указа является правильным, поддерживалась также разъяснениями, которые давали указу сельские священники: «... повсегда попы в церквах читают, чтоб сверх подушных денег никаких денежных и хлебных податей, и подвод, и работников с крестьян отнюдь не збирать».³⁹ Священники и дьячки разделяли именно крестьянское понимание указа, это видно уже из того, что они писали и прикладывали руки к мирским приговорам и челобитьям о замене всех монастырских сборов четырехгривенным подушным окладом.⁴⁰ Распространенное в вотчине толкование указа являлось притягательным для крестьян потому, что сорокакопеечный сбор был значительно меньше существовавших монастырских податей. Бурмистры и выборные, как они подчеркивали на допросах, «то толковали себе», что «немалая крестьянам будет легкость против сборов прежних».

Для того чтобы обсудить, как принудить монастырь к выполнению указа, три названных бурмистра решили созвать в своих погостах сходы. В остальных погостах крестьяне немедленно «известились» об этом решении и тоже начали подготовку к мирским сходам в погостах. Сначала прошли сходы по селам и деревням, на которых были избраны крестьяне для участия на сходах по погостам. В конце июля—начале августа состоялись сходы в погостах. На них присутствовало в Петровском погосте 62 выборных, в Снежском — 23, в Воскресенском — 40, в Ефремовском — 58, в Чертицком — 25, в Коломенском — 55 выборных. Сходы, как видим, были довольно многолюдными и чисто крестьянскими, даже Коверев, находившийся в Петровском погосте во время схода, на нем не присутствовал. К сожалению, мы не можем судить об иму-

³⁸ Показания бурмистров и самого Коверева на допросах: ЦГИА, ф. 815, оп. 4, 1725 г., д. 195, лл. 8—11.

³⁹ Показания на допросе бурмистра Апанья Леонтьева: там же, л. 29 об.

⁴⁰ Мирские приговоры: там же, лл. 3, 4, 13, 16—22; указ архимандрита Петра о наказании крестьян: там же, л. 46 и сл.

пещественном положении выборных, нам известно только, что это были мирские «знатные люди». ⁴¹ Обсуждение указа на мирских сходах проходило горячо. Часть крестьян не верила предлагаемому толкованию его. Например, избранный от Петровского погоста крестьянин дер. Гарижи Фадей Козмин отказывался идти с челобитной, не имея подлинного царского указа о подушной подати. Тогда по указанию бурмистра от Коверева принесли в земскую избу «весь о том подушном сборе обстоятельстве плакат». Вероятно, его снова толковали, и «о оном четырехгривенном сборе подлинно он, Фадей, и уверился». ⁴²

На сходах в погостах были составлены приговоры и избраны челобитчики. В приговорах крестьяне («общим советом», будучи «при мирском скопе») наказывали своим челобитчикам добиваться замены всех монастырских сборов единым сбором — 40 копеек с души мужского пола. Особенно стремились крестьяне заменить деньгами пятинный и сборный хлеб — «дабы монастырская пятинна с тяглых их пашенных участков учинена была на денежный договор, а хлеба не брать». ⁴³

После проведения сходов в погостах челобитчики от семи погостов (по одному человеку от погоста) собрались «для общего о том совета» у Петровского бурмистра Ананьи Леонтьева. Челобитчиками являлись представители мирской верхушки, некоторые были в прошлом бурмистрами и старостами. ⁴⁴ Ближайший к Руссе Петровский погост был центром движения, а его бурмистра Ананью Леонтьева и крестьяне на допросах, и монастырский управитель называют «главным вчинателем», «первым тому делу вчинателем». Ананья Леонтьев, как «подлиннее» всех о том известный, «протоколовал» собравшимся у него в избе семи челобитчикам еще раз о том, что «за всякие помещицкие доходы велено платить им, крестьяном, по 40 копеек в души». ⁴⁵

Он же составил и челобитную, ⁴⁶ с которой крестьяне собирались идти в Старорусскую вотчинную контору, а в случае неполучения там нужного решения — в Невскую канцелярию.

В этой челобитной крестьянское понимание указа о подушной подати изложено очень четко и сводится к тому, что подушная подать представляет собой не только строго определенную, раз и навсегда установленную государственную денежную повинность («по указу с. н. величества с крестьян, которые положены в подушный оклад, сверх него никаких податей и работников и подвод не брать»), но и столь же строго установленную государ-

ством денежную владельческую повинность («в том указе велено, — писали крестьяне, — вместо доходов, которые платят дворцовые крестьяне во дворец, Синодального ведения в Синод, помещиковы помещикам, платить по 40 копеек и от прочих сборов их уволить и не спрашивать и не собирать хлебные и денежные сборы»). Крестьяне просили брать с них подати согласно указу Петра I и подтвердительному указу Екатерины от 3 мая 1725 г. о невзимании, кроме подушных денег (понимая под подушными деньгами и государственные, и владельческие повинности), других денежных и хлебных податей и подвод.

Едва челобитчики дошли до Новгорода 4 августа, как были арестованы дворянином Малгиным, брошены в каменные подвалы монастырского подворья, где их «платеры сутки» держали взаперти и морили «голодною смертию», после чего скованных отвезли в Старую Руссу к Литвинову. Литвинов заключил их в тюрьму, где бил и мучил. ⁴⁷

У челобитчиков были отобраны мирские приговоры и челобитная. Узнав из приговоров имена выборных от деревень на мирские сходы в погостах, Литвинов сыскал тех выборных, «от кого в том пущее согласие и упрямство произошло». Некоторые из них «учинились ослушны» и не явились, пришедших же Литвинов допрашивал и снова толковал им указ. Что показали крестьяне на допросах, неизвестно, но, как сообщал Литвинов, они «не все истинною, как слышно было, показали». Несмотря на бесконечные объяснения указа Литвиновым, крестьяне оставались при своем мнении, «будто он, Литвинов, те с них монастырские доходы збирает напрасно». Пытаясь сломить сопротивление крестьян и убедить их в неверности толкования ими указа, Литвинов направил крестьянских выборных в полковую канцелярию. Там им «разсудили истинною», с кого надлежит брать четырехгривенный сбор. «Однако ж и в том неверны явились». ⁴⁸ Большие того, узнав о заключении в тюрьму своих челобитчиков, крестьяне снова в конце августа — начале сентября проводят сходы и 26 сентября отправляют новых челобитчиков — теперь уже прямо в Петербург, в Александро-Невскую канцелярию. Челобитчиками пошли крестьяне Петровского погоста Тимофей Архипов и Воскресенского погоста Андрей Ларионов. Вторая челобитная ⁴⁹ составлена от имени старорусских крестьян всех 11 погостов. Помимо основного положения о замене всех монастырских повинностей четырехгривенным сбором, она содержит также просьбу выпустить первых челобитчиков, все еще находящихся в заключении в старорусской тюрьме, и жалобы на управителя Литвинова. Челобитная была подана в Невском монастыре.

⁴¹ Показания Фадея Козмина: там же, л. 6 об.

⁴² Показания на допросе бурмистра Ананьи Леонтьева: там же, л. 8.

⁴³ Приговор крестьян Снежского погоста: там же, л. 4.

⁴⁴ Донесение дворянина Малгица Литвинову: там же, л. 26.

⁴⁵ Показания Фадея Козмина: там же, л. 6 об.; показания Воскресенского, Ефремовского и других бурмистров и выборных: там же, лл. 8—14.

⁴⁶ Показания челобитчиков: там же, л. 7.

⁴⁷ Вторая челобитная крестьян: там же, л. 26.

⁴⁸ Донесение Литвинова: там же, л. 4 об.

⁴⁹ Там же, лл. 24—45.

Началось следствие. Крестьяне продолжали настаивать на том, что они «подлинно» толкуют указ. Монастырские власти расценивали их поведение как «возмущение крестьян в платежах», за что они «подлежали жестокого штрафования, однако, простоты ради их крестьянской, ту вину им отпустить... протолковав им, чтоб за то были благодарны».⁵⁰ Первых челобитчиков было приказано освободить из тюрьмы. Основной упор власти Невского монастыря сделали на то, чтобы разъяснить крестьянам указ 26 июня 1724 г., убедить их в том, что сорокакопеечный сбор введен с тех крестьян, «которые преже того никаких доходов, кроме тех, которые располагаются во все государство... не плачивали», что «в том указе не напечатано», чтобы отставить прежние оклады с дворцовых, синодальных и помещичьих крестьян «и вместо оных збирать по сороку копеек с души». Власть предлагали крестьянам справиться в дворцовых, архиерейских, монастырских и помещичьих владениях, соседних со Старорусской вотчиной, о платежах крестьян в этих вотчинах и убедиться, что никто из них не платит по 40 копеек с души. Для острастки крестьян было приказано наказать (бить плетью) челобитчиков, пришедших в Невский монастырь, «за то их челобитчиков нахалство», за то, что были недовольны объявленным указом и предложили свое, «ее императорского величества указу весьма противное толкование». «За возмущение простого народа» слугителя Коверева было приказано нещадно бить батогами на мирских сходах в каждом из 11 погостов, прочитывая крестьянам при этом указ о подушной подати. К розыску в Невскую канцелярию следовало прислать тех крестьян, «пущих завотчиков», которые «подуцали» драгуи бить монастырских управителей и «денги отбойные у монастырских служителей взяли». Такое решение монастырских властей довольно милосердно, особенно при сравнении его с той жестокостью, с которой монастырь расправлялся с возмущением отдельных крестьян.⁵¹ Объясняется оно, видимо, тем, что движением была охвачена целиком крупная вотчина,⁵² что наказания («справа с наказанием», заключение в тюрьму челобитчиков), как уже увиделись в монастыре, приводили только к расширению движения (первая челобитная составлена от семи погостов, вторая — от одиннадцати). Монастырские власти стремились возможно быстрее урегулировать конфликт, а не обострять его, так как отказ крестьян столь крупной вотчины («откуда большая в Невской хлебным и денежным доходам надежда»)⁵³ от уплаты податей обходился монастырю очень дорого. Кроме того, в рассматриваемое

время началась тяжба за Старорусскую вотчину между Александро-Невским и Иверским монастырем, власти которого могли использовать возмущение крестьян как один из поводов для возвращения вотчины себе.

Наказать драгуи и священников монастырские власти не могли, но от полковой канцелярии они потребовали «сатисфакции», а от Новгородской консистории — указа о наказании тех попов и церковных причетчиков, которые ранее прикладывали руки к мирским выборам и челобитным и так толковали указ, что «крестьян привели до смятения». Нам неизвестно, как восприняли в вотчинах указ монастырских властей, как прекратилось движение...

Сам факт подобного толкования крестьянами указа о подушной подати безусловно интересен. Он показывает, что крестьяне отнюдь не пассивно относились к реформам первой четверти XVIII в., а податная реформа была ими серьезно продумана, хотя и неправильно истолкована. Нет оснований полагать, что старорусские крестьяне были исключением, что крестьяне других вотчин и уездов не интересовались указом, не толковали его. В изложенных событиях видна роль крестьянской мирской организации, которая представляла собой далеко не только инструмент для выколачивания податей с помощью круговой поруки и которая научена — особенно для начала XVIII в. — очень слабо. Любопытно поведение какой-то части войск, поддержавших интересы крестьян.

По существу же описанные выше события представляли собой борьбу крестьян за уменьшение владельческих повинностей и за установление строго фиксированной денежной ренты. Настаивая на замене всех монастырских повинностей 40-копеечным сбором, крестьяне добивались этим значительного уменьшения податного обложения: «в том зборе пред прежними немалая будет крестьяном выгода», — показали они на допросах. В Старорусской вотчине проживало 7404 крестьянина мужского пола, при платеже по 40 копеек с души владельческие повинности крестьян составили бы 2961 р. 60 к. В 1724 г. крестьяне Старорусской вотчины предлагали монастырю перевести их на единый денежный оброк в размере 6000 рублей на всю вотчину,⁵⁴ т. е. в два раза больше, приблизительно по 80 копеек с души, но монастырские власти не ответили на это предложение. Лишь после «возмущения» 1725 г. монастырские власти пошли навстречу требованиям крестьян — перевели их на оброк, основную часть которого составили платежи деньгами. Несмотря на то что перевод на оброк несомненно явился следствием борьбы крестьян в 1725 г., документы о переводе на оброк не содержат указаний на это. Из них известно

⁵⁰ Указ Новгородской канцелярии: там же, лл. 46 и сл.

⁵¹ Там же, 1728 г., дд. 136, 167 и др.

⁵² Там же, 1723 г., д. 141; по другим данным — 1663 двора: там же, 1739 г., д. 132, лл. 169—170.

⁵³ Там же, 1728 г., д. 157, л. 5 об.

⁵⁴ Показание крестьянина-челобитчика Андрея Ларионова: там же, 1725 г., д. 214, л. 3 об.

лишь, что крестьяне «на оброк положены по их домогательствам и желательным прошениям».⁵⁵ Однако за «желательными прошениями», как мы видели, скрывался целый год упорной борьбы. Борьба крестьян, проходившая под видом толкования указа о подушной подати, увенчалась частичным успехом. Частичным потому, что сумма оброка была установлена в 2,5—3 раза большая, чем четырехгривенный сбор,⁵⁶ однако меньшая, чем платили крестьяне до этого. В 1726—1727 гг. между крестьянами и монастырскими властями были выработаны условия «контракта» о переводе на денежный оброк — или, вернее, о замене пятины денежным obroком и окладным хлебом, так как различные виды других натуральных повинностей были заменены денежными платежами уже в предшествующие годы. С 1 января 1728 г. пятина была отменена во всех 11 старорусских погостах (в некоторых погостах ее не платили уже в 1727 г.). Старорусские крестьяне постоянно⁵⁷ перешли на строго определенный денежно-хлебный оброк.

По условиям «контракта» 1728 г. повинности крестьян в пользу монастыря были несколько уменьшены, они составили в денежном выражении 8500 рублей. Повинности крестьян в предшествующие годы, по заключению Невской монастырской канцелярии, равнялись в денежном выражении 9716 рублям.⁵⁸ «Контракт» 1728 г. коренным образом изменил характер крестьянских повинностей — до 1728 г. основной повинностью крестьян была повинность натуральная, выдел пятого снопа.

В 1716—1727 гг. в среднем в год крестьяне отдавали монастырю по 5445 четвертей хлеба, стоимость которых составляла 8728 рублей, т. е. 90% крестьянских повинностей в пользу монастыря составляла натуральная рента.

По условиям «контракта» 1728 г. стоимость отдаваемого в монастырь хлеба составила лишь 7% от общего размера оброка. Борьба старорусских крестьян за переход на денежный оброк явилась отражением тех изменений, которые произошли в первой трети XVIII в. в экономике края. Наряду с существованием солеваренного промысла, который являлся в XVII в. «главным источником денежных доходов в хозяйстве подавляющего большинства старорусских крестьян»⁵⁹ и был основой их временного перехода на оброк в 50-х годах XVII в., теперь, в связи с возникновением Пе-

⁵⁵ Там же, 1734 г., д. 68, л. 1.

⁵⁶ Там же, 1728 г., д. 108, и 1729 г., д. 15.

⁵⁷ И в крестьянских приговорах, и в указе архимандрита подчеркивалось, что крестьяне переводятся на оброк навсегда «на оной 728 год и впредь посягодно». В последующие годы в случаях попыток монастырских властей нарушить «условия» крестьяне требовали строгого исполнения их. См.: там же, 1735 г., д. 99.

⁵⁸ Там же, 1728 г., д. 108, л. 2.

⁵⁹ Г. С. Рабинович. Влияние соляного промысла на развитие товарно-денежных отношений в Старорусском уезде в XVII веке. Повгородский исторический сборник, вып. 10, Новгород, 1961.

тербурга и всего связанного с ним комплекса городов, дорог, крепостей, верфей, заводов и т. д., расширились возможности для заработка денег крестьянами. Разоренность же крестьянского хозяйства, вызванная Северной войной и неурожайными годами, способствовала расширению пеземзельческих занятий крестьян.⁶⁰ Переход на денежный оброк был неизбежен, борьба крестьян ускорила его.

По условиям контракта крестьяне уплачивали по 1,1 рубль с души мужского пола. И так, владельческие повинности монастырских крестьян превышали повинности государственных крестьян, уплачиваемые последними «вместо тех доходов, что платят Дворцовые во Дворец, Синодского ведения в Синод, помещиковы помещикам», почти в 3 раза. Становится вполне понятной та настойчивость, с которой крестьяне стремились к замене владельческих повинностей окладом, установленным по указу о введении подушной подати для крестьян государственных.

Сравнив повинности, уплачиваемые старорусскими крестьянами в пользу монастыря в 1657 и 1728 гг., приходим к выводу, что владельческие повинности крестьян на границах 70-летнего промежутка находились приблизительно на одном уровне;⁶¹ правда, во время Северной войны они были выше, чем в конце 20-х годов XVIII в. Рост государственных повинностей в первой четверти XVIII в., до введения подушной подати, и разоренное состояние научаемой вотчины приводили к тому, что монастырские власти не могли увеличить владельческие повинности. Борьба крестьян временами приводила даже к уменьшению их.

Подведем итоги. 1. Изменение форм феодальной ренты, находясь в зависимости от социально-экономического развития определенного района страны, в то же время происходило под давлением крестьянской борьбы. 2. Борьба крестьян сдерживала рост монастырских повинностей. За «прошениями» крестьян временами скрывались их весьма решительные действия, которые и заставляли монастырь отвечать на «прошения». 3. Стремление крестьян к денежному obroку и замена монастырскими властями натуральных повинностей денежными свидетельствуют о продолжающемся развитии товарно-денежных отношений в первой трети XVIII в. в рассматриваемом районе. 4. Знакомство с положением соседних со Старорусским уездом вотчин показывает, что переход от натуральной ренты к денежной, сопровождаемый борьбой крестьян, происходил и в этих вотчинах.

⁶⁰ В фонде Александро-Невской лавры имеются материалы, которые показывают широкое распространение среди крестьян отходничества, подрядов, торговли, некоторых промыслов в 10—20-х годах XVIII в.

⁶¹ Такой вывод по является совершенно точным, ибо мы вынуждены были принять, что 1 рубль середины XVII в. равен 1,7 рубля 30-х годов XVIII в. (см.: В. Ключевский. Русский рубль XVI—XVIII вв. в его отношениях к нынешнему. М., 1884), а также воспользоваться при этом данными отказной книги.

И. П. ШАСКОЛЬСКИЙ

ВОЛНЕНИЯ ПРИПИСНЫХ КРЕСТЬЯН ЗАОНЕЖЬЯ В 40-х ГОДАХ XVIII в.

В начале XVIII в., при создании в Олонецком уезде крупной заводской промышленности — Олонецких Петровских заводов, все крестьянство уезда (ранее являвшееся в своей основной массе черносошным) было приписано к заводам и было принуждено нести тяжелый гнет заводских повинностей. В течение первой четверти XVIII в., когда в Олонецком уезде действовало несколько крупных металлургических заводов, феодальное угнетение крестьянства достигло здесь таких размеров, каких никогда не знала история края.¹

После окончания Северной войны производство на Олонецких заводах (построенных для снабжения оружием и боеприпасами армии и флота) стало свертываться; к середине 30-х годов XVIII в. почти все заводы, кроме Кончезерского, были закрыты. В связи с сокращением объема заводских работ в 1725 г. больше половины крестьян Олонецкого уезда было возвращено в черносошное состояние, а за Олонецкими заводами осталась только часть приписных погостов с населением в 15 833 души.

В результате сокращения численности приписных крестьян положение значительной части крестьянского населения Карелии стало легче, особенно в 20-х и 30-х годах, когда сильно уменьшилось, а затем и вовсе остановилось производство на Петровском и Повенецком заводах и остался в действии один Кончезерский завод. Количество временных работников, набираемых на заводы для подсобных работ из приписных крестьян, было сильно сокращено; значительно уменьшился и объем повинностей, ибо заводам стало требоваться в несколько раз меньше руды, угля,

¹ Подробнее см.: История Карелии с древнейших времен до середины XVIII в. Петрозаводск, 1952 (изд. на правах рукописи), стр. 381—387; А. П. Глаголева. Олонецкие заводы в первой четверти XVIII в. М., 1957, стр. 177—198.

дров и т. п. В конце 20-х и в 30-е годы, по-видимому, только часть приписных крестьян выполняла отработочные повинности для заводов;² остальные приписные крестьяне заводских работ не несли и только выполняли денежные повинности — платили подушную и оброчную подати.

Облегчение повинностей в годы сокращения деятельности Олонецких заводов, по-видимому, продолжалось недолго и не оставило заметного следа в памяти приписного крестьянства Олонецкого уезда. По крайней мере в наказе, подготовленном в 1766 г. приписными крестьянами Олонецкого уезда для Комиссии по составлению нового уложения, при описании тягот по выполнению повинностей в период 1725—1766 гг. ничего не говорится о том, что в начале этого периода положение сколько-нибудь существенно отличалось от последующего. А с конца 30-х годов и особенно в 40—50-е годы объем производства на предприятиях казенной горной промышленности края вновь стал расти и одновременно вновь стали расти повинности приписных крестьян.

Упомянутый выше наказ 1766 г.³ дает исключительно яркую картину положения приписного крестьянства Карелии во второй четверти XVIII в. В этом документе, составленном самими крестьянами, довольно подробно перечисляются многочисленные тяжелые повинности, выполнявшиеся ими в течение последних четырех десятилетий для заводов.

Прежде всего приписные крестьяне должны были для Кончезерского завода и основанного в 1742 г. Воицкого золотого рудника и для медных рудников «выполнять великие требуемые поставки и работы». Особенно тяготила крестьян рубка дров по полусажени с каждой души ежегодно, укладка этих дров в кучи и пережог на уголь, а затем вывозка полученного угля на заводы.⁴ Большая часть приписных крестьян жила на довольно значительном расстоянии от заводов, в том числе многие — за Онежским озером (в Книжском, Шунгском и Толвуйском погостах), и им приходилось производить вывозку угля за много десятков, а иногда и за сотни верст. Одновременно с выполнением отработочных повинностей приписные крестьяне должны были платить общий для всего податного населения России денежный налог — подушную подать. Для уплаты подушной подати большинство приписных крестьян Олонецкого уезда должно было добывать деньги где-либо на стороне, ибо в своем личном хозяйстве крестьяне пи-

² В. И. Рожков. Горнозаводский промысел в Олонецком крае. Горный журнал, 1888, февраль, стр. 302.

³ Материалы екатерининской законодательной комиссии, т. X. Сб. РИО, т. 115, стр. 123—128. — Изложение и разбор этого документа см.: В. И. Крылов. Нужды и недостатки народной жизни в Олонецкой губернии в XVIII в. (по данным екатерининской комиссии). Петрозаводск, 1904, стр. 38—41.

⁴ Из сажени дров выходило 3 воза угля.

чего не могли производить на продажу — они едва успевали в свободное от заводских работ время обеспечить себе пропитание. Для добывания денег «в подушной платеж» многим крестьянам приходилось уходить на заработки внутрь России. По данным 1761 г., в предшествующее время ежегодно уходило из Олонецкого уезда на заработки более 2000 приписных крестьян (из общего числа около 18 000 душ мужского пола, считая вместе с детьми и стариками).⁵ Крестьяне, уходившие на заработки, не могли сами выполнить заводские повинности и вынуждены были вместо себя нанимать за плату работников. За сажень дров завод давал казенную плату 37½ коп., наемным же работникам крестьяне должны были уплачивать фактическую стоимость работы — по 1 р. 40 к. за сажень (сверх казенных 37½ коп.).⁶

Кроме общей для всех приписных крестьян повинности по заготовке и вывозке угля, ежегодно из числа приписных крестьян Олонецкого уезда набирали на заводы определенное количество временных работников для производства разного рода подсобных работ; всего за период с 1744 по 1758 г. было взято на заводы 919 временных работников. Чтобы они могли прокормиться в течение года, со всего приписного крестьянства уезда собирались деньги и каждому работнику давалось от крестьян по 20 р. в год. В 1748—1750 гг. набирались дополнительно люди на временные работы на медные рудники общим числом 120 человек и им было дано от крестьян по 2 р. 50 к.⁷ Таким образом, для временных работ ежегодно набирались из приписного крестьянства Карелии десятки рабочих людей и для их прокормления все приписное крестьянство должно было собирать каждый год довольно значительную сумму денег.

Сверх этих — общих для всех приписных крестьян — ежегодных или временных повинностей, часто производился набор людей для постоянной работы на заводах; этих людей навечно отрывали от крестьянского хозяйства и превращали в заводских рабочих. Кроме того, из олонечких приписных крестьян нередко набирали людей для постоянной работы на предприятиях, расположенных за пределами уезда. Так, в 1736 г. 60 человек было отправлено на серебряные рудники, создававшиеся тогда на Медвежьем острове в Белом море; в 1738 и 1739 гг. производились массовые наборы плотников для работы на Адмиралтейской верфи в Петербурге.⁸

⁵ В. И. Семевский. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. II. СПб., 1901, стр. 477.

⁶ Материалы екатерининской законодательной комиссии, т. X, стр. 125; В. И. Семевский. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. II, стр. 459.

⁷ Материалы екатерининской законодательной комиссии, т. X, стр. 125; В. И. Семевский. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. II, стр. 459—460.

⁸ А. П. Глаголева. К истории приписных крестьян в XVIII в. В сб.: Академик Б. Д. Грекову ко дню 70-летия, М., 1952, стр. 278.

Кроме заводских повинностей, приписные крестьяне должны были выполнять также дорожную и подводную повинности, т. е. содержать в порядке проходившие через приписные погосты почтовые дороги от столицы к Архангельску и от столицы же к Петрозаводску и Марциальным водам и поставлять на эти дороги лошадей для перевозки проезжающих людей и казенных грузов.⁹

Сверх своих феодальных повинностей приписные крестьяне Карелии несли и общие для всего крестьянства государственные повинности: рекрутский набор, поставку определенного количества драгунских (для кавалерии) и «подъемных» (т. е. для гужевого транспорта) лошадей и т. д.¹⁰ Вместе со всем крестьянством приписные крестьяне платили и подушную подать.

В целом положение приписных крестьян было труднее, чем положение всех остальных категорий населения Карелии. Если чернососные крестьяне выполняли только уплату подушной и оброчной подати, рекрутский набор и поставку лошадей, то приписные крестьяне сверх всего этого выполняли еще непрерывно растущие феодальные повинности для заводов: заготовку и вывозку угля, поставку людей для временных работ и для постоянных кадров заводских рабочих и т. д. Для прокормления крестьян, выполнявших временные работы, всем крестьянам приходилось ежегодно собирать деньги; деньги нужны были и для того, чтобы нанимать за себя работников для выполнения повинностей, и для уплаты подушной подати, т. е. денег для различных платежей требовалось ежегодно столько, сколько в своем хозяйстве крестьянин заработать не мог (и должен был искать заработка где-то на стороне).

Необходимость выполнять и денежные, и отработочные повинности — или для выполнения последних нанимать за себя работников — ложилась непосильным бременем на плечи всего приписного крестьянства. Феодальная эксплуатация приписного крестьянства производилась в несравненно больших размерах, чем эксплуатация живших в соседних погостах и тоже принадлежавших государству чернососных крестьян. В результате невыносимого гнета основная масса приписного крестьянства находилась на пути к разорению. «От которых всех вышеписанных заводских работ, — писали крестьяне в своем наказе, — ... за невозможным своим некоторые крестьяне, оставя свои прежние деревенские участки, хорошие строения в пусте, с отечеств своих сошли безвестно, а иные, скитаясь между дворами, разбрелсь». В наказе 1766 г. свое положение приписные крестьяне подытожили сло-

⁹ Материалы екатерининской законодательной комиссии, т. X, стр. 123—124.

¹⁰ Там же, стр. 127.

нами: «Состоим в великих нуждах, и в неокунных долгах и недостатках».¹¹

Обстановка в олонецкой приписной деревне особенно обострилась в начале 40-х годов, когда в связи с развернувшейся вблизи границ Олонецкого уезда в 1741—1743 гг. русско-шведской войной на приписных крестьян легли дополнительные и весьма тяжелые повинности. На приписное крестьянство была возложена обязанность поставлять стрелков на воинские заставы, обеспечивать их одеждой и провиантом, предоставлять подводы для перевозки военных грузов, поставлять фураж для воинских частей и т. д. Наибольшее недовольство крестьян в годы войны вызвали тяготы по поставке подвод, а также предпринятое в 1742 г. строительство укреплений у Кончезерского завода, для чего в «самое удобное пахатное время» было собрано с приписных селений более 300 человек, оторванных от полевых работ. Все эти повинности накладывались сверх обычных заводских повинностей и привели в 1741—1743 гг. к значительному ухудшению положения приписного крестьянства.¹²

Наиболее напряженная обстановка в 40-е годы XVIII в. сложилась в Толвуйском погосте (восточное побережье Заонежского полуострова) и в соседних с ним Кузараудской и Вырозерской волостях и в Падмозерском поселье. В Толвуйском погосте и соседних местностях на протяжении 40-х годов неоднократно разрывались крестьянские волнения, охватившие все здешнее приписное крестьянство.¹³ Очевидно, положение крестьян оказалось здесь более тяжелым, чем в других приписных погостах и волостях.

Яркую картину исключительно трудного положения толвуйских крестьян дает их челобитная, отправленная от имени всего населения погоста в Сенат в 1748 г. Из челобитной явствует, что растущая тяжесть повинностей ведет к накоплению на крестьянах все больших недоимок и у крестьян нет надежды когда-

¹¹ Там же, стр. 128.

¹² А. П. Глаголова. К истории приписных крестьян в XVIII в., стр. 279; Я. А. Балагуров. Приписные крестьяне Карелии в XVIII—XIX вв. Петрозаводск, 1962, стр. 270—271.

¹³ Следует указать, что и в предшествующем XVII столетии крестьянство Толвуйского погоста подвергалось особенно сильной феодальной эксплуатации и на протяжении всего столетия в этом погосте многократно вспыхивали крестьянские волнения, а в 1678 г. — открытое вооруженное восстание против феодального гнета; см.: Т. В. Старостина. 1) Волнения крестьян Толвуйского погоста в XVII в. В сб.: Вопросы истории, вып. 1, Петрозаводск, 1961, стр. 132—145; 2) Борьба крестьян Карелии против феодального гнета в 70-е гг. XVII в. (Массовые волнения в Заонежских и Лопских погостах. Восстание Толвуйского погоста в 1678 г.). Уч. зап. Петрозав. гос. ун-ва, т. VII, вып. 1, 1958, стр. 51—60. — См. также: История Карелии..., стр. 285; Р. Б. Мюллер. Борьба крестьян Шуйского погоста с Тихвинским монастырем. Истор. зап., т. 43, 1953, стр. 241—243. — Видимо, у крестьян Толвуйского погоста сложились к XVIII в. определенные традиции антифеодальной борьбы.

либо отработать эти недоимки. Особенно тяжелы были для толвуйских крестьян дополнительные повинности периода русско-шведской войны 1741—1743 гг.: в 1742 г. «в самое венное время» (во время полевых работ), с погоста была затребована 281 подвода для перевозки военных грузов, причем работа по подводной повинности не была зачтена в подушный оклад и никак не была оплачена, а многие лошади погибли; в том же году, в самый разгар летних полевых работ, 60 крестьян были взяты на 2 месяца на строительство укреплений у Кончезерского завода, и на их пропитание с «мира» было собрано «по 4 р. на месяц» каждому крестьянину, причем и эти работы не были зачтены в подушный оклад. Сверх того, толвуйские крестьяне должны были «безденежно» поставить овес и сено для донских казаков, стоявших в Шуйском погосте.¹⁴

Наибольшее недовольство толвуйского крестьянства вызывали даже не сами повинности, а пороки существующей системы взимания повинностей, приводившие к тому, что из-за бюрократической путаницы, из-за плохой организации учета собираемых денег и выполняемых работ приписным крестьянам приходилось нести огромные дополнительные тяготы, приводившие их «в немалую скудость и последнюю нищету».

При производившейся ежегодно местными заводскими и уездными властями (Канцелярией Олонецких Петровских заводов и Олонецкой воеводской канцелярией) разверстке повинностей по погостам учитывалось число крестьянских душ в каждом приписном погосте, установленное последней ревизией (1724 г.), причем из этого числа до следующей ревизии (т. е. в течение примерно двух десятилетий) не исключали тех крестьян, которые в промежутке между ревизиями были взяты в рекруты и в «вечные» работники на заводы, умерли или бежали из края; поэтому приписным крестьянам каждого погоста приходилось выполнять все повинности не только за себя, но и за крестьян, умерших или ушедших из своих селений.¹⁵ Подобных «мертвых душ» в Толвуйском погосте за два десятилетия (с 1724 по 1743 г.) накопилось более 275 душ человек, а вместе с Кузараудской и Вырозерской волостями и Падмозерским посельем — 723 человека.¹⁶ В то же время в Толвуйском погосте и соседних волостях (так же как и в других приписных погостах и волостях Заонежья) к началу 40-х годов накопилось немало крестьян, пришедших из других местностей Карелии и русского Севера и поселившихся здесь

¹⁴ А. П. Глаголова. К истории приписных крестьян в XVIII в., стр. 279; см. также: Очерки истории СССР. XVIII в. Вторая четверть. М., 1957, стр. 578—579.

¹⁵ А. П. Глаголова. К истории приписных крестьян в XVIII в., стр. 279; см. также: Материалы екатерининской законодательной комиссии, т. X, стр. 127.

¹⁶ ЦГА ИАССР, фонд Канцелярии Олонецких Петровских заводов (далее: ф. КОПЗ), оп. 1, д. 133, л. 62 об.

после генеральной переписи 1724 г.; эти крестьяне (их называли «прописными») не азначились в ревизских сказках и в течение многих лет не платили подушной подати и других денежных сборов. В 1737 г. был издан закон об обложении подушной податью и «прописных» крестьян и о взимании с этих крестьян подушной подати за все предшествующие годы (с момента их поселения в том месте, где они живут в 1737 г.). «Прописных» крестьян в Толвуйском погосте, Кузарандской и Вырозерской волостях и Падмозерском поселье набралось 276 человек, и с них стали взискивать и ежегодную подать, и недоимку, накопившуюся за прошлые годы; ¹⁷ недоимка эта была настолько велика, что каждый «прописной» крестьянин в отдельности уплатить ее сразу не мог (обычное крестьянское хозяйство едва давало средства для уплаты ежегодной суммы подушной подати и иных денежных сборов). Так как сборы податей и выполнение повинностей производились по принципу круговой поруки, уплата недоимки «прописных» крестьян была возложена на все крестьянское население каждого погоста и волости и оказалась новой, весьма обременительной тяготой, еще более разорявшей приписное крестьянство.

Поскольку и взимание с приписного крестьянства податей за умерших и бежавших из погоста крестьян, и взимание со всего крестьянства погоста накопившейся недоимки за пришедших в погост «прописных» крестьян были несправедливыми поборами, по существу — беззаконием, вызванным пороками существующей феодально-бюрократической машины, именно эти два побора и вызвали в начале 40-х годов первый взрыв крестьянского возмущения.¹⁸

¹⁷ Там же, л. 62.

¹⁸ Бюрократическая путаница во взимании денежных и натуральных повинностей не ограничивалась в тот момент данным примером (хотя он и был наиболее крупным). Тогда же, в 1743—1744 гг., вспыхнул спор между олонецкой заводской канцелярией, ведавшей приписными крестьянами, и олонецкой воеводской канцелярией, ведавшей черносошными крестьянами, а также сбором некоторых второстепенных платежей со всего крестьянства уезда. Воеводская канцелярия стала требовать с того же Толвуйского погоста недоимку по уплате оброка за пользование рыбными ловлями с 1732 по 1738 г. в сумме 664 р. 50 к. Заводская канцелярия в ответ указала, что с перешедших с 1725 г. в ведение воеводской канцелярии крестьян и посадских людей должна быть взискана в пользу заводской канцелярии недоимка за 1724 и 1725 гг., и эта недоимка должна покрыть недоимку толвуйских крестьян. Однако из-за разгоревшихся недомственных споров с толвуйских крестьян продолжали требовать недоимку за пользование рыбными ловлями. См. об этом: там же, лл. 60—61 об., д. 134, лл. 72—73, и д. 135, л. 58. — Денежные и натуральные поборы за время войны 1741—1743 гг., взимавшиеся воеводской канцелярией с приписных (и черносошных) крестьян на содержание казачьих и гусарских полков (стоявших на территории уезда), должны были быть засчитаны в счет подушной подати, однако из-за междуведомственной поразберихи это сделано не было, — см.: там же, д. 134, л. 72—72 об.

Волнения приписных крестьян в середине XVIII в. обычно начинались с подачи коллективных челобитных властям с просьбой облегчить тяготы феодально-государственных повинностей.¹⁹ Так было и в данном случае. Осенью 1743 г. приписные крестьяне Толвуйского погоста, Вырозерской и Кузарандской волостей и Падмозерского поселья составили коллективное прошение в Канцелярию Олонецких Петровских заводов. В своем прошении крестьяне потребовали, чтобы подушные деньги, собранные с этого погоста и волостей в период с 1724 по 1743 г. за умерших, беглых и отданных в рекруты, заводская канцелярия зачла в счет недоимки по сбору подати с «прописных» крестьян за прошлые годы.

По произведенным канцелярией подсчетам оказалось, что за умерших, беглых и отданных в рекруты было с 1724 г. собрано 15 705 р., недоимка же с «прописных» крестьян исчислялась всего в 4225 р. 65 к.; ²⁰ иными словами, оказалось, что первая сумма превышает на 11 680 р. 35 коп. вторую, и если эти деньги зачесть, то недоимка с толвуйских и соседних крестьян будет покрыта. Подобная операция по зачету перебранных денег не была бы противозаконной — она допускалась в указе 1737 г. об обложении «прописных» крестьян. Однако Канцелярия Олонецких заводов все же побоялась взять на себя столь ответственное решение.²¹ Насколько можно понять из документов, подобная позиция была вызвана тем, что сумма перебранных денег намного превосходила сумму недоимки; если произвести зачет, то было неясно, что делать с остающейся суммой перебранных денег.²² Заводская канцелярия отказалась удовлетворить прошение крестьян и распорядилась «имеющуюся на оных погостах и волостях за прошлые годы подушную доимку» (т. е. недоимку по уплате подати с «прописных» крестьян) «править без всякого послабления, не принимая ни от кого никаких отговорок».²³

Обычно в ходе волнений приписных крестьян в XVIII в. после несогласия властей удовлетворить требования, содержащиеся в крестьянских челобитных, крестьяне переходили к другой, более

¹⁹ В. Н. Бернадский. 1) Движение приписных крестьян в 50-х—70-х гг. XVIII в. *Вопр. истории*, 1953, № 8, стр. 51; 2) Очерки из истории классовой борьбы и общественно-политической мысли России в третьей четверти XVIII века. Уч. зап. ЛГУ, т. 229, 1962, стр. 57.

²⁰ ЦГА КАССР, ф. КОПЗ, оп. 1, д. 133, лл. 62—63.

²¹ В донесении канцелярии сообщалось, что «оных якобы перебранных денег петрозаводская канцелярия зачесть и платеж за приписных крестьян собою опасна» (там же, л. 66).

²² Строго говоря, следовало оставшуюся часть перебранных денег зачесть в счет подушной подати с данного погоста и волостей за последующие годы и соответственно уменьшить (или вовсе не производить) на кацне годы и соответственно уменьшить (или вовсе не производить) на кацне год-то время здесь сбор подати. Однако заводская канцелярия, видимо, вообще считала пожелательным признавать сам факт, что сбор подати был в данном случае произведен неправильно.

²³ ЦГА КАССР, ф. КОПЗ, оп. 1, д. 133, лл. 63 об., 66—66 об.

активной форме антифеодальной борьбы — к отказу от выполнения феодально-государственных повинностей.²⁴ Так и в данном случае — все крестьянство Толвуйского погоста и соседних волостей, возмущенное несправедливостью заводской канцелярии, отказалось платить незаконно взыскиваемую «доимку»; толвуйские крестьяне «по многократным от заводской канцелярии посланным указом učinились преслушны».²⁵

В феврале 1744 г., для того чтобы заставить крестьян уплатить недоимку, в Толвуйский погост и соседние волости был послан из Петрозаводска капитан-армус Илья Киселев с солдатами. Но и посылка воинской команды не дала результатов: Киселев вынужден был довести в заводскую канцелярию, что крестьяне по-прежнему решительно отказывались платить незаконно требуемые с них деньги. Канцелярия вновь приказала Киселеву «взыскивать без всякого послабления» недоимку и «в самой скорости» выслать ее в Петрозаводск, угрожая, что в случае невыполнения недоимка будет взыскана «на нем, Киселеве». Одновременно в Петербург был послан запрос, что делать «со оными в платеже денег преслушниками».²⁶

Между тем, положение в Толвуйском погосте и соседних волостях становилось все более острым. Когда Киселев с солдатами пришел в Вырозерскую волость и стал там в земской избе производить праваж недоимки, он встретил открытое сопротивление. Крестьянин Кузарандской волости Степан Симапов «учинился преслушен» и «солдат Чистякова и Котова прибил, и его Киселева едва не прибил». По-видимому, после этой вспышки обстановка в непокорных местностях стала настолько накаленной, что капитан-армус Киселев с солдатами, не имея достаточно сил, чтобы принудить крестьян к повиновению, и опасаясь за свою жизнь, в конце марта бежал обратно в Петрозаводск.²⁷

Летом того же года в Толвуйский погост был послан капрал с солдатом «сыскать главных противников в неплатеже по силе указов за прописных крестьян за прошлые годы подушных денег». Пять крестьян во главе со старостой Толвуйского погоста Степаном Петровым были арестованы, и над ними было начато следствие; остальные крестьяне прекратили неповиновение.²⁸

Спустя три года, в 1747 г., в Толвуйском погосте опять вспыхнули волнения. Поводом для волнений снова стал все еще не урегулированный вопрос о взыскании недоимок по сбору подушной подати с «прописных» крестьян. В декабре 1747 г. крестьяне Толвуйского погоста подали в заводскую канцелярию «мирскую

²⁴ В. Н. Бернадский. 1) Движение приписных крестьян... стр. 51—52; 2) Очерки... стр. 57—58.

²⁵ ЦГА КАССР, ф. КОПЗ, оп. 1, д. 134, л. 73.

²⁶ Там же, л. 73 об., 75.

²⁷ Там же, д. 135, л. 6.

²⁸ Там же, д. 137, л. 40—40 об.; см. также л. 59.

сказку», в которой заявляли, что из-за тяжести заводских повинностей они не в состоянии уплатить недоимки. Несмотря на принятые властями меры, сопротивление крестьян уплате недоимок затянулось на много месяцев. Летом 1748 г. Канцелярия Олонецких Петровских заводов послала в Толвуйский погост для праваж недоимок целую воинскую команду с заводским комиссаром Головачевым во главе; Головачев по приезде в погост недоимки с крестьян «на нестерпимом праваж правил и в железах и в колотках за тот праваж кованы были и в подпольях держал». Однако толвуйские крестьяне и осенью 1748 г. по-прежнему отказывались платить недоимки.²⁹

Волнения крестьян в Заонежье значительно усилились в 1749 г.³⁰ В начале этого года Канцелярия Олонецких заводов решила изменить способ заготовки дров для пережога на уголь и, по примеру уральских заводов, производить заготовку дров заблаговременно, за год до пережога, с тем чтобы пережигать на уголь не сырые, а уже высушенные дрова. В связи с этим на 1749 г. на приписных крестьян была возложена обязанность заготовить двойное количество дров: и на текущий, и на будущий год (1749-й и 1750-й). Высылать работников для рубки дров было приказано к 15—20 апреля, как раз во время начала весенних полевых работ; за рубку дров была установлена мизерная плата в 10 коп. за сажень.³¹

Большинство населения приписных погостов подчинилось распоряжению канцелярии и в назначенный срок выслало работников для заготовки дров. Но в Толвуйском погосте, Кузарандской, а затем и Фоймогубской и Вырозерской волостях, где уже в течение полутора лет шли крестьянские волнения, данное распоряжение вызвало новый взрыв недовольства. Некоторые толвуйские крестьяне стали ходить по соседним волостям, призывая жителей совместно отказаться от выполнения повинностей. К началу мая волнения распространились на все население Толвуйского погоста и трех соседних волостей; «миром» было решено не выполнять распоряжение канцелярии.³²

²⁹ А. П. Глаголова. К истории приписных крестьян в XVIII в., стр. 279; Я. А. Балагуров. Приписные крестьяне..., стр. 279. — Отстаивая свои права, толвуйские крестьяне в 1748 г. подали в Сенат уже упоминавшуюся выше челобитную, где ярко охарактеризовали свое тяжелое положение.

³⁰ Материалы о волнении крестьян 1749 г. указаны нам в 1952 г. Д. З. Генделевым, за что приносим ему глубокую благодарность.

³¹ ЦГА КАССР, ф. КОПЗ, оп. 1, д. 199, лл. 20—21; Я. А. Балагуров. Приписные крестьяне..., стр. 279—280.

³² ЦГА КАССР, ф. КОПЗ, оп. 1, д. 200, лл. 34—35. — По сообщению солдат, посланных заводской канцелярией по погостам для высылки дровосеков на заготовку дров, старосты, десятские и «все мирские люди» Толвуйского погоста, Кузарандской и Фоймогубской волостей «учинились преслушны, а сказали то, что до оных дров рубить оне не будут» (там же). См. также: Я. А. Балагуров. Приписные крестьяне..., стр. 280.

В середине мая крестьянские ходки пришли в заводскую канцелярию и стали по поручению крестьянского «мира» просить, чтобы «их от сечки дров уволить за наступлением пашенного времени, или бы рубить, да не все, но наполовину». Чиновники заводской канцелярии решили «на страх другим» жестоко наказать крестьян, осмелившихся проявить неповиновение. За провинность всего толвуйского крестьянства решили наказать оказавшихся под руками трех крестьян-ходовков; было приказано этим крестьянам «учинить... наказание батожем нещадно».³³

В непокорные местности были отправлены три солдата с приказом заставить старост и десятских «в самой скорости» выслать требуемое число людей на рубку дров. В случае, если крестьяне Толвуйского погоста и соседних волостей вновь откажутся повиноваться властям, солдаты должны сообщить крестьянам, что за непокорность они будут «тяжко истязаны... с конечным разорением». Кроме того, солдаты должны были взять в непокорных местностях старост и «лучших людей», заковать в кандалы и привести их в Петрозаводск.³⁴ Но и эти меры не сломили сопротивление крестьян.

Тогда, уже в начале июня, в непокорные селения был послан один из главных чиновников заводской канцелярии, шихтмейстер Фрейгольд; но и он вскоре должен был донести, что крестьяне «состоят в прежнем своем упрямстве» и категорически отказываются выполнять требования властей. Толвуйские крестьяне «в том отказе за руками своими» дали Фрейгольду «подписки», в которых решительно заявляли, что на Кончезерский завод «двойных дров из десятиконеевного плакату рубить как ныне, так и впредь оне не будут», ибо они живут далеко от заводов и между их деревнями и заводами лежит много водных перевозов, а кроме того, «за пашенным временем и за их мирскими нуждами и платежом подушных денег» они не могут отлучиться от своих домов.³⁵ Аналогичные мотивы были выставлены в челобитной, отправленной от имени всего крестьянства Толвуйского погоста и соседних волостей в Москву, в Берг-коллегию; в челобитной крестьяне требовали освободить их от заготовки двойного количества дров.³⁶

Движение крестьян не только не утихло, несмотря на все принимаемые властями меры, но напротив — продолжало расти.

³³ ЦГА КАССР, ф. КОПЗ, оп. 1, д. 200, лл. 38—39.

³⁴ Там же, л. 35. — Примечательно, что, понимая напряженность обстановки в Толвуйском погосте и соседних волостях, посланным туда солдатам администрация предписывала, понуждая крестьян к повиновению, не доводить дело до крайности и, если старосты и крестьяне решительно откажутся подчиниться, «оным посланным драки с ними не иметь, дабы не того смертного убийства причинитца не могло» (там же).

³⁵ Там же, д. 202, лл. 6—7; см. также: Я. А. Балагуров. Приписные крестьяне..., стр. 281.

³⁶ Я. А. Балагуров. Приписные крестьяне..., стр. 280.

Первое время Выгозерская и Фоймогубская волости собирались высылать в лес дровосеков, но затем, «взвизывая на тот Толвуйский погост», эти волости присоединились к выступлению и тоже отказались производить рубку дров. Толвуйские крестьяне, стремясь расширить размеры движения, вступили в сношения со старостой и крестьянами Выгозерского погоста, призывая и их присоединиться к отказу от выполнения непосильных повинностей.³⁷

В течение лета 1749 г. обстановка в непокорных селениях все более накалялась. Когда солдаты попытались повести в Петрозаводск старосту Кузарандской волости, крестьяне его не отдали, и он сам «учинился противен». Солдат, собиравший подушную подать с Толвуйского погоста, сообщил в канцелярию, что он не только взыскивать эти деньги, но и вообще «тамо ходить опасен... за угроживаньем от крестьян». В местностях, охваченных волнением, было фактически почти прекращено выполнение всех крестьянских повинностей — крестьяне перестали платить подушные деньги и недоимки за прошлый год, поставлять рекрутов и т. д.³⁸

Напуганная размахом крестьянских волнений, заводская канцелярия обратилась в Берг-коллегию с запросом, что делать с непокорными крестьянами; по мнению канцелярии, если теперь не заставить крестьян выполнить поставку дров и «противность» их оставить без наказания, то в будущем они, «яко не имеющие никакого страха», могут прийти «в наибольшее буйство».³⁹

С целью понудить мятежные местности возобновить уплату подушной подати и недоимок за прошлое время решено было воздействовать на старост погоста и волостей, для того чтобы те в свою очередь принудили к повиновению восставшее население; 28 июля было приказано старостам Толвуйского погоста и соседних волостей «учинить наказание батожем» и потребовать уплатить подати и недоимки в течение двух недель.⁴⁰ Было ли тогда исполнено это распоряжение — неизвестно, но в августе неповиновение продолжалось. Крестьяне непокорного погоста и волостей по-прежнему «чинятся противны» и повсеместно отказываются платить подушную подать и за текущий год, и даже за вторую половину прошлого 1748 г.⁴¹

В сентябре 1749 г. для подавления крестьянского волнения канцелярия отправила в непокорные местности каптенармуса Илью Киселева с командой солдат. Вопрос о рубке дров на будущий год канцелярия уже не поднимала, ибо время для этого было упущено, и Киселеву была поставлена ограниченная задача: до-

³⁷ ЦГА КАССР, ф. КОПЗ, оп. 1, д. 202, л. 8.

³⁸ Там же, лл. 8, 56, и д. 203, лл. 34—35.

³⁹ Там же, д. 202, лл. 7—8.

⁴⁰ Там же, л. 56.

⁴¹ Там же, д. 203, лл. 34—35.

биться взыскания недоимки по уплате подушной подати за «прописных» крестьян за прошлые годы. Но крестьяне были настроены весьма решительно. Когда солдат Еришов стал в деревне Пикалевской принуждать крестьянина Максимова уплатить недоимку, то сын крестьянина стал бить солдата «колом по голове и по другим местам до немалого увечья».⁴² Киселев собрал в Толвуйском погосте старост, десятских и «мирских людей» этого погоста и соседних Вырозерской волости и Падмозерского поселья⁴³ и приступил к правому недоимки; однако собравшиеся в центре погоста — в селении Толвуй — старосты, десятские и крестьяне (видимо, в количестве нескольких сот человек) категорически отказались платить. Киселев, «боясь того, дабы оне, собрався многолюдством, чего над ним с командою не учинили, принуждения... более чинить им не посмел...» и спешно вернулся со своими солдатами в Петрозаводск.⁴⁴

Для идеологии участников крестьянских волнений в Заонежье (как и вообще для идеологии крепостного крестьянства того времени) были типичны царские иллюзии, проявившиеся в наивном представлении, что виновниками тяжелого положения приписного крестьянства являются местные органы феодально-государственного принуждения — Канцелярия Олонецких заводов, а высшие власти — царица Елизавета и ее Берг-коллегия — не знают о положении олонецких крестьян, а когда узнают — восстановят справедливость.⁴⁵ Поэтому, оказывая сопротивление несправедливым, по мнению крестьянства, требованиям местной заводской администрации, участники волнений главную надежду возлагали на вмешательство высших органов власти.

Еще летом 1749 г. староста Толвуйского погоста Степан Петров «с товарищи» был послан крестьянством погоста в Москву, в Берг-коллегию, с уже упоминавшейся выше челобитной на имя царицы Елизаветы Петровны, и после этого вплоть до начала 1750 г. в непокорном погосте и волостях ожидали «милостивого указа», который должен удовлетворить законные требования крестьян. Не дождавшись ответа, в феврале 1750 г. Петров вернулся в Заонежье, намереваясь организовать отправку в Москву новой челобитной от крестьянства мятежного погоста и волостей.⁴⁶

⁴² Там же, л. 35, и д. 204, лл. 15—16.

⁴³ Падмозерское поселье в документах, говорящих о волнениях 1749 г., до сентября этого года не упоминалось; видимо, эта местность, ранее участвовавшая вместе с толвуйскими крестьянами в волнениях 1743—1744 гг., на этот раз присоединилась к волнениям с большим запозданием.

⁴⁴ ЦГА КАССР, ф. КОПЗ, оп. 1, д. 204, лл. 15—16.

⁴⁵ Ср.: В. Н. Бернадский. 1) Движение приписных крестьян..., стр. 51—52; 2) Очерки..., стр. 58.

⁴⁶ Я. А. Балагуров. Приписные крестьяне..., стр. 280—282.

В ожидании благоприятного ответа от правительства крестьяне Толвуйского погоста и соседних волостей зимой 1749/50 г. по-прежнему отказывались выполнять заводские повинности. Пример толвуйских крестьян стал оказывать воздействие на крестьянство других соседних местностей, ранее не участвовавших в волнениях. Крестьяне прилегающих с юга к Толвуйскому погосту Кижской и Великогубской третей Кижского погоста стали обещать поддержку толвуйским крестьянам. И действительно, в начале 1750 г. волнения распространились на Кижский погост, крестьянство которого прекратило вывозку угля на заводы.⁴⁷

Возникла реальная угроза распространения волнений на все приписное крестьянство Олонецкого уезда, и это обстоятельство вынудило правительство пойти на уступки крестьянским требованиям, чтобы добиться прекращения волнений. В начале 1750 г. распоряжение о заготовке двойного количества дров было отменено и тем самым был устранен главный повод для волнений. Таким образом, приписное крестьянство Заонежья в результате своей борьбы против гнета феодально-государственных повинностей сумело добиться определенных успехов.

Весной 1750 г., когда в Заонежье уже восстановилось спокойствие, феодально-крепостнические органы власти предприняли карательные меры, стремясь жестоко наказать участников волнений. В Заонежье был отправлен шихтмейстер Фрейгольд с командой солдат для произведения арестов «главных зачинщиков» волнений. 18 арестованных были привезены в Петрозаводск и подвергнуты телесному наказанию на городской площади. В Толвуйском погосте и соседних волостях команда Фрейгольда произвела в массовых масштабах публичные наказания участников волнений: 121 крестьянина подвергли сечению плетью, 253 человека были биты батогами.⁴⁸

Предпринятые в районе недавних волнений жестокие карательные меры ставили своей целью надолго отбить у крестьян всякую охоту к неповиновению властям. Однако достигнутый успех носил лишь временный характер. Сделанные властями уступки устранили лишь конкретный повод, вызвавший волнения 1749 г., но по существу в положении приписного крестьянства не наступило сколько-нибудь значительных изменений, а следовательно — осталась в силе основная причина крестьянского недовольства: тяжелый, непосильный гнет феодально-государственных повинностей. И потому вполне понятно, что, как только в Заонежье спустя менее чем два десятилетия был предпринят властями новый нажим на приписных крестьян — было введено в 1769 г. значительное увеличение отработочных повинностей (в связи с развернувшейся в это время разработкой месторожде-

⁴⁷ Там же, стр. 282.

⁴⁸ Там же.

нии мрамора в Тивдии и с началом строительства Лижкемского завода), — приписное крестьянство Заонежья ответило на этот нажим новым, еще более крупным взрывом массовых волнений, на этот раз (в отличие от волнений 40-х годов) не ограничившихся пассивными мерами борьбы, но перешедших в открытое восстание против угнетателей. Правда, в движении 1769—1771 гг. центр волнений переместился в более южную часть Заонежья — в Кижский погост (по имени которого движение было названо Кижским восстанием); однако и в этом движении, наряду с приписными крестьянами Кижского и ряда других погостов и волостей Заонежья, широкое участие вновь приняло приписное крестьянство Толвуйского погоста, Кузарандской, Фоймогубской и Вырозерской волостей.⁴⁹

Рассмотренные в настоящей статье выступления приписных крестьян Заонежья в 40-е годы XVIII в. внешне имели ограниченные цели — борьбу против произвола местной заводской администрации, против незаконно налагаемых дополнительных тяжелых поборов и повинностей. Однако по существу данные волнения, охватившие значительную часть территории Заонежья, были направлены против всего существующего в стране феодально-крепостнического строя, являлись частью антифеодальной борьбы всего русского крестьянства, подтачивавшей в XVIII в. основы феодализма в стране.

⁴⁹ Я. А. Балагуров. 1) Кижское восстание 1769—1771 гг. Петрозаводск, 1951, стр. 28—29, 31—34, 43, 52, 55—56, 63, 68—70, 80—81; 2) Приписные крестьяне..., стр. 286, 290, 292—293, 299—300, 302—306.

Т. П. БОНДАРЕВСКАЯ

БЕГЛЫЕ КРЕСТЬЯНЕ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В СЕРЕДИНЕ XVIII в.

Проблема беглых крестьян имеет существенное значение для изучения социальной и экономической истории Среднего Поволжья XVIII в. Среднее Поволжье в XVIII в. являлось местом скопления огромного количества беглых крестьян из различных районов России. Постоянное передвижение населения происходило внутри Среднего Поволжья; наконец, с течением времени сам район Среднего Поволжья выбрасывает массы беглых крестьян в другие районы страны.

Вопрос о беглых в данной статье ставится, с одной стороны, как вопрос об одной из распространенных форм классовой борьбы крепостного крестьянства, с другой — как вопрос об одном из основных ингредиентов процесса колонизации Среднего Поволжья. Постановка этих вопросов не нова. В исторической литературе твердо установился взгляд на побег как на исконное средство протеста крепостных крестьян против существовавших тогда условий. Неоднократно указывалось и на роль беглых в колонизации и освоении окраин. Однако до последнего времени исследования о беглых крестьянах касались лишь XVII в., исследований о беглых крестьянах в XVIII в. почти не было. Особенно скудны данные в литературе о беглых крестьянах Среднего Поволжья.¹

Правда, этот пробел в значительной степени заполняет обстоятельное исследование П. К. Алефиренко о крестьянском дви-

¹ Имеется краткая заметка П. Преображенского «Беглые крестьяне Самарского края в XVIII в.» (Изв. Самарск. гос. ун-в., 1922, вып. 3) по истории смысла беглых. Некоторые данные о беглых крестьянах Среднего Поволжья (главным образом о беглых в Среднем Поволжье) в 20—30-е годы XVIII в. приведены в статье: В. Ю. Гессен. Нападения беглых крестьян на помещичьи вотчины в 20—30-х годах XVIII века. Вопр. истории, 1954, № 12, стр. 103—110. — О побегах крестьян в Ср. Поволжье накануне восстания С. Разина опубликована заметка Т. И. Смирновой (Вопр. истории, 1956, № 6, стр. 129—131).

жении в XVIII в., в котором бегству как одной из форм борьбы крестьянства уделено большое внимание.² К. Н. Щепетов дополнил исследование П. К. Алефиренко большим конкретным материалом о беглых князя Черкасского, в вотчинах которого в первой половине XVIII в. в бегах находилось свыше 16% крепостных.³

Имеющийся в моем распоряжении материал о беглых помещичьих крестьянах Среднего Поволжья позволяет шире, чем это сделано в книге П. К. Алефиренко и статье К. Н. Щепетова, рассмотреть вопрос об экономическом положении беглых, их занятиях и составе семей, о роли беглых в колонизации Среднего Поволжья. Основным источником являются «допросные речи» беглых: в них содержится богатый материал о причинах бегства, направлении и продолжительности побегов, об экономическом положении беглых в момент их сыска.

Бегство крестьян в Среднее Поволжье началось в XVII в.⁴ В челобитной московских служилых людей 1682 г. указывалось, что крестьяне бегут «в Попизовые города: в Казань, в Нижний, и в Симбирск, и в Саратов, и в Саранск, и в Арзамас, и на Алатырь, и на Пензу, и в Ломов, и в Керенск, и во все Казанские пригородки».⁵ А. Новосельский, изучив большой материал о бегстве крестьян из центральных уездов на восточную и южную окраины в XVII в., пришел к выводу, что «это был настоящий колонизационный поток, заполнявший окраины государства, заселявший степные пространства».⁶

Бегство крестьян в Среднее Поволжье продолжалось и в XVIII в. В 1737 г. в разных местах Казанской и Воронежской губерний было сыскано 1872 крестьянина, бежавших из московских вотчин Черкасских в течение первой трети XVIII в.⁷

Но районы прилива беглых крестьян в Среднем Поволжье изменялись. Если в XVII в. основная масса беглых задерживалась в Нижегородском, Арзамасском и Алатырском уездах, то в XVIII в., в связи с широким развитием в данном районе дворянского землевладения, волна беглых крестьян направлялась в Симбирский и Пензенский уезды, еще слабо освоенные поме-

² П. К. Алефиренко. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30–50-х годах XVIII в. М., 1958, стр. 94–114, 187–190, 262–266.

³ К. Н. Щепетов. Беглые крестьяне князя А. М. Черкасского в первой половине XVIII в. История СССР, 1963, № 6.

⁴ См.: А. Новосельский. Побег крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве во 2-й пол. XVII в. Труды Инст. истории РАНИОН, вып. I, 1926, стр. 332; А. Г. Маньков. Побег крестьян в вотчинах Троице-Сергиева монастыря в первой четверти XVII в. Уч. зап. ЛГУ, серия истор. наук, 1940, вып. 10.

⁵ А. Новосельский. Побег крестьян и холопов..., стр. 333.

⁶ Там же, стр. 335.

⁷ ЦГАДА, ф. Следственной комиссии о беглых крестьянах князя А. М. Черкасского, № 324, д. 7, л. 352.

щиком и располагавшие большой площадью незаселенного «дикого» поля. При этом в XVIII в. в юго-восточный край Среднего Поволжья бежали не только крестьяне из центральных уездов, но и из Нижегородского, Арзамасского, Алатырского, Курмышского, Шацкого уездов — главным образом именно из данного района. Так, в 1737 г. «в разных местах» Казанской и Воронежской губерний Сенатская сыскальная экспедиция сыскала 11 467 беглых крестьян, принадлежавших Черкасскому; из них 9118 человек происходило из его нижегородских и арзамасских вотчин.⁸ Бежали крестьяне и из многих других вотчин Нижегородского Поволжья. К 60-м годам XVIII в. насчитывалось 25 беглых крестьян из алатырских вотчин Пазухиных⁹ — помещиков, которые и всего-то имели здесь две сотни крепостных. В 20-е годы XVIII в. Нижегородская губерния дала наибольшее количество беглых из государственных и дворцовых крестьян.¹⁰ Бегство крестьян из Нижегородского и Арзамасского уездов, начавшееся в конце XVII в. и особенно развившееся с началом XVIII в., находится в тесной связи с развитием и укреплением здесь помещичьего землевладения и крепостничества.

Уменьшение (но не прекращение) бегства в Поволжье из центра объясняется тем, что, как показывают материалы Комиссии 1767 г., основными районами, куда бежали крестьяне из центральных и северных уездов, в середине XVIII в. становятся Литва и Польша, Остзейский край, Малороссия и Кавказ.¹¹

В середине XVIII в. начинается бегство крестьян из Пензенского и Симбирского уездов. В губернские, провинциальные и воеводские канцелярии непрерывно поступали челобитные о бегстве крепостных крестьян из Пензенских вотчин Голицыных, Блудовой, Толстых, Кофтырева, Ермолова, Романовской, из симбирских вотчин Чернышевых, Шореметевых.¹² В 40-е годы XVIII в. Симбирский и Пензенский уезды наряду с Нижегородским дали самый большой поток беглых государственных и дворцовых крестьян.¹³

подавляющее большинство крестьян, бежавших из различных вотчин Среднего Поволжья в первой половине XVIII в., укрывалось внутри Среднего Поволжья, передвигаясь из одного уезда

⁸ Там же.

⁹ РО ГБЛ, ф. Пазухиных, XIII 15.17, XVIII 12.17.

¹⁰ П. К. Алефиренко. Крестьянское движение..., стр. 263.

¹¹ А. Фирсов. Вопрос о беглых и разбойниках, поднятый в Комиссии для составления нового «Уложения», Изв. общества археол., истории и этногр. при Казанском унив., 1891, т. IX, вып. 1; В. Соменовский. Крестьяне в царствование Екатерины II, т. I. СПб., 1881, стр. 338–343.

¹² ЦГАДА, ф. Казанской губ. канц., № 407, дд. 116–118, 120, 131, 137, 144, 146.

¹³ Ю. В. Готье. Из истории передвижения населения в XVIII в. ЧОИДР, 1908, кн. 1, отд. IV, стр. 8–12.

в другой. Мне известно направление побегов 679 крестьян.¹⁴ Из них 70% бежало из Нижегородского и Арзамасского уездов: 57.6% всех бежавших остановилось в Симбирском и Пензенском уездах. П. К. Алефиренко и К. Н. Щепетов также указывают, что поток беглых из нижегородских вотчин Черкасского оседал в Пензенском, Симбирском и Казанском уездах Казанской губернии: здесь осели 6576 человек из 9118 всех беглых из Нижегородской губернии.¹⁵

Большое количество беглых (20%) тянулось в города Нижнего и Среднего Поволжья, т. е. к промысловым и промышленным центрам, нуждавшимся в рабочей силе. Кишешков, возглавлявший сыскную экспедицию в Саратове в 1758 г., писал: «... всегда в больших хлопотах живот свой мучу... Саратов с пересылкой беглецов совсем сокрушили, не знают, куда с ними деваться».¹⁶

72% учтенных мною беглых крестьян оседало в селах и деревнях Среднего Поволжья. Беглые сами явились основателями целого ряда сел и деревень. В Казанском уезде местом скопления беглых была Сивинская волость. В 1760 г. Казанская губернская канцелярия доносила в Сенат, что «вся та Сивинская волость из разных мест сходцами... на пустых порозжих дачах сама собою населилась» и за прием беглых некого привлечь к ответственности, так как приемщиками беглых были такие же беглые крестьяне, «кои в высылку на прежние места следуют сами», а в указе 1754 г. о сыске беглых ничего не сказано, как поступать, «когда беглой беглого ж принял к себе на пустую порозжую землю».¹⁷ В 1760 г. из 762 человек, населявших в то время Сивинскую волость, выселению подлежало 402 «сходца». Они принадлежали к государственным и ясашиным (174 человека), помещичьим (145 человек), дворцовым (34 человека) и другим категориям крестьян.¹⁸ Государственные и ясашные крестьяне оказа-

¹⁴ Подсчеты произведены по документам следующих фондов: ЦГАДА, ф. 324, дд. 1, 81; ф. Арзамасской пров. канц., № 419, дд. 62—95; ф. Казанской губ. канц., № 407, оп. 20, дд. 6, 8, 12, 25, 28, 89, 116, 120; ф. 1-го деп. Сената, № 259, оп. 1, д. 97—3668, л. 47; ф. 2-го деп. Сената, № 260, оп. 1, д. 72—4973, лл. 154, 319—323; ф. Поляевских, № 1276, дд. 99, 101, 104, 136, 149, 165, 175, 177; ф. Воронцовых, № 1264, оп. 3, ч. Б, разд. 6, д. 1741; ф. Нарышкиных, № 1272, д. 67; ф. Юсуповых, № 1290, оп. 6, дд. 1151, 1117, 1213, 1264. — ГИМ, ф. Куракиных, дд. 29 (н. оп.), 1241. — РО ГВЛ, ф. Пазухиных, XVIII, 19, 15, 26, 12, 17, 19, 9, 26. — ЦГИА, ф. Шереметевых, № 1088, оп. 11, д. 386, 387, 393, и оп. 10, дд. 312, 314.

¹⁵ П. К. Алефиренко. Крестьянское движение..., стр. 98—99; К. Н. Щепетов. Беглые крестьяне..., стр. 129.

¹⁶ РО ГВЛ, ф. Пазухиных, XVIII, 11, л. 10.

¹⁷ ЦГАДА, ф. 1-го деп. Сената, № 259, оп. 1, д. 97—3668, л. 767.

¹⁸ Подсчеты сделаны по ведомости Казанской губернской канцелярии «Из каких мест пришли сходцы в Сивинской волости», — см.: там же, лл. 763—784.

лись из Вятской и Великоустюжской провинций, из Кунгурского, Казанского, Соликамского, Чердынского, Свияжского, Арзамасского, Нижегородского и других уездов. На этой территории было расположено немало казенных и частных заводов, к которым приписывались крестьяне Вятской, Казанской и других провинций. Широким развитием системы приписки в северо-восточных провинциях Казанской губернии объясняется тот факт, что наибольшее число «сходцев» в Сивинской волости оказалось из государственных и ясашных крестьян.

Помещичьи беглые крестьяне были из Галицкого, Вологодского, Костромского, Кунгурского, Соликамского, Нижегородского, Свияжского, Царевосанчурского уездов.¹⁹ Любопытно, что в Сивинской волости не оказалось ни одного «сходца» из Симбирского и Пензенского уездов.

В 1760 г. вся Сивинская волость была приписана к возникавшим Камским молотовым железным заводам гр. Шувалова. Крестьяне, бежавшие от крепостной неволи, попали в новую кабалу и оказали упорное сопротивление. В 1762 г. Шувалов доносил в Сенат, что крестьяне «в приписке к тем заводам чинили противности и непослушания, а потом оные усмирены и в послушание к заводским работам приведены».²⁰ Выселение беглых из Сивинской волости началось в 1765 г.²¹

Подобно Сивинской волости, местом скопления беглых крестьян было с. Никольское (Поим) в Верхнеломовском уезде — впоследствии крупнейшая вотчина Шереметевых. История возникновения Никольской вотчины такова.

В 1694 г. князь М. Черкасскому «из диких полей в Верхнеломовском уезде по речке Поиму» была дана «поместная земля». Полученная Черкасским дача осталась необмежеванной и незаселенной. А вскоре «на той земле многие крестьяня, из разных ево вотчин збежав, поселились... своеволью».²² В 1717 г. в с. Поим насчитывалось уже 1763 души,²³ к 1733 г. «прибыло» еще 1263 крестьянина,²⁴ бежавших из разных вотчин Черкасских, Нарышкиных, Разумовских и других помещиков. В 1727 г. Черкасский направил в Сенат челобитную, в которой сообщал, что крестьяне, поселившиеся на р. Поим, «никаких доходов ему не платили и прикащиков у них никого от него не было».²⁵

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, л. 786.

²¹ В 1764 г. Камские заводы Шувалова были переданы в казну, поэтому выселению подлежали лишь помещичьи крестьяне, а дворцовые, государственные и ясашные крестьяне оставались при заводах.

²² ЦГАДА, ф. 324, д. 5, л. 10.

²³ Там же, л. 83. — В 1717 г. подполковником З. Доломановым была произведена перепись всех крестьян, поселившихся в с. Поим.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

Беглые крестьяне явились основателями другой вотчины Шереметевых — с. Знаменского (Камышленки) Симбирского уезда. Самое раннее известное нам появление беглых в Камышленке относится к 1700 г. В 1720 г. только из Нижегородской вотчины Черкасских, с. Ворсмы, беглых крестьян в Камышленке насчитывалось 47; с 1721 по 1732 г. в Камышленке поселилось еще 464 крестьянина, бежавших из Ворсмы.²⁶ Крестьяне поселялись на свободных землях, осваивали «дикое поле». Затем, когда все свободные земли были заняты, а население за счет притока новых беглых увеличивалось, крестьяне стали покупать земли у окрестных помещиков «по рублю за четверть».²⁷

Вплоть до 30-х годов XVIII в. крестьяне Камышленки, как и Поима, не знали помещичьей власти. Повинности крестьян состояли в уплате мирских денег и подушной подати, причем подушной податью облагалась лишь та часть крестьян, которая попала в списки первой ревизии. Из своей среды крестьяне избирали выборного, ведавшего сбором денег, приобретением земель и устройством вновь прибывавших беглых. Так, к выборному М. Реньеву «прихаживали и являлись... беглые крестьяне... и поселиться позволение у него спрашивали».²⁸ Выборный отводил им земельные наделы. В Поиме и Камышленке, основанных и населенных беглыми крестьянами, создавался уклад, какой существовал во всех деревнях государственных крестьян с присутствием им общинным устройством.

В 1733 г., после челобитной А. М. Черкасского «о беглых из его вотчин многих крестьян», в Пензенско-Симбирский край была направлена Сенатская экспедиция во главе с гвардейским офицером Зиновьевым «для вывозу тех крестьян на прежняя жилища с разорением тех их в бегах жилищ».²⁹ Зиновьев получил обстоятельную инструкцию о сыске и вывозе крестьян. В пункте 3-м инструкции говорилось: «Пущих за вотчиков, учиня жестокие наказания, бив кнутом нещадно, а протчих падогами, и всех их с женами и с детьми и со всеми пожитки выслать в прежняя жилища, кто откуда бежал, а оставшее строение после всех тех беглых крестьян в вышеписанных местах по силе указов разорить и зжечь, дабы впредь никакова пристанища быть не могло».³⁰

Поим и Камышленка были разорены дотла. Но многие крестьяне, отпущенные Зиновьевым на прежние жилища, сбегали с пути из-под конвой солдат и вернулись в Поим и Камыш-

ленку.³¹ В 1737 г. вновь действовала сыская экспедиция Зиновьева. «Однако же и после того вторичного вывозу бежало много число крестьян из разных вотчин Черкасских «в те же низовые места».³²

В 1752 г., «дабы более те крестьяне по разным местам не шатались», началось поселение крестьян, бежавших из вотчин Черкасских, в с. Камышленке, на землях, купленных крестьянами или занятых ими.³³ Для сыска беглых крестьян из Казанской губернской канцелярии были направлены две команды — Ф. Куроедова и фон Вергентрейха. «По ярманкам и по торшкам» Казанской губернии поверенные Шереметевых обращались «со объявлениями», чтобы все крестьяне, бежавшие из вотчин Черкасских—Шереметевых, собирались «на те земли, где были поселки... без всякого опасения».³⁴

Так в 1752 г. на Камышленку, населенную беглыми крестьянами, была наложена помещичья рука. В селе, стихийно выросшем на «пустых» землях в результате непрерывного притока беглых, появились все атрибуты помещичьей вотчины: помещичий дом, вотчинная администрация, приказная изба, тюрьма. Характерна такая мера помещика: «з запискою под смертною казнию» крестьянам объявлено, «чтоб на тех землях жили безотлучно и никуда к побегу намерения не имели».³⁵

Таким образом, еще в 40-е годы XVIII в. была юридически оформлена Никольская (Поимская) вотчина Шереметевых.³⁶

Документы следственных комиссий 1733, 1737 и 1752 гг. показывают, что беглые помещичьи крестьяне были первыми поселенцами многих других сел и деревень Поволжья: в Симбирском уезде сел Коломантай и Зимницы и дер. Самодуровки, в Казанском уезде дер. Садиловки, в Пензенском уезде деревень Березовки и Оржевки и с. Покровского.

Таким образом, беглые помещичьи крестьяне искали себе убежище прежде всего на «пустых» землях, не знавших помещичьей власти. Крестьяне на время освобождались от крепостной неволи и оказывались примерно на положении государственных крестьян.

³¹ ЦГИА, ф. 1088, оп. 11, д. 384, л. 65 (челобитная Шереметевой Сенату 1752 г.).

³² Там же, л. 1. — Беглый крестьянин В. Алешенков на допросе в 1752 г. говорил, что он с семьей «вывезены были из бегов двоекратно из селца Поим и по вывозу никак бежали».

³³ Там же, л. 2. — В 40-е годы вотчины А. М. Черкасского вместе с его дочерью В. А. Черкасской перешли в род Шереметевых. Поселение крестьян в 1752 г. происходило уже при Шереметевых.

³⁴ Там же, л. 2 об. — Крестьян других помещиков, поселившихся в Камышленке, высылали их владельцам.

³⁵ Там же, л. 2.

³⁶ Там же.

²⁶ Там же, д. 1, лл. 1—970. (Подсчеты наши, — Т. Б.).

²⁷ Там же, л. 942 об.

²⁸ Там же, ф. 328, д. 1, л. 940 об.

²⁹ ЦГИА, ф. 1088, оп. 11, д. 384, л. 1.

³⁰ ЦГАДА, ф. 324, д. 5, л. 3.

Часть беглых крестьян попадала в помещичьи деревни или в деревни государственных крестьян. В вотчине Гагаринных, с. Бурдасы Керенского уезда, в 1752 г. было обнаружено 70 беглых крестьян.³⁷ В с. Лыскове, принадлежавшем князьям Грузинским, проживало до 400 беглых крестьян.³⁸ Попадая в тягло в новых местах жительства, гонимые угрозой сыска, крестьяне нередко переходили с места на место. Крестьянин Сергеев, бежавший в 1720 г. из Алатырской вотчины Языковых, в течение 10 лет жил в Пензенской вотчине В. Шереметева, с. Чирчим, но был «выбит воп» и в последующие 6 лет вынужден сменить еще 4 места жительства.³⁹ Беглый А. Посконин за 8 лет пять раз переходил с места на место.⁴⁰

Источники рисуют картину постепенного перехода беглых из Нижегородско-Арзамасского Поволжья в Пензенский и Симбирский уезды, а отсюда на юго-восточную окраину Поволжья и в Заволжье. В 1763 г. в Сенат поступило донесение от нижнеломовского помещика А. Арапова о том, что из его вотчины бежало 14 крестьян «з женами и з детьми и со всеми своими семействами» «в новопоселенное место на реке Иргисе» — в Малыковскую волость.⁴¹ К побегу готовилось еще пять крестьян Арапова. На Иргиз же бежало шесть крестьян от помещиков Боженниковых Шацкого уезда, туда же бежали крестьяне от кн. Мамлеева из Верхнеломовского уезда.⁴² Нижнеломовская воеводская канцелярия доносила в Сенат, что «и от протчих помещиков многие крестьяни побежали... туда».⁴³

Общее количество беглых крестьян в Среднем Поволжье в изучаемый период установить невозможно: статистика велась небрежно, точного учета не было, частные фонды за этот период сохранились крайне плохо. Известные нам материалы приводят к одному наблюдению о динамике в развитии бегства: бегство крестьян было постоянным фактором социальной жизни Поволжья, но были периоды подъема и периоды уменьшения количества крестьянских побегов.

В XVIII в. в Среднем Поволжье периодом учащения крестьянских побегов были 20—30-е годы. Об этом свидетельствуют материалы о бегстве крестьян из нижегородских и арзамасских вотчин Черкасского. По источникам известно время бегства 878 крестьян. Оказывается, что до 1710 г. бежали 26 крестьян, с 1711

по 1720 г. — 47, с 1721 по 1730 г. — 464, с 1731 по 1740 г. — 245, с 1741 по 1750 г. — 96.⁴⁴

Затем увеличение числа побегов крестьян относится к 60-м — началу 70-х годов XVIII в. Вот данные о побегегах из среднеломовских вотчин в последние десятилетия перед Крестьянской войной.⁴⁵

Таблица 1

Годы	Количество побегов крестьян из вотчин					всего
	Полянских	Куракиных	Воронцовых	Юсуповых	Нарышкиных	
1751—1760	10	2	3	2	—	17
1761—1770	24	6	10	4	23	67
1771—1773	12	2	8	1	18	41
Всего . . .	46	10	21	7	41	125

В 70-е годы, как видно из табл. 1, только за первые три года беглых крестьян в указанных вотчинах было в 2,4 раза больше, чем за все 50-е годы. В этот период в Поволжье наблюдался также рост крестьянских волнений: за последнее десятилетие перед Крестьянской войной 1773—1775 гг. в районе Среднего Поволжья известно 15 крестьянских восстаний, в том числе и в с. Камышленке (1766 г.), населенной беглыми крестьянами. Рост числа крестьянских побегов находился в прямом отношении с обострением общей классовой борьбы крестьянства.⁴⁶

Экономическое положение беглых крестьян выясняется из «допросных речей», отражающих состояние хозяйства беглых в момент их сыска.

Известно, что признаком экономической состоятельности крестьянской семьи является ее состав: «состав семей у зажиточного крестьянства оказывается выше, а у несостоятельного — ниже среднего».⁴⁷ А. Новосельский указывает, что в XVII в. «побеги в одиночку были редки».⁴⁸ Имеющиеся в моем распоряжении данные по первой половине XVIII в. рисуют иную картину:⁴⁹

³⁷ Там же, ф. 324, д. 1.

³⁸ Там же, ф. Полянских, № 1276, дд. 99, 101, 104, 136, 149, 165, 175, 177; ф. Воронцовых, № 1261, оп. 3, ч. В, разд. VI, д. 1741; ф. Нарышкиных, № 1272, д. 67; ф. Юсуповых, № 1290, оп. 6, дд. 1151, 1117, 1213, 1264. См. также: ГИМ, ф. Куракиных, дд. 29 (п. оп.), 1241 (ст. оп.).

³⁹ См.: П. К. Алефиренко. Крестьянское движение... стр. 153, 204.

⁴⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 127.

⁴¹ А. Новосельский. К вопросу об экономическом состоянии беглых крестьян на юге Московского государства в первой половине XVII века. Истор. зап., т. 16, 1945, стр. 59.

⁴² Подсчитано по источникам, указанным на стр. 388 (сп. 14).

³⁷ Там же, л. 17.

³⁸ В. Снежневская. К истории побегов. Нижегород. сборник, 1890, № 10, стр. 523.

³⁹ РО ГВЛ, ф. Пазухиных, XX/26, л. 1.

⁴⁰ ЦГАДА, ф. 324, д. 1, л. 332.

⁴¹ Там же, ф. 2-го деп. Сената, № 260, оп. 1, д. 72—4973, л. 319.

⁴² Там же, л. 319 об.

⁴³ Там же, л. 323.

Таблица 2

Состав семьи	Число побегов	% к общему числу побегов
Одиночные побег	200	39,7
Побеги по 2 человека	67	13,3
» » 3 »	15	2,9
» » 4—5 человек	13	2,6
» » 6—7 »	11	2,4
» с жонами и детьми	107	39,1
Всего	503	100%

Побеги семьями в 2—7 человек и «с женой и детьми» (количественный состав таких семей неизвестен) составляли 60,3% всех известных по документам побегов в Среднем Поволжье в 30-х—начале 70-х годов XVIII в. Почти 40% всех побегов составляли побег в одиночку. Наличие в составе беглых большого количества беглых-одиночек указывает на связь побегов «с хозяйственным изурением и истощением крестьян». ⁵⁰ Если «семьянисты», состоятельные крестьяне во время бегства, как правило, жили «своим двором», то беглые-одиночки или работали по найму на фабрики и заводы, промышляли на рыболовных атагах, бурлачили на Волге и Дону, пробивались поденной работой у крестьян, купцов, помещиков, казаков.

Другим важным показателем при изучении экономического положения беглых крестьян являются данные о их занятиях во время бегства. Известно мне 372 документа с указанием характера занятий беглых крестьян за 1700—1730-е годы и 119 документов за 1740-е—начало 1770-х годов сведены в табл. 3.⁵¹

Из табл. 3 видно, что в первую треть XVIII в. почти 52% всех известных по источникам беглых Среднего Поволжья обитало «своим двором», т. е. собственным крестьянским хозяйством, тогда как в 1740-х—начале 1770-х годов такие беглые составляли всего 21%. Вместе с тем, согласно тем же данным, и последнее тридцатилетие больше чем вдвое вырос процент беглых, добывавших средства к существованию работой «по найму» у разных людей. Продолжительность работы по найму была неодинакова. В период летних полевых работ особенно была распространена поденная и понедельная работа по найму. Больше половины всех перебывавших наймом беглых работало у крестьян же. Зажиточной верхушке крестьян, выделившейся в процессе расчленения деревни, требовались работяжки — и эту нужду она удовлетворяла за счет дешевой рабочей силы беглых. Характер-

⁵⁰ А. Новосельский по XVI в. не находит иной связи.

⁵¹ Подсчеты сделаны по документам, указанным на стр. 388 (сл. 14).

Таблица 3

Характер занятий беглых (терминология документов)	1700—1730-е годы		1740-е—начало 1770-х годов	
	число беглых	%	число беглых	%
Жили «своим двором»	193	51,9	25	21,0
Жили «своим двором»	37	9,9	2	1,7
Кормились «ремеслом»	21	5,6	24	20,2
Работали «по найму»	78	20,9	50	42,1
Работали на помещиков	12	3,2	2	1,7
Откупали мельницы	4	1,1	—	—
Занимались торговлей	1	0,4	3	2,5
Кормились «мирским подаванием»	20	7,0	7	5,8
Находились «в рабстве»	—	—	3	2,5
» «в поругах»	—	—	3	2,5
Всего	372	100	119	100

ным в этом отношении является приказ черносотенных крестьян Саратовской провинции в Комиссию 1767 г., в котором содержалась просьба ограничить действие указа о «немалом» штрафе за держанье беглых: не изыскивать с них штраф за тех приходящих к ним в рабочую пору беглых, которые пробудут у них не больше недели.⁵² Помощники провалили просьбу крестьян, но сама по себе просьба любопытна тем, что в ней слышался голос определенной части деревни, которая нуждалась в труде беглых и несомненно широко применяла его.

Беглые, работавшие на помещиков, выполняли все повинности наравне с их крепостными, слова попадала в крепостное состояние. И. Суслин, несколько лет живший в потчице Трубецкого в Симбирском уезде, на допросе в 1738 г. говорил, что на помещика «работу всякую в ровенство с крестьяны работали». ⁵³ Как и следовало ожидать, у помещиков жила лишь очень незначительная часть беглых крестьян. Следовательно, крестьяне бежали не для того, чтобы сменить владельцев, а стремились совсем уйти от крепостной зависимости.

Выводы, полученные на основании имеющихся данных о семейном положении и занятиях беглых крестьян, подтверждаются данными о состоянии их хозяйства. В различных архивных фондах мне удалось обнаружить 344 документа с описанием хозяйства беглых в момент их смыка. Если взять за основу группировки лошадиность крестьянских хозяйств, то получится следующая картина.

⁵² Н. Фирсов. Вопрос о беглых и разбойниках... стр. 12.

⁵³ ЦГАДА, ф. 324, д. 1, л. 330.

Первая группа беглых крестьян, безлошадные, совершенно повала с собственным земледельческим хозяйством: не имела не только лошадей, но и никакого другого скота, не имела хлеба ни в запасе, ни в посеве. В 1744 г. в с. Камышленке Симбирского уезда содержалось 6 безлошадных крестьянских семей, бежавших из нижегородских и арзамасских вотчин Шереметева. Приказчик Смирнов доносил помещику, что «у оных беглых» лет «никакого пропитания, и милостыни под караул не подают, и помп्राют голодом». Поэтому все шесть семей выпущены из-под караула и отданы «на поруки с подписками поселковым крестьянам».⁵⁴ Это — наиболее бедный, разоренный слой крепостной деревни, находивший себе пропитание работой по найму у разных людей или нищенством. Среди той части беглых, экономическое состояние которой удалось выяснить, такие беглые составляли довольно высокий процент — 18,3%.

О степени хозяйственной обеспеченности однолошадных беглых крестьян говорят следующие показатели: на один двор в среднем приходилось по 0,5 коров и 1,6 голов мелкого скота, по 5,6 осьмин (или по 2,8 четв.) молоченого хлеба и по 0,3 дес. земли в озимом поле.⁵⁵ Во владении однолошадных беглых крестьян, составлявших 26% беглых, находилось всего 13% лошадей, 10% хлеба и 9% озимого земельного клина. Земледельческое хозяйство их являлось номинальным: оно не обеспечивало крестьянского двора собственным хлебом и на четверть года. Преобладающее большинство однолошадных выступает по документам в качестве наемных работников «у разных людей». По характеру своего хозяйства однолошадные мало чем отличались от безлошадных. Однолошадные и безлошадные беглые крестьяне составляли, выражаясь языком документов 60—70-х годов XVIII в., группу «третьестатейных» беглых крестьян (44% всех известных беглых).

Двух- и трехлошадные представляли собою средние слои беглых крестьян, составлявшие почти 46% от известного общего числа беглых. Средние показатели хозяйства на один двор свидетельствуют о крайне неустойчивом экономическом положении средних слоев беглых, особенно двухлошадных, которые своим хлебом были обеспечены лишь на полгода (в среднем 7,5 четв. на двор). Поэтому многие беглые данной группы работали по найму. Но здесь были крестьяне и иного состояния. В. Заикин, беглый из

⁵⁴ ЦГИА, ф. 1088, оп. 10, д. 314, л. 6.

⁵⁵ Размеры земельных наделов в озимом поле высчитаны следующим образом: 89 однолошадных дворов имели в посеве 100,25 осьмин ржи, т. е. каждый двор высевал в среднем по 1,1 осьминны или по 0,6 четв. ржи. Если исходить из данных о средней норме (2 четв.) высевы на десятину, то получается, что 0,6 четв. соответствуют наделу примерно в 0,3 десятины. Подобным же образом определены размеры озимого клина у других групп крестьян.

с. Ворсмы, в 30-е годы имел трех лошадей и содержал на откуп мельницу в Пензенском уезде у помещика Алмазова.⁵⁶

Четырех- и пятилошадные беглые имели основательное земледельческое хозяйство: только в озимом поле они владели земельным наделом в 2,5 дес. (или 7,5 дес. в трех полях). Они были хорошо обеспечены рабочим и другим скотом и имели достаток в хлебе.

Среди беглых выделялась верхушка зажиточных крестьян. Составляя незначительный процент (1,7%), эта группа сосредоточила в своих руках большие материальные богатства. Хозяйства не только обеспечивали пропитание семьи, но и давали излишки хлеба. Некоторые беглые крестьяне данной группы являлись настоящими сельскими богачами. В. Курепанов, бежавший из Нижегородской вотчины Шереметевых в 1720 г., в 30-е годы имел семь лошадей и три жеребенка, трех коров, девять свиней, у него было в запасе хлеба 90 осьмин и 25 овин, посев ржи составлял 4 дес.⁵⁷ Примером богатого крестьянского хозяйства является также хозяйство беглого Нефёда Бабина. Бабин бежал из с. Ворсмы в 1720 г., сначала жил в Пензенском уезде, а в 1724 г. поселился «своим двором» в Камышленке. В 30-е годы Бабин имел 12 лошадей, шесть коров, трех телят, 30 овец и шесть свиней, 62 индейки; хлебный запас у него равнялся 348 осьминам, да имелось 15 овин немолоченого хлеба.⁵⁸ Бабину принадлежало столько хлеба, сколько имели в совокупности 60 однолошадных крестьянских дворов. Разумеется, что часть хлеба Бабин поставлял на рынок, ибо запасы хлеба у него в семь раз превышали потребности его двора. Такое хозяйство не могли обслужить только члены семьи; известно, что «из найма» у Бабина работали беглые. Бабин играл крупную роль в социально-политической жизни Камышленки: неоднократно был выборным, производил купчие сделки на землю с соседними помещиками, принимал беглых крестьян, давая им разрешение на поселение в Камышленке.⁵⁹

Таким образом, данные об экономическом положении показывают, что беглое крестьянство Среднего Поволжья не являлось однородным. При наличии большой группы «мелкостатейных» беглых крестьян выделялась немногочисленная, но экономически сильная, зажиточная верхушка беглых, сосредоточившая в своих руках значительное богатство, применявшая в своем хозяйстве наемный труд. Перед нами картина не только имущественного неравенства, но и возникавших в среде беглого крестьянства экономических противоречий. Низшие группы беглых крестьян, работая по найму «у разных людей», в том числе и у зажиточной

⁵⁶ ЦГАДА, ф. 324, д. 1, л. 265.

⁵⁷ Там же, л. 575.

⁵⁸ Там же, л. 942 об.

⁵⁹ Там же, л. 940 об.

верхушки беглых, попадали в экономическую зависимость к своим более состоятельным собратьям. Следовательно, в беглом крестьянстве Среднего Поволжья в XVIII в. протекали те же социально-экономические процессы, какие наблюдались вообще в крепостной деревне России.⁶⁰ Однако особенности положения беглых крестьян обусловили образование среди беглого крестьянства более значительного слоя «мелкостатейных», экономически разоренных крестьян.

Во второй половине XVIII в. государственная власть и класс помещиков усилили борьбу с бегством крестьян. О беглых было издано «громоздкое количество правительственных распоряжений».⁶¹ Наибольший интерес представляет указ от 13 мая 1754 г., служивший основанием для решения дел о беглых крестьянах во второй половине XVIII в. Этим указом возвращались помещикам все крестьяне, бежавшие от них после 1719 г.; если беглые утаивали, кому они действительно принадлежали, меняли свое имя или имели фальшивые отпускные, то предлагалось «исследовать самым строгим образом и, если дойдет до пытки, то и пытать; затем вишневых бить плетью и писать в службу, а их отдать прежним владельцам». Всех беглых крестьян при отдаче помещикам следовало наказывать за побег по желанию самих помещиков. Указ преследовал также пристанодержателей.⁶²

Царское правительство, верно служившее интересам дворянского класса, не ограничивалось публикацией грозных указов. Для борьбы с побегами крестьян использовались армия и отряды казачьего войска, разбросанные по всем более или менее крупным городам России, в том числе и Среднего Поволжья. При каждой губернской, провинциальной и воеводской канцеляриях имелись мастер заплочных дел — палач — с кнутом и плетью и городская тюрьма, в которой «под караулом», а нередко и «в железах» содержались беглые крестьяне до прихода нарочных от помещиков. В места наибольшего скопления беглых правительство направляло особые сыскные экспедиции «для вывозу беглых на прежние жилища».⁶³

Политику беспощадной борьбы с бегством проводили сами помещики, что видно из их вотчинных инструкций и указов. Б. А. Куракин инструкцией приказчику пензенских вотчин П. Мланицеву от 30 января 1760 г. строжайше запретил держать в вотчинах «беглых крестьян и женок, девок и солдат», так же

как запретил уезжать своим крепостным без разрешения. «Для того смотра» в вотчинах были избраны десятские, которые ежедневно «во всяком дворе по утру и вечеру» проверяли порядок, «чтоб пришлых никого не было».⁶⁴ В симбирских вотчинах Самарина в каждом доме назначался приказчиком старший, который нес ответственность за всех членов семьи и за полный порядок в доме.⁶⁵ Помещик Пазухин запрещал держать пришлых «под опасением по указам штрафов и телесного наказания».⁶⁶ Борьба с бегством уделено много внимания в инструкции Шереметева 1764 г.⁶⁷ Особым изобретательством в борьбе с бегством отличался кн. М. Голицын. В инструкции приказчику Мельникову в 1767 г. Голицын писал: «...наблюдать тебе накрепко в своем ведомстве, чтобы беглых солдат, драгун, рекрут и протчих от службы шатающихся и пинаких гулящих, беспашпортных людей не было и о недержании таковых брать от старост и выборных сотских и десятских месячные подписи». Чтобы крестьяне из его имений «никто никуда побегу не имели», Голицын приказал «для того обязывать ежегодно всех крестьян круглою порукою, чтоб друг за другом наблюдали».⁶⁸

Совместные усилия государственной власти и господствующего класса не привели к прекращению бегства, хотя затруднили не только уход крестьян от помещиков, но и возможность найти «пристань» и укрыться от сыска. Характерны в этом отношении дела о беглых крестьянах Арзамасской провинции за 70-е годы XVIII в. Крестьяне, бежавшие в 1772—1775 гг., оказывались пойманными через 1—2 года, а нередко и через несколько месяцев.⁶⁹

Итак, бегство крепостных крестьян являлось одной из форм сопротивления крестьян помещичьей власти и крепостным порядкам: «...крестьяне борьбу с феодалами переносят в пространство и буквально „уходят“ от феодализма на новые места, куда он еще не успел проникнуть».⁷⁰ То обстоятельство, что в населении Среднего Поволжья значительный процент составляли крестьяне, однажды уже выразившие протест против крепостнической эксплуатации, против существовавшей системы общежития, не мирившиеся с крепостным правом, ушедшие со своих насиженных мест на поиски лучшей жизни, — проливает свет на причины «бунташности» данного района.

⁶⁴ ГИМ, ф. Куракиных, д. 1205 (ст. оп.), л. 171.

⁶⁵ РО ГЕЛ, ф. Самариных (инструкция поверенным от 10 февраля 1768 г.).

⁶⁶ Там же, ф. Пазухиных, XV, л. 2.

⁶⁷ См. в киевском журнале «Университетские известия» (1904, № 7; 1905, № 8).

⁶⁸ РО ГЕЛ, ф. Голицыных, «Вязема», л. 20.

⁶⁹ ЦГАДА, ф. Арзамасской провинц. канц., № 419, д. 62—95.

⁷⁰ В. В. Мавродин. К вопросу о роли классовой борьбы в истории феодализма в России. Вестник ЛГУ, 1950, № 2, стр. 78.

⁶⁰ См.: Н. Л. Рубинштейн. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957, стр. 203—311.

⁶¹ Законодательство второй половины XVIII в. о беглых крестьянах освещено в работах В. Семеновского «Крестьяне в царствование Екатерины II» (т. I, гл. XII) и Н. Фирсова «Вопрос о беглых и разбойниках...».

⁶² В. Семеновский. Крестьяне в царствование Екатерины II, т. I, стр. 333.

⁶³ ЦГИА, ф. 1088, оп. 11, д. 3084, л. 1.

В. В. МАВРОДИН

ОБ УЧАСТИИ КОЛОНИСТОВ ПОВОЛЖЬЯ В ВОССТАНИИ ПУГАЧЕВА

Крестьянская война 1773—1775 гг., охватившая почти все Среднее и Нижнее Поволжье, не могла не найти отклика среди колонистов — немцев, французов, швейцарцев, шведов, голландцев, указами Екатерины II от 4 декабря 1762 г. и 8 июля 1772 г. приглашенных в Россию «для заселения и обитания рода человеческого наилучших и полезнейших мест».¹ В большинстве своем это были немцы.²

Колоссальное социальное движение, охватившее народную массу страны, ставшей для них второй родиной, не прошло мимо трудового люда иностранных поселений в Поволжье.

Численность последних к началу восстания Пугачева была довольно велика.

Согласно «Ведомости генеральной о числе состоявших в саратовских колониях» М. М. Щербатова, осенью 1773 г. и весной 1774 г. в колониях насчитывалось 6053 семьи.³ По подсчетам того же М. М. Щербатова, в 1774 г. в 103 поселениях колонистов в Саратовском уезде проживало 6175 семей, «в них мужска и женска полу душ 25 708».⁴ Примерно эту же цифру сообщает И. Бабст, полагающий, что в 1775 г. в колониях насчитывалось 23 184 души обоего пола,⁵ и главный судья Конторы опекуинства

¹ Ф. Духовников. Немцы, другие иностранцы и пришлые люди в Саратове. Саратовский край, вып. 1, Саратов, 1893, стр. 237—239.

² Преобладание среди колонистов выходцев из германских государств и опечивание с течением времени сравнительно немногочисленных швейцарцев, шведов, французов, голландцев обусловили то обстоятельство, что колонисты обычно именуются немцами Поволжья.

³ РО ГИБ, Эрмитажное собр., № 364 (М. М. Щербатов. Исторические записки), лл. 19 об.—20.

⁴ М. М. Щербатов. Статистика в рассуждении России. ЧОИДР, 1859, кн. 3, стр. 54.

⁵ И. Бабст. Речная область Волги. М., 1852, стр. 128.

иностранных бригадир М. М. Лодыженский, ведавший всеми колониями, в письме к коменданту Саратова И. К. Бошняку писавший, что захват пугачевцами хлеба, принадлежавшего Конторе опекуинства иностранных и предназначенного для колонистов, вынудит голодать 25 000 человек.⁶ Среди колонистов преобладали крестьяне, но были ремесленники (седельники, резчики, ювелиры, оружейники, шляпники, ткачи), художники, ученые, купцы, фабриканты, духовенство и дворяне.⁷ Из среды последних назначались начальники (директоры) колоний, пользовавшиеся большими правами и имевшие огромное влияние на все дела колоний. Эти «вызыватели» и «кавалеры» имели тенденцию к превращению в настоящих помещиков.

Историография вопроса об участии колонистов Поволжья в восстании Пугачева невелика. Первым написал об участии колонистов Поволжья в восстании Пугачева Антону-Фридриху Бюшингу академик Гергард Миллер, известный историк и географ, секретарь Академии наук в Петербурге. Бюшинг поместил его статью под названием «Zuverlässige Nachrichten von dem Auführer Jemalian Pугatschev und der von demselben angestifteten Empörung» в своем издаваемом в Галле ежегоднике под названием «Magazin für die neue Historie und Geographie» в 1784 г. Статья по просьбе Миллера была помещена без подписи и опубликована только после его кончины (в 1783 г.) в XVIII томе «Magazin...». Авторство ее удалось установить Г. Блоку.⁸ Миллер держал в руках рапорты Михельсона и показания Пугачева, которых не обнаружил А. С. Пушкин, приступая с разрешения Николая I к своим трудам по истории восстания Пугачева. Корреспондентами Миллера были писавшие ему из осажденного Оренбурга П. И. Рычков и генерал-губернатор И. А. Рейнсдорп.⁹ Он собирал материалы о восстании Пугачева всеми возможными путями. И свидетельством того, что именно Миллер был автором опубликованной в Галле Бюшингом статьи о Пугачеве, является

⁶ Я. Грот. Жизнь Державина, т. 2. СПб., 1863, стр. 52.

⁷ Полное собрание ученых путешествий по России. Т. 6. Записки путешествия академика Фалька. СПб., 1824, стр. 111—116.

⁸ Г. Блок. Пушкин в работе над историческими источниками. М.—Л., 1949, стр. 90—140. — Г. Блок осторожно формулирует свой вывод об авторстве опубликованной Бюшингом статьи, считая, что подтвердить его могут лишь поиски в архиве Бюшинга, если только этот архив цел (стр. 103). Разыскание архива Бюшинга в ГДР принесло бы науке большую пользу.

⁹ П. И. Рычков, современник и очевидец осады Оренбурга Пугачевым, был хорошим информатором Миллера. В своих письмах Миллеру, из тех же опасений возмездия со стороны властей за разглашение правды о восстании, Рычков писал о последнем очень сдержанно. Даже за две недели до осады Оренбурга он писал о восстании как о «некотором беспокойстве... около Яицкого городка». Во время осады он составлял в Оренбурге «Описание бунта Стеньки Разина», которое и собирался послать Миллеру. См.: Материалы по статистике, географии, истории и этнографии Оренбургской губернии, вып. II. Оренбург, 1889, стр. 70—71.

хранящиеся среди многочисленных его «портфелей» в ЦГАДА в Москве дело, носящее название: «В портфели Catharina II, V. Pugatschew». В этом портфеле Миллера хранилось 12 дел. В числе этих дел были такие ценные материалы по истории восстания Пугачева, как «Дневная записка» свидетеля осады Оренбурга пугачевцами священника Ивана Осипова (1773 г.), «Краткое известие» о восстании архимандрита Платона Любарского (1774 г.), «История Пугачева» оренбургского священника Ивана Полянского (1774 г.), «Экстракт, сочиненный из дела о самозванце Пугачеве», «Описание мятежа» в Яицком казачьем войске в 1772 г., «Бумаги, касающиеся до самозванца Пугачева». Как видно, Миллер располагал очень важными источниками по истории пугачевского восстания.¹⁰ Они и дали ему возможность составить представление о восстании Пугачева и участниках его.

Французский перевод статьи Миллера, опубликованной Бюшпиггом, сделал Лаво (Troubles à l'occasion du détronement de Pierre III. Histoire de la révolte de Pugatschew. 1799 г.); этим переводом пользовался А. С. Пушкин. Только оттуда он мог почерпнуть сведения об участии немецких колонистов в Крестьянской войне. Остальные материалы, говорящие об этом, были ему недоступны. Пушкину не дали даже материалов Г. Р. Державина, известного поэта и участника подавления восстания Пугачева, заключавших в себе сведения о движении в немецких колониях.¹¹ Именно статья Миллера в ее французском переводе дала возможность автору «Истории Пугачева» в восьмой главе своего труда, переименованного по требованию царственного цензора А. С. Пушкина, Николая I, в «Историю Пугачевского бунта», сказать об участии немцев Поволжья в восстании Пугачева.

А. С. Пушкин говорит об эпизоде с казанским пастором «реформаторского исповедования», который когда-то дал милостыню Пугачеву, сидевшему в казанской тюрьме, за что и произведен был им в полковники, но отстал от пугачевцев и возвратился в Казань.¹² Пушкин пишет, что, когда Пугачев следовал по течению Волги, «иностранны, тут поселенные», «все к нему присоединились» и Пугачев «составил из них гусарский полк».¹³

Исследования Н. Ф. Дубровина, перед которым, в отличие от Пушкина, были открыты все архивы, мало что дает для изучения вопроса об участии немцев-колонистов в Крестьянской войне 1773—1775 гг.¹⁴

¹⁰ ЦГАДА, ф. 199, портфель 152; Р. В. Овчинников. О разыскании материалов «Пугачевского портфеля Миллера». Истор. архив, т. V, М., 1962.

¹¹ Я. Грот. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПб., 1899, стр. 118.

¹² А. С. Пушкин. История Пугачева. Полн. собр. соч., т. 9, ч. 1, 1938, стр. 68.

¹³ Там же, стр. 74.

¹⁴ Н. Ф. Дубровин. Пугачев и его сообщники, тт. I—III. СПб., 1884.

В 1908 г. в Саратове из-под пера Готлиба Бауэра вышла книга «Geschichte der deutschen Ansiedler an der Wolga 1766—1774». Тон ее в отношении восстания Пугачева осудительный, озлобленный. Автор негодует по поводу того, что не успели колонисты обосноваться, как разразилась грозой пугачевского восстания. В отличие от других авторов, считавших, что колонисты Поволжья набирались из «малопородистых» элементов общества, он доказывает обратное, подчеркивая наличие среди них дворян и даже графов (Денгофф) и считая именно последнее обстоятельство свидетельством «добропорядочности» поволжских немцев.

Отсюда и его отношение к Пугачеву и пугачевцам, которых он называет не иначе, как разбойниками, бандитами, убийцами, грабителями, разорившими колонии в Поволжье.¹⁵ Он всячески стремился как бы обелить своих земляков — немцев Поволжья, доказывая, что они не участники движения Пугачева, а пострадавшие.

Нельзя не учитывать время издания книги. После разгрома революции 1905—1907 гг. в России начался период реакции, период разброда, упадка, шатаний. Это было время дикого разгула монархической реакции, красного патриотизма «черных сотен» и «Союза русского народа», преследовавших всех «инородцев». Отсюда и тон книги — стремление оправдать своих предков, якобы не принимавших участия в восстании Пугачева и только пострадавших в результате Крестьянской войны.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции дала возможность народам России по-иному расценить путь, пройденный ими в освободительном революционном движении в стране.

В этом отношении много сделал Д. Д. Шмидт. Он прежде всего подчеркнул тенденциозность авторов, отрицающих активное участие немцев Поволжья в восстании Пугачева, и привел ряд данных, подтверждающих обратное.¹⁶ На его работы опиралась в своих трудах А. Н. Лозанова.¹⁷

В 1941 г. вышла в свет статья М. Бабинцева, представляющая известный интерес. Так, например, он приводит материалы о социальном составе колонистов в 1767 г. (крестьян 43%, ремесленников 44%, дворян, духовенства и фабрикантов 8,7%), о пись-

¹⁵ Gotlib Bauer. Geschichte der deutschen Ansiedler an der Wolga. 1766—1774. Saratow, 1908.

¹⁶ D. Schmidt. 1) Haben sich die wolgadeutschen Kolonisten am Pugatschow Aufstande beteiligt? Zur neuen Schule, 1925, № 3; 2) Wer war Pugatschow? Zur neuen Schule, 1925, № 4—5; 3) Vae victis! (Wehe den Besiegten!). Zur neuen Schule, 1926, № 12—13; 4) G. R. Dershawin und die Wolgadeutschen. Wolgadeutsches Schulblatt, 1928, № 9; 5) Studien über die Geschichte der Wolgadeutschen. Pokrowsk—Moskau—Charkow, 1930 (§ «Der Pugatschow Aufstand und Wolgadeutschen Kolonisten»).

¹⁷ А. Н. Лозанова. 1) Продавцы и легенды о пугачевщине. Язык и литература, т. VIII, Л., 1932, стр. 56; 2) Песни и сказания о Разине и Пугачеве. М.—Л., 1935, стр. 11—12, и др.

менных обязательствах, которые давали колонисты директорам колоний (запрещение переходить на новое место, уплата десятины от урожая, несение повинностей).¹⁸ К сожалению, статья лишена научного аппарата и поэтому не представляется возможным судить о материалах, положенных автором в основу своего труда.

За последнее время вопрос о публикации Бюшинга, его корреспонденте Миллере, о Рычкове, о восстании Пугачева снова был рассмотрен.¹⁹

Такова литература вопроса.

Каким же было отношение колонистов Поволжья к восстанию Пугачева? Имело ли оно отклик в поселениях колонистов и на основе каких источников мы можем себе составить представление об интересующей нас теме?

Основой для изысканий в области данной темы являются материалы из так называемого «Панинского архива», отложившегося в результате деятельности знаменитого «усмирителя» восстания Пугачева графа П. И. Панина и хранящегося в различных архивохранилищах и рукописных собраниях. Большая часть этих материалов издана.²⁰

Большое значение для изучения данного вопроса имеют записки Руича²¹ и переписка, опубликованная Я. Гротом.²²

Анализ имеющихся в нашем распоряжении материалов дает возможность восстановить подлинный характер событий, развернувшихся в иностранных колониях Поволжья в период восстания Пугачева.

Прежде всего следует подчеркнуть сильную дифференциацию немцев Поволжья. Среди них были и такие, как граф Денгофф и «кавалер», поручик, а позднее полковник Иоганн Вильгельми, и такие, которые занимались в батраки или рабочими на предприятия и с точки зрения официальных лиц были бродягами и

¹⁸ М. Бабинцев. Участие немцев Поволжья в восстании Пугачева. За комму. просв., 1941, № 1.

¹⁹ G. Mulpfordt. Ein Deutscher-Russland Kenner des 18 Jahrhunderts. Berlin, 1954; P. Hoffmann. Der Pugačëv-Aufstand in zeitgenössischen deutschen Berichten. Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der Volksdemokratischen Länder Europas, Bd. 6, 1962; V. Mayrodin. Die Teilnahme deutscher Ansiedler des Volga gebiets am Pugačëvaufstand. Ibid., Bd. 7, 1963.

²⁰ В архиве Артиллерийского исторического музея в Ленинграде хранятся материалы о событиях, имевших место в Саратовском крае вообще и лишь косвенно относящихся к интересующему нас вопросу. См.: Артиллерийский исторический музей. Путеводитель по историческому архиву музея. Л., 1957; А. В. Пруссак. Архив Артиллерийского исторического музея как источник по изучению Пугачевского движения. Сб. исслед. и матер. Артилл. истор. музей Красной Армии, ч. 1, Л., 1940.

²¹ Записки сенатора Павла Степановича Руича о пугачевском бунте. Русская старина, 1870, т. III.

²² Сочинения Державина, изд. Я. Гротом, т. V, СПб., 1869 (далее: Державин).

подозрительными людьми. Были колонисты «смирливые» и «неспособные», не ведущие «хлебопашества». Первых насчитывалось к весне 1774 г. 5845, а вторых 208 семей.²³ Улучшились ли колонистов были люди среднего достатка. Тружениками и мотыжниками, они начали превращать богатый, хлебоудобный, но слабо заселенный край в цветущую землю. Недавно еще на земле в далеком от Vaterland'a крае, они, казалось бы, все выжили и всю энергию отдавали своему хозяйству и были далеки от той социальной бури, которая надвигалась на страну. Так колесили в официальных кругах, рассчитывая на полную лояльность колонистов Поволжья в грандиозной классовой битве, и поэтому активное их выступление на стороне Пугачева было воспринято для правительства Екатерины II и вызвало с его стороны негодование и обвинение в неблагодарности.²⁴

Но глухое брожение в Поволжье началось давно. Среди немцев-колонистов жил одно время Федот Иванович Богомолов, бывший крепостной крестьянин графа Р. И. Воронцова, в 1772 г. выступивший под именем «Петра Федоровича». В 1773 г. до выступления Пугачева и вне связи с ним, в Оренбурге явился самозванец, выдававший себя за Петра III. Им был зачислен 3-го батальона оренбургского гарнизона Николай Кретов. Твердо уверенный в том, что за Петра Федоровича стоят «престые люди», Кретов связался с ссыльными, находившимися в Оренбурге и Оренбургском крае, с «разного званиями» русскими людьми и калмыками. Среди его сторонников был и славный немец из крестьян-колонистов Иван Калов, у которого и жил Кретов. Все они были схвачены. Иван Калов отсидел в тюрьме — по случаю празднования победы над Турцией он был отправлен в Оренбург.²⁵ Но Иван Калов был только первой зацепкой, которая еще весны не делает.

Грянуло пугачевское восстание. Начало его, конечно, не затронуло поселений немцев Поволжья. Прусский посланник в Петербурге Сольмс писал Фридриху Вельскому 10/21 января 1774 г.: «...донские казаки, как и саратовские колонисты на Волге, про которые говорили, что они тоже возмущались, остались напротив, совершенно покорными». ²⁶ Но весной 1774 г. движение

²³ Ведомость генеральная о числе состоящих в различных колониях. РО ГИБ, Эрмитажное собр., № 364 (М. М. Щербатов. Исторические записки), лл. 19 об.—20.

²⁴ См. примечание Н. Н. Фирсова к «История Пугачевского бунта» А. С. Пушкина: Сочинения Пушкина, изд. Моск. ун-та, т. III, Изд. 1914, стр. 281.

²⁵ К. В. Сивков. Самозванчество в России в последний раз. ИИИИ. Истор. зап., т. 31, 1950, стр. 114.

²⁶ Там же, стр. 117—120.

²⁷ О. Е. Корнилович. Общественное мнение Западной Европы о пугачевском бунте. Анналы, т. III, Пг., 1922, стр. 988; ср. также: ИИИИ, т. LXXII.

для властей и помещиков признаки приближающейся волны крестьянского движения стали докатываться до поволжских колоний.

Возглавлявший Контору опекуства иностранных М. М. Лодыженский в своих письмах от 18 и 27 мая 1774 г. сообщал лейб-гвардии поручику Г. Р. Державину о появлении пугачевских отрядов, которые якобы грабят колонии. Колонии стали прикрывать военными отрядами.²⁸ Но, видно, «разорение» колоний оставалось на совести Лодыженского, ибо вскоре Державин с тревогой писал М. М. Щербатову о «колебаниях колонистов».²⁹ «Колебания» эти были обусловлены не грабежом, производимым пугачевцами, а какими-то процессами, которые происходили среди самих поволжских колонистов. Они явно тяготели к Пугачеву. Речь идет, конечно, не о всех, а о каких-то слоях, группах, по-об-этом дальше. Все это и побудило генерала П. Д. Мансурова 13 августа 1774 г. обратиться к колонистам Поволжья с манифестом, в котором он упрекал их в том, что они, «не взирая на столь милостивые от ея императорского величества... оказанное благоденствие», оказались неблагодарными, нарушили присягу, покинули свои дома в столь трудные времена, поверив «вздорным уверениям». Он предлагал «благоразумным немцам» одуматься, понять, что Пугачев — «государственный злодей», и схватить его, за что поймавший получит 25 000 рублей.³⁰

Но было поздно — Пугачев шел по землям колонистов.

В своем письме от 12 августа 1774 г. богатый колонист Иоганн Михель Парникель доносил находившемуся в Сызрани Г. Р. Державину, что в немецкие колонии 7 августа явился во главе «шайки» посланец «ис Пугачевской толпы», зачитавший указ Пугачева. Указ гласил, что, «кто самозвольно к нему пойдет в службу, тот будет получать за месяц по двенадцати рублей. Сверх сего обещаны были между разными обещаниями все вольности. Почему многие колонисты к нему и пристали».³¹ Далее Парникель сообщал, что на следующий день, 18 августа, в колонию Екатеринштадт приехали «трое в гусарской форме», где с другими людьми, «а особливо с приведенными с собой колонистами» (очевидно, из других поселений) «произвели много злого дела: похитили лутчих лошадей, соляные и провиантские магазины разгромили и разграбили кушеческие лавки; и таким образом из колонии в колонию переходя, озорничали».³² Весьма

²⁸ Державин, стр. 99, 105—106, 149.

²⁹ Там же, стр. 146.

³⁰ ЦГАДА, Гос. архив, разряд VI, д. 492. — Документ этот впервые был опубликован Я. Гротом (Державин, стр. 282—283), но так как Я. Грот издал его с купюрами, то точно, то следует ориентироваться только на подлинник, хранящийся в ЦГАДА.

³¹ Пугачевщина, т. III. М.—Л., 1931, стр. 202—203. — К сожалению, сам указ не сохранился.

³² Там же, стр. 203.

важной является заключительная фраза письма Парникеля: «И, как я проведал, то всего (всё, — В. М.) сие по собственному их изволению делали».³³

То обстоятельство, что восстание в колониях возникло по инициативе самих колонистов Поволжья, подтверждается письмом Канцелярии опекуства иностранных, которая 20 октября 1774 г. писала в Сенат, что в разгроме казны и магазинов Конторы опекуства иностранных приняли участие дворцовые крестьяне Золотовской волости (Зельмана) и иностранцы и что когда пугачевцы шли от Саратова к Дмитриевску, «то из состоящих по тракту колоний многие иностранцы добровольно приставали в злодейскую толпу, и в ней оставались до самого ея разбития».³⁴

Яицкий казак И. Кузнецов подтверждает, что в районе Дмитриевска «из поселенных иностраннических колоний многие в толпу к ним приставали...».³⁵

14 августа в своем письме П. С. Потемкину Державин сообщал: «Колонисты взбунтовались и многие пошли в его (Пугачева, — В. М.) шайку».³⁶ При этом Державин подчеркивает, что немцев-колонистов «обольстили... великие обещания». Что же это были за обещания, которыми Пугачев «обольстил» колонистов Поволжья? «Им обещали вольность», — продолжает певец «Фелицы» и «Вельможки», в котором в это время поэта победил лейб-гвардии поручик и крепостник-помещик, певец «Жизни Званской».

Это были те времена, когда повсюду распространялся манифест Пугачева, составленный 31 июля 1774 г., в котором он жаловал трудовой люд «вольностью и свободою и вечно казаками», не требуя рекрутских наборов, подушных и прочих денежных податей, «владением землями, лесами, сенокосными угодьями и рыбными ловлями, и солеными озерами без покупки и без оброку» и освобождением «прежде чинимых от злодеев дворян и градских мздоимцев-судей крестьянам и всему народу налагаемых податей и отягощений».³⁷ В этом манифесте, настоящей «жалованной грамоте крестьянам» (В. И. Семевский), отразились чаяния широких слоев трудового народа.

Были ли они известны колонистам Поволжья? Как известно, многие манифесты Пугачева переводились на немецкий язык офицерами, примкнувшими к восставшим, и сопровождалась подпись «Pitr» или «Piter».³⁸ Об этом манифесте колонисты По-

³³ Там же.

³⁴ Там же, стр. 204.

³⁵ Дон и Нижнее Поволжье в период Крестьянской войны 1773—1775 гг. Сб. докум. под ред. А. П. Проштойна, Ростов н/Д., 1961, стр. 138.

³⁶ Державин, стр. 180—181.

³⁷ Пугачевщина, т. I. М.—Л., 1926, стр. 40—41.

³⁸ Сочинения Пушкина, изд. имп. Акад. наук, т. XI, Пгр., 1914, стр. 185; Пугачевщина, т. I, стр. 41.

воляжя не могли не знать. Что же могло привлечь поволжских немцев в Пугачеве? Обычно находили ответ на этот вопрос в том, что Петр III, за которого выдавал себя донской казак Зимовейской станицы Емельян Иванович Пугачев, был голштинцем, немцем по отцовской линии, хотя и русским, внуком Петра Великого, по материнской. Но вряд ли это могло иметь большое значение, так как Екатерина II, урожденная принцесса Ангальт-Цербстская, ни с какой стороны русской не была, а между тем немцы-пугачевцы выступили против немки на русском престоле. Среди чиновников и офицеров русской армии, действовавших против Пугачева, было также немало немцев: Рейнсдорп, Кар, Брандт, Корф, Валленштерн, Биллов, Муфель, Дип, Михельсон и множество других. Это же не помешало примкнувшим к Пугачеву колонистам de facto сражаться против русских войск, руководимых офицерами немецкого происхождения. Конечно, многие верили в немецкое происхождение самозванного Петра III — реального Пугачева. Так, например, еще в 1871 г. Столыпину рассказывал казак Шелдаков, что дед его, пугачевец, якобы сам слышал, как Пугачев говорил по-немецки. Среди казаков долго говорили, что «их» Петр Федорович был немцем. У Столыпина хранилась пугачевская «прокламация», очень грамотно написанная по-немецки. Пугачевские манифесты, написанные по-немецки, не могли не способствовать распространению подобных слухов.³⁹

Трофеем Пугачева оказалось знамя Дельвигова голштинского полка. Это очень взволновало Екатерину II, но вряд ли голштинское знамя само по себе, латинские или немецкие надписи на нем могли заставить колонистов Поволжья стать под ним.⁴⁰

Колонистам Поволжья отнюдь не были чужды идеи свободы и освобождения от повинностей, которые несли манифесты Пугачева. Несмотря на привилегированное положение, в котором находились приглашенные Екатериной II из-за рубежа иностранные колонисты, не все в их социальной судьбе на второй родине, каковой для них становилась Россия, казалось им справедливым, а были также элементы среди колонистов Поволжья, которые лучше понимали социальные чаяния и стремления русских крестьян, бурлаков, рабочих людей, — несмотря на то, что плохо владели их речью, — нежели истинны, изрекаемые на muttersprache их земляками и соотечественниками типа Денгоффа и Вильгельми, Рейнсдорпа и Михельсона. Но о них дальше.

— Полагаю, что ответ на интересующий нас вопрос мы найдем в том же письме Державина Потемкину от 14 августа 1774 г. Державин пишет, что так как им, т. е. колонистам, «обещана

вольность», то — если Пугачев последователен («прямо сие произвел ухищрение») — он должен будет «истребить в Опекуновском совете письменные дела, в которых квитанции и счета» на 7 миллионов рублей «задержанных в чашики возврата от колонистов», что будет огромной потерей для казны.⁴¹

Естественно, что колонистов не могло не «оболстить» обещание Пугачева, данное им в польском манифесте, освободить от всяких денежных податей трудовой люд. Не могла не привлечь их и обещанная Пугачевым свобода и социальная справедливость. Вот почему в своем рапорте П. Д. Мапсурову, написанном в августе 1774 г., Державин сообщает, что «во время злодейского вступления в город Саратов, посылаемые мной для разведывания иностранцы письменно объявили мне, что бунтовщики и в колониях были и возмутили колонистов».⁴² Возможно, что пугачевские манифесты и указы, говорившие о равенстве, справедливости, правде, могли встретить особенно широкий отклик среди определенной части колонистов. Речь идет о гернгутерах, прямых продолжателях богемских (чешских) братьев с их общинной собственностью и жизнью, проповедью евангельского равенства, общими домами и т. п. В то же самое время гернгутерам импонировала обещанная Пугачевым свобода хозяйственной инициативы, которую они так успешно развернули на новой родине — в России. А гернгутеров в Поволжье насчитывалось немало. Так, например, Сарпинская колония сплошь состояла из гернгутеров. Эти выходцы из Саксонии очень смущали М. М. Щербатова, писавшего, что он сомневается, «совместны ли с общим правлением государства Российского» «таким образом неразрывным братством и обществом имени соединенные люди», особенно если «они умножатся до некоего числа?».⁴³

Среди пугачевцев-колонистов мы встречаем в первую очередь колонистскую бедноту. Так, например, известно, что пристали к Пугачеву и пропали без вести «рабочники из колонистов четыре».⁴⁴ Эти немцы-пугачевцы были либо батраками, либо рабочими людьми, рабочими, которых в Поволжье того времени было немало.

П. С. Рунич, проезжавший по поселениям колонистов буквально по стопам Пугачева, сообщает, что в одном поселении колонистов они встретили «патера... огорченным и унылым; он пересказал о причине своего огорчения, уведомив нас, что человек до тридцати молодых людей из колонии, разумевших российский язык, разграбив его и некоторых зажиточных жителей коло-

³⁹ Из памятных тетрадей С. М. Сухотина. Русский архив, 1894, кн. 2, стр. 584—585.

⁴⁰ Г. Блок. Пушкин в работе над историческими источниками, стр. 87.

⁴¹ Державин, стр. 180—181.

⁴² Пугачевщина, т. III, стр. 201; Державин, стр. 173.

⁴³ М. М. Щербатов. Статистика в рассуждении России, стр. 53—54.

⁴⁴ Пугачевщина, т. III, стр. 204.

нии ушли к Пугачеву, забрав лучших 50 лошадей, в числе коих увели и его три лошади». ⁴⁵

Следовательно, в пугачевском восстании принимали участие те колонисты, которые принадлежали не к зажиточной верхушке немцев Поволжья, а к средним и бедным слоям. Колонисты-пугачевцы выступили и против своих богатых соотечественников, и против русской дворянской верхушки. Нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что к восставшим примкнула, в частности, молодежь, знающая русский язык.

15 августа 1774 г. Державину жаловался Александр Алферьевич Пиль, богатый и знатный человек (брат его впоследствии будет Иркутским генерал-губернатором), что он «до основания ограблен колонистами», которые «не довольно грабили, но и в доме оставшуюся всю мебель, какая была, порубили и изломали». ⁴⁶ Тому же Державину жаловался поручик Иван Иванов, что «как в доме, так и зарытое везде колонистами разграблено: лошади у хозяйки и что с нею было на берегу Волги отнято; хозяйка в воде по горло в Волге от злодеев колонистов стояла и едва жизнь упростила». Детей Иванова у немцев-пугачевцев выкупил за шестолет и погребец водки другой немец, зажиточный человек. ⁴⁷ Пугачевцы повесили старосту Нильсона, скрывавшего на речном острове скот, принадлежавший директору колонии Леруа, о чем пугачевцам сказал пришедший в колонию Степную колонист Паулюс Обендорф. ⁴⁸

Все указанное говорит о том, что в колониях немцев Поволжья развернулась подлинная классовая война. И в ряды пугачевского войска колонистскую бедноту привела не перспектива двенадцатирублевого месячного жалованья, а те «вольности», которые обещал Пугачев, не голштинское знамя, не немецкий язык манифестов, не призрачное немецкое происхождение «мужичьего царя», а знамена Крестьянской войны, вольности, обещанные манифестом, сама деятельность самозванного «Петра Федоровича». Характерно, что и вели себя немцы-пугачевцы так же, как и их русские, украинские, мордовские, башкирские, чувашские и прочие социальные собратья.

Что же касается конфискации и угона у богатых колонистов немцами-пугачевцами «лучших лошадей», то это понятно — Пугачев, стремительно шедший вниз по Волге, брал в свое «Большое войско» только конных. Кто хотел с ним идти, должен был идти на коне, а то и вовсе «о дву конь»:

К Пугачеву примкнуло много колонистов. Сам Пугачев показывал в Москве в ноябре 1774 г.: «По выходе из Саратова пошел

⁴⁵ Записки сенатора Павла Степановича Рунича о пугачевском бунте. Русская старина, 1870, т. II, стр. 242.

⁴⁶ Державин, стр. 41, 183.

⁴⁷ Там же, стр. 183.

⁴⁸ ЦГАДА, Гос. архив, разряд VI, д. 454, лл. 232—234.

он с поселенными колонистами, коих он прошел пять селений, но оные драки с его толпою не делали, охотников же набралось в его толпу пять сот человек». ⁴⁹ «По разбитии же взято оных обратно и отдано для доставления в Саратов и в тамошние колонии мужеска и женска пола четыресто тридцать два человека (колониста, — В. М.)», ⁵⁰ — сообщает Канцелярия опекуства иностранных. Цифры, приведенные ею и Пугачевым, почти совпадают. Мы знаем и имена некоторых активных немцев-пугачевцев. Вот они: Лоренц Крауз, Иоганн Кивит, Фердинанд Краузенфельд, Августин Шамлов, Леонард Дебедист, Иоганн Якоб Веприх. ⁵¹ Все они по собственному желанию были «присовокуплены к толпе Пугачева». ⁵² Из письма в Сенат, посланного Канцелярией опекуства иностранных, подписанного князем Г. Орловым, следует, что «из состоящих по тракту колоний многие иностранцы добровольно приставали в злодейскую толпу и в ней оставались до самого ее разбития». ⁵³

Колонисты уходили к пугачевцам целыми поселениями. Так, например, расположенная в 10 верстах от Царицына Саксонская слобода была пуста «за побегом всех жителей». ⁵⁴

Правда, некоторые колонисты, принимавшие участие в восстании Пугачева, как например Еган (Иоганн) Гибнер и Фридрих Фахлер, утверждали, что были взяты «злодейскою сволочью» «неволею», — но так, опасаясь возмездия, говорили на следствии многие пугачевцы: русские, татары, башкиры, чуваш и др. ⁵⁵ Особенно опасными для правительства и богатых колонистов были такие очаги пугачевского восстания, как Екатеринштадт и Шафгаузен. ⁵⁶ Отсюда и планы их изоляции (без «свидетельства» Вильгельми «в колонии... русских и колонистов не впускать»), предложенные Г. Р. Державину его родственником С. Т. Максимовым. ⁵⁷

Колонисты принимали активное участие в сражениях восставших с правительственными войсками. Так, например, когда на реке Медведице был разбит отряд пугачевцев, то оказалось, что среди них были люди «разного звания, в том числе и колонисты». ⁵⁸ Поэтому в своем указе атаману донской казачьей Березовской станицы Пугачев писал: «Скlopились под наш скипетр... и поселенные по реке Волге саксоны». ⁵⁹

⁴⁹ Допрос Е. Пугачева в Москве в 1774—1775 гг.: Красный архив, 1935, № 2—3 (69—70), стр. 219.

⁵⁰ Пугачевщина, т. III, стр. 204.

⁵¹ Там же, стр. 202; Державин, стр. 215.

⁵² Пугачевщина, т. III, стр. 202.

⁵³ Там же, стр. 204.

⁵⁴ Там же, т. II, М.—Л., 1929, стр. 250—251.

⁵⁵ Там же, стр. 404.

⁵⁶ Державин, стр. 201, 215.

⁵⁷ Там же, стр. 214.

⁵⁸ Пугачевщина, т. III, стр. 75.

⁵⁹ Там же, т. I, стр. 42.

Другая, богатая часть колонистов Поволжья была враждебно настроена по отношению к Пугачеву.

«Героем» борьбы с пугачевцами был «капитан и кавалер», впоследствии полковник Иоганн Вильгельми. Он был информатором командующих войсками, обращаясь к колонистам с предложением награды за поимку Пугачева, брался «усмирить» колонистов, если ему дадут отряд в 50 казаков из Малыковки, пытался сколотить из колонистов отряд в 300 человек, ловил пугачевцев и т. п.⁶⁰ Ему вторил и другой информатор Державина — Иоганн Дизендорф, пастор, встреченный Руничем, и др.⁶¹

Следует отметить и еще одно очень важное обстоятельство — «Большое войско» Пугачева не разоряло колоний. В колониях «кирхи и костелы католические» пугачевцы не трогали. П. С. Рунич сообщает, что «от Саратова Пугачев следовал со своим войском через селения колонистов, но проходя оные не малейших не делал им притеснений и разорения». Более того, тот же Рунич, великолепно осведомленный современник событий, говорит, что когда Пугачев подходил со своим войском к поселениям колонистов близ Саратова, то за пять часов до прохождения своего войска, не очень веря в дисциплинированность своих отрядов, он послал в поселения колонистов казаков и предупредил старост, чтобы никто из жителей не выходил из селения до тех пор, пока его войско не скроется из вида, «дабы не мог кто-нибудь потерпеть от его войска обиды и несчастья».⁶² Печальным исключением была только разгромленная Сарепта. Нужно также отметить большой урон, нанесенный колонистам казаками («киргизцами»), которые увели 1573 человека и угнали скот. Удалось отбить сразу же (весной 1775 г.) лишь 811 человек, лошадей и скот.⁶³ Конечно, после этого многие поселения опустели и «пришли в великое расстройство».⁶⁴ М. Щербатов отмечает, что в 1776 г. колонии не были в цветущем состоянии, «ибо в бунт Пугачева многие колонии были разорены, люди разбежались или перебиты и киргиз-кайсаками пленены или и после, яко неудобные к прокормлению себя, распущены».⁶⁵

Немаловажное значение имели и карательные действия регулярных войск. Не случайно Державин мечтал учинить в колониях погром вроде того, в результате которого очень пострадала Малыковка, а Голицын 10 сентября 1774 г. писал из Мечетной, что

⁶⁰ Там же, т. III, стр. 201; Державин, стр. 185—190, 198—199, 201.

⁶¹ Пугачевщина, т. III, стр. 202; Записки сенатора Павла Степановича Рунича о пугачевском бунте. Русская старина, 1870, т. II, стр. 242.

⁶² Там же, стр. 242, 248, 250.

⁶³ Пугачевщина, т. III, стр. 405; Державин, стр. 186—187, 196—199, 267.

⁶⁴ Записки сенатора Павла Степановича Рунича о пугачевском бунте. Русская старина, 1870, т. II, стр. 239; Пугачевщина, т. III, стр. 206.

⁶⁵ М. М. Щербатов. Статистика в рассуждении России. ЧОИДР, 1859, кн. 3, стр. 55.

так как «многие из живущих в колониях иностранцев... дерзнули присоединиться к известному государственному злодею и самозванцу Пугачеву», то, поймав одного или двух колонистов-пугачевцев, следует незамедлительно их повесить в тех селениях, где они действовали, а «прочих пересечь плетью нещадно».⁶⁶

Действия пугачевских отрядов в районе поволжских колоний, приведшие к активному включению части колонистов в Крестьянскую войну, не были продолжительными. Преследуемый по пятам регулярными войсками Пугачев шел все дальше и дальше вниз по течению Волги.

Вихрем пронеслось войско «набеглого царя» по поселениям колонистов Поволжья, но в их истории оно оставило неизгладимый след.

⁶⁶ Державин, стр. 201, 218.

Г. И. СЕМЕНЮК

ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В КАЗАХСТАНЕ
ДО НАЧАЛА КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ 1773—1775 гг.
(ЦАРИЗМ И ФЕОДАЛЬНАЯ ВЕРХУШКА
КАЗАХСКОГО ОБЩЕСТВА)

К началу 30-х годов XVIII в. в чрезвычайно сложной внутренней внешнеполитической обстановке оттесненные с лучших зимних кочевий, разоренные набегами соседних племен и народов, ослабленные внутренними раздорами и преследуемые по пятам джунгарскими завоевателями казахские племена подошли вплотную «к границам могущественной России, чтобы искать ее помощи и покровительства».¹

Прибывшее в Петербург в сентябре 1730 г. с просьбой о российском подданстве казахское посольство хана Абулхапра положило начало добровольному присоединению Казахстана к России, ставшему поворотным этапом в истории казахского народа. В результате этого акта казахские племена Младшего и частично Среднего жузов уже в начальный период российского подданства избавились от крайне жестоких внешних хищнических вторжений и набегов и не менее «губительных для развития... производительных сил, внутренних феодальных войн».² Определенные положительные последствия присоединения к России сказались со временем и в области развития социально-экономических отношений, политического строя и культуры казахского народа. В данном отношении к Казахстану полностью применимо высказывание Ф. Энгельса о прогрессивной, цивилизующей роли России на Востоке.³ Да и само по себе присоединение Казахстана к России было проявлением прогрессивной тенденции хозяйственного сближения, объединения народов, о чем убедительно

¹ Ч. Ч. Валиханов, Собр. соч., т. I, Алма-Ата, 1961, стр. 427.

² П. Г. Галузо. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867—1914 гг. Алма-Ата, 1965, стр. 9.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Письма, 4-е изд., Партиздат, 1932, стр. 52.

тельно говорится в целом ряде специальных монографических исследований.⁴

Однако реализация этой тенденции происходила в условиях непримиримых антагонистических противоречий. Функции объединителя выполнял в данном случае царизм, стремившийся к экономическому и политическому угнетению объединяемых народов.⁵ Процесс присоединения Казахстана к России был поэтому одновременно и процессом колониального закабаления казахского народа, или, по выражению П. Г. Галузо, перерастания вассального подчинения Российской империи в колониальные отношения.

Без серьезного специального изучения этого сопутствующего процесса невозможно понять в полной мере развития социально-экономических отношений в Казахстане в последующий период, причин, характера и расстановки движущих сил целого ряда выступлений казахского народа, и в частности предпосылок его участия в Крестьянской войне 1773—1775 гг. Данная статья и посвящена поэтому освещению первоначальных интересов царизма и некоторых основных путей и методов его политики в Казахстане, направленных на превращение вассальной зависимости Казахстана в колониальное подчинение Российской империи и создавших определенные предпосылки для будущих антифеодальных и антиколониальных выступлений казахского народа.⁶

Казахстан, или казахские «кочевые орды», территория которых являлась, по выражению Петра I, «ключом и вратами ко всем азиатским странам и землям», давно уже привлекал к себе интересы царизма, российского купечества, промышленников и предпринимателей, как территория, через которую пролегали кратчайшие, в том числе водные, пути на Восток, к богатствам сказочной Индии и яркендскому «песочному золоту».⁷

⁴ Е. В. Бекмаханов. Присоединение Казахстана к России. М., 1957; С. Е. Толмачев. Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX веках. Алма-Ата, 1959; Н. Г. Аноллова. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII—начале XIX вв. М., 1960, и др.

⁵ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 108.

⁶ Кроме взаимоотношений царизма с феодальной верхушкой казахского общества, в данной статье освещаются недостаточно изученные до сих пор вопросы национальной и земельной политики царизма в Казахстане. Объем статьи не позволил нам, однако, остановиться на хозяйственной и торговой политике царизма в Казахстане, его отношении к религии, народному образованию и целом ряде других вопросов. Кстати, отдельные из всех этих вопросов в плане изучения и анализа колониальной политики царизма в Казахстане в 40-х годах XVIII в. впервые были поставлены в статье М. П. Вяткина «К истории распада Казахского союза» (в кн.: Материалы по истории Каз. ССР, т. II, ч. 2, Алма-Ата, 1948, стр. 13—21). В последнее время некоторые из них нашли определенное отражение в публикациях А. Сабурханова (см., например: Казахско-русские отношения в 50—90-х гг. XVIII в. Автореферат. Алма-Ата, 1965, и др.) и в упомянутой выше работе Н. Г. Анолловой.

⁷ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв. Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1961, док. № 24, стр. 31; В. Могутов. Редкое и

К тому же казахские жузы, населенные многочисленными кочевыми скотоводческими племенами, сами по себе могли стать рынком сбыта и прекрасной сырьевой базой для русской промышленности.

Не были секретом и давно привлекали российских купцов, промышленников и царизм в целом природные ресурсы Казахстана. Так, уже первый «начальник Оренбургского края», один из «птенцов гнезда Петрова», И. К. Кириллов, сформулировавший в 1734 г. в своем «Представлении», или «Проекте», основные положения политики царизма в Казахстане, писал о свинцовых горах у Сыр-Дарьи, о запасах квасцов, серы, селитры, золотой руды, о «славной» илецкой соли, множестве «лучшей слюды», богатых медных и других руд, а также о крепких, выносливых и очень недорогих казахских лошадях, которых можно было, по его словам, приобрести «на всю российскую кавалерию за дешевую цену на сукна российских фабрик и другие безделки».⁸ Не зря сделавший ставку на российское подданство хан Младшего жуза Абулханр в тяжелой для него ситуации считал нужным пообещать русскому посольству показать золотую гору, если он будет принят со всем народом в российское подданство.⁹

Ко всему этому длившиеся более столетия столкновения казахов с Джунгарским ханством, выросшим к этому времени в серьезную опасность и для восточных владений России, а тем более для экономических планов царизма в этих краях, делали казахов потенциальным союзником России на случай военных конфликтов и обуславливали интерес царизма к возможностям будущего использования казахов как военной силы.

Особый интерес царизма к военной силе многочисленного казахского народа вызывался еще и тем, что кочевья казахов ограничивали ненадежные внешние границы беспокойной Башкирии, выходцев из Джунгарии — волжских калмыков и были единственным местом, куда могли уйти и уходили не раз представители этих народов в случаях их выступлений против царизма.¹⁰

Это и породило намерения царизма уже в начале подданства казахов Российской империи использовать их старые конфликты и противоречия с башкирами и калмыками, для того чтобы «одну на другую орду поднимая, смирять, а своих людей в таких случаях беречь».¹¹

достопамятное известие о бывшей из России в Великую Татарю экспедиции... СПб., 1777, стр. 26.

⁸ Казахско-русские отношения... № 50, стр. 112.

⁹ Там же, стр. 111.

¹⁰ М. И. Иванни. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар... СПб., 1875, стр. 179.

¹¹ Инструкция имп. Анны начальнику Оренбургской экспедиции И. Кириллову, от 18 мая 1734 г. В кн.: Казахско-русские отношения... № 51, стр. 115.

Таковы основные направления и первоначальные цели политики царизма в Казахстане, конкретные формы, пути, а подчас и характер которой определялись еще и учетом внешнеполитической обстановки и внутреннего положения в самих казахских жузах. В частности, в практических мероприятиях и политических акциях царских властей в Казахстане учитывалось наличие определенных противоречий у казахов с явным казачеством, среднеазиатскими ханствами, сибирскими казаками. Царские чиновники всех инстанций не забывали об острой, жизненно важной для кочевого скотоводческого общества потребности в безопасных, обильных водой и травами пастбищах у границ России, в частности по рекам Ори, Янгу, Эмбе, Тоболу, Иртышу и в других местах.

Великомерно осознавалась и постоянно учитывалась острая потребность кочевых племен, особенно в данных стесненных внешнеполитических обстоятельствах, в защите от внешних вторжений, в мире, союзе и меновых отношениях с Россией, а также другие обстоятельства, сыгравшие немаловажную роль в только что начавшемся и еще очень непрочном, хотя и добровольном подданстве казахов Российской империи.

Царскому правительству с самого начала было известно о слабости ханской власти в Казахстане и династической борьбе различных феодальных линий, о феодальных усобицах, межродовых столкновениях и барымте, а также о социальных противоречиях в казахском обществе наряду с сонувствовавшей им острой потребностью казахских владельцев в военной силе и городах или «крепостцах» — опорных пунктах экономического господства и политического подчинения кочевых племен и народов.

На всем этом фоне серьезным препятствием на пути осуществления интересов царизма в Казахстане и предметом особых забот для царских колонизаторов являлись свободолюбие и определенное могущество многочисленного, хотя и ослабленного раздорами казахского народа, при номинальном характере подданства или верховной «власти России над тремя ордами или племенами киргизов».¹²

В данной связи перед царизмом, российскими купцами, промышленниками и предпринимателями на пути реализации их экономических планов и политических интересов в Казахстане с первых же дней его присоединения к России встала первоочередная политическая задача закрепления подданства и постоянного превращения этого подданства из номинального в действительное.

Одним из первых, имевшихся в распоряжении царизма и широко использовавшихся способов выполнения этой задачи были присяги крупнейших казахских феодалов на верность Российской

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 12, стр. 615.

империи, возобновлявшиеся периодически, обычно в случае смены правления в России или в казахских жузах. Они, как правило, осуществлялись в пограничной крепости Оренбург, с демонстрацией мощности и военного могущества Российской империи; и хотя ни та, ни другая сторона не считала подобную форму зависимости и «прикрепления» надежной, прочной, однако публично присягнувшие и окружившие народом колониально-зависимые ханы, султаны и старшины символизировали эту зависимость, подтверждали «право их должности и подданства», чем достигались определенные психологические и политические цели.¹³ Но случайно хан Младшего жуза Туралы во время своей конфирмации в Оренбурге в 1749 г. просил, чтобы текст присяги читал ахун, так как сам хан не хотел этого делать «от зазрения перед своими». Но оренбургский губернатор П. И. Понлюев настоял на публичности церемонии и строгом соблюдении соответствующей инструкции, ссылаясь при этом на прецедент с присягой хана Абулхаира в 1738 г.,¹⁴ который, кстати, тоже пытался избежать публичного повторения вслух текста присяги.

Более значительным средством первоначального закрепления российского подданства казахов было взятие политических заложников-аманатов из числа сыновей хана и наиболее «знатных», влиятельных родоначальников или старшин. Первый из них (сын хана Абулхаира султан Ералы) был взят еще в конце 1732 г., во время выезда из Казахстана русского посольства во главе с Тевкелевым. После этого происходила периодическая замена заложников-аманатов, гарантировавших своим присутствием (в известной степени, конечно) «соблюдение присяги» или во всяком случае определенную лояльность казахов по отношению к России.

При взятии и замене аманатов царское правительство избегало обычно приема побочных сыновей. При этом учитывалось, что, согласно обычаям казахов, оставление законного сына в чужих руках в случае замены присяги или другому конфликту затронуло бы не только родительские чувства и чувства семьи аманата, но и достоинство многочисленных сородичей, а также общественное мнение целого ряда племен. В данном отношении очень характерны настойчивые, но безрезультатные попытки хана Абулхаира в 40-х годах XVIII в. заменить находившегося в аманатах султана Хаджи-Ахмета побочным сыном (от пленной калмычки) султаном Чингисом, чтобы развязать себе руки в период конфликта с оренбургской администрацией. При этом не помогли никакие «решения» и доводы Абулхаира, в том числе его ссылки на «зазрения» и непристойные толкования со стороны народа,¹⁵

а равно и организованные ханом враждебные действия против России. Понлюев великодушно понимал значение оставления именно такого заложника, смыслом которого было не оставление царскими властями даже независимо от его воли. Обоснованный неравной борьбой, по иронии других, кроме царя, кроме царя, кроме царя союзников и ередств в достижении своих классовых, антинародных целей, хан Абулхаир был вынужден уступить. Тем самым был сделан еще один шаг вперед в усилении зависимости хана от царя и, следовательно, его использования для закрепления подданства казахов.

Подобной же линии Понлюев последовательно придерживался и в отношении сменившего Абулхаира в 1749 г. хана Туралы. Правда, конкретные обстоятельства вынуждали его порой отступать от такого правила, тем более что не в интересах царя было вообще значительное ухудшение отношений с ханом и другими крупнейшими казахскими феодалами, через которых практически осуществлялось необходимое укрепление подданства. Так было, например, в 1749 г., когда Коллегия иностранных дел, учитывая и без того слабое влияние Туралы-хана, фактически ставленника царя, а также напряженность внешнеполитической обстановки в связи с активизацией военных действий джунгарских владельцев, разрешила П. И. Понлюеву согласиться на замену очередного аманата побочным сыном Абулхаира султаном Чингисом, при условии, что вместе с ним будут отданы сыновья влиятельнейших старшин Младшего жуза.¹⁶ Характер подобной «уступки» станет особенно ясным, если учесть, что старшино-родоначальники были зачастую гораздо сильнее и влиятельнее самого хана, и уже в первые годы российского подданства казахов царское правительство предписывало оренбургской администрации «наиприлежнейше трудиться о получении в аманаты «на детей лучших и сильных киргиз-кайсацких старшин, обладающих их милостию, добрым содержанием и частою переменою».¹⁷

Роль аманатства как средства усиления вассальной зависимости или подданства казахов и достижения других политических целей сказывается, в частности, и в усиленных попытках царя получить в аманаты второго сына хана Среднего жуза Абулмамбета, несмотря на то что первый сын хана был отдан в заложники джунгарскому владельцу.¹⁸

Для облегчения задачи получения аманатов царское правительство выплачивало им «порочные расходы», а с 1749 г. вошло в практику публичные награждения аманатов при отпуске их на родину в одновременной присягой на верность царю.¹⁹ Стре-

¹³ Указ Сената от 17 октября 1744 г. В кн.: П. И. Крафт. Сборник указов о киргизах степных областей. Оренбург, 1898, хронологический перечень, № 56, стр. 15.

¹⁴ Казахско-русские отношения..., № 186, стр. 475—476.

¹⁵ П. И. Крафт. Сборник указов..., стр. 13.

¹⁶ Там же, № 62, стр. 25.

¹⁷ Там же, № 46, стр. 12.

¹⁸ Казахско-русские отношения..., № 104, стр. 200.

¹⁹ Там же, № 175, стр. 445.

мись к еще более полному и далеко идущему по своим целям использованию института заложников-аманатов. Коллегия иностранных дел предпринимала меры и для соответствующего «воспитания» аманатов в период их пребывания в России, предписывала в целях успокоения казахского народа и предотвращения его «продерзости» отучать аманатов от «воровских прав», «вселять в них людскость и обхождение», способствовать их общению с русскими людьми, склонять к изучению русского языка и грамоты, с тем чтобы поведение аманатов стало примером «лучшего обхождения для их соплеменников».²⁰

Институт аманатов в целом, а также и присяги на подданство или верность Российской империи сами по себе являлись, однако, лишь средствами «прикрепления» к Российской державе прежде всего и главным образом казахских владельцев и родоначальников, т. е. правящей верхушки казахского общества, которая в свою очередь играла довольно значительную роль в закреплении российского подданства казахов и осуществлении политики царизма в Казахстане вообще. Использование правящей верхушки казахского общества, по справедливому утверждению М. П. Вяткина, долгое время было единственным средством укрепления политического влияния царизма в глубине степи. Царская администрация учитывала и умело использовала при этом и социальную сущность, и цели казахских феодалов, и их династические противоречия, и реальное положение каждого из них, и личные слабости, устремления, а также конкретную обстановку в каждом данном случае.²¹

Так, еще до начала присоединения Казахстана к России царизму было хорошо известно о слабости ханской власти у казахов, о том, что «народ сей... имеет хана только для одного имени, а владения его над ними нет»,²² что «хан... без согласия прочих ханов и салтанов и киргиз-кайсацкой орды ничего один собою делать не может», что он, «по малосилию своему и тамошних степных народов непослушанию, всех бонтей, ибо никаких представлений оно не слушают, а делают что захотят сами»,²³ а также и о том, что хан, говори языком того времени, не пользовался любовью своих подданных. «Все наши бессмысленные народы меня мало любят»,²⁴ — не раз жаловался оренбургским начальникам хан Абулхайр. Еще чаще и с ббльшим основанием повторял эти жалобы сменивший Абулхайра в 1749 г. его сын — хан Нуралы.

Слабость ханской власти, боязнь своего народа сочетались

²⁰ И. И. Крафт. Сборник узаконений..., № 265, стр. 95.

²¹ См.: М. П. Вяткин. Политический кризис и хозяйственный упадок в Малой орде в конце XVIII—начале XIX в. В кн.: Материалы по истории Казахской ССР, т. IV, М.—Л., 1940, стр. 4.

²² А. И. Добромьслов. Материалы по истории России, т. I. Оренбург, 1900, стр. 8.

²³ АВПР, ф. 122/1, (Киргиз-кайсацкие дела), 1733 г., д. 1, л. 153 об.

²⁴ Там же, 1741 г., д. 3, л. 6—6 об.

с настойчивым желанием ханов, как и вообще казахских владельцев, упрочить свое положение, «усилиться над народом», подчинить своей воле влиятельнейших старшин, добиться единой власти над всеми частями раздробленных жузов и превратить эту власть в наследственную. В частности, инициатор российского подданства казахов хан Абулхайр, по заявлению Тевкелова, «желая оную орду в наибольшую власть свою взять не так, как предки оною владели, [и] причитая их непослушание собо в озлобление, просил и протекции ее императорского величества, чрез которую намерен был в той киргиз-кайсацкой орде себя одного ханом учинить и по себе наследников роду своего на оном ханстве утвердить».²⁵ Со всем этим до мелочей совпадают классовые позиции и цели хана Нуралы — преемника Абулхайра.

Присяги ханов на подданство Российской империи, равно как и другие сношения их с царизмом, сопровождались поэтому систематическими просьбами о помощи, «усилении», вплоть до попыток получения артиллерии, и настойчивых ходатайств о построении им крепостей или укрепленных городков и т. д. Так, хан Абулхайр еще в период переговоров о подданстве в 1732 г., ухватившись за предложение главы российского посольства в Казахстане Тевкелова построить ему крепость, рассчитывал с помощью царизма заманить в эту крепость «всех противных [ему] старшин... и иных переказнить, а иных послать в дальние города...».²⁶ Правда, Тевкелев, а после него и другие представители царизма не поддерживали подобных намерений Абулхайра и его наследников, как не выполнили позже настойчивых просьб о предоставлении ему пушек и войска для «приведения в подданство» всех жузов и даже соседних народов, для похода на Хиву и т. п., не поддерживали потому, что усиленный таким образом хан перестал бы нуждаться в самом царизме.²⁷ Крепость «Абулхайру» была, однако, построена, но лишь потому, что она была гораздо более необходима самому царизму, в частности для закрепления российского подданства казахов.

Присягая «на верность ее императорскому величеству», Абулхайр добивался также признания себя владельцем всех трех казахских жузов, при этом он просил, в частности, о встрече его в Оренбурге «с тысячею солдат» и оркестром, «понеже легкомысленные дураки (по выражению Абулхайра, — П. С.) чрез то удобнее содержаны быть могут в руках».²⁸ Подобные просьбы со стороны хана Абулхайра, а также его преемника Нуралы сопровождались, как правило, дипломатической оговоркой, что удовлетворение этих просьб позволит им лучше сохранить подданническую

²⁵ А. И. Добромьслов. Материалы..., т. I, стр. 97—99.

²⁶ Казахско-русские отношения..., № 33, стр. 81.

²⁷ М. П. Вяткин. Политический кризис и хозяйственный упадок в Малой орде..., стр. 5.

²⁸ Казахско-русские отношения..., № 82, стр. 191.

верность и более успешно выполнять «повеления ее императорского величества».²⁹

Однако царское правительство под благовидными предложениями уклонилось от признания Абулхаира владельцем трех жузов, снова и снова отказывало хану в войсках и оружии. Кстати, несмотря на свою заинтересованность в войне казахов с Хивой, оно не советовало принимать его сыну Хивинское ханство, предписывая одновременно И. И. Неплюеву, «если возможно», не допускать практического осуществления состоявшегося избрания Нуралы хивинским ханом, так как это было «несогласно с видами России».³⁰ Оренбургское начальство в свою очередь не задерживало в Оренбурге, по просьбе Абулхаира, казахских старшин, а тем более хана Среднего жуза Абулмамбета³¹ и т. д. Вместе с тем царская администрация вступила в прямые контакты с другими казахскими владельцами, соперниками Абулхаира, такими как султаны Среднего жуза Аблай, Барак и Батыр, оказывала или обещала им милости и почтение, равные с ханом Абулхаиром, а лучшим залогом верности ханов считала то обстоятельство, что хан Среднего жуза «Абулмамбет с Абулхаир-ханом согласия не имеет».³²

При всем том во время приезда в Оренбург для присяги хана встречали с оркестром, почетным караулом и пушечной пальбой, что льстило его честолюбию. На жалобы о бессилии над народом ему, «к содержанию оного в надлежащем порядке», советовали кочевать ближе к границам России и разрешали даже свободный заезд в крепости, что якобы должно было усилить хана свидетельством особой милости к нему царизма.³³ Его обнадеживали также возможностью удовлетворения просьбы об утверждении наследника при жизни, но лишь потому, что для царизма, по словам Неплюева, было бы «весьма полезно» добиться, «дабы киргиз-кайсацкие ханы ханство получали не по своей или по одной народной воли, но с высочайшего его императорского величества соизволения и подтверждения», что позволило бы в будущем отдавать предпочтение тем претендентам на ханство, «кои для интересов его имп. величества надобны».³⁴

Иначе говоря, удовлетворялись лишь незначительные просьбы хана или же те, выполнение которых усиливало его зависимость от царизма.

Горечь отказов компенсировалась обычно, особенно в начальный период казахско-русских отношений, обилием подарков в виде товаров, преподносившихся во время присяги и по

²⁹ Там же.

³⁰ И. И. Крафт. Сборник узаконений..., № 63, стр. 16.

³¹ Казахско-русские отношения..., № 96, стр. 236.

³² Там же, стр. 246; № 119, стр. 302.

³³ Там же, № 96, стр. 236.

³⁴ Там же, № 97, стр. 253—254; № 152, стр. 394—395.

другим случаям, и различными знаками «царской милости» хану, султанам и наиболее влиятельным старшинам-родоначальникам. О размерах подобных «милостей» можно судить хотя бы по размеру расходов казны «на подданство» и казахские посольства, которые только за первые пять лет (с 1730 по 1734 г.) составили свыше 17 тыс. руб.³⁵ Однако, не добившись осуществления своих основных целей и честолюбивых замыслов с помощью подданства и союза с царизмом, хан Абулхаир в 40-х годах XVIII в. решает сменить ориентацию или во всяком случае шантажирует этим царское правительство, и в частности оренбургского губернатора И. И. Неплюева, но не достигает цели. Даже его попытки организовать откочевку казахов от границ России, подкрепляемые слухами о движении на казахов «российского войска» или «несметной силы из русских, башкир и калмыков»,³⁶ не дали желаемых результатов, так как пребывание у границ России, несмотря на все отрицательные стороны политики царизма, гарантировало все же казахам определенную безопасность от внешних вторжений, обеспечивало возможности меновой торговли, а главное у этих границ находились удобные пастбища для скота, «обильные водою и травами». Пытаясь во что бы то ни стало добиться своего, хан Абулхаир в 1745—1747 гг. организовывает провокационные набеги на русские пограничные селения, калмыцкие кочевья и т. п., в результате чего И. И. Неплюев получил формально обоснованное даже в понятиях казахских племен право организации карательных экспедиций («поисков») или вторжений на территорию казахских кочевий. Эти «поиски» карательных отрядов царских войск привели к озлоблению казахского населения против Абулхаира, навлекшего своими «пнтригами» эти бедствия, и подорвали его «кредит в народе».³⁷

Чтобы усилить возникший на этой почве раскол между Абулхаиром и подвластными ему родами, Неплюев распорядился даже не смешивать «весь народ и владельцев», узнавать зачинщиков и расправляться лишь с непосредственными участниками набегов. И. И. Неплюев ясно сознавал при этом, что хан «переменится» или же подвластный ему народ и старшины совсем перестанут ему верить и слушаться его, после чего исчезла бы надобность в опоре на хана и для царизма.³⁸

В 1748 г., значительно подорвав свое влияние и авторитет, хан вынужден был прекратить набеги и пойти на примирение

³⁵ А. И. Добромыслов. Материалы..., т. I, стр. 253—281.

³⁶ П. И. Рычков. История Оренбургская. Оренбург, 1896, стр. 86; Казахско-русские отношения..., № 130, стр. 331—332.

³⁷ В. Н. Витовский. Неплюев и Оренбургский край, т. III, Казань, 1897, стр. 696, 709; Казахско-русские отношения..., № 130, стр. 332; № 135, стр. 348.

³⁸ В. Н. Витовский. Неплюев и Оренбургский край, т. III, стр. 696, 709; Казахско-русские отношения..., № 135, стр. 348; № 161, стр. 413.

с царизмом. Антинародный характер его целей и методов их достижения не оставлял ему другого выхода.

В подобной обстановке в том же 1748 г. происходит убийство хана Абулхаира султаном Бараком, влиятельнейшим владельцем Среднего жуза, династическая борьба и соперничество которого с ханом Абулхаиром поддерживались царизмом. Еще более ослабленная и напуганная убийством хана семья Абулхаира сразу же получила соболезнование оренбургских властей и настойчиво внушаемый при этом совет прибегнуть к защите, милости и покровительству царизма. При этом Неплюевым припоминались заслуги Абулхаира перед Российской империей, а также его намерение утвердить наследника из его семьи.³⁹ Царскому правительству было чрезвычайно важно использовать предоставившуюся благоприятную возможность для утверждения нового хана, чтобы создать тем самым нужный прецедент на будущее время, когда можно будет ввести «в обычай и закон» назначение ханов в обеих жузах «по высочайшему ея имп. величества соизволению».⁴⁰ Имелось даже в виду «назначенне» хана без выборов его народом.⁴¹ Контакты Неплюева в этот период с султаном Бараком были «весьма не апробованы» самой императрицей,⁴² как способные огорчить очень нужного и удобного для царизма своей слабостью претендента на ханский престол из семьи Абулхаира, а также усилить султанскую группировку Среднего жуза, придерживавшуюся противоположной ориентации. Да и сам Неплюев понимал, что для интересов Российской империи в Казахстане было важно, чтобы связавшая себя с царизмом и достаточно ослабленная «Абулхаирханова фамилия не упала».⁴³ Именно поэтому Неплюев и присланный из Петербурга М. Тевкелев всячески содействуют избранию в ханы старшего сына Абулхаира — султана Нуралы и, несмотря на то что «оное... Нуралеево избрание совершилось в ханской кибитке чрез выбранных от десяти родов знатных биев, а не по их прежнему обыкновению публично»,⁴⁴ царское правительство утвердило это избрание, и Неплюев вручил султану Нуралы патент на ханство. Больше того, впервые поставив над казахским народом владельца по своему выбору, не пользовавшегося, однако, достаточным влиянием в народе, царское правительство проявляет на первых порах даже определенную заботу об укреплении его власти и авторитета.⁴⁵ Именно поэтому «не апробуется» дальнейшее продолжение контактов Неплюева с убийцей Абулхаира султаном Бараком, отклоняется просьба

хивинского хана о прохождении торговых караванов, минуя кочевья семьи Абулхаира, а добивавшемуся исключительного права сопровождения этих караванов султану Батыру было предложено согласовать эту просьбу не с кем иным, как с ханом Нуралы.⁴⁶ Характерно и то, что теперь, когда создалась угроза нежелательного для царизма усиления враждебной семье хана Абулхаира феодальной группировки, Коллегия иностранных дел советует оренбургским властям не вмешиваться в выборы ханов в Хиве, где в это время правил сын султана Батыра — хан Каип.⁴⁷

При всем том царское правительство считало нежелательным и назначение одного, «главного» хана над обеими казахскими жузами, как этого добивались султан Нуралы, его мать ханша Булай, да и вся семья хана Абулхаира. За основу решения данного вопроса были приняты представления Неплюева, считавшего, что «в киргизском народе между прочими особливому главному хану быть не только не полезно, но и вредительно быть может... ибо что сильнее ханы, тем под случай их народного беспокойства во усмирении их больше трудностей».⁴⁸ В результате было решено «назвать и подтвердить» султана Нуралы «киргиз-кайсацким ханом, не имянуя ни Меньшей, ни Средней орд», как поступили в свое время и с ханом Абулхаиром.⁴⁹ Такое утверждение само по себе создавало основу для новых конфликтов на почве необоснованных претензий нового хана. Но это не противоречило общей политике и конкретным целям царизма, для которого, по словам Неплюева, наилучшим средством для обеспечения «народного баланса» и «обуздания сих диких народов» являлось «содержание» казахских ханов «в такой мере», чтобы ни та, ни другая сторона не могла «как силиться, так и в большое безсилie приходить».⁵⁰

Со своей стороны, продолжая традиционную линию своего отца, хан Нуралы с первых дней правления старался «усилиться» с помощью того же Неплюева и царских властей. На семейном совете чуть ли не сразу же после убийства хана Абулхаира было решено поставить ханом Среднего жуза, путем расправы над Бараком и другими феодалами Среднего жуза, султана Ералы, хивинским ханом — Хаджи-Ахмет-султана, главным ханом и ханом Младшего жуза — их старшего брата — султана Нуралы, чтобы, таким образом, «одним им детям абулхаирхановым властвовать». Ханша Булай откровенно заявляла старшему сыну, что после осуществления всего этого «все, что ни пожелает, в его воли будет».⁵¹

Подобные намерения не соответствовали, однако, целям царизма и не могли не насторожить его. Поэтому, когда хан Ну-

³⁹ Казахско-русские отношения..., № 153, стр. 308—400.

⁴⁰ Там же, № 165, стр. 420.

⁴¹ Там же, № 153, стр. 402.

⁴² Там же, № 175, стр. 446.

⁴³ Там же, № 165, стр. 424.

⁴⁴ Там же, стр. 419.

⁴⁵ Там же, № 178, стр. 458.

⁴⁶ Там же, № 196, стр. 510.

⁴⁷ Н. П. Крафт. Сборник узаконений..., № 100, стр. 30.

⁴⁸ Казахско-русские отношения..., № 153, стр. 401; № 165, стр. 419.

⁴⁹ Там же, № 175, стр. 444.

⁵⁰ Там же, № 153, стр. 401.

⁵¹ Там же, № 165, стр. 423.

рали, прикрываясь необходимостью метить на отца,⁵² стал просить войска, ему, разумеется, было отказано, хотя и не возборонилось искать возмездия над Бараком своими силами.⁵³

Такая же участь постигла и его многократные просьбы о строительстве мавзолея или городка над могилой Абулхайра на месте его гибели и вообще о строительстве «крепостица» хану, чтобы ему удобнее было «устраивать и поддерживать в подчинении вольный и не имеющий страха» казахский народ. Правда, формально царское правительство согласилось с просьбой хана о мавзолее, но предполагало строить его поближе к границам России, что было бы выгодно главным образом самому царю. Это, естественно, не устраивало хана и всю фамилию Абулхайра, стремившуюся к достижению теми средствами именно большей самостоятельности. Тогда Коллегия иностранных дел и Пенсии пошли по линии атакжек и проволочек, бракуя избираемые ханом места под предлогом отсутствия леса (строительных материалов), плохой почвы, ссылаясь даже на недовольство казахского народа предполагаемым строительством крепости на территории их кочевий, на «плохое состояние ордынских дел», и то время как в распоряжении оренбургским властям по этому вопросу говорилось о неудобстве строить мусульманскую крепость с мечетью христианскими руками и средствами.⁵⁴

Просьбы семьи Абулхайра и обещания царских властей о постройке хану крепости и мавзолея над могилой отца повторялись и в 1750, и в 1759, и в 1763, и в 1766, и даже в 1785 г., когда хану потребовалось уже просто убежище для спасения своей жизни в период восстания Сырма Датова, но эти обещания так и не были выполнены, несмотря уже на согласие хана строить крепость на Эмба или Илеке, как это предлагалось ранее самим царем.⁵⁵

Строительство это по мере ослабления ханской власти и расширения социальной опоры царяма в Казахстане становилось все более ненужным для интересов Российской империи, а потому безнадежным делом. Систематически не выполнялись и другие более или менее значительные просьбы и представления хана, особенно о пропуске скота вимой через Яик, о возвращении беглых рабов и повольников, постоянно сочинявшихся из Казахстана. Последнее, в частности, особенно ущемляло интересы казахских

старшин и вызвало рост их недовольства ханом, который, по их словам, «об их киргизском народе не старается, а добротельствует-де только российской стороне».⁵⁶ Разрешение перегона скота на «внутреннюю сторону» Урала самому хану и членам его фамилии еще более усиливало недовольство старшин и народа.⁵⁷

Однако имели место и указы, предписывавшие, по просьбе Нуралы-хана, возвращать «выбегающих от киргизов пленников».⁵⁸ Время от времени оренбургская администрация, «в рассуждении народного поведения», считала необходимым «несколько поусилить» хана.⁵⁹ Вместе с тем отклонились просьбы Нуралы-хана о барымте или задержании в Оренбурге по его указанию знатных родоначальников, чьи роды были повинны будто бы в набегах на пограничные территории России, захвате пленных и ограблении караванов, а главное в принятии хану, по его собственному желанию, «наилучшим образом исполнить повеления его императорского величества».

Угрозы и даже попытки хана не давать более в Оренбург аманатов, запретить казахам ездить на моновые дворы в российские крепости, шантажирование попытками переговоров с Дзунгарией, цинской империей и даже афганским шахом не достигали успеха.⁶⁰ Уступая в частностях или на короткое время, особенно в опасных угрозах «возбуждения» и массовой откопки казахов случаях, царям продолжал вести последовательную политику, направленную на укрепление российского подданства казахов и превращение хана в послушное орудие утверждения своего господства и вместо с тем на дальнейшее расширение своей социальной опоры в Казахстане. С этой же целью в годы правления Нуралы-хана по-прежнему предпринимались мероприятия, направленные на подкуп влиятельных казахских феодалов, старшин и родоначальников и их противопоставление хану и друг другу. Так, наряду и одновременно с отказами хану и членам его фамилии в войска, в строительстве «крепостица» или усадьбы, в оружии, возвращении беглых, репрессиях против старшин и его соперников в 1767 г. царское правительство разрешило, например, постройку усадьбы Дусалы-султану, с прямой установкой «вызвать зависть к соперникам».⁶¹ Подобные случаи имели место и раньше. Еще в 1759 г., отказав хану в присылке его посольства в Петербург и связи с «продерзостиами» казахов и отказом хану дать нового аманата, оренбургская администрация разрешила от-

⁵² Там же, № 182, стр. 462; № 178, стр. 452—454.

⁵³ В. В. Вольский-Зернов. Исторические известия о киргизах-казахах и сношении России со Средней Азией со времени кончины Абулхайра хана (1748—1765 гг.), т. I. Уфа, 1853, стр. 180; Казахско-русские отношения... № 170, стр. 454.

⁵⁴ П. П. Крафт. Сборник указов... № 102, стр. 30; № 108, стр. 32—33.

⁵⁵ Казахско-русские отношения... № 190, стр. 403—404; № 190, стр. 512—513; № 197, стр. 515; № 231, стр. 509; № 235, стр. 600; № 250, стр. 654; № 267, стр. 683; ИСЗ I, т. XXII, № 16202.

⁵⁶ Казахско-русские отношения... № 250, стр. 639—640.

⁵⁷ См.: П. Г. Анюжова. Экономические и политические связи Казахстана в России... стр. 351.

⁵⁸ См.: Г. Н. Семенов. Ликвидация рабства в Казахстане и ее предпосылки. Вестн. АН Каз. ССР, 1958, № 11, стр. 25.

⁵⁹ Казахско-русские отношения... № 225, стр. 583.

⁶⁰ П. П. Крафт. Сборник указов... № 209, стр. 70—71; Казахско-русские отношения... № 230, стр. 617; № 231, стр. 670—671.

⁶¹ П. П. Крафт. Сборник указов... № 306, стр. 112—113.

править такое посольство султану Аблаю. Больше того, Аблаю было предложено, через посредников, утверждение в ханском достоинстве и сравнение его во всем, вплоть до жалованья, с Нуралы-ханом, «ежели он даст аманата», учитывая, что это причинит досаду Нуралы-хану, имевшему некоторую власть в Среднем жузе.⁶² В 1764 г., запрещая выпас скота казахам Младшего жуза даже вблизи реки Яика, Коллегия иностранных дел разрешила такой выпас и даже перегон скота на зимние пастбища за Иртышом казахам, подвластным Аблаю и некоторым другим казахским старшинам.⁶³

Изощренность царских властей в противопоставлении казахских феодалов друг другу, в разделении народа доходила до того, что, восставив подобным образом против Нуралы-хана значительную часть старшин или во всяком случае обострив их старые противоречия и конфликты, царское правительство в 1711 г. в связи с просьбой хана о назначении ему наследника при жизни сочло возможным указом Екатерины II рекомендовать ему получить сначала согласие от старшин и народа, чтобы «не иметь впоследствии никаких затруднений».⁶⁴

Возмущенный, но и напуганный подобным отказом, хан выражал недовольство перепиской царского правительства с Аблаем, жаловался на умножение в степи начальников, считавших себя самостоятельными владельцами и имевших прямой контакт с оренбургской администрацией, на отсутствие в Казахстане единой власти и единого порядка и возрастание в связи с этим количества «плутов» и «роптаний» в народе,⁶⁵ а также на то, что, в то время когда он, хан, не видит от ее императорского величества милости, «приведенные его предводительством и поставлением в познание люди ровняться с ним начинают».⁶⁶ Вместе с тем хан продолжал регулярно доносить царской администрации о возможных набегах казахов на пограничные территории и укрепленные пункты, сообщать о намерениях отдельных казахских родов откочевать к Джунгарии или на высвободившиеся после ее разгрома кочевья джунгарских племен,⁶⁷ стараясь подобными мерами заслужить «милость» царизма и добиться все же выполнения своих просьб и требований.

Учитывая слабость хана и всю возрастающую зависимость его от «милостей» и поддержки царизма, Екатерина II указом от 18 марта 1770 г. предписывала оренбургскому губернатору добиваться от Нуралы, чтобы он позволял старшинам и народу со-

действовать в исполнении требований царизма и без зависти смотрел на поощрения и «помайки», которые будут делаться его подчиненным,⁶⁸ т. е. на расширение непосредственных связей царизма с казахскими феодалами. При этом в зависимости от конкретных условий и целей царские власти постоянно варьировали в своем отношении к хану и вообще казахским феодалам, как и во всей своей политике в Казахстане, сочетание принципа «разделяй и властвуй» с политикой «кнута и пряника». Роль последнего выполняло, в частности, ежегодное жалование хану в размере 600 руб. (двести из них выдавалось при этом тайно от старшин и народа). Первым получил это жалование и стал по сути дела платным чиновником царизма хан Нуралы, просивший об этом в 1754 г. со ссылкой на заслуги отца и всей семьи Абулхайра перед царизмом, а также на свою «бедность» и отсутствие каких бы то ни было доходов и сборов с народа.⁶⁹ Набегами на пограничные села и торговые караваны добился выплаты жалованья с 1762 г. по 200 руб. ежегодно султан Ералы. Одновременно, чтобы «не обидеть» и за заслуги в возврате в Россию беглых солдат, колодников, а также за «помощь хану» в сопровождении торговых караванов и в «удержании народа», царизм удовлетворил просьбу о назначении жалованья султану Айчуваку.⁷⁰ При этом учитывалось также и то обстоятельство, что оба султана имели в народе «кредит» не меньше хана.⁷¹ Не остались без внимания и просьбы султана Аблая. В 1759 г., несмотря на то что с его стороны не было аманатов и в целом он вел независимую от Российской империи линию, и даже в какой-то степени именно поэтому, ему было назначено ежегодное жалование в 300 руб. при одном лишь условии, чтобы подвластный ему народ был в покое и на границах все было хорошо.⁷²

Выплата ежегодного жалованья оказалась столь привлекательной приманкой, что вскоре царизму пришлось отклонять ходатайства некоторых султанов о назначении такового, чтобы избежать «великих расходов». Содержание отказов сводилось к тому, что султаны в Казахстане много и султанство не дает еще права на жалование, которое надо заслужить.⁷³

Обилие желающих получать жалование позволяло царизму производить его назначение и выдачу при условии «сохранения верности» царизму и в особо нужных случаях подкупа наиболее сильных или влиятельных казахских феодалов и т. п. Так, например, в 1764 г. было назначено ежегодное жалование в размере

⁶² Там же, № 211, стр. 72; Казахско-русские отношения..., № 234, стр. 603—604.

⁶³ Казахско-русские отношения..., № 261, стр. 670.

⁶⁴ П. И. Крафт. Сборник узаконений..., № 327, стр. 119.

⁶⁵ Казахско-русские отношения..., № 275, стр. 700.

⁶⁶ Там же, № 261, стр. 670.

⁶⁷ П. И. Крафт. Сборник узаконений..., № 209, стр. 70.

⁶⁸ Там же, № 317, стр. 117.

⁶⁹ Казахско-русские отношения..., № 208, стр. 537; № 209, стр. 538.

⁷⁰ П. И. Крафт. Сборник узаконений..., № 228, стр. 80; № 247, стр. 87; Казахско-русские отношения..., № 238, стр. 615.

⁷¹ П. И. Крафт. Сборник узаконений..., № 233, стр. 82.

⁷² Казахско-русские отношения..., № 230, стр. 598.

⁷³ П. И. Крафт. Сборник узаконений..., № 261, стр. 93—94; № 317, стр. 116—117.

150 руб. султану Солтамамбету в связи с тем, что цинские правители в это время особенно старались привлечь владельцев Среднего жуза на свою сторону.⁷⁴ В 1765 г. положительно рассматривался вопрос о назначении жалования султану Абулфеису, с учетом его содействия развитию торговли в Семипалатинской крепости, а также того, что отец султана был ханом в Хиве и Абулфеис мог способствовать обеспечению безопасной торговли и с Хивой.⁷⁵ В 1769 г. было повелено под видом «подарка» выплачивать ежегодное жалование «знатым» старшинам Среднего жуза Куляке и Кулсаре батырам, которые нередко удерживали от «противных поступков» даже самого султана Аблая.⁷⁶ К 70-м годам XVIII в., несмотря на упомянутые ранее ограничения, царское жалование получали не только казахские ханы, многие «вельможи» или султаны, крупные родоправители, но и нередко простые старшины,⁷⁷ а заодно ханские и даже султанские писаря за сообщение царским властям «нужных известий» о ханах и «о поступках киргизских родоначальников».⁷⁸

К денежному жалованию, по просьбе ханов и некоторых наиболее влиятельных владельцев Младшего и Среднего жузов, царизм охотно добавлял и выдачу муки, круп, зерна, или так называемое хлебное жалование, «дабы они (казаки, — Г. С.) чрез то ко употреблению хлебному больше приобькли». Такие выдачи были начаты еще в 1742 г. по просьбе хана Среднего жуза Абулмамбета, который был «разорен зюлгорскими калмыками».⁷⁹ Хлебное жалование довольно регулярно выдавалось и семье хана Абулхапра.⁸⁰ В ноябре 1749 г., после утверждения султана Нуралы в ханском достоинстве, царское правительство вновь подтвердило свое распоряжение о том, «чтоб к Нуралы-хану и впредь хлеб посылать и тем его не только к здешней пице приобучать, но и в дружбу... приводить».⁸¹ К этому времени, по сообщению И. И. Неплюева в Коллегию иностранных дел, все возрастающую «привычку» к употреблению «хлебной» пицци и «охоту» к ней приобрели уже «не только киргиз-кайсацкие владельцы и знатные старшины, но... и подлой народ».⁸² В 1759 г. «производить хлебное жалование, по усмотрению командующего сибирскими линиями», предписывалось султану Аблаю, а также, по его хода-

⁷⁴ Архив бывш. Оренбургского генерал-губернаторского управления, вып. I. Оренбург, 1889, стр. 33—34.

⁷⁵ Казахско-русские отношения..., № 265, стр. 680—681.

⁷⁶ Описание Средней орды киргиз-кайсаков. Новые ежемесячные сочинения, 1795, ч. 111, стр. 28—29.

⁷⁷ И. Г. Георги. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, ч. II. СПб., 1776, стр. 119.

⁷⁸ Казахско-русские отношения..., № 142, стр. 362; И. И. Крафт. Сборник узаконений..., № 251, стр. 89.

⁷⁹ АВПР, ф. 122/1, 1742 г., д. 5, л. 2.

⁸⁰ Казахско-русские отношения..., № 182, стр. 482.

⁸¹ АВПР, ф. 122/1, 1749 г., д. 4, л. 302.

⁸² Там же, л. 303.

тайству, и другим «знатым султанам» Среднего жуза «в случае их просьб».⁸³ Коллегия иностранных дел в данном случае опять-таки не ставила никаких особых условий и требований, кроме предписания оренбургскому губернатору Давыдову отправлять хлеб Аблаю до тех пор, пока он «не учинит какой-нибудь явной и нетерпимой противности к здешней стороне».⁸⁴ Согласно этому предписанию, с 1760 г. Аблаю выдавали ежегодно по 200 пудов муки. С 1761 г. была начата выдача хлебного жалования Джулбарс-султану, «доброжелательным старшинам» Среднего жуза Кулсаре и Куляке батырам (по 100 пудов каждому), а также Байжигит-мурзе, которого Аблай-султан «противо других особливо жаловал и единственно ему о своих тайностях знать давал» (по 25 пудов в год).⁸⁵

Таковы лишь некоторые формы подкупа или «ласкания» крупнейших казахских феодалов, взявших в корыстных целях инициативу принятия российского подданства в свои руки и превращавшихся постепенно в одно из основных орудий и средств колониального проникновения царизма в Казахстан, в его союзника по закабалению и будущему ограблению широких трудящихся масс.⁸⁶ Все это не исключало, однако, наличия острых противоречий между «союзниками» и недовольства казахских феодалов, отесняемых своим сильным партнером и конкурентом.

Краеугольным камнем политики царизма в Казахстане была, однако, политика натравливания народов и разжигания межнациональной розни, вытекавшая с объективной закономерностью из классовой, антинародной сущности колониального господства вообще и политики царизма в Казахстане в частности. Официальные документы царизма полны свидетельствами неистребимого страха перед силой и ненавистью эксплуатируемых масс и угнетенных народов, боязни общения, контактов, а тем более союза между ними. Так, еще принимая только казахов в российское подданство, представители царизма уже думали о том, чтобы казахи, оказавшись «под единым российским подданством» вместе с другими угнетенными народами России, не соединились бы с ними и «не учинились бы общими неприятельми» Российской империи.⁸⁷ В отдельных указах последующего времени проскальзывают опасения, что казахи согласятся с волжскими калмыками на общие действия и пропустят их в Джунгарию.⁸⁸ В 1747 г. Коллегия иностранных дел предписывала даже оренбургскому губернатору не допускать браков между казахами и казанскими и орен-

⁸³ Описание Средней орды киргиз-кайсаков..., ч. 111, стр. 28—29.

⁸⁴ Казахско-русские отношения..., № 236, стр. 609.

⁸⁵ Описание Средней орды киргиз-кайсаков..., ч. 111, стр. 27.

⁸⁶ М. П. Вяткин. Политический кризис и хозяйственный упадок в Малой орде..., стр. 5.

⁸⁷ Проект И. Кириллова от 4 мая 1734 г. Казахско-русские отношения..., № 50, стр. 113.

⁸⁸ И. И. Крафт. Сборник узаконений..., № 60, стр. 18.

бургскими татарами.⁸⁹ Очень показательным и многие другие факты. Приведем некоторые из них. В 1765 г., когда понадобилось переселить из Ставрополю к Оренбургу 200 семей крещеных калмыков, сразу же последовало указание Сенату переводить лишь «старых калмыков, кои не из эюнгорцев и в киргис-кайсаках не бывали».⁹⁰ Мы уже упоминали ранее об отказе хану Нуралы в 1767 г. в постройке зимнего жилища близ г. Гурьева у р. Яика. Помимо всего прочего, этот отказ был сделан во избежание «знакомства» казахов с другими «магометанскими народами». Оренбургскому губернатору было предложено при этом «склонять» хана к постройке дома (или крепости) в любом другом месте, но подалее от Яика.⁹¹ В 1770 г., переселяя в Оренбургскую губернию кандауровских и солтанаульских татар из Казанской губернии, Правительствующий сенат также предписывал стараться «под видом их собственной пользы» поселить татар в такие места, «из которых бы они никакого сношения с киргиз-кайсаками иметь не могли».⁹²

Конкретной основой и содержанием всех этих и им подобных распоряжений являлась боязнь приобщения свободолюбивого и сильного казахского народа к борьбе трудящихся масс и угнетенных народов России, боязнь осознания общности их интересов и возможного объединения в общем антиправительственном выступлении. Оснований для таких опасений у царских властей было более чем достаточно. Одни только башкиры за истекшие сто лет поднимались против колониального гнета царизма шесть раз: в 1645, 1662, 1676, 1704, 1735, 1740 гг., не говоря уже о восстании 1755 г. и общезвестном участии башкир в Крестьянской войне 1773—1775 гг.⁹³ По признанию Правительствующего сената, в этих «бунтах» принимали участие многие «магометанские народы»,⁹⁴ в том числе и недавно принявшие российское подданство казахи. Больше того, во время восстания 1735 г. Карасакал и примкнувшие к нему казахи «чинили возмущения» в казахском народе, заявляя, что «российские люди и с киргис-кайсаками не инаково, но так, как с ними башкирцами поступят».⁹⁵ Не менее симптоматичен был и случай ухода 15 тыс. семей калмыков из Поволжья в Джунгарию в 1701 г.⁹⁶ Упорную борьбу с представителями царизма за сохранение своей самостоятельности и привилегий продолжало вести и яицкое казачество, отнюдь не сразу ставшее надежной опорой самодержавия. Учитывая все это, И. К. Ки-

риллов и рекомендовал правительству в своем «Проекте» «всегда содержать» казахов в «несогласии» с калмыками, башкирами и другими народами, с тем чтобы «буде же бы один который из них... поднялся, то легче другими усмирить бес посылки российских полков», или же «без движения великих войск и без убытку».⁹⁷ Чтобы не допустить соединения казахов, башкир и калмыков, Кириллов считал необходимым прежде всего поселить между ними войска и построить крепость.⁹⁸ Вместе с тем он предлагал правительству раздать старые ружья нескольким тысячам башкирцев, которые будут посланы для строительства крепости у границы казахских кочевий, так как в прежних столкновениях с казаками башкиры, вооруженные только луками и коньями, терпели поражения.⁹⁹ Автору всех этих предложений в 1734 г. царизм и поручил их практическое осуществление, утвердив его «Проект» и поставив Кириллова во главе Оренбургской экспедиции. Одним из первых мероприятий, которые Кириллов успел осуществить, было основание города Оренбурга в 1735 г. (нынешний Орск) и начало строительства Яицкой укрепленной линии. Остальному помешали восстание башкир, начавшееся в том же 1735 г., и смерть самого Кириллова. Однако он успел еще повлечь казахов в карательные действия царских войск против башкирских повстанцев, воспользовавшись для этого предложением хана Абулхайра.

Продолжателем начинаний Кириллова и наиболее ярким и последовательным проводником колониальной политики царизма в Казахстане вообще явился другой «итенец гнезда Петрова» — И. И. Неплюев, принявший управление Оренбургской комиссией в 1742 г. Новым в исходных позициях его административной деятельности в Казахстане, по сравнению с Кирилловым и другими предшественниками, было, пожалуй, лишь предвидение необходимости будущих земельных изъятий у «инородцев» и очень ясное понимание существовавшей тогда определенной общности интересов, объединенных ненавистью к царскому самодержавию и его административному режиму так называемых инородцев и яицкого казачества.¹⁰⁰ Последнее в это время, по заявлению самого Неплюева, представляло собой не более как «беглых крестьян, названных казаками».¹⁰¹ Разрушению этой опасной для утверждения колониального господства Российской империи общности Неплюев и считал своей главной и первоочередной задачей. С этой целью он сразу же предоставил яицкому казачеству различные экономические льготы и привилегии (открытию гурьевских учу-

⁸⁹ Казахско-русские отношения... № 50, стр. 109, 113; А. Н. Добросмыслов. Материалы... т. I, стр. 19.

⁹⁰ Казахско-русские отношения... № 50, стр. 113.

⁹¹ А. Н. Добросмыслов. Материалы... т. I, стр. 21—22.

⁹² И. И. Фирсов. Политическое и финансовое значение деятельности И. И. Неплюева. Изв. Общ. археол., истории и этногр. при Казанск. ун-в., 1894, т. 12, вып. 3, стр. 39.

¹⁰¹ Записки Неплюева. Русский архив, 1871, № 4—5, стр. 659.

⁸⁹ Там же, № 78, стр. 20.

⁹⁰ ПСЗ I, т. XVII, № 12317.

⁹¹ И. И. Крафт. Сборник узаконений... № 306, стр. 112.

⁹² Там же, № 316, стр. 116.

⁹³ Корнет Степанов. Киргизы или Сентонский посад. Русский архив, 1897, кн. 2, стр. 606.

⁹⁴ И. И. Крафт. Сборник узаконений... № 316, стр. 116.

⁹⁵ Казахско-русские отношения... № 96, стр. 233.

⁹⁶ И. И. Крафт. Сборник узаконений... № 93, стр. 26.

гов, отдача на откуп таможенных и питейных сборов, ежегодная выплата денег сверх жалованья, разрешение свободной покупки и продажи вина, добычи соли и т. п.),¹⁰² «приючая» их к государственной службе и противопоставляя упомянутым народам. Кроме того, вопреки мнению своего предшественника В. Н. Татищева, Неплюев отстаивает и энергично осуществляет за счет земельных ограничений казахов, башкир и калмыков «дело военной колонизации» или заселения р. Янка вплоть до его низовий яцкими казаками (более 1000 верст) с одновременным строительством военных линий, крепостей и редутов по рекам Сакмаре, Янку, Ую, Тоболу и организацией оренбургского казачьего войска.

Разделив таким образом территориально казахов, башкир и волжских калмыков и положив «реакую грань между казаками и инородцами в их отношениях к русской администрации» и друг к другу, И. И. Неплюев исподволь начал «пользоваться» всеми этими народами и яцким казачеством друг против друга в целях их обессиливания и окончательного подчинения царизму.¹⁰³ Формальных поводов для этого было более чем достаточно. Среди них особую роль играли так называемые земельные ограничения в связи с упомянутым выше поселением казачества или запрет перегона скота и вообще перехода через Янк, а также различные пограничные инциденты и набеги обеспокоенных вырастающей вокруг них цепью военных укреплений башкир, казахов и других народов на строившиеся царские крепости и форпосты. Эти и подобные им обстоятельства и были использованы царизмом, чтобы разрешить башкирам «промышлять» против казахов «по своим древним обычаям», с одновременным предписанием местным властям всячески поощрять их к тому, «признавая оное высочайшим ее имп. величества интересам полезно». Кроме того, указом Правительствующего сената от 20 сентября 1743 г. санкционировалось «позволение» яцким казакам как бы самовольно ездить для поисков против казахов, отгонять их табуны и захватывать в плен самих. На жалобы же последних оренбургскому начальству рекомендовалось отвечать, что это обычные самовольные набеги яцких казаков.

Помимо всего этого, официально санкционировалось и использование против казахов в случае «нужды» волжских калмыков и иногда даже регулярных войск.¹⁰⁴ Одновременно Оренбургской администрации было разрешено оказывать содействие калмыкам в их нападениях на казахов.¹⁰⁵ А для того чтобы калмыки, яц-

¹⁰² См.: ПСЗ I, т. XI, № 8720; т. XII, № 8918; т. XIII, №№ 9689, 9691, 9858, 9988, 10156.

¹⁰³ И. И. Фирсов. Политическое и финансовое значение деятельности И. И. Неплюева, стр. 39—42; В. Н. Витевский. И. И. Неплюев. Изв. Общ. археол., истории и этногр. при Казанск. унив., 1894, т. 12, вып. 3, Прил., стр. 25—27.

¹⁰⁴ Казахско-русские отношения..., № 114, стр. 292—293.

¹⁰⁵ И. И. Крафт. Сборник узаконений..., № 45, стр. 12.

кие казаки и другие участники подобных набегов, поисков и карательных экспедиций «во всем том усердственнее поступали», в соответствующих инструкциях предусматривалось и заблаговременное обнадеживание их тем, что «при том полученная ими добычь отдастся им».¹⁰⁶ Во всех этих указах, инструкциях и распоряжениях правительства в данный период присутствовала, однако, как правило, оговорка о необходимости осуществления подобных мероприятий, особенно с выходом на территорию Казахстана, «без посылки регулярных войск»,¹⁰⁷ что должно было свидетельствовать о «непричастности» царизма к этим столкновениям и набегам и обеспечить ему очень выгодную роль арбитра и третейского судьи. Исключения допускались лишь в случаях серьезных «возмущений» упомянутых народов, значительного скопления вооруженных отрядов казахов или прямых нападений на пограничные укрепления и т. п. Но и в подобных случаях применение регулярных войск обуславливалось «обязательным успехом»,¹⁰⁸ так как поражение или неудача стали бы опасным для царизма проявлением слабости перед лицом всех этих народов. Преднамеренной организацией и регулированием конфликтов, набегов и столкновений, исподволь насаждавшейся национальной рознью казахов с соседними народами достигалось не только необходимое царизму ослабление в данном случае казахского народа, но и превращение его пребывания у границ России и вообще российского подданства казахов в своеобразную вторую укрепленную линию, линию вражды и национальной розни, на внешних, открытых до этого границах беспокойной Башкирии и других народов. Такая линия особенно надежно ограждала и самих казахов от столь нежелательных для царизма контактов казахских племен с соседними им угнетенными народами и проникновения в Казахстан беглых колодников, раскольников, рекрутов, крепостных и прочих носителей нарастающего в России социального протеста и не прекращавшихся выступлений ее угнетенных народов.

Кстати, традиционная «забота» царизма об освобождении русских «невольников» из Казахстана и Средней Азии имела своей подоплекой в значительной степени просто стремление уничтожить последние возможности ухода из России всем этим «ворам», «возмутителям» и вместе с тем оградить «новоподданных» казахов от их опасного антиправительственного влияния. Именно поэтому фарисейская забота о «томящихся в неволе» христианах сопровождалась требованиями к казахским владельцам и родоначальникам под угрозой штрафа и «репрессалий» не принимать «уходцов» из России, «не держать у себя беглых башкир и других людей», а также указаниями оренбургским властям любыми путями добиваться возвращения беглых, чтобы не было «соблазна

¹⁰⁶ Казахско-русские отношения..., № 102, стр. 266.

¹⁰⁷ И. И. Крафт. Сборник узаконений..., № 45, стр. 12.

¹⁰⁸ Там же, № 144, стр. 44.

для других». ¹⁰⁹ Особую «заботу» в данном отношении царское правительство проявляло в описываемый период о беглецах из Башкирии, объясняя это тем, что башкирский народ «весьма жестокий и отчаянный паче киргисцев». ¹¹⁰ Во время значительных антиколонизальных выступлений башкир царским властям приходилось не только требовать от казахских феодалов любыми путями и средствами отыскивать и возвращать из Казахстана беглых повстанцев, но и усиливать гарнизоны полевых войск и предпринимать другие меры «крепчайшей предосторожности» против «оказавшихся вновь во многих местах воров башкирцев и присоединившихся к ним» казахов. ¹¹¹ Однако в 1755 г., во время очередного восстания башкир, несмотря на «предосторожности» пограничных властей и соответствующие усилия хана Нуралы и других казахских феодалов, в Казахстан перешло до 50 тыс. башкирских повстанцев (вместе с семьями). Они рассказывали казахам о земельных захватах царизма, знакомых уже и казахам в результате строительства укрепленных линий на путях казахских кочевий, о разорительных поборах, повинностях и прямом ограблении башкирского народа царизмом и своими собственными феодалами, о безудержном произволе всех этих властей и жестоких расправах над непокорным населением.

Естественно, что после таких рассказов отдельные казахские роды не только приняли беглых башкир, но и обещали их не обижать, не грабить, а главное не выдавать царским властям. И действительно, когда хан Нуралы, выполняя указания оренбургских властей, распорядился разграбить этих беглецов, принявшие их казахи вступили в перестрелку с людьми хана, причем с обеих сторон было много убитых и раненых.

В связи со всем этим в письме Нуралы-хана Неплюеву прямо высказывалось опасение, что нашедшие в Казахстане убежище башкирские повстанцы «могут и еще бунтовать и киргисцев возмущать и, предводительствуя, всякие плутовства чинить и нас тем в стыд приводить». ¹¹² В указах Военной коллегии и других учреждений царизма И. И. Неплюеву в это время также говорится об угрозе соединения бежавших «во множестве» башкир с казахами и их совместного нападения на царские крепости. ¹¹³ К тому же правительственным учреждениям, равно как и самому Неплюеву, было известно, что предводитель восстания Батырша рассчитывал на помощь казахов и предпринимал меры для организации совместного выступления против царизма. ¹¹⁴ Чтобы поло-

жить конец возможностям контактов и вообще постоянной угрозе объединенного выступления казахов, башкир и других народов, Неплюев прибег все к тому же испытанному средству натравливания их друг на друга, использованному теперь уже на более подготовленной почве и в невиданных до этого масштабах. Прежде всего он еще раз потребовал от казахских владельцев выдачи башкирских повстанцев, напоминая при этом о присягах на верность царизму, о благах, которые принесло казахам российское подданство, и не отстывая даже перед угрозой войны. Вместе с тем через татарских мулл и верных царизму казахских феодалов в Казахстане тем же Неплюевым были распространены провокационные письма от имени оренбургского ахуна о том, что башкирские повстанцы, двигаясь в Казахстан, намереваются будто бы грабить казахов, захватывать их пастбища, жен, дочерей. Одновременно со всем этим именным высочайшим указом от 5 сентября 1755 г. было утверждено представление Неплюева о награждении казахов халатом за каждого выданного царизму башкирского повстанца. «Дело до того дошло, — говорилось в упомянутом выше указе, — что и на убыток невзирая стараться надобно о получении оных злодеев башкирцев назад, дабы тем сей повод пресечь». ¹¹⁵ Дети и жены беглых повстанцев, скот и другое имущество также в виде награды за усердие представлялись царизмом в полное распоряжение и собственность казахов.

В ответ на начавшиеся после этого ограбления имущества, пленение людей, насилия над женами и дочерьми повстанцев башкиры начали нападения на казахские аулы, ответные грабежи и убийства. Когда обо всем этом стало известно в Башкирии, о чем также позаботился Неплюев, оттуда для отмщения казахам за их «вероломство» двинулись целые отряды вооруженных башкир, беспрепятственно пропускавшиеся по распоряжению Неплюева через Яицкую укрепленную линию, в то время как переход казахов на территорию Башкирии был им категорически запрещен. Терроризируемые этими отрядами и разбросанными по всей степи небольшими группами недавно ограбленных и плененных казахами беглых башкир казахские аулы сбивались вилотную друг к другу, боясь отходить далеко от стоянок, не имея возможности выпастить скот. ¹¹⁶ На просьбы хана о помощи и защите Неплюев отвечал, что он и без того в связи с недостатком войск с трудом сдерживает башкир, мечтающих будто бы о полном истреблении казахов. «Сие происшествие, — писал позднее Неплюев в своих мемуарах, — положило таковую вражду между теми народами, что Россия навсегда от согласия их может быть безопасна». ¹¹⁷ Так было достигнуто не только предотвращение

¹⁰⁹ Там же, № 111, стр. 33; № 141, стр. 44; Казахско-русские отношения..., № 96, стр. 240, 244; № 175, стр. 446.

¹¹⁰ И. И. Крафт. Сборник узаконений..., № 141, стр. 44.

¹¹¹ Там же, № 151, стр. 47.

¹¹² Казахско-русские отношения..., № 210, стр. 538—540.

¹¹³ И. И. Крафт. Сборник узаконений..., № 148, стр. 46—47.

¹¹⁴ Записки Неплюева, стр. 665; см. также: А. Чулошников. Восстание 1755 г. в Башкирии. М.—Л., 1940.

¹¹⁵ И. И. Крафт. Сборник узаконений..., № 146, стр. 46.

¹¹⁶ АВВР, ф. 122/1, 1756 г., д. 4, лл. 34 и 34 об., 65, 73 и 73 об.

¹¹⁷ Записки Неплюева, стр. 673—674.

возможного союза и совместного выступления против царизма казахов и башкир, но и серьезное ослабление Младшего казахского жуза. Успех действий Неплюева в данном отношении был настолько значительным, что в январе 1756 г. Правительствующий сенат пытался выяснить, нельзя ли заодно «сделать безвредною» и «Среднюю киргиз-кайсацкую орду», а также сколько для этого потребуется войска и когда удобнее его туда посылать.¹¹⁸

Через полтора десятилетия, в 1771 г., аналогичными методами и при очень сходных обстоятельствах царизму удалось организовать значительное столкновение казахов с волжскими калмыками, использовав первых для преследования и разгрома 30 тыс. калмыцких семей, предпринявших перекочевку на земли своих предков, освободившиеся после разгрома Джуигарии. Все это, разумеется, очень повлияло на последующие взаимоотношения казахов с волжскими калмыками, но все же не гарантировало прочности колониального господства царизма в Казахстане. И уже современник описываемых событий капитан Н. Рычков во время преследования калмыков записывал в дневнике, что «отстать от войск было опасно не столько от калмык, бегущих впереди нас, сколько от самых киргиз-кайсаков, на постоянство которых никак не можно положиться».¹¹⁹

В политике царизма в Казахстане с самого начала его присоединения к России особенно значительное место занимал земельный вопрос. В этом вопросе, жизненно важном для всего казахского народа, находили преломление все основные стороны колониальной политики царизма в Казахстане — от подкупа казахских феодалов и других форм закрепления российского подданства до противостояния казахских владельцев друг другу, разжигания внутренних противоречий и общего ослабления и подчинения казахского народа.

Предельно увеличившаяся в начале XVIII в., особенно в связи с джунгарским вторжением, пастбищно-земельная теснота, а также потребность в безопасных, обильных водой и травами пастбищах у границ России сыграли огромную роль в добровольном присоединении Казахстана к России. Особенно важны во всех отношениях для казахов были кочевья у рек Яика и Иртыша. В свое время хан Нуралы, протестуя против запрета на использование этих пастбищ, прямо заявил Тевкелеву, что «оной Яик травой обильной и тиховодной», дававший казахам «от всех окрестных... неприятелей прибежище и помощь, также и от воздуха, и снежных вьюг, и непогоды защиту», привел их и в подданство Российской империи.¹²⁰ Не менее ясно понимал значение кочевий у Яика и хан Абулхаир, писавший Неплюеву в 1747 г., что ка-

захи «не отлучатся» от границ России, «доколь река Яик не высохнет... даже до преставления света... понеже кроме оного удобного места им другого не отыскать».¹²¹ Больше того, заинтересованный в удержании казахов в российском подданстве, с которым он связывал свои династические и классовые цели, хан Абулхаир в критических обстоятельствах говорил им, что, «если вам пужны обильные кочевья, держитесь воли ея императорского величества, иначе... вы такого прибежища и кочевий нигде не сыщите».¹²²

Все это великолепно понимали представители царизма, и уже Тевкелев, возвратившийся из Казахстана в 1733 г., писал в своем «Представлении» Коллегии иностранных дел о практической невозможности или трудности для казахов «от российской протекции уклониться», так как это привело бы их к потере ценнейших пастбищ по Эмбе, Яику, Иртызу, Уилу и другим рекам, равнинных которым они не смогли бы получить в безводных пустынях юга или других местах.¹²³ Но первыми же распоряжениями царизма в связи с принятием казахов в российское подданство территория их кочевий сразу же была ограничена естественными водными рубежами — Яиком и Иртышом. Рост поголовья скота и потеря значительной части кочевий в южных и юго-восточных районах Казахстана ставили, однако, перед казахами все более остро необходимость решения вопроса об удобных зимних пастбищах, защищенных от зимних ветров и холода и безопасных от внешних набегов, т. е. о пастбищах у Яика и Иртыша, а также на «внутренней стороне» этих рек. Практически эти потребности удовлетворялись простым перегоном скота через эти реки, что, кстати, имело место и раньше. Однако царизм под предлогом необходимости предотвратить столкновения и «раздоры» между казахами, яицкими казаками, калмыками и другими народами, обеспечить свободный проезд купцам и вообще обезопасить границы Российской империи не только «определяет», «как близко подъезжать» казахам к Яицкому городку и другим вновь построенным городкам,¹²⁴ но все более настойчиво проводит эти «определения», или политику земельных ограничений казахов, в жизнь, считаясь лишь в некоторых случаях с необходимостью «не огорчать» казахов, чтобы не вызвать их откочевки совсем от России и перехода в подданство Джунгарского ханства. Но даже и в этих случаях, разрешив, например, в октябре 1739 г. кочевание у Яика батыру Джанибеку с подвластными ему родами, князь Урусов предписывал военным властям пугать казахов перекочевкой за Волгу кал-

¹¹⁸ И. И. Крафт. Сборник узаконений... № 158, стр. 49.

¹¹⁹ Н. Рычков. Дневные записки путешествия в киргиз-кайсацкой степи в 1771 г. СПб., 1772, стр. 10, 20, 52, 55.

¹²⁰ Казахско-русские отношения... № 212, стр. 545.

¹²¹ Там же, № 143, стр. 366.

¹²² Там же, № 190, стр. 495.

¹²³ Там же, № 43, стр. 100.

¹²⁴ ПСЗ I, т. X, № 7514.

мыков и возможностью «раззоренный» с их стороны, и отеснить Джанибека, «под видом его охраны», на прежние кочевья.¹²⁵

Особую остроту земельный вопрос в Казахстане приобретает с назначением в Оренбург И. И. Неплюева и взятым им курсом опоры на яицкое казачество и военную колонизацию Яика. Первым результатом этого курса для казахов было запрещение не только перегона скота через Яик, но и приближения к Яику на участке от Гурьева до Яицкого городка, т. е. на всем протяжении предпринятых Неплюевым казачьих поселений. Делалось это опять-таки под видом заботы о предохранении казахов от «утеснения» соседними народами и «непрестанных беспокойств».¹²⁶ При этом царская администрация считала нужным настойчиво разъяснять казахам, что в случае «утеснения» их джунгарскими завоевателями они всегда имеют право расположиться кочевьями у Яика, под защитой построенных и строившихся крепостей, а казахские владельцы с их семьями и «лучшими людьми» ради их защиты будут «приняты в крепость».¹²⁷ Вместе с тем царское правительство вновь и вновь подтверждало свои распоряжения и указы о запрещении казахам кочевать у Яика и Иртыша, а тем более переходить на их «внутреннюю сторону», предписывая пограничным властям в случае нарушения этих распоряжений поступать с казахами «как с противниками».¹²⁸ Но реальных возможностей и сил для осуществления подобных указов было еще далеко не достаточно, и оренбургским властям приходилось лавировать, уступать напору прикочевывавших в тяжелые зимы казахских родов, чтобы не вызвать их «возбуждения» и откочевки, идти на уступки крупнейшим казахским феодалам, зарекомендовавшим свою «доброжелательность» по отношению к царизму, и т. д. Так было, в частности, в порядке исключения разрешено казахам перекочевать через Яик зимой 1748/49 г., когда огромное количество казахских аулов из-за бескормицы, глубоких снегов и других причин оказалось перед реальной угрозой потери всего скота и начало, несмотря на запреты, массовый переход на «внутреннюю сторону» Яика. К тому же о разрешении этой перекочевки усиленно просили хан Нуралы, Исет-гархан, Аджибай-бий, Алтай-батыр, Арал-мурза и другие «доброжелательные» и «верноподданные» казахские феодалы.¹²⁹ Да и не было сил, способных остановить начавшуюся уже и без того перекочевку. Идя на эту вынужденную уступку, Неплюев считал, однако, нужным разрешить лишь единоразовую перекочевку, да и то под видом самовольной добрососедской уступки казахам со стороны яицких каза-

ков.¹³⁰ Но подобные уступки царские власти были вынуждены и посчитали нужным делать и в 1751, и в 1753, и в 1755 г.,¹³¹ говоря уже о самовольных перегойках скота и таких же случаях кочевания казахских родов у границ России. Учитывая реальное соотношение сил, царизм считал порой даже выгодным для себя идти на эти уступки, так как близкое кочевание казахских родов у границ России было лучшей гарантией от их «продерзостей и набегов».¹³² Вместе с тем Коллегия иностранных дел в 1747 г. издает указ о ежегодных осенних палах, или выжигании трав в степях по обе стороны Яика, что исключило бы возможность казахских набегов и их прикочевки на эти земли.¹³³ Выполнение этого указа и привело, в частности, к бескормице зимой 1748/49 г., когда Неплюев был вынужден разрешить казахам «единоразовую» перекочевку.

Сопоставление распоряжений правительства и оренбургских властей по вопросу о пастбищах казахов у Яика и Иртыша делает не совсем понятными причины и цели земельной политики царизма в Казахстане. Имеющиеся в научной литературе ссылки на необходимость защиты пограничных территорий кажутся нам недостаточными, а утверждения о недостатке земель на правом берегу Яика и Иртыша, об угрозе «превращения оседлых сельскохозяйственных районов в пастбища» и т. п.¹³⁴ — явно необоснованными. Речь ведь шла всего лишь о непродолжительном зимнем выпасе скота, когда он не мог причинить пашням никакого вреда, кроме лишь их улавоживания. В отдельных просьбах казахов прямо говорится о землях, не занятых даже под сенокосы.¹³⁵ Да и трудно поверить тому, что царизм проявлял заботу о землях и пастбищах башкир, волжских калмыков и других народов. К тому же казахским феодалам, а также и целым казахским родам, особенно в случаях, нужных или выгодных для царизма, такой перегон разрешался, и сами командиры казачьих отрядов, как сообщает Н. Г. Аполлова, считали, что в этом вопросе, чтобы не озлоблять казахское население, нужно поступать последовательно: или все табуны перепускать, или же не пропускать ни одного. Капдлер же Голицын вообще считал возможным «не высылать» казахов «назад за реку Иртыш». Депутат от сибирских линий казак Ф. А. Анциферов в 1767 г. писал по данному поводу в комиссию по составлению проекта нового уложения о перепуске ка-

¹³⁰ Там же, стр. 440—441.

¹³¹ Там же, № 211, стр. 541—542.

¹³² АВПР, ф. 122/1, 1747 г., д. 3, л. 228.

¹³³ И. И. Крафт. Сборник узаконений..., № 83, стр. 22; Казахско-русские отношения..., № 198, стр. 523.

¹³⁴ См.: Н. Г. Аполлова. Экономические и политические связи Казахстана с Россией..., стр. 347 и др.

¹³⁵ АВПР, ф. 122/1, 1758 г., д. 4, л. 221 об. — У яицких же казаков, как сообщил нам И. Г. Рознер, нашен вообще не было вплоть до 80—90-х годов XVIII в.

¹²⁵ Казахско-русские отношения..., № 68, стр. 131.

¹²⁶ Там же, № 81, стр. 188—189.

¹²⁷ Там же, № 92, стр. 219; № 160, стр. 439.

¹²⁸ Там же, № 100, стр. 262—263; № 102, стр. 265; № 211, стр. 540—541.

¹²⁹ Там же, № 171, стр. 440.

захского скота, что на внутренней российской стороне «корму впусе лежащего и никем не обитаемого довольно число...», и считал целесообразным во всех отношениях отменить запрет на перепуск «киргисских табунов».¹³⁶ Все это совершенно не согласуется с утверждениями о недостатке свободных земель на «внутренней стороне» Яика и Иртыша и угрозе превращения подобными перегонками земледельческих территорий в пастбища. То же самое можно сказать и о распоряжениях царизма выжигать ежегодно травы у реки Яика, чтобы исключить прикочевку казахов для зимнего выпаса скота. Не объясняют подобные утверждения и того, почему запрет на перегон скота сохранился и после 1771 г., когда пастбища между Яиком и Волгой, после бегства калмыков на земли разгромленной Джунгарии, стали совершенно свободны.

Нам кажется, что земельная политика царизма в Казахстане и в данном случае все эти внешне противоречивые и непоследовательные запрещения, разрешения и ограничения кочевий казахов и запреты перегона скота через Яик определялись в значительной степени той же болезнью контактов между казахами, башкирами, калмыками и даже яицкими казаками и сознательной организацией пограничного земельного вопроса (особенно острого для казахов) с целью еще большего противопоставления, натравливания и взаимного ослабления этих народов наряду с усилением их зависимости от Российской империи. В этом нас убеждают конкретные факты и свидетельства целого ряда документов. Так, например, свое распоряжение или указ о запрещении перегона скота через Яик и близкого кочевания казахов у Яика (в 1742 г.) Неплюев мотивировал обычной до и после него ссылкой на необходимость недопущения столкновений и ссор между казахами, калмыками и другими народами.¹³⁷ Лицемерность подобного заявления на общем фоне национальной политики царизма в Казахстане более чем очевидна. К тому же сами казахи заявляли Неплюеву в данном случае, что они помирятся с калмыками и уже отправили к ним с этой целью посланцев. Но это не убедило и не могло убедить Неплюева, так как этим запретом оренбургский начальник, по его собственному сообщению в Коллегию иностранных дел, стремился, между прочим, «удержать» казахов именно от «коммуникации... с... волжскими калмыками».¹³⁸ Очень характерна и мотивировка запрещения перегона скота через Яик казахам Младшего жуза в 1756 г., объясненная официально все теми же «продерзостями» казахов, их «беспрерывными ссорами» с калмыками и т. п. В действительности же, разрешив переко-

¹³⁶ Н. Г. Аполлова. Экономические и политические связи Казахстана с Россией..., стр. 351, 356; АВПР, ф. 122/1, 1767 г., д. 2, лл. 1—2.

¹³⁷ Казахско-русские отношения..., № 96, стр. 242; № 98, стр. 258.

¹³⁸ Там же, № 96, стр. 258.

чевку через Яик зимой 1755 г. за помощь казахских феодалов в расправе над башкирскими повстанцами, царские власти обнаружили возникновение каких-то тайных «пересылок» или связей хана Нуралы с калмыцким владельцем Бамбаром. Брат хана, султан Айчувак, при этих же «пересылках» взял в жены родственницу другого калмыцкого владельца Замьяна, после чего калмыки заявили будто бы, что «если та калмычка им, Айчуваком, за настоящую жену содержана будет, чтобы владельцу Замьяну с ним, Айчуваком, и впредь непрерывную дружбу иметь, да и прочим бы калмыкам за киргисцов дочерей своих выдавать». Все это не могло не встревожить царскую администрацию, а потому императрица Елизавета «сочла за благо» рескриптом от 2 сентября 1756 г. повелеть «впредь их киргис-кайсак в зимние времена со скотом на здешнюю сторону не перепускать», так же как и калмыков на степную сторону Яика. Оренбургскому начальству предписывалось при этом не объявлять рескрипт Нуралы-хану до окончания «дела с башкирами».¹³⁹

Несколько позже, в 1759 г., Коллегия иностранных дел, подтверждая все тот же запрет казахам о переходе через Яик, в указе оренбургской администрации прямо заявила, что, помимо ссор и драк с яицкими казаками, в случае разрешения переходов казахи, привыкнув переходить через Яик, вытеснят калмыков и соединятся с кубанцами — тоже магометанами и одной с ними секты.¹⁴⁰ Еще более определенно та же Коллегия иностранных дел высказалась по данному вопросу в 1763 г. В ее указе за № 458 в связи с нарушением казахами запрета на перегон скота через Яик содержалось не только еще одно подтверждение запрета о прекращении всяких сношений казахов с калмыками, но и предписание оренбургским властям впредь «искусным образом удерживать» и яицких казаков, чтобы они «меньше знакомились» с казахами и калмыками.¹⁴¹

Такова скрытая подоплека земельной политики царизма в Казахстане. Создание Неплюевым привилегированного землепользования яицкому казачеству на стыке казахов, башкир, волжских калмыков и других народов — явление совершенно того же политического порядка и целей. Конечно, данная подоплека не исчерпывала всего многообразия частных причин и целей отдельных распоряжений царизма и мероприятий оренбургских властей, но она определяла общее политическое направление и характер земельной политики царизма в Казахстане, особенно в начальный период его присоединения к России.

Укрепив пограничные линии и справившись с очередным восстанием башкир, которое еще раз показало царизму всю глубину опасности контактов и возможного единства угнетенных

¹³⁹ Там же, № 211, стр. 540—544.

¹⁴⁰ И. И. Крафт. Сборник узаконений..., № 209, стр. 68.

¹⁴¹ Там же, № 266, стр. 96.

народов, царское правительство немедленно приступило к решительному узаконению и практическому осуществлению своих «земельных запретов», направленных на дальнейшую изоляцию, противопоставление друг другу и ослабление казахского и других угнетенных народов.

Своеобразным рубежом в данном отношении стал уже упоминавшийся нами рескрипт 1756 г., запрещающий казахам в категорической форме перегон скота через р. Яик.¹⁴² Среднему жузу, активизировавшему перегон скота через Иртыш в период «башкирского замешательства», перекочевки были запрещены Военной коллегией в самой категорической форме, вплоть до применения регулярных войск и оружия, еще зимой 1754/55 г. В 1755 г. этот запрет был подтвержден несколькими указами.¹⁴³ В результате подобных распоряжений немедленно начались столкновения казахов Младшего и Среднего жузов с отрядами царских войск, возросли злоупотребления казахских отрядов и войсковых командиров, а вместе с тем участились жалобы казахов и просьбы хана и других казахских феодалов о разрешении перегона, в ответ на которые следовали новые, все более категорические и безапелляционные отказы оренбургских властей и царского правительства. Все это вызывало рост недовольства не только простых кочевников-скотоводов. Подобные действия царских властей подрывали авторитет ханской власти, лишали казахских владельцев значительной части доходов от права распоряжения пастбищами, и в частности поборов за разрешение перегона скота через Яик отдельными казахским родом и аулам. К тому же оренбургская администрация не разрешала теперь перекочевку даже аулам хана и членов его семьи, не принимая уже во внимание ни покорности хана и других казахских феодалов, ни их доносов о готовившихся набегах казахов, ни даже гораздо более значительных услуг или предложения таковых. Разрешение перегона скота через Яик, данное А. Тевкелевым в сентябре 1758 г. с учетом бескормицы и внешнеполитической ситуации, не было одобрено царизмом и вызвало нареkania царских властей на самого Тевкелева.¹⁴⁴

Все это и привело к «возмущению» многочисленных казахских родов и острому конфликту членов ханской фамилии и казахских старшин с оренбургскими властями. Оскорбленные категорическим отказом, «с бранью» и угрозами вообще разорвать отношения подданства с Россией, они покинули Оренбург, куда приезжали для встречи и переговоров с вновь назначенным губер-

¹⁴² См. также: И. И. Крафт. Сборник узаконений... № 165, стр. 51; АВПР, ф. 122, 1756 г., д. 3, лл. 2—3, 4, 144.

¹⁴³ См.: И. И. Крафт. Сборник узаконений... №№ 135, 139, 140, 144, стр. 41—45.

¹⁴⁴ См.: там же, № 200, стр. 65; АВПР, ф. 122/1, 1758 г., д. 4, л. 313—313 об.; Казахско-русские отношения... № 232, стр. 600.

натором Давыдовым.¹⁴⁵ Вслед за этим еще более усилились самовольные прикочевки казахов к Яику и Иртышу и перегон скота на «внутреннюю сторону». В результате весной 1763 г., убедившись в бессилии казахских отрядов, пытавшихся остановить массовые перекочевки казахов, Коллегия иностранных дел предприняла разрешить летнее кочевание у Яика для вытравливания за травы, а в случае «крупных беспорядков учинить поиски» против казахов башкирами и калмыками.¹⁴⁶ Одновременно последовал и указ Екатерины II от 1 июня 1763 г. с новым запретом перекочевок через Яик и Иртыш, «понеже всякой российской подданный не смеет переходить, где ему не позволено».¹⁴⁷

Однако ни эти указы, ни лихорадочно предпринимавшиеся царской администрацией меры не были в состоянии остановить начавшиеся массовые перекочевки, и царское правительство снова идет на отдельные, подчас чрезвычайно своеобразные, но в целом характерные для царизма уступки. В частности, в феврале 1764 г. на просьбу султана Аблая о разрешении перекочевки с подвластными ему племенами Среднего жуза через Иртыш Коллегия иностранных дел повелела: «Просьбу Аблая не отклонять и не выполнять». Вместе с тем, в виде исключения, временно было разрешено кочевание у границы и даже перекочевка со скотом на «внутреннюю сторону» Иртыша для наиболее преданных царизму феодалов и подвластных им родов Среднего жуза.¹⁴⁸

Аналогичная уступка была сделана и для казахских феодалов Младшего жуза в 1771 г., во время упоминавшегося ранее бегства волжских калмыков. При этом, оставляя в целом запрет о перегоне скота через Яик, Коллегия иностранных дел впервые официально предписывала сделать исключения для доброжелательных к Российской империи феодалов и подвластных им казахских родов, «которых, следовательно, — как говорилось в этом указе, — окажется немного».¹⁴⁹ Таков более чем характерный итог сорокалетнего колониального проникновения и политики царизма в Казахстане.

Мы осветили лишь некоторые аспекты этой политики в период, предшествовавший событиям 1773—1775 гг., не имея возможности специально остановиться на вопросе о строительстве укрепленных линий, городов и земельных изъятиях на территории Казахстана, не затрагивая вопроса об организации «репрессалий», воинских поисков, или «барымты», против казахских родов и племен, при общей заинтересованности в этом и совместных дейст-

¹⁴⁵ Казахско-русские отношения... № 232, стр. 600—601; И. И. Крафт. Сборник узаконений... № 208, стр. 69; № 217, стр. 74—75.

¹⁴⁶ И. И. Крафт. Сборник узаконений... №№ 266, 269, стр. 96, 98.

¹⁴⁷ Там же, стр. 101.

¹⁴⁸ Казахско-русские отношения... № 257, стр. 656—662.

¹⁴⁹ И. И. Крафт. Сборник узаконений... № 325, стр. 119.

виях царизма и казахских феодалов, а также о начале и методах освоения природных богатств Казахстана, торговой политике царизма, его отношении к развитию оседлости и земледелия¹⁵⁰ и целом ряде других объектов приложения сил и политических акций царизма, подчиненных в значительной степени все тем же задачам закрепления подданства казахских жузов, их ослабления, колонизации Казахстана и превращения его в рынок сбыта и сырьевой придаток Российской империи. Но и освещенные вопросы, на наш взгляд, дают достаточно полное представление о том, в каких неблагоприятнейших условиях реализовывалась прогрессивная тенденция хозяйственного сближения народов России и Казахстана и почему «инородцы», в том числе и казахи, говоря словами Н. Н. Фирсова, не могли питать к оренбургским властям и вообще царскому правительству, «которое постоянно их обманывало, эксплуатировало и натравливало друг на друга», ничего, кроме глубокой ненависти.¹⁵¹

Участие казахов в Крестьянской войне 1773—1775 гг. и было в значительной степени результатом и одной из форм реализации этой ненависти, порожденной антинародной политикой царизма в Казахстане.

¹⁵⁰ Освещение последних вопросов, особенно торговой политики царизма в Казахстане, имеется к тому же в упоминавшейся нами выше обстоятельной монографии Н. Г. Аполловой, к которой мы и отсылаем читателя.

¹⁵¹ Н. Н. Фирсов. Пугачевщина, 2-е изд., Госиздат, 1921, стр. 74.

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ И. И. СМЕРНОВА

1931

Против попытки ревизии марксистско-ленинского учения о социально-экономических формациях. Сообщ. ГАИМК, № 8, с. 4—11.

Больше марксистско-ленинской четкости в истории докалассового общества. Сообщ. ГАИМК, № 11—12, с. 30—42. (Совместно с Е. Ю. Кричевским).

1932

Возможна ли «марксистская история материальной культуры»? Сообщ. ГАИМК, № 1—2, с. 37—46.

Реу. С. Д. Ширяев. Смоленск и его социальный ландшафт в XVI—XVII вв. Смоленск, 1931, 62 с. Сообщ. ГАИМК, № 3—4, с. 65—66.

1933

О генезисе феодализма. Пробл. истории матер. культуры, № 3—4, с. 38—45.

Классовые противоречия в феодальной деревне в России в конце XVI в. Пробл. истории матер. культуры, № 5—6, с. 59—73.

Реу. Государственный Русский музей. Записки Историко-бытового отдела, т. II. Л., 1932, 178 с. Пробл. истории матер. культуры, № 1—2, с. 71—73.

1934

Классовые противоречия в феодальной деревне в России в конце XVI в. В сб.: Карл Маркс и проблемы истории докапиталистических формаций, Изв. ГАИМК, в. 90, с. 508—542.

Ленин и проблема самодержавия в России. Пробл. истории докапит. обществ, № 1, с. 76—108.

Националистическая контрреволюция на Украине под маской исторической науки. Пробл. истории докапит. обществ, № 6, с. 55—75.

Экономика и организация производства и труда. В кн.: Н. В. Бакланов, В. В. Мавродин, И. И. Смирнов. Тульские и Каширские заводы в XVII в. Изв. ГАИМК, в. 98, с. 75—121.

Были ли Тульские и Каширские заводы мануфактурой. Изв. ГАИМК, в. 98, с. 140—151.

Феодално-крепостническое общество. В сб.: Краткое введение в историю докапиталистических формаций, Изв. ГАИМК, в. 99, с. 100—122.

[Выступление на пленуме ГАИМК]. Основные проблемы генезиса и развития феодального общества. Изв. ГАИМК, в. 103, с. 246—251.

- «Агркультурная» теория развития феодализма в России. Пробл. истории докапит. обществ, № 5—6, с. 151—163.
 Классовая борьба в Московском государстве в первой половине XVI в. Пробл. истории докапит. обществ, № 9—10, с. 74—108.
Отв. ред. Н. Н. Воронин. К истории сельского поселения феодальной Руси. Л., 75 с. Изв. ГАИМК, в. 138.
 От редакции. Там же, с. 7—8. (Без подписи).

1936

- Проблемы истории русского феодализма в МСЭ. Книга и пролет. революция, № 8, с. 35—42.
Отв. ред. С. Б. Веселовский. Село и деревня в северо-восточной Руси XIV—XVI вв. М.—Л., 165 с. Изв. ГАИМК, в. 139.
 От редакции. Там же, с. 7—10. (Без подписи).

1938

- К характеристике внутренней политики Лжедмитрия I. Уч. зап. ЛГУ, № 19, серия истор. наук, в. 1, с. 186—207.
 Борьба русского народа против польских захватчиков в начале XVII в. Проп. и агит., № 16, с. 30—38.

1939

- Из истории крестьян в Московском государстве в конце XVI в. Уч. зап. ЛГУ, № 32, серия истор. наук, в. 2, с. 66—75.
 Жалованная грамота князя Владимира Андреевича Старшнего. Истор. архив, № 2, с. 51—59.
 К вопросу о мерах в Московском государстве в XVI в. Уч. зап. ЛГУ [№ 48], серия истор. наук, в. 5, с. 16—37.
 Борис Годунов и его эпоха. В сб.: Борис Годунов, Л., с. 17—25.
 Восточная политика Ивана IV [тезисы доклада]. В кн.: 120 лет Лен. гос. университета. Л., с. 92—93.

1940

- Отв. ред.* Б. Д. Греков. Главнейшие этапы в истории крепостного права в России. М.—Л., 115 с.
Рец. История СССР, т. I. М., 1939, 792 с. Истор. журнал, № 4—5, с. 132—140.

1942

- Английское известие 1607 г. о восстании Болотникова. Истор. зап., т. 13, с. 291—302.
 Мигин и Пожарский, Л., 37 с. («Наши великие предки»)
 Институт истории Академии наук [хроникальная заметка]. Истор. журнал, № 7, с. 153.
 Проблемы крепостничества и феодализма в советской исторической литературе. В сб.: Двадцать пять лет исторической науки в СССР, М.—Л., с. 91—103.

1944

Иван Грозный. Л., 108 с.

1945

- «Беседа Валаамских чудотворцев» и ее место в русской публицистике XVI в. Истор. зап., т. 15, с. 247—261.

- К вопросу о суде над Максимом Греком. Вопр. истории, № 2—3, с. 118—126.
 О путях исследования Русского централизованного государства. Вопр. истории, № 4, с. 30—44.
 К вопросу о старожильцах. Вопр. истории, № 8—9, с. 96—97.
 Предвестники восстания Болотникова. Истор. зап., т. 20, с. 66—95.

1947

- Законы В. Шуйского о крестьянах и холодах и восстание Болотникова. Вопр. истории, № 5, с. 109—112.
 Астрахань и восстание Болотникова. Истор. зап., т. 22, с. 167—205.
 Восстание Болотникова и народы Поволжья. Зап. НИИ языка, лит. и истории при Совете министров Мордовской АССР, № 9, с. 24—48.
 Судебник 1550 года. Истор. зап., т. 24, с. 267—352.
 Превращение быбля в старожильца. Вопр. истории, № 12, с. 87—88.
Рец. Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. М.—Л., 1946, 958 с. Вопр. истории, № 3, с. 105—113.

1948

- Социальная природа восстания Болотникова. Вопр. истории, № 1, с. 22—34.
 Восстание Болотникова в русской историографии. Вестник ЛГУ, № 5, с. 65—80.
 Восточная политика Василия III. Истор. зап., т. 27, с. 18—66.
Рец. С позиций буржуазной историографии. С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-восточной Руси, т. I. М.—Л., 1947, 494 с. Вопр. истории, № 10, с. 113—124.

1949

- Восстание Болотникова. 1606—1607. [Изд. 2, доп.]. М., 588 с.
 Новый список Уложения 9 марта 1607 г. Истор. архив, № 4, с. 72—87.
 И. В. Сталин и некоторые вопросы исторической науки. Истор. зап., т. 30, с. 3—30.
Ред. В. В. Мавродин. Очерки по истории феодальной Руси. Л., 204 с.
Ред. В. В. Мавродин. Начало мореходства на Руси. Л., 148 с.

1950

- Иван Болотников. Стенограмма публичной лекции. Л., 36 с.
 Общие вопросы периодизации истории СССР. Вопр. истории, № 12, с. 77—99.
Ред. П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины. М.—Л., 594 с.

1951

- Восстание Болотникова. 1606—1607. [Изд. 2, доп.]. М., 588 с.
Отв. ред. А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.—Л., 254 с.
 Предисловие. Там же, с. 3—4.
Отв. ред. К. Н. Сербина. Очерки из социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI—XVIII вв. М.—Л., 488 с.
Отв. ред. А. Г. Маньков. Цепи и их движение в Русском государстве XVI в. М.—Л., 274 с.

Рец. Тмская книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. Подгот. к печати А. А. Зимин. М.—Л., 1950, 455 с. Вопр. истории, № 7, с. 114—117.

1952

К вопросу об изгоях. В сб.: Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия, М., с. 105—111.

Иван Грозный. БСЭ, т. 17, с. 266—269. (Статья без подписи).

Ога. ред. Судебники XV—XVI веков. М.—Л., 618 с. (совместно с С. Н. Валком).

Ред. Судебник 1497 года. Там же, с. 13—108.

Ред. Судебник 1589 года. Там же, с. 343—562.

Рец. К. В. Базилевич. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952, 541 с. Вопр. истории, № 11, с. 139—144.

1953

Краткий очерк истории восстания Болотникова. М., 152 с.

Иван Грозный и боярский «мятеж» 1553 года. Истор. зап., т. 43, с. 150—181.

Нерушимая дружба русского и украинского народов. (К 300-летию воссоединения Украины с Россией). Пропагандист, № 12, с. 22—28.

Московское восстание 1547 года. Вопр. истории, № 12, с. 105—113.

Рец. История Москвы. Т. I. Период феодализма XII—XVII вв. М., 1952, 779 с. Сов. книга, № 4, с. 52—56.

1954

A Bolotnyikov-felkelés. Budapest, 122 old.

Скица скурта а историей рэволюей луй Болотников. Кишинэу, 142 п.

1955

Răscoala lui Bolotnikov. Scurt studiu istoric. București, 133 p.

К истории восстания под руководством Болотникова. Вопр. истории, № 10, с. 111—116.

Мятеж Андроя Старицкого 1537 года. Истор. зап., т. 50, с. 269—296.

Ред. Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в.—начало XVII в. М., гл. 3, с. 444—623.

Внутренняя и внешняя политика конца XVI—начала XVII вв. Там же, гл. 3, § 3, с. 472—484.

Обострение классовой борьбы в конце XVI—начале XVII вв. Восстание Хлопка. Там же, гл. 3, § 4, с. 485—492.

Крестьянская война под предводительством И. И. Болотникова. Там же, гл. 3, § 6, с. 503—528.

1956

Powstanie Bolotnikowa. 1606—1607. Warszawa, 528 s.

Из истории политической борьбы в Русском государстве в 30-х годах XVI в. (Заговор Михаила Глинского 1534 г.). Уч. зап. ЛГУ, № 205, серия истор. наук, в. 24, с. 179—193.

1957

Ога. ред. Н. Е. Носов. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. М.—Л., 408 с.

Ога. ред. А. И. Копанев. Население Петербурга в 1-й половине XIX века. М.—Л., 155 с.

Ред. А. И. Копанев, А. Г. Маньков, Н. Е. Носов. Очерки истории СССР. Конец XV—начало XVII в. Л., 254 с.

430

Ред. И. С. Шенелев. Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608—1610 гг. Пятигорск, 282 с. (совместно с Р. Г. Саренц).

Ред. Очерки истории Карелии, т. I. Петрозаводск, 430 с. (совместно с Я. А. Балагуровым и В. Н. Бернадским).

[Участие в редактировании]. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. документов, т. II, ч. 1. М., 665 с.

1958

Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М.—Л., 516 с.

Б. Д. Греков как историк русского крестьянства (предисловие). В кн.: Б. Д. Греков. Краткий очерк истории русского крестьянства. М., с. 3—23.

О некоторых вопросах истории борьбы классов в Русском государстве начала XVII в. Вопр. истории, № 12, с. 116—131.

Ога. ред. П. Н. Луинов. История города Вятки. Киров, 238 с.

1959

Проблема «смердов» в Пространной Правде. Истор. зап., т. 64, с. 255—302.

Обзор источников о восстании Болотникова. В кн.: Восстание И. Болотникова. Документы и материалы. Сост. А. И. Копанев и А. Г. Маньков. М., с. 5—40.

Ога. ред. Л. С. Прокофьева. Вotchинное хозяйство в XVII в. По материалам Спасо-Прилуцкого монастыря. М.—Л., 177 с.

Ред. Нариси з історії СРСР. О. І. Копанев, А. Г. Маньков, М. Э. Носов. Кінець XV—початок XVII століття. Київ, 256 с.

1960

Ога. ред. Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII вв. Труды ЛОИИ, в. 2, 496 с.

Предисловие. Там же, с. 3—5.

К проблеме «смердьего холопа». Там же, с. 306—326.

1961

Новые материалы о вывозе хлеба из России (конец XVI в.). Вопр. истории, № 4, с. 210—214.

К проблеме «холопства» в Пространной Правде. Холоп и феодальная вотчина. Истор. зап., т. 68, с. 238—270.

К характеристике политики Лжедмитрия II по крестьянскому вопросу. В сб.: Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. Сборник статей к 70-летию А. А. Новосельского. М., с. 43—49.

Ога. ред. Конрад Буссов. Московская хроника. 1584—1613. М.—Л., 400 с.

Конрад Буссов и его Хроника. Там же, с. 5—62.

Ога. ред. В. Н. Бернадский. Новгород и Новгородская земля в XV в. М.—Л., 394 с.

Предисловие. Там же, с. 3—8.

1962

Заметки о феодальной Руси XIV—XV вв. История СССР, № 2, с. 138—161; № 3, с. 137—162.

Ога. ред. А. Г. Маньков. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в. М.—Л., 422 с.

451

Очерки социально-экономических отношений Руси XII—XIII ввек. М.—Л., 364 с.

Отв. ред. Краткая история СССР. В двух частях. Ч. I. М.—Л., 536 с.
Раннефеодальные государства Закавказья и Средней Азии. Древнерусское государство. Там же, гл. II, с. 31—75. [Раздел «Культура Древней Руси» написан Д. С. Лихачевым].

Монгольское завоевание. Феодальная раздробленность. Там же, гл. III, с. 76—107.

Некоторые вопросы методологии исторического исследования в трудах В. И. Ленина. В кн.: Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. Труды ЛОИИ, в. 5, М.—Л., с. 7—19.

Максим Грек и митрополит Макарий. В сб.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сборник статей к 70-летию акад. М. Н. Тихомирова, М., с. 173—180.

Отв. ред. Н. Б. Греков. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М., 374 с.

1964

Загадка Волоколамска. История СССР, № 3, с. 246.

Уставление татьбы. В сб.: Исследования по отечественному источниковедению. Сборник статей, посвященных 75-летию проф. С. Н. Валка (Труды ЛОИИ, в. 7), с. 488—499.

1965

Отв. ред. A short history of the USSR: Part I. Moscow, 335 p.

The Early Feudal States of the Transcaucasus and Central Asia. The Ancient Russian State. A short history... pp. 24—47.

The Mongol Conquests. Swedes and Teutons Invade Russia. Feudal Disunity. A short history... pp. 54—71.

1966

Отв. ред. Н. И. Смирнов, А. Г. Майков, Е. П. Подъяпольская, В. В. Мавродий. Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. М.—Л., 327 с.

Крестьянская война 1606—1607 гг. Там же, с. 6—93.

Рец. Северный Кавказ XVI—XVII вв. в новом освещении. (Е. Н. Кушева. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI—30-е годы XVII в. М., 1963, 371 с.). История СССР, № 1, с. 184—185.

Из истории восстания Болотникова. (Поволжские отписки, найденные В. И. Корецким, и «правительство» «царя Димитрия»). История СССР, № 3, с. 67—78.

Отв. ред. Compendio de historia de la URSS. Primera parte. Moscu, 350 p.
Los primeros Estados feudales de Transcaucasia y Asia Central. El antiguo Estado ruso, pág. 24—48.

Las conquistas de los mongoles. La invasion de tierras rusas por los suecos y los alemanes. El fraccionamiento feudal, pág. 55—73.

Находятся в печати

Крестьянские войны и их место в истории России. В сб.: Россия и этапы мирового прогресса. (Сборник в честь Л. В. Черепнина).

Илейка Муромец и Василий Шуйский. История СССР.

Рукописи

Русская культура IX—XVI вв.

Составила Г. А. Победимова.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ЛАЗ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией имп. Академии наук, тт. 1—4, СПб., 1836.
- ЛВПР — Архив внешней политики России.
- ЛЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией, тт. 1—5, СПб., 1846—1853.
- ЛН — Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией, тт. 1—5, СПб., 1841—1842.
- Акты Юшкова — Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества, собрал и издал А. Юшков. М., 1898.
- ЛСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. [в 3 томах], М., 1952—1964.
- ЛФЭХ — Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв., чч. 1—3, М., 1951—1961.
- ЛАН — Библиотека Академии наук СССР.
- ЛАНМК — Государственная академия истории материальной культуры.
- ЛАО — Государственный архив Калининской области.
- ЛБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина.
- ЛВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка. М.—Л., 1949.
- ЛГМ — Государственный исторический музей.
- ЛКЭ — Грамоты Коллегии экономии.
- ЛПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
- ЛДИ — Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией, тт. 1—12, СПб., 1846—1875.
- ЛДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв., М.—Л., 1950.
- ЛДВ — Древняя российская вифлофика.
- ЛДРК — Древнейшая разрядная книга официальной редакции. (По 1565 г.). М., 1901.
- ЛЖМП — Журнал Министерства народного просвещения.
- Кр. война — Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов, тт. I—III. М., 1954—1962.
- ЛГИА — Ленинградский государственный исторический архив.
- ЛГПИ — Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Горького.
- ЛГУ — Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова.

ЛЗАК	— Летопись залятий Археографической комиссии, вып. 1—35, СПб., 1862—1929.
ЛОНИ	— Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР.
МГИАН	— Московский государственный историко-архивный институт.
НПК	— Новгородские писцовые книги, издаваемые Археографической комиссией. СПб., 1859—1915.
НПЛ	— Новгородская первая летопись старшего и младшего извода. М.—Л., 1950.
ОР	— Отдел рукописей.
ОРЯС	— Отделение русского языка и словесности Академии наук.
ПИЯЛИ	— Петрозаводский институт языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР.
ПКМГ	— Писцовые книги Московского государства. СПб., 1872—1877.
ПРП	— Памятники русского права, вып. 1—8, М., 1952—1963.
ПСЗ	— Полное собрание законов Российской империи.
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей.
РИБ	— Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией, т. 1—39, СПб., 1872—1927.
Сб. РИО	— Сборник Русского исторического общества, тт. 1—148, 1867—1916.
РО	— Рукописный отдел.
СГГД	— Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1813—1894.
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов.
ЦГА КАСР	— Центральный государственный архив Карельской АССР.
ЦГИА	— Центральный государственный исторический архив СССР.
ЧОИДР	— Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От редакции	3
С. Н. Валк. Иван Иванович Смирнов	5
Л. В. Черенкин. Новые документы о классовой борьбе в Новгородской земле в XIV—первой половине XV в.	42
А. А. Зимин. Отпуск холопов на волю в Северо-Восточной Руси XIV—XV вв.	55
Ю. Г. Алексеев. Черная волость Костромского уезда XV в.	72
И. А. Голубцов. О происхождении выражения «авось» по крестьянским документам XV—начала XVI в.	85
Г. А. Победимова. О некоторых формах кредитования крестьян Иосифо-Волоколамского монастыря в первой половине XVI в.	91
Л. С. Прокофьева. «Хлебный бюджет» крестьянского хозяйства Велозерского края в середине XVI в.	98
С. О. Шмидт. О Московском восстании 1547 г.	114
Н. Е. Носов. Земская реформа на русском Севере XVI в. (Об отмене кормлений и введении земских учреждений)	131
Р. Г. Скрынников. Опричный разгром Новгорода	157
В. М. Панях. О социальном составе каменных холопов в конце XVI в.	172
А. Н. Копанев. Песемледельческая волость в XVI—XVII вв.	176
Т. В. Старостина. Шуерецкая волость в XVI—XVII вв.	195
В. И. Корецкий. К истории восстания Хлопка (новые материалы)	
И. С. Шенделев. Место и характер движения И. М. Заруцкого в период Крестьянской войны и польско-шведской интервенции (до ухода его из-под Москвы) 1606—1612 гг.	223
Д. И. Петрикеев. Барщина на поташных предприятиях боярина Б. И. Морозова	239
А. П. Прохштейн. К истории похода отряда Василия Уса к Москве в 1666 г.	250
А. Г. Маньков. Круги в разинском войске и вопрос о путях и цели его движения	264
А. А. Преображенский. Урал и Западная Сибирь в годы Крестьянской войны под предводительством С. Т. Разина	280
Н. А. Казакова. Неизданные грамоты о восстании Степана Разина	294
А. Л. Шаниро. Возмущения старорусских крестьян в 1671 г.	300

К. Н. Сербина. Борьба крестьян с заводчиками во второй половине XVII в.	319
В. И. Буганов. Новый источник о волнениях крестьян Ростовского уезда в 1682 г.	329
Г. Н. Образцов. Из истории закрепощения крестьян на Севере (по материалам Антониево-Сийского монастыря)	333
Е. Н. Кушева. Эпизод классовой борьбы солдат, крестьян и холопов на рубеже XVII—XVIII вв.	348
Л. Н. Семенова. Борьба старорусских крестьян за изменение форм феодальной ренты в первой трети XVIII в.	356
И. П. Шаскольский. Волнения приписных крестьян Заонежья в 40-х годах XVIII в.	370
Т. П. Бондаревская. Беглые крестьяне Среднего Поволжья в середине XVIII в.	385
В. В. Мавродин. Об участии колонистов Поволжья в восстании Пугачева	400
Г. И. Семенов. Политика царизма в Казахстане до начала Крестьянской войны 1773—1775 гг. (Царизм и феодальная верхушка казахского общества)	414
Список научных трудов И. И. Смирнова	447
Список сокращений	453

**Крестьянство и классовая борьба
в феодальной России**

*Утверждено к печати
Ленинградским отделением
Института истории*

Редактор издательства *К. И. Кочергин*
Художник *М. И. Разулевич*
Технический редактор *А. П. Чистикова*
Корректоры *Е. В. Вишар, Э. В. Коваленко и Ф. Я. Петрова*

Сдано в набор 24/XI 1966 г. Подписано к печати 17/IV 1967 г. РИСО АН СССР № 75а—99В. Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Бум. л. 14¹/₁₆. Печ. л. 28¹/₂ + 1 вкл. (1/2 печ. л.) = 28¹/₂ усл. печ. л. Уч.-изд. л. 30.82. Изд. № 3172. Тип. ван. 1358. М-24681. Тираж 1800. Бумага типографская № 2. Цена 2 р. 06 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука». Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
101	26 сверху	книг	книги
109	17 снизу	по четв.,	по 5 четв.,
294	21 »	самодержца	самодержца»

Крестьянство и классовая борьба.